

ANNALES CONTEMPORAINES

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПИСКИ**

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ**

V

1921

ПАРИЖЪ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ,

издаваемый при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
А. И. Гуковского и В. В. Руднева.

V

ПАРИЖЪ.

—

5 Іюня 1921 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Гр. Алексѣй Н. Толстой. — ХОЖДЕНІЕ ПО МУКАМЪ. (Романъ). Гл. XXVIII—XXXIV	1
2. Георгій Гребенщикова. — ЧУРАЕВЫ. (Романъ). Часть I. Гл. I—IV.	38
3. С. Р. Минцловъ. — ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ. Очеркъ первый .	74
4. К. Бальмонтъ. — ВСТРѢЧА. (Стихотвореніе)	94
5. Максимилианъ Волошинъ. I. ІЕЗЕКИЛЬ. II. ПРЕСУЩЕСТВЛЕНІЕ. (Стихотворенія)	99
6. Л. Шестовъ. — О КОРНЯХЪ ВЕЩЕЙ.	104
7. М. А. Алдановъ. — ДВА ЭТЮДА: I. ЭРИХЪ ЛЮДЕНДОРФЪ. II. ЖОРЖЪ КЛЕМАНСО	143
8. Ст. Ивановичъ. — ЦАРСТВО СОЦІАЛЬНОЙ ИЛЛЮЗИИ	171
9. К. Качоровскій. — КРЕСТЬЯНСТВО И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.	201
10. Дюноа. — БРОЖЕНІЕ ВЪ ИНДИИ	232
11. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. — М. Цетлякъ: О НОВОМЪ РОМА- НЪ МЕРЕЖКОВСКАГО. — Л. Соговъ: БЕССАРАБІЯ И РОС- СІЯ. (Письмо изъ Бессарабіи). — Л. Немановъ: АЗЕРБЕЙ- ДЖАНЪ И РОССІЯ. — М. Л. Гошиллеръ: КРИЗИСЪ ФРАН- ЦУЗСКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ. — В. Брейтвойтъ: ТРИ ДЕКРЕТА	254
12. В. Рудневъ. — ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	294
13. М. В. Вишнякъ. НА РОДИНѢ. I. Эпоха великихъ реформъ рабоче- крестьянскаго правительства. — Уступки «крестьянскому сословию». — Милости рабочимъ. — Итоги реформъ. — Экономика и политика. — Назадъ, къ Дюрингу. — II. Историческое пріятіе по-октябрьскаго пе- риода революціи. — Панлогизмъ меньшевиковъ и алогизмъ большеви- ковъ. — Генеалогическое родство и политическое сходство. — Иллюзія, парализующая волю. — III. «Историческая цѣльность русской смуты». — Отпавше о ушедше отъ революціи. — Плоды октября и корни марта. — «Умѣренные социаллисты», какъ источникъ зла. — IV. Проекція будущаго. — Мирная эволюція. — Нео-реставрація. — Термидоръ. — Бонапартизмъ — Условное рѣшеніе. — «Война роялистамъ и террори- стамъ, какъ условіе возстановленія Россіи	329
14. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. — А. Аргуновъ: К. Н. Со- коловъ, «Правленіе генерала Деникина». — Б. Шледеръ: Сергѣй Булгаковъ, «На пиру боговъ»; Рабиндранатъ Тагоръ, «Домъ и Міръ» — Б. Ш.: Ж. Рони (Старшій), «Факелы и плошки». — М. Вишнякъ: «Архивъ Русской Ре- волюціи», издаваемый I. В. Гессеномъ. — С. Карцевскій: Юрій Никольскій, «Тургеневъ и Достоевскій»	359

ПОПРАВКА

На стр. 281, въ статьѣ М. Л. Гошиллера. пропущены заголовки къ таблицѣ которую слѣдуетъ читать такъ:

Число синдикатовъ.	Общее число рабочихъ въ мѣстности или области, гдѣ находится синдикатъ.	Число рабочихъ не принявшихъ участіе въ стачкѣ.	Число забастовщиковъ въ первый день стачки.	Число забастовщиковъ, вставшихъ на работу во время забастовки.	Число забастовщиковъ выдержавшихъ забастовку до конца.
96	170.000	15.000	155.000	35.000	120.000
85	436.000	303.000	133.000	129.000	4.000
227	53.000	53.000	—	—	—
73	Не отвѣтили.	Всѣ работали.	—	—	—
480	659.000	371.000	288.000	164.000	124.000

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМЪ.

РОМАНЪ

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!...

(Слово о подку Игоревъ).

(Продолженіе). *)

XXVIII.

Пустынны и печальны Карпаты въ осенній, вѣтряный вечеръ. Тревожно и смутно было на душѣ у бѣглецовъ, когда по извилистой, вымытой дождями до камня, бѣловатой дорогѣ они взобрались на переваль. Три, четыре оголенные до вершины, высокія сосны покачивались надъ обрывомъ. Внизу, въ закурившемся туманѣ, почти невидимый глухо шумѣлъ лѣсъ. Еще глубже, на днѣ пропасти, ворчалъ и плескался многоводный лотокъ, грохоталъ камнями.

За стволами сосенъ, далеко за лѣсистыми, пустынными вершинами горъ, среди свинцовыхъ тучъ свѣтилась длинная, тускло багровая шель заката. Вѣтеръ дулъ вольно и сильно на этой высотѣ, насвистывалъ въ ушахъ забытымъ воспоминаніемъ, хлопалъ кожей автомобильнаго фартука.

Бѣглецы сидѣли молча. Телѣгинъ разсматривалъ карту, Мельшинъ, облокотясь о руль, глядѣлъ въ сторону заката. Голова его была забинтована тряпкой.

— Что-же намъ съ автомобилемъ дѣлать? — спросилъ онъ негромко, — бензина нѣтъ.

---

*) См. №№ 1, 2, 3 и 4 «Современныхъ Записокъ».

— Машину такъ оставлять нельзя, сохрани Богъ, — отвѣтилъ Телѣгинъ.

— Спихнуть ее подъ кручу, только и всего. — Мельшинъ, крякнувъ, спрыгнувъ на дорогу, потопаль ногами, разминаясь, и сталъ трясти Жукова за плечо. — Эй, капитанъ, будетъ тебѣ спать, пріѣхали.

Жуковъ, не раскрывая глазъ, выѣзъ на дорогу, споткнулся и сѣлъ на камушекъ, — опять уронилъ голову. Въ него пришлось влить коньяку. Иванъ Ильичъ вытащилъ изъ автомобиля кожаные плащи и погребецъ съ провизіей, приготовленной судьямъ для обѣда въ «Гнилой Ямъ». Провизію разложили по карманамъ, надѣли плащи и, взявшись за крылья машины, покатали ее къ обрыву.

— Сослужила, матушка, службу, — сказала Мельшинъ, — ну-ка — навались. Разомъ. Еще разъ!

Переднія колеса повисли надъ пропастью. Пыльно-сѣрая, длинная машина, обитая кожей, окованная бронзой, послушная, какъ живое существо, осѣла, накренилась и вмѣстѣ съ камнями и щебнемъ рухнула внизъ; на выступѣ скалы зацѣпилась, затрещала, перевернулась и со все увеличивающимся грохотомъ летящихъ каменій и осколковъ желѣза загудѣла внизъ, въ потокъ. Отозвалось эхо и далеко покатилося по туманнымъ ущельямъ.

Бѣглецы свернули въ лѣсъ и пошли вдоль дороги. Говорили мало, шопотомъ. Было теперь совсѣмъ темно. Надъ головами важно шумѣли сосны, и шумъ ихъ былъ подобенъ падающимъ въ отдаленіи водамъ, — суровый и вѣковѣчный.

Время отъ времени Телѣгинъ спускался на шоссе смотрѣть верстовые столбы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ предполагался военный постъ, сдѣлали большой обходъ, перелѣзли черезъ нѣсколько овраговъ, въ темнотѣ натыкались на поваленныя деревья, на горные ручьи, — промокли и ободрались. Шли всю ночь. Одинъ разъ подъ утро послышался шумъ автомобиля, — тогда они легли въ канаву, автомобиль проѣхалъ неподалеку, были даже слышны голоса.

Утромъ бѣглецы выбрали мѣсто для отдыха въ глухой, лѣсной балкѣ, у ручья. Поѣли, опорожнились до половины

фляжку съ коньякомъ, и Жуковъ попросилъ обрить его найденной въ автомобилѣ бритвой. Когда были сняты борода и усы, у него неожиданно оказался дѣтскій подбородокъ и припухшія, большія губы, — кувшинное рыло. Телѣгинъ и Мельшинъ долго хохотали, указывая на него пальцами. Жуковъ былъ въ восторгѣ, мычалъ и моталъ губами,—онъ просто оказался пьянь. Его завалили листьями и велѣли спать.

Послѣ этого Телѣгинъ и Мельшинъ, разложивъ на травѣ карту, срисовали каждый для себя маленькій топографическій снимокъ. На завтра рѣшено было раздѣлиться: — Мельшинъ съ Жуковымъ пойдутъ на Румынію, Телѣгинъ свернетъ на Галицію. Большую карту зарыли въ землю. Нагребли листьевъ, зарылись въ нихъ и сейчасъ-же уснули.

Это было въ третій часъ пополудни. Надъ балкой, высоко на скалѣ, стоялъ человекъ, опершись на ружье, — часовой, охраняющій мостъ. Вокругъ, у ногъ его, въ лѣсной пустынѣ было тихо, лишь тяжелый тетеревъ пролеталъ черезъ поляну, задѣвая крыльями объ ельникъ, да гдѣ-то однообразно, не спѣша, падала вода. Часовой постоялъ и отошелъ, вскинувъ ружье.

Когда Иванъ Ильичъ открылъ глаза — была ночь; между черныхъ, неподвижныхъ вѣтвей свѣтились звѣзды, — онѣ были большія и ясныя, переливающіяся небесной влагой.

Онъ привсталъ, оглянулся и вновь легъ на спину. Ночь была тихая, булькала въ темнотѣ ручеекъ. Иванъ Ильичъ началъ припоминать вчерашній день, но ощущение душевнаго напряженія на судѣ и во время побѣга было столь болѣзненно, что онъ отогналъ отъ себя эти мысли, и опять сталъ смотрѣть въ небо.

Надъ головой его въ небольшомъ созвѣздіи сіяла голубымъ свѣтомъ звѣзда. Тысячу лѣтъ тому назадъ побѣжалъ отъ нея этотъ голубой лучикъ, и вотъ упалъ въ глаза, коснулся сердца Ивана Ильича. И эта звѣзда, и млечный путь, и безчисленные созвѣздія—лишь песчинка въ небесномъ океанѣ; а тамъ, гдѣ-то, еще есть черные, угольные мѣшки, провалы въ вѣчность. И всѣ эти звѣзды и черныя бездны — въ немъ, въ го-

рячемъ сердцѣ Ивана Ильича, бьющемся, — такъ-такъ, такъ-такъ, — среди сухихъ листьевъ.

Должно-быть нужна была звѣздная пыль съ милліона міровъ, чтобы создать этотъ живой комочекъ сердца, и жить въ оно оттого, что хотеть любить. И такъ-же, какъ таинственный, неощутимый свѣтъ звѣздъ льется на землю, такъ сердце шлетъ навстрѣчу имъ свой незримый свѣтъ, — тоску по любви, и не хотеть вѣрить, что оно — мало, смертно. Это была минута божественной важности.

— Вы не спите, Иванъ Ильичъ? — спросилъ тихій голосъ Мельшина.

— Нѣтъ, давно не сплю. Вставайте, будите капитана. Надо собираться.

Черезъ часъ Иванъ Ильичъ шагаль одинъ вдоль бѣлѣющей въ темнотѣ дороги.

XXIX.

На десятые сутки Телѣгинъ достигъ прифронтовой полосы. Все это время онъ шель только по ночамъ, съ началомъ дня забирался въ лѣсъ, а когда пришлось спуститься на равнину, выбираль для ночлега мѣстечко подальше отъ жилья. Питался овощами, таскаль ихъ съ огородовъ.

Ночь была дождливая и студеная. Иванъ Ильичъ пробирался по шоссе между идущими на западъ санитарными фурами, полными раненыхъ, телѣгами съ домашнимъ добромъ, толпами женщинъ и стариковъ, тащившими на рукахъ дѣтей, узлы и утварь.

На встрѣчу, на востокъ, двигались военные обозы и воинскія части. Было странно подумать, что прошелъ четырнадцатый и пятнадцатый и кончается шестнадцатый годъ, а все такъ-же по разбитымъ дорогамъ скрипятъ обозы, бредутъ въ покорномъ отчаяніи жители изъ сожженныхъ деревень. Лишь теперь огромныя воинскія лошади — едва волочатъ ноги, солдаты — ободрались и помельчали, толпы бездомныхъ людей — молчаливы и равнодушны. А тамъ, на востокѣ, откуда рѣзкій вѣтеръ гонить низкія облака, все еще бьютъ и бьютъ

люди людей, переставшихъ уже быть врагами, и не могутъ истребить другъ друга.

На топкой низинѣ, на мосту, черезъ вздувшуюся рѣчку шевелилось въ темнотѣ огромное скопище людей и телѣгъ. Громыхали колеса, шелкали бичи, раздавались крики команды, двигалось множество фонарей, и свѣтъ ихъ падалъ на крутящуюся между сваями, мутную воду.

Скользя по скату шоссе, Иванъ Ильичъ добрался до моста. По нему проходилъ военный обозъ. Раньше дня нечего было и думать пробраться на ту сторону.

При взѣздѣ на мостъ лошади присѣдали въ оглобляхъ, цѣплялись копытами о размокшія доски, едва выворачивали груженные воза. Съ краю, у взѣзда, стоялъ всадникъ въ развѣваемомъ вѣтромъ плащѣ, держалъ въ рукѣ фонарь и кричалъ хрипло. Къ нему подошелъ старикъ, сдернулъ картузикъ,— что-то, видимо, просилъ. Всадникъ, вмѣсто отвѣта, ударилъ его въ лицо рукоятью сабли, и старикъ повалился подъ колеса.

Дальній конецъ моста тонулъ въ темнотѣ, но по пятнамъ фонарей казалось, что тамъ — тысячи бѣглецовъ. Обозъ продолжалъ медленно двигаться. Иванъ Ильичъ стоялъ, прижатый къ телѣгѣ,—въ ней въ накинутаго одѣялѣ сидѣла худая женщина съ висящими на глазахъ волосами. Одною рукой она обхватила птичью клѣтку, въ другой держала вожжи. Вдругъ обозъ сталъ. Женщина съ ужасомъ обернула голову. Съ той стороны моста выросталъ гулъ голосовъ, быстрые двигались фонари. Что-то случилось. Дико, по-звѣриному, завизжала лошадь. Чей-то протяжный голосъ крикнулъ: «Спасайся». И сейчасъ-же ружейный залпъ рванулъ воздухъ. Шарахнулись лошади, затрещали телѣги, завыли, завизжали женскіе, дѣтскіе голоса.

Направо, издалека, мелькнули рѣдкія искорки, донеслись отвѣтные выстрѣлы. Иванъ Ильичъ влѣзъ на колесо, всматриваясь. Сердце колотилось, какъ молотокъ. Стрѣляли, казалось, отовсюду, по всей рѣкѣ. Женщина съ клѣткой полѣзла съ воза, задралась юбкой и упала: «Ой, ратуйте!», — басомъ закричала она. Клѣтка съ птицей покатила подъ откосъ.

Съ криками и трескомъ обозъ снова двинулся черезъ мостъ на-рысяхъ. «Стой, стой!» — донеслись сейчасъ-же надрывающіеся голоса. Иванъ Ильичъ увидѣлъ, какъ большая повозка накренилась къ краю моста, перевалилась черезъ перила и рухнула въ рѣку. Тогда онъ соскочилъ съ колеса, перепрыгивая черезъ брошенные узлы, догнавъ обозъ и бросился ничкомъ на идущую телѣгу. Сейчасъ-же въ голову ему ударилъ сладкій запахъ печенаго хлѣба. Иванъ Ильичъ просунулъ руку подъ брезентъ, отломилъ отъ каравая горбушку и, задыхаясь отъ жадности, сталъ ѣсть.

Въ суматохѣ, среди выстрѣловъ, обозъ перешелъ, наконецъ, на ту сторону моста. Иванъ Ильичъ спрыгнулъ съ телѣги, пробрался между экипажами бѣглецовъ на поле и пошелъ вдоль дороги. Изъ отрывочныхъ фразъ, уловленныхъ изъ темноты, онъ понялъ, что стрѣльба была по непріятельскому, то-есть русскому, разѣзду. Стало-быть, линія фронта верстахъ въ десяти, не дальше, отъ этихъ мѣстъ.

Нѣсколько разъ Иванъ Ильичъ останавливался — перевести духъ. Идти было трудно противъ вѣтра и дождя. Ноги ломило въ колѣняхъ, лицо горѣло, глаза воспалились и припухли. Наконецъ, онъ сѣлъ на бугоръ канавы и опустил голову въ руки. За шею текли ледяныя капли дождя, все тѣло болѣло, какъ переѣханное колесами.

Въ это время до слуха его дошелъ круглый, глухой звукъ, точно гдѣ-то далеко провалилась земля. Черезъ минуту возникъ второй такой-же вздохъ ночи. Иванъ Ильичъ поднялъ голову, вслушиваясь. Онъ различилъ между этими глубокими вздохами глухое ворчаніе, то затихающее, то вырастающее въ сердитые перекаты. Звуки доносились не съ той стороны, куда Иванъ Ильичъ шелъ, а слѣва, почти со стороны противоположной.

Онъ пересѣлъ на другую сторону канавы; теперь ясно были видны низкія, рваныя облака, летящія въ небѣ, грязномъ и желѣзномъ. Это былъ разсвѣтъ. Это былъ востокъ. Тамъ была Россія.

Иванъ Ильичъ поднялся, затянулъ поясъ и, разѣзжаясь

ногами по грязи, пошелъ въ ту сторону черезъ мокрѣя жнивья, канавы и полузавалившіеся остатки прошлогоднихъ окоповъ.

Когда совсѣмъ разяснѣло, онъ опять увидѣлъ въ концѣ поля шоссеюную дорогу, полную людей и экипажей. Онъ остановился, оглядываясь. Въ сторонѣ, подъ огромнымъ наполовину облетѣвшимъ деревомъ, стояла бѣлая часовенка. Дверь была сорвана, на круглой крышѣ и на землѣ валялись вялые листья.

Иванъ Ильичъ рѣшилъ здѣсь подождать сумерекъ, зашелъ въ часовенку и легъ на зеленый отъ мха полъ, лицомъ къ стѣнѣ. Нѣжный и пронзительный запахъ листьевъ туманилъ голову. Издалека доносились громыханіе колесъ и удары бичей. Эти шумы казались удивительно пріятными, и вдругъ провалились. На глаза точно надавили пальцами. Въ свинцовой тяжести сна понемногу появилось живое пятнышко. Оно словно силилось стать сновидѣніемъ, но не могло. Усталость была такъ велика, что Иванъ Ильичъ мычалъ, крутя головой, и поглубже зарывался въ мягкую бездну сна. Но пятнышко появлялось снова, тревожило, будто что-то случилось, — душа заливалась слезами. Сонъ становился все тоньше, и опять загромыхали вдалькѣ колеса. Иванъ Ильичъ сѣлъ, оглядываясь. Въ дверь были видны плотныя, плоскія тучи; солнце, склонившись къ закату, протянуло широкіе лучи подъ ихъ свинцово-мокрыми днищами. Жидкое пятно свѣта легло на ветхую стѣну часовенки, освѣтило склоненное лицо деревянной, полинявшей отъ времени, Божьей Матери въ золотомъ вѣнчикѣ; Младенецъ, одѣтый въ ветхія ризки, лежалъ у Нея на колѣняхъ, благословляющая рука Его была отломана.

Иванъ Ильичъ перекрестился мелкимъ крестикомъ и вышелъ изъ часовни. На порогѣ ея, на каменной ступени, сидѣла молодая, свѣтловолосая женщина съ ребенкомъ на колѣняхъ. Она была одѣта въ бѣлую, забрызганную грязью, свитку. Одна рука ея подпирала щеку, другая лежала на пестромъ одѣяльцѣ младенца. Она медленно подняла голову, взглянула на Ивана Ильича, — взглядъ былъ свѣтлый и странный, —

исплаканное лицо ея дрогнуло, точно улыбнулось, и тихимъ голосомъ, просто, она сказала по-русски:

— Умеръ мальчикъ-то.

И опять склонила лицо на ладонь. Телѣгинь нагнулся къ ней, погладилъ по головѣ, — она порывисто вздохнула, и слезы полились по ея лицу.

— Пойдемте. Я его понесу, — сказалъ онъ ласково. Женщина качнула головой:

— Куда я пойду. Идите съ Богомъ одни, панъ добрый.

Иванъ Ильичъ постоялъ еще съ минуту, дернулъ картузь на глаза и отошелъ. Въ это время изъ-за часовни рысью выѣхали два австрійскихъ полевыхъ жандарма, въ мокрыхъ и грязныхъ капотахъ, усатые и сизые. Проѣзжая, они оглянулись на Ивана Ильича, сдержали лошадей, и тотъ изъ нихъ, кто былъ впереди, крикнулъ хрипло: — Подойди.

Иванъ Ильичъ приблизился. Жандармъ, нагнувшись съ сѣдла, внимательно ошупалъ его карими глазами, воспаленными отъ вѣтра и бессонницы, — вдругъ они блеснули радостно:

— Русскій! — крикнулъ онъ, хватая Телѣгина за воротникъ. Иванъ Ильичъ не вырвался, только усмѣхнулся криво.

Телѣгина отвели версты за три и заперли въ сараѣ. Была уже ночь. Явственно доносился гулъ орудійной стрѣльбы. Сквозь щели былъ виденъ тускло-красный свѣтъ зарева на востокѣ. Иванъ Ильичъ доѣлъ остатокъ хлѣба, взятаго давеча съ воза, походилъ вдоль досчатыхъ стѣнъ, осматривая — нѣтъ-ли гдѣ лаза, споткнулся на тюкъ пресованнаго сѣна, зѣвнулъ и легъ. Но заснуть ему не пришлось, — послѣ полуночи гдѣ-то неподалеку начали бухать четыре орудія. Красноватая вспышка проникали сквозь щели сарая. Иванъ Ильичъ привсталъ, прислушиваясь. Промежутки между очередями уменьшались, дрожали стѣны сарая, и вдругъ совсѣмъ близко затрещали частые ружейные выстрѣлы.

Ясно, что бой приближался. За стѣной послышались встревоженные голоса, запыхтѣлъ автомобиль. Протопало множе-

ство ногъ. Чье-то тяжелое тѣло ударилось снаружи о доски сарая. И тогда только Иванъ Ильичъ различилъ, какъ въ стѣну точно бьютъ горохомъ. Онъ сейчасъ-же легъ на землю, за тюкъ сѣна.

Даже здѣсь, въ сараѣ, пахло пороховымъ дымомъ. Стрѣляли безъ перерыва, очевидно — русскіе наступали со страшной быстротой. Но эта буря раздирающихъ душу звуковъ продолжалась недолго. Послышались лопающіеся удары, — разрывы ручныхъ гранатъ, точно давили орѣхи. Иванъ Ильичъ вскочилъ, заметался вдоль стѣны. Неужели отобьютъ? И, наконецъ, раздался хрипло-пронзительный ревъ, визгъ, топотъ. Сразу стихли выстрѣлы. Рванулось нѣсколько гранатъ. Въ долгую секунду тишины были слышны только удары въ мягкое, желѣзный лязгъ. Затѣмъ испуганно закричали голоса:—«Сдаемся, русь, русь!..»

Отодравъ въ двери щепу, Иванъ Ильичъ увидѣлъ бѣгушія фигуры, — онѣ закрывали головы руками. Справа на нихъ налетѣли огромныя тѣни всадниковъ, врѣзались въ толпу, закрутились. — Стой, стой, сдаемся! — кричали бѣгушіе... Трое пѣшихъ повернули къ сараю. Вслѣдъ имъ рванулся всадникъ, безъ шапки, со взвившимся за спиною башлыкомъ. Лошадь — огромный звѣрь — храпя, тяжело поднялась на дыбы. Всадникъ, какъ пьяный, размахивалъ шашкой, ротъ его былъ широко разинутъ. И, когда лошадь опустила передъ, онъ со свистомъ ударилъ шашкой, и лезвіе, врѣзавшись, сломалось.

— Выпустите меня! — не своимъ голосомъ закричалъ Телѣгинъ, стуча въ дверь. Всадникъ осадилъ лошадь:

— Кто кричитъ?

— Плѣнный. Русскій офицеръ.

— Сейчасъ. — Всадникъ швырнулъ рукоять шашки, нагнулся и отодвинулъ засовъ. Иванъ Ильичъ вышелъ, и тотъ, кто выпустилъ его, офицеръ дикой дивизіи, сказалъ насмѣшливо:

— Вотъ такъ встрѣча!

Иванъ Ильичъ всмотрѣлся:

— Не узнаю.

— Да — Сапожковъ, Сергѣй Сергѣевичъ. — И онъ захо-

хоталь рѣзкимъ, хриплымъ смѣхомъ. — А хорошо было дѣло, чортъ возьми! Жаль — шашку сломалъ.

XXX.

Послѣдній часть до Москвы поѣздъ съ протяжнымъ свистомъ катилъ мимо опустѣвшихъ дачъ; бѣлый дымъ его путался въ осенней листьѣ, въ прозрачно-желтомъ березнякѣ, въ пурпуровомъ осинникѣ, откуда пахло грибами. Иногда, къ самому полотну свисала багровая, лапчатая вѣтвь клена. Сквозь порѣдѣвшій кустарникъ виднѣлись кое-гдѣ стеклянные шары на клумбахъ, въ дачныхъ домикахъ — забытая ставни, на дорожкахъ, на ступеняхъ — покровъ изъ листьевъ.

Вотъ пролетѣлъ мимо полустанокъ, гдѣ два солдата съ котками, разинувъ рты, глядѣли на окна поѣзда, и на скамьѣ въ клѣтчатомъ пальтишкѣ сидѣла грустная, забытая Богомъ, барышня, чертя концомъ зонтика узоръ на мокрыхъ доскахъ платформы. Вотъ, за поворотомъ, изъ-за деревьевъ появился деревянный шитъ съ нарисованной бутылкой, — «Несравненная Рябиновая Шустова». Вотъ, кончился лѣсъ, и направо и налево потянулись длинныя гряды бѣло-зеленой капусты, у шлагбаума — возъ съ соломой и баба въ мужицкомъ полушубкѣ держитъ подъ уздцы упирающуюся сивую лошаденку. А вдали подъ длинной тучей уже видны были острые верхи башенъ и высоко надъ городомъ — пять сіяющихъ луковицъ Христа Спасителя.

Телѣгинъ лежалъ въ вагонномъ окошкѣ, вдыхая густой запахъ октября, запахъ листьевъ, прѣлыхъ грибовъ, дымка отъ горящей гдѣ-то соломы, и земли, на разсвѣтѣ хваченной морозцемъ.

Онъ чувствовалъ, какъ позади осталась трудная дорога двухъ мучительныхъ лѣтъ, и конецъ ея — въ этомъ чудесномъ, долгомъ часѣ ожиданія. Иванъ Ильичъ расчиталъ: ровно въ половинѣ третьяго онъ нажметъ пуговку звонка въ той единственной двери, — она ему представлялась свѣтло-дубовой, съ двумя окошечками наверху, — куда онъ притащился-бы и мертвый.

Огороды кончились, и съ боковъ дороги замелькали забрызганные грязью домишки предмѣстій, грубо мощенныя улицы съ грохочущими ломовыми, заборы и за ними сады съ древними липами, протянувшими вѣтви до середины переулковъ, пестрыя вывѣски, прохожіе, идущіе по своимъ, пустяковымъ дѣламъ, не замѣчая ни гремящаго поѣзда, ни его—Ивана Ильича — въ вагонномъ окошкѣ, внизу, въ глубину улицы побѣжавшій, какъ игрушечный, трамвай, заслоненная домою церковка, — Иванъ Ильичъ быстро перекрестился, — колеса застучали по стрѣлкамъ. Наконецъ, наконецъ, послѣ двухъ долгихъ лѣтъ, — поплылъ вдоль оконъ асфальтовый перронъ московскаго вокзала. Въ вагоны полѣзли чистенькіе и равнодушныя старички въ бѣлыхъ фартукахъ. Иванъ Ильичъ далеко высунулъ голову, вглядываясь. Глупости, онъ же не извѣщалъ о пріѣздѣ.

Держа въ рукѣ плохонькій, купленный на-спѣхъ въ Кіевѣ, чемоданчикъ, Иванъ Ильичъ вышелъ съ вокзала и не могъ — размѣялся: — шагахъ въ пятидесяти на площади стоялъ длинный рядъ извозчиковъ. Махая съ козелъ рукавицами, они кричали:

— Я подаю! Я подаю! Я подаю!

— Ваше здоровье, куда-же вы на пѣгую лѣзете, вотъ на вороной!

— Пожалуйте, пожалуйста, я васъ катаю!

— Куда прешъ, чортъ паршивый, осадил!

— Вотъ, на рѣзвой, на дудкахъ!

Лошади, осаженыя вожжами, топотали, хралѣли, взвизгивали. Крикъ стоялъ по всей площади. Казалось, еще немного, — и весь рядъ извозчиковъ налетитъ на вокзалъ.

Иванъ Ильичъ взобрался на очень высокую пролетку съ высокимъ сидѣньемъ; наглый, красивый мужикъ — лихачъ — съ ласковой снисходительностью спросилъ у него адресъ и для шику, сидя бокомъ и держа въ лѣвой рукѣ свободно брошенныя вожжи, запустилъ рысака, — дутыя шины запрыгали по булыжнику.

— Съ войны, ваше здоровье? — спросилъ лихачъ Ивана Ильича.

— Изъ плѣна, бѣжалъ.

— Да неужто? Ну, что, какъ у нихъ? Говорятъ — со всѣмъ ѣсть нечего. Эй, поберегись, бабушка... Национальный герой... Много бѣгутъ оттуда нашего брата, все отъ голода. Ломовой, берегись... Ахъ, невѣжа, нажрался ханжи... Ивана Трифоньча не знаете?

— Какого?

— Съ Разгуляя, карболовкой онъ, не то сѣрой торгуешь. Вчера ѣздилъ на мнѣ, плачетъ. Ахъ, исторія!.. Нажился на поставкахъ, денегъ дѣвать некуда, а жена его возьми — съ полячишкою третьяго дня и убѣжала. И убѣжала-то недалеко — въ Петровскій паркъ, къ Жану. На другой день наши извозчикъ всю Москву оповѣстили о происшествіи, Ивану-то Трифоньчу хоть на улицу не выходи, всѣ смѣются... Вотъ тебѣ и нажился, навороваль...

— Голубчикъ, скорѣе, пожалуйте, — проговорилъ Иванъ Ильичъ, хотя лихацкій высокій жеребецъ и безъ того, какъ вѣтеръ, летѣлъ по переулку, задирая отъ дурной привычки злую морду.

— Приѣхали, ваше здоровье, второй подъѣздъ. Тпру, Вася..

Иванъ Ильичъ быстро, съ трепетомъ, взглянулъ на шесть оконъ бѣлаго особняка, гдѣ покойно и чисто висѣли кружевные шторы, и спрыгнулъ у подъѣзда. Дверь была старая, рѣзная съ львиной головой на ручкѣ, и звонокъ не электрическій, а колокольчикъ. Нѣсколько секундъ Иванъ Ильичъ простоялъ, не въ силахъ поднять руки къ звонку, сердце билось рѣдко и больно. «Въ сущности говоря, ничего еще не извѣстно, — можетъ — дома никого нѣтъ, можетъ и не примутъ», — подумалъ онъ, и потянулъ мѣдную пуговку. Въ глубинѣ звякнулъ колокольчикъ. «Конечно, никого нѣту дома». И сейчасъ же послышались быстрые женскіе шаги. Иванъ Ильичъ растерянно оглянулся, — чернородая, веселая рожа лихаха подмигнула. Затѣмъ, звякнула цѣлочка, дверь приоткрылась и высунулось рябенькое лицо горничной.

— Здѣсь проживаетъ Дарья Дмитріевна Булавина? — кашлянувъ, проговорилъ Телѣгинъ.

— Дома, дома, пожалуйста, — ласково, нараспѣвъ, отвѣтила рябенъкая дѣвушка, — и барыня и барышня дома.

Иванъ Ильичъ, какъ во снѣ, вошелъ въ сѣни-галерею со стеклянной стѣной, гдѣ стояла полосатая отоманка и пахло шубами. Горничная отворила направо вторую дверь, обитую черной клеенкой, — въ полутемной, маленькой прихожей висѣли женскія пальто, передъ зеркаломъ лежали перчатки, косынка съ краснымъ крестомъ и пуховый платокъ. Знакомый, едва замѣтный, запахъ изумительныхъ духовъ исходилъ ото всѣхъ этихъ невинныхъ вещей.

Горничная, не спросивъ имени гостя, пошла докладывать. Иванъ Ильичъ коснулся пальцами пуховаго платка и вдругъ почувствовалъ, что связи нѣтъ между этой чистой, прелестной жизнью и имъ, вылѣзшимъ изъ кровавой каши. «Барышня, васъ спрашиваютъ»,—услышалъ онъ въ глубинѣ дома голосъ горничной. Иванъ Ильичъ закрылъ глаза, — сейчасъ раздастся громъ небесный, и, затрепетавъ съ головы до ногъ, услышалъ голосъ быстрый и ясный :

— Спрашиваютъ меня? Кто?

По комнатамъ зазвучали шаги. Они летѣли изъ бездны двухъ лѣтъ ожиданія. Въ дверяхъ прихожей изъ свѣта оконъ появилась Даша. Легкіе волосы ея золотились. Она казалась выше ростомъ и тоньше. На ней была вязаная кофточка и синяя юбка.

— Вы ко мнѣ?

Даша запнулась, ея лицо задрожало, брови взлетѣли, ротъ пріоткрылся, но сейчасъ-же тѣнь мгновеннаго испуга сошла съ лица, и глаза засвѣтились изумленіемъ и радостью.

— Это вы? — чуть слышно проговорила она, закинувъ локоть, стремительно обхватила шею Ивана Ильича и нѣжно-дрожащими губами поцѣловала его. Потомъ отстранилась и пальцемъ тронула глаза:

— Иванъ Ильичъ, идите сюда, — и Даша побѣжала въ гостиную, сѣла въ кресло, закрыла лицо руками и, пригнувшись къ колѣнямъ, заплакала:

— Ну, глупо, глупо, конечно... Сейчасъ пройдетъ, — прошептала она, изо всей силы вытирая глаза. Иванъ Ильичъ

стоялъ передъ ней, прижимая къ груди картузь. Вдругъ Даша, схватившись за ручки кресель, подняла голову:

— Иванъ Ильичъ, вы бѣжали?

— Убѣжалъ.

— Господи, ну?

— Ну, вотъ и... прямо сюда.

Онъ сѣлъ напротивъ въ кресло, картузь положилъ на столъ и глядѣлъ подъ ноги.

— Какъ-же это произошло? — съ запинкой спросила Даша.

— Въ общемъ, — обыкновенно.

— Было опасно?

— Да... То есть — не особенно.

Понемногу обоихъ начала опутывать застѣнчивость, какъ паутина; Даша тоже теперь опустила глаза:

— А сюда, въ Москву, давно пріѣхали?

— Только что съ вокзала.

— Я сейчасъ скажу кофе...

— Нѣтъ, не беспокойтесь... Я — сейчасъ въ гостиницу.

Тогда Даша чуть слышно спросила:

— Вечеромъ придете?

Поджавъ губы, Иванъ Ильичъ кивнулъ. Ему нечѣмъ было дышать. Онъ поднялся.

— Значить, я поѣду. Вечеромъ пріѣду.

Даша протянула ему руку. Онъ взялъ ея нѣжную и сильную руку и отъ этого прикосновенія стало горячо, кровь хлынула въ лицо. Онъ стиснулъ ея пальцы и пошелъ въ прихожую, но въ дверяхъ оглянулся. Даша стояла спиной къ свѣту и глядѣла исподлобья, странно, не ласково.

— Часовъ въ семь можно прійти, Дарья Дмитріевна? — Она кивнула. Иванъ Ильичъ выскочилъ на крыльцо и сказалъ лихачу:

— Въ гостиницу, въ хорошую, въ самую лучшую!

Сидя, откинувшись, въ пролеткѣ, засунувъ руки въ рукава пальто, онъ широко улыбался. Какія-то голубоватыя тѣни — людей, деревьевъ, экипажей — летѣли передъ глазами. Студеный, пахнушій русскимъ городомъ, вѣтерокъ холодилъ лицо.

Иванъ Ильичъ поднесъ къ носу ладонь, еще горѣвшую отъ Дашиного прикосновенія, и засмѣялся: «колдовство!»

Въ это-же время Даша, проводивъ Ивана Ильича, стояла у окна въ гостиной. Въ головѣ звенѣло, никакими силами нельзя было собраться съ духомъ, сообразить, — что-же случилось? Она крѣпко зажмурилась и вдругъ ахнула, побѣжала въ спальню къ сестрѣ.

Екатерина Дмитриевна сидѣла у окна, шила и думала. Услышавъ Дашины шаги, она спросила, не поднимая головы:

— Даша, кто былъ у тебя?

— Онъ.

Катя взглядѣлась, лицо ея дрогнуло.

— Кто?

— Онъ... Не понимаешь, что ли... Онъ... Иванъ Ильичъ.

Катя опустила шитье и медленно всплеснула руками.

— Катя, ты пойми, я даже не рада, мнѣ только страшно, — проговорила Даша глухимъ голосомъ.

XXXI.

Когда наступили сумерки, Даша начала вздрагивать отъ каждаго шороха, бѣжала въ гостиную и прислушивалась. Нѣсколько разъ раскрывала какую-то книжку, — приложение къ «Нивѣ», — все на одной и той-же страницѣ: ...«Маруся любила шоколадъ, который мужъ привозилъ ей отъ Крафта»... Кинувъ книжку, Даша подходила къ окну. Въ морозныхъ сумеркахъ вспыхнули два окна напротивъ въ домѣ, гдѣ жила актриса Чародѣева, — тамъ горничная въ чепчикѣ беззвучно накрывала на столъ; появилась худая, какъ скелетъ, Чародѣева въ накинутой на плечи бархатной шубкѣ, сѣла къ столу и зѣвнула, — должно-быть спала на диванѣ; налила себѣ супу и вдругъ задумалась, уставилась стеклянными глазами на вазочку съ увядшей розой. «Маруся любила шоколадъ», — сквозь зубы повторила Даша. Вдругъ — позвонили. У Даши кровь отлила отъ сердца. Но это принесли вечернюю газету. «Не придетъ», подумала Даша и пошла въ столовую, гдѣ горѣла

одна лампочка надъ бѣлой скатертью и тикали часы. Даша сѣла у стола: — «Вотъ такъ съ каждой секундой уходитъ жизнь. Когда-нибудь останутся только нѣсколько секундъ, -- разъ, два, три»...

Въ парадномъ опять позвонили. Задохнувшись, Даша опять вскочила и выбѣжала въ прихожую... Пришелъ сторожъ изъ лазарета, принесъ пакетъ съ бумагами. Тогда Даша ушла къ себѣ и легла на диванчикъ.

Иванъ Ильичъ не придетъ, конечно, и правъ: — ждала два года, а дождалась — слова не нашла сказать. Вмѣсто любви — пустое мѣсто.

Даша вытащила изъ-подъ шелковой подушки носовой платокъ и приложила къ глазамъ. Чувствовала, вѣдь, знала, что именно такъ это все и случится. За два года забыла Ивана Ильича, — любила своего какого-то, выдуманнаго, а пришелъ новый, чужой, — и черточки нѣтъ въ его лицѣ, за которое уцѣпилось-бы прежнее чувство.

«Ужасно, ужасно», — думала Даша. Ужасно было оттого, что все равно, — она это чувствовала, — придется притворяться влюбленной:—никто, ни одинъ человѣкъ не смогъ-бы оправдать ея измѣны.

Даша сѣла на диванъ и спустила ноги... «Онъ ничего не долженъ знать, и сама не смѣешь ни о чемъ думать. Люби. Не можешь, — все равно — люби».

Кусая уголокъ платка, Даша думала:

«Воли моей больше нѣтъ, теперь я его вся, съ мыслями, съ чувствами, съ тѣломъ. Что хочетъ—то пусть и дѣлаетъ».

И вдругъ ей стало спокойно: — «буду покорна, пусть любить какая есть». Даша вздохнула, поднялась съ дивана и, присѣвъ у зеркала, поправила волосы, припудрилась, чтобы не было замѣтно слезъ. Потомъ облокотилась и стала глядѣть на себя въ зеркало. Изъ овальной рамы смотрѣла на нее очень хорошенькая дѣвушка съ легкими волосами, съ грустнымъ личикомъ, съ дѣтскимъ, чуть-чуть припухшимъ ртомъ. Носикъ — тоненькій, вѣтряный. Глаза — большіе, ясные. Слишкомъ ужъ что-то ясные.

Вглядываясь, Даша придвинулась ближе... «Такъ-таки

ничего и не случилось, все ясно, благополучно. Ангель, чистый ангель. Ручка, шейка — голенькія, всѣ прелести скрыты и не скрыты... Ни въ чемъ не виновата...— Даша усмѣхнулась, зеркало подернулось дымкой. — Последнюю минутку доживаете, прощайте, выведутъ васъ на свѣжую воду... Глазки-то потемнѣютъ...»

Даша прислушалась, какъ словно медленный, горячій потокъ пошелъ по ея тѣлу. Ей было горячо и покойно. Она не замѣтила, какъ пріотворилась дверь и появилась рябенькая Лиза:

— Барышня, къ вамъ пришли.

Даша глубоко вздохнула, поднялась, — легко, точно не касаясь ногами пола, — и вошла въ столовую. Катя увидѣла Дашу первая и улыбнулась ей. Иванъ Ильичъ вскочилъ, мигнулъ точно отъ яркаго свѣта и выпрямился.

Одѣтъ онъ былъ въ новую, суконную рубаху, съ новенькимъ, черезъ одно плечо, снаряженіемъ, чисто выбрить и подстриженъ. Теперь особенно было замѣтно, какъ онъ высокъ ростомъ, подтянуть и широко въ плечахъ. Конечно, это былъ совсѣмъ новый человѣкъ. Взглядъ свѣтлыхъ глазъ его — твердъ, по сторонамъ прямого, чистаго рта — двѣ морщинки, двѣ черточки, — у Даши забилось сердце, она поняла, что это — слѣдъ смерти, ужаса и страданія. Его рука была сильна и холодна, какъ ледъ. Даша коротко вздохнула:

— Садитесь, Иванъ Ильичъ, — сказала она, подходя къ столу, — рассказывайте...

Она взяла стулъ и сѣла рядомъ съ Телѣгинымъ. Онъ положилъ руки на скатерть, стиснулъ ихъ и, поглядывая на Дашу, быстро, мелькомъ, началъ рассказывать о плѣнѣ и о побѣгѣ изъ плѣна. Даша, сидя совсѣмъ близко, глядѣла ему въ лицо, ротъ ея пріоткрылся.

Рассказывая, Иванъ Ильичъ слушалъ, какъ голосъ его звучитъ точно издалека, — чужой, и сами складываются слова, а онъ весь потрясенъ и взволнованъ тѣмъ, что рядомъ, касаясь его колѣна платьемъ, сидитъ невыразимое никакими словами существо, — дѣвушка, родная, жуткая, непонятная

совершенно, и пахнетъ отъ нея не то лѣсной полянкой, не то цвѣтами, — чѣмъ-то теплымъ, кружащимъ голову.

Иванъ Ильичъ рассказывалъ весь вечеръ. Даша переспрашивала, перебивала его, всплескивала руками, оглядывалась на сестру:

— Катюша, понимаешь, — приговорили его къ разстрѣлу, ты только вдумайся!..

Когда Телѣгинъ описывалъ борьбу за автомобиль, секундо-дочку, отдѣлявшую отъ смерти, рванувшуюся, наконецъ, машину, и вѣтеръ, кинувшійся въ лицо, — свобода, жизнь! — Даша страшно поблѣднѣла, схватила его за руку:

— Мы васъ никуда больше не отпустимъ.

Телѣгинъ засмѣялся:

— Призовутъ опять, ничего не подѣлаешь. Я только надѣюсь, что меня отчислятъ куда-нибудь на военный заводъ.

Онъ осторожно сжалъ ея руку. Даша стала смотрѣть ему въ глаза, вглядѣлась внимательно, на щеки ея взошелъ легкій румянецъ, она освободила руку:

— Почему вы не курите? Я вамъ принесу спичекъ.

Она быстро вышла и сейчасъ-же вернулась съ коробкой спичекъ, остановилась передъ Иваномъ Ильичемъ и начала чиркать спички, держа ихъ за самый кончикъ, онѣ ломались, — ну-ужъ и спички наша Лиза покупаетъ! — наконецъ, спичка зажглась, Даша осторожно поднесла къ папиросѣ Ивана Ильича огонекъ, освѣтившій съ низу ея нѣжный подбородокъ. Телѣгинъ закурилъ, жмурясь. Онъ не зналъ, что можно испытать такое счастье, закуривая папиросу.

Катя за все это время молча слѣдила за Дашей и Телѣгинымъ. Ей было невыносимо грустно и она сдерживалась, чтобы не заплакать. Изъ памяти ея не выходилъ, не забытый, какъ она надѣялась, совсѣмъ не забытый милый юноша Рошинъ: — онъ такъ-же сидѣлъ съ ними за столомъ и такъ-же, однажды, она принесла ему спичекъ и сама зажгла, не сломавъ ни одной.

Въ полночь Телѣгинъ ушелъ. Даша крѣпко, обнявъ, поцѣловала сестру и заперлась у себя. Лежа въ постели, закинувъ руки за голову, она думала, что, вотъ, вынырнула,

наконецъ, изъ душнаго тумана, — кругомъ еще дико и пусто, и жутковато, но все—синее, но это—счастье.

XXXII.

На пятый день прїѣзда, Иванъ Ильичъ получилъ изъ Петрограда казенный пакетъ съ назначеніемъ немедленно явиться на Обуховскій заводъ въ распоряженіе главнаго инженера.

Радость по поводу этого, остатокъ дня, проведенный съ Дашей въ суетѣ по городу, торопливое прощанье на Николаевскомъ вокзалѣ, затѣмъ — купе втораго класса съ сухимъ тепломъ и пощелкивающимъ отопленіемъ, и неожиданно найденный въ карманѣ пакетикъ, перевязанный ленточкой, и въ немъ — два яблока, шоколадъ и пирожки, — все это было, какъ во снѣ. Иванъ Ильичъ растегнулъ пуговики на воротникѣ суконной рубахи, вытянулъ ноги, и, не въ силахъ согнать съ лица глупѣйшей улыбки, глядѣлъ на сосѣда напротивъ, — неизвѣстнаго, строгаго старичка въ очкахъ.

— Изъ Москвы изволите ѣхать? — спросилъ старичекъ.

— Да, изъ Москвы. — Боже, какое это было чудесное, любовное слово—Москва!... переулки, залитые осеннимъ солнцемъ, сухіе листья подъ ногами, легкая, тонкая Даша, идущая по этимъ листьямъ, ея умный, ясный голосъ, — словъ онъ не помнилъ никакихъ, — и постоянный запахъ яблока, когда онъ наклонялся къ ней или цѣловалъ ея руку.

— Содомъ, содомскій городъ, — сказалъ старичекъ, — три дня прожилъ у васъ на Кокоревскомъ подворьи... Насмотрѣлся... — Онъ раздвинулъ ноги, обутыя въ сапоги и высокія калоши, и плюнулъ. — На улицу выйдешь: люди — туда-сюда, — что такое?.. По лавкамъ бѣгаютъ, на извозчикахъ гоняють, торопятся... Какая причина? А ночью: шары горять, буквы мигаютъ, все это вертится, крутится... Трескъ, шумъ. Народъ валить валомъ... Чепуха, бессмыслица!.. Господи, да это Москва!.. Отсюда земля пошла... А вижу я что: бѣсовская, безстыдная, бессмысленная бѣготня. Вы, молодой человекъ,

въ сраженіяхъ бывали, ранены?.. Это я сразу вижу... Скажите мнѣ, старику, — неужели за эту суету окаянную у насъ тамъ кровь льется? Гдѣ отечество? Гдѣ вѣра? Гдѣ царь? Укажите мнѣ. Я, вотъ, за нитками сейчасъ въ Петроградъ ѣду... Да провались онѣ, эти нитки!.. Тфу!.. Глаза бы не глядѣли... Съ чѣмъ я въ Тюмень вернусь, что привезу — нитки?.. Нѣтъ, я не нитки привезу, а пріѣду, скажу: люди, пропали мы всѣ, вотъ что я привезу... Попомните мое слово, молодой человѣкъ, — поплачусь, за то именно, что тамъ, гдѣ человѣку нужно тихо пройти, онъ разъ тридцать пробѣжить... За эту бессмыслицу отвѣчать придется...—Старичекъ, опираясь о колѣни, поднялся и опустилъ шторку на окнѣ, за которымъ въ темнотѣ летѣли паровозныя искры огненными линіями. — Бога забыли, и Богъ насъ забылъ... Вотъ что я вамъ скажу... Будетъ расплата, охъ, будетъ расплата жестокая...

— Что-же вы думаете: нѣмцы насъ, что-ли, завоюютъ? — спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Кто ихъ знаетъ. Кого Господь пошлетъ карателемъ — отъ того и примемъ муку... Послушайте, — у меня, скажемъ, въ лавкѣ молодцы начали безобразничать... Потерплю, потерплю, да, вѣдь, одному—по затылку, другого—въ зашею, третьяго мордой ткну... А Россія развѣ лавочка? Господь милосердѣ, но когда люди къ нему дорогу загадили, — надо дорогу чистить, или нѣтъ, а? Вотъ про что я говорю... Не въ томъ дѣло, молодой человѣкъ, чтобы по средамъ, пятницамъ мясного не жрать, а — посерьезнѣе... Я говорю: Богъ отъ міра отошелъ... Страшнѣ этого быть ничего не можетъ...

Старичекъ сложилъ руки на животѣ, закрылъ глаза и, строго поблескивая очками, потряхивался въ углу сѣрой койки. Иванъ Ильичъ вышелъ изъ купѣ и сталъ въ проходѣ у окна, почти касаясь стекла лицомъ. Сквозь щелку проникалъ свѣжій, острый воздухъ. За окномъ, въ темнотѣ, летѣли, перекрещивались, припадали къ землѣ огненныя линіи. Проносилось, иногда, сѣрое облако дыма. Постукивали послушно колеса вагоновъ. Вотъ, завылъ протяжно паровозъ, заворачивая, освѣтилъ огнемъ изъ топки черныя конуса елей, — они выступили изъ темноты и пропали. Простучала стрѣлка,

мягко колыхнулся вагонъ, мелькнулъ зеленый щитокъ фонаря, и снова огненнымъ дождемъ понеслись вдоль окна длинныя ли-
ніи.

Глядя на нихъ, Иванъ Ильичъ съ внезапной, потрясающей радостью почувствовалъ во всю силу все, что случилось съ нимъ за эти пять дней. Если-бы онъ могъ рассказать кому-нибудь это свое чувство, — его-бы сочли сумасшедшимъ. Но для него не было въ этомъ ничего ни страннаго, ни безумнаго: все необыкновенно ясно.

Онъ чувствовалъ: въ ночной темнотѣ движутся, мучаются, умираютъ миллионы миллионовъ людей. Всѣмъ этимъ миллионамъ миллионовъ кажется, будто они живые люди. Но они живы лишь условно, и все, что происходитъ сейчасъ на землѣ, — условно, почти кажущееся. Настолько почти кажущееся, что, если-бы онъ, Иванъ Ильичъ, сдѣлалъ-бы еще одно усиліе, все-бы измѣнилось, стало инымъ. И вотъ, среди этого кажущагося существуетъ живая сердцевина: это его, Ивана Ильича, пригнувшаяся къ окну фигура. Это — возлюбленное существо. Оно вышло изъ міра тѣней, и въ огненномъ дождѣ мчится надъ темнымъ міромъ. Въ немъ сильно, въ божественной радости, бьется сердце, бѣжитъ сокъ любви, — живая кровь.

Это необыкновенное чувство любви къ себѣ продолжалось нѣсколько секундъ. Онъ вошелъ въ купэ, влѣзъ на верхнюю койку, поглядѣлъ, раздѣваясь, на свои большія руки, и въ первый разъ въ жизни подумалъ, что они красивы. Онъ закинулъ ихъ за голову, закрылъ глаза и сейчасъ-же увидѣлъ Дашу. Она взволнованно, влюбленно глядѣла ему въ глаза. (Это было сегодня, въ столовой; Даша заворачивала пирожки, Иванъ Ильичъ, обогнувъ столъ, подошелъ къ ней и поцѣловалъ въ теплое плечо, она быстро обернулась, онъ спросилъ: «Даша, вы будете моей женой»? Она не отвѣтила и только взглянула).

Сейчасъ, на койкѣ, видя Дашино лицо и не насыщаясь этимъ видѣніемъ, Иванъ Ильичъ, такъ-же въ первый разъ въ жизни, почувствовалъ ликование, восторгъ, радость отъ того,

что Даша любитъ его, того, у кого большія и красивыя руки. Сердце его отчаянно билось.

По приѣздѣ въ Петроградъ, Иванъ Ильичъ въ тотъ-же день явился на Обуховскій заводъ и былъ зачисленъ въ мастерскія, въ ночную смѣну.

На заводѣ многое измѣнилось за эти три года: рабочихъ увеличилось втрое, часть была молодежь, часть переведена съ Урала, часть взята изъ дѣйствующей арміи. Пржняго рабочаго — полуголоднаго, полупьяненькаго, озлобленнаго и робкаго — не осталось и въ поминѣ. Рабочіе зарабатывали хорошія деньги, читали газеты, ругали войну, царя, царицу, Распутина и генераловъ, были злы и всѣ увѣрены, что послѣ войны «грянетъ революція».

Въ особенности злы были всѣ на то, что въ городскихъ пекарняхъ въ хлѣбъ начали примѣшивать труху, и на то, что на рынкахъ по нѣскольку дней, иногда, не бывало мяса, а бывало, такъ — вонючее, картошку привозили мерзлую, сахаръ — съ грязью, и къ тому-же — продукты всѣ вздорожали, а лавочники, скоробогачи и спекулянты, нажившіе на поставкахъ, платили въ это время по пятьдесятъ рублей за коробку конфектъ, по сотнѣ за бутылку шампанскаго, и слышать не хотѣли замиряться съ нѣмцемъ.

Зачислясь на заводъ, Иванъ Ильичъ получилъ для устройства личныхъ дѣлъ трехдневный отпускъ, и все это время бѣгалъ по городу въ поискахъ квартиры. Отчетливо онъ не представлялъ себѣ — для чего ему нужна квартира, но тогда, лежа въ купѣ, онъ сообразилъ, что необходимо снять изящную квартиру съ бѣлыми комнатами, съ синими занавѣсками и чисто вымытыми окнами, изъ которыхъ должны быть видны острова.

Онъ пересмотрѣлъ десятки домовъ, — ему ничто не нравилось: то была стѣна напротивъ, то обстановка слишкомъ аляповата, то черезчуръ мрачно. Но въ послѣдній день, неожиданно, онъ нашелъ именно то, что представилось ему тогда въ вагонѣ: пять крошечныхъ, бѣлыхъ комнатъ, съ чисто вымытыми окнами, обращенными на закатъ. Квартира была въ концѣ

Каменноостровскаго, очень неудобная и дорогая, но онъ ее сейчасъ-же снялъ, и написалъ объ этомъ Дашѣ.

На четвертую ночь онъ поѣхалъ на заводъ. На черномъ отъ угольной грязи дворѣ горѣли на высокихъ столбахъ фонари. Дымъ изъ кирпичныхъ трубъ сыростью и вѣтромъ сбивало къ землѣ, желтоватой и душной гарью былъ насыщенъ воздухъ. Сквозь полукруглыя, огромныя и пыльныя окна заводскихъ корпусовъ было видно, какъ крутились безчисленные шкивы и ремни трансмиссій, двигались чугуныя станины станковъ, сверля, стругая, обтачивая сталь и бронзу. Вертѣлись вертикальныя диски штамповальныхъ машинъ. Въ вышинѣ бѣгали, улетали въ темноту каретки подъемныхъ крановъ. Розовымъ и бѣлымъ свѣтомъ пылали горны. Потрясая землю короткими ударами, ходила гигантская крестовина парового молота. Изъ низкихъ, плавильныхъ трубъ вырывались въ темноту сырого неба столбы пламени. Человѣческія фигуры не спѣша двигались среди этого скрежета, грохота и мельканія закованныхъ въ желѣзо демоновъ...

Иванъ Ильичъ вошелъ въ мастерскую, гдѣ работали прессы, формуя шрапнельные стаканы. Инженеръ Струковъ, старый знакомый, повелъ его по мастерской, объясняя нѣкоторыя, неизвѣстныя Телѣгину, особенности работы. Затѣмъ, вошелъ съ нимъ въ досчатую конторку, въ углу мастерской, гдѣ показалъ книги, вѣдомости, передалъ ключи, и, надѣвая пальто, сказалъ: «Мастерская даетъ двадцать три процента браку, этой цифры вы и держитесь».

Въ его словахъ и въ томъ, какъ онъ сдавалъ мастерскую, Иванъ Ильичъ почувствовалъ глубочайшее равнодушіе къ дѣлу, а Струковъ, какимъ онъ его зналъ раньше, былъ отличный инженеръ и горячій человѣкъ. Это его огорчило, онъ спросилъ:

— Понизить процентъ брака, вы думаете, — невозможно?

Струковъ, зѣвая, помоталъ головой, надвинулъ глубоко на нечесанную голову фуражку и вернулся съ Иваномъ Ильичемъ къ станкамъ:

— Плюньте, батюшка. Не все-ли вамъ равно, — ну, на двадцать три процента укокошимъ меньше людей. Къ тому-

же, ничего сдѣлать нельзя, — станки износились, ну ихъ къ чорту!

Онъ остановился около пресса. Старый, коротконогій рабочій, въ кожаномъ фартукѣ, наставилъ подъ штампъ раскаленную болванку, рама опустилась, стержень штампа вошелъ, какъ въ масло, въ розовую сталь, выпыхнуло горячее пламя, рама поднялась и на земляной подѣ упалъ трехдюймовый шрапнельный стаканъ. И сейчасъ-же старичекъ поднесъ новую болванку. Другой, молодой, высокій рабочій, съ закрученными, черными усиками, возился у горна. Струковъ, обращаясь къ старичку, сказалъ:

— Что, Рублевъ, стаканчики-то все бракованные?

Старичекъ усмѣхнулся, — мотнулъ въ сторону рѣдкой бородкой, и хитро, однѣми шелками глазъ, покосился на Телѣгина.

— Это вѣрно, что бракованные. Видите, какъ она работаетъ. — Онъ положилъ руку на зеленый отъ жира столбикъ, по которому скользила рама пресса. — Въ ней дрожь обозначается. Эту-бы чертовину выкинуть давно надо.

Молодой рабочій у горна, сынъ Ивана Рублева, Васька, коротко засмѣялся:

— Много-бы надо отсюда повыкидать. Заржавѣла машина.

— Ну, ты, Васька, полегче, — сказалъ Струковъ весело.

— Вотъ, то-то, что легче. — Васька тряхнулъ кудрявой головой, и красивое, слегка скуластое, лицо его, съ черными усиками и злыми, пристальными глазами, ослабилось не добро и самоувѣренно.

— Лучшіе рабочіе въ мастерской, — отходя, негромко сказалъ Струковъ Ивану Ильичу. — Прощайте. Сегодня ѣду въ «Красные Бубенцы». Никогда тамъ не бывали? Замѣчательный кабачекъ, и вино даютъ. Я васъ свожу.

Телѣгинъ съ любопытствомъ началъ приглядываться къ отцу и сыну Рублевымъ. Его поразилъ тогда въ разговорѣ почти условный языкъ словъ, усмѣшекъ и взглядовъ, какими обмѣнялся съ ними Струковъ, и то, какъ они втроемъ словно

испытывали Телѣгина: нашъ онъ, или врагъ? По особенной легкости, съ какою въ послѣдующіе дни Рублевы вступали съ нимъ въ бесѣду, онъ понялъ, что онъ — «нашъ».

Это «нашъ» относилось не къ политическимъ взглядамъ Ивана Ильича, которые были у него чрезвычайно неопредѣленными, и не къ его прошлому на заводѣ, а скорѣе къ тому сильному ощущенію счастья, какое испытывалъ всякій въ его присутствіи: источникъ какого-то огромнаго, всѣмъ доступнаго счастья былъ заключенъ въ Иванѣ Ильичѣ, и, поэтому, для всякаго онъ былъ «нашъ».

Въ ночныя дежурства Иванъ Ильичъ часто, подходя къ Рублевымъ, слушалъ, какъ отецъ и сынъ, обращаясь къ нему, заводили споры.

Васька Рублевъ былъ социалистъ, начитанъ и золь, и только и могъ говорить, что о классовой борьбѣ и о диктатурѣ пролетаріата, причемъ выражался книжно и лихо. Иванъ Рублевъ былъ старообрядецъ, хитрый, вѣрующій, но совсѣмъ не богобоязненный старичекъ. Онъ говаривалъ:

— У насъ, въ Пермскихъ лѣсахъ, по скитамъ, въ книгахъ,— все прописано: и эта самая война, и какъ отъ войны будетъ намъ раззореніе, — вся земля наша раззорится, и сколько останется народу, а народу останется самая малость... И какъ выйдетъ изъ лѣсовъ, изъ одного скита, человекъ, сильный, какъ звѣрь, и станетъ землею править, и править будетъ страшнымъ божьимъ словомъ.

— Мистика, — говорилъ Васька, подмигивая.

— Ахъ ты, подлець, невѣжа, словъ нахватался... Социалистомъ себя кличетъ!... Какой ты социалистъ, — станичникъ, сукинъ сынъ. Я самъ такой былъ. Ему-бы, вѣдь, только дорваться: шапку на ухо, рубашку на себѣ изодрать, въ глазахъ все дыбомъ лѣзеть, лѣсни ореть, — «Вставай на борьбу».. Съ кѣмъ, за что?.. Баклушка осиновая!

— Видите, какъ старичекъ выражается, — указывая на отца большимъ пальцемъ, говорилъ Васька, — анархистъ самый вредный, въ социализмѣ ни уха ни рыла не смыслить, а мнѣ въ порядкѣ возраженія каждый разъ лѣзеть въ зубы.

— Нѣтъ, — перебивалъ Иванъ Рублевъ, выхватывая изъ

горна брызжущую искрами болванку, — нѣтъ, господа, — и, описавъ ея полукругъ, ловко подставляяль полъ опускающійся стержень пресси, — книги вы читаете, а не тѣ читаете, какія нужно... Вотъ, Васька заладилъ одно — свобода!.. Свобода ему нужна... А ты возьми ее: схвати дымъ рукой, — вотъ, то-то. А смиренства нѣтъ ни у кого, объ этомъ они не думаютъ... Понятія нѣтъ у нихъ, что каждый человѣкъ долженъ быть духомъ нищій по нашему времени.

— Фу, ты — путаница у тебя въ головѣ, батя, — съ досадою сказалъ Васька, — а давеча кричалъ: я, говоритъ, революціонеръ.

— Да, кричалъ. А тебѣ что? Я, братъ, если что, — первый эти вилы-то схвачу. Мнѣ зачѣмъ за царя держаться? — я мужикъ. Я сохой за тридцать лѣтъ знаешь сколько земли исковырялъ? Съ кашей я стану ѣсть твою свободу? Мнѣ земля нужна, а не эти твои чортовы орѣшки — онъ пхнулъ сапогомъ въ кучу шрапнелей на полу, — революціонеръ!.. Конечно, я революціонеръ: мнѣ, чай, спасеніе души дорого, али нѣтъ?..

Васька только плюнулъ на это. Иванъ Ильичъ, засмѣявшись, поднялся и потянулся. Ночь подходила къ концу.

Телѣгинъ писалъ Дашѣ каждый день, она отвѣчала ему рѣже. Ея письма были странныя, точно подернутыя ледкомъ, и Иванъ Ильичъ испытывалъ чувство легонькаго озноба, читая ихъ. Обычно, онъ садился къ окну и нѣсколько разъ прочитывалъ листокъ Дашинаго письма, исписанный крупными, загибающимися внизъ, строчками. Потомъ глядѣль на лилово-сѣрый лѣсъ на островахъ, на облачное небо, такое-же мутное, какъ вода въ каналѣ, — опирался подбородкомъ о подоконникъ, глядѣль и думалъ, что такъ, именно, и нужно, чтобы Дашины письма не были нѣжными, какъ ему по неразумію хочется, что Даша пишетъ ихъ честно и внимательно, на душѣ ея — честно, тихо и строго, точно Великимъ Постомъ передъ отпущеніемъ грѣховъ.

«Милый другъ мой, — писала она, — вы сняли квартиру

въ цѣлыхъ пять комнатъ. Подумайте — въ какіе вы вгоняете себя расходы. Вѣдь, если даже придется вамъ жить не одному, — то и это много: пять комнатъ! А прислуга, — нужно держать двухъ женщинъ, это по нашему-то времени! Кажется, — залѣзть-бы въ шелку и сидѣть тамъ — не дышать... У насъ, въ Москвѣ — осень, холодно, дожди — просвѣта нѣтъ... Подождемъ весны»...

Какъ тогда, въ день отъѣзда Ивана Ильича, Даша отвѣтила только взглядомъ на вопросъ его — будетъ-ли она его женой, такъ и въ письмахъ она никогда прямо не упоминала ни о свадьбѣ, ни о будущей жизни вдвоемъ. Нужно было ждать весны.

Это ожиданіе весны и смутной, отчаянной надежды на какое-то чудо было теперь у всѣхъ. Жизнь останавливалась, заваливалась на зиму — сосать лапу. На-яву, казалось, не было больше силъ пережить это новое ожиданіе кровавой весны.

Однажды Даша написала:

...«Я не хотѣла ни говорить вамъ, ни писать о смерти Безсонова. Но вчера мнѣ опять рассказывали подробности его ужасной гибели. Иванъ Ильичъ, незадолго до его отъѣзда на фронтъ, я встрѣтила его на Тверскомъ бульварѣ. Онъ былъ очень жалокъ, и, мнѣ кажется, — если-бы я его тогда не оттолкнула, онъ-бы не погибъ. Но я оттолкнула его. Я не могла сдѣлать иначе, и я-бы такъ-же сдѣлала, если-бы пришлось повторить прошлое. Его смерть лежитъ на мнѣ, я принимаю это. Нужно, чтобы и вы это поняли. Вы правы — нельзя жить человѣку одному»...

Телѣгинъ просидѣлъ полъ дня надъ отвѣтомъ на это письмо... «Какъ можно думать, что я не приму всего, что съ вами, — писалъ онъ очень медленно, вдумываясь, чтобы не покривить ни въ одномъ словѣ. — Я иногда провѣряю себя, — если-бы вы даже полюбили другого человѣка, то есть случилось-бы самое страшное, — то что со мной?.. Я принялъ-бы и это... Я бы не примирился, нѣтъ: мое-бы солнце потемнѣло... Но развѣ любовь моя къ вамъ въ одной радости?.. Я знаю чувство, когда хочется умереть, потому что слишкомъ глубоко любишь... Такъ, очевидно, чувствовалъ Безсоновъ, когда уѣзжалъ на

фронтъ... Пусть его имя будетъ свято... И вы, Даша, должны чувствовать, что вы безконечно свободны... Я ничего не прошу у васъ, даже любви... Я это понялъ за послѣднее время... Миѣ бы хотѣлось, дѣйствительно, стать нищимъ духомъ... Боже мой, Боже мой, въ какое тяжелое время мы любимъ!».

Черезъ два дня Иванъ Ильичъ вернулся на разсвѣтъ съ завода, принявъ ванну и легъ въ постель, но его сейчасъ-же разбудили, — подали телеграмму:

«Все хорошо. Люблю страшно. Твоя Даша»...

Вечеромъ, въ одно изъ воскресеній, инженеръ Струковъ заѣхалъ за Иваномъ Ильичемъ и повезъ его въ «Красные Бу-бенцы».

Кабачекъ помѣщался въ подвалѣ, пропахшемъ табакомъ, винными и человѣческими испареніями. Сводчатый потолокъ и стѣны были расписаны пестрыми птицами, голыми, ненатуральнаго цвѣта и сложенія, женщинами, младенцами съ разврощенными личиками и многозначительными завитушками. Было шумно и дымно. На эстрадѣ сидѣлъ маленькій человѣкъ въ военной рубашкѣ, морщинистый и нарумяненный, и рукой перебиралъ клавиши рояля. Столики были заполнены. Нѣсколько офицеровъ пили крѣпкій крушонъ и беспокойно оборачивались на проходившихъ женщинъ. Кричали, спорили присяжные повѣренные, причастные къ искусству. Громко хохотала царица подвала, черноволосая красавица, съ припухшими глазами. На краю одного изъ столиковъ Антошка Арнольдовъ, крутя прядь волосъ, писалъ корреспонденцію съ фронта. У стѣны, на возвышеніи, уронивъ пьяную голову, дремалъ родоначальникъ футуризма — ветеринарный врачъ, съ перекошеннымъ, чахоточнымъ лицомъ. Въ углу три молодыхъ поэта кричали черезъ весь подвалъ: «Костя, спой неприличное!» Накрашенный старичекъ у рояля, не оборачиваясь, пробовалъ что-то запѣть дребезжащимъ голосомъ, но его не было слышно. Хозяинъ подвала, бывший актеръ, длинноволосый и растерзанный, появлялся иногда въ боковой дверцѣ, глядѣлъ сумасшедшими глазами на гостей и скрывался.

Третьяго дня, подь утро, его жена уѣхала изъ подвала съ молодымъ геніемъ-композиторомъ прямо на Финляндскій вокзалъ, — онъ пилъ и не спалъ трети сутки.

Струковъ, захмелѣвшій отъ крушона, говорилъ Ивану Ильичу:

— Я почему люблю этотъ кабакъ? Такой гнили нигдѣ не найдешь, — наслажденіе... Посмотрите — вонъ въ углу сидитъ, одна, — худа, страшна, пошевелиться даже не можетъ: истерія въ послѣднемъ градусѣ... Пользуется страшнымъ успѣхомъ у женщинъ... А вонъ тотъ, съ лошадиной челюстью, — знаменитый Семисвѣтовъ, выдернулъ себѣ передніе зубы, чтобы не ходить воевать, и пишетъ стихи... «Не раньше кончить намъ войну, какъ вытремъ русскій штыкъ о шелковыя вѣнскихъ проститутокъ панталоны»... Эти стишки у него печатанные, а есть и непечатанные... «Чавкай желѣзной челюстью, лопай человѣчье мясо, буржуй. Жирное брюхо лихо распоретъ нашъ пролетарскій штыкъ».

Струковъ хохотнулъ, опрокинулъ въ горло стаканъ съ крушономъ и, не вытирая нѣжныхъ, отѣненныхъ татарскими усиками, губъ, продолжалъ называть Ивану Ильичу имена гостей, указывать пальцемъ на непрспанная, болѣзненные, полусумасшедшія лица:

— Здѣсь самая сердшевинка, зараза, ракъ, — онъ съ удовольствіемъ выговаривалъ слова, — отсюда гниль по всей нашей матушкѣ ползеть. Вы, вѣдь, Иванъ Ильичъ, патриотъ, я знаю... Народникъ, интеллигентъ... А вотъ, брызнуть-бы на эту гниль кровушкой, окропить, ха, ха... Разбѣгутся по всей землѣ, кусаться стануть, какъ бѣшеные... Погодите, дайте срокъ, лизнетъ кровушки, оживетъ эта сволочь, мертвецы, силу почуютъ, въ право свое повѣрятъ... Какъ бѣшеные кинутся разворачивать все, на-чисто... Вотъ тогда матушка наша, проклятая, лопнетъ, весь міръ гнилью окатить... Будь ты проклята!

Струковъ сильно пьянѣлъ. Глаза его сухо, весело, странно поблескивали, и ругательства онъ произносилъ съ той-же, почти нѣжной, улыбкой. Телѣгинъ сидѣлъ, насупившись.

У него кружилась голова от шума и пестроты подвала, от непонятного богохульства Струкова.

Онъ видѣлъ, какъ сначала нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ и всѣ въ подвалѣ повернулись къ входной двери; разлѣпились желтые глаза ветеринарный врачъ; высунулось изъ-за стѣны сумасшедшее лицо хозяина; полумертвая женщина, сидѣвшая сбоку Ивана Ильича, подняла сонныя вѣки, и вдругъ глаза ея ожили, съ непонятной живостью она вскочила на стулъ, глядя туда-же, куда и всѣ... Зазвенѣлъ упавшій стаканчикъ...

Во входной двери стоялъ средняго роста пожилой человѣкъ, слегка выставивъ впередъ плечо, засунувъ руки въ карманы. Узкое лицо его съ висящей бородкой было веселое и улыбалось двумя глубокими, привычными морщинами, и впереди всего лица горѣли сѣрымъ свѣтомъ внимательные, умные, пронзительные глаза. Такъ продолжалось минуту. Изъ темноты двери къ нему приблизилось другое лицо, чиновника, съ кривой, тревожной усмѣшкой и прошептало что-то на ухо. Человѣкъ, нехотя, сморщилъ большой носъ и сказалъ:

— Опять ты со своей глупостью... Ахъ, надоѣлъ. — Онъ еще веселѣе оглянулъ гостей въ подвалѣ, мотнулъ снизу вверхъ черной бородой и сказалъ громко, развалистымъ голосомъ.— Ну, прощайте, дружки веселые...

И сейчасъ-же скрылся. Хлопнула дверь. Весь подвалъ загудѣлъ, какъ улей. Струковъ впился ногтями въ руку Ивана Ильича:

— Видѣлъ? Видѣлъ?—проговорилъ онъ, задыхаясь, — это Распутинъ.

XXXIII.

Въ четвертомъ часу утра Иванъ Ильичъ шелъ пѣшкомъ съ завода. Была морозная, декабрьская ночь. Извозчика не попалось, — теперь ихъ трудно было доставать даже въ центрѣ города въ такой часъ. Телѣгинъ быстро шелъ посреди пустынной улицы, дыша паромъ въ поднятый воротникъ. Въ свѣтѣ рѣдкихъ фонарей было видно, какъ воздухъ весь пронизанъ падающими морозными иглами. Громко похрустывалъ подъ

ногами, поскрипываль снѣгъ. Впереди, на желтомъ и плоскомъ фасадѣ дома, мерцали красноватые отблески. Свернувъ за уголь, Телѣгинъ увидѣлъ пламя костра въ рѣшетчатой жаровнѣ и кругомъ закутанныя, въ облакахъ пара, обмерзшія фигуры. Подальше на тротуарѣ стояли, вытянувшись въ линію, неподвижно, человекъ сто — женщины, старики и подростки: очередь у продовольственной лавки. Сбоку потоптываль валенками, похлопываль рукавицами ночной сторожь.

Иванъ Ильичъ шель вдоль очереди, глядя на приникшія къ стѣнѣ, закутанныя въ платки, въ одѣяла, скорченные фигуры.

— Вчерась на Выборгской три лавки разнесли, начисто, — сказалъ одинъ голосъ.

— Только и остается.

Третій голосъ проговорилъ:

— Я вчерась спрашиваю керосину полъ фунта, — нѣтъ, говорить, керосину, больше совсѣмъ не будетъ, а Дементьевыхъ кухарка тутъ-же приходитъ и при мнѣ пять фунтовъ взяла по вольной цѣнѣ.

— Почему?

— По два съ полтиной за фунтъ, дѣвушка.

— Это за керосинъ-то?

— Такъ это не пройдетъ этому лавошнику, припомнимъ, будетъ время.

— Сестра моя сказывала: на Охтѣ такъ-же вотъ лавошника за такія дѣла взяли и въ бочку съ разсоломъ головой его засунули, — утопъ онъ, милья, а ужъ какъ просился отпустить.

— Мало мучили, — ихъ хуже надо мучить.

— А пока что — мы мерзни.

— А онъ въ это время чаемъ надувается.

— Кто это чаемъ надувается? — спросилъ хриплый голосъ.

— Да всѣ они чаемъ надуваются. Моя генеральша встанеть въ двѣнадцать часовъ и до самой до ночи — трескаеть, — какъ ее, идола, не разорветъ.

— А ты мерзни, чухотку получай.

— Это вы совершенно вѣрно говорите, я ужъ кашляю.

— А моя барыня, милыя мои, — кокотка. Я, вотъ, вернусь съ рынка, а у нея — полна столовая мушины, и всѣ они въ подштанникахъ, пьяные. Сейчасъ потребууютъ яишницу, хлѣба чернаго, водки, — словомъ, что погрубѣе...

— Англійскія деньги пропиваютъ, — проговорилъ чей-то голосъ увѣренно.

— Что вы, въ самомъ дѣлѣ, говорите?

— Все продано, — ужь я вамъ говорю — вѣрьте: вы тутъ стоите, ничего не знаете, а васъ всѣхъ продали, на пятьдесятъ лѣтъ впередъ, въ кабалу. И армія вся продана.

— Господи! Дожили до чего!

— Не Господи, а надо сознательно относиться: почему вы тутъ мерзнете, а они на перинахъ валяются? Кого больше: васъ, или ихъ? Идите, вытащите ихъ изъ перинъ, да сами на ихъ мѣсто лягте, а они пускай въ очереди стоятъ...

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ тѣмъ-же мужскимъ, увѣреннымъ голосомъ, наступило молчаніе. Затѣмъ, кто-то спросилъ, стучая зубами:

— Господинъ сторожъ, а, господинъ сторожъ?

— Что случилось?

— Соль выдавать будутъ нынче?

— По всей вѣроятности, соли выдавать не будутъ.

— Для чего же я тутъ жду, легкія простудила?

— Ахъ, проклятые!

— Пятый день соли нѣтъ.

— Кровь народную пьютъ, сволочи.

— Ладно вамъ, бабы, орать — горло застудите, — сказалъ сторожъ густымъ басомъ.

Телѣгинъ миновалъ очередь. Затихъ злой гулъ голосовъ, и опять прямыя улицы были пустыньны, тонули въ свинцовой, морозной мглѣ.

Иванъ Ильичъ дошелъ до набережной, свернулъ на мостъ, и, когда вѣтеръ рванулъ полы его пальто, — вспомнилъ, что надо-бы найти, все-таки, извозчика, но сейчасъ-же забылъ объ этомъ. Далеко, на томъ берегу, едва замѣтныя, мерцали точки фонарей. Линія тусклыхъ огоньковъ пѣшаго перехода тянулась наискось черезъ ледъ. По всей темной, широкой

пустынѣ Невы летѣлъ студеныи вѣтеръ, звенѣлъ снѣгомъ, жалобно посвистывалъ въ трамвайныхъ проводахъ, въ прорѣзи чугунныхъ перилъ моста.

Иванъ Ильичъ останавливался, глядѣлъ въ эту мрачную темноту и снова шель, думая, какъ часто онъ думалъ теперь, все объ одномъ и томъ-же: о той минутѣ въ вагонѣ, когда весь онъ, словно огнемъ извнутри, былъ охваченъ счастьемъ, ощущеніемъ самого себя.

Это чувство счастья было словно огонекъ въ темнотѣ: кругомъ все — неясно, смутно, противорѣчиво, даже враждебно этому счастью. Каждый разъ приходилось дѣлать усиліе, чтобы спокойно сказать: я живъ, счастливъ, моя жизнь будетъ свѣтла и прекрасна. Тогда, у окна, среди искръ летящаго вагона, сказать это было легко, сейчасъ нужно было огромное усиліе, чтобы отдѣлать себя отъ тѣхъ полузастывшихъ фигуръ въ очередяхъ, отъ воющаго смертной тоской декабрьскаго вѣтра, отъ осязанія всеобщей убыли, нависающей гибели.

Иванъ Ильичъ былъ увѣренъ въ одномъ: любовь его къ Дашѣ, Дашина прелесть и радостное ощущеніе самого себя, стоявшаго тогда у вагоннаго окна и любимаго Дашей, — въ этомъ было высочайшее добро, выше ничего не было въ жизни. Но отдѣленіе отъ всей жизни одного ихъ добра — было предательствомъ. Нельзя-же было подумать, что — пусть, вотъ, гибнуть люди отъ убійствъ, мороза и голода, а онъ съ Дашей будетъ счастливъ, или — пусть на землѣ остались-бы только двое — онъ и Даша, — все равно — они должны быть счастливы: — извращеніе, сатанинскія мысли.

Въ одномъ изъ первыхъ писемъ Иванъ Ильичъ написалъ Дашѣ: «Въ какое ужасное время приходится намъ любить». Ужасное время было въ томъ, что уютный, старый, быть-можетъ, слишкомъ тѣсный, но дивный храмъ жизни содрогнулся и затрещалъ отъ ударовъ войны, заколебались колонны, во всю ширину треснуль куполь, посыпались старые камни, и вотъ, среди пыли, летящаго праха и грохота рушащагося храма, два человѣка, Иванъ Ильичъ и Даша, въ радостномъ безуміи любви, наперекоръ всему, пожелали быть счастливы.

Вглядываясь въ мрачную темноту ночи, въ мерцающіе

огоньки, слушая, какъ надрывающей тоской посвистываетъ вѣтеръ, Иванъ Ильичъ думалъ: «Не грѣхъ, нѣтъ, нѣтъ, — но выше всего желаніе счастья. Я созданъ по образу и подобію Божьему, я не желаю разрушенія моего образа, но я хочу преобращенія его, — счастья. Я хочу наперекоръ всему, — пусть. Могу я уничтожить очереди, накормить голодныхъ, остановить войну? — нѣтъ. Но, если не могу, то долженъ-ли и я такъ-же исчезнуть въ этомъ мракѣ, отказаться отъ счастья? — нѣтъ, не долженъ. Но могу-ли я, буду-ли счастливы?...»

Иванъ Ильичъ перешелъ мостъ, и, уже совсѣмъ не замѣчая дороги, шагаль по Дворцовой набережной. Здѣсь ярко горѣли высокіе, качаемые вѣтромъ, электрическіе фонари. По оголеннымъ торцамъ летѣла съ сухимъ шорохомъ снѣжная пыль. Окна Зимняго дворца были темны и пустыжны. У полосатой будки, гдѣ нанесло сугробъ, стоялъ великанъ-часовой въ тулупѣ и съ винтовкой, прижатой скрещенными руками къ груди.

На-ходу, вдругъ, Иванъ Ильичъ остановился:

«Ну, да, уже въ томъ одномъ, что я думаю объ этомъ, — мнѣ не можетъ быть счастья. Хотимъ жить въ любви, а вся жизнь — въ ненависти...»

Онъ еще быстрѣе зашагалъ, сначала борясь съ вѣтромъ, потомъ подгоняемый имъ въ спину, обогнулъ дворецъ и шелъ по площади. Ему, вдругъ, начало казаться, что, если-бы эта площадь была полна народу, — онъ взобрался-бы на цоколь Александровскаго столпа и оттуда сказалъ-бы всѣмъ ясную, простую истину, и всѣ-бы повѣрили въ нее. Онъ-бы сказалъ: «Вы видите, — такъ жить дальше нельзя: на ненависти построены государства, ненавистью проведены границы, каждый изъ васъ — маленькая крѣпость съ наведенными орудіями. Жить — тѣсно и страшно. Весь міръ задохнулся въ ненависти, — началось истребленіе другъ друга, потекли рѣки крови. Вамъ этого мало? Вы еще не прозрѣли? Вамъ нужно, чтобы и здѣсь, въ каждомъ домѣ, человѣкъ рѣзалъ человѣка? Опомнитесь, бросьте оружіе, разрушьте границы, раскройте двери и окна вольному вѣтру. Пусть крестный ходъ пройдетъ по всей землѣ и окропитъ ее живой водой во Имя Духа Святого,

— Имъ только мы живы. Много земли для хлѣба, луговъ для овечьихъ стадъ, горныхъ склоновъ для виноградниковъ, неисчерпаемы нѣдра земли, — всѣмъ достанетъ мѣста. Развѣ не видите, что вы все еще въ тѣмѣ отжитыхъ вѣковъ...»

Иванъ Ильичъ вышелъ на Мойку, перевелъ духъ и разсмѣялся: «Вотъ такъ прогулочка! Онъ взглянулъ на часы — было ровно пять. Изъ-за ближняго угла, скрипя снѣгомъ, вывернулъ большой, открытый автомобиль съ потушенными фонарями. На руль сидѣлъ офицеръ въ разстегнутой шинели, — узкое, бритое лицо его было блѣдно, и глаза, какъ у сильно пьянаго, — стеклянные. Позади него второй офицеръ въ съжавшей на затылокъ фуражкѣ, — лица его не было видно, — обѣими руками придерживалъ длинный рогожный свертокъ. Третій въ автомобилѣ былъ штатскій, съ поднятымъ воротникомъ пальто и въ высокой каракулевой шапкѣ. Онъ привсталъ и схватилъ за плечо сидѣвшаго у руля. Автомобиль остановился неподалеку у мостика. Иванъ Ильичъ видѣлъ, какъ всѣ трое соскочили на снѣгъ, вытащили свертокъ, проволокли его нѣсколько шаговъ по снѣгу, затѣмъ, съ усиліемъ подняли, донесли до середины моста, перевалили черезъ перила и сбросили подъ мостъ. Офицеры сейчасъ-же вернулись къ машинѣ, штатскій-же нѣкоторое время, перегнувшись, глядѣлъ внизъ, затѣмъ, отгибая воротникъ, рысью догналъ товарищей. Автомобиль рванулся полнымъ ходомъ и исчезъ.

«Фу ты, пакость какая», — проговорилъ Иванъ Ильичъ, всѣ эти минуты стоявшій, затаивъ дыханіе. Онъ пошелъ къ мостику, но сколько не вглядывался съ него, — въ черной, большой полыньѣ подъ мостомъ ничего не было видно, только булькала вонючая и теплая вода изъ сточной трубы.

Ярко горѣли фонари на пустынной набережной Мойки, пустотой отсвѣчивали черныя окна, мглистое небо было все то-же — свинцово-морозное. «Фу ты, пакость какая», — пробормotalъ опять Иванъ Ильичъ, и, морщась, пошелъ по тротуару вдоль чугунной рѣшетки канала. На Невскомъ онъ нанялъ, наконецъ, извозчика, — обмерзшаго, древняго старичка, на губастой лошади, и, когда, застегнувъ мерзлую полость, закрылъ глаза, — все тѣло его загудѣло отъ усталости.

«Я люблю, — вот это важно, это истинно, — подумаль онъ, — какъ-бы я ни поступалъ, если это отъ моей любви, — это хорошо».

XXXIV.

Свертокъ въ рогожѣ, сброшенный тремя людьми съ моста въ поляню, былъ тѣломъ убитаго Распутина. Чтобы умертвить этого не по-человѣчески живучаго и сильнаго мужика, пришлось напоить его виномъ, къ которому было подмѣшано цѣанитое кали, затѣмъ, — выстрѣлить ему въ грудь, въ спину и въ затылокъ, и, наконецъ, раздробить голову кастетомъ. И все-же, когда черезъ сутки его тѣло было найдено и вытащено изъ поляни, медицинскій осмотръ установилъ, что Распутинъ пересталъ дышать только сброшенный въ Мойку, подъ ледь.

Это убійство было, словно, разрѣшеніемъ для всего того, что началось спустя два мѣсяца: разрѣшеніемъ крови. Распутинъ не разъ говорилъ, что съ его смертью рухнетъ тронъ и погибнетъ династія Романовыхъ. Очевидно, въ этомъ дикомъ и яростномъ человѣкѣ было то смутное предчувствіе бѣды, какое бываетъ у собакъ передъ смертью въ домѣ, и онъ умеръ съ ужаснымъ трудомъ, — послѣдній защитникъ трона, мужикъ, конокрадъ, изступленный изувѣръ.

Съ его смертью во дворцѣ наступило зловѣщее уныніе, а по всей землѣ ликованіе; люди поздравляли другъ друга. Николай Ивановичъ писалъ женѣ изъ Минска: «Въ ночь полученія извѣстія офицеры штаба главнокомандующаго потребовали въ общегитіе восемь дюжинъ шампанскаго. Солдаты по всему фронту кричали — «ура»...

Черезъ нѣсколько дней въ Россіи забыли объ этомъ убійствѣ, но не забыли во дворцѣ: тамъ вѣрили пророчеству и съ мрачнымъ отчаяніемъ готовились къ революціи. Тайно, Петроградъ былъ разбитъ на секторы, у великаго князя Сергѣя Михайловича были затребованы пулеметы, когда-же онъ въ пулеметахъ отказалъ, то ихъ выписали изъ Архангельска, и въ количествѣ четырехсотъ двадцати штукъ размѣстили на чердакахъ, на скрещеніяхъ улицъ. Было усилено давленіе на печать,

газеты выходили наполовину съ бѣлыми столбцами, но газетчики придумали новую штуку — помѣщать надъ пустыми мѣстами многозначительныя заглавія, что дѣйствовало на злорадствующихъ читателей посильнѣе громовыхъ статей.

Императрица писала мужу отчаянныя письма, стараясь пробудить въ немъ волю и твердость духа, она снова требовала рѣшительнаго уничтоженія смертельнаго ихъ врага — Государственной Думы. Но государь, какъ зачарованный, сидѣлъ въ Могилевѣ среди вѣрныхъ, — въ этомъ не было сомнѣнія, — десяти миллионъ штыковъ. Бабы бунты и вопли въ петроградскихъ очередяхъ казались ему менѣе страшными, чѣмъ арміи трехъ имперій, давившія на русскій фронтъ. И въ это-же время, тайно отъ государя, въ Могилевѣ начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго, умница и страстный патріотъ, генераль Алексѣевъ, готовилъ планъ ареста царицы и уничтоженія нѣмецкой партіи.

Въ январѣ, въ предупрежденіи весенней кампаніи, было подписано наступленіе на сѣверномъ фронтѣ. Бой начался подъ Ригой, студеной ночью. Вмѣстѣ съ открытіемъ артиллерійскаго огня — поднялась снѣжная буря. Солдаты двигались въ глубокомъ снѣгу, среди воя мятели и пламени ураганомъ рвущихся снарядовъ. Десятки аэроплановъ, вылетѣвшихъ въ бой, на подмогу наступавшимъ частямъ, вѣтромъ прибывало къ землѣ, и они во мглѣ снѣжной бури косили изъ пулеметовъ враговъ и своихъ. Въ послѣдній разъ Россія пыталась разорвать сдавившее ее желѣзное кольцо, въ послѣдній разъ русскіе мужики, одѣтые въ бѣлые саваны, гонимые полярной вьюгой, дрались за Имперію, охватившую шестую часть свѣта, за самодержавіе, нѣкогда грозное міру и нынѣ ставшее лишь идеей, смыслъ которой былъ утерянъ и непонятенъ, и враждебенъ.

Десять дней длился свирѣпый бой, тысячи жизней легли подъ сугробами. Наступленіе было остановлено и замерло. Фронтъ снова застылъ въ снѣгахъ.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧУРАЕВЫ.

РОМАНЪ.

Часть I-я.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Всѣ сплавщики уже разулись, засучили гачи и стояли возлѣ весель на плотахъ — двадцать четыре коренастыхъ мужика. На чистыхъ, желтыхъ бревнахъ, слегка качающихся на водѣ, сплавщики, обряженные въ разноцвѣтные рубахи и штаны, ждали хозяйскаго благословенія къ отплытію въ далекое понизовье.

По берегу, на гладкихъ галькахъ, живыми луговыми цвѣтиками разбрелись ихъ бабы, матери, ребятки. Загораживая отъ ослѣпляющаго солнышка ладонями глаза, бабы на-прощанье насматривались на мужиковъ. Громко, чтобы шумъ рѣпки не заглушилъ важныхъ, заботливыхъ словъ, наказывали:

— Промежь бревень-то ногу не сломай, ишь бревны-те какъ скользки... Да на порогахъ-то не молодцуй, не надорвись...

Двѣнадцать плотовъ, длинной свѣтло желтою покромкой опоясывали берегъ, слегка покачиваясь на большой, вешней водѣ и туго натягивали толстыя пеньковыя веревки, прикрученныя къ крѣпкимъ кольямъ.

Солнце давно вышло изъ-за горъ, смотрѣло весело и жарко, кололо золотыми копьями зыбучія, шумливыя струи и ломало ихъ на мелкіе осколки о гладкія пахучія бревна, похожія на свѣжія свѣчи изъ яраго воска.

Въ новыхъ дошанныхъ сусѣкахъ на плотахъ темнѣла рожь, золотился овесь, а возлѣ сусѣковъ на жердяныхъ мосткахъ стояли тополевыя бадейки съ масломъ, съ медомъ, лежали тюки пушнины, гусянаго пера, кучи не выдѣланныхъ скотскихъ шкуръ — богатая дань городу отъ сытыхъ горныхъ деревень.

Среди пловцовъ — бородатые и безбородые. И какъ по писанному: всѣ бородатые — бывалые — у переднихъ весель, безбородые — у заднихъ.

Желтый, красно-синій, бѣло-зеленый берегъ гудѣлъ отъ голосовъ, стука галекъ, звона бревень, задорливаго скрипа весель на свѣжихъ кочетахъ... Много людей пришло на проводы.

Изъ деревни въ этотъ шумъ врывались пѣтушиныя пѣсни, кудахтанье куриць, собачій лай. Но все приглаживаль, покрываль шумъ рѣки, прорывшей длинную, глубокую дорогу между горъ, одѣтыхъ синими лѣсами и зелеными молодыми травами.

Сплавщики поглядывали на солнышко, перекликались другъ съ другомъ, съ бабами, съ ребятами и всматривались на косогоръ, въ деревню. Долго прощается съ родными Викулъ Фирсычъ.

Напутственное моленье отошло давно — всѣ сплавщики послѣ того до-сыта напитались на общественномъ обѣдѣ у Чураевыхъ, накалякались со своими семьями, пришли къ рѣкѣ, разулись, размѣстились и вотъ уже на плотахъ ждуть-пождуть.

— Солнышко не рано... До Птичьего плеса засвѣтло должно не доплывемъ...

— Хо-о! Не доплывемъ... Теперь водица-то какъ птица.

— Вотъ то-то: вешняя вода дурная...

-- А ты не выкомуривай. Бога-то не дражни...

— Мѣшкаеть, мошь, што-то Фирсычъ-отъ.

— Фирсыча не намъ учить... Фирсычъ, братъ, отца своего поучить...

— А вонъ идутъ...

Всѣ сплавщики опять взяли за весла и уставились весе-

лыми глазами на берегъ. Другіе взялись за шапки, скинули ихъ, кивнули головами:

— Здорово, Фирсь Платонычъ!

Съ берега изъ новой кучки людей, старыхъ, молодыхъ и малыхъ, раздался зычный голосъ:

— Богъ въ помощь, мужики!

Высокій, съ неровной темной бородой, безъ шапки, въ длинномъ черномъ кафтанѣ старикъ Чураевъ опирался на большой костыль и выступалъ среди своей семьи, какъ архіерей среди послушниковъ.

Привѣтъ Чураева какъ будто крови прибавилъ въ жилы сплавщиковъ.

Дружнымъ хоромъ отвѣтили они съ плотовъ:

— Подитко, Фирсь Платонычъ, подитко, просимъ милости-и!..

Сынъ Фирса Викуль, молодой еще, но бородатый, съ кучерявыми завитушками волосъ, выбившихся изъ подъ черной шляпы, въ новыхъ рыжихъ бродняхъ, повязанныхъ ниже колѣнъ ремнями, въ холщевомъ бѣломъ балахонѣ съ гарусной оторочкой на груди и по подолу, въ послѣдніе, еще разъ, поклонился отцу въ ноги и крѣпкимъ, какъ у отца, твердымъ голосомъ сказалъ:

— Ну, батюшка! Благословляй!..

Фирсь поднялъ сына, двуперстно и размахисто перекрестилъ его, будто побилъ по лбу, животу и по плечамъ и въ голосъ его задрожало родительское безпокойство:

— Ну, храни тя Богъ!.. Храни Богъ!..

Викуль поклонился матери, потомъ всталъ и склонился надъ нею, низенькой и сухонькой, въ темно-коричневомъ сарафанѣ, прижалъ ее къ своей груди и утѣшалъ:

— Не сокрушайся! — Со все Господь... Не впервые отправляюсь.

И брату-большаку, угрюмому Ананію, съ рыжеватыми волосами скобкой, поклонился въ ноги.

— Дай Богъ счастливо! — тонкимъ, сиповатымъ голосомъ напутствовалъ Ананій и исподлобья посмотрѣлъ, помимо

Викула, на плоты заботливо и съ затаенной гордостью подумавъ: «Капиталець довѣряется не малый Викулу».

Снохъ Варваръ, Ананьевой женѣ, высокой и худой, со строгими глазами, какъ смородины, Викуль поклонился въ поясъ. А Анна Фирсовна, замужняя сестра, и зять, и полнощечая, румяная сестренка Груня, и племянникъ Кондря, и Стешка, маленькая дочь Ананія — всѣ сами подошли къ Викулу и поочередно поклонились въ ноги, приговаривая:

— Прощай-ка Христа ради!.. Спаси-те Господи, въ пути, въ дорогъ...

Всѣ родственники и сосѣди, а среди нихъ совсѣмъ съдой и тонкій, какъ святитель — Прохоръ Карпычъ съ маленькимъ ребячимъ носомъ и длинной бородою и другіе однодѣрцы — старики почтенные — всѣ хоромъ говорили Викулу:

— Храни-тя Богъ... Счастливо!..

Мать Викула, Филатьевна, прячетъ въ фартукъ слезы, а на губахъ улыбочка играетъ, такая жалостливая и стыдливая.

— Викулушка, сыночекъ! Про Васеньку-то не забудь... Исполни, какъ я наказала...

Но зычный голосъ Фирса успокаиваетъ старую:

— Вмѣстѣ будемъ ждать обоихъ... Слышишь, Викуль? Отстукай ему, какъ приплывешь на мѣсто: такъ и такъ — отецъ, мать стосковались, на побывку требуютъ.

И строгіе глаза Чураева встрѣчаютъ благодарный, затуманенный слезою взглядъ жены.

— Ну, съ Богомъ! — провозглашаетъ Фирсъ и, отдѣлившись отъ толпы, идетъ къ переднему плоту отчаливать.

Ужъ много лѣтъ Чураевъ отправляетъ плоты въ низовья. И всякій разъ съ молитвой, и всякій разъ собственноручно отпускаетъ ихъ съ прикола.

Перекрестившись, онъ наклонилъ волосатую голову къ приколу, отвязалъ веревку и, бросивъ ее на плотъ, громко произнесъ:

— Ну, съ Господомъ!.. Счастливо!..

Сплавщики перекрестились, надѣли шапки, поплевали на руки и налегли на весла. Весла тягуче по-журавлиному

заскрипѣли, плотъ отодвинулся отъ берега и закачался на зыбучихъ волнахъ.

Фирсь Платонычъ перекрестилъ его, полюбовался и подошелъ къ другому. Отвязалъ, благословилъ, полюбовался лѣсомъ, сусѣками, бадьями, молодцами, въ рукахъ которыхъ закурлыкали, запѣли весла, и подошелъ къ третьему...

И долго провожаетъ и благословляетъ желтые, какъ вылитые изъ свѣжаго воска, плоты свои Чураевъ; и дольше всѣхъ мѣшкаетъ съ послѣднимъ, съ двѣнадцатымъ, на которомъ межъ сусѣками натянута бѣлоснѣжная холщевая палатка: на этомъ поплылъ Викуль...

Уже по всей излучинѣ рѣки растянулись восковыя пятна съ цвѣтными, кланяющимися у весель сплавщиками. Какъ стая желтыхъ журавлей снялись и поплыли по быстринѣ рѣки... Плывутъ и разными голосами курлыкають всѣ до одинаго... А Фирсь Чураевъ впереди своей семьи, впереди всѣхъ бабъ, старухъ и ребятишекъ, все еще идетъ по берегу, машетъ волосатю рукой послѣднему плоту, и зычно повторяетъ:

— Дай Богъ счастливо!.. Съ Господомъ! Съ Господомъ!

Жалостливый Прохоръ Карпычъ уронилъ на длинную сѣдую бороду слезинку и маленькимъ ребячьимъ носомъ швыркаетъ въ себя горячій воздухъ ранняго полудня.

Прасковья Филатьевна изъ подъ руки смотрѣла вслѣдъ уплывающимъ плотамъ и тихо плакала. Больно жалобно курлыкали тополевые весла. И жалобнѣе всѣхъ на послѣднемъ плоту, на которомъ бѣлѣли палатка и холщевый кафтанъ Викула.

Солнце кололо лучами руки и лицо, сыпало золотымъ пескомъ въ глаза Филатьевны, играло метляками на рѣкѣ, на галькахъ, на зеленыхъ травахъ, на маслянистыхъ молодыхъ листахъ березокъ и черемухи, на шаловливыхъ, беззаботныхъ лицахъ малыхъ ребятъ.

Долго стояла на берегу и смотрѣла внизъ по рѣкѣ Филатьевна и уже не могла разобрать: палатка тамъ бѣлѣла или бѣлая волна надъ порогами...

— Спаси ихъ Господи въ пути, въ дорогѣ! — бормотала

она чуть слышно и, уже когда совсѣмъ не стало слышно скрипа весель, пошла съ рѣки вслѣдъ за разбредающей по домамъ толпою.

Ушла и даже не замѣтила Платоныча, все еще стоявшаго на галькахъ у воды, какъ на молитвѣ.

Къ рѣкѣ съ красивымъ жеребцомъ на поводу спустился сосѣдъ Данило Анкудинычъ. Былъ онъ въ новой красной, съ желтыми разводами, рубахѣ, въ добиныхъ шароварахъ, безъ шляпы на упрямой, рѣдковолосой головѣ. Синіе острые глаза долго смотрѣли въ спину Чураева, пока мухортый жеребецъ напился до-сыта и поднялъ голову отъ зеленоватыхъ быстрыхъ струй воды. Данило даже позабылъ, что жеребецъ напился и все смотрѣлъ на большую, коренастую фигуру Чураева и ждалъ — не обернется-ли. Данило не хотѣлъ окликнуть и поздороваться, а уходить, не поздоровавшись, какъ-то неловко было.

Жеребецъ рванулъ за поводъ, отъ нетерпѣнья звучно застучалъ копытомъ въ гальки, а потомъ поднялъ крутую шею и, зорко вглядываясь на другую сторону рѣки, длительно и звонко заржалъ.

— Ну, што-бы ты Богъ любилъ!.. — прикрикнулъ на него Данило.

И только тутъ Чураевъ оглянулся.

Данило Анкудинычъ, скользнувъ по Фирсу быстрымъ взглядомъ, занялся уздою жеребца и пѣвуче бросилъ Фирсу:

— Проводилъ сынка?

— Проводилъ, — отвѣтилъ съ неохотой Фирсъ и, опираясь на костыль, приблизился къ Данилѣ.

— Здорово былъ, сосѣдъ!—сказалъ Чураевъ и прямо, читающе поглядѣлъ въ костистое лицо Данилы. — На моленье-то пошто не пришелъ? — громко спросилъ онъ. — Два раза посылалъ за тобой...

— Не удосужился... — пропѣлъ Данило. — А не удосужился... — повторилъ онъ и еще старательнѣе началъ поправлять на плясовитомъ жеребцѣ уздечку, прикрикнувъ на коня: — ну, ты, дичай! Што-бы ты лядъ забилъ!..

Чураевъ обѣручь оперся на костыль, положилъ на руки бороду и еще прищурился въ лицо сосѣда.

— Нѣтъ, вижу я, ты моимъ хлѣбомъ-солью сталъ гнушаться... И въ моленной я тебя давно не вижу... — Глаза прищуриль, а ротъ полуоткрыль Чураевъ — была у него такая повадка глядѣть на тѣхъ, кому онъ начиналъ не вѣрить.

Данилѣ и хотѣлось сказать Чураеву колкое, да языкъ не поворачивался. Не привыкъ онъ спорить съ Фирсомъ. Слушать его привыкъ. Тонкія губы Анкудиныча пустили уже въ рѣдкіе волосья бороды лукавую усмѣшку, а языкъ не слушался.

— Прячешь што-то, Анкудинычъ!.. Ай?.. — настойчиво спросилъ Чураевъ.

— А што мнѣ прятать?.. Я у те ни че не вороваль... А што я въ моленну не иду—за это Богъ со мной расправится, не ты...

— Энь-какъ ты сталъ поговаривать... Ну-ну!.. Господь съ тобой, Данило Анкудинычъ!..

— Заважничалъ ты больно!.. Богатый сталъ, — вдругъ вырвалось у Данилы.

— Не я заважничалъ, Данило Анкудинычъ, не я... Самойло твой заважничалъ...

— Самойло не ребенокъ... Мнѣ его не выпоротъ за это...

— Зачѣмъ поротъ?.. Слово́мъ можно было потарить... Нѣтъ, тутъ, видать другое... Дьяволъ тебѣ шепчетъ што-то Анкудинычъ... Замышляешь ты супротъ меня чего-то... Ай? — И Чураевъ снова открыль ротъ.

— Дьявола не надо поминать... Мы тоже въ Бога вѣруемъ...

— Слышу!.. — прищурился Чураевъ, — только не по новому-ли вѣровать-то стали?.. По че это Самойло твой въ поморскіе скиты убрель?

— А я ему запретчикъ? — кольнулъ глазами Фирса Анкудинычъ. — Ему тридцать годовъ — сталъ и ушель...

— Хитришь, Данило... Смотри, передъ Богомъ доведется каяться...

Данило Анкудинычъ чуть слышно про себя хихикнулъ и, поправивъ узду, опять прикрикнулъ на коня:

— Ну, шалый!.. — и, не глядя на Фирса, пошелъ къ своей усадьбѣ.

Фирсъ Платонычъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, поглядѣлъ на домъ его, богатый, новый, весело смотрѣвшій на рѣку раскрашенными окнами, вздохнулъ и проворчалъ:

— А суди его Господь!

Поднялся съ прибрежныхъ галекъ на крутую горку, еще разъ поглядѣлъ внизъ по рѣкѣ, гдѣ уже давно скрылись изъ вида плоты, перекрестился и задумчиво пошелъ домой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На оградѣ у Чураевыхъ три дома, одинъ другого меньше, одинъ другого старше. Сразу видать какой въ какія времена построены, какой какую бережетъ бывальщину.

Самый большой, сосновый, въ два этажа съ расписными окнами, съ желѣзной крышей, съ раскрашенными хитрой вырѣзью воротами — выстроены недавно, лѣтъ семь тому. Внизу въ немъ лавка и склады для товаровъ; вверху всѣ шесть комнатъ пустуютъ, въ нихъ никто еще не живетъ.

Средній, выстроенный изъ листвяги, съ крутой тесовой крышей на два ската, съ глухимъ крыльцемъ, съ окнами въ ограду, уже потемнѣлъ и смотреть хмуро. Этотъ выстроены лѣтъ двадцать, когда Фирсъ Платонычъ женилъ большака Ананія.

А третій, самый маленькій и сѣденькій кедровый пятистѣнникъ, криво вросшій въ землю и совсѣмъ почти не видный за старыми вѣтвистыми березами полусадика, выстроены еще тогда, когда Фирсу было семь годковъ.

Чураевъ помнитъ еще маленькую избу съ берестяной крышей. Въ ней жили дѣдъ и бабка. Въ ней прошла рабочая пора его родителя, много перемыкавшего горя въ молодыхъ годахъ. Изба эта сгорѣла незадолго до женитьбы Фирса — давненько это было — Фирсу Платонычу шестьдесятъ съ пяткомъ. Теперь у него у самого внучата. Недаромъ-же передъ ненастьемъ спину ломить. Тоже поломалъ ее въ работѣ, въ молодости круто доводилось.

Другой разъ пораздумается, пораскинетъ Фирсь Платонычъ памятью — вся жизнь, какъ пять перстовъ: дѣдъ, родитель, самъ, сыны, внучата — эвонъ кругъ какой! Прикинетъ на счетахъ — сто тридцать лѣтъ передъ глазами, какъ живыя титлы въ Кормчей книгѣ: и какъ будто многое означаютъ и какъ будто не означаютъ ничего. Дымъ одинъ, суета и грѣхъ.

Въ послѣдніе годы Фирсь Платонычъ все чаще сталъ старину ворошить, съ мертвыми вести бесѣды. Слова родителя, сказанныя на смертномъ одрѣ, все чаще приходили ему на память: «Велико, сынокъ, искушенье злого духа. Жестоки козни дьявола».

— Грамотѣя былъ старикъ. Умиѣцкій! — твердо и зычно произноситъ самъ съ собою Фирсь Платонычъ и, вздохнувъ, ворочается отъ безсонницы на скрипучей деревянной кровати.

Какъ-то за недѣлю до Петрова дня напролетъ всю ночь продумаль. А утромъ, позаранку всталъ, взялъ свой костыль, вышелъ на ограду. Бросилъ курамъ зерна, оглядѣлъ двory, пригоны, замки у амбаровъ и пошелъ изъ ограды на берегъ рѣки. За рѣкою далеко были видны пашни и луга, а дальше горы, укутанныя утреннимъ туманомъ, а ближе въ зеленомъ косогорѣ за рѣкой маральники. Чураевъ ободрился и повеселѣлъ.

— Благословилъ меня Господь. Владыко Праведный! — горячо сказалъ онъ и, снявши шляпу, широко перекрестился на разгоравшійся востокъ.

Хорошо ведется звѣрь у Чураева. Съ маленькими штукъ до сотни ходитъ въ просторныхъ, обнесенныхъ высокою оградю, садахъ.

Фирсь Платонычъ спускается къ водѣ, пригоршнею умывается прямо изъ рѣки и съ каплями воды на полусѣдыхъ густыхъ бровяхъ и на широкой бородѣ долго молча молится. Потомъ однимъ размахистымъ движеньемъ сталкиваетъ съ берега новый дощаной челнокъ, беретъ длинный съ желѣзною пятою шестъ и становится на дно вертляваго суденышка. Высокій и плечистый, широко разставивъ ноги, онъ упирается шестомъ въ каменистое дно, и челнокъ рѣжетъ хрустальную

воду, направляясь противъ теченія... Шестъ все чаще бьетъ о гальки желѣзнымъ концомъ, и лодочка стрѣлою летить у берега все выше, выше по рѣкѣ. Но вотъ Чураевъ поворачиваетъ лодку въ рѣку, и, не садясь, все также колеть воду, пока на глубинѣ шесть дѣлается короткимъ. Но и на самомъ быстромъ и глубокомъ мѣстѣ Фирсъ Платонычъ борется съ рѣкою все тѣмъ-же шестомъ, дѣлая изъ двухъ концовъ его два весла, быстро и поочередно рѣжуція воду. Лодка мчится по зыбкой быстринѣ внизъ, берега кажутся бѣгущими куда-то прочь, но Фирсъ Платонычъ не думаетъ садиться и не перестаетъ грести. Изрѣдка измѣряетъ глубину шестомъ, пока желѣзо вновь не чокнетъ о камень. Чокнуло, и всякая опасность позади. Чураевъ снова разсѣкаетъ волны, направляя лодку противъ быстрого теченія.

Потный, возбужденный, съ шляпою на затылкѣ, Фирсъ Платонычъ съ разгону выбрасывается вмѣстѣ съ лодкою на прибрежную гальку. Потомъ, поднявшись на уваль, снимаетъ шляпу, крестится и оглядывается назадъ за рѣку, гдѣ на крутомъ берегу, на небольшой полянѣ, среди лиственницъ раскинулась Чураевка.

Кое-гдѣ надъ избами клубится дымъ, окрашенный восходомъ, и новый домъ Чураева стоитъ посреди всѣхъ другихъ, какъ церковь: высокъ, красивъ, богатъ. Даже новый, крашенный домъ Анкудиныча глядитъ бѣдно въ сравненіи съ Чураевской усадьбой.

Твердою, широкою походкой, опираясь на костыль, идетъ Чураевъ по росистымъ травамъ и кустарникамъ къ маралеву саду.

Вотъ они, маралы, бѣлозадые, саврасые. Встревожились, забѣгали, сгустились въ облако и унеслись въ глубь сада. И только одинъ остался на сторожѣ, гордо поднялъ голову и наблюдаетъ за хозяиномъ, какъ за врагомъ.

— Машка! Машка! Машка! — раздается распѣвистый голось Чураева, и онъ молодо взбирается на четырехъ-аршинную городьбу и прыгаетъ черезъ нее въ садъ.

— Машка! Машка!

Изъ росистаго кустарника близко, сбоку показывается

красивая, сухая голова на тонкой шеѣ и длинныя уши недо-
вѣрчиво стригутъ и слушаютъ.

— Машенька-а! — уже совсѣмъ нѣжно зоветъ ее Чураевъ
и подходитъ ближе.

Машка узнаетъ хозяина и тянетъ къ нему голову, ласково
глядитъ на него черными выпуклыми глазами прямо и довѣр-
чиво и тычетъ мордой въ руку.

Машка ручная маралушка — сиротка, выкормленная на
рукахъ въ семьѣ Чураевыхъ. Всѣ другіе спрятались, исчезли
и теперь не скоро глазъ отыщеть ихъ въ оврагахъ и деревьяхъ
сада. И потому Чураевъ всю нѣжность свою проливаетъ на
одну Машку. Онъ гладитъ ее, призываетъ на нее Господнее
благословеніе, передаетъ съ нею поклонъ другимъ мараламъ.

— Скажи имъ глупымъ — не волкъ я, не медвѣдушко...
Не съѣмъ!..

И вспоминаетъ, что скоро Петровъ день, стало быть съ ма-
раловъ доведется рога снимать, мучить ихъ.

— Ну, больно будетъ... Помучаемъ, за то опять отпустимъ,
не убьемъ.

Машка любитъ, когда ей чешутъ шею, стоитъ стрижетъ
ушами, какъ будто слушаетъ, запоминаетъ всѣ слова хозяина.

Чураевъ идетъ по саду въ глубь. Онъ хочетъ пересчитать
мараловъ и поглядѣть — всѣ-ли живы, здоровы. Машка тя-
нется за нимъ и тычетъ его въ спину, хлѣба проситъ, ласки.
Но Фирсъ Платонычъ уже позабылъ о ней, онъ зорко смотритъ
въ каждый кустъ, выпугиваетъ звѣрей, считаетъ, путается и
пересчитываетъ снова. Наконецъ, бросаетъ и дружески гово-
рить, махнувъ рукой:

— Ну, Господь съ вами!.. Въ другой разъ сосчитаю.

И идетъ вдоль говорливаго ручья внизъ, къ берегу рѣки.
Маралы то тамъ, то здѣсь неожиданно и беззвучно появляются
и исчезаютъ. Чураевъ креститъ ихъ большимъ крестомъ, пере-
лѣзаетъ городьбу и уже черезъ щели жердей замѣчаетъ про-
водившую его и недоумѣвающе остановившуюся у городьбы
Машку.

— Ну, глупая, ступай!.. Ступай, Господь съ тобой.

Фирсъ Платонычъ хорошо и мягко улыбается маралушкѣ,

крестить ее и идти вдоль берега, направляясь по извилистой тропинкѣ въ синѣющее впереди ущелье, въ пасѣку.

Такъ устроена жизнь Чураева, что все его хозяйство подъ руками, на виду. Изъ дома видны: пашни, пасѣка, маральникъ, а съ пашни, изъ пасѣки и изъ маральника, какъ на ладошкѣ, домъ и вся деревня. Рѣка-же—какъ надежная городьба между деревнею и благодатью Божьей. Какъ бояринъ, князь удѣльный, всѣмъ располагаетъ здѣсь Чураевъ. И не чувствуетъ ни угрызенья совѣсти, ни страха передъ Богомъ: все добыто трудомъ, все дано Богомъ, землей, водой и солнышкомъ.

Подчасъ, однако, беспокоятъ его думы, разное приходитъ въ голову. Вотъ лавка: мірское это дѣло, не угодное Богу. Но въ этомъ онъ не такъ ужъ грѣшенъ, не онъ затѣялъ торговлю, а Викуль. И то, что Викуль парень разбитной, толковый, непосѣдливый, Фирсу Платонычу даже нравится. Ему пріятно вспомнить, какъ сынъ началъ торговлю, какъ онъ кажщую весну плотить плоты, изъ самаго лучшаго лѣса, нагружаетъ ихъ медомъ, воскомъ, масломъ, хлѣбомъ, шкурами звѣрей и скота и со всѣмъ этимъ добромъ уплываетъ внизъ въ далекій городъ, а оттуда возвращается на подводахъ, нагруженныхъ всякими товарами. Что ни годъ, то больше уплывало лѣсу и сырья, все больше привозилось товаровъ.

— Пробойный парень! — одобряетъ Фирсъ Платонычъ.— Только вотъ не женится до тридцати годовъ, — и почему-то это вызываетъ у него досаду, напоминаетъ Самойлу, Анкудиничева сына, который тоже до сихъ поръ не женится. А Викулу ровесникъ, одноклассникъ.

Но тутъ Фирсъ Платонычъ, чтобы смягчить досаду, думаетъ о меньшакѣ Васильѣ, не похожемъ ни на Викула, ни на Ананія... Вострый и рѣчистый, онъ особенно любезенъ сердцу Фирса Платоныча.

— Юла парнишка! — неодобрительно, но весело и громко говоритъ Чураевъ и все скорѣй шагаетъ по тропинкѣ между густѣющимъ кустарникомъ и лѣсомъ.

Василій учится въ Москвѣ. Фирсъ Платонычъ ждетъ, что онъ начетчикомъ на всю округу будетъ — для этого и въ ученье отдалъ съ малыхъ лѣтъ.

— Этотъ постоятъ за истинную вѣру!.. — гордо говоритъ Чураевъ. — Этотъ не поддастся выписнымъ миссіонерамъ!

Но въ душѣ ворочается что-то смутное и безпокойное. Чураевъ тверже стучаетъ о землю костылемъ, шире шагаетъ по тропинкѣ, спѣшитъ на пасѣку, гдѣ лучше думается, гдѣ исчезаютъ всякія сомнѣнья и какъ-то ярче встаетъ въ памяти сѣдая старина, ея завѣты и нерушимыя преданья.

Вотъ и пасѣка, — старинный, святой уголь сто лѣтъ назадъ здѣсь поселился скитникъ Агафонъ Чураевъ, дѣдъ Фирса. Какъ звѣрь отъ лютой погони, онъ убѣжалъ сюда въ глушь Бѣловодья, къ ревнителямъ истиннаго благочестія въ потаенныя въ горахъ скиты.

И сладостно и горестно Чураеву пересматривать прошедшее столѣтіе. Какъ давно прочитанную и любимую книгу, полную скорбныхъ страницъ и тихихъ радостей, перелистываетъ онъ минувшіе года, и крѣпнеть душа его, въ сталь отливается его вѣра: въ уединенную, нелицемѣрную молитву — его думы.

Святой старинною иконой, не иначе, представляется теперь Чураеву дѣдъ Агафонъ. Съ рѣдкой бѣлой бородой, съ вѣнчикомъ сѣдыхъ кудрей на головѣ, съ сухимъ и строгимъ восковымъ лицомъ, онъ твердо и отрывисто говаривалъ Платону, отцу Фирса, слова царя Соломона:

— «Премудрый сынъ веселитъ отца, безумный сынъ — печаль матери».

Съ молодыхъ лѣтъ, въ минуты одинокихъ размышленій, Фирсъ старался распознать значеніе этихъ словъ и часто терялся въ догадкахъ о томъ, что есть «премудрый»? Есть-ли это только послушаніе родителю, или крѣпость въ вѣрѣ или умѣнье толковать писаніе?.. Смутно въ глубинѣ души онъ понималъ это по своему: быть премудрымъ, это значить стать надъ многими другими, учить ихъ и вести къ добру, къ спасенью, къ благочестію. Съ молодыхъ годовъ, съ тѣхъ самыхъ, какъ Фирсъ постигъ Псалтырь, онъ искусилъ этой думою: во что-бы то ни стало стать надъ другими, овладѣть ихъ слухомъ и сердцами.

А для этого онъ не убоился грѣха и украдкою почитывалъ мірскія книги, зоркимъ взглядомъ сердца и души проникалъ

въ окружающее и вотъ достигъ своихъ желаній: онъ дьякъ, единственный расколо-учитель во всемъ углу, почти такой, какимъ былъ его отецъ, но не такой, какимъ навсегда запаль въ его душѣ священный образъ дѣда.

Дѣдъ угодникъ, праведникъ, подвижникъ и строитель всего того благополучія, которое унаслѣдоваль теперъ Чураевъ съ сыновьями.

Фирсъ Платонычъ обошелъ всю пасѣку — всѣ триста ульевъ-лежаковъ, беспорядочно, какъ стадо овецъ, разбросанныхъ на цвѣтистомъ косогорѣ, оглядѣлъ покрышки, не опрокинулъ ли медвѣдь, прислушался къ звону ботала, поставленнаго въ ручьѣ подь колесо игрушечной мельницы для острастки звѣря. Ботало звенѣло — значить все благополучно. Разными голосами гудѣлъ и плескался крутой ручей, тихо колыхались маковки темныхъ и пахучихъ пихтъ, и солнечный восходъ изъ-за горъ озолотилъ ихъ и снималъ съ нихъ, опуская внизъ, темно-синюю тѣнь.

Напѣвали пчелы, одна привѣтила хозяина колючимъ. поцѣлуемъ въ руку.

— Ну, ты, Христовая!.. — снялъ ее Чураевъ осторожно пальцами.

Другую высвободилъ изъ подь рубахи, теряя въ бородѣ довольную улыбку, будто пчела игриво щекотала его волосатую грудь.

Прошелъ въ омшанникъ, поглядѣлъ на новую избушку, только что построенную, но не вошелъ въ нее, а медленно поднялся на пригорокъ, гдѣ подь тѣнью пихтъ стояла черная отъ времени, но крѣпкая часовенка надь прахомъ дѣда.

Сѣлъ на узкое крылечко, бросилъ шляпу на ступеньки и рукавомъ отеръ вспотѣвшій лобъ.

Отсюда виднѣ было все: и ульи, и омшанникъ, старую и новую избушки, городьбу, ручей и даже маленькую меленку, неустанно бьющую крылышками деревяннаго колеса по язычку ботала. Внизу обширный лугъ съ свѣжей кошениной. Налѣво паутиной тянется по косогорамъ городьба маральника, а направо извивается между лѣсистыми холмами въ каменной своей постели синяя рѣка.

— Благословиль меня Господь, Владыко Праведный! — снова произносить Фирсь Платонычъ и вспугиваетъ съ ближней вѣтки дятла. — Помяни Господь во царствіи твоёмъ старца Агафона, старца Платона, Мавру, Настасею. Поликарпа...

Чураевъ опускаетъ взглядъ на землю и медленно припоминаетъ имена родителей и сродниковъ, нѣкогда прокладывавшихъ путь въ басурманскую, глухую сторону.

Безъ сна проведенная ночь, переправа черезъ рѣку, семь верстъ ходьбы до пасѣки утомили Фирса. Ему пріятно посидѣть теперь подъ тѣнью пихты, и въ тишинѣ разгорѣвшася теплаго дня побесѣдовать съ давно умершимъ дѣдомъ. Грустно качая головою, онъ тихо по-старинному запѣлъ знакомый стихъ:

— Ахъ, пастырю мой прелюбезный,
Вскую тако скоро скрыся,
Мя остави сиротѣти —
Во вся дня моя скорбѣти...

Сухой и бѣлый дѣдъ стоялъ передъ Чураевымъ во всей своей духовной власти, преображенный въ святого угодника, а въ памяти вставалъ другой старинный стихъ:

— Ахъ, прекрасная пустыня
Прими мя во свои частыни,
Въ тихость свою безмолвну,
Въ палату избранну...

Фирсь Платонычъ поднялъ лицо, оглядѣлъ зеленые лѣсистые холмы и пустынные синѣющія дали и громче продолжалъ, какъ-бы увѣряя въ чемъ-то самого себя:

— Покоя и свѣтлыхъ чертоговъ,
Славы и чести премноги —
Бѣгаю аки отъ змія...
Пустыня моя прими мя!..

Чураевъ ясно видѣлъ каковъ былъ этотъ лѣсъ, ручей, вся эта мѣстность, когда впервые пришелъ и поселился здѣсь скитникъ Агафонъ. Недавно иструхла та свалившаяся лѣсина, въ которую была врѣзана первая иконка-складень, принесен-

ная дѣдомъ въ заплечной сумкѣ издалека. Фирсъ Платонычъ вспоминалъ слова изъ жизнеописаній древнихъ скитниковъ:

«Боръ бяша велій и мѣсто зѣло красно,
Окружео водами яко стѣнами...»

Теперь ужъ не то. Пообрубился лѣсъ, пообтопались, обжились увалы, повывелось звѣрье... А все-же благодатью Божьею переполнена душа Чураева.

— Благословиль меня Господь, Владыко Праведный! — поднимаясь съ крыльца, заканчиваетъ свои думы Фирсъ Платонычъ, и, направляясь по откосу внизъ на расчищенный въ лѣсу покосный лугъ, запѣлъ все тотъ-же старый стихъ:

— Пойду въ твои луги зрѣти
Многіе прекрасные цвѣти...
Пребуду здѣ своя лѣта
До скончанія вѣка...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Покосный лугъ Чураевыхъ раскинулся внизу у пасѣки широкой подковою. Зеленые ковры его облегалі косогоры и овраги, путались въ кустарникахъ, прикрывались тѣнью осинovýchъ и тополевыхъ рощицъ и стлались на расчищенныхъ полянахъ съ одинокими лиственницами и кедрами. Многія поляны были уже скошены. Длинные прокосы съ увядшими пахучими рядами травъ тянулись вплоть до берега рѣки. Кое-гдѣ уже стояли свѣжіе стога еще не полинявшаго вихрастаго сѣна.

Фирсъ Платонычъ, опираясь на костыль, спускался къ балагану и изъ подъ руки поглядывалъ на вышедшее изъ-за горы солнце. Уже поздненько, а по тропѣ съ рѣки еще не показывается знакомый, пестрый бисеръ всадниковъ. Правда, трава еще росистая — грести нельзя. Даже косить не слѣдуетъ, пока не высохнетъ роса — иначе все попрѣетъ. А все-таки не глянется Чураеву, что молодяжникъ долго чешется... Некому

ихъ тамъ подстегнуть, мать потатчица — небойсь не поторопить...

Чураевъ началъ уже серчать, когда снизу изъ оврага, по которому бѣжалъ къ рѣкѣ ручей, послышались громкіе залистые голоса, а вскорѣ на увальчикъ одинъ за другимъ выбѣжали съ косами и граблями въ рукахъ, въ разноцвѣтныхъ рубахахъ и сарафанахъ, около десятка всадниковъ и всадницъ. Всѣ они до половины были мокрые, только что преодолевшіе рѣку вбродъ выше пороговъ.

— Ишь какъ парятъ лошадей... — неодобрительно ворчалъ Чураевъ, а самъ усмѣхался бѣгущей ему навстрѣчу красношекой съ растрепавшейся косою Грунѣ. — Экая, козлуха!

Груня осадила лошадь и, захлебываясь смѣхомъ, зазвенѣла:

— Дыть онъ меня со смѣху уморилъ... — и, мелькнувъ мокрыми холщевыми штанами, въ которыхъ подчѣмбарень былъ сарафанъ, она спрыгнула съ коня и подала отцу узелокъ съ теплымъ еще, бѣлымъ калачемъ. — Попитайся-ка, возьми... Ушель, небойсь, не ѣмши...

У балагана все ожило, задвигались ярко красныя пятна, зазвенѣли голоса, тяжело дышали и фыркали мокрыя, лоснящіяся лошади. Проворно разбрасывались для просушки сѣдла. Высокая и остроглазая жена Ананія Варвара казалась молодой и совсѣмъ не походила на мать уже большого парня Кондри. Выжимая шаровары, она громче всѣхъ кричала:

— Говорила—выше надо брести, дакъ нѣтъ, дикошарые!...

Филиппъ, зять Чураева, хлюпая ногами въ мокрыхъ сапогахъ, совѣстилъ жену, полнотѣлюю Анну Фирсовну, за громкія слова, которыя она, захлебываясь смѣхомъ, все-таки выкрикивала:

— Теперь хоть нагишкомъ ходи: все вымокло...

Филиппъ, стѣснялся тестя, ему неловко было за жену. Въ длинной бѣлой рубахѣ съ разстроченными грудью и подоломъ, онъ потихоньку усмѣхался и, разсѣдывая лошадь, бормоталъ, чтобы не слышать словъ жены:

— А, шtbody васъ Богъ любить, дѣвченокъ этихъ, глупыхъ...

Три подружки — Груня, Настя и Маринка, всѣ въ пестрядинныхъ, мокрыхъ шароварахъ, плотно облежавшихъ ихъ

пышныя бедра, выжимали другъ на дружку платье и, потряхивая бисерами на груди, едва удерживали рвущійся наружу молодой, ядерный смѣхъ.

Кондра, не заботясь о себѣ и не желая выжиматься, разинувъ ротъ, оглядывалъ со всѣхъ сторонъ Антона, у котораго были сухими только кудри, сыпавшіеся изъ-подъ черной шляпы.

Для дѣвицъ и Кондри онъ былъ еще смѣшнѣе въ своей забавно строгой молчаливости передъ Чураевымъ.

— Охъ да и плутъ!.. Охъ да и забавникъ! — задыхалась Анна Фирсовна: — Ему все надо было, чтобы мы подолы выше задирали...

А Груня, желая оправдать Антона передъ отцомъ, вплетала въ смѣхъ свое.

— Онъ, батюшка, и самъ чуть-чуть не утонулъ!.. Его не сеть, а мы болони надсажаемъ...

Фирсъ Платонычъ искоса взглянулъ на черноглазаго Антона и оборвалъ смѣхъ Груни:

— Ну, будетъ дьявола-то тѣшить!..

Къ балагану подъѣзжали новые косцы и помочане. Ихъ сѣдла были почти сухія.

Они степенно и почтительно поздоровались съ Чураевымъ, сошли съ коней и молча разсѣдлали ихъ. Переѣзжали они рѣку тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а не тамъ, гдѣ кинулся перебродить ее озорной Антошка.

Пріѣздъ ихъ внесъ въ семью ту строгость и поспѣшность, которая напоминаетъ, что давно пора за дѣло.

Груня съ Кондрей первыми взялись за грабли и, отбѣжавъ отъ балагана, снова зазвенѣли смѣхомъ. За ними бросились къ работѣ Настя и Маринка, Анна Фирсовна и даже маленькая Стешка. Филиппъ, Антонъ и всѣ другіе мужики взялись за косы и направились въ другую сторону къ некошенной травѣ.

Варвара прибрала кожанья сумы съ харчами, снесла въ ручей туяся съ молокомъ и остановилась возлѣ свекра, выжидая приказаній.

— Ананій-то чего замѣшкался?—спросилъ Чураевъ строго.

— Матушку онъ плавить... Въ пасѣку она пожелала...

— Ишь, старой, тоже не сидится дома — Чураевъ усмѣхнулся, но тутъ-же покосился въ сторону дѣвицъ и Кондри:

— Ступай къ нимъ, пусть не балуютъ.

Барвара взяла грабли и пошла къ быстро прибывающимъ валкамъ свѣжаго сѣна. А Фирсъ Платонычъ, развязавши узелокъ, досталъ калачъ, перекрестился и, разжевывая крѣпкими зубами мягкій свѣжій хлѣбъ, направился къ рѣкѣ.

Свѣтло-синяя вода весело неслась впередъ, бурлила и качала бѣлыми гребнями на порогахъ, пѣнилась у береговъ и дышала влажнымъ холодкомъ. Чураевъ сѣлъ на камешекъ и, запивая хлѣбъ волюю съ пригоршни, нетерпѣливо ждалъ, когда изъ-за излучины покажется сосновый, острый носъ Ананьевой лодки.

Любилъ онъ, глядя на Ананія, вспоминать отца и себя въ борьбѣ съ этимъ порогомъ. Много разъ его отецъ, сухой и длинный, какъ и дѣдъ, усадивъ въ носъ лодки его, маленькаго Фирса, сильными толчками взлеталъ на ярые валы надъ страшными глыбами рѣчного дна. Фирсъ въ этомъ мѣстѣ постоянно закрывалъ глаза: такъ было боязно и сладко надъ качающимися, кипящими и гомонливыми волнами порога.

Позже, въ юности, онъ самъ испытывалъ силу молодечества въ борьбѣ съ порогами, а возмужавши поднимался къ пасѣкѣ уже привычно, безъ труда. А вотъ теперь уже лѣтъ десять не пробовалъ переходить порогъ. Этотъ порогъ не то, что нижній: здѣсь съ плотами только въ раннюю весну—пронеси Господи. За то Ананій переходитъ его часто. И то, что Ананій преодолѣваетъ его — умиляло Фирса Платоныча не тѣмъ, что сынъ его могучъ и силенъ такъ-же, какъ и онъ когда-то, а тѣмъ, что старшій сынъ жалѣетъ и бережетъ родителей. Онъ не желаетъ, чтобы отецъ ходилъ пѣшкомъ изъ пасѣки. Верхомъ Чураевъ давно не ѣздитъ, — а Парасковья Филатьевна и подавно. Она какъ-то, переѣзжая черезъ рѣку, упала отъ головокруженія съ лошади и съ той поры закалялась. Пѣшкомъ-же — ноги у нея простужены.

— Вонъ онъ, показался...

Маленькая, сухонькая Парасковья Филатьевна сидѣла на самомъ днѣ, а на кормѣ стоялъ большой Ананій и то-и-дѣло

взмахивалъ обѣими руками снизу вверхъ. Лодка сильно зыбалась, колебалась, обходила выдавшіеся между водою каменные валуны, теряясь между ними... Сдавала назадъ или стояла на одномъ мѣстѣ, какъ-бы собираясь съ силами или раздумывая, и съ каждымъ взмахомъ длиннаго шеста все приближалась, все выросталъ авъ глазахъ Фирса Платоныча.

— У старухи, поди, и душа спряталась, — ухмылялся онъ и уже не могъ сидѣть на мѣстѣ, а всталъ и пошелъ по крупнымъ галькамъ берега навстрѣчу лодкѣ.

— Наискось держи тутъ!.. Наискось! — громко подбадривалъ онъ Ананія, но шумъ рѣки захлестывалъ его голосъ.

Ананій давно изучилъ здѣсь рѣку. Онъ и самъ зналъ, гдѣ надо повернуть наискось, навстрѣчу бьющей отъ новыхъ валуновъ струи.

Уже слышно было чоканье шеста о каменное дно, уже доносилась напряженная молитва Парасковьи Филатьевны:

— Матушка, Пречистая, Пресвятая Богородица!..

Ананій гакалъ, выпускалъ изъ груди отрывистые вздохи, а Фирсъ Платонычъ басисто и улыбочиво привѣтствовалъ пловца:

— Эдакъ!.. Эдакъ, сынъ!.. Держи сюда!.. Ну, слава Богу!..

Лодка, какъ запаленный конь, посовывалась носомъ между берегомъ и волнами теченья и, наконецъ, подхваченная сильными руками, взлетѣла на берегъ.

Ананій лѣтомъ всегда безъ шапки. Рыжеватые волосы подстрижены въ скобку и отъ этого лобъ его кажется низкимъ, а взгляды синихъ глазъ на солнцѣ острымъ и суровымъ, безъ зрачковъ. Рѣдкая клоками борода обнаруживала упрямый подбородокъ. На немъ былъ бѣлый изъ холста кафтанъ съ красной оторочкою и большими ластовицами подъ рукавами.

Онъ первый выпрыгнулъ на берегъ и подаль руку матери.

— Трясешься? — сказалъ онъ коротко неподходящимъ къ его росту тонкимъ голосомъ.

— Да, ужъ лучше-бы я пѣшкомъ дошла. Набоялась до смерти...

Она пошатывалась на неровномъ берегу, но улыбалась и,

подобравъ слегка подмоченный подошь темно коричневаго сарафана, несла ведерный туясь съ квасомъ.

— А ты чего-же это, старикъ, уплеся, не сказавшись?

Чураевъ не слыхаль ее, подтаскивая лодку по шуршащимъ галькамъ на берегъ, и обратился къ сыну:

— Викуль не прѣхаль?..

— Нѣту! — отсѣкъ Ананій и пристально взглянулъ въ озабоченное лицо родителя.

Потомъ онъ догналь мать, молча взяль у нея туясь и пошель съ нимъ прямо къ косарямъ.

Парасковья Филатьевна стала хлопотать у балагана — скоро всѣ обѣды затребуютъ.

Фирсъ Платонычъ, бросивши на сѣдла свой кафтанъ, взяль вилы и направилъ на греблю.

— Почище, дѣвки, почище гребите!.. Ишь растрясли волосья-то! — прикрикнуль онъ и, плюнувъ на ладони, молодод поддѣль на вильникъ свѣжаго сухого сѣна, чтобы начать первую копну.

Стешка по указкѣ догадливой Варвары уже бѣжала къ дѣдушкѣ топтать копну и подскребать за нимъ остатки сѣна.

Копнилъ онъ ловко, укладывая сѣно, прихлопываль его, а сдѣланную копну долго оглаживаль, приказывая внучкѣ:

— А ну-ка причеси ее!

И Стешка долго очесывала копну, складывая сѣно на верхушку, гдѣ Фирсъ Платонычъ приглаживаль его руками, завершая красоту копны со строгою любовью.

Поодаль подь началомъ Ананія росли ряды свѣжей кошенины, звенѣли и сверкали косы, раздавались молодецкѣе окрики подгонявшихъ другъ друга косарей, а вблизи шуршало сѣно, разсыпался женскій смѣхъ и разливался всюду теплый золотистый свѣтъ погожаго дня.

Усталость одолѣла Фирса лишь тогда, когда отъ балагана раздалось визгливое:

— Обѣ-ѣда-ать!..

Онъ закончилъ копну, постояль возлѣ нея, опершись на вилы, и сказалъ Стешкѣ:

— Ступай, зови обѣдать...

И всё какъ-будто съ неохотою, лишь послѣ приказанья Стехки, направились на станъ.

Послѣдней подошла Варвара и, будто знала, что Фирсь Платонычъ всю ночь не спалъ, принесла ему охапку сѣна.

Фирсь Платонычъ разостлалъ ее поодаль, въ тѣни куста, и въ то время, какъ всё сѣли въ кругъ возлѣ пахучихъ жирныхъ шей, подъ кустомъ раздался храпъ изъ крѣпкой и большой груди.

Всѣ ѣли молча и степенно. Филатьевна поставила на кругъ большую чашку съ сусломъ и сказала снохѣ:

— Ну, паужну ты, Варвара, ужъ сама сготовишь: я въ пасѣку пойду

Въ отвѣтъ на это Фирсь Платонычъ ядрено крякнулъ и проворно поднялся изъ-подъ куста.

За часъ обѣда онъ уже на весь день выпался.

— Ключъ-то отъ избушки ты взяла-ли? — спросилъ онъ у Филатьевны, вспомнивъ, что ушелъ изъ дома безъ ключа.

Филатьевна пощупала висѣвшіе у пояса ключи и не отвѣтила.

Фирсь Платонычъ подошелъ къ кругу и, подсѣвъ къ остаткамъ сусла, взялъ чашку въ обѣ руки, и черезъ край медлительно выпивъ сусло, крякнулъ. Варвара подлила ему свѣжаго. Онъ вытеръ и расправилъ пышные усы, отломилъ хлѣба, взялъ ложку и началъ ѣсть проворно и нахмуренно, какъ слѣдуетъ...

Пока онъ ѣлъ — всѣ попритихли, прилегли, кто гдѣ успѣлъ. Но Фирсь Платонычъ скоро кончилъ сусло — мясного онъ давно не ѣлъ — запилъ квасомъ и, вставши на ноги, истово перекрестился.

— А ну-ка, подымайтесь! Солнышко не ждетъ!.. — сказалъ онъ нараспѣвъ. За ведро надо успѣвать, ребята! — и наставительно прибавилъ поговорку: — Въ долгакъ не деньги, въ копнахъ не сѣно...

И вся семья проворно встала и направилась къ работѣ. Снова ожилъ, запестрѣлъ зеленый лугъ, прибавлялись ряды прокосовъ, прибывали копны, а къ вечеру выросли новые стога.

Только новая прохладная роса созвала всѣхъ къ балагану. Одинъ Чураевъ остался у послѣдняго стога, притулившись къ нему спиною. Онъ послалъ Стешку къ стану за костьюлемъ и, когда она ему принесла его, устало поднялся по косогору въ пасѣку. Тамъ въ розовомъ закатѣ дня онъ долго сидѣлъ на крылечкѣ старой часовенки, а когда стемнѣло, вошелъ въ нее, нашарилъ самодѣльную желтенькую свѣчку, высѣкъ кремнемъ огня, — «отъ сѣрянки пса не накорми, не токмо жертву Богу возжигай» — часто вспоминалъ онъ завѣтъ отца; — поставилъ свѣчку передъ старой, «отъ времянь» иконою и, затворившись, долго молился, покрустывая непокорными суздами костей.

И не молитву совершалъ Чураевъ, а строгое и дружеское собесѣдованіе съ Богомъ, съ предками, съ самимъ собой.

Крестился Фирсъ Платонычъ такъ, что на плечахъ, на лбу и на груди шипало отъ сильныхъ прижиманій твердаго двуперстнаго креста.

Всматриваясь въ темные лики иконъ, онъ твердилъ привычныя слова молитвы, земно кланялся; но плохо видѣлъ ихъ, потому что передъ нимъ проходили нескончаемою вереницей тѣни прошлаго, далекаго, обрывки изъ того, что зналъ онъ изъ книгъ и по преданьямъ.

Гдѣ-то за далекими равнинами Сибири лежатъ Уральскіе горы и лѣса. Въ горахъ тѣхъ жилъ царекъ изъ тульскихъ мужиковъ Никита Алтуфьевъ съ сыномъ. Потрафили они великому царю Петру, далъ онъ имъ уральскія земли во владѣнье, завели они заводы, стали добывать желѣзо и потекли къ нимъ бѣглецы, клейменные, штрафные люди. И дѣлаютъ Алтуфьевы надъ ними что хотятъ: сѣкутъ, пытаются и не велютъ роптать — начальству выдать грозятся. Видитъ Фирсъ Платонычъ среди нихъ молодого кучеряваго сектанта Агафона, ушедшаго на промыслы изъ Керженскихъ скитовъ... Много разъ пытался онъ убѣжать съ заводовъ, но сѣкли его нещадно — холки изсѣкутъ, какъ на пельмани — опять работаетъ, опять терзается Агафонъ, тоскуетъ по волѣ, о лѣсахъ, о потаенномъ Бѣловодѣ. И только въ тридцать лѣтъ онъ убѣгаетъ темной ночью. Бѣжалъ къ востоку день и ночь, провелъ все лѣто въ

скитаньяхъ по тайгѣ, питался, какъ звѣрь, какъ звѣрь ненавидѣль и боялся человѣка, а въ сердцѣ все-таки берегъ святой завѣтъ о превлѣньи благочестія, и несъ съ собой старинные обряды и преданья въ дальній, басурманскій край...

И Фирсь Чураевъ смотритъ на иконы смѣло... Съ Богомъ говорить, какъ съ должникомъ:

— Помяни во царствіи Твоемъ душу Агафона!.. Дай мѣсто злачно, вѣчный покой...

Никто никогда не говорилъ въ семьѣ Чураевыхъ о прошломъ дѣда, никто не зналъ о томъ, о чемъ догадывался Фирсь изъ осторожныхъ, воровскихъ бесѣдъ отца и матери... Но все-же не хотѣлъ сознаться, что на душѣ дѣда Агафона лежитъ незамолимый грѣхъ, потому что черезъ грѣхъ этотъ имъ былъ проложенъ путь въ непроходимыя дебри, къ святому Бѣловодью, къ теперешнему благоденствію Чураевыхъ и многихъ истинныхъ ревнителей благочестія...

А все-таки Чураевъ смутно беспокоится за предка, котораго давно считаетъ святымъ, все-таки вздыхаетъ глубоко и сокрушенно:

— О, Господи помилуй! Господи прости!..

И беспокойство выросло, поднимало и будило совѣсть, вызывало страхъ, что Богъ потребуетъ возмездія, рано или поздно отомститъ Чураевскому роду... Не за гробомъ, гдѣ дѣдъ уже даетъ Ему отвѣтъ, а здѣсь на землѣ накажетъ — Чураевъ это чувствуетъ и всѣми силами старается забыть, но забываетъ только утромъ, днемъ и вечеромъ, а ночью, въ темнотѣ грѣхъ дѣда снова мучаетъ его угрозами и страхомъ:

— Гдѣ Викуль? Почему такъ долго не возвращается? Почему не шлетъ вѣстей о себѣ? Второй мѣсяцъ на исходѣ... Не убить-ли, не ограбленъ-ли?!

— Господи прости — помилуй!.. Господи прости — помилуй!

Душно дѣлается Чураеву въ часовнѣ и уже не святою иконою встаетъ въ его воспоминаніяхъ дѣдъ, а бродягою — разбойникомъ, убивающимъ въ глухомъ лѣсу спящаго и молодого Викула.

— Господи прости — помилуй! — еле выдыхаетъ въ страхѣ

Фирсь Платонычъ и пятится отъ догорающей свѣчи къ дворямъ.

Влажный сумракъ ночи дышетъ на него запахомъ пихтовой сѣры, темными огромными монахами стоятъ вокругъ деревья и обступаютъ его черною, тяжелою толпой.

Онъ идетъ въ жилую избу, гдѣ уже давно спать намающаяся Филатьевна, но вскорѣ вновь выходитъ на воздухъ и опять идетъ подъ косогоръ, на лугъ, гдѣ возлѣ балагана мерцаетъ огонекъ и разливается подъ отдаленный шумъ рѣки молодая проглосная пѣсня:

Какъ на травушку роса
Пала! на муравыньку студеная.
Парень дѣвушку любилъ, спокинулъ —
Съ руки перстень оставлялъ...

— Ишь, Грунька-то всѣ голоса покрыла, — ворчитъ съ собою Фирсь Платонычъ.

Онъ доволенъ, что пѣсня молодежи отвлекла его отъ мрачныхъ думъ, но въ то-же время не желаетъ потворствовать безчинству. Да и слова пѣсни: «Парень дѣвушку любилъ, спокинулъ» — почему-то больно кольнули его въ сердце, какъ-будто напомнили еще о чемъ-то, давнемъ, позабытомъ и тяжеломъ...

— Ну, будетъ вамъ базлатъ-то! Спите! — неожиданно гремитъ онъ, приближаясь къ балагану.

И пѣсня обрывается. Вмѣсто нея изъ балагана слышится здоровый храпъ Ананія и старшихъ косарей.

... Такъ день за днемъ прошла покосная недѣля. Въ субботу послѣ поздняго обѣда всѣ мужики и бабы съ дѣвками осѣдлали сытыхъ лошадей, навьючили сумы и пестрою веселой вереницей опять направились къ рѣкѣ.

Антонъ ѣхалъ впереди. Разсѣкая грудью лошади быстрое теченіе, онъ медленно одолевалъ бродъ. Лошадь его осторожно ощупывала каждою ногою отшлифованные камни рѣчного дна и тамъ, гдѣ рѣка вотъ-вотъ сшибетъ и понесетъ ее, она круто поворачивала грудь навстрѣчу волнамъ и долго боролась съ теченіемъ. Но вотъ и берегъ — и Антонъ, скаля зубы, любовался, какъ перебродятъ остальные, какъ дѣвки, держа

сапоги въ рукахъ, оголяютъ колѣнки и визгливо хохочуть отъ шекотанья по голяшкамъ буйной ледниковой водой.

Ананій-же усаживаетъ въ лодку мать съ отцомъ и съ быстрою стрѣлы мчится съ ними внизъ по быстрому теченью.

Завтра въ деревнѣ въ часовнѣ у Чураева моленье и бесѣда съ прихожанами.

Завтра онъ на цѣлый день забудетъ о своихъ дѣлахъ и думахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Солнышко еще не вышло изъ-за горъ. Въ долинѣ надъ рѣкой черезъ пороги пышною, сѣдой повѣтью плыль туманъ. Новый домъ Чураевыхъ былъ выше всѣхъ другихъ, и первый лучъ сперва окрашивалъ блестящей позолотой его крышу, потомъ заглядывалъ въ раскрашенные окна второго дома — хоромины, и уже потомъ заигрывалъ съ хмурыми и маленькими окошками темнаго и старенькаго пятистѣнника, въ которомъ жили одни лишь темные стараго письма угодники съ рукописными въ деревянныхъ крышкахъ книгами «отъ времени».

Съ тѣхъ поръ, какъ въ пятистѣнникѣ нашла пріютъ моленная — въ ней никто не жилъ. Лишь изрѣдка на широкой скамьѣ у входа ночевалъ Фирсъ Платонычъ и то только тогда, когда его особенно терзали думы и онъ подолгу, до усталости, молился здѣсь.

Средняя стѣна была прорублена широкой аркой, и потому моленная вмѣщала до ста стариковъ, а ихъ и со старухами въ моленной больше не бывало; развѣ на обѣдахъ въ большіе сѣзжіе праздники бывало больше, за то тогда распахивались широко двери хоромины и никто не ухочилъ безъ угощенья.

Пястистѣнникъ стоялъ въ длину съ востока къ западу, окошками на югъ и на востокъ. Но оттого что на восточной сторонѣ былъ полусадикъ, а на окошкахъ спиною къ солнышку стояли иконы, въ моленной всегда было сумрачно. А темно-зеленая съ синими цвѣтками покраска стѣнъ и потолока

усиливала сумракъ, и потому-то по утрамъ передъ молениемъ старухъ и стариковъ — о молодыхъ и говорить не надо — въ моленную не манило, хотъ тамъ и много было скамеекъ для тихой, предмолитвенной бесѣды.

Всѣ прихожане собирались въ оградѣ, размѣщались на заваленкахъ и на крылечкѣ и особенно на большомъ раскрашенномъ крыльцѣ хоромины, откуда были видны рѣка и горы и плывущій надъ рѣчной долиною туманъ, и небо надъ горами—весь Божій свѣтъ.

Къ большому, новому дому молельщиковъ тоже не тянуло. По праздникамъ тамъ возлѣ лавки больно много толклось всякаго народа, всякихъ вѣръ. Они смѣялись, озорничали, жевали сѣру, грызли орѣхи и подсолнухи. Бывали даже и такіе, которые табакъ курили.

И хорошо, что коридоръ новаго дома съ широкими дверями; лавки выходилъ не въ ограду, а на улицу и отъ моленной его не видать. А то соблазну было-бы не мало.

Въ Петровъ день еще до солнышка въ ограду, на мураву-траву и на крылечки моленной и хоромины собрались степенные старики и старухи, мужики и молодицы и даже малые ребятки. Всѣ въ черныхъ нанбуковыхъ кафтанахъ, сарафанахъ и поддевкахъ. Даже босоногіе, вихрастые, безъ шапокъ, мальчуганы и тѣ въ новыхъ черныхъ «подоболочкахъ» изъ дешеваго сатина.

У старухъ лѣстовки въ рукахъ, сшитыя изъ узелковъ холстины, у стариковъ цвѣтные стеганные коврики, величиною въ двѣ ладони, чтобы при земныхъ поклонахъ не касаться пола чистыми руками. У иныхъ-же просто старые, замызганные костыли въ рукахъ. У двухъ малютокъ дѣвочекъ — желтенькіе изъ чистой бересты туяпочки. У одной хвораеть дряхлый дѣдушка, у другой — при-смерти бабушка. Дѣдушка Чураевъ полетѣть имъ въ туяпочки благодати Божьей, разведеннаго богоявленскою святой водой съ мелкомъ причастія — крупичатой-мякушки, хранимой отъ временъ издревляго благочестія, которую дала святому отроку Андрею Олонецкому Сама Богородица, и дѣдушка и бабушка заочно причащаются сами.

На дѣвочек-малютокъ и старые и молодые смотрять ласково и спрашиваютъ озабоченно:

— Не умерла, знать, еще бабонька-то?..

— Дѣдка-то твой съ языкомъ-ли?

Нѣтъ, бабонька не умерла — причастья съ непорочною отроковицей ждетъ. И дѣдка съ языкомъ — самъ, немощный, послалъ къ наставнику малютку съ туясочкомъ. Принесутъ малютки благодати, — тогда и умереть не страшно.

Въ черномъ и блестящемъ, какъ крыло ворона, сатиновомъ кафтанѣ, умытый и причесанный вышелъ на раскрашенное крыльцо своей хоромины Чураевъ. Онъ въ поясъ поклонился прихожанамъ, и голосъ его звучалъ сегодня мягче и распѣвистѣй:

— Ну, старички почтенные... Помолимся! — привѣтливо сказала онъ и первый шагнулъ на узкое крыльцо моленной, а изъ сѣней тремя ступенями поднялся въ горницу — молитвенное мѣсто, горнее...

И горница вслѣдъ за наставникомъ наполнилась фигурами молящихся въ темныхъ одеждахъ, отчего въ моленной стало еще сумрачнѣй.

Передняя стѣна, опоясанная поперекъ широкой деревянной полкою, покрытой цвѣтною холстиной, — украшенная темными, старинными иконами, тяжелыми большими книгами, камильницей, похожей на желѣзный ковшикъ съ ножками, и желтыми, своей работы, восковыми свѣчками, остановила на себѣ всѣ взоры.

Всѣ долго, молча, крестились, кланялись, шурша сатиномъ, нанбукомъ и кашемиромъ; потомъ наставникъ отдѣлился отъ толпы, шагнулъ впередъ и, метнувъ направо въ сторону Кондри суровымъ взглядомъ, громко произнесъ:

— Слава и нынѣ!

Звонко и отчетливо, почти сердито, зазвенѣлъ Кондринъ голосъ:

— Слава Отцу и Сыну и святому Духу... И нынѣ, и присно и вѣвѣки вѣкомъ... Аминь!

И всѣ, какъ пшеница-черноуска подъ напоромъ вѣтра, вразъ поклонились въ землю — положили «Начало»...

Чураевъ первый поднимается и крестится, а Ананій уже подносить ему дымящуюся кедровой сѣрою кадильницу. Наставникъ подходитъ къ иконамъ и поочередно и крестообразно кадитъ имъ съ внятной и простой молитвой:

— Господи помилуй! Господи благослови!..

Ананій озирается на стариковъ, потихоньку кашляетъ въ руку и дребезжащимъ, сиплымъ голосомъ заводитъ древне-праведный мотивъ:

— Господи-е по-ми-елуй, Господи-е по-ми-елу-ай, Господи-е по-ми-и-елуй!..

Безрадостную пѣснь дружно подхватываютъ старики и сумрачная моленная изба качается на волнахъ стараго унылаго мотива, напѣтаго еще издревле замурованными въ подземельяхъ христіанами.

— Рцемъ — двѣнадцать! — рѣзко покрываетъ голоса приказъ Чураева.

И голоса все громче и увѣреннѣе, все печальнѣе поютъ:

— А-а-Господи-е поми-е-луй-а-Господи-е поми-и-е-луй!..

Передъ иконами мерцаютъ огоньки свѣчей, съ темныхъ стѣнъ смотрятъ разведенные по синему фону зеленые растенья и цвѣты. На растеньяхъ висятъ яблочки, похожіе на красные блины, на яблочкахъ, воткнувшись въ нихъ клювами, а ножками опираясь на синій воздухъ, питаются невѣдомыя птицы. А съ потолка глядитъ на всѣхъ желтой краской нарисованное солнышко, похожее на распустившійся подсолнухъ.

— Въ землю прими ны, яже еси отъ земли взять бысть... — поютъ, перегоняя одинъ другого, старики.

Фирсъ Платонычъ продолжаетъ кадитъ, а звонкій голосъ Кондри покрываетъ голоса:

— И нынѣ и присно...

— И во-о-вѣ-я-ки вѣ-ѣ-ко-омъ а-ями-ень! — загробно, скорбно и сиповато заканчиваетъ Ананій.

И вновь черные колосья съ шумомъ падаютъ передъ иконами.

Но снова поднимаются всѣ на ноги, и снова тишина. Снова руки всѣхъ поджаты на груди, кисти подъ локтями или под-

мышками — и Фирсь Платоныч надъ раскрытой книгой зычно произносить:

— Иже возлюбитъ мать или отца своего паче Мене — нѣсть Мене достоинъ...

Качаетъ лысой головою Прохоръ Карпычъ, длинный, малonosый и бѣлобородый шуринь Анкудиныча. По своему онъ понимаетъ слова писанія и вспоминаетъ про племянника Самойлу, ушедшаго въ поморскіе скиты.

— Иже возлюбитъ брата или дочь свою паче Мене — нѣсть Мене достоинъ! — провозглашаетъ Фирсь Платонычъ.

— Да, вотъ Онъ што Господь-отъ говорить... — вслухъ произносить Прохоръ Карпычъ и наставительно озирается на молящихся сосѣдей, какъ будто этимъ хочетъ показать имъ, что осуждаетъ онъ всѣмъ вѣдомый поступокъ племянника Самойлы.

Нейдетъ на умъ ему молитва. Опозорилъ его зять Данило Анкудинычъ, обидѣлъ, отшатнулся отъ Чураева — свою моленную, слышать, затѣялъ... Шушукается съ разными прохожими, втай бесѣдуетъ по праздникамъ, а въ безпоповскую, свою моленную нейдетъ.

— Аще да никто-же избѣжитъ геенны вѣчныя! — заканчиваетъ дьякъ-престецъ угрозу за измѣну Господу.

— О, Господи прости — помилуй! — въ страхѣ произносить Прохоръ. Жалко ему Анкудиныча и Самойлу жалко.

— «Въ геенну?.. Ужъ больно круто и сурово што-то! Нѣтъ, надо уговорить Данилу, надо, чтобы покорился онъ и раскаялся. Да гдѣ-же? Больно упористый! И сынъ въ него пошелъ: ишь что затѣялъ — ушелъ въ какіе-то поморскіе скиты, Богъ вѣсть въ какія страны. И не иначе, какъ за новой вѣрой... Не иначе!..

— «Потеряли де мы вѣру вмѣстѣ съ книгами, потеряли де мы истиннаго Бога»

И Прохоръ Карпычъ слушаетъ Чураева, а понять не можетъ. На умъ свое идетъ:

— Было дѣло, — вспоминаетъ Прохоръ — прятали мы книги и иконы, въ мѣшкахъ муки спускали ихъ на дно озеръ и рѣкъ, отопрѣвали длинныя веревки, погибали книги и иконы. А

то еще случалось — передъ обыскомъ начальства — складывали книги въ печи, загораживали ихъ дровами, затопляли печи, когда начальство врывалось въ избы — сгорали, истлѣвали книги въ пепель.

— Было дѣло. Было дѣло, Господи прости насъ грѣшныхъ! — уже вслухъ говорить Прохоръ и крестится и кланяется безъ очереди, одинъ среди стоящихъ неподвижно одновѣрцевъ.

Молодые мужики и бабы и ребятки видятъ, что самый почтенный дѣдушка Прохоръ, самый ласковый и тихій крестится, и тоже начинаютъ креститься и кланяться, но Ананій слышитъ шорохъ, строго озирается на задніе ряды, и всѣ опять стихаютъ, пойманые на ошибкѣ.

А Прохоръ Карпычъ опять про Анкудиныча и про Самойлу:

— «Не женилъ во-время сына. Не взялъ Анну у Чураева — вонъ какая ягода-дѣвица бѣдняку досталась... Загордился — вотъ и наказаль Господь... Ушелъ въ поморскіе скиты Самойло — вѣра-вѣрой, а бабу тоже надо... О, Господи прости!» — спохватывается Прохоръ Карпычъ и, чтобы отогнать навязчивыя размышленія — того старательнѣе крестится и бьетъ поклоны.

Кланяется Прохоръ Карпычъ Богу, а видитъ крупную фигуру Фирса въ черномъ, лоснящемся отъ новизны, кафтанѣ. Кланяется Богу, а Чураеву завидуешь:

— «И почетъ ему и уваженье... И богатъ онъ и славушень... И сыны у него — какъ три ястреба. Особливо-же рѣчистъ-востеръ былъ меньшакъ, Васютка!.. Ухъ, забрасаетъ онъ еретиковъ огненными словесами. Не даромъ Фирсъ не пожалѣлъ денегъ, сызмалѣтства отослалъ въ Москву въ ученье»...

И рядомъ съ завистью въ душѣ Прохора укладывается почтенье въ Фирсу.

— «Спаси его Господи, помилуй!.. Прости его Господи, коли онъ въ чемъ Тебя прогнѣваль! — Любить Фирсъ почетъ и богатство... Любить стоять повыше другихъ-прочихъ. Прости его Господи, помилуй!» — шепчетъ Прохоръ и трясетъ бѣлой, длинной бороδοю и швыркаетъ въ себя пахучій дымъ отъ кадилыницы маленькимъ ребячьимъ носомъ.

Такъ пробесѣдовалъ съ собой и съ Богомъ все моленье Прохоръ Карпычъ, показалось ему моленье легкимъ и корот-

кимъ, когда услышалъ, что уже задвигались, зашевелились, зашептались старики и старухи, отодвинули отъ стѣнъ скамейки, сѣли отдохнуть послѣ молитвы... Молодые вышли на крылечко, ребяташки разбѣжались по оградѣ. А Фирсъ Платонычъ стоялъ у столика надъ закрытой книгой и всматривался въ свою душу, накапливалъ сильныхъ словъ для бесѣдной рѣчи къ прихожанамъ.

Ограда покраснѣла отъ нарядовъ полнотѣлыхъ дѣвокъ, Груниныхъ подружекъ. Лѣнвивыя молиться Богу, онѣ пришли къ Чураевымъ изъ любопытства: по праздникамъ въ оградѣ у Чураевыхъ всегда людно и что-нибудь есть новое: либо съ займокъ крестить ребенка привезутъ, либо съ верховья рѣки кто-либо «убѣгомъ» брачиться пріѣдетъ, либо просто разговоръ занятный кто-либо затѣетъ. Всѣхъ занятнѣе говорить всегда замужня Анна Фирсовна... Смѣется бѣлымъ, полнымъ лицомъ своимъ со складкою подѣ подбородкомъ и рассказываетъ дѣвкамъ, какъ надо замужъ выходить, да какъ ребятъ родить, да какъ мужей на привязи возлѣ себя держать. Дѣвки фыркаютъ отъ смѣха и стыда, розовѣютъ, какъ заря по утру, а все-таки всѣ тянутся къ Аннѣ, замкнуть ее въ кружокъ и смотреть въ маслянистые глаза рѣчистой молодухи. И чаще всѣхъ, смѣлѣе всѣхъ выпрашиваетъ у сестры шустрая и кругленькая Груня. Такъ и тянетъ къ уху Анны сочная, малиновыя губы: спросить тайное и шурить на подружекъ синіе глаза, морщить въ смѣхѣ розовый носикъ съ крупными игривыми ноздрями.

И всѣ позабываютъ, что въ моленной Фирсъ Платонычъ со стариками и старухами о спасеніи души да о смертномъ часѣ говорить. На красныхъ сарафанахъ не разъ останавливался острый взглядъ Ананія. Ему бесѣдовать со стариками не приходится, у него свои дѣла въ оградѣ — доглядѣть за благонаравіемъ. А тутъ еще пріѣхали бѣглые женихъ съ невѣстою. Бѣда ихъ въ томъ, что женихъ-то безпоповецъ, какъ и всѣ Чураевскіе прихожане, а невѣста изъ спасовскаго согласія. И хочется ей выйти замужъ и боится оскорбить родительскую вѣру. А жениху бракъ закрѣпить необходимо поскорѣе: начинается страда — своя работница ко времени.

Женихъ съ невѣстою стоятъ возлѣ осѣдланныхъ, въ мылѣ, лошадей, невѣста даже и шаровары не сняла, лицо у ней дѣвическое, виноватое и вмѣстѣ съ тѣмъ задорное, потому что незнакомыя дѣвки и бабы на нее глаза свои проглядѣли.

— «Ой, стыдобушка... Охъ, провалиться-бы мнѣ»... — сквозить въ ея глазахъ, и не можетъ она войти въ чужую, незнакомую моленную.

Но Ананій хоть и скупъ на слово, а резонить:

— Рѣшилась отъ родителей бѣжать, дакъ надо ужъ къ одному берегу прибиваться... Нечего робѣть-то!..

Да и женихъ не робокъ, въ бородѣ, годистый.

— Снимай шаровары-то, да пойдемъ скорѣйча... Окрутить насъ дѣдушка Чураевъ, а тамъ уладится — какъ-ни-то...

А Анна Фирсовна уже тутъ какъ тутъ, подлѣ невѣсты:

— Пойдемъ-ка сперва въ сѣни. Переодѣвайся!.. Гдѣ у те нарядъ-то брачный?

Груня отвязала отъ сѣдла суму, достала изъ нея красный узелъ съ вкуснымъ запахомъ ситцевой обновы, и позвала подружекъ:

— Пойдемте, дѣвки, невѣсту обряжать.

Оттолкнули дѣвки отъ невѣсты растерявагося жениха, спрятали ее въ сумрачныя сѣни хоромины и зазвенѣла тамъ многоголосая обручальная:

— Ай, не полати-то-ли гря-анули,
Да по рукамъ-то дѣвку вда-арили...

Звончѣе всѣхъ поетъ Груня, а Анна Фирсовна, повязывая кашемировую красную шалью невѣсту, торопливо спрашиваетъ у нея:

— Какъ зовутъ-то?

Подхватили дѣвки бѣглую свадьбу на высоко взлетѣвшія крылья пѣсни и растрогали сердце незнакомой дѣвушки. Задилась она слезами, слушая пѣвучія слова:

— Ай, какъ не печь-то повали-илася
Да у насъ Агафья заручи-илася-а-а...

Все дружныѣ поють дѣвицы, все вольныѣ берутъ за сердце ихъ слова:

— Да бѣжить рѣчка, рѣчка бы-ыстрая
Да рѣчка быстрая, струистая-а,
Ай, какъ бѣжить она по камушкамъ
Да по камнямъ, пескамъ, подъ го-орушку...

Поють печальное, а самимъ весело. Торопливо снарядили Агафью подъ вѣнецъ и шумною толпой ввели въ моленную, поставили передъ задумчивымъ лицомъ Фирса Платоныча. Сообща всѣ помолились за нее, когда ее переводилъ наставникъ изъ спасовщины въ безпоповщину. Простояли обрядъ благословленія брака, искололи насмѣшливыми взглядами неповоротливаго новобрачнаго, пошущукались промежъ собой: «не первую, должно, беретъ... Небойсь отъ первой-то ребята есть... Ишь бородатый». И снова вышли всѣ изъ темной моленной, на мураву-траву, на солнышко.

А Фирсъ Платонычъ все еще въ моленной — со стариками посидѣть остался.

Высоко поднялось на небѣ солнышко — уже давно коровы и быки, задравъ хвосты, прибѣжали изъ лѣсу и толкуются въ тѣни возлѣ амбаровъ и дворовъ. А Фирсъ Платонычъ все еще не ѣлъ.

Уже уѣхали новобрачные для новой жизни гдѣ-то на заимкѣ, для ожиданья тамъ гнѣва и прощенія великодушныхъ родителей — только тогда сноха Варвара вошла въ моленную и съ пояснымъ поклономъ напомнила свекру:

— Ты, батюшка, вѣдь все-то голоднехонекъ.

— Не одинъ говѣю, мила дочь!.. Вишь тутъ и другіе не обѣдали, а Богъ хоронить, не умерли!.. — и онъ, вставая со скамьи, сказалъ немногимъ старикамъ, сидѣвшимъ тутъ-же: — сказано бо, есть въ писаніи, што не хлѣбомъ однимъ челоуѣкъ питается... Ну, старички! Спаси васъ Богъ, да не убоимся во вѣки! — прибавилъ онъ многозначительно и загасилъ догоравшую свѣчу у иконы Спаса.

Сгорбившись и темнѣя на яркой зелени кафтанами, старики устало побрели изъ Чураевской ограды по домамъ. Чураевъ же шагаль на крыльцо хоромины молодо и твердо. Взглядъ

его неодобрительно скользнулъ по краснымъ сарафанамъ дочерей, звонко смѣявшихся возлѣ воротъ, потомъ черезъ ворота за рѣку къ маральникамъ, потомъ поднялся къ летѣвшимъ надъ горами облакамъ...

У большого новаго дома, возлѣ лавки, въ которой торговали зять Филиппъ и Кондря, шумѣла пестрая толпа, а въ ней ширькала гармоника, и Антонъ въ желтой рубахѣ и широко въ лаковомъ ремнѣ, слегка перебирая лады гармоникки, манилъ глазами Груню отъ воротъ и потихоньку подпѣвалъ:

— Эй, выйди мила на крыльсо-о
Да дай съ правой руки кольсо-о...

Чтобы не слышать пѣсень, Чураевъ плотно затворилъ дверь въ сѣни. Парасковья Филатьевна сидѣла за столомъ въ прохладѣ сѣней и, подсыпая Фирсу Платонычу въ сусло свѣжей ягоды-клубники, уговаривала сноху Варвару:

— Да ляжь ты, отдохни немного... Пускай Грунятка похлопочеть. А то и у Анны жиру много — пусть подсобятъ...

Чураевъ ѣлъ медлительно, разсѣяннo и думалъ о своемъ. Ананій, отворивши въ сѣни дверь, спросилъ его съ крыльца:

— Какъ, батюшка, завтра за мараловъ не возьмемся?

Фирсъ Платонычъ не разслышалъ или крѣпко думалъ о своемъ, и не отвѣтилъ.

— Мужики, молъ, наниматься пришли — мараловъ ловить.. Рога-то поди надобно снимать ужъ.

— Орудуй самъ. Не маленькой! — откусывая хлѣбъ, сурово проворчалъ Чураевъ и опять ушелъ въ себя.

Ананій вышелъ на ограду къ мужикамъ и сѣлъ съ ними въ тѣни возлѣ завозни такъ, чтобы черезъ ворота была видна зарѣчная часть горъ и городьба маральниковъ.

Онъ повелъ съ ними рѣчь не о поденной платѣ, а о томъ, что въ прошломъ году ловили также, да трехъ самцовъ изувѣчили.

— Перво-наперво уговоръ, ребята, вотъ какой, — бабимъ голосомъ наставлялъ Ананій дюжихъ мужиковъ, — хоша онъ и звѣрь, а съ нимъ надо не круто поступать, потому онъ на худой конецъ двѣ сотни стоитъ, а изувѣчилъ — за него пя-

титку не дадутъ... Его надобно такъ поймать, чтобы ногу не сломать — нога у него тонка, а наипаче всего надобно рога беречь... Въ рогахъ у него и вся цѣна...

Ананій уговаривалъ работниковъ беречь мараловъ, а у самого подъ рѣдкими волосьями пониже скулъ такъ и ходили желваки. Никто такъ не сердился на мараловъ при съемкѣ съ нихъ роговъ, какъ онъ. Весь вытянется въ струнку, станетъ легкимъ и упругимъ, и никто ни слова отъ него не услышитъ за цѣлый день, пока гоняю-тьловяты быстроногихъ перепуганныхъ мараловъ. Когда-же мараль пойманъ, Ананій всегда первый схватить его за рога, первый сядетъ ему на спину, хотя мараль, растянутый за ноги веревками, лежитъ уже на землѣ съ бездоннымъ ужасомъ въ прекрасныхъ выпуклыхъ глазахъ.

Ананій, предвкушая свои побѣды надъ маралами, передвигалъ челюстями и сквозь стиснутые зубы наказывалъ мужикамъ:

— Ну, дакъ завтра спозаранку... Благословясь, начнемъ, ребята!..

Свѣтло-синіе глаза его, прокалывая пространство, нащупывали за рѣкой, въ паутинѣ жердей, живыя точки и несли туда острия стрѣлы охотничьей страсти и хищнаго самодовольства.

Георгій Гребенщиковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1914 году я дѣлалъ въ Академіи Наукъ въ Петербургѣ докладъ Библиологическому Обществу о помѣщичьихъ бібліотекахъ въ Россіи.

Докладъ заинтересовалъ собравшихся. Ко мнѣ подошелъ хранитель славянскаго отдѣла бібліотеки Академіи Э. А. Вольтеръ и сказалъ: — непременно опишите, Сергѣй Рудольфовичъ, ваши поѣздки, цѣннѣйшая будетъ книга!

Путешествіе въ Урянхайскій край, а затѣмъ разразившаяся война не дали мнѣ возможности привести въ исполненіе эту мысль, а дальнѣйшія событія заставили меня бѣжать изъ Россіи и совершить трехлѣтнее путешествіе вокругъ всего стараго свѣта. Нынѣ, просматривая на берегахъ Дуная, въ Сербіи, захваченныя съ собой рукописи, я наткнулся на газетную вырѣзку съ замѣткой о моемъ докладѣ о бібліотекахъ и на отрывочныя записи о моихъ поѣздкахъ. И мнѣ вспомнился малый конференцъ-залъ Академіи, засѣданіе и слова симпатичнаго друга книги — Эдуарда Александровича...

Онъ былъ правъ! Много было сдѣлано мною поѣздокъ, наблю-

деній, находокъ. Огромное большинство того, что я видѣлъ — уже ничья глаза не увидятъ: лишь кострища остались теперь отъ старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ, библиотекъ, картинныхъ галлерей и т. п. .... Перечня всего мною видѣннаго и теперь погибшаго я дѣлать не собираюсь — для такого мартиролога требуется цѣлая специальная книга. Зарисую даже далеко не все, что сохранили мнѣ память и мои записи, а лишь то, что выдавалось изъ общаго уровня и что сможет пригодиться впоследствии для исторіи быта русской провинціи.

Описываемыя поѣздки были совершены не подрядъ, не сразу, а въ періодъ времени съ 1895 по 1913 годъ и сведены мною въ общія главы. По понятнымъ соображеніямъ измѣнены фамиліи описываемыхъ лицъ и названія ихъ имѣній.

«За мертвыми душами» окрещена эта книга. И всякій, прочитавшій ее, увидитъ, что это названіе дано ей не мной, и не изъ претензіи подражать, или тѣмъ болѣе сравниваться съ великою поэмою Гоголя, а только по существу содержанія.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

1.

Собирать книги и предметы старины такъ, какъ это дѣлается всѣми нашими любителями — неинтересно.

Газетныя объявленія, аукционы, антикварные магазины — вотъ всѣ источники, изъ которыхъ черпаютъ они всѣ свои пріобрѣтенія. Путь дорогой, не всякому доступный и служенный до послѣднихъ предѣловъ; въ немъ нѣтъ творчества, это путь баръ, привыкшихъ, чтобы жареные рябчики сами валялись имъ въ ротъ.

Между тѣмъ, Россія была полна оазисовъ, гдѣ въ тиши и въ глуши таились такія сокровища, какія весьма рѣдко можно встрѣтить на рынкѣ. А такъ какъ не гора пошла къ Магомету, а Магометъ къ горѣ, то въ одинъ августовскій вечеръ я сѣлъ въ вагонъ и онъ понесъ меня въ глубину Россіи.

2.

Черезъ день, въ сумеркамъ, поѣздъ, не признающій по обыкновенію на боковыхъ линіяхъ такихъ пустяковъ, какъ расписание, съ большимъ опозданіемъ дотащилъ меня до станціи Ельня.

Моросилъ дождь; на пустынномъ перронѣ одиноко стояла длинная тощая фигура не то Гамлета, не то Мефистофеля въ черномъ кургузомъ плащѣ до талии и въ черной шляпѣ съ широчеными полями. До полного сходства ей не хватало только шпаги и пера на головѣ.

Это былъ Чениковъ, мой пріятель, съ имѣнія котораго я рѣшилъ начать свое путешествіе.

Зоркіе, ястребинные глаза его сразу отыскали меня въ кучкѣ высадившихся пассажировъ, и онъ, безцеремонно расталкивая всѣхъ, поспѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу.

— Два часа уже тебя жду! — заявилъ онъ. — И жена со мной.

— Гдѣ же она?

— Устала, въ экипажѣ сидитъ!

Я забрала свой чемоданчикъ и пледъ съ подушкой, и мы вышли на другую сторону станціи. У подѣзда стояла рыжая тройка, запряженная въ коляску съ поднятымъ кожанымъ верхомъ. Изъ подъ него протянулась маленькая женская рука.

— Здравствуйте, наконецъ-то дождались васъ! — привѣтливо заговорилъ знакомый голосъ Софьи Михайловны.

Чемоданъ водрузился на козлы, мы усѣлись, и коляска шагомъ тронулась съ мѣста.

— По городу иначе нельзя!.. — пояснилъ Чениковъ: — колдобина на колдобинѣ; выберемся на большакъ, иная статья пойдетъ! Вотъ посмотри, полюбуйся на нашу Венецію! Онъ указалъ рукой на чудовищную, чуть не съ Марсово поле, грязную лужу. Кругомъ нея тянулся рядъ низенькихъ деревянныхъ домиковъ, безнадежно унылыхъ, темныхъ и мокрыхъ. Скука закрадывалась въ душу отъ ихъ вида.

Коляску кочыла какъ лодку на морѣ, и мы поневолѣ «жали масло» то изъ маленькой пышки — Софьи Михайловны, сидѣвшей съ одного края, то изъ мощей ея супруга, помѣщавшагося съ другого. Чтобы не откусить языкъ, мы ѣхали молча. Городъ нако-

нецъ кончился, коляска пошла ровнѣе. Ченниковъ подался впередъ къ спинѣ кучера.

— Ефимъ, тряхани! — сказалъ онъ.

Локти кучера зашевелились. Тройка перешла на рысь, потомъ взяла полнымъ ходомъ, и мимо замелькала густой лиственный лѣсъ; шумѣлъ вѣтеръ, чавкали копыта коней, по кожаному верху стучалъ дождь, а мы, уютно закутавшись въ глубинѣ коляски, вели оживленный разговоръ о далекомъ Питерѣ, о всяческихъ новостяхъ и о знакомыхъ.

Десять верстъ незамѣтно остались за нами. Ночь окончательно заволокла все кругомъ. Впереди замелькали огоньки усадьбы, раздавался собачій лай, и мы вкатились въ черный зѣвъ воротъ; коляска остановилась у дома. Въ освѣщенной висячей лампой столовой насъ ждали съ чаемъ и ужиномъ старикъ-отецъ Ченникова и три сестры послѣдняго.

— — —

Дмитрій Филипповичъ Ченниковъ — фигура не радвая. Онъ былъ некрасивъ, на впалыхъ, желто-блѣдныхъ щекахъ и змѣистой, тонкой верхней губѣ у него темнѣли рѣденькіе темные волосы; большой плотоядный ротъ при разговорѣ всегда ощеривался, обнажая два ряда неровныхъ, крупныхъ зубовъ; подъ, сѣрыми властными и внимательными глазами всегда лежала синь. Сразу въ немъ чувствовался себялюбецъ до мозга костей и что то хищническое.

И онъ, дѣйствительно, былъ большой хищникъ... волкъ по женской части въ своемъ уѣздѣ! Женщина была его альфой и омегой. Жизнь его являлась сплошной охотой на нихъ, циничной и откровенной.

Въ Питерѣ женщинамъ онъ не нравился: въ немъ было слишкомъ много уѣзднаго, начиная отъ рѣчи, не всегда правильной, чисто смоленской, съ ея «видитя», «слушайтя» и т. п. Студентомъ Харьковскаго института, дома на каникулахъ, онъ производилъ фуроръ: грива волосъ на головѣ, небрежный костюмъ, горячія рѣчи и тонъ а ля Базаровъ — все это дѣйствовало вокругъ Ельнинской лужи потрясающе. Ветеринарные студенты вѣдь всегда сердцаѣды и «нигилисты»!

Одѣвался онъ какъ художникъ: на шеѣ гигантской бабочкой торчали необыкновенный по величинѣ и яркости бантъ; длинные волосы падали почти до плечъ. Но онъ обладалъ тѣмъ, что у убѣд-ныхъ франтовъ обыкновенно отсутствуетъ: большой наблюдатель-ностью, тонкимъ юморомъ и умомъ, дѣлавшими бесѣду съ нимъ всегда интересною. И когда вы говорили съ нимъ, то чувствовали, что передъ вами талантливый человекъ.

Что въ немъ было поразительно и неподражаемо — это мими-ческий даръ. Иногда среди разговора онъ вдругъ понуривалъ голо-ву, скрещивалъ на груди руки — и вы уже хохотали: передъ ва-ми стояла живая, мѣтко подмѣченная карриатура того, о комъ шла рѣчь.

Незадолго до нашей первой революціи Ченниковъ зимы сталъ проводить въ Петербургѣ, гдѣ я и познакомился съ нимъ. Онъ вы-пустилъ «Думскій Альманахъ» съ карриатурами на событія тѣхъ дней и на членовъ Первой Думы. Всѣ, вызывавшія такой смѣхъ читателей позы дѣйствующихъ лицъ художники рисовали съ са-мого Ченникова.

Актеръ онъ былъ великолѣпный, но сценой почему-то не инте-ресовался. Студентомъ и позже онъ увлекался писательствомъ, пе-чатался, но потомъ забросилъ перо и взялся за издательство. Го-да черезъ три онъ оставилъ и это, и значительно позже описывае-мага здѣсь времени, въ сорокъ лѣтъ, вдругъ взялся за кисть и за палитру и, не учась, самоучкой, послѣ нѣсколькихъ плохихъ кар-тинъ овладѣлъ техникой и такъ быстро пошелъ въ гору, что послѣднія работы его — пейзажи — уже можно назвать художествен-ными произведеніями. И это увлеченіе погасло... Искрами отъ ко-стра разбросался и исчезъ, не создавъ ничего, большой талантъ...

Еще крѣпкій, но уже впадавшій въ дѣтство, добродушный са-тиръ и три безнадежно цѣломудренныхъ старыхъ сухаря разныхъ форматовъ — вотъ что такое были сестры и отецъ Ченникова.

Я увидѣлся съ ними въ первый разъ въ жизни, но папапа встрѣтилъ меня радостно, будто стараго знакомаго, и обѣими ру-ками крѣпко пожалъ мою.

Во время ужина онъ сидѣлъ за большимъ овальнымъ столомъ противъ меня и раза два лукаво подмигнулъ мнѣ глазомъ. Гроз-ные взгляды—шпаги—всѣхъ трехъ дѣвъ заставляли его поды-

мать свои выпцвѣтшія зеркала души къ потолку и съ невиннымъ видомъ барабанить перстами по столу.

Въ чемъ заключалось дѣло, я понялъ послѣ ужина.

Выпалъ мигъ, когда я одинъ остался въ столовой и вдругъ почувствовалъ, что кто то дергаетъ меня за рукавъ. Я оглянулся: изъ за большого фікуса на меня глядѣло лицо старика.

— Женскій полъ любите?—шепотомъ, но довольно громко спросилъ онъ. Не успѣлъ я раскрыть рта, какъ старикъ отвернулся, замурлыкалъ и уткнулся въ оконное стекло.

— Ахъ, старый чортъ!—укоризненно произнесъ голосъ вошедшаго Дмитрія Филипповича. — Сказано тебѣ разъ навсегда, чтобы не смѣлъ приставать ни къ кому. Убрайся вовъ!

Старикъ бочкомъ выбрался изъ зеленой заросли.

— А ты-то, Митечка, самъ любишь вѣдь? — забормоталъ онъ съ заискивающимъ видомъ: — бесѣдка-то, а?

Дмитрій Филипповичъ помогъ ему ускоренно достигнуть двери и захлопнулъ ее.

— Что ужъ ты такъ вытолкалъ старика?—примирительно замѣтилъ я:— пускай себѣ болтаетъ!

— Субординація нужна!—отвѣтили Ченниковъ, сѣвъ на стулъ и вытягивая длинныя ноги до середины комнаты. — Его распусти только — чортъ знаетъ что натворить. Ахъ, и развратный же хрѣвъ! — Ченниковъ помоталъ головой и залился тончайшимъ фальцетнымъ смѣшкомъ.—Разъ какъ то такъ случилось, что на Рождествѣ онъ на три дня одинъ въ домѣ остался. Пріѣзжаютъ потомъ сестры вечеромъ — весь домъ освѣщенъ, а въ немъ Содомъ и Гоморра: полны комнаты дѣвокъ, всѣ пьяныя, пляшутъ, поютъ и среди нихъ папахень въ видѣ Адама па выдѣлывается!

— А вѣдь и ты, братъ, тѣмъ же мѣстомъ ушибленъ!—помолчавъ, сказалъ я.

— Ушибленъ, вѣрно!—съ убѣжденіемъ, комически воскликнулъ Ченниковъ.—Всѣ подъ Боженькой ходимъ, планида, значить, такая!

Мы перешли къ обсужденію дальнѣйшаго плана моихъ дѣйствій. Объ отъѣздѣ на другой день нечего было и думать — Дмитрій Филипповичъ и Софія Михайловна воспротивились этому самымъ рѣшительнымъ образомъ. Порѣшили на томъ, что я выѣду

вмѣстѣ съ Дмитріемъ Филиповичемъ черезъ два дня къ Фирскимъ, въ знаменитое когда то имѣніе композитора М. И. Глянки. Дальше путь мнѣ предстоялъ уже въ одиночествѣ, на наемныхъ лошадяхъ и по составленному на общемъ совѣтѣ маршруту.

У мелкихъ и средней руки помѣщиковъ кромѣ общечеловѣческихъ слабостей имѣется еще и специальная: по прїѣздѣ новаго гостя всѣ они считаютъ непремѣннымъ долгомъ показать ему свое хозяйство. Часа два васъ водятъ по конюшнямъ съ Россинантами, по пустымъ скотнымъ дворамъ, по вонючимъ свинарникамъ, требующимъ не показовъ, а чистки, и наконецъ васъ, достаточно унавоженнаго, приводятъ въ садъ и даютъ возможность отдохнуть въ тѣни и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Ченниковъ этою маніей не страдалъ. Утромъ, минуя всѣ конюшни, мы вышли съ нимъ въ садъ и обошли его по еще сырымъ дорожкамъ. Въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ угловъ, среди ольховой заросли, торчала побурѣвшая отъ времени бесѣдка-башенка съ тесовою, прогнившею кровлей.

Ченниковъ указалъ на нее костлявой рукой.

— Храмъ любви!!.—какъ бы изнывая отъ воспоминаній,путовски заявилъ онъ: — семейное, такъ сказать, учрежденіе.... Осматривать не стоить: кромѣ рваной кушетки, другихъ музейныхъ рѣдкостей въ ней нѣтъ!

Садъ былъ невеликъ и весь заросъ лопухами и душлистыми, никуда негодными яблонями съ мелкими кислыми яблоками.

— Я не хозяйничаю!..—поспѣшилъ сказать Дмитрій Филиповичъ,замѣтивъ мое недоумѣніе.—Съ выговорами обращайся къ сестрамъ: имѣніемъ занимаются онѣ. Одна вѣдаетъ молокомъ, другая садомъ, третья полемъ, жена дѣтьми... На мнѣ тяготѣютъ одни высшія соображенія!

— А именно? Заклады имѣнія?

— Закладъ дѣло не худое: я на него второе имѣніе прикупилъ! — отвѣтилъ Ченниковъ.

Мы обошли вокругъ дома. Онъ оказался совсѣмъ новымъ, пристроеннымъ къ небольшому, старому флигелю. Ни сколько-нибудь

старинной мебели, ни бумагъ, ни даже книгъ, кромѣ самыхъ новѣйшихъ, въ немъ не имѣлось.

— Погоди, завтрашній день тебя вознаградитъ за все! — сказалъ мнѣ Ченниковъ въ видѣ утѣшенія. — Узришь и пораженъ будешь!

Вечеромъ всѣ мы засидѣлись въ столовой до полуночи; или разговоры о предчувствіяхъ, привидѣніяхъ и вообще о потустороннемъ.

Старикъ Ченниковъ исчезъ сейчасъ же послѣ ужина и потомъ разъ пять проходилъ съ озабоченнымъ видомъ черезъ столовую; интереса къ нашему разговору онъ не выказывалъ ни малѣйшаго. Огромный зато интересъ проявили всѣ остальные; у нѣкоторыхъ на глаза набѣгали даже особыя слезы, появляющіяся, какъ извѣстно, у слушателей только при самыхъ жуткихъ мѣстахъ повѣствованій.

Дмитрій Филипповичъ въ Бога не вѣрилъ до ярости, не желалъ даже крестить дѣтей своихъ, такъ что каждая крестины стояла добродушной и кроткой Софьѣ Михайловнѣ долгой борьбы съ нимъ. А въ чертовщину, оказалось, вѣрилъ до слезы. Исторій было рассказано множество, и наконецъ мы разошлись съ зажженными свѣчами по своимъ комнатамъ. Какъ мнѣ ручалась потомъ Софья Михайловна, даже самъ домашній Мефистофель пробирался къ себѣ, потрухивая въ душѣ; необыкновенно боялся онъ, какъ оказалось, трехъ вещей: возможности заболѣть, привидѣній и мышей.

Я вступилъ въ свою маленькую комнатку, еще не оклеенную обоями и пахнувшую свѣжей сосной, заперъ дверь и только что поставилъ свѣчу на ночной столикъ, въ окно слегка стукнули.

Я невольно вздрогнулъ. Сквозь стекло смутно обрисовалось чье-то прижавшееся къ нему, сплюснутое лицо. Я поспѣшилъ къ окну и отворилъ его; передо мной въ видѣ мокраго и растрепаннаго перепела стояла фигура родоначальника дома. Въ спальню мою ворвались свѣжесть и шумъ деревьевъ — былъ вѣтеръ.

— Марья въ бесѣдѣ ждетъ!.. — зашепталъ старикъ, подавшись плечами въ комнату: — лѣзьте въ окошко!

— Какая Марья? — съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Скотница!.. чего вы тамъ пустяками-то замялись? лѣзьте скорѣй, здѣсь низко!..

— Нѣтъ, благодарю васъ!..—отвѣтилъ я, сообразивъ въ чемъ дѣло.

— Папаша?! — пронесся среди темноты визгливый зовъ; я узналъ тонкій голосъ вертлявой и маленькой старшей сестры Дмитрія Филипповича.

Старикъ такъ и присѣлъ, держась руками за край подоконника и часто заморгаль глазами. Только голова и кончики пальцевъ виднѣлись мнѣ.

— Папаша-а?! — проверещаль, очень похожий на первый голосъ второй сестры.

— Идите же, вѣдь васъ ищутъ! — сказалъ я.

Старикъ нырнулъ и разомъ исчезъ во мракѣ. Шорохъ быстро кравиныхся шаговъ долетѣлъ до меня и слился съ шелестомъ листьевъ.

— Палаша, палаша, палаша?!! — хоромъ прокричали всѣ три.

— Папаша-а-а?! — покрылъ всѣ звуки ночи басомъ плечистаго богатыря, младшей Ченниковой.

Было до того карикатурно похоже на знаменитую любовную серенаду «трехъ кавалеровъ», что я засмѣялся и высунулся наружу; съ задняго крыльца во тьму и пространство тянулись три руки съ горѣвшими свѣчами. Я подался впередъ еще больше и узрѣлъ всѣхъ трехъ сестеръ, сбившихся въ тѣсную кучу; лица и руки ихъ казались совсѣмъ бѣлыми.

— Иду, чего тамъ!... — недовольно отозвался гдѣ-то, совсѣмъ близко отъ крыльца, старикъ.

Я закрылъ окошко и улегся спать.

3.

На слѣдующій день, послѣ сытнаго завтрака и горячаго прощанья, знакомая тройка рыжихъ понесла меня и Дмитрія Филипповича по дорогѣ къ Фирскимъ.

Имѣніе ихъ расположено на высокой, издалека видной горѣ, словно нарочно насыпанной среди равнины. Вершина ея вся заросла густымъ лѣсомъ, и усадьбы долго видно не было. Подѣ-

хавъ ближе, я увидалъ, что то былъ не лѣсъ, а вѣковой липовый паркъ; дорога дала петлю и затѣмъ стала подыматься къ нему. Скоро передъ нашими глазами на обширной пустынной полянѣ, будто старый, огромный грибъ-шляповикъ, выросъ, еще Екатериненской стройки, деревянный домъ съ большимъ мезониномъ; часть оконъ его была заколочена досками; стеколъ въ большинствѣ рамъ не имѣлось совершенно. Верхній балконъ давно обрушился, и только боковыя перила, съ частью еще державшихся точеныхъ балясинъ, точно двѣ безпомощно опустившіяся руки торчали въ воздухъ. Подъѣзда не было и помина, но слѣды его, въ видѣ свѣтлыхъ полосъ, какъ бы шатеръ, рисовались надъ распахнутой дверью. Крыша на домѣ кое гдѣ провалилась: доски обшивки мѣстами отстали и сползали со стѣнъ, обнажая темныя ребра бревна.

Тройка остановилась противъ входной дыры въ домъ; тамъ видѣлся широкій корридоръ, заполненный кулами съ овсомъ.

— Да развѣ здѣсь живетъ кто-нибудь?—спросилъ я озираясь.

— Внуку Глики, членъ земской управы, потомственный дворянинъ Фирскій собственною своею персоною!.. — съ усмѣшкой, подголоса отвѣтилъ мой спутникъ.

Мы вышли изъ экипажа.

— Что же, разоренъ онъ совершенно, что ли? — продолжалъ я допросъ.

Удивленію моему не было предѣловъ: домъ грозилъ ежеминутнымъ паденіемъ, и какъ могли въ немъ жить люди—мнѣ казалось непостижимымъ?

— Нѣтъ... — отозвался Ченниковъ.

Домъ стоялъ на довольно высокомъ фундаментѣ, и, чтобы попасть во внутрь, приходилось взбираться по кучѣ крупныхъ камней, оставшихся отъ разваливагося крыльца.

Только что мы одолѣли это препятствіе и какъ по тропинкѣ стали пробираться между двумя стѣнами изъ кулей, откуда-то сбоку показался деревяннаго вида господинъ лѣтъ тридцати пяти съ необыкновенно узкимъ, точно обтесаннымъ по бокамъ, лицомъ и дубовымъ носомъ; незнакомца украшала рыжая, французская бородка, одѣтъ онъ былъ въ сѣрый измятый пиджакъ, изъ подѣ котораго видѣлась подпоясанная шнуркомъ синяя рубаха.

— Здравствуйте, Иванъ Павловичъ! — воскликнулъ Ченниковъ, выступавшій впереди. — Сколько времени не выдались мы съ вами?!

— Здравствуйте... — равнодушно отозвался тотъ, подвергаясь энергичному трясенію руки. Наше неожиданное появленіе ровно ничѣмъ не отразилось ни на лицѣ, ни въ безцвѣтныхъ глазахъ хозяина.

Дмитрій Филиповичъ познакомилъ насъ.

— Со старинной нашей губерніи пріѣхаль ознакомиться! — сказалъ онъ про меня. — Разумѣется, ваше имѣніе никакъ нельзя было объѣхать!..

— Что-жъ, милости просимъ... пожалуйста!... — монотоннѣе кушечки отвѣтилъ хозяинъ.

Мы вступили въ обширную лакейскую. Вокругъ стѣнъ ея тянулись новые лари для ссыпки зерна. Фирскій открылъ высокую дверь съ двумя-тремя уцѣлѣвшими кусочками золоченой рѣзьбы въ верхней части ея и еще разъ повторилъ: — пожалуйста!

Передъ нами была огромная и высокая, странная зала — бѣлая, съ темнымъ клѣтчатымъ потолкомъ. Только нѣсколько минутъ спустя я сообразилъ причину ея необычайности: потолокъ былъ покрытъ старинною крупною подрѣшеткою, самой же штукатурки на немъ давно не существовало.

У стѣнъ, точно въ магазинѣ, было нагромождено множество старой мебели. У двери имѣлся уголокъ, устроенный на подобіе гостиной; у стѣны справа безмолствовалъ длинный розль красного дерева съ украшеніями изъ золоченой бронзы.

Хозяинъ ткнулъ намъ пальцемъ по направленію кресель, жавшихся кругомъ овальнаго стола, а самъ пошелъ за женою.

Мы сѣли. Опускаясь въ кресло, я замѣтилъ, что сажусь на растрепанную мочалу: обивка на сидѣньѣ и спинкѣ отсутствовала и только по клочьямъ синей ткани, удержавшейся кое гдѣ на гвоздикахъ, можно было судить, что таковая когда-то имѣлась. Я перевелъ глаза на диванъ и другія кресла и убѣдился, что всѣ они были въ такомъ же состояніи. Мебель въ залѣ находилась всевозможная: диваны красного и орѣховаго дерева со сломанными спинками, кушетки, стулья, кресла александровской эпохи съ перебитыми ножками и т. д. Все это было изодрано и испачкано,

и только немногіе предметы казались цѣлыми.

— Рояль Глинка!..—многозначительно проронилъ Ченниковъ.

Я оглянулся и тутъ только замѣтилъ, что ножекъ и педали у рояля нѣтъ и что драгоценный инструментъ стоитъ на трехъ толстыхъ и круглыхъ березовыхъ полѣньяхъ. Мой спутникъ откинулся на спинку кресла, вытянулъ впередъ ноги и съ видомъ Мефистофеля закачалъ острыми носками ботинокъ. Мое изумленіе его забавляло.

А я былъ пораженъ какъ никогда! Я ѣхалъ въ гости къ великой гѣни и былъ убѣжденъ, что наследники и родственники автора «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы» любятъ и берегутъ его уголокъ и что я найду послѣдній хотя бы въ приближенной неприкосновенности.

— Бѣлый залъ!.. — вполголоса отчеканилъ Ченниковъ:— посмотри — на стѣнахъ остатки золоченыхъ шпалеръ... Представляешь себѣ Глинку, гуляющаго, или сидящаго здѣсь?

— Нѣтъ! — вырвалось у меня: — это хоромы Плюшкина!

Отворилась лѣвая изъ двухъ противоположныхъ дверей, и показалась довольно полная блондинка не первой молодости и свѣжести, въ бѣлой, очень похожей на ночную, кофѣ и въ полосатой юбкѣ. За ней понуро шагала глава дома.

— Здравствуйте! — привѣтливо заговорила она, идя къ намъ. — Какъ это мило, Дмитрій Филипповичъ, что вы вспомнили, наконецъ, своихъ сосѣдей!

Ченниковъ представилъ меня, и хозяйка жестомъ театральной грандъ-дамъ указала намъ на наши кресла. Мы опустились на нихъ, и среди рынка начался «свѣтскій» разговоръ. Хозяйка видимо не понимала всей его нелѣпости и вознеслась въ эмпирию. Ченниковъ поролъ ей въ тонъ всякую околесину, а я сидѣлъ какъ на иголкахъ: хотѣлось поскорѣе уйти прочь, заглянуть во всѣ уголки стараго дома, пройти по парку, нашенставшему Глинкѣ его мелодіи...

Ченниковъ понялъ наконецъ мое душевное состояніе и обратился къ хозяйкѣ съ просьбой разрѣшить мнѣ посмотреть домъ.

— Да, да, разумеется, конечно!...—любезно согласилась она: — только сперва мы выпьемъ кофе, не правда ли? Я уже распорядилась... Ваночка, поторопи....

Ваничка, все время съ видомъ жертвы разсматривавшій свои ногти, всталъ и ушелъ торопиться. Черезъ нѣсколько минутъ босая, растрепанная дѣвка, со щелками вмѣсто глазъ и рта, ухмыляясь видимо необычному ей дѣлу, внесла большой подносъ съ четырьмя чашками блѣдно-рыжаго кофе и со всѣмъ, что въ деревнѣ къ нему полагается — съ ломтями бѣлаго хлѣба, масломъ и густыми сливками.

Иванъ Павловичъ водворился на прежнее мѣсто и принялся жевать хлѣбъ и пить кофе.

— А библіотека Глинки у васъ сохранилась? — спросилъ я хозяйку.

— Библіотека? — удивилась та и повернулась къ мужу: — Ваничка, гдѣ у насъ библіотека?

Тотъ вынулъ изъ чашки свой носъ и задумался.

— Была въ курятникѣ.... — нѣсколько погодя отвѣтилъ онъ.

— Въ старомъ?

— Нѣтъ...

Должно быть глаза у меня выгѣзали на лобъ отъ ихъ мирной бесѣды; хозяйка примѣтила мое изумленіе и постѣшила пояснить обстоятельства дѣла: — это, видите-ли, угловая комната у насъ въ домѣ — сказала она: — библіотечная стала сильно протекать, книги и перенесли въ угловую. А потомъ на зиму пришлось перевести туда куръ, онѣ вѣдь боятся, знаете-ли, холода!

— Если эти книги не составляютъ для васъ семейныхъ реликвій... — осторожно стала я подходить къ цѣли моей поѣздки, — то, можетъ быть, вы не откажете часть ихъ продать мнѣ?

— Онъ великій любитель книгъ! — вступился Ченниковъ: — у него замѣчательная библіотека!

— Да... но какія же книги у насъ? — все хламъ, старье: ни модныхъ романовъ, ничего порядочнаго....

— Чѣмъ старше, тѣмъ лучше!.. отвѣтилъ я.

— Но я боюсь, что мосье испачкается: тамъ пыль, паутина!..

— Это не страшно!.. Разрѣшите встать и пройти взглянуть?..

Хозяйка съ любезной улыбкой наклонила голову, и затылокъ ея показалъ мнѣ фигу изъ жидкихъ волосъ.

— Пожалуйста! Ваничка, проводи!..

Ченниковъ остался любезничать съ хозяйкою, а я велѣлъ за

Иваномъ Павловичемъ пересѣкъ залъ и вышелъ въ широкій корридоръ.

Слѣва и справа вели куда-то высокія двери. Корридоръ наполняли всякихъ размѣровъ кадучки, пустыя и съ отурцами; между ними торчали бутылки, валялись пузырьки и даже два заднихъ колеса отъ телѣги. Казалось, что я шелъ по какому-то «развалу», куда ветошники вынесли для торга всякую заваль и никудышину.

Мой вожатый отворилъ послѣднюю дверь справа, и мы очутились въ полусумеркахъ. Свѣтъ золотыми полосками проникалъ въ щели между досками двухъ большихъ, заколоченныхъ оконъ.

Иванъ Павловичъ подошелъ къ ближайшему и ударомъ ноги отшибъ одну тесину, затѣмъ другую, и въ комнатѣ стало свѣтло. Справа и слѣва отъ входа, наклонившись впередъ, темнѣли два хромоногіе, большіе комода. Ящики изъ нихъ были полувывдвинуты и виднѣлось содержимое — книги и тетради. Поперекъ комнаты, лѣстницей, были устроены нашесть для куръ, занимавшіе всю заднюю половину. Подъ нашестами аршина на полтора въ вышину грудился куриный пометь, спекшійся отъ времени въ твердую кору.

— Только и всего у васъ книгъ? — освѣдомился я, указывая на комоды.

— Иванъ Павловичъ глубокомысленно придержалъ себя двумя пальцами за самый кончикъ бородки.

— А тутъ то? — отвѣтилъ онъ, показывая глазами на кучу навоза.

— И тамъ книги? — вскрикнулъ я.

— Ну да. Навозу на нихъ совсѣмъ чуть-чуть развѣ на четверть! Куры вѣдь только зимой здѣсь у насъ сидятъ!

Я забрался подъ нашесть и увидалъ, что спутникъ мой былъ правъ. Навозъ былъ совершенно сухой и легко снимался пѣлыми пластами. Я скинулъ пиджакъ и долго не могъ найти мѣсто, куда бы возможно было приткнуть его безъ риска превращенія его въ шкуру пятнистаго ягуара; стѣны были въ паутины; комоды покрывала, по крайней мѣрѣ на палецъ толщиною, пыль. Я повѣсилъ, наконецъ, пиджакъ на ручкѣ двери и приставилъ калѣкку-стулъ къ лѣвому комоду.

— Нельзя ли щетку, или метелку у васъ попросить? — обратился я къ Ивану Павловичу.

— Зачѣмъ?

— Мѣстечко на полу для книгъ надо очистить — класть ихъ изъ комодовъ некуда.

— Да поль-то на что?

— Грязень онъ очень!

— Какая же это грязь? это пыль... мягко, что имъ тамъ сдѣлается? Книга пыль любить. Вазите къ стѣнѣ и ладно!

Я обтряхнулъ носовымъ платкомъ стулъ, отчего золотистое облако наполнило на нѣсколько минутъ комнату, затѣмъ усѣлся и съ волненіемъ приступилъ къ разборкѣ.

Иванъ Павловичъ молча сонѣлъ позади меня:

— А я ужъ уйду?.. — проговорилъ наконецъ онъ: — если понадобится, покричите!

Я остался одинъ.

Поймете ли вы, читатель, то, что испытывалъ я въ тѣ минуты? Бурятника не стало, домъ омолодѣлъ, зазвенѣли давно умолкнувшіе голоса. Въ шелестѣ листовъ альбомовъ и писемъ слышался шелестъ платевъ, чувствовался ихъ аромат, незримыя тѣни плыли мимо.....

Но надо было торопиться! Я бережно, на платокъ, отложилъ особую книжкою письма и рукописи и принялся за просмотръ книгъ. Къ прискорбію моему, почти всѣ онѣ оказались разрозненными, а главное испорченными: цѣлыя десятки листовъ были вырваны изъ нихъ чьими-то злодѣйскими руками.

Покончивъ съ комодами, я перебрался къ грудѣ и принялся отдирать навозные слои.

Впервые здѣсь я убѣдился, какой благодѣтель куриный пометъ для російскихъ книгъ и какъ великолѣпно онѣ сохраняются подъ нимъ! Портятся только самыя верхнія, облицовочныя, книги и то лишь въ томъ случаѣ, если онѣ безъ переплетовъ. За то ни одна каналья не ползаетъ подъ нашестъ, чтобы вытащить «на цыгарки» загаженную книгу и всегда предпочтетъ запустить лапу въ шкафъ, или ухватить что ни попаало и выдрать наисвобѣ столько страницъ, сколько захватятъ корявые пальцы. Книги главнымъ образомъ были Екатерининскаго времени, но попадались и изда-

нія времяя Анны Іоанновны и Елизаветы. Пару книгъ я выудилъ Петровской эпохи, а затѣмъ нѣсколько масонскихъ, изданныхъ въ царствованіе Александра I.

Раза два ко мнѣ навѣдывался и что-то говорилъ Ченниковъ, безмолвно сопѣлъ за моей спиной хозяйня, звали меня завтракать, но было не до того: какъ можно говорить о завтракахъ, когда у тебя въ рукахъ «Описаніе о Японѣ», увидавшее свѣтъ въ 1734 году? Съ пола я всталъ только тогда, когда перебралъ всѣ книги до послѣдней. Отдѣльно я отложилъ порядочную кучку книгъ, рукописей и альбомовъ.

Выйти въ гостиную въ видѣ зебры было немыслимо. Я воззвалъ въ корридорѣ къ Ивану Павловичу и, когда онъ появился, показалъ ему чумазья руки и такія же невыразимыя, и онъ повелъ меня мыться и чиститься.

Та же босоногая дѣвка принесла мнѣ глиняный тазъ съ водой, усердно, какъ конюхъ лошады, со всѣхъ сторонъ поскребла меня стертой до-нелзя щеткой, и мы направились въ гостиную.

И Ченниковъ и хозяйка, видимо, изнемогали отъ зѣвской обязанности два часа непрерывно занимать и пріятно улыбаться другъ другу.

Увидавъ меня, оба просіяли.

— Ну, что, увѣнчались ваши труды успѣхомъ, нашли что-нибудь интересное? — обратилась ко мнѣ хозяйка.

— О, да! — отвѣтилъ я. — И даже очень много!

— Отдохните, садитесь!.. — продолжала она:—вы, я думаю, совсѣмъ измучились! Вотъ вы какой любитель... даже странно видѣть въ нашъ вѣкъ?..

Отъ отдыха я отказался и выразилъ желаніе осмотрѣть домъ и затѣмъ погулять по парку

— Въ домъ сморѣть у насъ нечего! — отвѣтила хозяйка: — все, знаете-ли — протекаетъ, такъ мы живемъ только въ трехъ комнатахъ, остальное все пусто. Но если вы такой интересанъ, пожалуйте! Ванюшка, покажи!

На зтотъ разъ Ченниковъ предпочелъ наше общество тетъ-а-тету съ хозяйкой и, взявъ Ивана Павловича подъ руку, пошелъ съ нимъ впереди.

Широко жили наши предки! Объ этомъ свидѣтельствовала вся-

кая комната, въ которую вступали мы. Каждая изъ нихъ легко могла вмѣстить обычную петербургскую квартиру въ три-четыре кѣтки. Хода на верхъ не было; вмѣсто него загадочно глянула на насъ дыра въ потолокъ: лѣстница давно обвалилась и исчезла въ печажъ въ зимнюю пору.

Обходя домъ, я понялъ почему залъ произвелъ на меня впечатлѣннѣе мебельнаго магазина: въ него была поснесена обстановка почти изъ всѣхъ комнатъ; Иванъ Павловичъ распахивалъ одну дверь за другой, и темень и пустота обдавали насъ запахомъ гнили и сырости; взглянувъ, можно было различить висѣвшія съ потолка доски и зеленныя и черныя пятна плѣсени, расплзшіяся по стѣнамъ.

— Протекаетъ... — неизмѣнно куковалъ передъ каждою комнатою хозяинъ.

— А гдѣ же былъ кабинетъ Михаила Ивановича? — спросилъ я.

Иванъ Павловичъ молча открылъ дверь съ противоположной стороны корридора; въ два большихъ окна лился свѣтъ, на насъ глянуль садъ; одна изъ липъ въ самую комнату вдвинула свою зеленую руку. Рамъ не было и помина, но окна со стороны сада почему-то стояли не заколоченными.

— Кабинетъ... — произнесъ хозяинъ. — Рояль, что въ залѣ, здѣсь стоялъ, а тамъ другой былъ!

Жилища всегда сохраняютъ въ себѣ излученія душъ его обитателей. И мы, живыя станціи вѣка беспроволочнаго телеграфа, чувствуемъ эти излученія и переводимъ ихъ не только во впечатлѣнія, но и въ ощущенія.

И въ пустой, высокой комнатѣ я почувствовалъ присутствіе Глинки. Въ ней впервые прозвучалъ — «Дивный теремъ стоитъ». Пѣлъ ее калѣка-рояль, тогда полный звуковъ и силъ, слушала молодежь — теперь старые, разбитые стулья и кресла, да эти липы, что глядѣли и теперь въ окно.... Какъ ненужно и чуждо дѣлается все остающееся отъ ушедшаго поколѣнія тѣмъ, кто смѣняетъ его! Книжки, мебель, оружіе, даже монеты — все служатъ только одному, много двумъ поколѣніямъ. Рѣдко-рѣдко что-либо переходитъ изъ вѣка во вѣкъ! Кому-то пужна смѣна жизни и разрушенія. И какъ хорошо, что существуетъ дѣтство, юность, осень и смерть!...

Изъ кабинета мы вернулись въ корридоръ и вышли въ садъ.

— Пожалуйста не церемоньтесь съ нами! — сказалъ Ченниковъ хозяину:— у васъ навѣрное есть дѣла, и идите себѣ. Я паркъ знаю и покажу его Сергѣю Рудольфовичу!

— Ну, что же!... — съ примѣтнымъ облегченіемъ согласился Иванъ Павловичъ. — Меня, дѣйствительно, того... ждетъ кое кто! Онъ исчезъ.

Мы вступили точно въ тоннель со сводомъ изъ зелени; по обѣ стороны темнѣли неохватныя стволы липъ. Аллея густо заросла лопухами и травой, и только по самой середкѣ куда-то въ сумерки, въ прохладу и даль видѣлась прогнѣтая тропочка: казалось, мы попали въ сказочный лѣсъ; вотъ-вотъ впереди должна была показаться избушка на курьихъ ножкахъ, или домикъ изъ пряниковъ!

— Видѣлъ гдѣ я нашель книги: подъ куринымъ навозомъ?!— воскликнулъ я; я все еще не могъ придти въ себя отъ избытка впечатлѣній.

Ченниковъ вздернулъ вверхъ угловатыя плечи.

— Неблагодарный!— напыщенно произнесъ онъ.— Возблагодари судьбу, что тамъ сидѣли только куры! Что бы стало съ твоими книгами, если бы въ угольной прозимовала корова?

— Но почему же они живутъ такъ? — продолжалъ я: — въ долгу они какъ въ шелку, да?

— Отнюдь! Дворянское дно и только! Чувствуютъ себя оба прекрасно, нигдѣ рѣшительно не бывають и вотъ уже десять лѣтъ все рѣшають, что дѣлать — продать имѣніе, или строить новый домъ.

Аллея свернула влѣво; она въ видѣ квадрата окаймляла обширный дугъ, очевидно бывшій когда-то сплошнымъ цвѣтникомъ. Домъ стоялъ на серединѣ одной изъ сторонъ и видѣлся отовсюду. Со стороны цвѣтника онъ опирался на четыре колонны; за ними располагилась длинная крытая веранда.

Мнѣ вдругъ вспомнилась чудесная картина — «Все въ прошломъ». На заднемъ планѣ ея изображенъ совершенно такой же домъ, и мнѣ почудилось даже, — ужъ не съ него ли писалъ свою картину художникъ?

Мы обошли главную аллею и попали на дворъ.

Наши выпряженныя лошади стояли среди него, поодаль отъ

всѣхъ строеній, привязанныя къ задку коляски, и ѣли сѣно. Кучеръ со скучающимъ и небрежнымъ видомъ покакивалъ вкругомъ нихъ и помакивалъ вѣточкой жасмина.

— Закладывай, Ефимъ! — приказалъ Ченниковъ. — Накормили тебя?

— Сытъ-съ.... — съ презрѣніемъ въ голосѣ отвѣтилъ тотъ.

— Что, или плохо?

— Да добросовѣстно-съ. Оно бы при такихъ хоромахъ и не шло даже!... Я ужь коней къ стѣнамъ близко и не ставилъ: убьеть, борони Господь! Мы взобрались въ домъ и опять мимо кулей съ овсомъ вернулись въ залъ. Немедленно изъ дальнихъ дверей показались и хозяева. Отобранныя мною книги высокой грудой лежали въ «гостиной» на диванѣ.

— Понравилось? правда чудесный паркъ?.. — спросила хозяйка. — Конечно, заущенъ немного....

— Паркъ дивный!—послѣшилъ согласиться я.—Разрѣшите теперь закончить дѣло: — сколько я вамъ долженъ за эти книги и рукописи?

— За эти? — она взглянула на груды, потомъ на мужа. Тотъ пожалъ плечами.

— Ничего, конечно!

Меня обдало какъ холодной водой.

— Какъ ничего, помилуйте?!

— Разумѣется-жъ ничего... это даже смѣшно говорить о такихъ пустякахъ!

— Да вовсе не пустяки!... — Хозяйка не дала мнѣ договорить. — Мы дворяне! — напыщенно произнесла она: — дворяне книгами не торгуютъ!

— Но я-то въ какомъ положеніи передъ вами? Мнѣ-то за что вы ихъ дарите?

— На память о Глинкѣ: вы такой поклонникъ его! Пусть онѣ послужатъ вамъ въ вашей библіотекѣ!

Дѣлать было нечего! Пришлось шаркать ножкой, цѣловать ручку и говорить акаеистныя слова. Книги были увязаны въ пакки, увкоглазая дѣвка вынесла ихъ на дворъ, и мы стали прощаться съ хозяевами.

Оба вышли проводить насъ. Я сунулъ въ руку дѣвкѣ на чай

рублевку. и она такъ ошалѣла отъ такой диковины, что сперва застыла, разинувъ ротъ и глядя на бумажку, а потомъ со всѣхъ ногъ, словно желая забодать, ринулась цѣловать мнѣ «ручку». Я едва спасся въ экипажъ.

— Пошелъ! — сказалъ Ченниковъ.

— Добраго пути! — крикнула хозяйка, посылая намъ что-то вродѣ воздушныхъ поцѣлуевъ. Мы, махая шляпами, беззвучно закатились по травѣ. Одинъ поворотъ, и старый домъ скрылся изъ вида....

С. Р. Минцловъ.

ВСТРѢЧА.

1.

Тебя я встрѣтилъ ребенкомъ малымъ,
И мы узнали тогда другъ друга,
И былъ закатомъ я запоздалымъ,
А ты весеннимъ расцвѣтомъ Юга.

Вѣлѣли брызги на Океанѣ,
И я, прошедшій по вѣснмъ пустынямъ,
Любилъ цвѣточекъ любовь въ туманѣ,
Воздушный стебель съ расцвѣтомъ синимъ.

Душой, уставшей отъ придорожій,
Прильнулъ я нѣжно къ душѣ ребенка,
И ты была мнѣ невѣстой Вожьей,
А птицы свадьбу пропѣли звонко.

2.

Потомъ невѣстою чужою,
И улетающей душою,
    Тебя я увидалъ въ саду.
Межь насъ прошли съ годами мысли,
И тѣни дымныя повисли,
    Весь мiръ опять любилъ въ бреду.
Любимой быть такъ нѣжно мило,
И ты любила и дразнила,
    Въ вѣнкѣ изъ синихъ васильковъ.
И ты его не разлюбила,
Но и въ меня вонзала жало,
    И мнѣ струила медь оковъ.
О, было такъ въ душѣ медвяно,
Что въ трехъ сердцахъ алѣла рана,
    И отошла ты отъ него.
Ко мнѣ приблизилась украдкой,
И былъ я счастливъ сказкой сладкой,
    Но не исполнилъ я торжество.

3.

Безупречно красивы высокія свѣчи,
Хорошо, что съ свѣчей загорѣлась свѣча,
И отъ сердца до сердца свирѣлятся рѣчи,
Въ двухъ горѣньяхъ молитва вѣковъ горяча.

Но, когда загорѣлись два яркіе свѣта,
Возлѣ нихъ возбраненье для третьей свѣчи,
Это къ смерти призывъ, это злая примѣта,
Вмигъ въ запретномъ узорѣ скрестятся лучи.

Первозданно красивы двѣ вольныя птицы,
Два крыла, два крыла, ихъ четыре крыла,
Чтобы строки возняли безсмертной страницы,
Чтобы въ духахъ свѣтло озвѣздилась вся мгла.

Но въ блужданіяхъ правду успѣлъ разсмотрѣть я,
Чтобы видѣть, въ глубокой родникъ заглянуть:
Въ двухъ любовь, что въ мгновенье вливаетъ столѣтья,
Въ третьемъ мигъ ястребиный и когти и клювъ.

Я былъ третьимъ, зажегшись и свѣтъ разжигая,
Но пришло и ко мнѣ роковое число,
Ты ушла отъ меня, и въ чужомъ дорогая,
Ибо вѣтеръ свое къ намъ придвинулъ крыло.

4.

Отъ бѣлыхъ лилій надъ водою
Огонь, къ волнѣ идетъ волна.
Но подвѣчною фатою
Душа отъ всѣхъ отдѣлена.

И отъ того, съ кѣмъ было ясно
Внимать журчанью звонкихъ струй,
И отъ того, кому напрасно
Ты подарила поцѣлуй.

И отъ того, кому велѣнье
Непроницаемой Судьбы
Рѣшило дать тебѣ томленье,
За день царицы жизнь рабъ.

И отъ себя самой, съ мечтою,
Со смѣхомъ свѣтлымъ какъ весна,
Ты подвѣчною фатою
Была навѣкъ отдѣлена.

5.

Но ты еще покровъ надѣнешь бѣлымъ,
Въ свой день, когда надъ мглой прохладныхъ плитъ
Душою глянешь въ новые предѣлы,
Внимая вспѣвамъ синихъ панихидъ.

Въ свой день, въ свой часъ, покровъ неповторимый
Надѣну я, и буду тамъ, гдѣ ты,
Въ послѣдній разъ вошью земные дымы,
Вступая въ глуби новой высоты.

И тамъ, гдѣ всѣ — невѣсты, нѣтъ, не жены,
Гдѣ любящій, любой, всегда женихъ,
Мы будемъ слушать свадебные звоны,
Всю правду дней преображая въ стихъ.

Какъ дружныхъ птицъ играющая стая,
Какъ пышный лугъ невянущихъ цвѣтовъ,
Какъ снапь лучей, гдѣ, съ цвѣтомъ цвѣтъ сплетая,
Мостъ Радуги неистошимо новъ.

К. Бальмонтъ.

ВИДѢНІЕ ІЕЗЕКІИЛЯ.

Богъ нашъ — есть огонь поѣдающій. Твари
Явленъ былъ свѣтъ на рѣкѣ на Ховарѣ.
Въ бурѣ клубящейся двигался Онъ —
Облакъ, несомый верховными силами,
Четверорукими, шестерокрылыми,
Съ бычьими, птичьими, человѣчьими,
Львиными ликами съ разныхъ сторонъ.

Видомъ они — точно угли горящія,
Ноги прямыя и мѣдью блестящія,
Лики, какъ свѣтъ раскаленныхъ лампадъ.
И вопіющія, и говорящія,
И воззывающе къ Господу: «Святъ!
Святъ Вседержитель!» А около разные,
Цвѣтомъ похожи на камень топазъ,
Вихри и диски, колеса алмазныя,
Дымные ободы, полные глазъ.
А надъ животными, легкими сводами,
Крылья простертыя въ высоту,
Схожія шумомъ съ гудящими водами,
Переполюющими пустоту.
Выше же вышнихъ, надъ сводомъ всемірнымъ,
Тонкимъ и синимъ повитымъ огнемъ,
Въ радужной славѣ, на тронѣ сапфирномъ
Огненный Обликъ, гремящій, какъ Громъ.

Быль я покрыть налетѣвшей грозю,
 Бурею крыльевъ и вихремъ колесъ.
 Духъ меня поднятъ съ земли и вознесъ.
 Быль ко мнѣ голосъ:

«Иди предо мною
 Въ землю мою, возвѣститъ ей позоръ.
 Передъ лицомъ моимъ вѣтеръ пустыни,
 А по стопамъ моимъ — язвы и моръ.
 Буду судиться съ тобою я нынѣ!

Мать родила тебя ночью въ поляхъ,
 Пупъ не обрѣзала, не омыла
 И не осолила и не повила —
 Бросила дочь на попрание, въ прахъ.
 Я-жь тебѣ молвилъ: живи во кровяхъ!

Выросла смуглой и стройной, какъ колосъ.
 Грудь поднялась, закурчавился волосъ,
 И округлился, какъ чаша, животъ.

Время любви твоей было. И вотъ,
 Въ полдень лежала ты въ полѣ, нагая.
 И проходилъ и увидѣлъ тебя я.
 Край своихъ ризъ надъ тобою простеръ.
 Обнялъ. Омылъ твою кровь. И съ тѣхъ поръ
 Я сочетался съ рабою моею.
 Далъ тебѣ платъ, висею на лицо,
 Перстни для рукъ, ожерелье на шею,
 На уши серьги, въ ноздри кольцо;
 Поясъ, запястья, вѣнецъ драгоценный
 И покрывала изъ тканей сквозныхъ.
 Стала краса твоя совершенной
 Въ великолѣпныхъ уборахъ моихъ.
 Хлѣбомъ пшеничнымъ, елеемъ и медомъ
 Я-ль не вскормилъ тебя щедрой рузою?
 Дальнимъ извѣстна ты стала народамъ
 Необычайною красотою.

Но, опьяненная славой и властью,
Стала мечтать о красивыхъ мужахъ
И распалалась нечистою страстью
Къ изображеніямъ на стѣнахъ.
Между сосѣдей рождала усобья,
Стала распутна, ловка и хитра.
Ты создавала мужскія подобья,
Знаки изъ золота и серебра,
Строчила вышки, скликала прохожихъ,
И блудодѣяла съ ними на ложахъ,
На перекресткахъ путей и дорогъ
Ноги раскидывала передъ ними...
Каждый, придя, оголить тебя могъ
И насладиться сосцами твоими.

Буду судиться съ тобой до конца.
Гнѣвъ изолью. Истоцу свою ярость.
Сѣмя сотру. Прокляну твою старость.
Отъ Моего не укрыться лица!
Всѣхъ созову, что блудили съ тобою,
Платья сорву и оставлю нагою
И обнажу передъ всѣми твой срамъ.
Темя обрею. Связавши ремнями,
Въ руки любовниковъ прежнихъ предамъ.
Пусть тебя бьютъ, побиваютъ камнями,
Хлещутъ бичами нечистую плоть.
Станешь бесплодной, истоптанной нивой,
Ибо любила любовью ревнивой...
Такъ говорю тебѣ Я, твой Господь.»

ПРЕСУЩЕСТВЛЕНІЕ.

Въ глухую ночь шестого вѣка,
Когда былъ міръ и Римъ простертъ
Передъ лицомъ германскихъ ордъ,
И Готь тѣснилъ и грабилъ Грека,
И грудь земли и мраморъ плитъ
Гудѣли топотомъ копытъ,
И лишь монахъ, писавшій Акты
Остготскихъ королей, слѣдилъ
Съ высотъ оснѣженной Соракты,
Какъ на равнинѣ средь могилъ
Бродилъ огонь и клубы дыма,
И конницы взметали прахъ
На желтыхъ Тибрскихъ берегахъ, —
Въ тѣ дни все населенье Рима
Тотилла приказалъ изгнать.

И сорокъ дней былъ Римъ безлюденъ.
Лишь звѣрь бродилъ средь улицъ. Чуденъ
Былъ Вѣчный Градъ. Ни огонь слгодать,
Ни варваръ стѣны разобрать
Его чертоговъ не успѣли.
Онъ былъ великъ, и пусть, и дикъ,
Какъ первозданный материкъ.

Въ молчаньи вѣщемъ цѣпелѣли,
Стопившись, какъ безумный бредъ,
Его камней нагроможденья,
Всѣ вѣковыя отложеня

Завоеваній и побѣдъ,
Трофеи и обломки троновъ,
Священный Путь, гдѣ камень стертъ
Стопами мѣдныхъ легионовъ
И торжествующихъ когорть,
Водопроводы и аркады,
Неимоверныя громады
Дворцовъ и ярусы колоннъ,
Сжимаемая и тѣсня другъ друга,
Загромождаемая небсклонъ
И горизонтъ земного круга.

И въ эту безысходную часть,
Когда послѣдній свѣтъ погасъ
На днѣ молчанья и забвенья,
И древній Римъ исчезъ во мглѣ,
Свершилося Пресуществованье
Всемирной власти на землѣ.

Орлиная разжалась лапа.
И выпалъ Миръ. И принялъ папа
Державу. И престоль воздвигъ.
И новый Римъ процвѣлъ — великъ
И всеобъятенъ, какъ стихія.

Такъ сѣмя, дабы прорости,
Должно ислѣть... Ислѣтъ, Россія,
И царствомъ духа расцвѣти!

Максимиліанъ Волошинъ.

О КОРНЯХЪ ВЕЩЕЙ.

I.

Общее мѣсто философіи: «лишь то имѣть истинное бытіе, что не знаетъ измѣненія, что не имѣетъ начала и не подвержено уничтоженію». Если и допустить, что это вѣрно (хотя этого допустить нельзя), то обратное положеніе, т. е., что все, не подвергающееся измѣненію и уничтоженію, имѣетъ истинное бытіе, уже никакъ не можетъ почитаться правильнымъ, хотя бы потому, что намъ рѣшительно невозможно узнать, что не подвержено измѣненію и гибели; намъ только извѣстно, что не подвержено болѣе или менѣе немедленному измѣненію и гибели. Даже бытіе идеальнаго считается вѣчнымъ и неизмѣннымъ, повидимому, лишь въ силу недоразумѣнія. Конечно, общее понятіе — напр.: левъ, комаръ, ихтіозавръ остается существовать въ то время, какъ множество живыхъ львовъ, комаровъ и ихтіозавровъ исчезаютъ неизвѣстно куда. И «человѣкъ» есть по сію пору, хотя о Сократѣ, Цезарѣ и Александрѣ Великомъ сохранилось только воспоминаніе, которое въ свое время тоже канетъ въ лету. Но гдѣ истинное бытіе: въ погибшемъ Сократѣ, который все-таки хоть и не очень долго, но былъ живымъ или въ сохранившемся «человѣкѣ», который еще никогда живымъ не былъ? Для Гегеля такого вопроса быть не можетъ. А межъ тѣмъ тутъ въ вопросѣ есть и вопросъ кардинальной важности. Ибо *après tout* «человѣкъ» хотя и долговременнѣе Сократа, но вовсе не вѣченъ и многія общія понятія окончательно погибли, что о нихъ не сохранилось даже и воспоминанія...

«Кто знаетъ, что такое истинная философія, того», увѣряетъ Гегель, «не беспокоитъ миеологія Платона, тотъ и его теорію идей понимаетъ, какъ теорію общихъ понятій». Конечно, и тутъ возникаетъ вопросъ: кто знаетъ, что такое истинная философія и чѣмъ она отличается отъ неистинной? Точнѣе, кому и кѣмъ ввѣрено суверенное право дать послѣдній и окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Какъ извѣстно, каждый философъ присваиваетъ это право себѣ. Правда, какъ я сказалъ уже, подавляющее большинство философовъ съ древнѣйшихъ временъ было убѣждено, что предметомъ ихъ изысканій должно быть лишь вѣчное и неизмѣнное. Въ этомъ смыслѣ Гегель не отличается отъ большинства, можно было-бы сказать отъ философской толпы, если не гнушаться обычными въ наукѣ и очень дѣйственными полемическими приемами. Правда и то, что «вѣчное» имѣетъ предъ временнымъ много внѣшнихъ и очень соблазнительныхъ преимуществъ, такъ что можно допустить, что слабая человѣческая природа сказалась и въ философахъ: вѣчное и неизмѣнное прельстило ихъ не только потому, что оно по своему «существованію» выше переходящаго и измѣнчиваго, а потому, скажемъ, что оно легче поддается фиксаци и, стало-быть, изученію. Гераклитъ дразнилъ разумъ: нельзя, говорилъ онъ, дважды выкупаться въ одной и той-же рѣкѣ. На самомъ дѣлѣ и разъ не выкупаешься въ одной рѣкѣ. Рѣка непрерывно течетъ, каждое мгновеніе она становится другою, ее нельзя задержать и остановить хотя-бы на то короткое время, которое нужно человѣку, чтобы погрузиться въ воду. И не только рѣка течетъ, все течетъ, все мѣняется, все становится другимъ. А понятія — остаются. И только при посредствѣ понятій можно остановить сумасшедшую пляску бытія.

Понятія представлялись философамъ, какъ-бы радугой на водопадѣ: брызги сыпятся, уходятъ и пропадаютъ, радуга неподвижна и неизмѣнна. Гдѣ искать сущности вещей, о чемъ думать: объ уходящихъ брызгахъ или вѣчной радугѣ? Такъ ставили вопросъ, забывая, что радуга — тоже переходитъ, что съ закатомъ солнца радуга перестаетъ существовать, а брызги и капли воды, хотя онѣ и много раньше уходятъ съ

поля нашего зрѣнія, остаются. И что смѣняющіяся и такъ быстро пропадающія брызги, въ послѣднемъ счетѣ, «вѣчиѣ» радуги — онѣ хотя уходятъ и смѣняютъ другъ друга, но все-же не гибнуть, а только перемѣщаются съ мѣста на мѣсто. Такъ что, если подъ сущностью понимать пребывающее, то, конечно, сущностью оказывается не радуга, а водяныя капли. Но и не это главное. Главное, что философскій реализмъ (я разумѣю здѣсь реализмъ не въ современномъ, а въ средневѣковомъ смыслѣ), всегда гордившійся своей возвышенностью и высоко-мѣрно презиравшій материализмъ, какъ не философскую теорію, самъ въ своихъ основныхъ чертахъ настолько близокъ къ материализму, что приходится только дивиться — почему эти системы такъ постоянно и упорно враждуютъ межъ собой. Особенно это нужно сказать о философіи Гегеля. Я выше замѣтилъ, что Гегель не принималъ въ серьезъ миеологии Платона. Не любилъ онъ и манеру изложенія Платона — въ одномъ мѣстѣ онъ даже прямо говоритъ о болтливости «божественнаго» философа. Правда, какъ водится, уступая традиціи, предварительно онъ отдаетъ должное красотѣ и возвышенности платоновскаго стиля, — но о болтливости не могъ или не хотѣлъ умолчать. И это отнюдь не случайность, такъ что приходится только пожалѣть, что Гегель подробнѣе не развилъ брошенной имъ мимоходомъ мысли. «Болтливость» Платона, конечно, находится въ прямой связи съ его интересомъ къ миеологии. Съ точки зрѣнія философіи, которую представляетъ собой Гегель, всякая миеологія есть по существу своему болтовня. Философъ обязанъ мыслить въ понятіяхъ и кто этого не знаетъ, тотъ не знаетъ, что такое философія. Этого положенія ни Гегель, ни его предшественники никогда не могли обосновать, — и оно никогда не можетъ быть обосновано, т. к. оно собственно предполагается само всякимъ обоснованіемъ. И вотъ задачей философіи для философа-реалиста (напомню еще разъ, что я все время говорю о реализмѣ въ средневѣковомъ смыслѣ слова, т. е. о томъ, что въ новѣйшее время называется идеализмомъ), является статика и динамика идеальнаго. Понятія движутся и переходятъ одно въ другое по собственнымъ, имъ имманентнымъ законамъ, — постичь

внутреннюю связь и необходимость этого движенія есть задача философіи. Поэтому, Гегель послѣдователенъ, превращая логику въ онтологию. Такъ-же остается онъ вѣрнымъ себѣ, возставая противъ кантовскаго опроверженія онтологическаго доказательства бытія Божія. Кантъ, какъ извѣстно, утверждаетъ, что понятіе о ста талерахъ по существу отлично отъ дѣйствительныхъ ста талеровъ, ибо понятіе о ста талерахъ не предполагаетъ еще бытія ихъ. Гегель считаетъ такого рода разсужденіе обывательскимъ. Конечно, говоритъ онъ, для индивидуальнаго человѣка (т. е. для обывателя), такая разница существуетъ: онъ хочетъ имѣть не понятіе о ста талерахъ, а сто талеровъ. Но обыватель долженъ вызвыситься до философскаго состоянія, при которомъ для него дѣлается совершенно безразличнымъ, обладаетъ-ли онъ ста талерами или не обладаетъ, хотя-бы они составляли большую часть или даже все его состояніе. Гегель въ своей требовательности идетъ еще дальше: философу, говоритъ онъ, должно быть все равно, ему даже безразлично, существуетъ-ли онъ самъ или не существуетъ, по крайней мѣрѣ, прибавляетъ онъ, въ своей конечной жизни. Въ своемъ моральномъ паеосѣ онъ доходитъ до того, что повторяетъ извѣстный стихъ Горация:

*«Si fractus illabatur orbis
Impavidum ferient ruinae»,*

и дѣлаетъ изъ него основную философскую заповѣдь, обязательную для христіанскаго философа еще въ большей степени, чѣмъ для языческаго...

Напрасно только Гегель ограничиваетъ свое положеніе, требуя отъ человѣка равнодушнаго отношенія лишь къ своему конечному, земному бытію. Напрасно, ибо тутъ явно кроется неточность и очень роковая неточность. Безконечное бытіе до такой степени оторвано отъ бытія конечнаго, что только традиціонной спутанностью идей можно объяснить готовность Гегеля подводить эти два понятія подъ общій родъ. Гораздо правильнѣе было-бы называть ихъ разными, даже прямо противоположными именами, какъ Гегель, впрочемъ, иногда и дѣлаетъ. Т. е., если мы говоримъ о бытіи конечнаго, отдѣльнаго, индивидуальнаго, то общему мы должны давать предикатъ небытія, и наоборотъ. Такъ что, по точному смыслу, упомяну-

тое сужденіе Гегеля было-бы болѣе адекватно выражено, если-бы приведенное ограниченіе было опущено. Нужно просто сказать, что философу, возвысившемуся надъ обыденностью, должно быть безразлично, существуетъ или не существуетъ весь міръ. Отдѣльное бытіе не должно быть сведено къ бытію вообще, во всей его возвышенной и гордой отвлеченности — таково первое теоретическое и практическое требованіе, предъявляемое философу. Умѣть пренебречь отдѣльнымъ для общаго — значить философски возвыситься.

Прежде, чѣмъ оцѣнить это положеніе Гегеля, я хотѣлъ-бы обратить вниманіе на то обстоятельство, что указанное требованіе отнюдь не выдуманно имъ самимъ. И даже не имъ формулировано. Оно доминируетъ во всей философіи и, какъ мнѣ уже приходилось однажды указывать, впервые получило свое выраженіе въ единственномъ, дошедшемъ до насъ фрагментѣ Анаксимандра. И съ тѣхъ поръ оно уже не исчезаетъ и въ философіи. Гегель только особенно часто и настойчиво повторяетъ его, какъ-то подчеркивая, что оно является *articulus stantis et cadentis philosophiae*. И потому, быть-можетъ, ни одна изъ идеалистическихъ системъ не оказывается столь родственной матеріализму, какъ система Гегеля. Его «мысль», его «идеальное» такъ-же мало заключаетъ въ себѣ одушевленности и жизни, какъ и матерія матеріалистовъ. И Богъ его — Гегель чаще, чѣмъ какой-либо другой философъ, называетъ Бога — и Абсолютное, и Духъ, все высокія, возвышеннѣйшія идеи, въ этомъ отношеніи нисколько не отличаются отъ матеріи. Очевидно, первымъ условіемъ и предположеніемъ научнаго мышленія является гибель одушевленнаго. Гегель, какъ и его предшественники и преемники, — идеалисты и матеріалисты, равно торжествуютъ, когда имъ удастся установить *γένεσις καὶ φθορά* для всѣхъ живыхъ существъ. Даже и для Бога, если онъ живой, должны быть *γένεσις καὶ φθορά*, и Богъ, стало быть, долженъ возвыситься надъ собой и раствориться въ общемъ понятіи, которое одно только и является для философа достойнымъ предметомъ вниманія. Богъ, почему нѣтъ никакой возможности отрицать законность притязаній крайней ге-

гельянской лѣвой на *magister dixit*. Учитель сказалъ, на самомъ дѣлѣ сказалъ все то, что вывела школа историческаго матеріализма. Исторія есть процессъ, а матеріализмъ вовсе не «индивидуаленъ». Матеріализмъ тоже вызвышается надъ отдѣльнымъ существованіемъ. Для него Гораціевъ стихъ столь-же священенъ, какъ и для Гегеля и къ бытію индивидуальныхъ существъ онъ совершенно равнодушенъ, относительно-же личнаго Бога онъ куда радикальнѣе Гегеля и самымъ рѣшительнымъ образомъ оспариваетъ у Него право на предикать бытія.

Существуетъ только матерія и порядокъ. Ибо это пребываетъ, не мѣняется. Все-же прочее — лишь надстройки.

Если хотите, лѣвые гегельянцы напрасно называли себя матеріалистами: ихъ матерія такъ-же идеальна, какъ и ихъ порядокъ и уже, во всякомъ случаѣ, въ ней нѣтъ ни на грошь больше той преступной одушевленности, съ которой, вслѣдъ за Анаксимандромъ, боролась вся эллинская философія и отъ которой предостерегаетъ Гегель. Основное требованіе философской морали — у философіи есть своя мораль, въ философіи мораль самое ея существо — соблюдено со всей строгостью, на которую можетъ претендовать самая щепетильная наука. Ибо преступность индивидуальнаго или одушевленнаго — въ его самовластіи. Въ царствѣ-же историческаго матеріализма нѣтъ мѣста личному произволу — все происходитъ съ «железной необходимостью», по однажды заведенному порядку...

II.

Я отнюдь не хочу обличать Гегеля въ безбожія. Въ настоящее время такого рода обличенія были-бы смѣшны: самого Гегеля нѣтъ на свѣтѣ, да, если-бы и былъ, никто-бы не сталъ его преслѣдовать за его атеизмъ, скорѣе-бы, пожалуй, похвалили. Но, несомнѣнно, матеріалисты, прямо отрицающіе Бога, много вѣрнѣе выражаютъ послѣднюю идею философіи Гегеля, чѣмъ самъ Гегель. И Шопенгауеръ, идеалистъ, удачнѣе формулировалъ сущность идеализма, когда утверждалъ, что религія — это для толпы; для избранниковъ, которымъ дано видѣть и постичь истину — философія и философія, конечно, атеисти-

ческая. Толпа — это тѣ, die das Allgemeine nicht erreichen, которые не способны возвыситься до общаго. Я не прибавилъ отъ себя слово «возвыситься»: оно всегда встрѣчается у Гегеля, когда рѣчь идетъ объ отношеніи индивидуальнаго къ общему. И Богъ, по Гегелю, какъ и кантовскіе сто талеровъ, гораздо возвышеннѣе, когда онъ превращается въ понятіе, чѣмъ пока онъ остается живымъ въ своей индивидуальности. Оттого-то онъ и считаетъ правильнымъ онтологическое доказательство бытія Божія и спорить съ Кантомъ.

Требованія морали оставимъ пока въ сторонѣ. Можеть-быть, и дѣйствительно такъ возвышенно отдавать предпочтеніе общему предъ частнымъ, а можеть-быть, вовсе не возвышенно, даже низменно. Я говорю: оставимъ въ сторонѣ, потому что рѣшительно не знаю, какимъ способомъ разрѣшить этотъ вопросъ и даже вообще разрѣшимъ-ли онъ въ томъ или иномъ смыслѣ. По моему, напримѣръ, тутъ разрѣшенія нѣтъ и быть не можеть. Одни станутъ утверждать, что Богъ — понятіе, даже вовсе и не Богъ, какъ не Богъ чурбанъ дикарей или бѣлый быкъ восточныхъ нородовъ, и, что, если Богъ, въ самомъ дѣлѣ имѣеть лишь «бытіе въ истинѣ», какъ утверждаетъ Гегель, т. е. такое-же бытіе, какъ понятіе о ста талерахъ, то это равносильно тому, что Богъ никакого бытія не имѣеть. Пусть моралистъ взбирается на какія угодно высокія хѳдули, и доказываетъ вслѣдъ за Гораціемъ, что *justum et tenacet propositi virum* полагается оставаться безстрашнымъ даже и въ томъ случаѣ, если на него обрушится небесный сводъ, дѣло отъ этого нисколько не мѣняется. Мораль автономна и предписываетъ свои законы, не считаясь, конечно, со всякаго рода иными законами, издаваемыми другими безплотными обитателями эмпирической человѣческой души. Но, съ какихъ это поръ эпикуреецъ Горацій сталъ авторитетомъ въ нравственныхъ вопросахъ?! Онъ восхваляетъ безстрашіе, какъ абсолютную добродѣтель, и Гегель вторить ему и увѣренно заявляетъ, что христіанину полагается быть еще болѣе безстрашнымъ, чѣмъ язычнику. Это Гегель уже высказываетъ отъ своего собственнаго имени и за своей отвѣтственностью, но тутъ его увѣренность можно противопоставить увѣренности въ противу-

положномъ. Язычнику еще полагается доводить свое безстрашіе до тѣхъ предѣловъ, о которыхъ говоритъ Гораций: для язычника и на самомъ дѣлѣ послѣдней инстанціей является мораль. Для язычника «добро» равно властно и надъ людьми, и надъ богами, и того, что предписало «добро», не можетъ отмѣнить ни одна власть въ мірѣ. Для эпикурейца-ли, для стоика-ли *virtus*, мужество, высшая, основная, первоначальная добродѣтель: не даромъ у римлянъ этимъ словомъ обозначалось и мужество и добродѣтель вообще. Но христіанинъ знаетъ и другія добродѣтели, — для христіанина, вообще для человѣка, вѣрующаго въ Бога, страхъ Божій есть начало премудрости. Даже Шопенгауеръ, человѣкъ, у котораго въ душѣ сохранились развѣ что слабыя реминисценціи о былой вѣрѣ, и, которой, какъ я уже упоминалъ, открыто высмѣиваетъ вѣру, все-таки знаетъ, что мужество есть только эмпирическая добродѣтель. По его мнѣнію, мужество и безстрашіе —унтеръ-офицерскія добродѣтели; въ этомъ отношеніи, животныя даже превосходятъ людей: не даромъ говорятъ — безстрашень, какъ левъ.

И правда, безстрашіе есть условная добродѣтель, я-бы сказалъ, добродѣтель имманентная и въ качествѣ таковой она является кардинальной для ученія стоиковъ и эпикурейцевъ. *Nil admirari*—ничему не удивляться и ничего не бояться: для человѣка убѣжденнаго, что за предѣлами видимаго міра нѣтъ ничего, естественно стремиться только къ пониманію и стольже естественно для него гнать отъ себя такія чувства, какъ удивленіе, страхъ или надежду. Въ новой философіи наиболѣе замѣчательнымъ представителемъ такого взгляда является, конечно, Спиноза, вліяніе котораго на Гегеля трудно преувеличить. Идея абсолютнаго духа цѣликомъ принадлежитъ Спинозѣ и у него-же со всей, ему одному свойственной силой все «отдѣльное», индивидуальное превращено въ модусы единой, изначальной субстанціи. И еще съ большей рѣзкостью, чѣмъ у Гегеля, у Спинозы сказывается отвращеніе къ мифологіи не только платоновской, но и библейской, — онъ вѣрилъ въ духъ и только въ духъ. Всякаго рода душевныя колебанія для Спинозы были только признаками слабости: онъ равно презираетъ

и тѣхъ, кто поддается страху и тѣхъ, кто обольщается надеждами. Задача для него, т. е. для философа, одна: *intelligere*. Соответственно этому идеаль: *amor Dei intellectualis*; причемъ, по моему, слово *intellectualis* мы съ равнымъ правомъ можемъ отнести и къ *amor* и къ *Dei*. И перевести такъ: познавательная любовь къ познавательному Богу.

Конечно, — правъ былъ Гораций, учившій въ *ars poetica*, что:

Pictoribus atque poëtis

Quodlibet audendi semper fuit aequa potestas.

Не только поэтамъ и художникамъ, но и философамъ всегда представлялось право и власть всевозможныхъ дерзаний, и я менѣе всего желалъ-бы, чтобъ то, что я здѣсь говорю о Шопенгауерѣ, Спинозѣ и Гегелѣ было истолковано, какъ стремленіе «обвинить» этихъ философовъ въ «свободомысліи». Наоборотъ, я готовъ, — если-бы меня спросили, — разрѣшить всѣмъ ищущимъ — будутъ-ли они, художники, поэты, богословы, философы или даже просто странники — *potestas audendi* въ какой угодно мѣрѣ: пусть дерзаютъ. Смыслъ моихъ замѣчаній къ тому только и сводится, чтобъ оберечь право философіи на дерзанія, хотя-бы и безмѣрныя и опасныя. Если я спорю, то только потому, что, какъ я все болѣе и болѣе въ томъ убѣждаюсь, рационалистическая философія, ведущая свое начало отъ эллиновъ, всегда имѣла своей тайной задачей ограничить *potestas audendi*. Это чисто эллинское устремленіе отразилось даже и на Св. Писаніи. 4-е Евангеліе начинается словами *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος* — въ началѣ было слово. Какъ у римлянъ *virtus*, такъ у грековъ *λόγος* имѣло два значенія: *λόγος* — значить и слово, и разумъ. И это тоже, конечно, не случайно. Въ «словѣ» греки уже предполагали *implicite* заключенный разумъ, въ словѣ же они его и искали, въ особенности Сократъ и вышедшія изъ Сократа школы.

Въ «Федонѣ» Платонъ говоритъ, что самое большее несчастье, которое можетъ приключиться человѣку, это — если онъ станетъ *μισόλογος* оми, т. е. ненавистникомъ разума и что этого нужно беречься больше всего на свѣтѣ. Эта мысль проникаетъ всю эллинскую философію и, повидимому, чрезъ Филона іудейскаго попала въ Евангеліе, а оттуда въ

христіанскую философію. Сократъ побиваль своихъ противниковъ въ спорахъ всегда однимъ способомъ: онъ доказываль имъ, что въ ихъ жизни и поступкахъ нѣтъ той внутренней связи и послѣдовательности, которыя онъ всегда умѣль находить въ мысляхъ и словахъ. И онъ, конечно, былъ правъ. Въ языкѣ, въ «словѣ» много больше логики, чѣмъ въ жизни и душѣ какого хотите человѣка. Въ концѣ концовъ, только въ «словѣ» и есть логика и выдержанная послѣдовательность. Ни Алкивиадъ, ни Перикль, ни даже, нужно думать, самъ Сократъ, если-бы можно было выявить его душевную жизнь, никогда въ смыслѣ выдержанности и послѣдовательности, не могли сравниться съ разработаннымъ до тонкостей языкомъ эллиновъ, который, въ рукахъ мастера, былъ образцомъ послушанія и связности. И причину этого нужно видѣть, главнымъ образомъ, въ томъ, что языкъ оперируетъ преимущественно, если не исключительно общими понятіями. Въдъ даже собственные имена — уже общія понятія: каждое собственное имя есть отвлеченіе отъ того или иного предмета, ибо представляетъ его не въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, а всегда и вездѣ. Цезарь есть Цезарь и младенецъ, и отрокъ, и старикъ, и въ Римѣ, и въ Галліи, и въ бодрствованіи, и во снѣ. Назвавъ человѣка или предметъ по имени, мы уже тѣмъ самымъ отъ свойственной всей дѣйствительности, т. е. всему «особенному» сложной и не передаваемой словами загадочной случайности сразу перешли въ область общаго съ ея простотой, прозрачностью, закономѣрной необходимостью и, потому, понятностью.

Существуетъ мнѣніе, что человѣкъ, какъ разумное существо, отличается отъ животныхъ, какъ отъ существъ неразумныхъ именно тѣмъ, что, посредствомъ мышленія, онъ способенъ переходить — или, по Гегелю, возвышаться — отъ частнаго къ общему. Я думаю, что тутъ кроется заблужденіе и очень серьезное. Способность видѣть въ предметахъ общее вовсе не есть исключительная способность человѣка: всѣ животныя воспринимаютъ въ предметахъ общее и низшія, въ большей степени, чѣмъ высшія. Для волка или льва ягненокъ — только пища; и въ этомъ смыслѣ всѣ ягнята — суть лишь ягнята

вообще. То-же для орла или кондора. «Особенное» животныя замѣчаютъ рѣдко: только развѣ въ своихъ дѣтенышахъ, и то не всегда. Птицы, какъ извѣстно, не умѣютъ даже отличать свои яйца, и маленькая трясогузка высиживаетъ подложенное ей кукушкино яйцо. Я уже не говорю о низшихъ организмахъ, для которыхъ существуютъ, повидимому, только самыя общія представленія: пища и не пища. Такъ что, въ противоположность Гегелю и тѣмъ, отъ которыхъ онъ принялъ основоположеніе своей философіи, нужно считать способность отвлекаться отъ частнаго къ общему не возвышеніемъ, а паденіемъ, если, конечно, принять, что въ лѣстницѣ живыхъ существъ человѣку принадлежитъ болѣе высокое мѣсто, чѣмъ животнымъ. А разъ такъ, то, стало быть, надо думать, что въ λόγοςъ ѣ — словъ — можетъ и не быть всего разума, какъ въ и virtusъ, ѣ — храбрости — всей добродѣтели. Если угодно — въ началѣ и было слово — но лишь потому, что въ началѣ, по крайней мѣрѣ, въ томъ началѣ, до котораго можетъ добраться своимъ близорукимъ глазомъ человѣкъ, все еще было очень элементарно (въ началѣ, повторяю, живыя существа искали только пищи, какой угодно пищи, пищи вообще) и многого тогда еще совсѣмъ и не было. Потомъ, когда пища вообще и все то «вообще», что является необходимымъ условіемъ существованія живыхъ организмовъ было найдено и, въ особенности, когда появился культурный человѣкъ съ большими запасами этого «общаго», такъ что можно было о немъ совсѣмъ больше и не заботиться, когда, стало быть, появился досугъ и съ досугомъ возможность интересоваться не только необходимымъ, но чѣмъ угодно, тогда только впервые со всей силой сказалось значеніе частнаго и индивидуальнаго. Въ началѣ всѣ люди были равны и отличались развѣ только количественно: одинъ сильнѣе, другой слабѣе, физически, разумѣется. Въ началѣ не было Сократа и Мелита, Патрокла и Терсита, а только были люди вообще. Тогда Гомеру, или Шиллеру и другимъ пѣвцамъ нечего было-бы дѣлать, такъ какъ было одно общее, которое всѣ воспѣвали однообразными, надо полагать, словами и еще болѣе однообразными дѣлами...

III.

Какъ-же случилось съ философiей и какъ разъ съ той философiей, которая такъ настойчиво всегда претендовала на возвышенность и которая, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ хотѣла быть возвышенной и только возвышенной, что она прославила идеаль пещернаго человѣка и даже безпозвоночнаго животнаго? Атавизмъ-ли здѣсь былъ причиной или тутъ простая какая-нибудь тайна? Почему въ исторiи философiи побѣдителемъ оказался Аристотель, а не Платонъ? Почему даже христіанство соблазнилось логосомъ, а новое время никакъ не можетъ освободиться отъ чаръ Гегелевской философiи и даже вѣрующіе люди уже могутъ вѣрить только въ бытіе «общаго» Бога, т. е. Бога понятiя, и убѣждены, что всякая другая вѣра предосудительна и даже совершенно невозможна для просвѣщеннаго человѣка? И точно-ли невозможна она? Или мы вправѣ потребовать, наконецъ, по отношенію къ полученному нами отъ эллиновъ наслѣдству, *beneficium inventarium*, о которомъ не думали наши отцы? Но, какъ и отъ кого требовать? Кто скажетъ намъ навѣрняка, есть-ли 1-й стихъ 4-аго Евангелiя откровеніе или интерпелаяція позднѣйшаго времени, когда Св. Писаніе было уже не въ рукахъ нищихъ духомъ, для которыхъ оно предназначалось, а въ рукахъ избалованной или просвѣщенной эллинской мудростью римской знати? И кто поможетъ рѣшить намъ вопросъ: гдѣ искать настоящаго Платона — въ его миеологiи или въ научно обработанной Аристотелемъ его теорiи идей?

Сейчасъ, какъ извѣстно, европейская философiя ведетъ ожесточенную борьбу съ «психологизмомъ». Дѣло, конечно, не новое. Психологизмъ всегда существовалъ, и идеалистическая философiя всегда съ нимъ боролась. Въ новѣйшее время мы едва-ли можемъ назвать кого-либо другаго, кто былъ-бы болѣе ожесточеннымъ и непримиримымъ противникомъ психологизма, чѣмъ Гегель: уже изъ того, что я до сихъ поръ о немъ рассказывалъ, это достаточно явствуетъ. Но, вотъ у самого Гегеля мы встрѣчаемъ такое разсужденіе: «каждый человѣкъ, не колеблясь, говорить: несомнѣнно, что вещи, которыя я вижу,

существуютъ. Но, на самомъ дѣлѣ, неправда, что онъ вѣрить въ ихъ реальность; на самомъ дѣлѣ онъ допускаетъ противоположное, ибо онъ ѣсть и пьетъ ихъ, — т. е. убѣжденъ, что вещи сами по себѣ не существуютъ, что бытіе ихъ не имѣетъ никакой прочности, не имѣетъ сущности. Обыкновенный разсудокъ, такимъ образомъ, въ своихъ дѣйствіяхъ оказывается лучшимъ, чѣмъ въ своемъ мышленіи: ибо его дѣйствующее существо есть цѣлостный духъ». Объясненіе Гегеля оставимъ въ сторонѣ, ибо оно, какъ всякое объясненіе, спорно. Но фактъ безспоренъ: человѣкъ, думающій, что вещи существуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что онѣ не существуютъ, и это знаніе его выражается не въ словѣ, не въ словахъ, а совсѣмъ по-иному, въ дѣйствіяхъ, — но все-же выражается такъ, что о немъ могутъ оказаться освѣдомлены и другіе, напримѣръ Гегель, а за нимъ и его читатели.

Теперь возьмемъ другой фактъ — совершенно того-же порядка, но относящійся уже не къ обывателю, а къ философамъ. Всѣ философы, съ древнѣйшихъ временъ, считали психологическую точку зрѣнія ложной. Гегель самъ, въ особенности. Такъ-же, какъ и обыватели полагали, что вещи, которыя они видятъ, существуютъ, такъ и философы полагали, что истины, которыя они мыслятъ, тоже существуютъ, и всѣ, поэтому, провозглашали себя антипсихологистами. Но прочтите *Logische Untersuchungen* и другія работы Гуссерля. Оказывается, что утверждать-то они утверждали и провозглашать тоже провозглашали, но «дѣлали» совсѣмъ иное: совсѣмъ, какъ обыватели, ѣли и пили тѣ свои истины, которыя сами-же называли вѣчными. Спрашивается: какъ быть съ философами — считать-ли ихъ въ «истинѣ» тогда, когда они «дѣлали», т. е. предъявлять къ нимъ такія-же требованія, какъ къ обывателямъ, или въ силу ихъ высокаго положенія даровать имъ привилегію неподсудности общимъ законамъ?

Это тѣмъ болѣе существенно, что, по Гуссерлю, и самъ Гегель не избѣгъ общей участи: и онъ провозглашалъ одно, а дѣлалъ — въ своей философіи и черезъ свою философію — другое. Если же принять и мое свидѣтельство, то въ такомъ-же положеніи, какъ Гегель, оказывается и самъ Гуссерль. Онъ тоже ѣсть и

пѣть свои вѣчныя истины и даже въ большей мѣрѣ ѣсть и пѣть ихъ, чѣмъ какой-либо другой философъ; можно сказать, что у него истребленіе истины прямо пропорціонально его увѣренности въ ихъ неистребимости. Такъ вотъ я и ставлю вопросъ: съ чѣмъ считается намъ? Со словами философовъ или съ ихъ дѣлами: на словахъ они говорятъ, что ихъ истины вѣчны, дѣлами-же своими показываютъ, что ихъ истины такъ-же преходящи, какъ и тѣ чувственные предметы, которые для обывателя кажутся существующими, но для «разума» оказываются чуть-ли не фантазмагоріями, обращающимися въ ничто при прикосновеніи логики. Иначе говоря: какъ учиться у философа: усваивая-ли придуманныя имъ теоріи или наблюдая его жизнь во всѣхъ ея выраженіяхъ, т. е. не въ словахъ только, а въ дѣйствіяхъ, поступкахъ и т. д.?

Нужно, однако, думать, что едва-ли удастся, какъ это и вѣроятно, хотѣлось-бы читателю, особенно читателю-специалисту по философіи, который любитъ общее и цѣнить единообразное, дать одинъ исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Ибо иногда «цѣлостный духъ», пользуясь терминомъ Гегеля, можетъ проявиться въ дѣлахъ, а иногда — въ словахъ. Иногда бываетъ такое *complexio oppositorum*, что противорѣчіе въ словахъ и дѣлахъ для бѣднаго двуногого животнаго оказывается неизбѣжнымъ. Такъ, напримѣръ, обывателю все-таки приходится утверждать, что хлѣбъ и вода существуютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣсть хлѣбъ и пить воду. Ибо ѣсть и пить несуществующее онъ, какъ показалъ ему опытъ, не умѣетъ, хотя, если-бы умѣлъ, онъ предпочель-бы ихъ очень часто существующимъ. Такъ что вопросъ оказывается большой сложности, и все-таки мы не можемъ ни обойти его, ни упростить. Да и вообще, стремленіе упростить сложное никогда не приводитъ къ добру: въ головѣ-то мы можемъ устроить видимый ладъ и порядокъ, но дѣйствительность все-же остается прежней и не вмѣщается въ строю ни идеалистическаго, ни материалистическаго пониманія. Какія-бы зданія мысли мы ни возводили-бы, въ нихъ не окажется достаточно мѣста обывателю, чтобы вмѣстить все, что ищетъ себѣ пристанища...

Повторяю, матеріализмъ въ своемъ существѣ отъ идеализма

ничѣмъ не отличается, хотя на внѣшній видъ они такъ не похожи другъ на друга. И здѣсь, и тамъ хотятъ загнать жизнь подъ крышу, въ подвалъ, въ подземелье, и одинаково безуспѣшно. Жизнь взрываетъ самыя толстыя стѣны, самыя крѣпкіе своды. Философія рано или поздно станетъ философіей *en plein air*, какъ-бы тому ни противились люди традиціи и стараго уклада. Люди поймутъ, наконецъ, что въ «слово», въ общія понятія можно загонять на ночь для отдыха и сна усталыя человѣчскія души, — но днемъ нужно ихъ снова выпускать на волю: Богъ создалъ и солнце, и небо, и море, и горы не для того, чтобы человѣкъ отвращалъ свои взоры отъ нихъ. Правы были ватиканскіе отцы: *Si quis mundum ad Dei gloriam conditum esse negaverit, anathema sit.* И вотъ платоновская миеологія, которую, подъ разными предлогами, такъ упорно Гегель (да не только Гегель — всѣ почти его предшественники и преемники) выметааетъ изъ философіи — она то и говоритъ о томъ, что міръ созданъ во славу Божию и, если философу не дать объ этомъ рассказать, — что тогда отъ философіи останется?

IV.

Но идеалистическая, какъ и матеріалистическая, философія всегда старались возвыситься надъ Богомъ. И даже, въ концѣ концовъ, теологія, которая, какъ мнѣ уже приходилось однажды указывать, даже въ средніе вѣка, въ пору своего величайшаго расцвѣта и торжества, была всегда прислужницей философіи (*ancilla philosophiae*), — и она непременно хотѣла быть выше Бога, надъ Богомъ. Вся *potestas audendi* философвъ и теологовъ выражалась, главнымъ образомъ, въ стремленіи подчинить Бога человѣку. Такъ что, пожалуй, теперь, послѣ напряженнѣйшей двадцатипятилѣтней борьбы разума съ Богомъ и послѣ тѣхъ рѣшительныхъ побѣдъ, которыя разумъ одержалъ надъ Богомъ, — сейчасъ, въ настоящій моментъ, была-бы величайшимъ дерзновеніемъ попытка заговорить о настоящемъ Богѣ, который и въ Св. Писаніи, и въ символѣ вѣры, произносимомъ милліонами людей всѣхъ частей

свѣта, называется творцомъ Неба и Земли. Когда-то псалмопѣвцу казалось безуміемъ отрицать существованіе Бога: «и рече безумецъ въ сердцѣ своемъ нѣтъ Бога». Теперь доказываютъ существованіе Бога и вновь хотятъ восстановить онтологическое доказательство его небытія. И это не только у Гегеля, но даже и у Декарта. Ибо условіемъ доказательства является *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*—любимѣйшій и вѣрнѣйшій способъ, которымъ издревле пользовалась спекулятивная философія для достиженія своихъ цѣлей. Я опять повторяю, что Гегелевскій Богъ нисколько не отличается отъ материалистическаго принципа. И, если приведенныхъ примѣровъ недостаточно, я укажу еще одинъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе интересный и поучительный. Это размышленія Гегеля о судьбѣ Сократа. Размышленія столь замѣчательныя, что ихъ стоитъ привести полностью. «О Сократѣ говорятъ, что, такъ какъ онъ былъ безъ вины приговоренъ къ смерти, то его судьба трагична. Но, такого рода несчастье невиннаго человѣка было печальнымъ, а отнюдь не трагическимъ событіемъ, ибо оно не есть разумное несчастье. Ибо несчастье лишь тогда разумно, когда оно вызывается волею субъекта, долженствующаго быть безконечно правымъ и нравственнымъ, равно какъ и силы, противъ которыхъ онъ выступаетъ; поэтому, послѣднія не должны быть просто силами природы или деспотической воли; ибо только въ первомъ случаѣ человѣкъ самъ повиненъ въ своемъ несчастіи въ то время, какъ естественная смерть есть абсолютное право, которое природа осуществляетъ по отношенію къ человѣку. Въ истинно трагическомъ, такимъ образомъ, должны сталкиваться съ обѣихъ сторонъ межъ собою силы, равно правыя и нравственныя: такова и была судьба Сократа. Его-же судьба не есть только его личная, индивидуальная, романтическая судьба; въ ней представляется общая нравственно трагическая судьба, трагедія Аѳинъ, трагедія Греціи. Два противоположныхъ права выступаютъ одно противъ другого и разбиваютъ другъ друга; обѣ стороны проигрываютъ, обѣ равно правы одна предъ другой, а не то, что одна права, другая неправа. Одна сила — это божеское право, вкоренившійся обычай, законы

котораго отождествились съ волей, живущей въ немъ, какъ въ своемъ собственномъ существѣ, свободно и благородно; отвлеченно говоря, мы можемъ назвать ее объективной свободой. Другой принципъ есть столь-же божественное право свободы, право знанія или право субъективной свободы: это есть плодъ дерева познанія добра и зла, т. е. разума, черпающаго изъ самого себя — общій принципъ философіи на всѣ послѣдующія времена. Эти два принципа и столкнулись въ жизни и философіи Сократа».

Приведенный отрывокъ взятъ мною изъ гегелевской исторіи философіи, но здѣсь, конечно, важна для насъ философія исторіи въ пониманіи величайшаго и, пожалуй, наиболѣе послѣдовательнаго изъ рационалистовъ. Принципомъ философіи на всѣ послѣдующія времена оказывается разумъ, черпающій изъ самого себя. Что правда — то правда. Послѣ-сократовская, я-бы охотнѣе сказалъ и былъ-бы, пожалуй, ближе къ истинѣ, послѣ-платоновская философія всецѣло и исключительно опредѣлилась этимъ принципомъ. Послѣ Платона, философы сознательно пренебрегали всякимъ другимъ источникомъ познанія — и въ этомъ отношеніи позитивисты и эмпирики мало отличаются отъ метафизиковъ. Но даже Платонъ всегда колеблется. Онъ, конечно, пользуется мною и очень охотно пользуется; онъ вѣритъ даже въ откровеніе, но, вѣря, отвергаетъ его, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста Тимея: «что Богъ далъ способность предсказанія именно человѣческому неразумію, достаточнымъ доказательствомъ тому является то обстоятельство, что ни одинъ, владѣющій своимъ разумомъ человѣкъ не пріобщается божественнаго и истиннаго пророчества: но только тѣ, у которыхъ во снѣ сковывается сила разума, или тѣ, которые въ болѣзни или въ состояніи экстаза выходятъ за предѣлы самихъ себя». Ясно, что Платонъ брезгаетъ и въ чемъ-то недобромъ подозрѣваетъ всякаго рода пророческія дарованія и боится ихъ считать непорочными источниками истины. Тотъ, кто предсказываетъ, не находится въ своей власти: его разумъ скованъ сномъ. болѣзнию или экстазомъ. Можетъ быть, правильнѣе было-бы сказать, раско-

ванъ? И потомъ, Платонъ забываетъ объ одномъ замѣчательномъ и хорошо ему извѣстномъ случаѣ, когда даръ пророчества не предполагалъ скованности разума. Сократу его демонъ открывалъ будущее не во снѣ, а на-яву, при самыхъ нормальныхъ состояніяхъ его тѣла и души. Такъ или иначе Платонъ хочетъ считать, что единственнымъ источникомъ познанія истины является разумъ и только въ силу человѣческой непослѣдовательности, которая какъ мы видѣли на примѣрѣ обывателя, ѣдящаго и пьющаго, существующее, иногда бываетъ плодотворнѣе послѣдовательности, такъ часто обращается къ мифамъ.

Но, что еще поразительнѣй: даже Плотинъ — философъ-мистикъ, живетъ исключительно въ мірѣ интеллигибельномъ: у него состоянія экстаза не только не разрываютъ, а скорѣе еще тѣснѣе сближаютъ его съ разумомъ. Можно сказать, что Плотину нужны экстазы лишь затѣмъ, чтобы высвободиться отъ того, что философы именуютъ скованностью, чувственной данностью. Или, выражаясь языкомъ Библии, который не чуждъ порою и Гегелю, въ экстазѣ Плотинъ повторяетъ преступленіе Адама: въ состояніи добровольной невмѣняемости онъ вкушаетъ отъ древа познанія добра и зла, чтобы превратить свою человѣческую сущность въ чисто разумную. Изъ всѣхъ даровъ Божіихъ философъ принимаетъ только разумъ.

Таковъ смыслъ словъ «разумъ, черпающій изъ самого себя», таково содержаніе «общаго принципа», опредѣлившаго собой, по Гегелю, философію на всѣ послѣдующія времена. Конечно, если разумъ можетъ, хочетъ и долженъ все черпать изъ самого себя и, если философія есть то и только то, что разумъ можетъ вычерпать изъ самого себя, то философія исторіи и, въ частности, исторія философіи исторіи должна быть построена *погеometrico*. Т. е. нужно установить внутреннюю связь чистыхъ понятій и показать, какъ одно понятіе діалектически, т. е. съ естественной необходимостью, превращается въ другое. Сократъ жилъ, училъ добру и умеръ. Умеръ не своей смертью, какъ-бы полагалось съ человѣческой точки зрѣнія такому великому мужу, а былъ сопричтенъ къ злодѣямъ и казненъ своими согражданами. Платонъ написалъ на эту тему

знаменитый діалогъ «Федонъ». А что дѣлаетъ разумъ, все черпающій изъ себя? Первое правило: разумъ никогда не теряется, впередъ увѣренный, что онъ вычерпаетъ изъ себя соотвѣтствующія объясненія. Отравили Сократа, — значитъ нужно было отравить. Именно н у ж н о. Если-бы не было нужно, то, конечно, его тоже м о г л и - б ы отравить, но это было-бы чистой случайностью, печальной, правда, но все-же случайностью. Чтобъ стать трагедіей, несчастье должно быть «разумнымъ»—и Гегель ставитъ себѣ задачу показать, что смерть Сократа какъ разъ и была разумнымъ несчастьемъ и потому можетъ быть достойнымъ предметомъ историко-философскаго размышленія. Объективная свобода должна была смѣниться субъективной; процессъ совершился — и при этомъ отравили Сократа.

Но, во-первыхъ, историческій процессъ могъ прекрасно совершиться и безъ того, чтобъ отравили Сократа. Если-бы, скажемъ, Сократъ умеръ 69 лѣтъ отъ тифа или иной болѣзни, процессъ перехода отъ объективной свободы къ субъективной не задержался-бы нисколько. Второе, — зачѣмъ Гегель говорить о случайной случайности, о несчастіи, о трагедіи? Что печальнаго или трагическаго въ томъ, что умеръ старый грекъ? Съ точки зрѣнія, конечно, разума, черпающаго все изъ себя. Умеръ-ли Сократъ или не умеръ, умеръ-ли онъ въ связи съ столкновеніемъ двухъ принциповъ или отъ того, что столкнулся съ быстро мчавшейся колесницей — въ чемъ тутъ разница? И какъ вычерпалъ изъ себя разумъ такія слова, какъ печальное, несчастье, трагедія? Платонъ могъ оплакивать своего друга и учителя. Но чистый разумъ не знаетъ и не хочетъ знать слезъ: для него радость и горе только признаки индивидуальнаго воспріятія. Если искать чистаго познанія, нужно отказать отъ всякаго обладанія и, по завѣту Спинозы, трактовать человѣческіе аффекты, какъ трактуются перпендикуляры и треугольники. Все должно сводиться къ «пониманію», т. е. къ механическому объясненію. Объективная свобода переходитъ въ субъективную, въ этомъ содержаніе исторіи; натуральное хозяйство смѣняется капиталистическимъ — опять содержаніе исторіи. Все это, конечно, очень хорошо придумано, и едва-ли можно что-нибудь возразить Гегелю или матеріалистамъ, оставаясь на ихъ почвѣ.

Но, если разрѣшается дѣлать возраженія психологистическаго характера, я-бы могъ напомнить то, что Гегель говорилъ о наивномъ обывателѣ, вообразившемъ, что хлѣбъ и вода существуютъ. Ибо Гегель никогда не остается на «высотѣ» чистой спекуляціи, и какъ-бы онъ ни уносился въ область метафизическаго и общаго, онъ всегда остается обвѣшаннымъ «единичнымъ» и «эмпирическимъ». Онъ безъ разбора ѣсть и пить и существующее, и призрачное и своими дѣйствіями возражаетъ себѣ еще больше, чѣмъ его самые ожесточенные противники. Не даромъ онъ говоритъ о *Festigkeit der Allgemeinheit*: онъ хочетъ сгустить, я-бы сказала м а т е р і а л и з и р о в а т ь общее. И онъ достигаетъ своей цѣли: его «общее» почти о с я з а е м о — и, я думаю, въ этомъ тайна его огромнаго успѣха.

Съ одной стороны, онъ отвязался отъ всего индивидуальнаго, справиться съ которымъ философіи не подъ силу, съ другой стороны, у него остались и «матерія» и «движеніе», всегда прельщавшія людей, жаждущихъ философіи съ началами и концами. Начала и концы обеспечены только такому міропониманію, которое признаетъ единый источникъ истины. Оно «возвышается» надъ отдѣльнымъ и случайнымъ, оно преодолеваетъ всѣ трудности и неразрѣшимыя противорѣчія жизни. Оно «понимаетъ» жизнь — ему не страшна и смерть — *der natuerliche Tod nur ein absolutes Recht ist, was die Natur am Menschen ausübt*. Если-бы небо обвалилось на него — онъ-бы не испугался. А Богъ — Бога онъ еще меньше боится. Богъ, вѣдь, понятіе и ужъ, навѣрное, понятіе самое чистое, самое свободное отъ всего индивидуальнаго. Онъ не можетъ ничего ни дать, ни отнять у человѣка. «Въ исторіи, конечно, идея проявляется, какъ абсолютная власть: иначе говоря, Богъ править міромъ. Но исторія есть идея, воплощающаяся естественно, а не сознательно»: Совершенно очевидно, что сущностью гегелевской разумной философіи является *die Idee die auf natuerliche Weise vollbracht wird*. И еще: врядъ-ли я ошибусь, если скажу, что словомъ «естественно» исчерпывается сущность материализма.

Я не знаю, кто ввелъ впервые въ употребленіе понятіе «естественный». Знаю только, что оно существуетъ очень

давно — столько-же, пожалуй, времени, сколько и сама философія. И еще знаю, что сейчасъ нужна величайшая, не только возможность, но и способность дерзанія, чтобъ освободиться отъ власти этого слова. Попробуйте отказаться отъ него, что останется тогда отъ философіи? Кажется, что совершенно невозможно не то, что философствовать, но даже просто говорить. Оттого всѣ философы такъ тяготѣли къ научному методу мышленія.

Res nullo alio modo vel ordine a Deo producí potuerunt quam productae sunt, — говоритъ Спиноза. И въ этихъ немногихъ словахъ онъ, какъ нельзя точнѣе, выразилъ историческія задачи и приемы исканія философіи. Богъ, создавая вещи, создавая міръ, только покоряется своей природѣ, въ такомъ-же родѣ, въ какомъ геометрическія теоремы развиваются изъ аксіомъ и опредѣленій. Сумма двухъ сторонъ треугольника больше, а разность меньше третьей стороны, сторона вписаннаго въ кругъ правильнаго шестиугольника равняется радіусу этого круга и т. д. — вплоть до послѣдней теоремы все есть необходимое развитіе основныхъ положеній. И подобно тому, какъ геометръ не можетъ вписать въ кругъ ромба, такъ не могъ Богъ до сихъ поръ создать крылатыхъ людей или разговаривающихъ львовъ. И, подобно тому, какъ геометру видно, что сторона вписаннаго въ кругъ правильнаго шестиугольника должна равняться радіусу этого круга, такъ философъ до тѣхъ поръ не можетъ успокоиться, пока не убѣдится, что человѣкъ долженъ быть безкрылымъ, Эпиктетъ не могъ не быть рабомъ, а Сократу такъ и полагалось умереть смертью злодѣя. Пониманіе есть послѣдняя цѣль философіи. Когда Гегель «понялъ», что смерть Сократа была «разумнымъ» несчастьемъ или трагедіей, когда онъ съѣлъ или выпилъ эту «истину», онъ насытился, удовлетворился и ему казалось, что всѣ, читающіе его произведенія, должны тоже насытиться и получить удовлетвореніе и что его «судьба Сократа» есть потому болѣе философское произведеніе, чѣмъ «Федонъ» Платона, который является не отвѣтомъ, а вопросомъ и притомъ такимъ вопросомъ, не который, повидимому, никто никогда не дастъ надлежащаго, удовлетворяющаго или насыщающаго отвѣта.

V.

Спиноза идетъ еще далѣе Гегеля. По крайней мѣрѣ въ своемъ аскетизмѣ онъ смѣлѣе, рѣшительнѣй и откровеннѣе. Мы знаемъ дерзновенное и загадочное заявленіе родоначальника цинизма Антисеена: лучше мнѣ сойти съ ума, чѣмъ испытать удовольствіе. Передаютъ, что Діогенъ называлъ Антисеена громкой трубой, которая не слышитъ сама себя. Неизвѣстно точно, почему ученикъ такъ отзывался объ учителѣ. По всей вѣроятности, что именно приведенное изреченіе дало поводъ Діогену къ такого рода «психологической» критикѣ. Философъ, по мнѣнію Діогена, долженъ не говорить, а дѣйствовать. И я думаю, что изъ новѣйшихъ философовъ требованію Діогена наиболѣе другихъ отвѣтилъ-бы Спиноза. Онъ и вправду «дѣлалъ» свою философію и тщательнѣйшимъ образомъ вытраивалъ изъ своего «бытія» всѣ «чувственные» элементы, такъ что ему больше, чѣмъ кому-либо удалось превратить свою душу въ общее понятіе. Онъ пересталъ быть Спинозой *hic et hunc*, онъ сталъ *philosophus*’омъ, т. е. существомъ не только безплотнымъ, но и «безчувственнымъ», какъ тотъ Богъ, которому онъ поклонялся. Я думаю, что именно этимъ онъ внушалъ такое суевѣрное отвращеніе къ себѣ современникамъ, и этимъ-же онъ покоришь сердца дальнихъ потомковъ, вновь открывшимъ или отрывшимъ его изъ подъ десятилѣтій забвенія.

Біографія Спинозы говоритъ намъ, что среди живыхъ людей XVI! го столѣтія долгое время блуждало привидѣніе, — если подъ привидѣніемъ разумѣется то, что подъ этимъ словомъ обычно разумѣлось: т. е. существо, умѣющее по-человѣчески мыслить и даже, по своему, заинтересованное земной жизнью, но лишенное всѣхъ тѣхъ чувственныхъ свойствъ, по которымъ мы всегда отличаемъ живыхъ отъ призраковъ. Привидѣніе есть нѣчто среднее между мертвецомъ и живымъ. Оно не мертво, ибо оно вступаетъ въ общеніе съ людьми, но оно и не живеть, ибо существующее для него не существуетъ. И отношеніе къ привидѣнію особенное: одни его боятся, другіе предъ нимъ преклоняются.

И вотъ любопытнѣйшій вопросъ: какъ произошла со Спинозой такая странная метаморфоза, почему онъ изъ человѣка превратился въ привидѣнiе? Вопросъ тѣмъ болѣе любопытный, что, хотя, по ученiю Спинозы, *res nullo alio modo vel ordine a Deo producti potuerunt quam productae sunt*, у насъ есть всѣ основанiя думать, что та *res*, которая существовала въ свое время подъ именемъ Бенедикта Спинозы, сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она стала, т. е. предметомъ страха и удивленiя людей, вовсе не въ силу «необходимости» и даже не въ силу необходимости своей внутренней природы. И Богъ тутъ нисколько не замѣшанъ. Съ этой вещью произошло нѣчто поистинѣ замѣчательное: она вырвалась изъ связи съ остальными вещами, изъ той среды, въ которую ее помѣстила судьба и стала не такой, какой ей полагалось-бы быть въ силу необходимости, а такой, какой, по особенному, ей одной свойственному, капризу, она быть захотѣла. И, если правда, что Богъ создаетъ вещи, то, въ данномъ случаѣ, нужно думать, Богъ остановился на полпути. Онъ началъ создавать Спинозу обычнымъ способомъ, но, увидавъ, какой своеобразный материалъ попалъ ему подъ руку, предоставилъ ему самому кончать себя. И, конечно, Спиноза такой, какимъ мы его знаемъ, созданъ не Богомъ и не въ силу необходимости, а самимъ собой, и по свободному произволу, можетъ быть въ осуществленiи той свободы, о которой рассказывалъ Достоевскiй устами своего Кириллова. Я скажу еще больше. По Спинозѣ, камень, если-бы былъ одаренъ сознаниемъ, считалъ бы, что онъ не падаетъ на землю, повинуюсь закону притяженiя, а свободно мчится, куда ему вздумается. Такъ вотъ, камень, обладающiй сознаниемъ, быть-можетъ, и не догадался-бы, что онъ не летаетъ, а падаетъ, но даже камень, не обладающiй сознаниемъ, долженъ былъ-бы понять, что Спиноза сталъ Спинозой не въ силу необходимости, а по свободному рѣшенiю воли.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ онъ превратился въ привидѣнiе или въ то, что люди приняли за привидѣнiе. Отвѣта на этотъ вопросъ вы не найдете ни въ одномъ изъ его основныхъ произведенiй, — ни въ этикѣ, ни въ теолого-политическомъ трактатѣ, ни даже въ письмахъ. Тамъ онъ уже

законченный *philosophus*, тамъ предъ нами человѣкъ, преодо-
лѣвшій всѣ сомнѣнія, выкорчевавшій изъ себя все человѣ-
ческое, — словомъ, тамъ предъ нами человѣкъ вообще,
человѣкъ — понятіе, чистый интеллектъ съ незыблемымъ
принципомъ: *de natura rationis non est res ut contingentes,
sed ut necessarias contemplari*. Но въ *tractatus de intel-
lectus emendatione* мы можемъ хоть отчасти прослѣдить
тотъ процессъ, посредствомъ котораго «этотъ человѣкъ», т. е.
человѣкъ живой превращается въ человѣка-понятіе. Правда,
и здѣсь даже Спиноза необыкновенно выдержанъ и скупъ на
откровенныя признанія, точно такого рода свѣдѣнія должны
быть намекомъ и то лишь для посвященныхъ; намекомъ, по ко-
торому можно судить, что за экзотерической философией
скрывается философія эзотерическая. Гегель, какъ извѣстно,
ужасно негодовалъ противъ допущенія такого противустанавле-
нія. Но мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ Гегель былъ недо-
статочно проникательнымъ, — быть-можетъ, *ex officio*. Не-
сомнѣнно, что у каждаго человѣка существуютъ двѣ филосо-
фіи — одна явная, выраженная, для всѣхъ и всѣмъ доступная,
другая — тайная; не только недоступная для всѣхъ, но време-
нами непостижимая даже для того, кто ее создалъ и выносилъ
въ душѣ своей. Она почти не находитъ внѣшней формы для
своего выраженія. Отрывочныя, вырвавшіяся словно противъ
воли фразы, слова, полуслова, интонаціи, восклицанія —
такими и только такими способами дать о себѣ знать эта не-
видимая, скрытая, но, можетъ-быть, значительнѣйшая часть
жизни человѣческой души. Даже Гегель, который, по своимъ
устремленіямъ, былъ особенно далекъ отъ такого рода пере-
живанія, не могъ, хотя-бы мимоходомъ и съ презрѣніемъ или
пренебреженіемъ, не отмѣтить факта «музыкальнаго» сознанія.
Но, какъ мы знаемъ, Гегель искалъ матеріализаціи даже об-
щихъ понятій, *Festigkeit der Allgemeinheit* и больше всего
боялся одушевленности, въ которой онъ справедливо усматри-
валъ носительницу столь враждебныхъ ему началъ случай-
ности и произвола. И потому, между Гегелемъ и Спинозой,
несмотря на сходство ихъ пантеистическихъ идей, чувствуется
столь существенная разница. Гегель безпечнѣй, увѣреннѣй

Спинозы, какъ человѣкъ, за котораго труднѣйшее продѣлали другіе. Свою власть вязать и разрѣшать, *potestas clavium* онъ получилъ по наслѣдству, она передалась ему черезъ длинный рядъ поколѣній — и онъ думаетъ, что она отъ Бога. Спиноза самъ добылъ ее и знаетъ, какъ всякій, кто самъ добывалъ власть, хотя бы и царскую, какой цѣной она покупается. Оттого у Гегеля есть всѣ отвѣты на всѣ вопросы. У Спинозы-же есть только «этика», т. е. наука, которая показываетъ, что человѣкъ можетъ, если пойдетъ на великое самоотреченіе и продѣлаетъ труднѣйшія *exercitia spiritualia*, сдѣлаться метафизическимъ существомъ, иначе говоря, обратиться въ чистую мысль, равно независимую и отъ случайностей земного бытія, и отъ превратности индивидуальной судьбы. Конечно, Спиноза не первый ставилъ такую задачу и не первый ее выполнилъ. Но первенство тутъ не при чемъ. Въ т а к и х ъ дѣлахъ опытъ предшественниковъ ровно ничего не даетъ. Нужно самому продѣлать отъ начала до конца все то, что требуется для превращенія живого человѣка въ идею или понятіе. Въ древнія времена люди чаще ставили себѣ такія задачи. Даже до Сократовской философіи они не были чужды. Но свѣдѣнія наши о древнихъ слишкомъ скудны, чтобъ отваживаться у нихъ искать ультра-эзотерическую философію. Даже о циникахъ и стоикахъ мы знаемъ мало. Въ новѣйшее же время наиболѣе замѣчательнымъ примѣромъ такой философіи является Спиноза.

И вотъ, въ своемъ *tractatus de emendatione* онъ вкратцѣ передаетъ, что съ нимъ было. Какъ и всякому человѣку въ молодости ему казалось, что лучшее въ жизни это *divitiae, honores et libidines*. Но, вскорѣ онъ убѣдился, что все это добывается съ величайшимъ трудомъ, рѣдко кому достается, и сверхъ того, въ высокой степени брэнно. Да и по существу своему не можетъ дать истиннаго удовлетворенія. Богатому человѣку хочется еще богатствъ, почести только будятъ жажду новѣхъ отличій, а наслажденія оставляютъ послѣ себя лишь чувство пустоты. Что-же дѣлать? Какъ человѣкъ, заболѣвшій смертельной болѣзью, Спиноза почувствовалъ себя обреченнымъ на отчаянное леченіе: отреченіе. Само лѣкарство могло убить его. Но другого выхода не было. Онъ отрекся отъ міра и на-

шелъ ту amor erga rem aeternam, которая одна только может исцѣлить человѣческую душу и дать ей то высшее благо, — конечно, благо интеллектуальное, — о которомъ мечтаютъ бѣдные потомки Адама съ той поры, какъ ихъ прародители были изгнаны изъ рая.

VI.

Я знаю очень хорошо, что Спиноза въ еще большей степени, чѣмъ Гегель, былъ врагомъ мифологіи и что для него библейская мифологія не имѣла никакихъ преимуществъ предъ языческой. И все-таки я не могъ не вспомнить про Адама и грѣхопаденіе. Свою этику Спиноза заканчиваетъ словами: *omnia praeclara tam difficilia, quam rara sunt*, — что это какъ не передача «своими словами» грознаго напутствія Бога Адаму и Евѣ при изгнаніи изъ рая: въ потѣ лица своего будешь добывать хлѣбъ свой и т. д.? Почему все прекрасное должно быть рѣдкимъ и труднымъ? Казалось-бы наоборотъ, что хлѣбъ засушный человѣку слѣдовало добывать легко и радостно. И женщинѣ — рожать дѣтей безъ болей. Вѣдь все, что «естественно» должно было-бы, если только слово естественный имѣть хоть какой-нибудь смыслъ — соотвѣтствовать волѣ и устремленію, а также и физической организаціи человѣка. Трудъ-бы долженъ былъ быть потребностью нашей, а роды не только безболѣзненными, но пріятными. Даже смерть, какъ естественный конецъ, должна была-бы быть не страшной, а желанной гостью.

Но Спиноза, какъ и всѣ большіе философы, чувствовалъ, что въ философіи нужно идти не по линіи наименьшаго, а по линіи наибольшаго сопротивленія. Если правильно, что *πολεμος πατήρ πάντων*, то философія должна быть *πολεμος* по преимуществу. Оттого, вѣроятно, эвдаимонистическія, гедонистическія и даже утилитарныя теоріи морали никогда долго не заживались на землѣ. Философъ ищетъ труднаго, ищетъ борьбы. Его стихія — проблематическое и вѣчно проблематическое. Онъ знаетъ, что рай потерянъ — и хочетъ вернуть потерянный рай. Если нельзя вернуть сейчасъ или въ ближайшемъ будущемъ, онъ готовъ ждать годы, десятилѣтія, до конца жизни, — а нужно.

отложить задачу и на послѣ смерти, хотя для этого пришлось бы жить въ величайшемъ напряженіи и всегда испытывать лишь муки и боль неосуществленнаго материнства.

У Спинозы, несмотря на загадочное и все покоряющее внѣшнее спокойствіе, эта напряженность достигаетъ крайней степени. Быть можетъ, самое замѣчательное въ его философіи, что онъ умѣлъ говорить простыми, даже бѣдными, словами о тяжчайшихъ и величайшихъ событіяхъ своей внутренней жизни. Его прославившееся изреченіе *non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere* — вовсе не значить, что онъ не смѣялся, не плакалъ и не проклиналъ. Я даже готовъ перевести его словами Паскаля, на первый разъ какъ будто стало противуположными: *je n'approuve que ceux, qui cherchent en gemissant*. Когда онъ, подобно монаху, дающему обѣты воздержанія, бѣдности и послушанія, отрекается отъ *divitiae, honores et libidines*, кажется, что вновь повторяется трагедія изгнанія Адама изъ рая. Вѣдь, что такое *divitiae, honores et libidines*? Какъ будто три маленькихъ слова—да еще такихъ, которыя никогда не таили въ себѣ ничего привлекательнаго для философа. Но, вѣдь, подъ ними весь Божій міръ! Если хотите, даже рай, ибо, какъ передается въ Библии, въ раю было великое изобиліе всѣхъ богатствъ, и радости тамъ не возбранялись, человекъ былъ въ почетѣ, и всѣ страсти, кромѣ одной — страсти къ познанію — были дозволены и даже поощрялись. Теперь стоитъ надъ всѣмъ этимъ ангель съ огненнымъ мечомъ, и только къ дереву познанія, къ *intelligere*, остался свободный доступъ.

Конечно, и огненный мечъ, и ангель — только образы: я не хочу смущать современнаго образованнаго читателя, требуя отъ него вѣры въ сверхъестественное. И, вообще, я никакихъ требованій не предъявляю. Но вотъ дѣйствительность. Хотите — не хотите, Спиноза правъ: и *divitiae, honores et libidines*, Боже, какими жалкими и ничтожными являются они здѣсь на землѣ! Если лаконическія разсужденія Спинозы васъ не удовлетворяютъ, перечтите Шопенгауера: онъ вамъ обо всемъ раскажетъ со свойственной ему яркостью красокъ и живописью воображенія. И прибавить, что въ маленькомъ трактатѣ Спинозы все это *implicite* уже заключено.

VII.

Но, спросить, при чемъ же тутъ ангель и огненный мечъ? Есть и то, и другое, только не внѣ, а внутри человѣка, какъ и то яблоко, которое проглотилъ нашъ праотець. Они въ нашемъ стремленіи *intelligere*, въ искусствѣ созидать общія понятія. Стоить только человѣку, какъ это сдѣлалъ, по завѣту своихъ предшественниковъ, Спиноза, заговорить на языкѣ общихъ понятій, и рай мгновенно превращается въ адъ. Тамъ, гдѣ были прекрасные сады, гдѣ пѣли птицы, играли вчера сотворенные и вѣчно юные львы, гдѣ радовались, любили, гдѣ была жизнь, свободная и торжествующая, тамъ появились *divitiae, honores, libidines* — понятія, которыя, будете-ли передавать на русскомъ или на латинскомъ языкѣ, обозначаютъ одно: смерть, смерть и смерть. И философія Спинозы съ ея гордой вершиной *amor Dei intellectualis* — тоже смерть: внутри человѣка стоитъ ангель съ огненнымъ мечомъ и не пускаетъ въ рай.

Древнее проклятіе съ насъ не снято. Мы сами оказываемся и преступниками и своими добровольными палачами. *Res nullo alio modo vel ordine a Deo produci potuerunt quam productae sunt.* (Eth. I. pr. XXXIII) или, по Гегелю, «vernünftiges Unglück!» Какъ могъ человѣкъ дойти до того, что послѣднее удовлетвореніе онъ сталъ находить въ сознаниі, что «несчастье разумно» и что Богъ не могъ создать вещи иными, чѣмъ онъ ихъ создалъ? А, вѣдь, на этомъ намъ предлагаютъ остановиться, въ этомъ видятъ высшую мудрость, самое цѣнное, что бываетъ въ жизни. Даже сладкопѣвецъ Гораций убѣждаетъ насъ, что завиднѣйшій на землѣ удѣлъ — это удѣлъ мудреца:

*Sapiens uno minor est Jove, dives
Liber, honoratus, pulcher, rex denique regum.*

Кто такъ говорить? Древній змѣй, воплотившійся въ поэта и вновь соблазняющій людей красотой плодовъ отъ дерева познанія добра и зла? Если бы одинъ Гораций! Его можно было бы и не слушать: *πολλά ψεύδεται οἱ ἀπίστοι* (много лгутъ пѣвцы). Но Гораций только повторяетъ то, что постоян-

но твердятъ философы — философы, которымъ отлично извѣстно, что въ этихъ увѣреніяхъ нѣтъ ни слова правды. Мудрецъ вовсе не прекрасенъ, и не свободенъ, и не царь царей. Онъ связанъ, онъ безобразенъ, онъ — послѣдній изъ рабовъ и уступаетъ не только Юпитеру, но самому ничтожному изъ смертныхъ.

Конечно, «экзотерическая» философія обязана молчать объ этомъ. Я думаю, что даже и посвященные между собою объ этомъ не разговариваютъ. Только, у *святыхъ* вы встрѣчаете такого рода признанія — но святые объ этомъ умѣли такъ говорить, что имъ никто никогда не вѣрилъ. И вообще это одна изъ тѣхъ великихъ тайнъ жизни, которыя остаются тайнами даже и въ томъ случаѣ, если ихъ выкрикиваютъ на всѣхъ площадяхъ. Философамъ, какъ и святымъ, нужна *sancta superbia*. И Спиноза въ послѣднемъ счетѣ только и жилъ, что «святой гордостью», о которой въ своихъ сочиненіяхъ ничего не рассказывалъ, ибо ее невозможно трактовать, какъ трактуешь перпендикуляры и треугольники. Ее нужно воспѣвать, какъ пищу боговъ, какъ нектаръ и амброзію. Этика Спинозы въ цѣломъ и есть торжественная, хотя далеко не торжествующая пѣснь, во славу *sancta superbia*.

Говорятъ, что интуиція есть единственный способъ постиженія послѣдней истины. Интуиція происходитъ отъ слова *intueri* — смотрѣть. Люди очень довѣряютъ своему зрѣнію и имѣютъ для этого, конечно, достаточно основаній. Но нужно умѣть не только видѣть, нужно умѣть и слышать. Философамъ слѣдовало бы подобрать производное отъ *audire* существительное и дать ему всѣ права интуиціи. Даже больше правъ. Ибо главное, самое нужное — увидѣть нельзя: можно только услышать. Тайны бытія безшумно нашептываются лишь тому, кто умѣетъ, когда нужно, весь обращаться въ слухъ. Въ такія минуты открывается, что не все въ жизни «разумно» и менѣе всего разумно «несчастье», что Богъ — не общее понятіе и не то, что не дѣйствуетъ «по законамъ» своей природы, а самъ есть источникъ и всякихъ законовъ и всякихъ природъ, что вещи созданы Богомъ, какъ они созданы, а могли бы быть созданы и иначе, что философъ, принужденный познавать міръ при посредствѣ общихъ понятій, есть не *rex regum*, а *servus servorum*, самый

послѣдній изъ всѣхъ людей, какими были и прославленные свя-
тые, Тереза или ея ученикъ Джіованни дело Крочи и др. Но,
увидѣть всего этого — нельзя: можно только услышать...

Въ новѣйшее время Гуссерль опредѣлилъ философію, какъ
ρίζωματα πάντων — ученіе о корняхъ всего. Это опредѣ-
леніе, въ которомъ нельзя не замѣтить реминисценціи Эмпе-
доклова:

τίσταιρα γάρ πάντων ρίζωματα πρώτων ἀκοῦε *)

необычайно соблазнительно и, въ своемъ родѣ, правильно
изображаетъ задачи, которыя философія, въ лицѣ виднѣйшихъ
своихъ представителей всегда себѣ ставила. Однако, исчер-
пывающимъ его назвать нельзя. Конечно, человѣкъ стре-
мится постичь корни и источники всего существующаго.
Но и Плотинъ правъ, когда на вопросъ, что такое фило-
софія онъ отвѣчаетъ: τὸ τιμώτατον — самое важное, самое
значительное. Человѣкъ ищетъ корней всего не потому, что
его толкаетъ къ этому неудовлетворенное любопытство. Онъ
ждетъ — правильно или неправильно, что тамъ, гдѣ корни и
начала — тамъ и самое важное, самое значительное, самое
для него нужное.

Если бы случилось, скажемъ, что обыкновенный матеріа-
лизмъ заключалъ въ себѣ «послѣднюю истину», то философія,
конечно, уже не заслуживала бы названія науки наукъ. Разъ
все изъ праха возникло и въ прахъ обратится — стоитъ ли
интересоваться корнями и началами? Такъ что, отыскивая
ρίζωματα πάντων философовъ, стремится къ τὸ τιμώτατον, т. е. ищетъ
источниковъ живой и мертвой воды.

Даже давшій обѣтъ отреченія монахъ Спиноза учить (Eth. I.
Pr. 11): posse non existere impotentia est et contra posse existere
potentia est... Ergo, Ens absolute infinitum, hoc est Deus, necessa-
rio existit. Вѣдь, вотъ и монахъ, а гонится за potentia! А вѣдь,
potentia — это тѣ же divitiae, honores и, если угодно, libidines,
только до нѣкоторой степени освобожденные отъ тѣхъ условно-
стей и случайностей, которыя «усвоены» себѣ всякаго рода
земнымъ бытіемъ.

*) Прежде всего выслушаю о четырехъ корняхъ всѣхъ (вещей).

Знатный и богатый человекъ есть человекъ властный прежде всего, а потому — свободный и гордый. Самъ же Спиноза богатство и знатность отводилъ только потому, что человекъ не въ силахъ удержать за собою добытыя или доставшіяся ему по наслѣдству *divitiae* и *honores*. Когда же онъ ихъ называлъ словомъ *potentia*, ему показалось, что дѣло въ корнѣ измѣнилось, ибо *potentia*, по крайней мѣрѣ та *potentia*, о которой онъ мечталъ, была опредѣлена имъ въ терминахъ или предикатахъ, не допускающихъ и мысли объ уничтоженіи. Но здѣсь, конечно, вся аргументація ошибочна. Начать съ того, что *posse non existere* можно считать и силой и слабостью. Можетъ быть высшему существу долженъ быть въ равной степени предоставленъ выборъ между существованіемъ и несуществованіемъ. А затѣмъ, если и согласиться со Спинозой, что *posse non existere* — *impotentia est*, кто можетъ обязать насъ отдавать предпочтеніе силѣ предъ слабостью? Или, вѣрнѣе, развѣ стремленіе къ силѣ не есть *libido*, одна изъ тѣхъ страстей, отъ которыхъ Спиноза далъ обѣтъ отречься? Развѣ въ геометріи есть мѣсто *potentia*? И, главное, стремленію къ *potentia*! Математически рассуждая, *potentia* есть нѣкая кривая, т. е. геометрическое мѣсто точекъ, имѣющихъ одно опредѣленное свойство, *impotentia* — другая кривая, т. е. опять-же геометрическое мѣсто точекъ, имѣющихъ опредѣленное свойство. Первая, скажемъ, есть кругъ, вторая — эллипсъ. Совершенно очевидно, что нѣтъ никакого основанія отдавать предпочтеніе кругу предъ эллипсомъ. Богъ можетъ имѣть своимъ предикатомъ и *posse existere*, и *posse non existere*, если его судьба рѣшается *more geometrica*. Я хочу сказать, что «доказательство» здѣсь заключаетъ въ себѣ *petitio principii* и не можетъ не заключать его. Ясно, что прежде, чѣмъ приступать къ доказательствамъ, Спиноза, въ какомъ-то процессѣ, въ его сочиненіяхъ не выявленномъ (и не выявленномъ, вѣроятно, *умышленно*), рѣшилъ вопросъ не только о бытіи Бога, но и обо всѣхъ его предикатахъ, и лишь когда ему пришлось высказаться предъ людьми, онъ вспомнилъ о геометріи. Вспомнилъ, ибо боялся, что безъ доказательствъ его мысли будутъ встрѣчены недоверіемъ и насмѣшкой. А вѣдь его философія была для него *то тимиѳатон*

— самымъ важнымъ! И нужно было ее оберечь во что-бы то ни стало, всѣми способами, какіе только были въ его распоряженіи. Если-бы Спиноза былъ царемъ или папой, онъ обратился-бы къ кострамъ и пыткамъ. Но онъ былъ бѣднымъ, слабымъ, никому неизвѣстнымъ человѣкомъ. Въ его распоряженіи былъ только его разумъ. И онъ написалъ *ethica more geometrico demonstrata*. Оказалось, что такимъ способомъ можно тоже очень многое охранить. Даже на долгое время и лучше, чѣмъ кострами и пытками. Но, все-таки — не на всегда. Если у философіи Спинозы не найдется другого способа защиты, то и его Богъ, какъ и тотъ Богъ, котораго охраняли инквизиторы, не будетъ въ силахъ противиться времени... И еще, повидимому, очевидно, что вопросъ долженъ быть поставленъ иначе — такъ какъ его ставили люди, еще свободнѣе отъ нашей самоувѣренности и предвзятости: не человѣкъ «защищаетъ» Бога, а Богъ защищаетъ человѣка или, иначе говоря, Бога нужно не защищать, а искать и, стало-быть, въ философіи, если она хочетъ осуществить завѣтъ Плотина и стать *ἡγεμονία* (самымъ важнымъ дѣломъ), разумъ долженъ отказать отъ притязаній на суверенитетъ. Ему не дано «все черпать изъ себя», не онъ былъ въ началѣ. Истоки и корни жизни лежатъ за предѣлами разума.

VIII.

Но съ этой мыслью намъ труднѣе всего примириться. И наилучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить философія Шопенгауера. Нитше гдѣ-то говоритъ, что мораль всегда была Цирцеей для философовъ. Правда. Но тоже правда, пожалуй даже въ большей мѣрѣ, что и разумъ умѣлъ околдовывать философовъ. Какъ извѣстно, Шопенгауеръ былъ не только теоретически, но и по всему своему духовному складу, наинѣе всего склоненъ къ рационализму. У него разумъ — паразитъ, почти какъ у Лютера, блудница. И никто въ философіи не умѣлъ такъ тонко подмѣтить и остроумно изобразить слабыя стороны разума, какъ Шопенгауеръ. Онъ принимаетъ —

одинъ изъ всѣхъ учениковъ и послѣдователей Канта — цѣликомъ трансцендентальную эстетику и логику учителя. Разумъ не даетъ и не можетъ намъ дать настоящаго знанія. Его функція — создать иллюзорный міръ, міръ Майи при помощи формъ чувственности, пространства и времени и категорій, главнымъ образомъ, по Шопенгауеру, категоріи причинности. Поэтому все, что мы знаемъ, мы знаемъ не о дѣйствительности, постигнуть которую разуму, по самой его сущности, не дано, а о «явленіяхъ», не открывающихъ, а скорѣй прикрывающихъ истинную реальность. Казалось-бы, при такомъ положеніи вещей, послѣ того, какъ Канту удалось догадаться, что разумъ нашъ есть источникъ не истины, а заблужденій и обмана, вся задача философіи должна была-бы свестись къ освобожденію людей отъ навязанныхъ имъ паразитомъ и обманщикомъ разумомъ мнимыхъ истинъ. Сущность міра — воля, и ея голосъ, ея рѣшенія должны были-бы быть для насъ единственнымъ источникомъ настоящаго познанія. Но сила и власть Цирцеи-разума таковы, что ей покоряются даже самые смѣлые и проницательные люди, и до сихъ поръ не нашлось еще хитроумнаго Одиссея, которому удалось-бы добыть волшебный цвѣтокъ и разрушить чары волшебницы. Всѣ философы прославляли и воспѣвали разумъ — не избѣгъ этой участи и Шопенгауеръ. Съ нимъ произошло то-же, что и съ библейскимъ Валаамомъ: онъ хотѣлъ проклинать разумъ, но на самомъ дѣлѣ благословлялъ его. Его философія — одинъ непрерывный споръ между разумомъ и волей, — споръ, въ которомъ окончательнымъ побѣдителемъ почти всегда является разумъ. Какъ только «воля», т. е. дѣйствительная, метафизическая сущность бытія, пытается возвысить свой голосъ, разумъ начинаетъ бряцать аргументами, и голосъ воли заглушается. Воля въ человѣкѣ хочетъ жизни и радости. Разумъ «доказываетъ», что радости преходящи, а жизнь — ничтожна. Воля рвется къ любви, разумъ произноситъ длинную, остроумнѣйшую и блестящую рѣчь на тему о метафизикѣ половой любви, въ которой выясняется, что любовь — только обманъ и иллюзія. Воля въ человѣкѣ хочетъ вѣчной жизни, разумъ доказываетъ, какъ дважды два четыре, ссылаясь на

Аристотеля (разумъ безъ Аристотеля никогда обойтись не можетъ), что все, что возникаетъ, обязательно должно исчезнуть, а стало-быть и человѣкъ, въ свое время родившійся, непременно *долженъ* умереть, что наша боязнь и наше отвращеніе къ смерти есть только пустой предрассудокъ, ровно ни на чемъ не основанный и разсѣивающійся, какъ свѣтъ лампы предъ восходомъ зари, предъ безсмертнымъ солнцемъ ума. Но вѣдь разумъ ничего не знаетъ и знать не можетъ, по ученію самого-же Шопенгауера, разумъ — рабъ и прислужникъ, вся задача котораго только въ томъ, чтобъ исполнять велѣнія воли. По какому праву разрѣшаетъ онъ себѣ столь высокомерный тонъ въ спорѣ со своей повелительницей? Его дѣло — безропотно повиноваться, а онъ, какъ взбунтовавшійся рабъ, вздумалъ повелѣвать и господствовать. Шопенгауеръ и самъ подмѣчаетъ, что у него разумъ измѣнилъ своему назначенію, «эмансипировался», сталъ работать для себя и на свою потребу. Замѣчаетъ — но нисколько не смущается, даже радуется. Радуется, что колдунъ, котораго ему удалось было заковать въ цѣли, вновь вырвался на свободу и вновь сталъ творить свои беззаконія! Почему радуется? По видимому, потому, что иначе философія оказалась-бы невозможной — по крайней мѣрѣ, философія, какъ «строгая наука». Но, вѣдь, философія хочетъ быть не только строгою наукой, она хочетъ «самаго важнаго», хочетъ найти *ρίζωματα πάντων*, обратиться до корней жизни! И вотъ диллема: будетъ слушаться разума, получишь строгую науку, но уйдешь за тридевять земель отъ *ρίζωματα πάντων*. Хочешь *ρίζωματα πάντων* т. е. признаешь, что самое важное (*τὸ τιμιώτατον*) находится тамъ, гдѣ скрыты эти глубокіе корни, нужно отказаться отъ разума и отъ надежды, что когда-бы то ни было у тебя будетъ полная увѣренность, что то, что ты считаешь корнями, есть и на самомъ дѣлѣ корни. Ибо разумъ тѣмъ и плѣнялъ всегда человѣка, что давалъ ему увѣренность, *certitudinem*, о которой такъ вдохновенно говоритъ даже сдержанный и скупой на слова Спиноза. Разумъ—родной братъ морали и всегда умѣлъ дѣйствовать неразумными средствами, тѣмъ, что въ логикѣ называется *argumenta ad hominem*. Правда, разумъ въ этомъ

никогда не признается и даже обижается, когда его подозреваютъ въ такой нелояльности. Онъ претендуетъ на абсолютное безстрастіе, на высшую объективность. Но все-таки, я полагаю, что, если-бы вмѣсто своей «эпифилософіи» Шопенгауеръ написалъ специальную главу на тему «метафизика объективнаго разума» по программѣ своей статьи «метафизика половой любви», то его философія много-бы отъ этого выиграла. Ибо, если правда, что воля является метафизической основой жизни, то врядь-ли вѣрно, что разумъ «вырвался» на свободу и эмансипировался отъ своей служебной роли. Вѣрнѣе всего, что въ числѣ прочихъ иллюзій, которыя по заданію и указкѣ воли создавалъ разумъ, и его мечта о свободѣ тоже чистѣйшая иллюзія и иллюзія, при томъ, созданная для нуждъ и потребностей воли. Волѣ нужно было, чтобъ разумъ вообразилъ себя автономнымъ и законнымъ. Поэтому она внушила однимъ людямъ мысль, что *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος*, а Шопенгауеру, что хотя логось и не было въ началѣ, но все-таки ему дано было освободиться отъ метафизическаго начала жизни. Шопенгауеръ, такъ удачно высмѣивавшій человѣческія иллюзіи, самъ попалъ на удочку собственнаго глубокомыслія и въ концѣ концовъ повѣрилъ въ основной обманъ жизни, раздѣливъ, впрочемъ, въ этомъ судьбу всѣхъ людей. Во всемъ этомъ противорѣчій и запутанности — хоть отбавляй, но я не думаю, чтобъ задача философіи сводилась къ тому, чтобъ во что-бы то ни стало, если не распутать, то хоть разрубить всѣ гордіевы узлы жизни. Если жизнь полна путаницы, то философія не можетъ, да и не хочетъ стремиться во чтобы-то ни стало къ «ясности и отчетливости». Если въ жизни есть противорѣчія, философія должна жить ими. Я полагаю, что обиліе запутанностей и противорѣчій должно поставить въ заслугу Шопенгауеру. Конечно, онъ прельстился «разумомъ», но нужно ему отдать справедливость: у него «воля» иной разъ говоритъ такъ громко и властно, что соображенія разума какъ-бы совсѣмъ перестаютъ существовать. Не даромъ онъ столько говорилъ о метафизическомъ значеніи музыки. Въ его философіи много музыки, которая не знала «слова» ни въ «началѣ», ни въ концѣ. Конечно — сущность

каждой философіи — даже Аристотеля — вся въ «музыкѣ». Иначе говоря, философъ не только видитъ, но и слышитъ и источникомъ философіи является не только «духовное» зрѣніе, но и «духовный» слухъ, а можетъ быть — кто знаетъ? — и духовное осязаніе (какъ у Плотина), и даже обоняніе, вкусъ... Нельзя даже быть увѣреннымъ, что нѣтъ какихъ-нибудь «чувственныхъ способностей», еще не открытыхъ психологіей, которыя окажутся или всегда были родниками высшихъ философскихъ откровеній. Во всякомъ случаѣ ясно, что Шопенгауеру никакъ не слѣдовало-бы забывать въ угоду разуму о волѣ. Пусть бы выяснилось, что воля т. е. послѣднее метафизическое «начало», не можетъ дать научнаго знанія. Изъ этого можно только заключить, что научное познаніе не есть высшій, наиболѣе совершенный видъ знанія, стало-быть не можетъ привести насъ къ *ρίζματα πάντων*, къ корнямъ вещей. И что есть какое-то знаніе, «логическая конструкція», которая совсѣмъ не похожа на логическую конструкцію знанія научнаго. Философъ не только не вправѣ брезгать имъ, но его прямая обязанность или лучше сказать его царственная привилегія только этого знанія и искать. Шопенгауеръ же, околдованный своей Цирцеей, пишетъ (W. a. W и V. II. 720 Rec.): Die Philosophie hat ihren Wert und ihre Wuerde darin, dass sie alle nicht zu begruendenden Annahmen verschmaecht und in ihre Data nur das aufnimmt, was sich in der anschaulich gegebenen Aussenwelt, in der unsern Intellekt konstruierenden Formen zur Auffassung derselben und in dem Allen gemeinsamen Bewusstsein des eigenen selbst sicher nachweisen laesst.

Въ этихъ словахъ всѣ общія мѣста и всѣ предразсудки традиціонной философіи. Такъ можетъ говорить только разумъ, вообразившій, что онъ уже окончательно и навсегда освободился отъ своего служебнаго назначенія и самъ сталъ господиномъ надъ собой. Совсѣмъ, какъ въ сказкѣ о рыбацкѣ и золотой рыбкѣ. Разуму захотѣлось, чтобъ сама жизнь была у него на посылкахъ! Онъ пренебрегаетъ всѣми недоказуемыми положеніями, онъ признаетъ только общее всѣмъ сознаніе, цѣнитъ только увѣренное знаніе. «Даровъ» онъ не принимаетъ: беретъ только ему принадлежащее — все «черпаетъ

изъ себя». Конечно, все это — условная ложь, и лучшимъ обличеніемъ этой лжи являются собственныя сочиненія Шопенгауера, въ которыхъ на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ утвержденія, ровно ни на чемъ не основанныя и не имѣющія права претендовать на какую-бы то ни было доказательность. И, если бы изъ его книгъ вытравить тѣ мѣста, которыя не отвѣчаютъ предъявленнымъ имъ къ философіи требованіямъ, то у насъ осталось бы только нѣсколько десятковъ страницъ общихъ разсужденій, не имѣющихъ къ философіи никакого отношенія — т. е. осталось бы разбитое корыто: все что остается у философовъ, добросовѣстно подчиняющихся традиціи «научности».

Но Шопенгауеръ не таковъ: онъ, не стѣсняясь, и перевозносить, и хулить разумъ. Когда ему нужно, онъ вспоминаетъ о «приматѣ» воли, и смѣется надъ тѣми, кто вѣритъ въ чистый разумъ. Переверните страницу послѣ приведеннаго мною выше мѣста, и вы увидите Шопенгауера въ обществѣ людей, при которыхъ о разумѣ и вспоминать неловко, тѣмъ болѣе о строгой наукѣ. Онъ бесѣдуетъ съ Ангелусомъ Силезіусомъ, восторгается Мейстеромъ Эркгардтомъ и *theologia deutsch*, восхваляетъ знаменитаго квіетиста Молиноса и, точно бы не онъ только что говорилъ о строгой научности философіи, спокойно заявляетъ: *Jede Philosophie, welche consequenterweise jene ganze Denkunsart verwerten muss... nothwendig falsch sein muss* (Н. 724). И, какъ бы затѣмъ, чтобъ каждый могъ наглядно убѣдиться, что ему гораздо ближе парадоксы, чѣмъ «обоснованныя» истины, онъ еще черезъ нѣсколько страницъ приводитъ нижеслѣдующія слова бл. Августина: *novi quosdam, qui murmurent: quid si inquit. omnes velint ab omni concubitu abstinere, unde subsistet genus humanum? Utinam omnes hoc vellent! Dumtaxat in caritate, de corde puro, ex conscientia bona, ex fide non ficta: multo citius Dei civitas completeretur, ut accelleraretur terminus mundi*. Подите, разберите — что это такое: «обоснованныя» ли разумомъ положенія, которымъ однимъ только мѣсто въ философіи, или своевольныя утвержденія, исходящія изъ таинственнаго источника: *sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas*.

Я не хочу дѣлать новыхъ выписокъ, хотя бы и необычайно

интересныхъ, изъ той же главы или другихъ сочиненій Шопенгауера, чтобъ еще нагляднѣе подтвердить равнодушіе его къ имъ самимъ же выставленному общему положенію. И безъ того достаточно ясно, что источникомъ его философскихъ устремленій менѣе всего является «чистый разумъ» или «общее для всѣхъ» сознаніе. Онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ и т.д. и довѣряетъ своимъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ въ гораздо большей степени, чѣмъ «доказательствамъ».

Шопенгауеръ могъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ только потому, что онъ не боялся, когда нужно было пренебрегать всякаго рода *ratio* и давать полную свободу *своей voluntas*. Своей — а не *voluntas* «вообще». Т. е. той «собственной» творческой, живой *voluntas*, которая вопреки «вѣчнымъ» законамъ вырвалась изъ лона общаго, всегда себѣ равнаго, чтобъ начать можетъ быть, временную и измѣнчивую, но самостоятельную жизнь. И если, все-таки, разумъ *de jure* является у Шопенгауера послѣднимъ судьей надъ живыми и мертвыми, то это, по видимому, указываетъ только на то, на сколько крѣпки и неистребимы человѣческіе предрасудки или, если хотите, какъ неизмѣнны рѣшенія Всевышняго.

Вѣдь, «разумъ» и есть тотъ огненный мечъ, которымъ отгоняетъ поставленный Богомъ ангель людей отъ вратъ Эдема. И — поразительное дѣло! — Шопенгауеръ Ветхаго Завѣта не любитъ. Но въ сказаніи о грѣхопаденіи усматриваетъ глубокой смыслъ и великую тайну. И все-же не умѣетъ или не хочетъ догадаться, что первородный, теперь по наслѣдству передающійся, грѣхъ нашего праотца тѣмъ и ужасенъ, что человекъ, вкусившій отъ древа познанія, теперь уже не можетъ мыслить иначе, какъ при посредствѣ общихъ понятій, и всегда ищетъ «доказательствъ». Чтобъ услышать Молиноса, Шопенгауеръ долженъ провѣрить его Ангелусомъ Силезіусомъ или Мейстеромъ Эккардтомъ. И только убѣдившись, что «всѣ» говорятъ одно и то-же, Шопенгауеръ соглашается повѣрить имъ и приглашаетъ и другихъ имъ вѣрить. Т. е. признаетъ заранѣе верховнымъ судьей надъ истиной и ложью «общее всѣмъ сознаніе». Но, если бы и на самомъ дѣлѣ показанія всѣхъ допрашиваемыхъ имъ людей и сходились, и было бы доказано, что

они, какъ полагаетъ Шопенгауеръ, ни прямо, ни косвенно не могли вліять другъ на друга, это вовсе не служило бы порукой истинности ихъ ученій. Они всѣ могли бы быть жертвами одного обмана и одной иллюзіи. Вѣдь, люди и западнаго и восточнаго полушарія, которые были раздѣлены межъ собой океанами, равно были убѣждены, что небо — твердь, земля — неподвижна и т. д. И всѣ были обмануты.

Такъ что и Молиносъ, и Ангелусъ Силезіусъ и мадамъ Гюйоль и др. могли тоже одинаково обмануться, и методъ «разума», на который такъ рассчитываетъ Шопенгауеръ, даетъ только видимость несомнѣнности. И философія, надѣющаяся при посредствѣ общихъ понятій найти истину, живетъ иллюзіями. То, что было съ Молиносомъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, было только для него и за предѣлами всего «общаго». Съ Ангелусомъ Силезіусомъ уже было другое, а со св. Терезой — третье. Провѣрять же Силезіуса Эккардтомъ и наоборотъ, значитъ отказываться отъ опыта того и другого. А еще хуже, по опыту двухъ, трехъ или даже какого хотите большаго числа людей, приходитъ къ заключенію о томъ, что вообще бываетъ и можетъ быть.

Такимъ способомъ, логическій «глазь» создаетъ иллюзію твердыхъ, прозрачныхъ понятій, подобно тому какъ и физическій глазь создалъ иллюзіи твердаго хрустальнаго купола надъ нами. Общее и необходимое есть небытіе *par excellence*. Только постигнувши это, философія искупить грѣхъ Адама и придетъ къ *ρίζωματα πάντων*, къ корнямъ жизни, къ тому *τιμωτάτων*, тому важнѣйшему, о которомъ столько тысячелѣтій грезятъ люди.

Л. Шестовъ.

ДВА ЭТЮДА.

I.

ЭРИХЪ ЛЮДЕНДОРФЪ.

O lux Dardaniae, o spes fortissima Teucrum!
Виргилій.

Передо мной двухтомная книга генерала Эриха Людендорфа, носящая простое названіе: «Воспоминанія о войнѣ (1914—1918 гг.)». Что-то грозное, могучее и тяжелое надвигается съ ней на читателя; это «германскій милитаризмъ», нашедшій воплощеніе въ человѣкѣ.

Никому неизвѣстный полковникъ въ августѣ 1914 г. одинъ на автомобилѣ подъѣзжаетъ къ форту Льежа и приказываетъ гарнизону сдаться. Озадаченный гарнизонъ сдается безъ выстрѣла. Смѣлый полковникъ получаетъ отвѣтственное назначеніе. Черезъ два года онъ становится диктаторомъ четырехъ имперій, съ безграничной властью и безграничной популярностью; а еще черезъ два года онъ вынужденъ бѣжать въ Швецію изъ Германіи, доведенной имъ до разгрома и революціи. Въ этой судьбѣ есть безспорно что-то Шекспировское. И, разумѣется, къ книгѣ шекспировскаго героя подходишь съ нѣкоторымъ интересомъ, даже если этотъ герой — бывшій человѣкъ. Въ данномъ же случаѣ насчетъ послѣдняго обстоятельства существуютъ, какъ извѣстно, сильныя сомнѣнія. По крайней мѣрѣ значительная часть нѣмецкой прессы — да и не одной нѣмецкой — утверждаетъ, будто Людендорфъ—герой не только прошедшаго, но также и будущаго времени.

Книга знаменитаго германскаго генерала — не защитительная рѣчь человѣка, потерпѣвшаго жизненное крушеніе. Это съ одной стороны обвинительный актъ — противъ тѣхъ *нѣмцевъ* (союзниковъ Людендорфа не обвиняетъ почти ни въ чемъ), которые по неомыслию и по слабости характера помѣшали Германіи побѣдить. Съ другой же стороны «Воспоминанія» содержатъ нѣкоторую *profession de mépris*, — презрѣнія ко всей современной демократіи.

Во что вѣрить и что любить генераль Людендорфъ, сказать, пожалуй, не такъ легко. Официальная формула его міровоззрѣнія, разумѣется, классическая, и никакого интереса она не представляетъ: *Gott, Koenig und Vaterland* — въ буквальномъ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ при Николаѣ I, — Богъ, царь и отечество. Но если подойти къ ней поближе, то трудно постигнуть связь, соединяющую Людендорфа съ каждымъ звеномъ этой трехчленной формулы.

Къ Богу, бывшій диктаторъ, повидимому, достаточно равнодушенъ. Самъ Бисмаркъ на старости лѣтъ что-то твердилъ въ покаянномъ духѣ о своемъ запутанномъ счетѣ съ Господомъ, счетѣ, на которомъ, по его словамъ, тяжелымъ пассивомъ лежатъ восемьсотъ тысячъ убитыхъ на войнѣ людей. Этой цифрой теперь никого не удивишь, и Людендорфа, разумѣется, всего менѣе. Но онъ до покаянной фазы еще не дошелъ и, вѣроятно, никогда не дойдетъ. Совѣсть у него голубиной чистоты и ему отъ Бога никакой амнистіи не нужно. Не въ примѣръ прочимъ благочестивымъ *Kriegsherr'амъ*, Людендорфъ имя Господне произноситъ не часто и, даже когда дѣло доходитъ до цвѣтовъ краснорѣчія обычной военно-писарской словесности, «нѣмецкимъ Богомъ» аргументируетъ мало и неохотно. Не распространяется онъ и о своемъ богомоліи. Только въ одномъ мѣстѣ «Воспоминаній» рассказываетъ о посѣщеніи церкви, при чемъ немедленно изъ области религіозно-философской переходитъ въ сферу военно-политическую, описывая, какъ ему было пріятно услышать нѣмецкое церковное пѣснопѣніе на чужой землѣ, — дѣло происходило въ Ковнѣ. Вообще очень ясно чувствуется, что Богъ самъ по себѣ и генераль-квартирмейстеръ Людендорфъ тоже самъ по себѣ. Если Вильгельмъ II гово-

рилъ о Господѣ совершенно такъ, какъ генераль-майоръ можетъ говорить о генераль-лейтенантѣ, то Людендорфъ не устанавливаетъ между собой и Провидѣніемъ ни дружескаго сотрудничества, ни непосредственной субординаціи.

Своеобразныя чувства внушаетъ Людендорфу и «Koenig», тотъ самый «кровавый кайзеръ», который въ ноябрѣ 1918 г. при первомъ сигналѣ революціи, «чтобы спасти родину отъ ужасовъ гражданской войны» *), безъ выстрѣла бѣжалъ въ Голландію — и очень хорошо сдѣлалъ. Людендорфъ въ точности соблюдаетъ всѣ правила монархическаго этикета. Онъ нигдѣ прямо не бранитъ, даже какъ будто и не порицаетъ Вильгельма II; больше того, онъ говоритъ о немъ въ выраженіяхъ нѣжной почтительности. Но почтительность его совершенно очевидно относится къ сану, а не къ носителю сана. Къ личности же императора Людендорфъ относится безъ всякаго піетета. Послѣ гибели второго пасынка генераль-квартирмейстера, Вильгельмъ II наградилъ послѣдняго высшимъ подаркомъ: онъ пожаловалъ ему свое изваяніе. По этому поводу Людендорфъ меланхолически замѣчаетъ: «Очень многое отдѣляло меня отъ Его Величества, наши натуры были слишкомъ различны. Онъ былъ мой Императоръ, и я служилъ ему — и съ нимъ отечеству — вѣрой и правдой. Эта статуэтка будетъ для меня всегда священнымъ воспоминаніемъ о моемъ Императорѣ и Верховномъ вождѣ, который любилъ своихъ солдатъ, желалъ добра своему народу и который по сокровенной природѣ своей чувствовалъ отвращеніе къ войнѣ: онъ — человѣкъ, представляющій собой типъ нѣмца послѣ-бисмарковской эпохи. Этотъ монархъ, несущій тяжесть огромной отвѣтственности, въ отличіе отъ своего дѣда не нашелъ людей, подобныхъ Бисмарку и Роону, которые рѣшились бы взять у страны все, чего требовало

---

*) Вотъ формула, неизмѣнность которой вызываетъ невольную улыбку. Если не ошибаюсь, она была изобрѣтена въ Фонтенебло Наполеономъ I — и съ тѣхъ поръ повторялась безъ измѣненія единаго слова во всѣхъ торжественныхъ отреченіяхъ всѣхъ Божіихъ помазанниковъ. Кто бы предполагалъ въ послѣднихъ такую готовность добровольнаго самопожертвованія и такое отвращеніе къ пролитію крови?

ведение войны. Вотъ въ чемъ было въ настоящую войну несчастье Императора и нашей родины».

Врядъ ли нужно пояснять, что за нѣжной почительностью этой тирады скрывается — и очень плохо — совершенное презрѣніе Людендорфа къ личности Вильгельма II. Можно даже сказать, что оно вовсе не скрывается, ибо обозначеніе «человѣкъ послѣ-бисмарковской эпохи» является въ «Воспоминаніяхъ» однимъ изъ самыхъ уничтожающихъ эпитетовъ: другимъ образцомъ этого зловреднаго типа людей Людендорфъ считаетъ статсъ-секретаря Кюльмана, котораго онъ не можетъ терпѣть: «Кюльманъ былъ типомъ нѣмецкаго дипломата послѣ-бисмарковскаго времени. Съ его именемъ навсегда останутся связанными приходъ въ Берлинъ большевиковъ (Иоффе, М. А.) и молчаливо имъ данное разрѣшеніе вести изъ русскаго посольства свою пропаганду».

Наконецъ, Vaterland. Любовь Людендорфа къ родинѣ, конечно, сомнѣнію не подлежитъ. Но идея отечества, какъ и идея монарха, имѣетъ у него явно отвлеченный характеръ. Совершенно очевидно, что для абстрактной Deutschland-Preussen онъ ни на минуту не задумается послать на смерть сколько угодно милліоновъ конкретныхъ нѣмцевъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Какъ извѣстно, либеральная и социалистическая Германія обвиняетъ теперь Людендорфа въ томъ, что въ своемъ стремленіи къ полной побѣдѣ онъ помѣшалъ заключить миръ ранѣе полнаго пораженія. Всю правду объ этомъ мы, быть можетъ, узнаемъ лѣтъ черезъ двадцать — изъ мемуаровъ Бетмана-Гольвега, Вильсона, Чернина, Клемансо, Ллойдъ-Джорджа, — да и то врядъ-ли, ибо въ мемуарахъ этихъ, какъ водится, Wahrheit будетъ перемѣшана съ Dichtung. Но и та часть правды, которая уже стала болѣе или менѣе извѣстной, позволяетъ сдѣлать заключеніе, что въ общемъ враги Людендорфа имѣютъ достаточныя основанія для своихъ обвиненій. На совѣсти этого нѣмецкаго патріота лежитъ не одна сотня тысячъ убитыхъ нѣмцевъ (объ убитыхъ русскихъ, французакъ, англичанахъ говорить въ данномъ случаѣ, очевидно, не приходится). И указанное обстоятельство, повторяю, нисколько не мѣшаетъ ему сохранять младенческую ясность духа.

Будемъ къ нему справедливы: онъ не жалѣлъ и самого себя. Въ числѣ тѣхъ конкретныхъ нѣмцевъ, которые безъ всякой нужды погибли во имя абстрактной Deutschland-Preussen, значатся оба его сына. Смерти второго изъ нихъ, пропавшаго безъ вѣсти во время наступленія 1918 г. на Соммѣ, Людендорфъ лаконически посвящаетъ слѣдующія три строчки своихъ мемуаровъ : «На обширномъ полѣ сраженія была найдена могила съ надписью по-английски: «здесь лежатъ два германскихъ офицера-авиатора». Мнѣ выпало на долю опознать своего сына. Теперь онъ покоится въ нѣмецкой землѣ. Война не уберегла меня ни отъ одного горя». Зато, какъ онъ тутъ же замѣчаетъ, осмотръ этого поля сраженія далъ ему возможность констатировать дѣйствительность изобрѣтенной имъ новой тактики наступленія. «Францію прорѣзываетъ полоса земли шириной въ нѣсколько километровъ, — настоящее царство разрушенія», съ радостью констатируетъ онъ.

Не только приведенный эпизодъ, но и вся книга Людендорфа достаточно ясно свидѣтельствуетъ, что это человекъ желѣзный въ полномъ смыслѣ слова. И въ Бога, и въ кайзера, и въ отечество онъ, въ сущности, вѣритъ плохо, но зато искренно и глубоко вѣритъ въ самого себя. Вся жизнь Людендорфа — въ одной четырехлѣтней войнѣ. Здѣсь его Тулонъ — Льежъ; здѣсь и итальянская кампанія — блестящій походъ противъ Ренненкампа и Самсонова; здѣсь и апогей коронованія — верховное командованіе всѣми арміями нѣмецкой коалиціи, Брестскій миръ, прорывъ западнаго фронта; здѣсь и Ватерлоо — полный военный и политическій крахъ.

Дѣятельность нѣмецкаго генерала въ этотъ четырехлѣтній періодъ граничитъ съ чудеснымъ. Гинденбургъ — вывѣска, кайзеръ — ничтожество, все дѣлаетъ Людендорфъ, которому по мѣрѣ силъ — иногда съ успѣхомъ — стараются мѣшать штатскіе министры. Такова картина, изображенная въ «Воспоминаніяхъ».

Онъ вмѣшивается во все. Наряду съ военнымъ штабомъ при немъ организуется огромный штабъ административный. Снабженіе, пути сообщенія, санитарная часть, національныя отношенія въ занятой нѣмцами территоріи, налоги, промыш-

ленность, торговля, суды, законы, полиція, жандармерія, военныя газеты, бібліотеки, театр, — все это регулируется распоряженіями самого Людендорфа, — именно его распоряженіями, а не только его подписью. Въ каждой изъ этихъ областей у него есть свои идеи и онъ безъ малѣйшихъ сомнѣній проводитъ ихъ въ жизнь. Самоувѣренность этого человѣка безгранична. Универсальность его превышаетъ универсальность Декарта, Лейбница и даже русскаго исправника при старомъ строѣ. Но въ царской Россіи административное неистовство смягчалось существованіемъ готоваго свода Законовъ, національной лѣнью, благодушіемъ, взятками, пьянствомъ, хлѣбосольствомъ, огромностью территоріи, превышающей поле зрѣнія самаго зоркаго хозяйскаго глаза, и многимъ другимъ. Цѣну административной дѣятельности Людендорфа въ свое время выяснять бытовые мемуары.

Одновременно съ этими трудами Людендорфъ ведетъ — и здѣсь ужъ конечно съ неоспоримой компетентностью — гигантскую военную работу. Послѣ развала русскаго арміи онъ приступаетъ къ организациі чудовищнаго наступленія на западъ, которое должно положить конецъ войнѣ. На основѣ тщательнаго изученія неудачныхъ попытокъ союзниковъ прорвать германскій фронтъ, имъ вырабатывается новая тактика прорывнаго боя. Это была сложнѣйшая задача, разрѣшеніе которой основывалось на данныхъ всѣхъ рѣшительно наукъ, начиная отъ массовой психологіи и теоріи вѣроятностей и кончая метеорологіей и воздушной фотографіей. Основной тактической идеей его была идея движущейся равномерно съ опредѣленной скоростью стѣны огня (*le barrage roulant*). Организуются и вводятся въ тылъ для обученія по вновь выработаннымъ методамъ особыя ударныя части. Ихъ офицерамъ читается специальный курсъ новыхъ идей въ тактикѣ. Производятся безчисленныя репетиціи и маневры. Завѣдомо для всѣхъ и вмѣстѣ въ глубокой тайнѣ готовится нѣчто потрясающее. Армія, точно охваченная мистической жадью міроваго господства, кипитъ въ котлѣ нестерпимаго давленія... Въ описаніи долгой подготовки этого чудовищнаго удара, который привелъ союзниковъ къ послѣднему краю бездны, Людендорфъ

мѣстами возвышается до эпической поэзіи. Ранней весной 1918 г. онъ, наконецъ, доноситъ императору: «Германская армія готова къ величайшему дѣлу всей своей исторіи».

Наканунѣ назначеннаго наступленія два нѣмецкихъ солдата перебѣгаютъ къ противнику. Штабъ подозрѣваетъ, что они выдали тайну мѣста атаки. 20 марта утромъ Людендорфъ еще колеблется, бросить-ли на карту послѣднюю, небывалую, невиданную и неслыханную въ исторіи ставку. Но уже отступать поздно: «масса, раскаленная до-бѣла, должна прорваться». Тѣмъ не менѣе очень многое зависитъ еще отъ направленія вѣтра, который долженъ нести удушающій газъ. Въ 11 часовъ утра главный метеорологъ арміи доноситъ, что вѣтеръ повернулъ въ сторону противника. Людендорфъ подписываетъ приказъ объ атакѣ.

Такъ началась та послѣдняя игра, которая въ шесть мѣсяцевъ рѣшила судьбы вселенной...

Игра проиграна. Кречинскій германскаго милитаризма произноситъ свое «сорвалось!» — и уходитъ въ отставку.

Отчего-же собственно «сорвалось»? Вотъ вопросъ, о которомъ историки будутъ спорить не одно столѣтіе. Есть нѣкоторыя основанія думать, что въ послѣдніе дни войны нервы Людендорфа не выдержали нестерпимаго напряженія — и это обстоятельство могло быть въ 1918 году одной изъ тысячи причинъ безпримѣрнаго германскаго крушенія. Но самъ авторъ «Воспоминаній» объ этомъ, естественно, не произносить ни единого слова. Его отвѣтъ на вопросъ «отчего сорвалось?» очень простой и съ точки зрѣнія неисправимаго прусскаго офицера совершенно понятный. Во всемъ виноваты штатскіе. Войну проигралъ тылъ.

Германія Вильгельма II въ нужную минуту «не нашла ни Бисмарка, ни Роона» (Мольтке, разумѣется, не упоминается, ибо Мольтке — самъ Людендорфъ). Это основной тезисъ всей книги «Воспоминаній». Франція побѣдила, ибо у нея нашелся Бисмаркъ — Клемансо. Къ послѣднему Людендорфъ относится съ безмѣрнымъ почтеніемъ. «Въ ноябрѣ 1917 г., — пишетъ онъ, — Клемансо сталъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Это былъ самый энергичный человѣкъ во Франціи.

Онъ пережилъ 1870-71 гг. и былъ съ тѣхъ поръ ревностнымъ представителемъ идеи реванша. Клемансо хорошо зналъ, чего онъ хочетъ. Онъ повелъ войну, подавилъ всякую пасифистскую агитацію и укрѣпилъ духъ своей страны. Его дѣйствія въ отношеніи Кайо показали, чего мы могли отъ него ждать... Веденіе войны у нашихъ враговъ неизмѣримо выиграло въ энергіи». На протяженіи всей своей книги Людендорфъ безпрестанно цитируетъ рѣчи Клемансо («я буду драться передъ Парижемъ, буду драться въ Парижѣ, буду драться за Парижемъ») и ставить его въ примѣръ нѣмецкимъ политикамъ. Такъ о вице-канцлерѣ Пайерѣ онъ рѣзко замѣчаетъ, что этотъ человекъ въ началѣ сентября 1918 г. не нашель тѣхъ словъ, которыя Клемансо произнесъ, когда германскія войска были въ 80-ти километрахъ отъ Парижа.

Чего-же не хватало нѣмецкимъ политикамъ въ пору великой войны? Имъ не хватало воинственности. Кто-бы подумалъ: всѣ они были въ душѣ пасифисты. Они слишкомъ много *заботились о счастьи человечества* (буквально, М. А.) и слишкомъ мало — о національномъ могуществѣ. А пасифисты, по мнѣнію Людендорфа, не лишённому нѣкоторой основательности, годны для чего угодно, только не для веденія войны. Впрочемъ, онъ думаетъ, что они и ни для чего другого не годны. Пасифизмъ-же Бетмана-Гольвега, Михаэлиса, Гертлинга, Макса Баденскаго проявлялся въ томъ, что они не посадили въ тюрьму князя Лихновскаго, выпустили изъ тюрьмы Либкнехта, не зажали рта либеральнымъ депутатамъ, не закрыли фрондирующихъ газетъ, и даже сами — въ частныхъ бесѣдахъ — лепетали что-то такое о прусскомъ милитаризмѣ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, его, Людендорфа. Не будь всего этого, онъ-бы выигралъ войну. — Тогда обличительные мемуары противъ либераловъ написаль-бы, вѣроятно, маршалъ Фошъ.

Однако, основнымъ преступленіемъ министровъ Вильгельма II бывший генераль-квартирмейстеръ считаетъ ихъ опасную игру съ большевиками.

Здѣсь мы подходимъ къ самому интересному для насъ вопросу «Воспоминаній».

Русская февральская революція оказалась полной неужи-

данностью для Людендорфа: «Въ январѣ 1917 года было невозможно предвидѣть развалъ Россіи и никто никогда не принималъ его въ расчетъ». Такъ онъ говоритъ, и у насъ нѣтъ въ данномъ случаѣ основаній сомнѣваться въ его искренности: Людендорфъ нисколько не скрываетъ, что русская революція была съ давнихъ поръ его страстнымъ желаніемъ. «Сколько разъ мечталъ я объ его осуществленіи... Вѣчная химера». И вотъ эта химера становится дѣйствительностью такъ неожиданно. «Въ апрѣлѣ и маѣ 1917 г.—пишетъ онъ,—несмотря на наши побѣды на Энь и въ Шампани, насъ спасла только русская революція» *).

Неожиданность пріятнаго извѣстія усугублялась тѣмъ, что, по глубокому убѣжденію нѣмецкаго генерала, осуществленіемъ своей страстной мечты онъ былъ обязанъ злѣйшимъ врагамъ Германіи:

«Въ мартѣ 1917 года революція, п р о в о ц и р о в а н н а я Антантой, свергла царя... Трудно понять причины, которыя побудили союзниковъ содѣйствовать русской революціи. Показалась-ли она имъ народнымъ движеніемъ, которое нельзя было предотвратить и къ которому слѣдовало присоединиться? Или же они хотѣли избавиться отъ императора, ставшаго миролюбивымъ вслѣдствіе боязни внутреннихъ потрясеній? Или были другія причины? Одно несомнѣнно: союзники рассчитывали извлечь изъ революціи выгоды военнаго характера; во всякомъ случаѣ они хотѣли спасти, что еще спасти было можно, и не останавливались передъ рѣшительными дѣйствіями. Пожертвовали царемъ, который въ угоду Антантѣ вызвалъ объявленіе войны».

Людендорфъ тѣмъ выгодно отличается отъ профессоровъ международнаго права и отъ передовиковъ бульварныхъ газетъ, что теперь, по окончаніи войны, онъ считаетъ совершенно бесполезнымъ обличать коварство и гнусность противниковъ. Шла борьба, и тогда, по соображеніямъ дипломатическимъ (сочувствіе нейтральныхъ странъ), экономическимъ (устройство

---

*) «Въ маѣ, — добавляетъ Людендорфъ, — на первый планъ выдвинулся Керенскій, и опасность укрѣпленія русской арміи возросла».

займовъ) и особенно военнымъ (духъ войска), было весьма полезно доказывать свою моральную красоту и черноту души врага. Тогда объ стороны этимъ усердно и занимались. Людендорфъ, какъ опытный техникъ, восхищается искусствомъ, съ которымъ это дѣлали союзники, особенно англичане. Для него нѣмецкія звѣрства — прежде всего «умная ложь» (удареніе предполагается конечно на словѣ «умная»). An und für sich вопросъ о звѣрствахъ его мало интересуеетъ, Людендорфъ имъ почти и не занимается. Зато онъ, повидимому, весьма сожалѣетъ, что самъ не догадался первый распустить слухъ о союзническихъ звѣрствахъ. Но гнѣваться за это на союзниковъ ему и въ голову не приходитъ: такъ охотнику не приходитъ въ голову сердиться на помявшаго его звѣря. Отсюда понятенъ подходъ Людендорфа и къ русской революціи. Объ его чувствахъ къ ней по существу говорить, слава Богу, не приходится. Хладнокровно, съ эпическимъ спокойствіемъ, этотъ милитаристъ изъ милитаристовъ рассказываетъ, какъ немедленно, въ марта 1917 года, была имъ организована пассивистская пропаганда въ русской арміи. Подобное-же хладнокровіе онъ проявляетъ въ оцѣнкѣ соответствующихъ попытокъ, предпринимавшихся врагами. Такъ о Брестъ-Литовской агитаціи большевиковъ онъ спокойно замѣчаетъ, что «Троцкій былъ-бы дуракъ, если-бы поступалъ иначе».

Хладнокровіе покидаетъ Людендорфа только тогда, когда онъ говоритъ о своихъ противникахъ внутри Германіи, опять-таки, разумѣется, не о какихъ-нибудь спартакистахъ. Онъ не видитъ ничего ни умопомрачающаго, ни удивительнаго, ни коварнаго въ томъ, что спартакисты хотѣли его уничтожить и занять его мѣсто на шеѣ нѣмецкаго народа. Но, по мнѣнію генерала, глупо, позорно и преступно, что агитацію противъ него вели, кромѣ спартакистовъ, люди, желавшіе, какъ и онъ, въ первую очередь побѣды Германіи надъ внѣшнимъ врагомъ. Эти-то люди, по его мнѣнію, и погубили Германію, продливъ комедію дружбы съ большевиками больше, чѣмъ было необходимо. Русскіе большевики спасли нѣмцевъ въ 1917 году, но въ 1918 они уже были совершенно не нужны. Тогда-то и слѣдовало, забывъ о благодарности, подалше выбросить вонъ выжа-

тый и гніющій лимонъ. Если вѣрить Людендорфу, онъ съ самаго начала понялъ опасность, которую представляетъ собой зараза разложенія для Германіи и въ частности для нѣмецкихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи потрясающее впечатлѣніе произвелъ на него, по его словамъ, рассказъ генерала Скоропадскаго о развалѣ русской арміи въ 1917 году. «Гетманъ рассказаль мнѣ, что онъ никогда не могъ понять, какимъ образомъ вышель изъ повиновенія тотъ корпусъ, которымъ онъ командоваль во время войны. Это было дѣломъ одной минуты. Простой рассказъ его произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе». — Ганнибалъ увидѣлъ отрубленную голову Гасдрубала.

To momento mori, которымъ для Людендорфа, какъ, вѣроятно, для всякаго военного человѣка, была гибель нѣкогда грозной русской арміи, дало направленіе всей его политикѣ по отношенію къ большевикамъ. Уже къ концу 1917 г. онъ призналъ, — повторяю, если ему вѣрить, — что полезная, съ точки зрѣнія интересовъ Германіи, роль большевиковъ кончена: русская армія перестала существовать, какъ военный факторъ: «намъ даже не нужно было вступать въ переговоры, мы могли просто продиктовать свои условія». Теперь, по мнѣнію Людендорфа, слѣдовало живо убрать большевиковъ. Вся Брестская комедія, которую затѣяли гражданскія власти, была совершенно ненужна и даже вредна: «у насъ въ Брестѣ не было достойнаго партнера: что должны были подумать о потребности Германіи въ мирѣ Клемансо и Ллойдъ-Джорджъ, когда они увидѣли, что нѣмецкіе министры вступили въ переговоры съ безоружными русскими анархистами». Поэтому Людендорфъ все время требоваль у канцлера скорѣйшаго конца Брестскихъ переговоровъ. Когда Троцкимъ была придумана гениальная формула — «мира не заключать, войну прекратить», мнѣніе Людендорфа одержало верхъ: 18-го февраля германская армія перешла въ наступленіе. «Троцкій немедленно заявилъ о своей готовности послать новыхъ уполномоченныхъ въ Брестъ». «Самъ онъ больше не пріѣзжалъ», — добавляетъ съ нѣкоторой ироніей Людендорфъ.

Побѣда нѣмецкихъ военныхъ властей надъ гражданскими въ русскомъ вопросѣ была однако недолговременной. Боль-

шевики вновь подружались съ Берлиномъ, и германское министерство иностранныхъ дѣлъ, подъ руководствомъ нѣкоего директора Криге *), приняло явную «оріентацію на совѣтскую власть», что, по мнѣнію Людендорфа, и было одной изъ причинъ гибели нѣмецкаго дѣла. Самъ онъ требовалъ немедленной высылки Гоффе изъ Германіи и полнаго разрыва съ большевиками. Надо было идти на Москву.—Въ этомъ случаѣ,—говоритъ Людендорфъ, — къ намъ, навѣрное, присоединился-бы Красновъ, а, можетъ быть, и Алексѣевъ: мы могли сами очень быстро взять Петербургъ, съ помощью донскихъ казаковъ овладѣть Москвою, свергнуть совѣтскую власть и уничтожить очагъ заразы. Съ новымъ русскимъ правительствомъ былъ-бы заключенъ прочный миръ на иныхъ основахъ и это было-бы важнымъ успѣхомъ для всего дѣла веденія войны. Между тѣмъ политика министерства иностранныхъ дѣлъ создавала Германіи на востокъ только враговъ и все новыя опасности.

Странное чувство испытываешь, читая теперь эти страницы. Для всякаго, кто въ то время жилъ въ Петербургѣ или Москвѣ и видѣлъ своими глазами тогдашнее военное и политическое безсиліе большевиковъ, достаточно очевидно, что не было ничего легче, чѣмъ осуществить планъ Людендорфа. Конечно, съ русской, а тѣмъ болѣе съ міровой точки зрѣнія, можно и должно очень пессимистически расцѣнивать такую перспективу: весьма вѣроятно, что она повлекла-бы за собой съ одной стороны долговременное подчиненіе Россіи нѣмецкому вліянію, съ другой стороны могла-бы доставить нѣмцамъ побѣду или по крайней мѣрѣ ничью на западномъ фронтѣ. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весь ходъ не только русской, но и міровой исторіи былъ-бы совершенно инымъ, если-бы въ Германіи восторжествовала въ данномъ вопросѣ политика генеральнаго штаба надъ политикой министерства иностранныхъ дѣлъ. Отъ чего и отъ кого зависятъ судьбы народовъ?.. Кто изъ русскихъ людей знаетъ имя господина директора Криге, который сыгралъ столь исключительную роль въ судьбахъ нашего отечества?

---

*) Не имѣя въ своемъ распоряженіи подлинника «Воспоминаній», я привожу выдержки и цитаты по французскому изданію.

Съ нѣмецкой, прусской точки зрѣнія планъ Людендорфа былъ во всякомъ случаѣ разумнѣе и дальновиднѣе, чѣмъ политика профессиональныхъ германскихъ политиковъ и стоящаго за ними большинства рейхстага. Тога отстала отъ сабли. Правда, объясняется это, вѣроятно, чрезмѣрной вѣрой тоги въ саблю. Надо думать, что и Кюльманъ, и Гертлингъ, и Криге рассчитывали свергнуть Совѣтскую власть послѣ побѣды Людендорфа на западномъ фронтѣ. Съ ихъ точки зрѣнія, военное пораженіе нѣмцевъ сдѣлало невозможнымъ сверженіе большевиковъ. Съ точки зрѣнія Людендорфа, допущеніе большевистской пропаганды сдѣлало невозможной военную побѣду Германіи. Въ такихъ случаяхъ принято говорить: «исторія выяснитъ». На самомъ дѣлѣ она, разумѣется, точно ничего не выяснитъ. Но, по всей видимости, сабля была умнѣе тоги.

Какъ бы то ни было, послѣ прочтенія книги «Воспоминаній», еще яснѣе понимаешь, сколько случайнаго и не поддающагося учету было во всѣхъ этихъ апокалипсическихъ событіяхъ. Людендорфъ проигралъ войну, но онъ могъ ее выиграть. На нашихъ глазахъ была произведена изумительная во многихъ отношеніяхъ попытка повернуть исторію круто н а з а д ъ , и эта попытка едва-едва не удалась.

Видитъ Богъ, не сложна и не нова та философія, во имя которой указанная попытка производилась. Людендорфъ открыто презираетъ современную демократическую цивилизацію. Собственный идеаль его, если у него вообще есть идеаль, далеко позади. Гдѣ именно? Въ Германіи Бисмарка, въ Пруссіи Фридриха II, въ Тевтобургскомъ лѣсу, подъ знаменами Арминія? Во всякомъ случаѣ — гдѣ-то тамъ, на пути къ подлинному каменному вѣку. Тѣмъ поразительнѣе твердая вѣра, не покинувшая повидимому и теперь отставнаго диктатора, вѣра въ полную осуществимость подобнаго идеала.

«Вся человѣческая жизнь — борьба, — говоритъ Людендорфъ. — Внутри государствъ партіи борются между собою за власть, точно такъ-же въ мірѣ борются народы — и такъ будетъ всегда. Это законъ природы. Воспитаніе и болѣе возвышенная мораль могутъ умѣрнить борьбу за власть, могутъ

смягчить ея форму (послѣдняя фраза, разумѣется, вставлена для красоты слога. М. А.). Но они никогда не устранять борьбы, ибо это было-бы противно природѣ человѣка и въ концѣ концовъ противно природѣ вообще. Природа это борьба... Благодарное не можетъ существовать иначе, какъ при помощи силы».

Кто только не высказывалъ подобныхъ мыслей въ болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу вариантахъ? Генераль Бернгарди и Спиноза (по крайней мѣрѣ отчасти), Ленинъ и Дарвинъ (вѣрнѣе дарвинисты), Лассаль и Ницше. Все это банальныя эмпирическія истины, противъ которыхъ волтерьянцы совершенно напрасно спорять. Непонятно даже, для чего они собственно это дѣлаютъ: жизнь не переспоришь. Возможно однако — по крайней мѣрѣ въ теоріи — волтерьянство, дѣлающее жизни нѣкоторыя уступки. Оно спорить не по существу, а о формахъ. Борьба, такъ борьба, но зачѣмъ-же непременно при помощи танковъ и пулеметовъ? Для борьбы партій есть парламенты и газеты, для борьбы государствъ — третейскіе суды, Гаагскій трибуналъ, Общество народовъ. Правда, нѣтъ ничего убѣдительнѣе танка и пулемета. Но именно чрезмѣрная ихъ убѣдительность способна вызывать нѣкоторыя сомнѣнія. Если с п о р ъ, который велся съ 1914 по 1918 годъ при помощи танковъ и пулеметовъ, стоилъ Европѣ десять милліоновъ людей и нѣсколько тысячъ милліардовъ денежныхъ единицъ, то весьма правдоподобно, что послѣ слѣдующаго с п о р а, который будетъ вестись — скажемъ, въ 1950 году — при помощи какихъ-нибудь сверхъ-танковъ и сверхъ-пулеметовъ, вообще больше некому и не о чемъ будетъ спорить. Тогда послѣдніе пулеметчики, вѣроятно, вспомнятъ о существованіи логики и морали.

Говорятъ, что «Воспоминанія» бывшаго диктатора становятся Библией, на которой воспитывается молодое нѣмецкое поколѣніе. Я этому плохо вѣрю. Для Б и б л и и эта длинная книга все-таки въ цѣломъ недостаточно хорошо написана. Моисей былъ первоклассный литераторъ; Людендорфъ пишетъ значительно хуже. Кромѣ того, ему не хватило того, что одно вѣнчаетъ славу политическаго героя: ему не хватило у с п ѣ

х а . Не изъ египетскаго рабства вывелъ онъ своихъ соплеменниковъ, а, напротивъ, повергъ ихъ въ египетское рабство. «Въ конечномъ счетѣ» Людендорфъ оказался неудачникомъ. На книгахъ неудачниковъ не воспитываются народы. Поверженный кумиръ можетъ остаться богомъ, но павшіе боги обычно не принимаютъ большого участія въ рѣшеніи людскихъ судебъ.

И все-таки трудно сказать съ полной увѣренностью, дѣйствительно-ли наступилъ настоящій «конечный счетъ» для генерала Людендорфа. Его торжественно хоронятъ нынѣшніе нѣмецкіе министры, еще не износившіе башмаковъ, въ которыхъ они спасались изъ Берлина отъ войскъ Лютвица и Каппа. Въ тѣ дни тѣнь германскаго милитаризма неожиданно встала изъ гроба. Ее скоро снова уложили въ гробъ. Но наслѣдники поглядываютъ на могилу какъ-будто съ нѣкоторой опаской. Ужъ очень упорно они твердятъ, что покойникъ дѣйствительно умеръ. Это плохой симптомъ — разумѣется, для наслѣдниковъ.

Отсюда никакъ не нужно заключать, будто правъ тотъ французскій издатель мемуаровъ Людендорфа, который видитъ въ знаменитомъ генералѣ — будущаго вождя нѣмецко-славянскаго міра въ борьбѣ съ міромъ Версальскихъ побѣдителей. Ужъ очень это было-бы прежде всего глупо, если-бъ «славянскій міръ» (т. е. — говоря безъ обиняковъ— Россія) избралъ себѣ въ вожди побѣдителя при Танненбергѣ. Правда, глупость такого финала, въ качествѣ рѣшающаго аргумента, сама по себѣ не можетъ имѣть значенія. Въ «скучной сказкѣ, рассказанной идиотомъ», какъ назвалъ исторію Шекспиръ, глупостью никого не удивишь. Однако... еще одна война войнѣ, еще побѣды и пораженія, еще Танненберги, Лувены и Лузитаніи, свои доблестные подвиги и звѣрства противника, освободительные идеалы и геніальные генералы, кровавыя потери врага, отступленія на заранѣе подготовленныя позиціи, — врядъ-ли всѣмъ этимъ можно будетъ прельстить людей, пережившихъ тысячелѣтіе 1914—18 гг.

II.

ЖОРЖЪ КЛЕМАНСО.

Dans les champs du Pouvoir, sur des tréteaux qui ne paraissent élevés que parce que l'humanité d'elle-même s'affaisse, des acteurs plus ou moins improvisés jouent la scène du jour, dont le sens leur échappe, en un drame dont le dénouement se dérobe à tous les yeux.

On nous dit que la Divinité Révolution doit changer l'ordre du monde. Je serais charmé qu'elle voulût bien commencer par l'homme seulement...

Le monde est plein d'erreurs obstinément maintenues parce que l'homme redoute de changer des illusions familières pour d'âpres vérités chargées d'inconnu. Et qui sait, après tout, dans ce douloureux conflit du monde vrai avec le monde imaginé, dans quelle mesure un séduisant mirage peut venir en aide à la faiblesse humaine pour l'achèvement de sa journée.

Georges Clemenceau

Если исторію трудно повернуть вспять, значить-ли это, что ее нельзя задержать на мѣстѣ?

Идея Людендорфа, по всей видимости, себя не оправдала. Можетъ быть, идея Клемансо имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ.

Враги называютъ бывшаго французскаго министра-президента реакціонеромъ и обвиняютъ его въ «инкогерентности». Оба эти упрека въ сущности не совсѣмъ основательны. Клемансо не реакціонеръ, а консерваторъ — можетъ быть, онъ даже единственный въ настоящее время консерваторъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ послѣдняго слова. Онъ не думаетъ — не считаетъ ни нужнымъ, ни возможнымъ — тянуть исторію назадъ, какъ это дѣлаетъ Людендорфъ. Онъ только не видитъ

рѣшительно никакой надобности двигать ее впередъ, будучи глубоко убѣжденъ, что впереди такъ же гнусно, какъ сзади. Людендорфъ презираетъ демократію, а Клемансо — ее и все остальное. Съ этой точки зрѣнія въ анекдотѣ о Буридановомъ ослѣ скрыта глубокая философско-политическая мысль.

Несмотря на нѣкоторую внѣшнюю непоследовательность, въ дѣйствіяхъ Клемансо всегда была неизмѣнная мысль, вѣрнѣе непоколебимое чувство, — его глубокое презрѣніе къ людямъ. Этотъ Шопенгауеръ политики ненавидитъ, конечно, нѣмцевъ, но не слишкомъ любить и своихъ соотечественниковъ, всецѣло раздѣляя, какъ будто, мнѣніе знаменитаго философа: «Jede Nation spottet über die anderen und alle haben Recht». По мнѣнію Клемансо, люди всегда будутъ грабить и рѣзать другъ друга и всегда совершенно основательно, ибо лучшаго они и не стоятъ. Собственно, главный политическій трюкъ французскаго министра заключался именно въ томъ, что онъ идеѣ соціальнаго грабежа съ нѣкоторымъ успѣхомъ (по крайней мѣрѣ, временнымъ) противопоставилъ идею грабежа національнаго. «Грабъ буржуевъ», «грабъ помѣщиковъ», «грабъ Германію», «грабъ Россію», — будущее покажетъ, какой изъ этихъ лозунговъ оказался наиболѣе сильнымъ.

Года два тому назадъ кто-то въ парламентѣ напомнилъ Клемансо объ идеяхъ Лиги Націй. Премьеръ былъ въ хорошемъ настроеніи духа, — въ томъ самомъ, въ какомъ онъ пустилъ въ оборотъ знаменитое словечко о *noble candeur* Президента Вильсона.

— «Лига Націй?» — переспросилъ онъ со своимъ несравненнымъ искусствомъ *diseur'a*. — «Ахъ, да, Лига Націй... Въ самомъ дѣлѣ, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ образована комиссія изъ профессоровъ для выработки проекта Лиги Націй. Весьма важная комиссія... Прекрасные профессора... Они выработаютъ превосходный проектъ... Я его представлю парламенту».

На скамьяхъ палаты раздался смѣхъ. — «Надо было слышать, — писалъ на слѣдующее утро, захлебываясь отъ восторга, Морисъ Барресь, — надо было слышать, к а к ъ это было сказано. Въ голосѣ, въ интонаціяхъ старика чувствовалось

глубокое и совершенное презрѣніе, единственно способное *déniaiser les jeunes gens*.*)

Правда теперь Лига Націй существуетъ, но къ профессорскому проекту Клемансо, какъ извѣстно, приложилъ свою дряхлую руку — и нѣкоторые англійскіе энтузіасты этой идеи, увидѣвъ ея конкретное осуществленіе, называютъ ее не League of Nations, а League of Damnations (Лига проклятій).

Психологія политическаго дѣятеля обычно большого интереса не вызываетъ. Въ политикѣ некогда в н и к а т ь в ъ д у ш у и въ ней человѣка для удобства принимаютъ за то, за что онъ самъ себя выдаетъ (иначе Богъ знаетъ, куда бы мы пришли). Между тѣмъ отъ психологическихъ изысканій на тему — «какъ дошла ты до жизни такой?» — часто приходишь къ выводамъ, имѣющимъ чисто политическое значеніе. А если и не приходишь, то трудъ все же представляетъ хотя бы теоретическій интересъ.

Сколько разъ за послѣдніе годы мы видѣли печальныя сумерки политическихъ боговъ и политическихъ идоловъ. Давно ли на нашихъ глазахъ скатился съ гуттаперчеваго пьедестала президентъ Вудро Вильсонъ? Но рядомъ съ зловѣщей шуткой *Goetterdaemmerung* иногда происходитъ и процессъ обратный. Такъ, на примѣрѣ Клемансо судьба показала намъ не менѣе своеобразную шутку.

Самое опасное чтеніе, которое я знаю, это старыя газеты. Никакія политическія симпатіи не могли бы существовать между людьми, если бы они часто перечитывали старые номера газетъ. Къ счастью, они этого почти никогда не дѣлаютъ.

20-го декабря 1892 г. во французской Палатѣ Депутатовъ происходило необыкновенное засѣданіе. Поль Деруледъ въ самый разгаръ панамскаго скандала вносилъ интерпелляцію по дѣлу главнаго его героя, Корнелія Герца. — «Кто ввелъ во Францію этого нѣмца? — спрашивалъ съ необычайной рѣзкостью ораторъ. — Кто вывелъ его въ люди? За спиной этого иностранца скрывался французъ, могущественный, вліятель-

---

*) Цитирую на память.

ный, смѣлый. Or, ce complaisant, ce dévoué, cet infatigable intermédiaire, si actif et si dangereux, vous le connaissez tous, son nom est sur toutes vos lèvres; mais pas un de vous pourtant, ne le nommerait, car il est trois choses en lui que vous redoutez: son épée, son pistolet, sa langue. Et bien! moi, je brave les trois et je le nomme: c'est M. Clemenceau!»

— «Да, это вы, — продолжалъ Деруледъ, обращаясь къ Клемансо, — это вы въ угоду внѣшнему врагу разрушали политическую жизнь Франціи. Низвергая одно за другимъ безчисленныя министерства, сокрушая безпрестанно людей, стоящихъ у власти, внося при помощи вашего большого дарованія смуту въ умы и вѣрованія людей, вы, разрушитель, были оплотомъ внѣшняго врага. Я — противникъ парламентскаго строя, но не думаю, чтобы кто другой нанесъ ему когда-либо столь ужасные удары, какъ вы»...

«Ce discours de violence inouïe, joué, crié, sublime, — il faut le dire, — détendit cette Chambre contractée, la tira de sa peur et d'une longue servitude... Clemenceau dans sa prospérité eut une certaine manière d'interpellation directe, quelque chose d'agressif et qui prenait barre sur tous. La familiarité du Petit Caporal avec ses grognards? Non! plutôt un tutoiement pour laquais». — Такъ когда-то говорилъ участникъ этого парламентскаго засѣданія, нынѣшній обожатель Клемансо, а въ то время его смертельный врагъ, — Морисъ Барресь. Послѣднее его замѣчаніе, кстати будь сказано, вполне основательно. Еще недавно одинъ изъ обожателей Клемансо съ неподражаемой наивностью описывалъ его въ сущности самое сердечное обращеніе совершенно такъ, какъ дядя Андрея Ивановича Тентетникова (въ одномъ изъ вариантовъ «Мертвыхъ душъ») расхваливалъ своего начальника, графа Сидора Андреевича: «Вотъ ужъ можно сказать собака, а добрѣйшая, благороднѣйшая душа. Сколько разъ онъ меня, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, называлъ дуракомъ, ну, что дуракомъ, просто по-матерному выругаетъ, и что же? черезъ два часа ничего не помнить и опять дружески разговариваетъ, спрашиваетъ, скоро ли опять жена отелится?» Не всѣмъ однако официальнымъ обожате-

лямъ свойственно такое благодушіе — и на послѣднихъ президентскихъ выборахъ Клемансо былъ заботливо провалень своими собственными политическими друзьями...

Въ тотъ день, 20 декабря 1892 г., друзья погибавшаго борца вели себя еще гораздо хуже. Когда послѣ рѣчи Деруледа на трибуну взошелъ смертельно блѣдный Клемансо, онъ встрѣтилъ зловѣщее гробовое молчаніе. На его фигуральный призывъ «à moi, mes amis!» отвѣтили, по свидѣтельству Барреса, одинъ только голосъ: «Молодой Пишонъ, честная и наивная фигура, одинъ отозвался на призывъ Клемансо.*) Его голосъ прозвучалъ одиноко — при молчаніи другихъ вѣрноподданныхъ, и создалось тяжелое впечатлѣніе неудавшейся манифестаціи. Такой скверный эффектъ достигается въ театрѣ, когда одинокій статистъ изображаетъ толпу. Клемансо это почувствовалъ. Гордецъ отвѣтилъ рѣзко:

«Мнѣ никого не нужно».

Но онъ почувствовалъ и свое одиночество, и силу той ненависти, которая его окружала.**)

Врядъ-ли нужно говорить, что Клемансо былъ тогда жертвой клеветы. Нѣсколькими мѣсяцами позже другой націоналистъ, Мильвуа, рѣшилъ окончательно доканать нынѣшняго отца побѣды. Онъ публично обѣщалъ представить документальныя доказательства того, что «Клемансо—послѣдній изъ негодяевъ». Этихъ доказательствъ—въ атмосферѣ общей ненависти, окружавшей личность нынѣшняго кумира, — съ нетерпѣніемъ ждала вся Франція. Враждебныя газеты заранѣе разгласили «la grande trahison de M. Clemenceau vendu à l'Angleterre». Много республиканскихъ депутатовъ въ долгожданный

---

*) Та блестящая правительственная карьера, которой Стефанъ Пишонъ всецѣло обязанъ Клемансо, находить, быть можетъ, объясненіе въ этой сценѣ 20-го декабря 1892 г.

**) Разумѣется, за трагическимъ засѣданіемъ парламента послѣдовала дуэль, которая совершенно неожиданно оказалась безрезультатной. Клемансо, дравшійся на поединкахъ безъ счета, накануне публично всадившій въ туза одну за другой дюжину пуль, промахнулся. По возвращеніи съ мѣста дуэли Деруледъ, котораго только-только не отпѣвали друзья, былъ встрѣченъ бурными аплодисментами толпы — и палаты депутатовъ.

день засѣданія подходило къ Мильвуа съ сердечными пожеланіями: «Débarassez nous de cet individu». Въ парламентѣ готовили политическое убійство Клемансо, а у воротъ стояли люди, собиравшіея бросить его въ Сену.

Разумѣется, все оказалось вздоромъ. Общанныя документальныя доказательства, будто бы выкраденныя изъ англійскаго посольства, были грубѣйшимъ подлогомъ, какъ это выяснилось съ совершеннѣйшей очевидностью во время ихъ чтенія съ трибуны парламента. Въ палатѣ произошелъ неслыханный скандалъ. Уничтоженный Мильвуа съ видомъ полумнаго замолкъ на трибунѣ. Деруледъ, который былъ искренно убѣжденъ въ подлинности документовъ и въ государственной измѣнѣ Клемансо, тутъ же на засѣданіи подалъ въ отставку, любезно объявивъ друзьямъ и врагамъ: «Vous me dégoutez tous! La politique est le dernier des métiers; les hommes politiques, les derniers des hommes; j'en ai assez, je donne ma démission!»

— «Ah! le rire de Clemenceau alors! — съ горечью писалъ тогда Морисъ Баррессъ, двусмысленно намекая, что въ разоблаченіяхъ Мильвуа не все было ложью. — Rire d'un surmené qui ne peut plus se contenir. Ses gestes fuyants de toutes parts. Ils se tape sur les épaules, sur les cuisses. Les tribunes s'épouvaient de le voir danser sur son banc... A moindre faux pas, toute cette sorcellerie se fût abattue sur lui-même. Il le sentit. Il sacrifia le très beau discours qu'il avait préparé, qu'il eût si merveilleusement prononcé...»

Дѣла давно минувшихъ дней. Но интересныя дѣла. Есть много поучительнаго въ возвращеніи къ далекому прошлому героевъ. Ихъ отношенія къ толпѣ сильно выигрываютъ въ ясности... Я ищу въ этихъ забытыхъ сценахъ, которыя обходятъ молчаніемъ нынѣшніе біографы знаменитаго министра, — я ищу въ нихъ ключа къ сложной душѣ Клемансо.

Несмотря на моральное уничтоженіе Мильвуа, карьера недавняго диктатора Франціи прервалась лѣтъ на 15. Въ клеветѣ есть повидимому чудодѣйственная сила. Кумирь, боготворимый и сейчасъ большинствомъ французскаго народа (это несомнѣнный фактъ, — стоитъ послушать разговоры),

былъ четверть вѣка тому назадъ самымъ ненавистнымъ чело-
вѣкомъ во Франціи. Защиты его даже не слушали. Достаточно
было того, что завѣдомые клеветники его обвиняли*) (а въ
чемъ только его не обвиняли, — даже въ уголовномъ убійствѣ).
Онъ лишился своего мѣста въ парламентѣ, ему не давали
говорить на митингахъ, его голосъ заглушали криками: «До-
лой! въ Англию! yes, yes!» Тогда онъ былъ Mister Клемансо,
какъ впоследствии Жоресъ былъ Herr Jaurès; и если-бы въ
90-хъ годахъ война вспыхнула между Франціей и Англійей,
то, быть можетъ, для нынѣшняго «отца побѣды» нашелся бы
свой Рауль Вилланъ.

«Отъ Капитолія до Тарпейской скалы только одинъ шагъ»,
сказалъ когда-то графъ Мирабо. Клемансо продѣлалъ эту
дорогу и въ томъ, и въ другомъ направленіи. Вся его роман-
тическая жизнь прошла между Капитоліемъ и Тарпейской
скалой. Кто знаетъ? — вѣдь все возможно: если при его жизни
Людендорфъ или Ленинъ наложить на Францію свою тяжелую
пяту, онъ, пожалуй, познаетъ Тарпейскую скалу и въ менѣе
аллегорическомъ смыслѣ этого слова.

Въ Капитоліи видѣли его мы всѣ. Но на вершинахъ
своей славы, въ ноябрѣ 1918 г., онъ, вѣроятно, вспоминалъ
день, когда въ томъ же Бурбонскомъ дворцѣ нынѣ идолопо-
клонствующіе передъ нимъ люди называли его «последнимъ
изъ негодяевъ», а у воротъ толпа, теперь носящая его на ру-
кахъ, собиралась утопить его въ рѣкѣ. Эти переживанія,
этотъ истерическій смѣхъ не забываются.

Именно въ ту пору своей жизни онъ задумалъ драматиче-
скую поэму «Le voile du bonheur», исполненную мрачной ироніи
и почти безграничнаго презрѣнія къ людямъ. Скажу безъ
парадокса: эта пьеса лучше уясняетъ филозофію вер-
сальскаго трактата, чѣмъ посвященные последнему тому
газетныхъ передовыхъ и парламентскихъ рѣчей.

На Конференціи Мира Клемансо бесспорно доминировалъ,

---

*) Немалую пикантность всей этой кампаніи противъ Кле-
мансо придаетъ то обстоятельство, что главнымъ обвинителемъ
его въ государственной измѣнѣ былъ Эрнестъ Жюде, нынѣ ока-
завшійся германскимъ агентомъ.

несмотря на меньшій военно-политическій вѣсъ Франціи по сравненію съ Англіей и съ Соединенными Штатами. Въ этой кучкѣ людей, безконтрольно распоряжавшейся вселенной, рядомъ съ невѣжественнымъ англійскимъ дѣльцомъ, мѣняющимъ взгляды два раза въ мѣсяцъ, рядомъ съ замученнымъ американскимъ профессоромъ, проникнутымъ идеологіей протестантскаго пастора, имѣющаго сбереженія въ банкѣ, французскій подлинный аристократъ духа, конечно, не могъ не доминировать идейно. На верхнія ступени крутой и опасной политической лѣстницы въ настоящихъ условіяхъ жизни судьба обычно выноситъ людей большого практическаго ума, обладающихъ даромъ слова и парламентской интриги. Эти свойства присущи Клемансо въ такой же мѣрѣ, какъ и другимъ распорядителямъ міра. Но у кого же изъ нынѣшнихъ политическихъ дѣятелей есть свойственное ему сочетаніе огромной культуры, умственнаго аристократизма, писательскаго дара?*) Одинъ Бальфуръ, блестящій философъ-скептикъ, ставшій почему-то — больше по наслѣдственной традиціи — главой англійской консервативной партіи, до извѣстной степени приближается къ Клемансо по умственному складу. Но авторъ «Defence of philosophic Doubt», повидимому, теперь мало интересуется политическими судьбами Европы.

«Исторія выяснить», быть можетъ, роль Клемансо въ дѣлѣ организациіи войны. Легенда, создавшаяся вокругъ *отца победы*, врядъ-ли будетъ когда-либо разрушена. Съ легендами исторія вообще нелегко борется, а въ этой легендѣ вдобавокъ была значительная доля правды. Люди, подобные Клемансо, чрезвычайно рѣдко оказываются искусными организаторами, и не въ организациіи арміи, вѣроятно, кроется заслуга передъ страной бывшаго министра-президента. Но не подлежить

---

*) Клемансо, безспорно, одинъ изъ самыхъ блестящихъ публицистовъ Европы, сталъ писать пятидесяти лѣтъ отъ роду (послѣ своего политическаго крушенія), что въ литературѣ имѣетъ весьма мало прецедентовъ. Аттестацию *грамотности* ему выдалъ самъ Анатоль Франсъ: «M. Clemenceau sait écrire», съ удивленіемъ замѣтилъ авторъ «Thais», который весьма иронически относится къ обычнымъ литературнымъ упражненіямъ современныхъ политическихъ дѣятелей.

сомнѣнію, что безграничная энергія и самоувѣренность стараго бреттера оказали въ тяжелые дни самое благотворное дѣйствіе на моральное состояніе изнемогавшей Франціи.

Одинъ отставной французскій министръ два года тому назадъ рассказывалъ въ обществѣ о своемъ посѣщеніи Клемансо въ самое тяжелое время войны. Это было весною 1918 года. Нечеловѣческимъ усиліемъ Людендорфъ прорвалъ союзный фронтъ, и снова показались почти у стѣнъ Парижа наступающія германскія войска. Крупновское чудовище, притаившееся въ бетонной пещерѣ, начало со 120-верстной дистанціи обстрѣль столицу міра. Къ Клемансо отправилась депутація, въ составъ которой входилъ упомянутый эксъ-министръ. Послѣдній не объяснилъ въ своемъ рассказѣ, какова была цѣль делегаціи: лѣтъ черезъ двадцать мы, вѣроятно, прочтемъ объ этомъ въ его мемуарахъ. Думаю, однако, что делегація являлась не проста и не только за свѣдѣніями о событіяхъ.

— Кажется, все погубло, — сказалъ депутатамъ черный, какъ туча, Клемансо.

— Какъ все погубло?!

— Такъ. Намъ остается умереть съ честью.

— Monsieur le Président, il ne s'agit pas que la France meure, — рѣзко замѣтилъ эксъ-министръ. Клемансо пожалъ плечами. Перемены въ его политикѣ, какъ извѣстно, не произошло, — и мы знаемъ, что думаетъ объ этомъ компетентный въ данномъ случаѣ челоѣкъ — Людендорфъ.

Надо добавить, что эксъ-министръ ненавидѣлъ Клемансо, тогда находившагося на вершинѣ власти и славы, — ненавидѣлъ его всѣми видами ненависти: ненавистью личной, политической, обывательской, чуть даже не метафизической. Рассказывалъ онъ этотъ эпизодъ явно въ посрамленіе главы правительства. Однако, его художественный рассказъ — онъ самъ замѣчательный мастеръ слова — достигалъ въ сущности какъ разъ обратнаго результата. Чувствовалось, что тогда, въ 1918 г., Франціи былъ нуженъ именно такой вождь, азартный игрокъ безграничной смѣлости, готовый поставить на одну карту все — свое и чужое.

Въ народѣ и въ арміи Клемансо, повторяю, несомнѣнно пользовался и пользуется огромной популярностью. Думаю, и на верхахъ націи, у многихъ образованныхъ французовъ, нисколько не сочувствующихъ ни философско-политическимъ взглядамъ, ни характеру Клемансо, было тогда (и даже позднѣе) смутное ощущеніе, что, какъ ни какъ, а за нимъ не пропадешь въ это бурное невиданное время, когда *пропасть* не только человѣку, но государству, народу, культурѣ, такъ легко и такъ просто. Чувствовалось, что этотъ ослѣпительно блестящій человѣкъ — политикъ, драматургъ, эллинистъ, романистъ, критикъ *) — при всѣхъ своихъ огромныхъ недостаткахъ, больше, тѣснѣе, чѣмъ кто другой, связанъ съ безчисленными проявленіями цивилизаціи и что онъ никому не дастъ — ни нѣмцамъ, ни большевикамъ — разгромить пятнадцать столѣтій французской культуры. Можетъ быть, это была иллюзія. Но иллюзіями движется исторія — и, должно сказать, очень безтолково движется.

Внутренняя политика Клемансо весьма своеобразна и вполне соответствуетъ всему его складу ума.

«Надо подморозить Россію, чтобы она не жила», писалъ когда-то К. Леонтьевъ въ своей книгѣ «Востокъ, Россія и Славянство». Это былъ утопическій «идеаль», неумѣло и неумно проводившійся въ жизнь. Тѣми средствами, которыми пытались заморозить Россію московскіе теоретики и петербургскіе практики самодержавія, это сдѣлать было очень трудно — на сколько-нибудь продолжительное время. Формула французскихъ вельможъ «*argès nous le déluge!*» имѣла еще нѣкоторый разумный житейскій смыслъ; формула русскихъ монархистовъ (и русскихъ большевиковъ) «хоть часть, да мой!» — совершенно бессмысленна. Глубокій и зловѣщій историческій символъ вложенъ Пушкинымъ въ Пугачевскую притчу о воронѣ и орлѣ. Долго-ли еще будетъ жить по этому символу наша несчастная страна?

Жоржъ Клемансо показаль трюкъ, несравненно болѣе совершенный. Онъ дѣйствительно п о д м о р о з и лъ Фран-

---

*) Мысли Клемансо объ Ибсенѣ, Рембрандтѣ, Байронѣ, Додэ заслуживали бы особаго этюда; здѣсь я не могу ихъ коснуться.

цію — безъ казней, безъ каторги, безъ плетей. Вѣдь это въ своемъ родѣ чудо: страна, имѣющая традицію четырехъ революцій, пострадавшая отъ войны больше, чѣмъ какая бы то ни было другая, потерявшая весь цвѣтъ своего мужского населенія, въ настоящее время является самой консервативной и устойчивой страной въ мѣрѣ. Ни одна сколько-нибудь серьезная и глубокая реформа не имѣетъ, къ несчастью, въ настоящее время никакихъ шансовъ пройти во Франціи. Можетъ быть, впервые въ исторіи съ такой полнотой осуществился въ свободной демократіи идеаль консервативной идеи. И, что всего удивительнѣе, народъ въ огромномъ своемъ большинствѣ какъ будто доволенъ. Лозунги, подъ которыми Клемансо повелъ страну на выборы, ее повидимому совершенно удовлетворили.

Двѣ могучія силы живутъ въ душѣ человѣка: жажда новаго и боязнь потерять старое. Ленинъ сыгралъ на первой силѣ, разумѣется обманувъ народъ: большевистской новизнѣ мы знаемъ цѣну. Клемансо совершенно откровенно и искренно ставитъ на вторую силу. «Не вѣрьте новымъ опытамъ, — точно говоритъ онъ, — ни *Divinité Révolution* ни *Divinité Réforme* не сдѣлаютъ жизнь лучше и не стоятъ того, чтобы ради нихъ ударили пальцемъ о палецъ. Правда, въ душѣ человѣка заложены грабительскіе инстинкты; что-жъ, можно грабить побѣжденные народы, — бывшихъ враговъ (а то и бывшихъ союзниковъ). Вы утверждаете, будто нынѣшняя демократія никуда не годится? Я и самъ въ этомъ увѣренъ. *) Но то, что вы осуществите вмѣсто нея, будетъ, вѣроятно, еще хуже». Этимъ духомъ всецѣло была проникнута его знаменитая бесѣда съ представителями Генеральной Конфедераціи Труда, —

---

*) Близкіе къ Клемансо люди увѣряютъ, что въ частныхъ бесѣдахъ онъ не скрываетъ своего совершенно отрицательнаго отношенія къ современной парламентской системѣ. Мѣстами, вскользь онъ и въ своихъ книгахъ проявляетъ отсутствіе чрезмѣрнаго уваженія къ демократическимъ принципамъ. Такъ, одной поборницѣ равноправія половъ, запросившей его въ 1913 г., стоитъ-ли онъ за предоставленіе женщинамъ избирательнаго права, онъ невозмутимо отвѣтилъ, что по его мнѣнію гораздо лучше осуществить равноправіе, отнявъ избирательное право и у большинства мужчинъ.

маленькій шедевръ, въ своемъ рядѣ стоящій наставленій, которыя у Гете Мефистофель преподноситъ ученику.

Я надѣюсь, что жизнь окажется сильнѣе подмораживающихъ ее людей. Желѣзные законы экономической необходимости всѣхъ заставятъ рано или поздно прибѣгнуть къ *Divinité Réforme*, дабы избѣгнуть *Divinité Révolution*. Но все-таки очень замѣчательна эта смѣлая попытка увѣрить людей въ томъ, что имъ рѣшительно ничего не нужно, попытка тѣмъ болѣе оригинальная, что исходила она отъ человѣка, зачѣмъ-то сокрушившаго на своемъ вѣку десятка два министерствъ.

Я впервые увидѣлъ Клемансо много лѣтъ тому назадъ — въ фойѣ Французскаго Театра. Рядомъ съ Гудоновской статуей Вольтера стоялъ старый, слегка сгорбленный человѣкъ средняго роста, съ необыкновенно выразительнымъ лицомъ. Передъ нимъ въ позѣ почтительнаго любопытства склонился какой-то господинъ, очевидно ловившій съ жадностью для передачи дальше слова знаменитаго остроумца. Клемансо что-то говорилъ ему, не сводя съ него упорнаго взгляда тяжелыхъ, черныхъ, какъ уголь, глазъ, — взгляда, не шедшаго къ холодно-привѣтливой свѣтской улыбкѣ. На надменномъ лицѣ его лежалъ отпечатокъ той особой усталости, какая бываетъ у много жившихъ и много думавшихъ людей. — Старость Печорина, — таково было впечатлѣніе всего облика.

— Онъ похожъ на эту статую, — сказала я знакомому французу, показавшему мнѣ Клемансо.

— Не лицомъ, но усмѣшкой, — отвѣтилъ тотъ и процитировалъ при случаѣ всѣмъ извѣстные стихи:

Dors tu content, Voltaire, et ton hideux sourire
 Voltige-t-il encore sur tes os décharnés?
 Ton siècle était, dit-on, trop jeune pour te lire,
 Le nôtre doit te plaire, et tes hommes sont nés...

Въ самомъ дѣлѣ, эти два человѣка смыкаются одной традиціей. Оба они никогда ни во что не вѣрили и оба всю жизнь за что-то для чего-то боролись, наполняя міръ звенящимъ шумомъ своего имени. Чисто французскій складъ ума и чисто

французская традиція, идущая очень далеко назадъ: отъ Клемансо она прямо приводитъ къ Ларошфуко, — не только по складу мысли, но также по складу жизни. Борьба, интриги, романы, дуэли, триумфы, паденія, все это неизвѣстно зачѣмъ, неизвѣстно почему, а въ промежуткахъ — мысли острия, холодныя, кривыя и ржавыя какъ погнувшійся дамасскій клинокъ. Для чего живутъ эти люди, да еще такой бурной жизнью? Кто скажетъ!.. «Было всегда *un je ne sais quoi* во всей личности герцога Ларошфуко», писалъ когда-то кардиналъ де-Ретцъ о своемъ знаменитомъ современникѣ, и, право-же, никто не сказалъ о послѣднемъ ничего лучше этого...

Въ настоящихъ этюдахъ, нисколько не претендующихъ на полноту, я почти не говорилъ о социально-политическихъ (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова) идеяхъ Клемансо и Людендорфа. Да говорить о нихъ, пожалуй, и не стоитъ. Клемансо такой же радикаль, какъ Людендорфъ — монархистъ; первый, вѣроятно, столько же вѣритъ въ демократическую идею, какъ второй — въ божественное право... Эти замѣчательные люди символизируютъ два отвѣта стараго міра на поставленный жизнью грозный вопросъ. Между ними и красной пѣной, которая въ Россіи взбила на поверхность большевизмъ, есть, надо надѣяться, или по крайней мѣрѣ должно быть, еще что-то другое. Будущее принадлежитъ, вѣроятно, тѣмъ, кто не тащитъ исторію назадъ и не старается удержать ее на мѣстѣ. Но именно — *будущее*. Въ настоящемъ же и недавнемъ прошломъ должно видѣть нѣкоторый и весьма печальный историческій рецидивъ.

М. А. Алдановъ.

ЦАРСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ИЛЛЮЗИИ.

(Опыт по психологии большевизма)

I.

Въ борьбѣ за жизнь.

Понять психическій міръ большевизма — значитъ понять очень многое въ російской катастрофѣ. Ибо большевизмъ не только социальна-политическая теорія и социальна-политическая практика. Я бы даже сказалъ: меньше всего теорія и меньше всего практика. Какъ теорія, большевизмъ является хаотической смѣсью идей марксизма, бакунизма, синдикализма и анархизма, — смѣсью самыхъ худшихъ ихъ сторонъ и тенденцій, приправленной притомъ національнымъ кваскомъ въ духѣ славянофильскаго мессіанизма и заморскими спеціями въ духѣ философіи и морали отцовъ-іезуитовъ. Большевизмъ въ теоріи плачевно не оригиналенъ и скуденъ. Не здѣсь его «особая статья». Какъ социальна-политическая практика? Но что «своего» въ комбинаціи политическаго якобинизма, экономической арачьевщины, революціонной пугачевщины, — комбинаціи, построенной на той несомнѣнно правильной предпосылкѣ, что «что-нибудь» изъ всей этой вакханаліи должно же выйти, и на пламенной вѣрѣ въ крѣпость задняго ума?

Трудно говорить о большевистской теоріи и большевистской практикѣ, потому что трудно найти примѣры такого безграничнаго и безстыднаго оппортунизма, какимъ себя и въ теоріи и въ практикѣ обезсмертила эта архиреволюціонная власть. Ни одна власть во имя своего сохраненія не шла на такое грубое поправаніе путемъ

дутыхъ и напыщенныхъ софизмовъ своихъ принциповъ, провозглашенныхъ и исповѣдуемыхъ или только провозглашенныхъ, какъ власть совѣтская. Тѣмъ болѣе не жертвовали такъ легко своими принципами партіи революціонныя — вѣрнѣе и шире — партіи, дѣйствовавшія въ революціи. Революція характерна именно этой негибкостью, заклятымъ упорствомъ, съ какимъ партіи, борющіяся за власть или ставшія у власти, отстаиваютъ свои принципы. Въ этомъ величіе революцій и ихъ трагическая мощь. Взошедшая на арену революціи, партія или еоціально-политическая группа хочетъ побѣдить, но она уже тѣмъ самымъ, что занеситъ ногу на подмостки Исторіи, готова умереть подъ стѣною вынесенныхъ ею знаменъ. Въ этомъ паѳосъ революціи. Но этого паѳоса нѣтъ у большевизма. Онъ занесъ ногу на историческіе подмостки, предварительно сдѣлавъ бухгалтерскій подсчетъ въ брошюрѣ Ленина, самое заглавіе которой убійственно безпринципно: «могутъ ли большевики удержаться у власти?» Вы понимаете въ чемъ вопросъ... Не въ томъ, могутъ ли большевики осуществить свою программу, а въ томъ, могутъ ли они удержаться у власти. И въ соответствии съ этимъ слѣдовали расчеты: 100.000 тысячъ николаевскихъ столоначальниковъ могли править Россіей — почему ею не сумѣютъ править 100.000 ленинскихъ столоначальниковъ? И въ соответствии съ этимъ тотъ же Ленинъ до переворота на съѣздѣ совѣтовъ лѣтомъ 17 года считалъ: надо арестовать 50 капиталистовъ, и тогда...

Большевизму чужда мысль о смерти въ томъ революціонномъ смыслѣ, какой я характеризовалъ выше. Вопросъ вѣдь идетъ о томъ, могутъ ли большевики удержаться у власти. Отвѣтъ психологически неизбѣженъ: могутъ. Стоитъ только безконечно измѣнять своимъ принципамъ и въ послѣдующей измѣнѣ измѣнять предыдущей. Это называется «передышкой», «временной уступкой», «диверсіей» — какъ угодно. Важно одно: могутъ ли большевики удержаться у власти...

Такъ не разсуждала никогда ни одна партія революціоннаго времени. Такъ не разсуждали ни якобинцы, ни жирондисты, ни роялисты, ни конвентъ, ни Директорія. Такъ не разсуждали ни

черная сотня, ні совѣты 1905 года. Тутъ жертвовали жизнью ради принципівъ, а не принципами ради жизни.

Только въ старыхъ наслѣдственныхъ монархіяхъ, прочно вросшихъ въ землю, можно еще найти въ психологіи правящихъ элементовъ эту непоколебимую увѣренность въ приоритетѣ существованія династіи надъ всѣми бурями и грозами соціально-политическаго потока жизни. Здѣсь увѣренность въ томъ, что все минетъ, одна династія останется, — служить психологической базой личнаго самоутвержденія царствующаго рода и его приближенныхъ. Но во-первыхъ эта психологическая база создается вѣками, во всякомъ случаѣ поколѣніями фактическаго пребыванія у власти, а во-вторыхъ процессъ здѣсь идетъ въ томъ направленіи, что короли и государи больше царствуютъ, чѣмъ управляютъ, и чѣмъ меньше они управляютъ, тѣмъ сильнѣе въ нихъ увѣренность въ томъ, что не придется встрѣтиться лицомъ къ лицу со смертью-матушкой.

Большевики — такіе молоденькіе и уже такіе «безсмертные». Сразу же заявили: меня не надо вѣшать, и уже ни за что не хотѣть умереть, готовые спустить всю свою принципиальную одежку, лишь бы имѣть возможность на вопросъ: «удержатся ли большевики у власти» отвѣтить взволнованно-трусливо; да, да, да.

Разматриваемый съ этой стороны, большевизмъ представляетъ мало интереса для научно объективнаго обобщенія и анализа его теоріи и его практики. Онъ слишкомъ для этого безпринципенъ, внутренне противорѣчивъ, неустойчивъ и, выражаясь біологическимъ терминомъ, мимикриченъ.

Большевизмъ это не соціально-политическая теорія и не соціально-политическая практика, большевизмъ — это только особый, глубоко оригинальный, послѣдовательно проводимый, глубокий продуманный образъ мысли, слова и дѣла, имѣющій цѣлью удержаніе у власти партіи, однажды эту власть захватившей.

Это положеніе можетъ показаться или парадоксомъ или трюизмомъ. Вѣдь всякая власть, коль скоро она пришла, не хочетъ уже уходить, считая самый фактъ своего бытія основой всеобщаго благополучія. Особенно это вѣрно для партій, пришедшихъ къ власти путемъ насилія. Самый актъ насилія, пролитая при этомъ кровь,

своя и чужая — въ особенности чужая — убѣждаетъ новыхъ владыкъ въ томъ, что къ ихъ пришествію ко власти сопричастенъ Божій Промыселъ. Эта религіозная окраска свойственна идеологіи даже самой атеистической и самой революціонной узурпаціи. Ея моральную основу можно выразить формулой: гдѣ ненависть — тамъ и Богъ, хотя бы Богъ фигурировалъ подъ псевдонимами Права, Разума, Соціальной справедливости и т. п. Въ этомъ отношеніи большевизмъ, конечно, нисколько не отличается отъ всякой иной узурпаціи и всякая диктатура партіи, класса, политической группы неизбѣжно впадетъ въ ту же религіозно-монархическую трясиину. Было бы однако грѣшно, установивъ это достаточно печальное для «пролетарской диктатуры» сходство ея со всѣми иными извѣстными видами диктатуры, не замѣчать наличности здѣсь и глубокаго принципиальнаго различія.

Диктаторъ, монархъ, узурпаторъ, пришедшій къ власти, обожествляетъ не только себя, но и свой принципъ, свою догму, свою социальную-политическую фанаберію, вообще свою «стать». И здѣсь повторяется тоже самое: чѣмъ обильнѣе путь къ власти полить кровью, уебѣянь злодѣянїями и подвигами, тѣмъ догматичнѣе, сакраментальнѣе становится эта «стать». Въ отстаиваніи ея, въ слѣпой политической мономаніи сказывается какъ бы инерція предварительнаго революціоннаго разбѣга. Съ воспаленными глазами побѣды, съ глубоко потрясеннымъ существомъ, сѣявшимъ смерть и смерть преодолѣвшимъ, нельзя, дорвавшись до цѣли, сразу же начать юлить направо и налево, измѣнять себя на каждомъ шагу, мѣнять политику, какъ перчатки, пробавляться мелкой хитредой мелкаго воринки. Партія, пришедшая въ эпоху революціи къ власти, похожа на стрѣлу, спущенную съ туго натянутой тетивы. Траекторія ея полета опредѣлена заранѣе факторами, не поддающимися уже измѣненію во время самого полета. Разъ она спущена — путь ея предопредѣленъ. Представить себя, что она, вслѣдствіе охватившей ее въ пути трусости, вильнетъ направо, вильнетъ налево — совершенно немислимо.

Но именно таковъ большевизмъ. 3 ½ года его владычества могутъ намъ казаться индивидуально невыносимо долгимъ срокомъ, но въ исторической перспективѣ, въ обстановкѣ безумно запутан-

ной сѣти сложнѣйшихъ проблемъ это срокъ слишкомъ ничтожный, чтобы партія, пришедшая къ власти, могла десятки разъ измѣнять провозглашеннымъ и исповѣдуемымъ ею положеніямъ и принципамъ. Всякая партія, пришедшая къ власти, въ особенности путемъ насилія, держится за нее съ чисто животной остервенѣlostью. Но это не только воля къ жизни — это и воля къ определенному ея смыслу, хотя бы и самому фантастическому. Партія революціи отстаиваютъ не только свою жизнь, но и тотъ смыслъ, какой онѣ въ нее вкладываютъ. Вспомнимъ только, съ какой заклѣтой силой отстаивали себя и свои «принципы» партіи французской революціи. Посылая другъ друга на эшафотъ, они считали свои принципы, иногда самаго отвлеченнаго свойства, чѣмъ-то такимъ, ничтожное, временное отступленіе отъ чего грозило мировой гибелью. Гильотина разрѣшала философскіе споры. И тамъ не знали «передышки», не знали компромиссовъ. Воистину они были безсмертными, преодолевъ смерть, какъ вразумляющее начало, какъ персть угрожающій. Большевизмъ весь во власти этой угрозы. И онѣ холодеетъ, расцѣливъ, весь погруженный въ бухгалтерію, преимущественно въ поддѣлку и подчистку роковыхъ итоговъ.

Вотъ почему величайшее политическое и психологическое заблужденіе кроется въ характеристикѣ большевизма, какъ явленія революціоннаго. Онѣ не революціонеръ не только потому, что онѣ контръ-революція, толкнувшая страну на путь экономическаго и политическаго регресса и вырожденія. Онѣ глубоко не революціонеръ, антиреволюціонеръ даже въ самомъ примитивномъ смыслѣ слова «революція», съ точки зрѣнія того комплекса волевыхъ, эмоциональныхъ и моральныхъ факторовъ, который и составляетъ всю красоту и трагическую мощь «варварской формы прогресса», какъ назвала революцію Жоресъ.

Большевизмъ — это только методъ сохраненія власти въ рукахъ... большевиковъ. Это оголенная форма узурпаціи, чистый ея видъ, не подчиненный никакимъ идеямъ, идеаламъ, принципамъ, кромѣ одной всепожирающей цѣли — *быть, жить*... Здѣсь его особая статья. Здѣсь онѣ безусловно оригиналенъ, смѣлъ, находчивъ, ловокъ, талантливъ. Здѣсь есть особая, тонко проводимая политика, изученіе и анализъ которой легче по моему и скорѣе

вводить въ самую душу большевизма, чѣмъ томительныя раскопки въ грудѣ наваленныхъ большевиками мыслей, словъ, теорій, мѣропріятій...

II.

Теорія относительнаго обнищанія.

Большевизмъ вышелъ изъ марксизма. Выйдя изъ него, т. е. покинувъ его почву, онъ на сапогахъ своихъ унесъ кой-какіе обрывки марксистской идеологіи, преимущественно тѣ ея элементы, гдѣ сильно сказывались бланкистскія тенденціи. Среди марксовскихъ идей была гениально использована, вѣрнѣе, гениально извращена идея объ относительномъ обнищаніи рабочаго класса. Въ самой простой формѣ мысль Маркса сводится къ слѣдующему:

Въ капиталистическомъ обществѣ положеніе пролетаріата непрерывно ухудшается. Среди массъ растущихъ, имъ же производимыхъ или вызванныхъ къ жизни богатствъ, его собственная доля становится все меньшей и меньшей. Пролетаріатъ постоянно нищаетъ, все болѣе отставая въ своемъ уровнѣ жизни отъ все повышающагося уровня другихъ классовъ. Чѣмъ большую массу продуктовъ онъ производитъ, тѣмъ меньшая ихъ доля ему достается. Прогрессъ капитализма съ этой стороны неизбѣжно связанъ съ регрессомъ рабочаго класса. Жизненный путь рабочаго класса въ сравненіи съ развитіемъ владѣющихъ классовъ можно изобразить примѣрно, какъ движеніе Ахиллеса и черепахи. Оба они движутся въ одномъ направленіи, но разсматривая систему этихъ двухъ членовъ съ точки зрѣнія черепахи, можно сказать, что съ каждымъ своимъ шагомъ впередъ черепаха все больше отстаетъ отъ Ахиллеса. Она никогда его не догонитъ, ибо разстояніе между ними не сокращается, а все болѣе увеличивается.

Здѣсь ударный моментъ характеристики заключается въ ея социальномъ-экономическомъ релятивизмѣ. Положеніе пролетаріата абсолютно не ухудшается. Наоборотъ абсолютно оно несомнѣнно, а иногда даже весьма серьезно улучшается. Рабочему живется теперь несомнѣнно лучше, чѣмъ 30, 40, 50 лѣтъ тому назадъ. Но это нисколько не вліяетъ на его субъективное отношеніе къ системѣ

капиталистического хозяйства и нисколько не способно притупить въ немъ остраго чувства протеста. На психику людей дѣйствуютъ сильнѣе всего не сопоставленія во времени, а сопоставленія въ пространствѣ. То, что итаетъ революціонный протестъ трудящихся массъ противъ капиталистической системы — это какъ разъ сопоставленія въ пространствѣ. Что съ того, что въ старину живали дѣды гораздо хуже своихъ сыновъ и внуковъ? На сыновъ и внуковъ дѣйствуетъ мощными социальными-психологическими толчками на каждомъ шагѣ бросающаяся нынѣ въ глаза колоссальная разница между уровнемъ ихъ жизни и уровнемъ жизни буржуазіи. Здѣсь источникъ классовой борьбы и революціонной непримиримости пролетаріата.

Теперь я прошу читателя мысленно перевернуть эту формулу относительнаго обнищанія. Мы получимъ формулу *относительнаго обогащенія рабочаго класса* и мы очутимся въ самомъ центрѣ большевистской тактики, мы найдемъ ключъ къ загадкѣ большевистскаго владычества надъ народными массами. Марксистско-большевизмъ создалъ теорію и, что гораздо интереснѣе и хуже, блестяще, послѣдовательно до мельчайшихъ психологическихъ деталей, развилъ практику относительнаго обогащенія рабочаго класса. Онъ провелъ ее въ жизнь въ геометрически идеальныхъ формахъ, въ безукоризненно, чтобы не сказать банально симметрическомъ противоположеніи къ теоріи относительнаго обнищанія. Попробуйте перевернуть всѣ члены марксистской формулы шиворотъ на выворотъ, и тогда вы вмѣсто одного итога: революція, классовая борьба, бунтъ, неумное, вѣчно саднящее чувство протеста — получите: примиреніе, покорность, рабство, социальную-политическую глухонѣмоту и часто даже положительно проявляемое удовлетвореніе бѣдныхъ, скудныхъ, обманутыхъ и жаждающихъ обмана душъ.

Да, рабочему живется въ Совдепіи хуже, неизмѣримо хуже, чѣмъ при капитализмѣ. Но что же? Ему зато гораздо легче и вольготнѣе жить, чѣмъ буржую. Вотъ этотъ буржуй валяется на улицѣ и, голодный, оборванный, смотритъ на васъ страдальческимъ взоромъ и беззвучно что-то шепчетъ. Вотъ этотъ пролетарій при винтовкѣ приказываетъ буржую убратъся и не портить вида улицы. Это ли не господствующее сословіе? Въ общественныхъ и социаль-

ныхъ отношеніяхъ могущественной силой вліянія обладаютъ не абсолюты, а относительности. Важно не то, что «хорошо» и «плохо» или «много» и «мало», а то, что «лучше» и «хуже» или «больше» и «меньше». И какъ въ капиталистическомъ обществѣ, несмотря на реальное улучшение положенія рабочаго класса, различіе жизненныхъ уровней питаетъ протестъ и социальную активность, такъ при «коммунистическомъ строе», несмотря на реальное ухудшеніе положенія рабочаго класса, обратное расположенное различіе жизненныхъ уровней должно питать чувства примиренія и социальной пассивности. Важно то ощущеніе, та видимая, осязаемая *жизне-разность*, то отрадное чувство *инобытія*, которыя дѣйствуютъ на людей вообще, а на примитивные умы и души въ особенности, сильнѣе абсолютной мѣры добра или зла.

Въ этомъ ключъ для уразумѣнія социального существа Совде-пії и ея господства надъ массами. Это царство социально-правовой привилегіи «рабочаго класса», понимаемаго, однако, не какъ производственная группа, а какъ группа имущественная въ смыслѣ «бѣднѣйшихъ». Это аристократія бѣднѣйшихъ, бывшихъ въ самомъ низу и ставшихъ на самомъ верху, хотя бы этотъ самый новый «верхъ» былъ ниже прежняго «низа».

Это «переворотъ» въ томъ элементарно-кинематографическомъ смыслѣ, какой иногда осуществляется въ «иллюзіонахъ» по окончаніи сильно потрясающей драмы, когда вещи начинаютъ на экранѣ падать вверхъ, камни вылетаютъ изъ воды и т.п. трюки поражаютъ зрѣніе и воображеніе зрителей. Совденія это такой грандіозный «Иллюзіонъ». Это режимъ социального угнетенія «навыворотъ», режимъ вверхъ дномъ. социальная пирамида, поставленная основаніемъ вверхъ и, нѣсколько усѣченной терроромъ для прочности, вершиной внизъ. Сохраняются все мерзости ея и несправедливости, но только въ обратномъ порядкѣ. Не буржуй угнетаетъ пролетарія, а пролетарій угнетаетъ буржуйа. «Ты лакей, а я баринъ»—кричитъ черное отечество. «Нѣтъ—отвѣчаетъ красное—я баринъ, а ты лакей!» И когда буржуазный баринъ пытается возразить, пролетарскій баринъ ставитъ его «к стенке» и тѣмъ дискусію исчерпана.

Въ своей работѣ о «социальной дифференціаціи» Зиммель приводитъ рассказъ о томъ, какъ во время парижскихъ баррикадъ 48

года одна носильщица угля, встрѣтивъ на улицѣ важно разодѣтую даму, крикнула ей радостно и злобно: «теперь всѣ равны — теперь ты будешь уголь таскать, а я въ шелковыхъ чулкахъ ходить!» Въ этой наивной, логически нелѣпой формулѣ бездна социально-психологическаго содержанія. Могучее инстинктивное тяготѣніе истомленныхъ въ рабствѣ душъ къ социальной справедливости и социальному равенству не находятъ иного выраженія кромѣ антистетической перестановки членовъ въ формулѣ неравенства, не догадываясь даже, что возможенъ знакъ равенства, при которомъ безразлично, какое мѣсто занимаетъ каждый членъ формулы. Нужно обязательно перемѣниться мѣстами: я буду въ шелковыхъ чулкахъ ходить, а ты — испачканная углемъ. А станетъ тѣмъ и тамъ, чѣмъ и гдѣ было В. Только тогда и для А и для В — въ одномъ случаѣ радостно, въ другомъ горестно — станетъ морально и социально ощутительнымъ фактъ «переворота». Этого не можетъ быть въ томъ случаѣ, если А и В очутятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одномъ и томъ же положеніи. Ибо въ равенствѣ нѣтъ необходимаго искупленія прежнихъ мукъ и прежняго рабства. Шелковые чулки обладаютъ и для А и для В огромной цѣнностью социальной символики только потому и только въ той мѣрѣ, въ какой существуютъ угольщицы, обтрепанныя и грязныя, можетъ быть безъ всякихъ чулокъ и всякой обуви. Въ этомъ значительная часть потребительской стоимости шелковыхъ чулокъ. Ибо они больше социально-эстетическій символъ, чѣмъ вещь въ себѣ. На этомъ вообще построена психологія роскоши, богатства и бѣдности тоже.

Вотъ эту психологію не столько можетъ быть поняли, сколько инстинктивно, въ стремленія сохранить власть, использовали большевики. Угольщица 48 года — вотъ прообразъ ихъ социальной политики. Пролетаріатъ, вообще «бѣдные люди» умственного и нравственнаго уровня этой угольщицы — вотъ та сила, та масса (а она въ Россіи несмѣтна), которой овладѣли и на которую оперлись большевики.

Въ этомъ смыслѣ большевистское правительство можно называть правительствомъ рабочихъ. Большевистское правительство имѣло право называть себя такъ, но однако не потому, что оно отстаивало классовые интересы пролетаріата, развертывая и осущес-

ствляя идеи и идеалы «4-го сословія», а единственно потому, что оно угождало рабочимъ, ихъ прежде всего и больше всего мазало по губамъ, ихъ развращало и ублажало цѣною разоренія всей Россіи, разрушенія и засоренія всѣхъ источниковъ благосостоянія всѣхъ классовъ и группъ въ томъ числѣ (и объективно прежде всего) самого пролетаріата. Большевики хотѣли и стали рабочимъ правительствомъ потому, что то, чѣмъ сталъ рабочий классъ и что осталось отъ него въ результатъ войны и ко времени переворота, оказалось социальной тканью, вполне подходящей для тѣхъ демагогическихъ узоровъ, какіе стали на ней расшивать большевистскіе заправилы.

Когда-нибудь нужно будетъ написать предреволюціонную исторію русскаго рабочаго класса. Это будетъ мрачной, потрясающей трагичности страница изъ исторіи русской культуры вообще. Но здѣсь необходимо только было указать, что октябрьскій переворотъ засталъ совсѣмъ не тотъ социальный объектъ, который служить обычнымъ матеріаломъ въ исторіи русскаго рабочаго движенія. Это были массы, безумно истощенныя матеріально, физически и нравственно, истощенныя эпохой военно-промышленной гонки. Въ рыхлую, нестойкую среду ворвалась бѣшеная индустриальная горячка съ ея военно-террористической хваткой, съ карательной санкціей въ видѣ «передовыхъ позицій», а главное съ вовлеченіемъ въ индустриальное некло огромныхъ толпъ мѣщанства, деревенщины, толкаемыхъ разореніемъ и боязнью мобилизаціи прямо въ пасть индустриальнаго молоха, который потрясъ этихъ людей до самыхъ основъ ихъ душевнаго и умственнаго строя. И все это въ обстановкѣ военной и спекулятивной вакханаліи, ничѣмъ не ограниченнаго господства идея грубой силы, въ атмосферѣ готентотской морали, столь характерной для военныхъ эпохъ. Взабаламученное море социальныхъ отбросовъ, классовая окрошка и мѣшанина, большое въ сущности поколѣніе, страдающее припадками психическихъ эпидемій (вспомнимъ знаменитыя массовыя «отравленія» въ Петербургѣ) — вотъ тотъ «рабочій классъ», который послужилъ большевикамъ матеріаломъ для построенія своего царства и для котораго «соціализмъ» и «равенство» угольщицы 48 года, теорія и практика «относительнаго обогащенія» — являлись совершенно адекватными выраженіями его

глухой, темной и метильной тяги къ соціально-правовому инобытію.

Большевизмъ это далъ и это опредѣлило его успѣхъ, силу его вліянія на массы.

III.

Какъ это дѣлается.

Разсматривая конкретно тѣ мѣры, какія осуществлялись большевиками въ цѣляхъ укрѣпленія своей власти, поражаешься тому разнообразію приѣмовъ и той гибкости, съ какими они играли до сихъ поръ на вышехарактеризованной соціальной психологій массъ. Чтобы ближе подойти къ принципамъ этой игры, мы сначала остановимся на одномъ примѣрѣ, слишкомъ можетъ быть экзотическомъ, чтобы быть показательнымъ и однако чрезвычайно ярко освѣщающемъ самую суть дѣла.

Еще до революціи для нуждъ мобилизованной промышленности были законтрактованы большія массы китайцевъ. Когда военная промышленность прекратилась, положеніе этихъ китайцевъ стало ужаснымъ. Газеты были полны описаній ихъ невѣроятной нищеты и грязи. Населеніе относилось къ нимъ отвратительно. Ихъ дразнили на улицахъ мальчишки, надъ «ходей» издѣвались всеѣ. А «ходи», несчастные и оборванные, рылись въ помойныхъ ямахъ и сорныхъ ящикахъ, уже только здѣсь способные добывать себѣ пищу. Продовольственный кризисъ тогда еще не такъ свирѣпствовалъ, чтобы собаки, кошки и... китайцы ничего бы не могли здѣсь найти съѣдобнаго.

На этого то «ходу» и обратилъ вниманіе большевистскій штабъ. И вотъ «ходи» — обмытые, чистенькіе, хорошо одѣтые, откормленные. «Ходя» красноармеецъ, при немъ винтовка, «ходя» состоитъ въ гвардіи его величества, «ходя» разстрѣливаетъ буржуевъ, «ходя» уже не презрѣнный парія, а аристократъ, «ходу» ужъ никто не посмѣетъ обидѣть, ибо «ходя» нынче коммунистъ и рѣжетъ онъ буржуя исправно. Понятно, что «ходя» счастливъ... «ходя» какъ собака преданъ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республикѣ, и самъ Троцкій пишетъ въ сво-

нихъ приказахъ благодарность «ходѣ», показавшему чудеса храбрости на чехо-словацкомъ фронтѣ... Изъ грязи въ князи—эта буквально осуществившаяся метаморфоза—несмотря на всю экзотичность объекта, выявляетъ нѣкоторыя основныя линіи притяженія къ большевизму и всей широкой массы «бѣднѣйшихъ». Важенъ вѣдь самый принципъ—«изъ грязи въ князи», а не его реальная форма.

И даже не его матеріальное содержаніе. Въ этомъ убѣждаетъ насъ продовольственная демагогія большевизма. Здѣсь сознательная игра на потребности общественно-примитивнаго сознанія чувствовать себя въ атмосферѣ, утоляющей боль прежнихъ обидъ, привилегій ведется особенно толко. Продовольственный кризисъ скоро послѣ прихода большевиковъ достигъ такой остроты, что и 1-ая пролетарская категорія часто не получала ни крошечки той гадости, которая на сѣверѣ именуется пайковымъ хлѣбомъ. Но вѣдь буржуй получалъ еще меньше, онъ совсѣмъ ничего не получалъ. Продовольственная привилегія рабочаго сплошь и рядомъ являлась чистѣйшей иллюзіей съ точки зрѣнія ея матеріальнаго содержанія. Этихъ осточертѣвшихъ въ продовольственной словесности «калорій» рабочій получалъ мизерно мало. Питаясь полагающимися отъ казны калоріями, рабочій несомнѣнно скоро умеръ бы отъ голода. Но если это случится примѣрно черезъ 10 дней, то буржую по его 3-ей или 4-ой категоріи полагалось умереть еще 10 дней тому назадъ. Соціализмъ кормить прежде всего пролетаріатъ, а буржую, какъ говорилъ Зиновьевъ, достаточно только «запахъ хлѣба». Если однако дѣло дойдетъ до того, что и рабочему достанется только «запахъ хлѣба», то буржуазія будетъ лишена и запаха. И когда рабочій читаетъ въ продовольственномъ приказѣ, что сегодня по 1-ой категоріи будетъ выдаваться четверть фунта хлопкожара, то печальное отсутствіе чего-либо такого, что можно на этомъ хлопкожарѣ жарить, вполне нейтрализуется тѣмъ фактомъ, что, какъ сказано въ приказѣ. «по 4-ой категоріи выдачи не будетъ».

Здѣсь мы входимъ въ чистую область «права». Рабочій имѣетъ «право» на лучшую и большую часть достоянія Р.С.Ф.С.Р. Что я говорю! — онъ имѣетъ право на все достояніе Р.С.Ф.С.Р..худшую и меньшую часть котораго онъ добровольно уступаетъ другимъ

класамъ, которые вѣдь скоро совсѣмъ исчезнутъ. Реальное, матеріальное содержаніе этого права можетъ быть равно нулю — его соціальная символика все же остается могуче воздѣйствующимъ на психику факторомъ. Только на почвѣ права возможно то долготерпѣніе, какое насъ такъ поражаетъ въ Россіи. Только на почвѣ «права» и адаптаціонно-демагогическаго вколачиванія въ умы идеи избранности и привилегированности бѣднѣйшихъ возможенъ тотъ реальный разгулъ безправія, какой осуществляютъ большевики.

Въ области этихъ же иллюзорно-правовыхъ идей вращается наряду съ продовольственной и жилищная политика Совдепіи. Здѣсь она насъ интересуєтъ не по существу своему, а какъ разъ съ той точки зрѣнія соціальныхъ иллюзій, въ питаніи коихъ броетъ истинное призваніе и истинный талантъ большевистскаго режима. И здѣсь нѣтъ или почти нѣтъ никакой реальности. И здѣсь надъ содержаніемъ права превалируетъ соціальный иллюзіонизмъ его символика. Таковы издававшіеся разновременно декреты о переселеніи рабочихъ въ буржуазныя квартиры и буржуазныя кварталы. Въ Петербургѣ такой декретъ былъ изданъ уже тогда, когда городъ страшно опустѣлъ, свободныхъ квартиръ и помѣщеній было сколько угодно и большинство домовъ было націонализировано. Рабочій при желаніи могъ переѣхать въ любой кварталъ и любую квартиру безъ всякаго декрета. Однако всюду опыты вселенія кончались самымъ жалкимъ фіаско, да и рѣдко гдѣ они проводились въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ. Хотя буржуй и дрожалъ и былъ прищемленъ, но и пролетарію было неудобно и неуютно болтаться въ непривычной обстановкѣ. Но какъ средство «сдѣлать чухотку» буржую, какъ питательный матеріалъ для чувства соціальной привилегіи, какъ возышающее сознаніе «право», декреты о вселеніи явились не плохой выдумкой. Въ дальнѣйшемъ начали переселять изъ буржуазныхъ квартиръ въ пролетарскія буржуйную мебель, хватать столы, шкафы и буфеты. Это все было архинелѣпо практически, пахло все это банальнымъ соціальнымъ озорствомъ, но вѣдь все это подчеркивало право пролетаріата на все лучшее и пріятное, что только существуетъ въ мірѣ, на шелковые чулки, все это питало иллюзію привилегированности и выходило такъ, что каждый пролетарій «въ идеѣ» можетъ

стать буржуемъ, жить въ буржуазной квартирѣ и сидѣть въ буржуазныхъ креслахъ.

Эта развращающая политика не щадитъ и дѣтей. Всякаго рода учреждения по призрѣнію дѣтей впахиваютъ въ роскошные дворцы, особняки, ни въ какой мѣрѣ не приспособленные ни съ точки зрѣнія педагогической, ни съ точки зрѣнія школьной гигиены для такого рода учреждений, но социальна-психологическій эффектъ получается надлежащій: дѣти пролетаріевъ въ дворцахъ, дворцы пролетаріату, самое лучшее на свѣтѣ пролетаріату. И дѣти вѣдь знаютъ, что придется «клясноармеецъ» и забрать всю эту мишуру у буржуазнаго дяди.

Конечно, какъ ни сладка иллюзія, какъ ни заманчиво «право», массамъ нужно реальное опущеніе ивобытія, нужно непосредственное воспріятіе новыхъ условій жизни. Этого большевизмъ дать не можетъ. Но онъ можетъ, онъ намовчился давать массамъ хмельные суррогаты трезвыхъ прозаическихъ благъ. Большевизмъ въ стремленіи къ самосохраненію инстинктивно учузалъ большую социальна психологическую правду въ этомъ старомъ римскомъ крикѣ: хлѣба и зрѣлищъ! Не можетъ ли вторая часть этой формулы служить эквивалентомъ первой, или на худой конецъ придуть ея императивный характеръ? Зрѣлищный дурманъ—не въ состояніи ли онъ отвлечь душу отъ реальныхъ невзгодъ жизни? Большевики отвѣтили на этотъ вопросъ положительно, и въ Россіи заплясала, закружилась вакханалія карнавальнаго коммунизма. Зрѣлищъ, побольше зрѣлищъ! Жалкая, голодная и жадная толпа артистовъ, музыкантовъ, художниковъ, поэтовъ, отъ малыхъ до великихъ стали необходимѣйшей наиболѣе значительной частью демагогическаго инструментарія большевизма. Столько зрѣлищъ, столько артистическаго шума, треска и трезвона, сколько большевизмъ задаетъ своимъ подданнымъ, не далъ бы имъ ни одинъ режимъ. Не въ томъ дѣло, что все это славить и воспѣваетъ совѣтскую власть. Важно другое—важно то, что система социальной иллюзіи объективно, внѣ угодищающихъ лакеевъ искусства, поддерживается и укрѣпляется иллюзіями эстетическими. Важно то, что въ изсохшія въ неволѣ былыхъ дней души впитываются радостныя струи новыхъ эффектовъ и новыхъ наслажденій. Пройдитесь ночью мимо какого-нибудь государственнаго «иллюзіона», приглядитесь по-

ближе къ этой толпѣ бывахъ модистокъ и горничныхъ, мальчинокъ 14-17 лѣтъ, красноармейцевъ, кавалерственно-молодцеватыхъ матросовъ, френчевито-франтовигыхъ коммунистиковъ, «интелигентныхъ» ротныхъ писарей и приказчиковъ... Въ этой толпѣ подчасъ слишкомъ много альфонсовъ, проститутокъ, профессиональныхъ преступниковъ и наслѣдственныхъ негодяевъ. Но не поддавайтесь чувству отвращенія. Вся эта толпа во власти сладкой иллюзіи инобытія, вся она чувствуетъ, что «все это — наше», перенесенная въ новый міръ, гдѣ я все, а моя барыня — дрянь, ничто. Взгляните объективно въ эту толпу, и вы поймете почему она иногда съ нѣкоторой лихостью поетъ:

всѣ мы на бой поидеѣмъ
за власть советовъ
всѣ какъ одинъ прольеѣмъ
мы кровь кадетовъ.

Нѣтъ ни одного советскаго мѣропріятія, которое или по своему содержанию или по формѣ или наконецъ по прозивному дождю устныхъ и письменныхъ къ нему комментариевъ не было бы связано съ упроченіемъ въ сознаніи массъ ихъ избранности, ихъ бѣлой кости, ихъ соціально-политической привилегированности. Даже такая аполитическая мѣра, какъ новая орфографія, была въ свое время подана, какъ орфографія классовая. Буквы «ѣ» и «і» стали воплощеніемъ буржуазнаго зла. Заклеенныя бумагой на всѣхъ советскихъ машинкахъ клавиши буржуазныхъ буквъ свидѣтельствовали о побѣдѣ немущихъ надъ имущими, немущихъ «ѣ» надъ имущими «і». Писать «ѣ» въ советской республикѣ стало также опасно, какъ при самодержавіи писать «его величество» маленькими буквами. Орфографическая безпомощность массъ стала приобрѣтать характеръ орфографической привилегіи. Разумная по существу мѣра превратилась въ дурацко-ревнивую, ухарскую демагогію. «Никакихъ гвоздѣвъ!» Пролетаріатъ, уничтожая проклятую буржуазію, уничтожаетъ ее вмѣстѣ съ проклятой буквой. А ну ка, извернитесь и напишите, не задумываясь, по коммунистически: «расстрелять» и «к стенке»...

Этихъ мелочей советской демагогіи, имѣющей цѣлю внушить массамъ иллюзію соціальной привилегированности, можно было

бы собрать безчисленное множество. Въ массѣ своей они дѣйствуютъ въ желательномъ направленіи иногда болѣе интенсивно, чѣмъ крупныя явленія того же типа. Мелкая повседневная лесть, повседневная демагогическая щекотка, дѣланное, іезуитско-смирненное преклоненіе владыкъ передъ ихъ рабами, омерзительныя поглаживанія по пролетарскому плечу — вся эта тошнотворная смѣсь социальнаго озорства, лисьей элэгичности и волчьей хватки совершенно оглушаетъ сладкимъ дурманомъ скорбныя умы и души людей, жаждущихъ утѣшительныхъ обмановъ, возвышающихъ иллюзіи въ темнотѣ, холодѣ и голодѣ своей бѣдной, безобразной, обобранной и исковерканной жизни.

IV.

Кому принадлежитъ власть?

Этимъ бѣднымъ, духовно нищимъ людямъ, всю жизнь страдающимъ подъ гнетомъ чуждой имъ по социальному происхожденію власти, большевизмъ даетъ реальное, грубое, но сильное ощущеніе собственной власти. Въ полемиической литературѣ противъ большевиковъ принято утверждать, что у массъ никакой власти нѣтъ, что вся власть сосредоточена въ рукахъ совѣтской бюрократіи, давно оторвавшейся социалью и психологически отъ народныхъ массъ. Въ этомъ утвержденіи много правды, но не вся правда. И отсутствуетъ какъ разъ та часть ея, которая имѣетъ наибольшее значеніе въ вопросѣ о томъ, почему большевики все еще владѣютъ Россіей вопреки всему безумію и экономической парадоксальности ихъ владычества. Намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, потому что въ немъ таится одинъ изъ важнѣйшихъ узловъ россійской драмы.

Власть — это комбинація силы и насилія. Эти два элемента власти находятся другъ отъ друга въ обратно пропорціональной зависимости. Чѣмъ власть сильнѣе, т. е. чѣмъ методы и принципы этой власти болѣе соответствуютъ экономическимъ, культурнымъ и граждански-правовымъ условіямъ данной страны, тѣмъ меньшую роль въ государственной жизни играетъ насиліе. Граждане выполняютъ свои обязанности и осуществляютъ свои права на

під впливом індивідуально об'єднаного на них насильства, а під рівномірно испытуваним, незамітним, як тиск атмосфери, об'єктивно проявляючимся тиском сили держави. Якщо цього відповідності немає, то господствующим елементом влади стає насильство. В державах останнього зразка як в свідомості правителів, так і в свідомості громадян насильство майже або повністю зливається з силою і в свою чергу саме поняття влади легко переходить або зливається з поняттям насильства. Не треба доводити, що Складення являє собою яскравий приклад держави другого типу. Тому питання про те, хто користується владою, хто править — в свідомості громадян легко переміщується в питання про те, хто користується, хто має право на насильство. Той, хто відчуває в собі це право, той, хто віддає йому солодкий яд насильства над собою подібним — той буде вважати себе причетним до влади. В особливості, якщо щодня на кожному кроці його будуть увільняти в цьому, його будуть провокувати на проявлення «влади» вищі ієрархії деспотичного режиму. При цьому для повноти ілюзії маси про належність їм влади вимагається, щоб між ними і правлячою елітою не було жодних словесних перегородок, щоб мієр і губернатор були виокремлені з одного і того-ж тіла і щоб, хоча-б формально, мієр міг стати губернатором.

Всі ці умови мають на увазі в Складенні. Є режим, де універсальною, майже виключною формою влади є насильство, є свідоме поощрення насильства, здійснюваного масами, як проявлення їх преданості «революції» і «соціалізму», є проводима органами державного управління система мієр, які мають спеціальну пільгу організації масового насильства, і є, нарешті, єдинство соціально-культурної середовища, в якій однаково як елементи, організуючі насильство, так і елементи, безпосередньо його здійснюють. І тому на питання про те, чи належить їм «б'єдінним» влада, треба відповісти утвердительно. Так, влада, опираючись на насильство, не знаючи майже інших форм свого проявлення, крім насильства, — така влада належить масам. Насильничать вони можуть і можуть безкарно, будучи за це підстримувані і за це

поощряемы. *Такую власть* массы имѣютъ, а другой почти нѣтъ въ коммунистическомъ государствѣ россійскомъ.

Конечно, для того, чтобы интенсивно ощущать такую власть, долженъ быть объектъ насилія. Долженъ быть тотъ «турка», на головѣ котораго на народныхъ гуляньяхъ можно за 5 коп. выявить свою «силу». Такой «турка» есть. Это буржуазія, бѣлогвардейцы, вообще враги пролетариата. На коммунистическомъ туланы за пробу силы надъ этимъ туркой ничего не взимаютъ, а даже кое-что приплачиваютъ. При самодержавіи тоже былъ такой «турка». Это были «жиды». То человѣческое отребье, которое собиралось вокругъ черной сотни, несомнѣнно, чувствовало себя причастнымъ къ власти именно потому, что оно почувствовало «государственность» своихъ насилій надъ официально низведеннымъ до «турки» еврейскимъ народомъ. Это сознание своей власти давало черной сотнѣ и союзу русскаго народа такую государственную прыть, что порою даже высшіе сановники имперіи считали себя терроризованными этой «народной властью», и Столыпину пришлось не мало энергіи затратить, чтобы нѣсколько сдержать ея стихійный напоръ. Самодержавіе Романовыхъ себя спасало, отдавши толпѣ какъ-бы въ аренду насиліе надъ евреями. Самодержавіе коммунистовъ себя спасало, отдавши почти въ полное распоряженіе трудящихся насиліе надъ коммунистическимъ «туркой» — буржуазіей. Но коммунистическое самодержавіе къ лучшимъ условіямъ и болѣе талантливо: сословная граница проведена не между толпою и высшими сановниками, а между ними вмѣстѣ съ одной стороны и «буржуазіей» съ другой. Это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ укрѣпленія иллюзии о власти, принадлежащей пролетариату. Притомъ тутъ огромную роль играютъ нѣкоторыя другія черты совѣтской системы.

Это прежде всего неслыханно огромный, поглощающій миллионы людей, бюрократическій механизмъ. Привычное, особенно намъ русскимъ, противопоставленіе: общество и бюрократія, здѣсь въ Совдеціи теряетъ всякій смыслъ, потому что нѣтъ общества, а есть только бюрократія. Всѣ виды націонализаціи, социализаціи, — это прежде всего бюрократизація соответствующихъ отраслей жизни. Объ этомъ слишкомъ много писалось уже и говорилось. Но вѣдь здѣсь имѣется побочное слѣдствіе, специально насъ интере-

сующее. «Трудящиеся» становятся совричастными власти уже и формально, въ качествѣ прямыхъ агентовъ государства. И, если это поприще открываетъ имъ возможности дикаго произвола, взяточничества, прямой расправы съ «туркой», если «трудящимся» по умственной или культурной убогости, а иногда и вследствие простой безграмотности предоставляются сплошь и рядомъ наиболѣе «принципіальныя» должности политкомовъ, надзирателей за «духомъ» бывшихъ саботажниковъ интеллигентовъ, должности членовъ коллегіи безъ дѣлового портфеля, то нужно-ли болѣе разительное доказательство того, что «въ совѣтскомъ строѣ власть принадлежитъ трудящимся»?

Совѣтское правительство грубо, топорно и мерзко поощряетъ психологію унтера Пришибеева. Представьте себѣ, что унтеръ Пришибеевъ поступилъ на государственную службу. Вѣдь тутъ его реальной власти, а главное его иллюзіи о роли и содержаніи своей власти предѣла не будетъ. При самодержавіи унтера Пришибеева за безобразія все-таки засудили. При коммунизмѣ наврядъ-ли даже возможенъ случай, чтобы его судили, а если его за совершенно исключительныя уже художества стануть судить, то въ приговорѣ будетъ между прочимъ сказано: «.... но, принимая во вниманіе пролетарское происхожденіе тов. Пришибеева, отъ наказанія его освободить».

Такихъ мотивировокъ въ совѣтскихъ судебныхъ приговорахъ вы можете найти сколько угодно и легко себѣ представить все ихъ растлевающее значеніе, все ихъ вліяніе въ дѣлѣ образованія аристократическаго сознанія новопризнанныхъ носителей власти — насилія. «Трудящиеся у власти», потому что они при аппаратѣ насилія, «трудящиеся у власти», потому что огромная ихъ масса — чиновники самыхъ зубастыхъ и мерзкихъ отраслей управления, «трудящиеся у власти», потому что только людямъ господствующаго, властвующаго сословія прощается то, что другихъ приводить «къ стенке» или въ «концлагерь». И, наконецъ, «трудящиеся у власти», потому что они при... винтовкѣ!

Людьми, не бывавшимъ въ Совдеціи, или давно ее покинувшимъ, трудно себѣ представить до какой степени обладаніе винтовкой поддерживаетъ въ Совдеціи ощущеніе обладанія «властью». Когда-то винтовка имѣла строго опредѣленное и строго-же

ограниченное назначеніе. Атмосфера гражданской войны съ одной стороны и гайдамацки-коммунистической милитаризмъ съ другой—придали факту обладанія, законнаго обладанія винтовкой совсѣмъ иной смыслъ. Винтовка потеряла свое прежнее, строго ограниченное значеніе. Она въ сознаніи ея обладателя огромной мощности символъ власти. Въ своей работѣ: «Терроризмъ и коммунизмъ» К. Каутскій достаточно выяснилъ эту морально ужасающую силу оружія, порожденную войной.

Въ Совденіи даже въ самые спокойные періоды, въ темную ночь вы слышите близкую или отдаленную пальбу. Не тревожьте кровавыми призраками свое измученное воображеніе. Не думайте, что это обязательно кого-нибудь разстрѣливаютъ или пристрѣливаютъ. Думайте лучше о томъ, что это нѣкто, держащій революціонный шагъ, легкимъ прикосновеніемъ къ собачкѣ заставляетъ безкорыстно звучать музыку своей власти. Это звучитъ золова арфа пролетарской власти...

«Не бойтесь человѣка съ ружьемъ» — говорилъ Ленинъ еще въ 1918 г. Это было циничной бравадой и ложью притомъ. Потому, что въ этомъ все дѣло: надо бояться человѣка съ ружьемъ. Потому что коммунизму нуженъ именно такой человѣкъ съ ружьемъ, которого-бы боялись. Это нужно не столько для смиренія пугающихся, сколько для гордыни пугающаго. Я власть, я сила — потому что меня бояться... Вся государственная машина — собачка. Тронешь и... пифъ, пафъ! И человѣкъ, которому вручена собачка, преисполняется гордымъ сознаніемъ. Онъ при собачкѣ — онъ при власти.

Въ Совденіи это такъ. До омерзительной ясности такъ. И шальная днемъ и ночью пальба—того-же символическаго характера и значенія. Я помню, какъ въ одномъ крупномъ южномъ городѣ послѣ прихода большевиковъ выдали для внутренней охраны оружіе право-меньшевистской, ярко «контръ-революціонной» организаціи. Я наблюдалъ радостно-удовлетворенный видъ этихъ контръ-революціонеровъ и произвольное линяніе ихъ антибольшевистскихъ чувствъ. Даже эти стали соучастниками власти, хлебнули сладкой отравы и почувствовали себя «строителями жизни».

Кажется патроновъ имъ не выдали. Скоро забрали и винтовки.

Стало скучно. Оппозиционные чувства контр-революционеро́въ воскресли вновь съ прежней силой. Власть осталась у тѣхъ, у кого остались винтовки...

Когда говорятъ о томъ, что совѣтская власть совершенно оторвалась отъ народа, то надо думать и о томъ, что оторвалась она какъ клещъ... Вырваны изъ народнаго тѣла клочья безформеннаго мяса, вырваны клочья истерзанной народной души. Оторвавшись она оставила въ немъ свои разрушительные яды, вызывая цѣлый рядъ острыхъ воспалительныхъ процессовъ.

Объ этомъ дальше.

V.

Развѣнчаніе труда.

Согласно официальному краснорѣчію, совѣтская республика — это «республика трудящихся». Труду — почетъ и мѣсто. Труду — «вся власть». Такъ пишутъ и говорятъ, безконечно много пишутъ и говорятъ представители совѣтскаго режима. Между тѣмъ совѣтскій режимъ въ дѣйствительности весь проникнутъ не волей къ труду, а волей отъ труда. Въ этомъ его притягательная сила для массъ.

Было-бы глубокой ошибкой разсматривать это явленіе съ точки зрѣнія вульгарной лѣви или бездѣлья. Нѣтъ — здѣсь таится глубокая драма русскаго народа, которую въ цѣляхъ удержанія у власти только хорошо использовали большевики.

Октябрьская революція была, если хотите, *революціей усталости*. То огромное физическое и моральное перенапряженіе русскихъ трудящихся массъ, о которомъ я писалъ выше, требовало властно отдыха. Наблюдатели западно-европейской жизни констатировали эти черты глубокой усталости даже въ странахъ высокой индустріальной культуры, гдѣ интенсивность труда всегда была неизмѣримо выше, чѣмъ въ Россіи. Тамъ мы имѣли пролетаріатъ, поколѣніями приспосабливавшійся физически и духовно къ интенсивному темпу и ритму высоко развитой индустріальной культуры. При томъ самый составъ пролетарскаго класса былъ болѣе стойкимъ, болѣе постояннымъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ процессъ

образованія центрального ядра рабочаго класса только начался, гдѣ количественный ростъ рабочаго класса совершался меньше всего за счетъ города, а больше всего за счетъ деревни, гдѣ самая граница между индустріей и земледѣліемъ была крайне неопредѣленной. и гдѣ процессъ соціальной конденсаціи пролетаріата еле послѣдовалъ за процессомъ его стихійнаго разжиженія. Война придавала этому процессу разжиженія рабочаго класса Россіи огромные размѣры. Въ лихорадочную, а по російскимъ условіямъ и каторжную атмосферу военной промышленности были втянуты безформенныя толпы людей, совершенно далекихъ отъ трудового темпа и трудового ритма современной индустріи. И, если роковыя черты усталости, наденія воли къ труду стали констатировать въ странахъ высокой общей и индустріальной культуры, гдѣ пролетаріатъ и лучше питался и былъ менѣе закабаленъ, чѣмъ въ Россіи, то легко понять до какихъ трагическихъ размѣровъ должна была дойти эта усталость въ Россіи. Какимъ-бы ни были причины октябрьской революціи, она во всякомъ случаѣ разыгралась на этой почвѣ, въ этой соціально-психологической атмосферѣ. Въ дальнѣйшихъ событіяхъ это обстоятельство сыграло роковую роль. Во всякомъ случаѣ оно стало исходной точкой воздѣйствія большевизма на массы и орудіемъ укрѣпленія ихъ власти. Въ какомъ-же направленіи шла эта работа?

Нѣсколько фактовъ выясняютъ намъ методъ соціального внушенія большевизма въ этой области. Когда въ Петербургѣ свирѣпствовала холерная эпидемія, на уборку гнившихъ на кладбищахъ труновъ и рытье могилъ посылались подъ командой рабочихъ, снабженныхъ винтовками, партіи «буржуевъ». Работы по очисткѣ улицъ велись такимъ-же образомъ. Въ Одессѣ на людныхъ улицахъ устраивались грандіозныя облавы, во время которыхъ ловили лучше одѣтыхъ барышень и дамъ и отправляли ихъ мыть и чистить казармы и конюшни. Это были партизанскія т. с. выступленія. Затѣмъ ввели трудовую повинность. На всякаго рода землекопныя, грязныя и черныя работы посылались буржуи. Производительность ихъ труда и качество исполняемой работы стояли, конечно, ниже всякаго уровня. Это было чистѣйшимъ надругательствомъ надъ идеологіей труда, надъ его святостью, благостью и,

главное, надъ его производственнымъ смысломъ. Люди ковыряли лопатой и киркой и каждое ихъ движеніе, вся картина въ цѣломъ являлась глубокимъ издѣвательствомъ надъ основнымъ началомъ человѣческаго бытія — трудомъ. Авторъ этихъ строкъ принялъ участіе въ болѣе или менѣе «вольномъ» извращеніи идеи труда — въ коммунистическомъ субботникѣ, куда было согнано до 5000 чел. совѣтскихъ служащихъ. Эти 5000 человекъ — интеллигентовъ, «совбуровъ», пристроившихся на службѣ мелкихъ спекулянтовъ, барышень на высокихъ каблучкахъ и съ напояженными губами продѣлали до мѣста работы и обратно пѣшкомъ 25 верстъ въ страшную жару, испортили на нѣсколько сотъ тысячъ рублей обуви и платья, прогуляли приблизительно на 1 миллионъ рублей совѣтскаго однодневнаго жалованья, т. е. въ этотъ день въ канцеляріяхъ ужъ не работали, получили около 3000 хлѣбовъ бесплатно, пѣли пѣсни, испортили много инструментовъ и наработали — выбрали столько земли, сколько шутя, по словамъ сопровождавшаго насъ инженера, выберутъ за нѣсколько часовъ... 300 человекъ рабочихъ. Т. е. производительность каждаго изъ насъ составляла менѣе 6 о/о минимальной производительности средняго рабочаго при издержкахъ производства во много разъ превышавшихъ нормальныя издержки нормальнаго, а не кощунственно-карикатурнаго трудового процесса.

Въ это время всюду на биржахъ труда регистрируютъ десятки тысячъ безработныхъ, для которыхъ нѣтъ работы и которыхъ нѣтъ для работы, потому что это всеобщее явленіе: безработные не идутъ на указываемыя биржей мѣста или быстро ихъ покидаютъ, ибо биржи труда очень скоро превратились въ мѣсто регистраціи и явки безработной аристократіи, для которой совѣтскій режимъ разрѣшилъ окончательно и безповоротно основній вопросъ: кто долженъ уголь таскать... Безработные предпочитали получать грошевыя выдачи деньгами и бесплатныя обѣды въ общественныхъ столовыхъ, чѣмъ идти на указываемыя биржей работы.

Насъ здѣсь интересуетъ не экономическая сторона этого явленія, а его идеологическое и психологическое значеніе. Трудъ повседневный, систематическій, въ особенности работа

сколько-нибудь физически тяжелая или неприятная рѣдко противорѣчитъ воспитываемому и подогреваемому большевизмомъ чувству социальной привилегированности. На почвѣ универсальной усталости, о которой мы говорили выше, унавоженной демагогической проповѣдью социальной избранности пролетаріата и примитивной мести шелковымъ чулкамъ, рушится трудовая инерція, трудовая психика все большихъ массъ рабочихъ. Право на трудъ и обязанность труда дѣлаются социально-психологическими бессмыслицами въ обстановкѣ искусно подогреваемого босяцкаго аристократизма. Ихъ замѣняетъ «право на лѣность» — это названіе парадоксальнаго памфлета Лафарга нѣсколько подходитъ къ социально-психологической атмосферѣ, созданной въ Россіи большевистской демагогіей.

Какой-же это, чертъ возьми, социализмъ, какая это диктатура пролетаріата, если я при нихъ долженъ дѣлать то же самое, что при капитализмѣ и диктатурѣ буржуазіи? Какой прокъ въ томъ, что буржуевъ рѣжутъ, какъ на бойнѣ, если по прежнему я долженъ чистить сточныя каналы, копать въ грязи и вообще тянуть проклятую трудовую лямку? Массамъ нуженъ разительный шокъ инобытія именно въ той сферѣ, какая прежде была наиболее острымъ проявленіемъ ихъ социальной приниженности. Если раньше проклятіемъ былъ трудъ, то что-же явится благословеніемъ новаго міра? Не отрицаніе-ли труда, какъ принудительнаго принципа бытія, не превращеніе-ли его въ репрессию противъ прежнихъ угнетателей, не орудіе-ли классовой мести? Кто долженъ *теперь* уголь таскать? Неужели все онъ-же — пролетаріатъ?

Большевизмъ чувствуетъ этотъ страдальчески недоумѣнный и вмѣстѣ съ тѣмъ протестующій взглядъ коллективной угольщицы и онъ ее успокаиваетъ, онъ ее утверждаетъ въ ея правахъ на отдыхъ, на радость недѣланія, на сопричастіе къ командованію тѣми, кто всю жизнь командовалъ ею. Большевизмъ не можетъ, объективно не можетъ поддерживать паеосъ труда, онъ долженъ трудъ развѣнчать, залеймить его печатью проклятѣя, превратить его въ издѣвку надъ былыми господами.

На заборахъ Совдепіи висятъ картинки: буржуй съ застывшимъ ужасомъ въ глазахъ мететь улицу, рабочій при винтовкѣ,

его охраняющий, самодовольно смѣется... Смѣется и публика. Это стилизованная фотографія совѣтской дѣйствительности. Что такое рабочий? Это герой. Это избранникъ исторіи. Почему—потому, что онъ работаетъ, создаетъ всё блага жизни? Нѣтъ! Онъ герой, онъ избранникъ, потому что столѣтіями онъ въ потѣ лица своего и въ кандалахъ капитализма работалъ до сего дня. Потому, что онъ безмѣрно страдалъ. Потому, что онъ сдѣлалъ революцію и дѣлаетъ ее каждый день. Вотъ источникъ его социально-политического и нравственного самоутвержденія. Не производственная или экономическая функція, а историческія обиды и историческія заслуги. Власть не трудящихся, а трудившихся. Привилегія, избранничество, какъ говорится въ судебныхъ приговорахъ, «въ виду пролетарскаго происхожденія». Революція уставшихъ каторжниковъ, превратившаяся въ профанацію и развѣнчаніе труда.

Худо-ли это было или хорошо, но въ психологіи социализма всегда имѣлся этотъ нравственный упоръ на трудъ, нѣкая гордыня, пристокавшая изъ такого простаго факта, что трудъ—источникъ всего общественнаго бытія и что вслѣдствіе этого преимущественный носитель труда — самый необходимый классъ общества. Россійскій коммунизмъ совершенно убилъ эту моральную базу пролетаріата. Что особеннаго въ положеніи пролетарія? *Всѣ* работаютъ, всѣ обязаны работать. Для созданія социальной привилегіи, иллюзіи ея, убили реальную привилегію труда. Всякій долженъ работать, значитъ всякій можетъ работать. Здѣсь нѣтъ избранныхъ и призванныхъ, здѣсь нечѣмъ гордиться. Здѣсь любой шпюль у мѣста. И не здѣсь, не въ этомъ особая стать пролетаріата. У него болѣе священныя и почетныя функціи и обязанности. Онъ осуществляетъ социализмъ, дѣлаетъ революціи, стоитъ на стражѣ, стоитъ у власти, преслѣдуетъ контръ-революцію...

Вотъ гдѣ большевистскій развратъ принесъ наиболѣе жестокий вредъ. Онъ обѣщаль раскрѣпостить трудъ и обезцвѣнилъ его, развѣнчалъ, обезцвѣтилъ, вульгаризировалъ его и въ итогѣ проклялъ. На свою-же голову, конечно. И, если вы хотите понять, откуда эта безумная дезорганизация хозяйственной жизни Россіи, катастрофическое паденіе производительности труда, эта сплошная мерзость электрофицированнаго пошехонства, то ищите причину

всего этого развала не только въ области коммунистической экономики и политики, но и въ этой области психическихъ воздѣйствій на трудящіяся — трудившіяся массы, въ этомъ гиннозѣ соціальной привилегіи, въ этой азартной демагогіи, убивающей душу живую трудового процесса. Трудъ сталъ въ Россіи психологически невозможенъ, независимо отъ того, что онъ сталъ немислимымъ экономически, технически и организаціонно. Разрушенъ основной, самый главный факторъ производства — трудовая психологія массъ и это, можетъ быть, самая крупная жертва, принесенная во имя удержанія у власти господствующей партіи, во имя поддержки ея сбившимися въ міровую непогоду съ трудового пути массами.

VI.

Когда иллюзіи гибнутъ.

Мы разсмотрѣли, поскольку это было возможно въ предѣлахъ журнальной статьи, основныя пружины той психологіи, при помощи которой, создавая, поддерживая и утилизируя ее, большевики держатся болѣе 3 1/2 лѣтъ у власти. Но вѣдь очевиденъ неминуемый ихъ крахъ, вѣдь опутителемъ отходъ отъ нихъ тѣхъ массъ, которыя прежде были безъ лести преданы Р. С. Ф. С. Р., вѣдь есть-же въ антибольшевистскомъ станѣ очень много людей, которые серьезно убѣждены и приводятъ рядъ наукообразныхъ доказательствъ въ пользу своего убѣжденія въ томъ, что гибель большевизма не заставитъ себя уже долго ждать. Вѣдь всѣ мы очень усердно занимаемся вопросами о томъ, что будетъ и какъ намъ быть на другой день послѣ паденія совѣтскаго режима. Я лично думаю, что мы всѣ эти вопросы разработаемъ вполне основательно, т. е. большевики оставятъ намъ для этого достаточно много времени. Не въ этомъ, однако, дѣло. Всѣ мы за эти послѣдніе годы обнаружили нѣкоторое притупленіе чувства времени и сроковъ, слишкомъ часто ошибаясь въ сторону ихъ преуменьшенія. Не надо теперь, послѣ тяжелыхъ разочарованій, вызванныхъ этими грубыми ошибками, впадать въ другую крайность и поддаваться

склонності къ преувеличенію сроковъ. Правильнѣе всего будетъ совсѣмъ отказаться отъ исчисленія временъ и сроковъ и анализировать только ихъ общую тенденцію.

Эта тенденція несомнѣйна. Большевизмъ внутренне пустѣетъ. Онъ слишкомъ уже грубо, цинично сталъ только властью, безъ всякаго содержанія и всякаго смысла. И отъ него отходятъ массы. Въ этомъ обратномъ движеніи мы ихъ можемъ встрѣтить на тѣхъ-же путяхъ, по которымъ они къ большевизму шли и по которому, залоздалые, еще и теперь идутъ къ нему. Поэтому мы такъ часто слышимъ лозунгъ: долой коммунистовъ — да здравствуетъ совѣтская власть! Но не въ лозунгахъ дѣло, а въ томъ психологическомъ процессѣ, который насъ интересовалъ въ нашихъ предыдущихъ разсужденіяхъ. Массы уходятъ отъ большевизма потому, что слабѣетъ сила соціальной иллюзіи, облетаютъ ея прѣты и большевизмъ неизбежно теряетъ способность создавать новыя иллюзіи, новыя гипнозы «власти пролетаріата». И здѣсь обнаруживается трагическій парадоксъ, трагическій не только для большевизма. Онъ заключается въ томъ, что чѣмъ серьезнѣе попытки большевиковъ приладить свою политику къ буржуазной и мелкобуржуазной стихіи Россіи, т.е., иначе говоря, чѣмъ объективно-разумнѣе становится большевистская политика — тѣмъ большевистскій режимъ представляетъ меньше соблазна для соблазненныхъ иллюзіей и практикой соціальной привилегіи массъ. Массы не пріемлютъ, выражаясь модной фигурой, правой политики, дѣлаемой лѣвыми руками. Массы могутъ настойчиво требовать свободной торговли, но изъ этого не слѣдуетъ, что коммунисты, осуществляющіе свободную торговлю и дающіе ходъ буржуазіи, пріемлемѣе коммунистовъ, ретиво буржуазію удушающихъ. Совсѣмъ наоборотъ — весь соблазнъ коммунизма въ его безуміи. И чѣмъ больше коммунизмъ будетъ уступать требованіямъ жизни, тѣмъ пропасть между нимъ и массами будетъ увеличиваться. Въ отходѣ ихъ отъ совѣтской власти надо поэтому видѣть не столько отходъ отъ собственныхъ иллюзіи, сколько отходъ отъ тѣхъ, кто эти иллюзіи сталъ слишкомъ грубо разрушать, пытаясь удержаться у власти слишкомъ уже бьющими въ глаза компромиссами съ буржуазіей. Т. н. «рабочая оппозиція» всецѣло, напримѣръ,

стоитъ на почвѣ «рабочевластія». Идеи демократіи чужды ей совершенно. Недалеко отъ этой почвы ушли и бронштадцы.

Съ большевизмомъ случилось роковое несчастье: онъ побѣдилъ. Онъ, если можно такъ выразиться, потерпѣлъ... побѣду. Онъ таки додушилъ буржуазію и, придушенная въ тѣхъ ея формахъ, главнымъ образомъ видимыхъ проявленіяхъ, которыя питали социальную ненависть массъ, и механическая, демагогическая борьба съ которыми давала массамъ иллюзію социального искупленія, — она потеряла значеніе того «турки», на головѣ котораго проявлялась «сила пролетаріата». Рано или поздно, но шумъ и трескъ борьбы съ буржуазіей, стоны и крики удушаемыхъ должны были прекратиться. Исчезла иллюзія того самонужнѣйшаго дѣла, которое поддерживало въ массахъ боевой, мстительный пылъ. Все уже стало націонализированнымъ, социализированнымъ, буржуй притихъ, забился въ норы, сталъ совбуромъ, сѣлъ въ совѣтскій бестъ, убѣжалъ за-границу, массаами былъ разстрѣлянь — большевизмъ потерпѣлъ побѣду. Стало пусто, скучно... Наступило то убійственное для всякой диктатуры равенство, при которомъ исчезли тѣ бьющія въ глаза различія между избранными и отверженными, между пролетарской аристократіей и буржуазнымъ плебсомъ, какія главнымъ образомъ служили психологической скрѣпкой между большевистскими владыками и массаами. Для большевистской демагогіи нуженъ былъ, до-зарѣзу нуженъ былъ буржуй и притомъ недодушенный, энергично душимый, но недодушенный. Додушенный — онъ потерялъ прежнюю притягательную силу и прежнюю роль «турки». Сѣрая мрачная пелена, однообразно покрывшая Россію, сѣрая, мрачная пелена равенства въ лицетѣ убила паюсъ социальной привилегіи, убила иллюзію избранничества. То, что осталось отъ буржуазіи въ Россіи, приспособилось къ совѣтскому быту, приспособило его къ себѣ. Между тѣмъ пролетаріатомъ, который имѣлся въ Россіи и той буржуазіей, которая въ немъ осталась, произошло социально-психологическое сближеніе въ томъ смыслѣ, что оба эти элемента были полонены одной и той же стихіей мелкобуржуазныхъ отношеній, страстей. Спекуляція, казнокрадство, лихоимство и лихоительство, хищничество, подлоги, торгашество, воровство, ложь, лицемѣріе и притворство стали той общей почвой,

на котрої зустрілися і протянули другъ другу руки всѣ соціальныя і культурно-бытовыя группировки Россіи. Исчезла возможность питать иллюзіи широкихъ массъ, исчезла возможность пышныхъ, грандіозныхъ, варфоломѣевскихъ постановокъ соціальной революціи пролетаріата. Исчезли даже всѣ «фронты», по ту сторону которыхъ бѣлогвардейцы предусмотрительно заготавливали каждый разъ огромныя горы всякаго буржуазнаго добра, неудержимо манящаго массы на бой кровавый, на военно-продовольственные драгонады революціоннаго милитаризма. Большевизмъ исполнился. Въ Россіи «миръ», въ Россіи «равенство»... И «додушена буржуазія». И пусто, пусто...

Массы, видѣвшія, радостно оцущавшія неравенство подь собою, къ ужасу своему начинаютъ видѣть неравенство надъ собою... Что это такое!? Откуда это? Комиссарская знать... Шикарные туалеты комиссарскихъ женъ и любовницъ. Кутежи. Совѣтскіе пшюты, галантные френчмэны... Пролетки, выѣзды. Пышный, торжественный театральный разѣздъ... Барскія замашки... Бриллиантовый коммунизмъ! Вѣдь это все «наши». «Гдѣ дорогая мебель, ковры, картины» — спрашиваетъ въ письмѣ въ редакцію глубоко потрясенный рабочій. И на комъ же эти шелковые чулки? И что это за «профессорскіе пайки» и ударные пайки? И что это за господа такіе — «спецы»? Что это — социализмъ или специализмъ? И почему не выдаютъ «прозодежды»? И тысячи скорбныхъ, недоумѣнныхъ вопросовъ каждый день, на каждомъ шагѣ, тысячи уколловъ чувству и иллюзіи соціального избраннычества. И вѣдь все это въ тысячи разъ замѣтнѣе, чѣмъ прежде, когда оглушалъ, возбуждалъ, радовалъ и утѣшалъ шумъ и трескъ сокрушенія буржуазіи, бѣлогвардейцевъ, Антанты и т. п.

Можно было терпѣть голодъ, холодъ, нищету, болѣзни, миллионъ терзаній, покуда была жива эта иллюзія господства... Бѣдна Маша, да наша. Но если Маша не наша, то ея уродливыя черты, ея мерзкая суть становятся невыносимыми. Мы утверждаемъ, что если даже удастся большевизму путемъ компромиссовъ съ буржуазной стихіей улучшить положеніе массъ, то это нисколько не ослабитъ процесса отхода ихъ отъ большевизма. Потому что

большевизмъ былъ нуженъ и дорогъ массамъ только какъ грандіозная, феерическая ставка на социальную революцію, понимаемую въ стилѣ опрокинутой буржуазной пирамиды.

Это ушло, это уже больше не придетъ, а если и придетъ, то не вызоветъ уже былого воодушевленія.

Большевизмъ умретъ, потому что гибнетъ созданная имъ социальная иллюзія.

Ст. Ивановичъ.

КРЕСТЬЯНСТВО И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.*)

1. ЗНАНИЕ И ПРИЗНАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА.

Крестьянство составляет отъ 4/5 до 9/10 населенія Россіи. Ясно, что оно является ея *всепреддѣляющей органической силой*. Ясно, что его *знаніе и признаніе необходимо*. Всякій искренній демократъ — не говорю уже социалистъ и народникъ — долженъ признать разъ навсегда, что руссiйская демократія можетъ быть лишь *царствомъ крестьянской самодѣятельности, крестьянскаго социальнаго творчества* и, значитъ, долженъ поставить всестороннее глубокое изученіе крестьянства и приспособленіе къ нему всей программы дѣятельности первой своей задачей.

Въ дѣйствительности однако имѣется лишь *словесное признаніе* крестьянства, но почти нѣтъ *знанія* его, а потому нѣтъ и *реальнаго признанія*. Всѣ клянутся именемъ крестьянства и обѣщаютъ его облагодѣтельствовать. Но почти никто — въ томъ числѣ даже часть народниковъ — до сихъ поръ не знаетъ и не желаетъ знать *крестьянства, какъ оно есть*: его конкретныхъ нуждъ, интересовъ, устремленій, его реальныхъ достоинствъ и недостатковъ, его исторіи и особенно — огромнаго пути, пройденнаго имъ въ послѣдніе полвѣка. А при *незнаніи* крестьянства какъ же можно *признать* его, т. е. опредѣлять его дѣйствительную исто-

---

*) Давая мѣсто статьѣ К. Р. Качоровскаго, посвященной едва ли не основному вопросу будущей Россіи, считаемъ необходимымъ оговориться, что мы не во всемъ раздѣляемъ точку зрѣнія автора. Приписываемая имъ крестьянству всеобъемлющая творческая роль представляется намъ преувеличенною, а его оцѣнка исторической роли русской интеллигенціи — не всегда справедливою. *Ред.*

рическую роль и сообразовать съ ней свое дѣйствіе? И прямо непонятно, о чемъ думаетъ, на что надѣется эта совершенно оторвавшаяся отъ крестьянства часть интеллигенціи: вѣдь когда наступитъ демократія и крестьянство станетъ хозяиномъ Россіи, тогда и оно не захочетъ знать ея и просто отброситъ ее въ сторону, въ лучшемъ случаѣ использовавъ ее лишь технически.

Я хорошо понимаю историческія причины этого страшнаго разрыва, явившагося проклятіемъ и несчастьемъ Русской Революціи. И я ставлю задачей нижеслѣдующаго краткаго синтетическаго очерка именно съ одной стороны показать на рядѣ *основныхъ безспорныхъ* фактовъ, насколько наши *мнѣнія* о крестьянствѣ контрастировали и контрастируютъ съ дѣйствительными *явленіями* его жизни и съ другой стороны — указать причины этого. Это будетъ *конспектъ реальной исторіи русскаго крестьянства за послѣднія 60 лѣтъ*, который покажетъ наглядно, насколько его въ интеллигенціи не знаютъ и не признаютъ. А сознание своего незнанія будетъ, хотѣлось-бы надѣяться, началомъ познанія и признанія крестьянства интеллигенціей, началомъ сближенія между ними.

2. ДО ОСВОБОЖДЕНІЯ.

Общее представленіе о русскомъ крестьянствѣ сложилось у нашей интеллигенціи еще до освобожденія, и оно было почти всецѣло основано на впечатлѣніяхъ отъ *крепостнаго* крестьянства. Этотъ фактъ имѣлъ огромное значеніе: *все вообще* русское крестьянство представлялось и представляется интеллигенціи, какъ прошедшее черезъ *глубокое рабство*.

Крестьянство было открыто намъ гуманными помѣщиками, какъ Тургеневъ, Григоровичъ и т. д., которые, естественно, знали преимущественно лишь помѣщичьихъ крестьянъ и притомъ ближе всего самую рабскую часть изъ нихъ — дворовыхъ. И вотъ мы видѣли, что мужикъ забить, обѣднѣ, темень, пьянѣ, суевѣренѣ, покоренѣ сильнымъ, жестокъ со слабыми, но что все-таки въ немъ живетъ человѣческая личность, которая страдаетъ и рвется къ свободѣ и къ лучшей жизни.

Отсюда въ интеллигенціи рождалось состраданіе, любовь къ

этимъ несчастнымъ, стремленіе бороться за эти человѣческія личности. Конечно, этотъ высокій, широкій филантропизмъ къ «меньшому брату», этотъ гуманитарный индивидуализмъ, исходящій въ общественной борьбѣ изъ живого человѣка, былъ драгоцененъ для самой интеллигенціи, ибо далъ ей активности глубокой, могучій этический корень. Но отношеніе ко всему крестьянству, къ крестьянству вообще, какъ къ рабской массѣ неизбѣжно и невольно принижало или искажало современную историческую роль этого класса, готовило невѣріе въ него, разочарованіе въ немъ какъ въ активной демократической творческой силѣ, готовило то его непризнаніе, къ которому мы пришли теперь.

А между тѣмъ это представленіе было глубокой фактической ошибкой: рабство не характерно для русскаго крестьянства.

Прежде всего, какъ феодализмъ почти не окристаллизовался въ Россіи, такъ и крѣпостное право длилось тутъ сравнительно мало, не успѣло вполне утвердѣть, войти въ бытъ и въ *духъ* крестьянъ. Послѣдніе не переставали бороться противъ него, бунты Разина и Пугачева сотрясали его въ самыхъ основахъ. Подъ конецъ (съ 19 вѣка) оно перестало расти, и «яремъ барщины старинной» сталъ смѣняться оброкомъ, смягчавшимъ зависимость. Наконецъ, большая половина крѣпостныхъ жила въ крупныхъ общинахъ и принадлежала крупнымъ владѣльцамъ, при каковыхъ условіяхъ обычно у нихъ оставалось больше внутренней своей мірской жизни.

Но самое важное то, что *большинство крестьянства и вообще трудового земледѣльческаго населенія Россіи никогда вовсе и не знало крѣпостного права*. Въ моментъ освобожденія считалось (по послѣдней ревизіи 1858 года) крестьянъ помѣщичьихъ отъ 21 до 22 милліоновъ душъ обоюго пола и приблизительно столько же крестьянъ государственныхъ (съ маленькимъ процентомъ удѣльныхъ), но кромѣ того было не менѣе 12 милліоновъ населенія аналогичнаго государственному (казаковъ «четвертныхъ», колонистовъ, инородцевъ и т. д.). Такимъ образомъ уже тогда крѣпостныхъ было $\frac{2}{5}$, а свободныхъ — $\frac{3}{5}$, а потомъ, такъ какъ вторые приростали гораздо быстрѣе первыхъ, то въ Россійскомъ крестьянствѣ надо считать по меньшей мѣрѣ $\frac{2}{3}$ изстари свободныхъ и лишь $\frac{1}{3}$ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Значитъ уже *количественно* типъ русскаго крестьянина есть типъ *свободнаго, а не крѣпостнаго*: изъ трехъ — одинъ крѣпостной и два свободныхъ. Но еще болѣе *качественно, по фактической роли* своей, даютъ всему крестьянству тонъ *свободные государственные* (и имъ подобные) крестьяне.

Если сами они составляютъ 2/3 крестьянства, то въ ихъ рукахъ было въ десять разъ больше землепахотной и годной къ земледѣльству земли, чѣмъ у бывшихъ крѣпостныхъ: у послѣднихъ 36 миллионъ десятинъ въ моментъ освобожденія, а у первыхъ добрыхъ 300 или 400 миллионъ десятинъ. Такова же должна быть пропорція въ скотѣ и прочемъ сельскохозяйственномъ имуществѣ. Свободные государственные крестьяне во всемъ крупнѣе и сильнѣе. Въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ прямо бросается въ глаза эта разница: они выше ростомъ, здоровѣе, красивѣе, лучше одѣты, свободнѣе ведутъ себя, избы и скотъ лучше, деревни крупнѣе, семьи крупнѣе, лучше церкви, больше чистоты и благоустройства, гораздо больше школъ, грамотныхъ и т. д. Словомъ, предъ нами съ одной стороны большинство, такъ сказать, «перво-сортнаго» выросшаго на свободѣ государственнаго и съ другой, меньшинство «второсортнаго» крѣпостнаго крестьянства.

И, естественно, главная самодѣятельность, лучшее творчество крестьянской культуры, крестьянской демократіи, крестьянскаго коллективизма въ Россіи сосредоточились, укоренились еще до освобожденія не въ крѣпостномъ, а въ государственномъ крестьянствѣ.

Эксплоатація и произволъ помѣщика съ одной стороны служили и обидняли самодѣятельность земельной общины и вообще сельскаго міра, а съ другой искажали, отравляли этотъ трудовой бытъ и трудовой духъ враждебными ему помѣщичье-капиталистическими началами. Еще въ общинахъ крупныхъ и на оброкѣ общинная самодѣятельность все-таки жила и даже развивалась и подъ корой крѣпостничества и потомъ быстро ожила послѣ освобожденія. Но среди крѣпостныхъ бытъ, такъ сказать, *третій сортъ крестьянства*, — правда, меньшинство этого меньшинства, — общины мелкихъ, малоземельныхъ, задавленныхъ барщиной, дворовыхъ. — преимущественно на западѣ, сѣверо-западѣ и юго-западѣ Россіи, — которые и потомъ остались полу-безземельными

и въ разныхъ смыслахъ распыленными, которые и до освобожденія были почти лишены автономнаго трудового быта, и послѣ освобожденія оказались внѣ общины или въ номинальной общинѣ, приобрѣли типъ, близкій западно-европейскому крестьянству и въ послѣдствіи составили главную кліентуру для Столыпинской «хуторизаціи».

Конечно и государственные крестьяне (и аналогичные имъ) далеко не были свободны и сильно страдали отъ гнета царской бюрократіи. Но она, частью просто по слабости своихъ культурныхъ и техническихъ силъ, частью въ своихъ-же выгодахъ для лучшей фискальной эксплуатаціи государственнаго крестьянства, не могла и не хотѣла лишать его внутренней мірской самодѣятельности и фактически (особенно, напр., въ Киселевскихъ законахъ 30-хъ годовъ) оставила ему *известную внутреннюю автономию*. И вотъ, государственное крестьянство, испытывая при этомъ минимумъ анти-трудовыхъ капиталистическихъ вліяній извнѣ, оказалось *наибольше чистымъ міромъ труда и народной самодѣятельности — въ общинѣ, въ артеляхъ, въ мірскомъ самоуправленіи*. Развивая эту самодѣятельность на государственной землѣ (ибо его земли считались государственными), оно собственно — *въ грубыхъ формахъ — уже практиковало на дѣль тотъ режимъ трудовой націонализаціи земли*, который взошелъ потомъ въ программу русской революціи.

Таковъ былъ *контрастъ между явленіями и мнѣніями уже въ самой исходной точкѣ новѣйшей исторіи крестьянства*. Интеллигенція отождествляла русское крестьянство съ второсортнымъ крѣпостнымъ его меньшинствомъ, которое способно было стать преимущественно лишь первой буйной волной революціи, захватывающей стихійно помѣщичью землю, но было наименѣе подготовлено къ борьбѣ за Волю, за демократію. И интеллигенція почти не видѣла то основное первосортное большинство «государственнаго» крестьянства, которое, *именно, какъ таковое*, воспиталось въ самодѣятельности, сложило внутри себя *основы демократіи и коллективизма* и тѣмъ самымъ выросло изъ рамокъ царской бюрократіи, ломало ихъ, стремилось къ полной автономіи, т. е. къ полной демократіи и становилось «государственнымъ» въ

новомъ смыслѣ, уже не какъ подданный деспотическаго государства, а какъ хозяинъ и позитивный, демократическій государственный строитель.

3. ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

Въ шестидесятые годы Россія совершила великій историческій поворотъ не только социальнo-политическій, но и духовный. Это была *«эпоха великихъ реформъ»*: уничтоженіе крѣпостнаго права, реформа суда, школы, печати, введеніе городского и земскаго самоуправленія на-половину освободили Россію, — еще не дали ей политической свободы, но дали извѣстную свободу гражданскую. И это была, я бы сказалъ, — *эпоха великихъ формулъ*: тутъ скрестилась мысль четырехъ крупнѣйшихъ нашихъ социальныхъ учителей, и отъ Лаврова — Михайловскаго изшли общія историко-соціологическія формулы народническаго социализма, а отъ Герцена — Чернышевскаго — формулы историческихъ путей Россіи.

Къ народу-крестьянству обратилось тогда все вниманіе интеллигенціи. Но еще не началось точнаго, статистическаго его изученія, а лишь преимущественно, такъ сказать, этнографическое. Схема Чернышевскаго, построенная на общемъ социальнo-философскомъ анализѣ, заключала два основныхъ тезиса: 1) при свободной конкуренціи неизбежна и въ аграрной области капитализація и пролетаризація крестьянства; 2) ихъ можетъ Россія избѣгнуть, если сохранится и разовьется земельная община и вообще крестьянскій коллективизмъ, что исторически вполнѣ возможно. Опытъ затѣмъ показалъ, что въ послѣднемъ онъ былъ правъ, а въ первомъ ошибался. Въ общемъ, это былъ фазисъ *перваго устремленія интеллигенціи къ познанію и признанію крестьянства*.

Но вся эта огромная активность шестидесятихъ годовъ оставалась *наверху* — *въ государствѣ и въ интеллигенціи*: крестьянскій же народъ тогда еще не сказалъ и не могъ сказать своего слова. Все еще было въ процессѣ перестройки: крѣпостные крестьяне частью еще только получали надѣлы и оставались въ переходномъ положеніи «временно-обязанныхъ», государствен-

ные крестьяне только въ 1866 году получили свое «Положеніе», а рядъ другихъ мелкихъ категорій и еще позже. Инерція старой жизни еще длилась, и только постепенно, хотя и быстро, она угасала и переливалась въ новыя формы. Результаты реформъ не выяснились сразу крестьянству, въ шестидесятые годы оно только начало ихъ осознать, къ нимъ приспосабливаться. И только ощупью, безпорядочно, неосознанно оно начинало опытъ своей собственной новой самодѣятельности, для которой какъ законы о крестьянахъ, такъ и послѣдующая административная практика, фактически дали, если не полную, то значительную, несравненно большую, чѣмъ прежде, возможность.

Въ общемъ, въ 60-е годы крестьянство только начало осознать себя въ новой жизни, а интеллигенція еще не успѣла узнать его, встрѣтиться съ нимъ.

4. СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

Въ 70-е годы созрѣла теорія народничества, овладѣла лучшей частью интеллигенціи и повела ее «въ народъ», т. е. къ крестьянству: «Кающіеся дворяне» и «равночинцы» устремились съ верховъ и изъ средины соціальной пирамиды внизъ, въ глубь крестьянства, чтобы узнать его, слиться съ нимъ, совершить вмѣстѣ съ нимъ великую политическую и соціальную революцію. Это была какъ бы «первая любовь», интеллигенція была полна «вѣры, надежды и любви» въ крестьянство, въ его общину и артель, вообще въ мірской коллективизмъ, какъ полуготовую основу социализма.

Но крестьянство въ 70-е годы далеко не могло оправдать такихъ отчасти прямо фантастическихъ надеждъ: оно только расправляло свои члены, чтобы приспособить свою жизнь къ новому соціальному руслу, чтобы двинуться по открывшимся новымъ историческимъ путямъ. Оно переживало кризисъ, разруху и первыя исканія выходовъ. Крѣпостные крестьяне получили мало земли, худшую землю и были задавлены платежами за нее, превышавшими въ нечерноземной полосѣ самую ея доходность. Здѣсь на-

дѣлъ сталъ не «кормителемъ», а «разорителемъ», и началось «бѣгство отъ земли» въ развивавшіеся «промыслы», отчасти въ появляющуюся капиталистическую индустрію. Общинамъ пришлось силой «наваливать» на сильнѣйшихъ своихъ членовъ эти надѣлы, обремененные платежами, и это принудительное «общинно-выкупное» владѣніе приобрѣло одиозный характеръ, казалось продолженіемъ крѣпостного права. Крестьяне государственные были, правда, въ лучшемъ положеніи, но едва лишь начинали расширять и модернизировать свою хозяйственную и социальную самостоятельность. Въ общемъ, въ 70-е годы уже начался широкій отходъ на заработки, началось переселеніе, преимущественно на югъ, совершились первые «самовольные» (помимо вынужденныхъ) передѣлы общинной земли, явились сектантскія движенія, разлилось уже широкое недовольство условіями освобожденія. Но все это были еще зарожденія, исканія, пробы силъ, а не достиженія, не оформившіяся широкія теченія.

И вотъ, конечно, первая встрѣча интеллигенціи съ крестьянствомъ при такихъ условіяхъ привела ее къ разочарованію въ немъ. Въ большинствѣ случаевъ въ этихъ бѣглыхъ встрѣчахъ, тотчасъ прерывавшихся царской полиціей, интеллигенты и не успѣвали ознакомиться съ крестьянами. При этомъ они встрѣчались преимущественно съ второсортнымъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Затѣмъ ожиданія обычно были слишкомъ преувеличены и потому разочарованіе было неизбѣжно, отчасти же и у тогдашнихъ народниковъ былъ уже извѣстный апріорный скептицизмъ: такъ, самъ Бакунинъ боялся «мелкобуржуазности» рядового общиннаго крестьянства и надѣялся преимущественно на расколъ и на «разбойный» революціонный элементъ. И вотъ, естественно, видя крестьянъ такъ бѣгло, въ худшей части, въ невыгодный моментъ, и прилагая къ нимъ гигантскую мѣрку, и преувеличенныя ожиданія, народники къ концу 70-хъ годовъ «разочаровались» въ крестьянствѣ, приняли переходную разруху въ немъ за начало капиталистическаго разслоенія и разложенія мірскаго коллективизма. Только единственные въ мірѣ творенія нашихъ беллетристовъ-народниковъ остались великимъ памятникомъ и источникомъ знанія и признанія крестьянства.

5. ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

Если въ 70-е годы интеллигенція пыталась связать всю свою судьбу съ крестьянствомъ и, по возмущенному выраженію реакціонеровъ, «мужикомъ пропахла вся литература», то за 80-е годы интеллигенція оторвалась отъ крестьянства, отдѣлила свою судьбу отъ его судьбы. Лучшія народническія силы признали невозможность прямой подготовки крестьянской революціи и вступили сами въ террористическое единоборство съ самодержавіемъ, какъ съ основнымъ препятствіемъ для «той революціи». Они еще сохраняли народническую крестьянско-коллективистическую программу, но скоро были разбиты и въ лучшей части буквально истреблены. Взроставшее въ атмосферѣ пораженія и реакціи поколѣніе 80-хъ годовъ впало въ безвѣріе, въ пессимизмъ, въ отрицаніе: въ толстовское «недѣланіе», въ абрамовскія «малыя дѣла», наконецъ, въ марксистское отрицаніе крестьянства, ожидавшее революціи отъ его пролетаризаціи и отъ капитализма.

А между тѣмъ, именно въ 80-е годы крестьянство впервые развернуло свою самодѣятельность, выказало жизненность и силу общиннаго коллективизма, устремилось къ высшему духовному развитію. Опредѣлился кризисъ помѣщичьяго хозяйства, и помѣщичьи земли потекли въ руки бывшихъ крѣпостныхъ. Налоги на нихъ надѣлахъ были понижены, хозяйство ихъ начало интенсивироваться, крѣпнуть, и въ связи съ колебаніями въ индустріи у нихъ началось «возвращеніе къ землѣ», «тяга къ землѣ», а тѣмъ самымъ и общинно-передѣльное владѣніе стало болѣе нормальнымъ, самопроизвольнымъ. Еще ярче было движеніе у «перво-сортнаго» государственнаго большинства крестьянства: на порогѣ 80-хъ годовъ и особенно именно съ 81 года его охватило обширное массовое передѣльное движеніе, напр., по Саратовской губерніи (а такъ было и повсюду) общины съ передѣлами «по новымъ душамъ» составляли въ 1870 году — 0,5 о/о, въ 1880 г. — 17,3о/о, а къ 1890 году — уже 67, 8 о/о. Съ того же 1881 года. — словно сигналъ былъ данъ бомбой, убившей Александра II, по меньшей мѣрѣ, удвоилось и другое «самовольное» крестьянское движеніе — переселеніе. Въ эти же 80-е годы пачала впервые серьез-

но проникать въ деревню грамотность, культурность и развилось широкое и глубокое сектантское движеніе (какъ, напр., штундисты, духоборы и др.) въ значительной части социальнаго и революціоннаго характера.

Но интеллигенція годъ за годомъ все болѣе поворачивалась спиною къ крестьянству, и все это движеніе и обновленіе его жизни все менѣе до нея доходило, все менѣе ее интересовало. Только народники-статистики дѣлали свою великую работу. во имя «двуединой правды», — огромный аппаратъ земской статистики переотражалъ жизнь крестьянства и отлагалъ ее въ сотняхъ цифровыхъ сборниковъ въ горахъ драгоценныхъ архивовъ. Но они все менѣе расшифровывались, все менѣе обобщались, все менѣе проникали въ общую литературу, которая все быстрѣе провѣтривалась отъ наполвившаго ее въ 70-е годы тяжелаго «мужицкаго духа».

6. ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ.

Въ 90-е годы пути интеллигенціи и крестьянства разошлись окончательно. Марксистское поколѣніе «девяностниковъ» не только отвернулось отъ крестьянства, но прямо повернулось противъ него. Если семидесятники-народники увѣровали въ крестьянство, въ мірской коллективизмъ еще до ихъ точнаго статистическаго изученія, то марксисты анти-народники 90-хъ годовъ начисто отринули ихъ, игнорируя это уже совершенное и продолжавшееся изученіе и прямо вопреки ему. Они просто выбирали изъ народническаго изученія 70-хъ и 80-хъ годовъ (Шлехановъ изъ В.В., Ленинъ изъ Златовратскаго, а затѣмъ, въ своей книгѣ, изъ части земской статистики и т. д.) — факты отрицательные, рисовавшіе, какъ тогда казалось, разслоеніе крестьянства и «разложеніе» общины, либо просто умалчивая о фактахъ положительныхъ, рисовавшихъ ихъ силу и развитіе, либо объявляя ихъ остатками, пережитками прошлаго. или прямо выдумкой народниковъ. Прессъ реакціи 80-хъ и 90-хъ годовъ раздавилъ интеллигенцію, ея самостоятельную творческую мысль, ея познаніе и пониманіе собственныхъ историческихъ народныхъ силъ Россіи, обратилъ ее въ

крайнее западничество, въ ученичество предъ нѣмецкими учителями, устремилъ всѣ ея надежды на механическую силу извнѣ, — на приходъ съ Запада «капитализма и капиталистической выучки», на пролетаризацію крестьянства.

Совершенно обратны были результаты реакціи для крестьянства: ея давленіе не ломало, а наоборотъ, въ огромной степени напрягало и развивало его самостоятельность и всякаго рода инициативу, и въ этихъ усиліяхъ, въ этой борьбѣ съ необыкновенной быстротой, благодаря исторической его подготовкѣ, — воспитывало его, какъ революціонную демократію. Съ половины 80-хъ до половины 90-хъ годовъ бюрократическое самодержавіе учредило дворянскій банкъ и земскихъ начальниковъ, поставило подъ свою опеку и отчасти подъ прямой запретъ крестьянское переселеніе, семейные раздѣлы и общинные передѣлы и всѣ эти плотины противъ крестьянскаго «самовольства» только обострили, возбудили его энергію, и крестьянское мірское саморазвитіе тотчасъ же легко перешагнуло черезъ нихъ.

Несмотря на дворянскій банкъ и всяческія льготы, дворяне изъ 100 приблизительно милліоновъ десятинъ, которыя имѣли при освобожденіи, удержали къ Первой Революціи, въ 1905 году, лишь 53 мил. дес., причемъ 2/3 проданной ими земли перешло въ капиталистическія руки, въ большой части для перепродажи крестьянамъ, а 1/3 — около 15 мил. десятинъ — уже тогда пошла въ трудовыя крестьянскія руки. Иначе говоря, не только крестьянское хозяйство не вытѣснялось капиталистическимъ, какъ то ожидали марксисты, но наоборотъ, несмотря на огромную поддержку самодержавія, простой конкуренціей, простымъ «естественнымъ отборомъ хозяйствъ», крестьянство въ Россіи быстро вытѣсняло капитализмъ изъ земледѣлія. Земскіе же начальники за 10-15 лѣтъ успѣли воспитать въ этомъ живучемъ, сильномъ крестьянствѣ глубокое разочарованіе, неуваженіе и прямо возмущеніе противъ посадившей ихъ самодержавной власти.

Крестьянство фактически въ массовыхъ размѣрахъ просто отпихивало налегкой на него чиновничій законъ своимъ «самовольнымъ» «обычно-правовымъ» дѣйствіемъ. Законъ 1889 года, допустившій переселеніе на «новыя земли» лишь со спеціальнаго раз-

рѣшенія администраціи и грозившій «самовольнымъ» переселенцамъ возвращеніемъ на родину, подобно арестантамъ, по этапу, привелъ лишь къ тому, что «огромное большинство переселенцевъ оказались самовольными (напр., въ Томской губ. поселилось «самовольныхъ»: въ 1890 г. — 30 о/о, въ 1891 г. — 66 о/о, въ 1892 г. 84 о/о, въ 1893 г. 87 о/о и т. д.), и администраціи пришлось ихъ все равно поселять и легализовать, а чрезъ еѣсколько лѣтъ вообще фактически свести почти къ нулю примѣненіе этихъ ограниченій. Такова же была судьба закона 1896 года, попыткамъ его сдержать семейные раздѣлы, удержать «патріархальный» характеръ крестьянской семьи (уже тогда, впрочемъ, въ большой степени воображаемый) требованіемъ для нихъ разрѣшеній домохозяина и сельскаго общества: въ отзывахъ самихъ административныхъ «губернскихъ совѣщаній» въ серединѣ 90-хъ годовъ 37 изъ 39 совѣщаній указываютъ или слабое, или прямо почти нулевое примѣненіе закона (напр., по Минской губ. приходилось 5.500 «законныхъ» семейныхъ раздѣловъ на 46.800 «самовольныхъ», по Оренбургской вторыхъ было, по крайней мѣрѣ, въ 20 разъ больше, чѣмъ первыхъ, по Самарской. какъ говорить буквально совѣщаніе чиновниковъ, «законъ 1886 года остался мертвой буквой» и т.д. и т.д.).

Такъ-же былъ всецѣло отринутъ крестьянствомъ законъ 1893 года, запрещавшій общинамъ частные передѣлы земли и установившій минимальный 12-лѣтній срокъ для общихъ передѣловъ: рядъ точныхъ цифръ устанавливаетъ, что 12-лѣтніе сроки, — гдѣ они не были раньше приняты самими крестьянами, — не соблюдались, что частные передѣлы продолжались (напр., по Владимирской губерніи въ 1902 году, по свѣдѣніямъ самихъ волостныхъ правленій, — органа земскихъ начальниковъ, — эти запрещенные «самовольные» передѣлы практиковались въ 74, 5 о/о общинъ съ передѣлами), что болѣе того, какъ разъ въ 1894-95 г.г. поднялась усиленная волна передѣловъ, т.е. запретительный законъ далъ скорѣе прямо обратный результатъ. Вообще, пробужденіе общинной уже вполнѣ «самовольной», даже отчасти прямо нелегальной дѣятельности сдѣлало огромные шаги въ 90-е годы: передѣлы охватили почти всѣхъ государственныхъ крестьянъ и большую долю ранѣ пассивныхъ, бывшихъ крѣпостныхъ, такъ что, по дан-

нымъ земской статистики, провереннымъ рядомъ моихъ анкетъ къ моменту Первой Революціи, къ 1905-6 годамъ, лишь у 10 0/0 крестьянскаго общиннаго населенія было безпередѣльное владѣніе, еще у 10 0/0 — слабое зачаточное — передѣльное, а у остальныхъ 4/5 крестьянства общинно-передѣльное владѣніе, несмотря на всѣ преносы, силою собственной крестьянской самостоятельности, функционировало и развивалось полнымъ ходомъ.

Наконецъ, въ 90-е же годы сдѣлалъ большой, небывалый шагъ впередъ прогрессъ сельскаго хозяйства у крестьянъ. По официальной статистикѣ, урожайность всѣхъ хлѣбовъ въ пудахъ съ 1 десятины росла у крестьянъ 50 губ. Европейской Россіи такъ: въ 61-70 г. г. — 29 пудовъ, въ 71-80 г. г. — 31 п., въ 81-90 г. г. — 34 п., въ 91-1900 г. г. — 39 п., такъ что процентъ возрастанія все ускорялся: отъ 1-го къ 2-му десятилѣтію онъ былъ 107, отъ 2 къ 3 — 110 и отъ 3-го къ 4-му 115. Въ 90-е же годы началось массовое развитіе травосѣянія, переходъ къ многополью отъ трехполья и безпримѣрно быстрое распространеніе у крестьянъ улучшенныхъ орудій (такъ, напр., во Владимірской губ. еще въ 1897 году въ 67 0/0 мѣстностей пахали только сохой, въ 1898 г. такихъ было уже только 52 0/0 районовъ, а въ 1903 году — всего 18 0/0 районовъ, т. е. въ 6 лѣтъ плугъ успѣлъ стать рядомъ съ сохой). Проснувшаяся новая могучая самостоятельность крестьянства начала одинаково блестящія завоеванія, какъ въ уравнительномъ распредѣленіи земли, такъ и въ развитіи производительности земледѣлія.

И вотъ это-то десятилѣтіе, — четвертое послѣ реформы, — когда крестьянство впервые развернуло всю свою самостоятельность, быстро стало развивать и организовывать свое хозяйство и свой мірской коллективизмъ, когда оно въ процессѣ этого могучаго строительства столкнулось съ желѣзной рѣшеткой самодержавія и переросло, пробило ее «самовольно», нелегально, т. е. по существу революціонно, — этотъ-то моментъ крестьянскаго расцвѣта выбрала интеллигенція, чтобы разочароваться въ крестьянствѣ, чтобы поставить крестъ надъ нимъ, чтобы порвать съ нимъ. Этотъ поразительный, трагическій историческій фактъ исказилъ послѣдующее развитіе Россіи, сталъ проклятіемъ Великой Русской Революціи.

7. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1900-1906).

За сорокъ лѣтъ послѣ реформъ интеллигенція сильно измѣнилась, — очень разрослась количественно и переродилась качественно: изъ группы преимущественно культурной («образованное общество») и идеологической (людей мысли и идеала), кристаллизовалась въ группу въ значительной степени классовую (интеллектуальныхъ работниковъ). Уже это дало ей болѣе самодовлѣющее, отдѣльное отъ крестьянства устремленіе. Въ результатѣ этого и въ связи съ предшествовавшими идеологіями и настроеніями, интеллигенція въ Первой Революціи окончательно раскололась на три главныхъ теченія. Во-первыхъ, *буржуазно-либеральное* («кадеты», «октябристы» и т. п.), которое относилось къ мужику сверху внизъ (за вычетомъ своего лѣваго народническаго крыла). Во-вторыхъ, *марксистское*, социаль-демократическое, которое постепенно признало крестьянство предъ лицомъ фактовъ, лишь какъ силу демократіи, но отрицало его, какъ силу социализма. Въ-третьихъ, *народническое* (главнымъ образомъ въ лицѣ социаль-революціонеровъ), которое вновь явилось вмѣстѣ съ подъемомъ критико-активнаго революціоннаго настроенія, но которое, однако, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ было въ большинствѣ лишь нервнительнымъ, частичнымъ народничествомъ, старалось стать какъ бы равнодѣйствующимъ между старымъ полнымъ народничествомъ и марксизмомъ и которое поэтому лишь отчасти повернулось къ крестьянству, но не смогло узнать и признать его вполне, слиться съ нимъ.

А именно. Аграрная теорія новаго народничества послѣ работы Вихляева, установившей выживаніе крестьянскаго хозяйства, какъ могущаго обойтись безъ ренты и прибыли, и работы Ник. Черненкова, основавшаго позитивную теорію крестьянскаго хозяйства, какъ динамическаго круговорота семей-хозяйствъ вокругъ нѣкотораго средняго уровня,—признала твердо *живучесть и силу трудового крестьянскаго хозяйства*. Но работы по общинѣ В. В., Кауфмана и моя еще далеко не вскрыли всей силы и глубины, всей быстроты развитія *крестьянскаго коллективизма*

въ общинѣ, артели, коопераціи, установили лишь его существованіе, его возможности, и новое ослабленное скептическое народничество *не сдѣлало, подобно старому, крестьянскій коллективизмъ своей базой*. Поэтому и практически оно всецѣло сосредоточилось только на борьбѣ за внѣшній политическій актъ *соціализаціи земли*, на организаціи крестьянства, какъ *демократіи*, но не вошло внутрь «самовольнаго» *соціального классоваго коллективистическаго творчества крестьянства* (подобно тому, какъ о томъ — тщетно — мечтали синдикалисты для пролетаріата), не сдѣлало *исторически* выросшій *мірской коллективизмъ органической базой всего соціального строительства Россіи*.

Между тѣмъ тотъ разительный фактъ, что русское крестьянство уже въ Первой Революціи сразу и всецѣло стало силой не *анархо-революціонной*, а *демократически-революціонной*, — этотъ великій фактъ, въ которомъ вся сила и все будущее Русской Революціи, объясняется единственно лишь тѣмъ *соціально-политическимъ самовоспитаніемъ*, которое получило крестьянство въ своихъ «*мірахъ*». Ибо уже какъ *ячейка коопераціи*, община, подобно всякой коопераціи, воспитывая общую соціальную самодѣятельность, воспитываетъ своихъ членовъ и *политически, демократически*. Но «*міръ*», «*сельскій сходъ*» являлся и является *универсальнымъ, интегральнымъ коллективомъ, не только экономическимъ, но и культурнымъ и политическимъ*, ибо онъ также и *органъ самоуправленія*. Такъ что въ то время, какъ наши *интеллигенты и городскіе пролетаріи*, почти безправные политически при царизмѣ, были *демократами лишь въ теоріи, въ идеологіи, въ мечтахъ*, въ это время *мужики были искони практиками демократіи, обладая въ лицъ вѣчевого сельскаго схода огромнымъ опытомъ и формой прямого, полного народовластія*.

И вотъ, въ крестьянскомъ движеніи въ Первой Революціи были двѣ различныхъ волны. Первая — бурная, гѣнистая, замутненная анархіей и полуразрушительная: «захватъ земель» и «разборка усадебъ» помѣщиковъ, преимущественно крестьянами бывшими крѣпостными, минимально автономными въ прошломъ и минимально воспитанными въ мірской вѣчевой демократіи. Ихъ мотивъ былъ преимущественно «Земля» и въ гораздо меньшей

степени «Воля», но и они очень быстро на опытъ поняли, что безъ «Воли» не будетъ и «Земли» и повернули въ русло революціонной демократіи. Другая-же волна, — болѣе медленная и спокойная, но болѣе сильная, глубокая и созидательная, — была представлена «первосортнымъ» государственнымъ большинствомъ крестьянства, мало участвовавшимъ въ захватахъ земель, но славшимъ тысячи революціонныхъ «мірскихъ приговоровъ» и съ каждымъ выборомъ посылавшимъ все болѣе лѣвыхъ и народническихъ депутатовъ. Его мотивъ былъ настолько же «Воля», насколько «Земля», даже *прежде «Воля», чѣмъ «Земля»*, ибо въ большинствѣ случаевъ фактически ему нечего и некого было захватывать и ему надо было лишь *«освобожденіе земли», «освобожденіе переселенія, общинной самостоятельности, семейно-трудоваго быта, всей его жизни, отъ ставшей нестерпимой бюрократической рѣшетки.* Основная крестьянская революціонная волна стремилась просто *смести все преграды «самовольному» крестьянскому социальному строительству*, стать такимъ же хозяиномъ земли и государства, какимъ мужикъ чувствовалъ себя на своемъ мірскомъ вѣчѣ.

Предъ этимъ великимъ первымъ порывомъ русскаго крестьянства въ демократіи и коллективизму интеллигенція предстала, далекая, отдѣленная отъ него и раздѣленная внутри себя междоусобной борьбой. Буржуазная интеллигенція желала повести сама крестьянство, вмѣсто самодержавія, на болѣе вольномъ, культурномъ поведѣ. Марксисты желали вручить эти вожжи для управленія крестьянствомъ пролетаріату или своей пролетарской партіи. Народники представили наилучшую для крестьянства политическую программу и честно боролись за нее, но мало знали крестьянство: оно горячо увѣровало въ нихъ, они же потеряли старую душевную въ него вѣру своихъ отцовъ, но не обрѣли новой.

8. КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ (1907-1913)

Какъ съ подъемомъ революціи возродилось въ интеллигенціи народничество, или, но крайней мѣрѣ, полу-народничество, такъ съ пораженіемъ ея, съ торжествомъ контръ-революціи, вновь усаялось буржуазное и марксистское и, *въ томъ или иномъ смыслѣ,*

крестьянофобское течение. Начавшая Столыпинимъ, указомъ 9 ноября 1906 г., борьба противъ общины встрѣтила со стороны либеральной и социаль-демократической интеллигенціи (за малыми исключеніями) лишь формальную оппозицію. Самый насильственный принципъ указа — захватъ отдѣльными лицами земель общинныхъ коллективовъ, безъ согласія послѣднихъ, въ личную собственность, — былъ принятъ социаль-демократической фракціей Государственной Думы; марксистскіе публицисты, а за ними нѣкоторые народническіе (Огановскій, Сухановъ) раздували размѣры выходовъ изъ общины больше даже, чѣмъ сами бюрократы; велась нѣкоторыми марксистами прямая агитація противъ общины, организовалась юридическая помощь выходцамъ, словомъ оказывалась даже поддержка борьбѣ контръ-революціи противъ крестьянскаго коллективизма. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ литературѣ началось изображеніе мужиковъ (Гаринимъ, Бунинимъ, Родіоновимъ и другими) въ почти сплошныхъ черныхъ краскахъ, какъ массы тупой, жалкой, даже преступной и вырождающейся.

Правда, явились и яркія народническія струи. Явилось такъ сказать «природо-народничество» въ эстетикѣ, отчасти въ беллетристикѣ и особенно въ поэзіи. Началось историческое изученіе теоріи и практики народничества. Продолжалось построеніе теоріи трудового крестьянскаго хозяйства. Оживилось изученіе исторіи крестьянской общины, вскрывшее глубокіе, жизненные ея корни. Наконецъ, даже въ директивахъ социаль-революціонной партіи (на IV и V Совѣтахъ) въ 1907 г. явились впервые рѣшительныя народническія формулы о внимательствѣ во всѣ стороны жизни сельскаго общества, о выработкѣ въ крестьянствѣ цѣлостнаго социаль-революціоннаго міровоззрѣнія, особенно отвѣчающаго на этические запросы крестьянства. Но всѣ эти струи не успѣли выбиться на поверхность, окрѣпнуть и слиться въ цѣльный теоретическій синтезъ, и особенно, — благодаря тому, что изъ лучшихъ силъ новаго народничества многія тысячи погибли или ушли на каторгу, въ ссылку, въ эмиграцію, — не успѣли пройти въ жизнь, не успѣли связать народническую интеллигенцію съ крестьянствомъ. Она нѣсколько обслуживала его культурныя и кооперативныя организаціи, но совсѣмъ не понала внутрь его — въ

общину — и даже полу-раздѣляла общее мнѣніе о ея разможеніи послѣ указа 9-го ноября.

Однако, несмотря на то, что Столыпинъ, понимая, что община несетъ смерть самодержавію, сдѣлала борьбу противъ нея, по собственному выраженію, «осью внутренней политики», поставилъ на эту борьбу послѣднюю ставку, крестьянство само, безъ всякой помощи извнѣ, одержало полную побѣду въ этой схваткѣ не на жизнь, а на смерть. Во-первыхъ, вопреки условіямъ выходовъ, даваннмъ фактически премію выходцамъ, вопреки огромному изю всѣхъ силъ давленію всего бюрократическаго аппарата, выходы только въ первый моментъ разгрома революціи и паники поднялись до высокой цифры, а затѣмъ стали быстро падать, а именно за 8 лѣтъ съ 1907 по 1914 г. (по комбинированному подсчету представленныхъ самой бюрократіей данныхъ о всѣхъ выходахъ выходовъ):

Въ годы:	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Вышло тысячъ семей:	52	533	647	427	402	265	311	237

Затѣмъ въ 1915 г. выходы сошли совсѣмъ къ ничтожной цифрѣ и были приостановлены, въ виду огромнаго экономическаго и социальнаго вреда, самой администраціей, а послѣ революціи выходы тотчасъ массами возвратились въ общину. Во-вторыхъ, въ Столыпинскія сѣти попали не «крѣпкіе и сильные» крестьяне, на которыхъ онъ ставилъ всю «ставку», а какъ разъ, во всѣхъ смыслахъ, низшіе по качеству, послѣдняго, такъ сказать, сорта крестьяне: преимущественно бывшіе брѣвостные изъ безпередѣльных или слабопередѣльных общинъ, преимущественно, семьи мелкія, слабохозяйныя, а въ большой долѣ прямо безхозяйныя. Въ третьихъ, — выходы были полу-фигтивные, ибо выходы оставались связанными съ общиной множествомъ нитей (такъ что, наприм., въ Тверской губ. въ 75 о/о выходовъ были черезъ нѣсколько лѣтъ крестьянами стерты границы черезполосныхъ укрупленцевъ въ силу необходимости общаго сѣвооборота). Такимъ образомъ, еще до революціи самовольный общинный крестьянскій коллективизмъ одержалъ побѣду въ борьбѣ съ самодержавіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ эти годы стала на ноги и сдѣлала огром-

ные шаги крестьянская культура. Крестьянство уже съ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ заводило свои школы, принимало огромное участіе въ земскихъ; въ пѣкоторыхъ казачьихъ областяхъ уже съ 70 г. установлено всеобщее обязательное обученіе; послѣ-же революціи школы, бібліотеки, чтеніе газетъ и брошюръ въ чайныхъ, на сходахъ, въ кружкахъ получило огромное распространеніе. Отвѣты на мои анкеты категорически устанавливаютъ переходъ вліянія на сходахъ отъ стариковъ и кулаковъ къ молодымъ, бѣднымъ и среднимъ, грамотнымъ хозяевамъ, быстрое сокращеніе на сходахъ пьянства (это указывается и въ другихъ данныхъ) и злоупотребленій, необыкновенно быстрое улучшение положенія крестьянской женщины. Закрытіе кабаковъ, прежде чѣмъ стало правительственнымъ, было распространеннымъ мірскимъ дѣйствіемъ. Явились хоры и театры въ деревнѣ изъ самихъ крестьянъ. И вмѣстѣ съ этимъ началось столь-же безпримѣрно быстрое развитіе мѣшовой коопераци. Въ 10 лѣтъ крестьянство окултурилось, модернизовалось,—вмѣстѣ съ побѣдоносной борьбой за свой мірекой коллективизмъ, въ самомъ процессѣ этой борьбы — такъ, какъ раньше не смогло-бы и въ пятидесятилѣтіе.

Интеллигенція-же, обезсиленная, обезкровленная въ революціи, лишь издали и слабо помогала этой великой позитивной работѣ. Въ новыхъ «исканіяхъ» и въ большихъ метаніяхъ она не видѣла небывалой въ исторіи метаморфозы крестьянства, въ пѣдрахъ котораго уже *творилась* Великая Русская Революція.

9. ВОЙНА И МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ (1914-1917).

Война, а затѣмъ революція застали крестьянство и интеллигенцію совершенно раздѣленными, живущими собственной, глубоко различной жизнью. Интеллигенція была частью крестьянофильской, но обычно лишь платонически и абстрактно и рѣдко дѣйствительно, частью была равнодушной, частью прямо крестьянофобской. Она, правда, уже шла къ крестьянству, она-бы вскорѣ въ большой части должна была-бы придти къ нему, войти въ его орбиту, когда его растущая сила вышла-бы наружу, заставила-бы увидѣть себя, и когда, съ другой стороны, назрѣло-бы новое кри-

тико-активное настроеніе ума и духа у самой интеллигенціи. Но налетѣлъ внезапно вихрь войны, а за нею революціи и сѣмпровизировать тутъ-же это прозрѣніе и вдохновеніе, это знаніе и признаніе крестьянства, конечно, интеллигенціи оказалось невозмож-но. А между тѣмъ налетѣвшія событія требовали немедленныхъ рѣшеній, программъ дѣйствій, и крестьянство съ глубокимъ довѣріемъ ждало ихъ отъ интеллигенціи, хотѣло видѣть въ ней своего вождя.

Правда, въ первый моментъ войны, какъ будто интеллигенція слялась съ крестьянствомъ въ единомъ глубокомъ этическомъ порывѣ. И какъ сто лѣтъ назадъ изъ войны и патриотизма родилось народничество у лѣвыхъ декабристовъ, такъ и теперь въ интеллигенціи явились было нѣкоторыя прямо народническія теченія. Работа интеллигентовъ въ коопераціи воодушевилась, просвѣтлѣла, открыла имъ ярче ликъ крестьянскаго коллективизма; артели учащейся молодежи, отправившейся обрабатывать мужицкія поля, представили какъ-бы новую форму хожденія въ народъ, много офицерства погибло въ битвахъ въ братскомъ единеніи съ солдатами, считая, что гибнуть за свободу, за народъ. Но этотъ этический порывъ не перелился въ цѣльную политическую директиву, въ твердую, позитивную, конкретную программу, а наоборотъ, быстро вытѣснился въ интеллигенціи негативными и антидемократическими, антинародническими ея тенденціями. Буржуазная интеллигенція окрасила цѣли войны имперіализмомъ, а въ социалистической возобладала чисто негативная форма Циммервальда. И то, и другое было просто непонятно, абсолютно непріемлемо народнымъ массамъ, и только демагогическая проповѣдь большевизма «вмѣсто войны революція» отвѣчала ближе ихъ возбужденному до апогея революціонному чувству. И тутъ между небольшевистской интеллигенціей и крестьянствомъ разверзлась пропасть.

Такая-же пропасть раздѣлила интеллигенцію отъ крестьянства и въ революціи. Трудно указать, въ чемъ состояло это разъединеніе: *невозможно указать, въ чемъ собственно состояло ихъ единеніе*. Поспѣшила-ли интеллигенція, обладая фактически моральной диктатурой въ первый періодъ революціи, хотя-бы формально передать власть крестьянству, какъ огромному большин-

ству народа, создавъ немедленно, — не въ восемь мѣсяцевъ, а въ восемь недѣль (какъ это потомъ сдѣлали нѣмцы). — Учредительное Собрание? Нѣтъ. Дала-ли, по крайней мѣрѣ, интеллигенція полный просторъ непосредственной самодѣятельности крестьянства въ его мірскихъ вѣчахъ? Отнюдь нѣтъ. Игнорируя самую основу крестьянской жизни и коллективизма — общину и сельское общество, — интеллигенція фактически пыталась бюрократизировать вѣчевую крестьянскую демократію, перенося всю власть съ мірскаго схода въ выборные спеціальныя комитеты, смысла которыхъ крестьяне не понимали, и которые были лишь актами отреченія отъ прямой самодѣятельности. Слилась-ли наконецъ, интеллигенція съ крестьянствомъ въ непосредственномъ общеніи, бросилась-ли она теперь, когда ничто не препятствовало, въ самую глубь деревни, — какъ пыталась это сдѣлать въ 70-е годы, на служеніе крестьянству, на изученіе его колоссальнаго опыта социальнаго творчества, на участіе въ этомъ творествѣ? Увы, 99/100 интеллигентовъ остались въ городахъ. Между интеллигенціей и крестьянствомъ оказалась зияющая пропасть, и именно по ней проникъ и овладѣлъ Россіей большевизмъ.

Не то переживало, не то дѣлало крестьянство въ войнѣ и революціи. Когда интеллигентская печать восторженно весной 1917 года повторяла: «чудо, свѣтлое чудо!» — то она видѣла, увы, только праздничныя одежды революціи, но не прекрасное и могучее ея тѣло, не безсмертную ея душу. Въ самомъ внезапномъ исчезновеніи деспотизма и явленіи свободы не было никакого чуда: всякій, кто зналъ жизнь Россіи и народа, долженъ былъ это предвидѣть, ибо долженъ былъ видѣть насколько царизмъ отсохъ, отгнилъ. Но чудо — свѣтлое чудо — состояло не въ этомъ негативномъ фактѣ исчезновенія царизма, а въ позитивномъ фактѣ поведенія крестьянства, въ его демократическомъ и коллективистическомъ строительствѣ въ войнѣ и въ первый свободный періодъ революціи.

Прежде всего это было завершеніе могучаго распрѣта коопераціи. Возмужавшее въ «самовольномъ» трудѣ и борьбѣ, русское крестьянство не растерялось отъ ухода изъ деревни 15 милліоновъ работниковъ, а бросилось работать, хозяйствовать, организовать. Уже на рубежѣ 20-го вѣка, вмѣстѣ съ окончательнымъ утвержде-

нием общины, съ модернизацией ея, изъ нея развѣтвилась и мѣновая кооперація, затѣмъ, какъ разъ въ кризисъ общиноборства, она сдѣлала первые мощные успѣхи и, наконецъ, съ войной ея развитіе приняло гигантскіе размѣры и пошло съ нигдѣ въ мірѣ невиданной быстротой. Въ общемъ къ 1 января 1917 г., въ 10-15 лѣтъ, въ Россіи возникло около 16 тысячъ однихъ кредитныхъ кооперативовъ и въ нихъ болѣе 10 милліоновъ членовъ, а со всякими другими мѣновыми кооперативами не менѣе 12-ти милл. крестьянскихъ семей, т. е. до 2/3 крестьянства было объединено въ *многочисленной* коопераціи. Но кромѣ этого верхняго, всѣмъ видимаго этажа русскаго крестьянскаго коллективизма, построился почти никѣмъ незамѣчавшійся нижній этажъ, — мелкой частичной *производственной* коопераціи въ видѣ «большихъ семей», «супругъ», артелей, товариществъ по обработкѣ полей, переработкѣ продуктовъ, которыя во множествѣ комбинацій и формъ являлись зародышемъ коллективнаго земледѣлія и, такъ или иначе, затрагивали тоже милліоны крестьянскихъ хозяйствъ, тоже значительное большинство ихъ. И вотъ въ усиліяхъ выстоять въ войнѣ эта производственная кооперація съ помощью общины приняла сразу массовые размѣры, общинныя запашки (части общинной земли) стали охватывать массы обществъ; на примѣръ, въ Екатеринбургской губ. изъ 3 тысячъ общинъ, 1.056 обрабатывали своимъ трудомъ поля призванныхъ въ солдаты, въ другихъ мѣстахъ сообщалось о прямо сплошной мірской помощи. И въ результатѣ посѣвы у крестьянъ или не уменьшались, или уменьшались слабо, а иногда даже увеличивались, — на примѣръ, въ Самарской губ. въ 1915 г. они увеличились на 200.000 десятинъ.

И самымъ «свѣтлымъ чудомъ» явилось крестьянство въ революціи. Какъ по мановенію волшебнаго жезла власть почти исчезла въ Россіи, и что-же сдѣлала пресловутая «темная», «рабская», «безграмотная», «преступная» крестьянская масса? Нигдѣ не оказалось больше порядка, права, труда и патріотизма, какъ въ ней. И въ самой деревнѣ — даже по самымъ враждебнымъ обличеніямъ по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ — до Корнилова и большевизма — почти не было захвата земель. Въ то время, какъ въ городахъ рабочіе постепенно переставали работать, и большевизмъ быстро деморализовалъ солдатъ. въ деревнѣ «самовольство»

оказалось самоуправленіемъ, хранившимъ, даже отчасти развивавшимъ порядокъ и хозяйство. Напримѣръ, въ Воронежской губ. (по докладу депутата Мамкина на историческомъ засѣданіи Учредительнаго Собранія) въ 1917 г. освобожденное крестьянство сумѣло увеличить посѣвы на 17 о/о по сравненію съ 1916 г. И крестьянство почти не заразилось большевизмомъ и, отдавъ почти сплошь свои голоса социаль-революціонерамъ, стало основой Учредительнаго Собранія и демократіи. Но интеллигенція не успѣла разглядѣть этого великаго, несокрушимаго строительнаго муравейника крестьянской коллективистической демократіи. Она безъ общенія съ нимъ, не глядя на него, не продѣлала, а протрадала революцію. И, конечно, отдѣльно отъ основной, органической, исторической силы—крестьянства—она могла только проиграть революцію.

10. АНАРХО-ДЕСПОТІЯ СЪ 1918 г.

Такъ какъ интеллигенція, — сила спиритуальная, идеологическая, — поведшая первоначально революцію подъ своей моральной диктатурой, не слилась тотчасъ-же съ крестьянствомъ, — основной *органической* и позитивной силой Россіи, — то революцію охватила сила *механическая* и негативная: — физическая диктатура рабоче-солдатскихъ толпъ, обезличенной людской пыли городовъ, — сила, способная разрушать, но не строить, т. е. сила не революціонно-демократическая, а анархо-деспотическая, получившая свою идеологію и технику въ большевизмъ. И этимъ самымъ интеллигенція, какъ самостоятельная *спиритуальная* сила, уже раньше надтреснувшая, была окончательно разбита, раздроблена и разбросана въ разныхъ направленіяхъ, обратившись въ технические придатки къ борющимся *механическимъ* силамъ. Часть марксистской и буржуазной интеллигенціи составила властвующую бюрократію большевистской и контръ-революціонныхъ диктатуръ: она глубоко развращена либо властью, либо хищничествомъ и стала прямо врагомъ, прямо палачомъ крестьянства. Другая часть интеллигенціи всѣхъ направленій, — быть можетъ, большинство, — голодомъ и рабствомъ обращена на пассивную службу тѣмъ или инымъ диктаторамъ: ея *спиритуальный* ликъ

стерть и загрязненъ и фактически она вынуждена служить противъ крестьянства. Только нѣкоторая часть, во время ускользнувъ въ эмиграцію, осталась свободной, самой собой, и хотя далеко отъ крестьянства, но избѣгла развращающей и прямо противокрестьянской позиціи. И, наконецъ, лишь остальное меньшинство интеллигенціи, частью просто сельской, какъ учителя и духовенство, частью лучшихъ морально или наиболее народническихъ элементовъ — оказалось не противъ и не внѣ крестьянства, а вмѣстѣ съ нимъ физически и духовно.

При такомъ положеніи и въ связи съ предшествующей исторіей каково-же оказывается теперь отношеніе интеллигенціи къ крестьянству? Надо думать — и это уже прямо просвѣчивается въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, — что часть интеллигенціи, переживающая періодъ анархо-деспотіи вмѣстѣ съ крестьянствомъ, углубила свое знаніе и признаніе его, сроднилась съ нимъ и станетъ основнымъ зерномъ *той будущей крестьянофильской народнической интеллигенціи, которой единственно повѣритъ и дастъ силу само крестьянство*. Но остальные три слоя интеллигенціи: диктаторская, порабощенная и бѣжавшая — не только поневолѣ остаются при прежнемъ незнаніи и непризнаніи крестьянства, но иные, наиболее озлобленные, впадаютъ порой прямо въ психозъ крестьянофобства. Всѣ, конечно, на словахъ клянутся крестьянствомъ и пытаются завоевать его поддержку то широчайшими общаніями, то жалкими подачками. Больше того, получилося единогласное — теперь даже со стороны марксистовъ-большевиковъ — *признаніе силы крестьянскаго трудового хозяйства*. Но къ крестьянству, какъ къ глубокой вѣчевой мірской демократіи, и особенно къ крестьянскому мірскому коллективизму большинство интеллигенціи всѣхъ типовъ попрежнему остается чуждо и отчасти прямо враждебно. Почти никто еще не подошелъ къ пониманію того, что крестьянство не только количественно есть хозяинъ Россіи, но и качественно есть единственный органический, вѣковымъ опытомъ организованный демократическій классъ Россіи, а считаютъ его пассивной политической массой, которую и въ будущемъ кто-то куда-то будетъ «вести». И почти всѣ повторяютъ, конечно, безъ тѣни фактовъ и цифръ, будто именно теперь, подъ большевизмомъ и расцвѣли во-всю «мелкобуржуазность», «собст-

венничеству», «скопидомство», вообще самый крайній антиколлективизмъ крестьянства.

Но довольно мало-мальски серьезно разобратъся въ признанныхъ большевиками общихъ фактахъ и въ ихъ собственныхъ актахъ и цифрахъ, чтобы, при всемъ ихъ злостномъ крестьянофобствѣ, съ достовѣрностью установить полное безсиліе большевистской анархо-деспотіи, прямо-ли, косвенно-ли, — не скажу разрушить крестьянскую мірскую вѣчевую демократію и крестьянскій общинно-кооперативный коллективизмъ, — но хотя бы глубоко и длительно подорвать ихъ. Вотъ кратчайшій перечень этихъ фактовъ.

Прежде всего прямое воздѣйствіе большевизма, какъ и контрреволюціонныхъ диктатуръ, на крестьянство крайне слабо, если не прямо ничтожно. Это всецѣло признаютъ, на это непрерывно жалуются сами большевики: рѣчи коммунистовъ-пропагандистовъ остаются безъ всякаго резонанса, газеты не доходятъ или идутъ на цыгарки, дѣльми мѣсяцами декреты не доходятъ до деревни и вызываютъ лишь отписки и перенески, пѣлыя мѣстности остаются сплошь и рядомъ безъ совѣтскихъ крестьянскихъ органовъ, или съ бездѣйствующими органами и т.д. и т.д. Ленинъ пытался было вначалѣ взять крѣпко мужика за шиворотъ чрезъ «комитеты крестьянской бѣдноты», но настоящей бѣдноты, — какъ юмористически пришлось описывать самому Ю. Ларину, — въ деревнѣ не оказалось, а явившійся сбродъ прямо истреблялся крестьянами. вызывалъ хроническое возстаніе, и уже въ первый же годъ пришлось постѣпно ихъ отмѣнить и искать, если не мира, то перемирія съ «крестьяниномъ-середнякомъ», несокрушимую силу котораго марксисты-большевики тутъ впервые на опытъ увидѣли. Съ тѣхъ поръ большевики и стараются какъ можно меньше трогать крестьянство: и вотъ резюме создавашагося положенія въ словахъ самого крестьянина: «при большевикахъ мы какъ-то въ сторонѣ. При царѣ-то надъ нами командовали, а большевики больше надъ собой командуютъ»... Уже отсюда ясно, что, если и вѣками вѣдрившійся въ крестьянство царско-бюрократическій аппаратъ оказался вѣвъ крестьянской жизни, и безсильнымъ предъ мірскимъ самовольствомъ, то тѣмъ болѣе ничтожно могло быть воздѣйствіе мимолетной большевистской бюрократической импровизаціи.

Съ другой стороны, поскольку воздѣйствіе все-таки было, оно было почти исключительно одиознымъ. Крестьянство было взято подъ диктатуру города, — пять крестьянскихъ голосовъ на выборахъ равны одному пролетарскому, имъ командуютъ, отъ него требуютъ кормленія города, а взаменъ не даютъ почти ничего. Крестьяне абсолютно точно формулируютъ характеръ большевистской власти, когда говорятъ: «прежде была барщина, теперь совѣтчина». За выключеніемъ декорации культурной дѣятельности. Впрочемъ тоже деспотической или надѣвательской, большевизмъ представляется крестьянству въ видѣ «заграбительныхъ отрядовъ». Поскольку, значить, есть нѣкоторое воздѣйствіе большевизма на деревню, оно почти дѣлкомъ сводится къ *отрицательному* результату: большевизмъ не вноситъ въ нее ничего своего, а лишь *возбуждаетъ въ крестьянствѣ энергію противодействия*. И дѣйствительно, въ безчисленныхъ отчетахъ и рѣчахъ, начиная съ самого Ленина, большевики сами признаютъ, что крестьянская масса остается имъ непримиримо враждебной и борется противъ нихъ, насколько хватаетъ силъ. Такъ какъ большевики успѣли захватить почти все вооруженіе, то крестьянамъ пока не удастся ихъ сбросить силой, но отчаянныя попытки возстаній не прекращаются, и даже по большевистскимъ источникамъ это — хроническая кровопролитная война. Зато пассивное сопротивленіе — бойкотъ продуктами и работами — удается лучше: большевистскіе — и иные — города наполовину выморены голодомъ. Но это средство самоубійственное, само крестьянское хозяйство гибнетъ, и съ этого неурожайнаго года *по собственной статистикѣ большевиковъ миллионамъ крестьянъ грозитъ голодная смерть*. Въ моментъ, когда я пишу эти строки, *борьба противъ большевизма становится для крестьянства буквально вопросомъ жизни или смерти*.

Ясно, такимъ образомъ, что прямое воздѣйствіе большевизма, какъ и иныхъ узурпаторовъ, совершенно безсильное войти внутрь крестьянства, сломать его, и лишь возбуждающее его къ отчаянному противодействию, играетъ и можетъ играть только одну роль: *выковыпывать, закалять, доводить до высшаго сознанія и до крайняго напряженія классовую энергію трудового крестьянства*.

Оно видит себя окруженным «міромъ враговъ», не вѣрить больше никому, кромѣ самого себя. И отнынѣ русская деревня не позволитъ больше городу командовать надъ собой.

Но не внесъ-ли большевизмъ разложеніе въ крестьянскій демократизмъ и коллективизмъ какинъ-либо косвеннымъ путемъ?

Что касается крестьянскаго міра, какъ *ячейки демократіи*, то его роль и сила могли, очевидно, только въ огромной степени *возрасти*: вѣдь, за разрушеніемъ почти партій и коопераций (мѣншеровой), именно сельскій міръ остался единственнымъ центромъ и органомъ классовой культурной жизни и классовой политической борьбы крестьянства. Вѣдь, если уже въ 1912 г., когда крестьянство еще лишь пробуждалось и получало кое-что извнѣ отъ земства и государства, сельскіе сходы были прямо универсальны и разсуждали, какъ буквально отвѣчали на мою анкету сами крестьяне, «обо всемъ», то теперь, когда крестьянство очутилось въ мірѣ деспотическихъ враговъ и анархической разрухи, очевидно, почти вся жизнь его сосредоточилась на его «самовольныхъ» вѣчахъ или, въ случаяхъ нелегальныхъ, на ихъ частичныхъ конспиративныхъ суррогатахъ. И, если уже въ тѣхъ же анкетахъ 1902г. я нашелъ даже у тѣхъ крестьянъ, которые жестоко критиковали тогдашнее состояніе сельскаго міра, категорическое признаніе его необходимости, какъ «*средства отбоя отъ всякъ враговъ крестьянства*», то теперь неизбежно именно онъ и только онъ сталъ этой цитаделью крестьянской демократіи: въ мірскихъ приговорахъ (какъ въ первую революцію) она заявляетъ свою политическую волю, къ мірскимъ сходамъ приходится обращаться даже комиссарамъ большевиковъ, мірскіе же сходы сбросили комитеты деревенской бѣдности, мірскіе же сходы встаютъ противъ большевиковъ, когда лопнетъ терпѣніе и на мірскихъ же сходахъ родится подлинная російская революціонная демократія.

Косвенное воздѣйствіе большевизма на *общинный коллективизмъ*, правда, было болѣе зловреднымъ: здѣсь, увы, оправдались выраженныя мною еще въ «Народномъ Правѣ» въ 1906 г. опасенія относительно анархическаго захвата земель крестьянами. Большевикамъ удалось, въ значительной степени, заразить крестьянство разлагающимъ лозунгомъ «грабь грабителей»: распределеніе помѣщичьихъ земель, повидимому, въ большой долѣ про-

шло неуравнительно, случайно, насильственно, захватно, междуусобно. Но есть целый ряд фактов первостепеннаго значенія, каждаго изъ которыхъ было бы уже достаточно, чтобы установить, что это зло *лишь частичное и быстро преходящее*.

А именно. Во-первыхъ, вообще говоря, всѣ общины побывали въ такомъ и еще гораздо худшемъ положеніи; вѣдь все общинное землевладѣніе родилось именно изъ захватнаго и притомъ тогда неравномѣрность была гораздо больше, индивидуальныя права захватчиковъ неизмѣримо сильнѣе и длительнѣе, а община несравненно слабѣе.

Во-вторыхъ, вѣдь община только что, при Столыпинѣ, уже пережила подобный, но еще гораздо болѣе тяжелый кризисъ, ибо тогда междуусобіе было не междуобщиннымъ, а внутриобщиннымъ, и тогда община была гораздо слабѣе, теперь же она въ огромной степени закалена, иммунизирована именно Столыпинскимъ опытомъ: какъ послѣ паденія самодержавія столыпинскіе выходцы изъ общины тотчасъ въ нее вернулись, такъ послѣ конца большевизма ленинскіе «передѣлы» смѣнятся подлинными міреками. Больше того, это уже и происходитъ: не только уже въ столь скудныхъ наблюденіяхъ, проскальзывающихъ въ печать, указывается на стремленіе крестьянъ исправить земельное перераспредѣленіе, но въ общинахъ *передѣлы несомненно уже сейчасъ происходятъ*, ибо Ленинъ издалъ декретъ ихъ ограничивающій, а въ большевистской печати говорятъ о полномъ ихъ запрещеніи, вообще уже, по примѣру Столыпина, ведется прямая борьба противъ нихъ.

Въ-третьихъ, надо имѣть въ виду, — и это особенно важно, — что уже въ силу просто топографическихъ условій, захватъ помѣщичьихъ земель совершился преимущественно бывшими крѣпостными, такъ что и разлагающее вліяніе захвата сосредоточилось въ этомъ меньшинствѣ и могло лишь слабо коснуться бывшего «государственнаго» большинства крестьянства.

Въ-четвертыхъ, наконецъ, все зло вѣдь ограничивается временной неравномѣрностью въ пользованіи малой долей земли (ибо помѣщичье, т. е. нетрудовое землевладѣніе составляло всего отъ 1/10 до 1/5 культурной земледѣльческой площади), а не въ возникновеніи новой частной собственности: вѣдь вся собственность на землю отмѣнена *самимъ же крестьянствомъ, которое*

вотировало трудовую социализацию всей земли въ Россіи. 120 миллионовъ крестьянъ, — а въ томъ числѣ и столь же добровольно и сознательно 20 миллионовъ украинскихъ подворныхъ собственниковъ, особо и прямо вотировавшихъ въ декабрь 1917 года въ Киевѣ, — отдали добровольно государству всю свою частную земельную собственность въ обмѣнъ только на общегражданское право вслѣдъ за трудовое пользованіе землей. Вышнее большевистское воздѣйствіе могло частично и временно саботировать функционированіе этого государственно-общиннаго земельного режима, но чтобы говорить о «собственничествѣ» тѣхъ, кто только что добровольно отдалъ высшему коллективу свою собственность, нужна та оторванность отъ собственного народа, въ которую ввергнута была исторіей русская интеллигенція.

Одинъ англійскій администраторъ въ Индіи писалъ о ней еще въ 1830 г.: «... Переворотъ слѣдуетъ за переворотомъ, сверху смѣняются индусы, патаны, монголы, маратты, сикхи, англичане... Но деревенская община остается, когда все погибаетъ». То же теперь происходитъ и въ Россіи, въ которой сельскій міръ пережилъ и татаръ, и Юанна Грознаго, и Петра Великаго, и Николая II-го съ его Столыпинымъ и который теперь переживаетъ марксистскаго Герострата Ленина, уже модернизовавшись и уже перестроивъ по своему образу и подобию весь земельный строй Россіи. Но въ то время, какъ индійская революціонная интеллигенція строить теперь — слѣдуя отчасти за русскимъ же народничествомъ! — именно на этой своей общиннѣ революцію въ Индіи, въ это время наша интеллигенція, переживая частрое «разбитой арміи», отрекается отъ этой мірекой основы всей російской крестьянской демократіи, отъ того высшаго творчества своего народа, своего отечества, которое озаряетъ пути всему человечеству.

11. НОВЫЕ ПУТИ.

Заканчиваю эту краткую, какъ бы «докладную записку» для интеллигенціи о судьбахъ крестьянства и о ея отношеніи къ нему, такимъ же практическимъ выводомъ, какимъ сопровождалъ и прежнія работы. Въ 1906 г. въ «Народномъ Правѣ» я писалъ:

...«Въ народѣ, что въ тучѣ — въ грозу все наружу выйдетъ... Что выйдетъ наружу?.. Надо узнать эту силу сейчасъ же, сегодня же, ибо завтра будетъ поздно»... Въ статьѣ: «Быть или не быть общинѣ въ Россіи» въ 1912 г. (въ «Завѣтахъ») я, усиливаясь бороться противъ тогдашняго паническаго отреченія отъ общины и доказать на цифрахъ ея силу, указывалъ, что «выходъ... только одинъ: новый походъ интеллигенціи въ народъ», что «разобщеніе между ними, быть можетъ, еще болѣе грозно для интеллигенціи, чѣмъ для крестьянства...» И вотъ, гроза разразилась, и оторванность интеллигенціи отъ крестьянства закончилась катастрофой, еще гораздо болѣе страшной, чѣмъ тогда можно было представить себѣ. Неужели же и теперь будетъ продолжать даже лучшая часть интеллигенціи не знать крестьянства и не признавать въ крестьянствѣ то высшее, то великое, что въ немъ есть, не пойметъ, что въ этихъ его органическихъ силахъ все будущее и ея самой, и всей Россіи?

Въ Россіи сложились двѣ великія историческія силы, пока почти невѣдомыя другимъ странамъ: *революціонно-идеалистическая интеллигенція и демократически-коллективистическое крестьянство*. Первая, бросившись въ авангардъ революціи, надорвалась, истекла кровью, разбилась и нынѣ развѣяна прахомъ по всѣмъ политическимъ вѣтрамъ. Второе всходило все быстрѣе и увѣреннѣе вверхъ ступень за ступенью, выростая, набираясь богатырской силы, проискиваясь сквозь рѣшетки и ломая ихъ. Теперь оно снова въ рѣшеткѣ, ибо въ первый моментъ революціи не взяло сразу само власть. Завтра оно ее возьметъ и уже никому не уступить. Равно зная, равно любя обѣ эти силы, я, конечно, ни на мигъ не отчаиваюсь въ ихъ будущемъ и понимаю вполне, — испытываю, какъ и другіе, на себѣ, — трагическую судьбу интеллигенціи. Но фактъ остается фактомъ: крестьянство завтра будетъ колоссальной, цѣльной, органической, строительной силой, а интеллигенціи сейчасъ нѣтъ.

Интеллигенціи сейчасъ нѣтъ, ибо историческая роль интеллигенціи, какъ отдѣльной *культурной* группы «образованнаго общества» и какъ отдѣльной *идеологической* группы — «людей идеи» — кончена. а исторія требуетъ интеллигенціи, какъ *класса трудовой интеллигенціи*. Она же еще не сложилась. Какъ

же она сложится? Осознаніе и отстаиваніе своихъ интересовъ, хотя неизбежно и необходимо, но само по себѣ недостаточно даже матеріально, и во всякомъ случаѣ это не дастъ интеллигенціи идеологической силы надъ судьбами Россіи. И матеріальную, и духовную силу дастъ ей только новое *моральное трудовое сознание*: именно не отъединеніе, а объединеніе себя со всѣмъ трудовымъ народомъ, сознаніе, что крестьянинъ и рабочій — братья и не «меньшіе братья», а просто братья, равные братья интеллигента. Только это *сфоржированіе интеллигенции, какъ трудового класса*, какъ одного изъ трехъ родовъ оружія трудовой арміи, и дастъ ей вновь жизнь и силу.

«Знаніе и призваніе крестьянства» и составляетъ первѣйшій шагъ къ этому преобразенію и возрожденію русской интеллигенціи. Оно означаетъ просто трезвое возвращеніе къ исторической реальности, бодрое и радостное вступленіе на раскрывшіеся нынѣ предъ человѣчествомъ великіе пути. Соціальное творчество переходитъ нынѣ въ руки трудового народа. Интеллигенція есть невыдѣлимая, необходимая часть его. Интеллигентъ не спускается великодушно съ верховъ соціальной пирамиды въ народъ, а слить съ нимъ въ ея нивахъ. Интеллигенція нынѣ становится новымъ «служилымъ классомъ»: вмѣсто крѣпостнаго или бюрократическаго государства его хозяиномъ въ Россіи становится вчерашній «меньшой братъ» — крестьянство. Служа ему, «не за страхъ, а за совѣсть», интеллигенція служить и человѣчеству, и себѣ самой. Прошло время «вакцагося дворянина», стремившагося искупить свой грѣхъ предъ страданіями народа. Теперь долженъ явиться «кающійся интеллигентъ», понявшій свой глубочайшій историческій грѣхъ — незнанія и непризнанія крестьянства, отрыва отъ основной, органической, строительной силы Россіи въ моментъ величайшихъ ея усилій и подвиговъ. Интеллигенція должна понять, что, не пріемля крестьянства, она отрывается отъ Россіи и что пришло ей время — либо *привитъся органически къ крестьянскому народу*, либо развѣяться прахомъ по свѣту.

К. Качоровскій.

Броженіе въ Индіи.

I.

Въ Магабаратѣ есть разсказъ о томъ, какъ могучій царь Гастинапура Дурьяданъ, завидуя еще болѣе сильному царю Гираніапура Юдистирѣ, которому клялся въ вѣчной дружбѣ, выпустилъ изъ подземелья обольстительную ракша (женщину-демонъ) Вагуки, получеловѣка и полукобру, стонавшую взаперти, «какъ журавль о небѣ». По соображеніямъ Дурьядана, освобожденная дьяволица должна была непременно направиться въ Гираніапуръ и тамъ, у добраго сосѣда, посѣять смуту, чуму, голодь и изнурительную лихорадку. Но ракша погналась за коварнымъ Дурьяданомъ и долго преслѣдовала его отъ моря до моря, грозя гибелью.

Такая-же ракша, — своеобразно понятый крайній націонализмъ, — была освобождена Англіей въ послѣдніе годы, въ надеждѣ, что дьяволица погубитъ только добраго сосѣда. Но Вагуки преслѣдуетъ теперь «Дурьядана» въ Ирландіи, Южной Африкѣ, Египтѣ, а въ особенности, — въ Индіи. Магабарата говоритъ, что лукавый повелитель Гастинапура перехитрилъ въ концѣ концовъ дьяволицу. По всей вѣроятности, «Дурьяданъ» нашихъ дней тоже не такого типа человѣкъ которому Мефистофель могъ-бы крикнуть:

«Du bist noch nicht der Mann, den Teufel fest zu halten!»

Но о томъ, какъ «Дурьяданъ» перехитрилъ освобожденную имъ Вагуки, я, быть можетъ, разскажу въ другой разъ. Темой этой статьи является пребываніе «ракша» въ Индіи. Ужасно легко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасно трудно представить въ сжатомъ очеркѣ картину національнаго броженія въ Индіи. Ужасно легко, если принять какую-нибудь готовую формулу въ родѣ: «Народъ въ Индіи, стонущій подъ иноземнымъ игомъ, борется за національную самостоятельность» или «пролетаріатъ въ Индіи, слыша зовъ большевиковъ, рветъ свои цѣпи». Насъ, русскихъ радикаловъ, когда-то предупреждалъ отъ готовыхъ формулъ еще Н. Г. Чернышевскій, но мы плохо вос-

приняли урокъ учителя*). Тѣмъ менѣе годятся готовые формулы для Азіи. Ужасно трудно дать сжатую картину народнаго броженія въ Индіи, если мы, отбросивъ готовые формулы, начинаемъ знакомиться съ фактами и анализировать ихъ. Обратимся къ наиболее авторитетному, общепризнанному знатоку современной Индіи. Мы сразу наталкиваемся на такія строки: «Что такое Индія? Что въ дѣйствительности обозначаетъ это названіе? Отвѣтъ, который я даю, звучитъ парадоксально, но онъ правиленъ. Такой страны, какъ Индія, нѣтъ, и это первый существенный фактъ, который надо узнать о ней. Мы называемъ Индіей огромный континентъ, содержащій множество самыхъ разнообразныхъ странъ. У самихъ индусовъ нѣтъ общаго названія для Индіи**»). Индія имѣетъ пространство въ 1.802.657 кв. миль, съ населеніемъ, по послѣдней переписи, почти въ 316 милліоновъ. Другими словами, Индія занимаетъ такое-же пространство и имѣетъ такое-же многочисленное населеніе, какъ вся Европа, безъ Россіи. Отъ сѣверныхъ границъ ея до крайняго юга, т. е. до мыса Коморина, такъ-же далеко, какъ отъ Петрограда до Гибралтара. Индія по географическимъ и этнографическимъ признакамъ дѣлится на провинціи, изъ которыхъ нѣкоторыя по площади и по густотѣ населенія равны или даже превосходятъ нѣкоторыя великія державы. Бенгалія, напримѣръ, занимаетъ пространство въ 79 тысячъ кв. миль и имѣетъ населеніе въ 45,5 мил.; президентство Бомбей — пространство въ 123 тысячи кв. миль, съ населеніемъ въ 20 мил.; Пенджабъ — 100 тысячъ кв. миль съ населеніемъ въ 20 милліоновъ; «Соединенная провинція» (Агра и Уде) — 107 тысячъ кв. миль, съ населеніемъ въ 47 милліоновъ; Бурма — 230 тысячъ кв. миль, съ населеніемъ въ 12 милл.; Мадрасъ — 142 тысячи кв. миль, съ населеніемъ въ 42 милліона; Бигаръ и Орисса — 83 тысячи кв. миль, съ населеніемъ въ 35 милл. и т. д. Каждая провинція представляетъ собою не только громад-

---

*) «Мнѣ всегда тошно читать разсужденія о «гнусности буржуазіи» и обо всемъ тому подобномъ; тошно потому, что эти разсужденія, хоть и внушаемыя «любовью къ народу», вредятъ народу, возбуждая вражду его друзей противъ сословія, интересы котораго, хотя и могутъ часто сталкиваться съ интересами его (какъ сталкиваются очень часто интересы каждой группы самихъ простолюдиновъ съ интересами всей остальной массы простолюдиновъ), но въ сущности одинаковы съ тѣми условіями національной жизни, какія необходимы для блага народа, потому въ сущности тождественны съ интересами народа». (Н. Г. Чернышевскій, «Полное собраніе сочиненій», т. XI, стр. 234-235).

***) Sir John Strachey, «India, its Administration and Progress», p. 2.

ный человѣческій муравейникъ, но и совершенно особый мѣръ. «Разныя европейскія страны, несомнѣнно, меньше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ отдѣльныя провинціи Индіи, — говоритъ уже цитированный авторитетъ. — Шотландія имѣетъ болѣе общаго съ Испаніей, чѣмъ Бенгалія съ Пенджабомъ. Европейская цивилизація создавалась при условіяхъ, въ значительной степени общихъ для всѣхъ странъ. Такимъ образомъ, въ Германіи, Англіи, Франціи и т. д. она имѣетъ много сходныхъ чертъ. Въ Индіи не было такихъ условій. Страны здѣсь лежатъ далеко другъ отъ друга и раздѣлены естественными препятствіями. Мы видимъ большую разницу въ климатахъ, чѣмъ въ Европѣ... Уроженецъ Калькутты или Бомбея является такимъ-же чужестранцемъ въ Дели или Пешаварѣ, какъ англичанинъ въ Римѣ или Парижѣ» *).

«Многомилліонное населеніе Индіи говоритъ на 147 языкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ близки другъ другу по формѣ и происхожденію, представляя собою только разныя нарѣчія. Мы имѣемъ въ Индіи много самостоятельныхъ языковъ, достигшихъ высокой формы совершенства и имѣющихъ богатую литературу. Рядомъ встрѣчаемъ другіе языки — бѣдные и грубые» **). Послѣдняя перепись насчитываетъ, вмѣстѣ съ нарѣчіями, даже не 147 языковъ, а 220. Языки эти распадаются на четыре группы: 1) Индо-европейскую (арійскую), 2) Дравидскую, 3) Андра и 4) Тибето-бирманскую. Населеніе раздѣлено не только по языку, но и по религіи. По послѣдней переписи въ Индіи было 217,5 мил. браминистовъ или индуистовъ, 65,8 мил. магометанъ, 10,7 мил. буддистовъ, 3,8 мил. христіанъ, 3 мил. сиксовъ, 1,2 мил. *джэйнъ*, 100.000 парси и 10,2 мил. анимистовъ. У представителей главныхъ религій имѣются старыя счеты. Индусы ненавидятъ магометанъ. Британская администрація часто съ трудомъ предупреждаетъ рѣзню. Со времени возстанія сипаевъ въ серединѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка, англійское правительство проявляетъ самую широкую терпимость ко всѣмъ мѣстнымъ религіямъ. Оно вмѣшалось только, чтобы остановить наиболѣе кровавыя проявленія религіознаго фанатизма, какъ, напримѣръ, человѣческія жертвоприношенія богинѣ Кали и обрядъ *суги* (сжиганіе вдовъ). «Не будь неусыпнаго надзора, человѣческія жертвы приносились бы богинѣ Кали даже въ наиболѣе образованныхъ провинціяхъ», — говоритъ сэръ Джонъ Стрѣги ***). Какъ единичные случаи, такія жертвоприношенія бывають и теперь, но смотря на бдитель-

*) Strachey, p. 3.

**) Joseph Chailley, «L'Inde Britannique», p. 45.

***) Strachey, p. 541.

ность администраціи. Революціонные журналы на туземныхъ языкахъ аллегорически говорятъ, что богиня Кали требуетъ въ жертву «бѣлыхъ козловъ», т. е. англичанъ *). Что касается *сути* (самосожженія вдовъ), то брамины до сихъ поръ не прекращаютъ ропота противъ запрещенія обряда. Протесты эти можно было-бы формулировать словами баядеры, требовавшей права взойти на костеръ вмѣстѣ съ Магадевой:

Meinem Gatten will ich wieder!
Und ich such' ihn in der Gruft...
Mein! er war es, mein vor Allen!

«Безпристрастность англичанъ въ религіозныхъ вопросахъ доходить до того, что одно время они запрещали христіанскимъ миссіонерамъ проповѣдывать въ Индіи, — говоритъ французскій изслѣдователь. — Теперь, подъ сильнымъ давленіемъ, британское правительство вынуждено было измѣнить свою политику. Безчисленныя христіанскія секты получили возможность искать новообращенныхъ въ Индіи; но англо-индійское правительство держать себя такъ осторожно и въ тоже время такъ честно, что мусульмане, а въ минуты искренности даже индусы, признаютъ безпристрастіе администраціи. Въ вопросахъ религіозныхъ пестрое населеніе Индіи такъ-же свободно какъ если-бы оно имѣло государя своего исповѣданія» **).

Формулу: «Индія борется за національную свободу», нельзя примѣнить. потому что пестрое, многомилліонное населеніе не составляетъ одну націю. Вѣрно это не только относительно настоящаго времени, но и прошлаго. Индія никогда не была *націей*. «Не только Индія никогда не составляла одну націю, но мы въ ней не видимъ даже временнаго возникновенія аггломерата разныхъ народностей, объединенныхъ съ завоевательной цѣлью, какъ въ Европѣ. — Народы Индіи никогда не имѣли общую душу, — говоритъ Жозефъ Шайи. — Физическій характеръ полуострова, разное происхожденіе расъ, населяющихъ страну, языки и вся исторія обрекла эти народы на обособленное существованіе. И если когда-нибудь явится однородный индусскій народъ, съ однимъ языкомъ и общимъ патріотизмомъ, то это произойдетъ подъ вліяніемъ Европы. Причиной явленія будутъ не португальцы, голландцы или французы, содѣйствовавшіе паденію имперіи моголовъ, а англичане. Они имѣютъ теперь всю страну подъ своимъ непосредственнымъ владѣніемъ или подъ протекторатомъ. Путемъ своихъ законовъ,

*) Valentine Chirol. «Indian Unrest», p.p. 345-346.

***) J. Chailley, «L'Inde Britannique», p. p. 93-94.

администраціи и школь Англія можетъ съ теченіемъ времени «пришлифовать» разные народы Индіи. И тогда, быть можетъ, съ *вѣками*, создастся общій индійскій типъ и одна индійская національность»). Это писано въ 1909 году. Въ 1865 году Индію посѣтилъ замѣчательный наблюдатель и человекъ обширнаго государственнаго ума — Чарльзъ Дилкъ. По калибру ума, по проникательности, по широтѣ образованія и по твердости убѣжденій Чарльзъ Дилкъ, конечно, превосходилъ Гладстона и вообще всѣхъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей XIX вѣка. Дилкъ выясняетъ въ своей замѣчательной книгѣ, что индійской націи не существуетъ и *очень* долго не будетъ существовать. Если-же такая нація возникнетъ, то англичанамъ, — хотятъ ли они этого или нѣтъ, — придется уложиться и уходить изъ Индіи. Править демократіей, проникнутой самосознаніемъ, противъ ея воли, нельзя, въ особенности, если правители представляютъ собою только ничтожное меньшинство **).

II.

Народы, населяющіе Индію, отличаются по вѣрѣ, языку, происхожденію и по интересамъ. Покуда пришли англичане, эти народы рѣзали другъ друга. Индія перманентно пребывала въ состояніи анархіи. Даже теперь, какъ я упомянулъ уже, большіе религиозные праздники въ Бенаресѣ, куда собираются сотни тысячъ паломниковъ, рѣдко обходятся безъ кровавой драки между мусульманами и индусами.

Единства устремленій и цѣлей нѣтъ даже у отдѣльныхъ человѣческихъ муравейниковъ, объединенныхъ вѣрой и языкомъ, какъ, напримѣръ, у индуистовъ. Если нѣкоторыя провинціи разьединены почти непреодолимыми физическими препятствіями, то мы имѣемъ народы въ Индіи, раздѣленные перегородками, представляющими своего рода соціальныя Гималаи. Я говорю о кастовой системѣ. «Каста для поверхностнаго наблюдателя обозначаетъ теперь, почти исключительно, наследственность занятій», — говоритъ Стрэнги. — Населеніе Индіи, какъ замѣтилъ еще сэръ Генри Мэнъ, представляетъ собою огромное множество независимыхъ, самодовлѣющихъ, организованныхъ соціальныхъ группъ: промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ. Въ большинствѣ случаевъ каста означаетъ только наследственное занятіе. «Каждая профессія, каждое ремесло,

*) J. Chailley, p. 50.

**) Ch. W. Dilke, «Greater Britain», vol. II, p. 358.

каждый цехъ и классъ являются также синонимомъ касты, — говоритъ Мэнь. — Члены отдѣльной касты не только имѣютъ собственное божество, взятое изъ индусскаго пантеона, но ѣдятъ лишь въ обществѣ другъ друга и берутъ женъ изъ своей среды». Общая перепись отмѣчаетъ касты наслѣдственныхъ писцовъ, нищихъ, могильщиковъ, отшельниковъ, палачей, барабанщиковъ, звѣздочетовъ, скомороховъ, памфлетистовъ, составителей родословныхъ, продавцовъ коровьяго навоза, поэтовъ, наслѣдственныхъ воровъ, плакальщиковъ на похоронахъ, льстецовъ («flatterers for gain», какъ отмѣчаетъ перепись), бродягъ, доносчиковъ, акробатовъ и т. д. *). Занятіе и каста, впрочемъ, не всегда совпадаютъ. Представители высшей касты, т. е. брамины, напримѣръ, занимаются всякимъ дѣломъ, если только оно, по религіознымъ воззрѣніямъ, не оскверняетъ. Профессоръ Флауэръ доказываетъ, что происхожденіе кастъ восходитъ къ тому времени, когда въ Индію вторгались съ сѣвера разныя племена. Каста имѣла первоначальной цѣлью сохраненіе чистоты расы**) Каково-бы ни было ея происхожденіе, «каста представляетъ собою наиболѣе замѣчательное социальное явленіе современной Индіи. Кастовая система пребываетъ во всей силѣ, а противники ея исчезаютъ одинъ за другимъ»***). Приведу выдержку изъ отчета о послѣдней переписи въ Бенгаліи, дающую нѣкоторое представленіе о группировкѣ кастъ. Спеціальная комиссія опросила 19 милліоновъ населенія одного изъ округовъ Бенгаліи и раздѣлила всѣ касты на семь группъ. Въ первую вошли брамины, всего около милліона. Во вторую группу вошли «байдіасы», т. е. наслѣдственные врачи, и «кайясты», или наслѣдственные писцы, утверждающіе, что они потомки «кшатриа» (воиновъ), обмѣнявшихъ мечъ на перо. Третья группа обнимаетъ всѣ «чистыя» касты; тутъ — кондитеры, наслѣдственные продавцы благовоній, продавцы бетеля, садовники, гончары и цирульники. Всѣхъ представителей этихъ кастъ — три милліона. Въ четвертую группу попали касты «чази кайбарать» и «гоаль», отъ которыхъ браминъ можетъ принять воду, не осквернившись, но для которыхъ высшіе брамины не должны совершать богослуженія. Въ пятую группу вошли разныя касты, отъ которыхъ высшія касты не должны принимать воду. Деревенскій цирульникъ будетъ еще брить членовъ этихъ кастъ, но онъ уже не можетъ срѣзать имъ ногти на большихъ пальцахъ ногъ и не долженъ присутствовать на свадьбахъ этихъ клиентовъ.

*) Ch. W. Dilke, «Greater Britain», v. II, p. 210.

**) Professor Flower, «The Tribes and Castes of Bengal» Introduction, p. I.

***) Chailey, p. 98.

Въ шестую группу вошли касты, насчитывавшія до восьми миллионѣвъ человѣкъ. Эти касты должны имѣть своего циркульника, такъ какъ обычный брадобрей осквернится, если послужить имъ. Но касты шестой группы, какъ и другіе индуисты, не ѣдятъ говядины, свинины и куръ. Деревенскій портомойщикъ (тоже наслѣдственная каста) беретъ платье этихъ сектъ для чистки. Въ седьмую группу вошли касты, ѣдящія всякую нечисть и оскверняющія каждаго брамина своимъ прикосновеніемъ или даже видомъ. Деревенскій портомойщикъ не беретъ у этихъ кастъ платья для чистки. Одинъ видъ представителей этихъ кастъ оскверняетъ брамина на разстояніи 24, 36, 48 и даже 64 шаговъ. Нечистыхъ кастъ, обреченныхъ на полную изоляцію, очень много. Въ Центральныхъ провинціяхъ, напри- мѣръ, паріи (Mahars) составляютъ 20% туземнаго населенія. «Къ нимъ грѣхъ дотронуться, — пишетъ теперь наблюдатель изъ Индіи *). — Зайдите въ деревню, въ которой живутъ Mahars (паріи). Вы узнаете, что имъ нельзя даже черпать воду изъ общаго колодца... Въ деревенской школѣ дѣти Mahars должны сиѣть внѣ класса, на верандѣ. Если правительственный инспекторъ будетъ настаивать, чтобы маленькіе паріи учились вмѣстѣ съ другими, то это поведетъ къ полному бойкоту школы». Всякое стремленіе со стороны правительства улучшить положеніе Mahars признается туземной печатью, какъ «вызовъ населенію». Во время войны были на вербованъ полкъ изъ Mahars. Ни одинъ индусъ не захотѣлъ быть офицеромъ въ этомъ полку. Сипая отказались даже жить въ казармахъ, лежащихъ вблизи тѣхъ баракѣвъ, въ которыхъ помѣстили Mahars. Когда въ началѣ этого года происходили въ Индіи выборы въ новыя законодательныя палаты, то индусскіе націоналисты, желая «попозорить» парламенты, или бойкотировали ихъ, или «для смѣха» выбрали «Mahars», имѣвшихъ университетское образованіе. Индусскіе революціонеры, съ удивительной памятью, которая у восточныхъ интеллигентѣвъ часто замѣняетъ способности, цитируютъ цѣлыя страницы изъ сочиненій Бакунина, Ленина или Карла Маркса, но они становятся косноязычны, когда рѣчь заходитъ о кастахъ. Я помню встрѣчу съ извѣстнымъ индусскимъ революціонеромъ. Съ перваго абцуга оиъ, когда узналъ, что я русскій, спросилъ меня: «какъ нигилисты готовятъ бомбы?» (это было въ 1909 году). Когда рѣчь потомъ зашла о кастахъ и индусу поставили вопросъ ребромъ объ уничтоженіи ихъ, — коммунистъ, террористъ и марксистъ залопоталъ что-то о національныхъ традиціяхъ, которыхъ Европа не понимаетъ. Ту-

---

*) Sir V. Chirol, «India Old and New». Статьи эти печатаются теперь въ «Times».

земная печать въ Индіи яростно нападаетъ на англійское правительство, между прочимъ, за то, что оно поддерживаетъ миссіонеровъ, обучающихъ отверженныя касты и помогающихъ «магарамъ», такимъ образомъ, подняться.

Индійскаго національнаго движенія не было и нѣтъ, ибо нѣтъ ни націи, ни Индіи, какъ одной страны. Индія, какъ мы видѣли, представляетъ собою цѣлый континентъ съ многочисленнымъ, разноязычнымъ, ненавидящимъ другъ друга населеніемъ. Ненависть это ихъ единственное «общее».

III.

Индія на всеъ протяженіи своей исторіи никогда не походила на неподвижное Саргассово море, на которомъ, говорятъ, и ряби даже не бываетъ. Въ разныхъ провинціяхъ ферментация никогда не прекращается. Иногда броженіе проявляется только большими драками съ проломомъ череповъ и съ раздробленіемъ череповъ, иногда выражается въ поджогахъ, а иногда принимаетъ характеръ шторма. Тогда —

Ревущіе валы, какъ будто, бьются
 Съ толпою тучъ; бичуемъ грознымъ вѣтромъ,
 Чудовищную гриву океанъ
 Всю разметалъ и точно хлещетъ влагой
 Въ Медвѣдицу сверкающую, съ тѣмъ,
 Чтобъ загасить блестящихъ сторожей
 У полюса, недвижнаго отъ вѣка. *)

Тогда кажется, что британскому владычеству въ Индіи приходитъ конецъ. Когда въ одной провинціи — «штормъ», — въ другой — полный «штиль». Причины бури — не одинаковы для разныхъ провинцій. Крайне характерно, что ни приниженность отверженныхъ кастъ, ни бѣдность крестьянскаго населенія (райотовъ) не порождаютъ и, кажется, никогда не порождали безпорядковъ. А между тѣмъ трудно найти на земномъ шарѣ другую страну, представляющую такія поразительныя картины нищеты, какъ Индія. Объ этой бѣдности говорятъ всѣ независимые авторы. «Двадцать лѣтъ назадъ годичный доходъ индійскаго крестьянства, по вычисленіямъ Дадабая-Наороджи, равнялся одному фунту стерлинговъ на человѣка; но теперь этотъ доходъ еще уменьшился. Вильямъ Дигби, напримѣръ, полагаетъ, что, въ среднемъ, годовой доходъ индуса — 12 шил-

*) «Отелло».

лингвъ 6 пенсовъ. Пятьдесятъ процентовъ и даже больше этого дохода вносится, какъ земельная рента... Крестьяне должны платить земельный налогъ деньгами. А такъ какъ срокъ платежа — раньше, чѣмъ поспѣетъ жатва, то это гонитъ крестьянъ въ лапы «буніаковъ», «сукарсовъ» и «шродсовъ», т. е. деревенскихъ ростовщиковъ *)). Англія выжимаетъ изъ Индіи громаднѣйшій капиталъ: около 35 милліоновъ ф. ст. въ годъ. «Взамѣнъ этого, — говоритъ наблюдатель, — въ случаѣ голода, Англія даритъ Индіи пятьсотъ тысячъ ф. ст.» Правительство указываетъ на сѣть оросительныхъ каналовъ въ Индіи. Критики отвѣчаютъ: пользованіе водой обходится очень дорого. Администрация смотритъ почти какъ на государственную измѣну, если крестьянинъ самъ выкопаетъ колодезь для цѣлей орошенія. Естественнымъ послѣдствіемъ крайней нужды является чума. «Прежде она представляла собою эпидемическую болѣзнь, а теперь стала эндемической», — говоритъ одинъ изъ изслѣдователей. Въ мартѣ 1906 года въ Индіи отъ чумы умерло 250.000 человекъ. Цифра эта станетъ гораздо страшнѣе, если вспомнить, что всѣхъ европейцевъ въ Индіи только 200.000». Другой авторъ, посѣтившій Индію въ 1908 году, констатируетъ, что налоги, уплачиваемые крестьянами, составляють 65% ихъ дохода. Вычислено, что британскій капиталъ, помѣщенный въ Индіи въ желѣзныхъ дорогахъ, оросительныхъ каналахъ и предпріятіяхъ всякаго рода, достигаетъ 500 милліоновъ ф. ст. Считая только 5%, это составитъ ежегодное бремя въ 25 милліоновъ ф. ст., лежащее на населеніи, ибо владѣльцы акцій живутъ въ Англіи, а не въ Индіи. Такимъ образомъ, вывезенныя деньги не возвращаются тому населенію, которое уплатило ихъ. Считая громадныя пенсіи отставнымъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, живущимъ тоже въ Англіи, надо признать, что изъ Индіи ежегодно вывозится въ Англію тридцать милліоновъ ф. ст. «Крестьянинъ платитъ въ видѣ земельныхъ налоговъ отъ 50-65% своего дохода», — говоритъ Рипанъ Чандра Паль въ своей книгѣ: «Духъ Индійскаго Націонализма**»). Если-же присоединить еще мѣстные налоги, то получится, что крестьянинъ вынужденъ отдавать 75% своего урожая. Время отъ времени составляются въ Индіи новые окладные листы, причемъ налоги повышаются на 30 и даже на 50%. Чрезмѣрными налогами обусловливается великая бѣдность индійскаго крестьянина, — говоритъ цитируемый авторъ. Онъ отрицаетъ утвержденіе, будто райотъ платитъ теперь меньше, чѣмъ раньше, когда страной владѣли туземные повелители. Прежде кре-

*) Н. М. Hyndman, «The Unrest in India», стр. 5-7.

(**) «The Spirit of Indian Nationalism», London, 1910.

стьянинъ платилъ натурой, тогда какъ теперь — деньгами. Прежде раджа въ плохой годъ получалъ мало, тогда какъ теперь, будетъ-ли урожай или недородъ, крестьянинъ обязанъ внести опредѣленный налогъ деньгами. «Сорокъ милліоновъ населенія Индіи голодаетъ всю жизнь», — узнаемъ мы изъ крайне авторитетнаго источника. *) Каждый неурожай означаетъ великій голодъ. За послѣдніе 123 года Индія семнадцать разъ испытывала голодъ. Въ 1900 году голодный районъ охватилъ 417 тысячъ кв. миль, съ населеніемъ въ 54 милліона. Отъ 15-30% населенія получало казенное пособіе. Индусы называютъ свою родину «страной милостыни»; иностранцы зовутъ ее «имперіей нищихъ». Индійская крестьянская пословица свидѣтельствуетъ о томъ, что райотъ всегда учитываетъ возможность смерти отъ голода. «Если есть что, — ѣшь; если нѣтъ, издыхай». Пословица, какъ видите, не предусматриваетъ возможности голодныхъ бунтовъ. На почвѣ нищеты и голода въ Индіи никогда не возникали тѣ бури, когда

The chidden billow sums to pelt the clouds

(свирѣпые валы, кажется, ударяютъ въ облака). За сорокъ лѣтъ, въ періодъ отъ 1860-1900 г.г., въ Индіи умерло отъ голода тридцать милліоновъ человѣкъ. Голодъ и бѣдность крестьянскаго населенія представляютъ для туземныхъ реформаторовъ скорѣе риторическую фигуру для посрамленія англійскаго владычества, чѣмъ дѣйствительную причину заботы. Земледѣльцы въ Индіи, т. е. болѣе 78% всего населенія, представляли и представляютъ собою «апостоловъ труда и терпѣнія». Беспорядки въ отдѣльныхъ провинціяхъ обусловливались земельными отношеніями между райотами и помѣщиками-туземцами, т. е. носили и носятъ всегда чисто *мѣстный* характеръ. Земельныя отношенія эти созданы стремленіемъ примѣнить готовую формулу для разрѣшенія непонятнаго явленія. Въ концѣ XVIII вѣка генераль-губернаторъ Индіи лордъ Корнуэльсъ назначилъ агентовъ для постановки земельныхъ доходовъ Компаніи на болѣе твердую почву. «Британскіе чиновники, плохо знавшіе туземные языки, имѣли также лишь поверхностное знакомство съ мѣстными обычаями. Всѣ раджи и всѣ откупщики доходовъ, какъ наслѣдетвенные, такъ и вновь назначенные, называли себя, — иные правильно, а другіе безъ всякаго основанія, — *заминдарь*. Слово это означаетъ земельный арендаторъ (landholder). Англійскіе чиновники, имѣя въ памяти готовую формулу, т. е. земельныя отношенія у себя на

*) «The Encyclopaedia of Social Reform». New-York, 1908, стр. 607.

родинѣ, перевели *заминдарь* черезъ—*землевладѣлецъ* (landlord). Чиновники сочли Бенгалію страной крупныхъ владѣній, съ лэндлордомъ на вершинѣ системы и фермеромъ — внизу ея. Англійскіе чиновники того времени всѣ принадлежали къ земельному дворянству. Они знали только одну систему земельныхъ отношеній — англійскую, т. е. такую, при которой земля принадлежитъ лэндлордамъ, живущимъ въ помѣстьяхъ. Выше помѣщиковъ пребываетъ государство, имѣющее право собирать налоги, а внизу находятся фермеры и сельскіе работники. Англійскіе чиновники, имѣя готовую формулу, не могли даже представить себѣ, что могутъ быть гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ исключенія изъ нея, т. е., что бенгальскіе *заминдары* совсѣмъ не помѣщики, а только агенты-распредѣлители, и что земля принадлежитъ государству. *Заминдары* превращены были въ помѣщиковъ, обязанныхъ только уплачивать опредѣленный налогъ государству. Что касается крестьянъ, имѣвшихъ такое-же право на землю, какъ и *заминдары*, то ихъ перечислили въ простыхъ арендаторовъ или сельскихъ работниковъ. Англійскіе чиновники не сочли надобнымъ урегулировать отношенія между новыми помѣщиками и крестьянами, превращенными въ батраковъ. Такова была система земельныхъ отношеній, введенная по невѣжеству въ Бенгаліи, въ Ассамѣ, въ Соединенныхъ Провинціяхъ и Мадрасѣ *)).

Райоты (крестьяне), потерявшіе права на землю, вслѣдствіе пристрастія англичанъ-чиновниковъ къ готовымъ формуламъ, обвиняли во всемъ *заминдаровъ*. Съ теченіемъ времени система арендныхъ отношеній, созданная невѣжествомъ, измѣнялась. *Заминдары* такъ и остались помѣщиками, но введена была кое-гдѣ постоянная аренда, двойная собственность и права на улучшенія (tenaut-rights). Надо сказать, что эти поправки только еще болѣе запутали отношенія. И теперь, когда въ индійскихъ деревняхъ возникаютъ беспорядки, которые съ большой тревогой комментируются англійскими газетами, въ основѣ *всегда* лежатъ отношенія между райотами и помѣщиками-туземцами. (Въ Агрѣ они называются *заминдарами*, а въ Удѣ — *талукдарами*). «Еще хуже неопредѣленной формы арендныхъ отношеній — тотъ произволь, который всегда могутъ проявить *заминдары* и *талукдары* къ своимъ крестьянамъ, не нарушая при этомъ законовъ, — пишетъ изъ Аллагабада спеціальныи корреспондентъ *Таймса* по поводу недавнихъ беспорядковъ въ Агрѣ. — Туземный помѣщикъ, желающій построить новый домъ, отправить сына въ Европу или купить автомобиль, уве-

*) J. W. Probyn, «System of Land Tenure in Various Countries», p. 318.

личиваетъ на нѣсколько рупій арендную плату крестьянъ. Райотъ не смѣетъ сказать ни слова. И въ данномъ случаѣ кастовая система еще больше отягчаетъ положеніе райота». *)

IV.

Что-же представляетъ собою политическое и, такъ называемое, національное движеніе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Индіи? Мы видимъ, прежде всего, стремленіе со стороны интеллигентныхъ классовъ, получившихъ европейское образованіе (*бабу*, какъ ихъ называютъ въ Индіи), къ большимъ правамъ. Англія, нуждаясь въ низшихъ чиновникахъ, знающихъ туземные языки, открыла въ Индіи нѣсколько университетовъ, изъ которыхъ и вышли *бабу*. Эти университетски образованные туземцы первые выдвинули «петицію о правахъ»... для себя. «Бюджетъ лежитъ на нашихъ плечахъ, — говорили они, — между тѣмъ правительство, назначая чиновниковъ, даетъ преимущество не образованнымъ индусамъ, а англичанамъ, окончившимъ кембриджскій или оксфордскій университеты. Если-же индусовъ и допускаютъ на службу, то только на сравнительно мало оплачиваемыя должности. Теоретически всѣ мѣста открыты для выдержавшихъ установленный экзамень; но всѣ выгоды на сторонѣ англичанъ: экзамены производятся не въ Индіи, а въ Англіи, куда долженъ поѣхать молодой индусъ, желающій поступить на правительственную службу. Молодой человекъ хорошо знаетъ, что, если онъ сдастъ экзамень первымъ, а англичанинъ послѣднимъ, преимущество все-таки будетъ отдано не индусу». Интеллигентные туземцы указывали на то, что въ то время, какъ 8000 англичанъ, состоящихъ на правительственной службѣ въ Индіи, получаютъ жалованія 13.930.554 ф. ст. въ годъ, 130.000 чиновниковъ и служащихъ индусовъ получаютъ вмѣстѣ только 3.284.193 ф. ст.

«Всѣ наиболѣе хорошо оплачиваемыя мѣста въ правительственной службѣ въ Индіи для насъ фактически закрыты, — жалуются *бабу*. «Въ нашей-же странѣ насъ не пускаютъ на государственную службу, на лучшія мѣста. Изъ денегъ, вносимыхъ нами-же, платятъ громадныя жалованія чужимъ... Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ жалованіе отъ 75-200 рупій въ мѣсяць получаютъ только 380 европейцевъ, но 5.080 индусовъ; отъ 1000 рупій и больше получаютъ 690 англичанъ и только 16 индусовъ». *Бабу* требовали. и совершенно справедливо, правъ

*) Sir V. Chirol, «India Old and New», «Times», January 21, 1921.

для себя; но даже наиболее передовые из них умолкали, когда вопрос касался касты. «Индийский реформаторъ необыкновенно смѣлъ, когда дѣло идетъ объ абстрактныхъ вопросахъ, и становится крайне робкимъ, когда выдвигаются бытовые вопросы, — пишетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ современной Индіи. — На платформѣ онъ будетъ громить порабощителей, но въ частной жизни реформаторъ — самъ рабъ традицій и старыхъ обычаевъ. Въ глазахъ европейца самыя крайнія требованія, выставляемыя индійскими прогрессистами, покажутся до смѣшного умѣренными; но радикаламъ приходится постоянно лавировать между Сциллой индусскаго консерватизма и Харибдой западнаго презрѣнія... Самые смѣлые *бабу* обходятъ вопросъ о кастахъ. Въ 1906 году въ Мадрасъ престарѣлый радикаль и филантропъ Рао-Богодуръ-Вирасалингамъ-Пантулу, браминъ по происхожденію, съ цѣлью протеста противъ кастовой системы, сорвалъ съ себя всенародно нить, свидѣтельствующую о высококомъ происхожденіи, и, такимъ образомъ, присоединился къ отверженнымъ. Но это *единичный* случай. Европейски образованные *бабу*, требующіе политическаго самоопредѣленія, оставляютъ касту въ неприкосновенности» *).

Политическія требованія индусской интеллигенціи были сформулированы на ежегодныхъ съѣздахъ (Indian National Congresses) представителей отъ разныхъ провинцій, которые начали собираться съ начала восьмидесятихъ годовъ. На первыхъ конгрессахъ принимались крайне умѣренныя резолюціи, содержавшія пожеланія о допущеніи интеллигенціи на хорошо оплачиваемыя мѣста и о предоставленіи ей нѣкотораго участія въ обсужденіи законовъ. Съ теченіемъ лѣтъ резолюціи становились все болѣе и болѣе рѣзки не столько по содержанию, сколько по формѣ. *Бабу*, знающіе только книжный англійскій языкъ, выбираютъ для выраженія своихъ мыслей всегда самыя «рѣшительныя» и самыя «громозвѣнныя» слова. Каждый ораторъ, даже когда онъ говоритъ о такихъ скромныхъ вещахъ, какъ о новомъ колодецѣ, вѣрно слѣдуетъ совѣту, который Гейне подаетъ нѣмецкому поэту:

Sei Kanone, sei Kartaune,
Blase, schmettre, donnre, tôte!

Въ особенности индусская интеллигенція слѣдуетъ этому совѣту въ туземной печати. Крайняя рѣзкость ея, свидѣтельствующая о свободѣ слова въ Индіи, поражаетъ всѣхъ наблюдателей. «Индійская туземная печать располагаетъ самой широкой свободой, которую она пользуется безъ всякихъ церемоній; я

*) «The Encyclopedia of Social Reform», стр. 604-606.

прибавиль-бы также, безъ такта и безъ таланта» — говоритъ французскій изслѣдователь *). Туземная печать яростно нападаетъ на правительство, возводя на него самыя страшныя обвиненія. По словамъ туземной печати, правительство «грабятъ» народъ; оно «создаетъ чуму», чтобы уменьшить населеніе; оно роетъ оросительные каналы и строитъ желѣзныя дороги, «только, чтобы породить малярію»; оно «отравляетъ колодцы съ тою-же цѣлью, съ какою, «создаетъ чуму»; оно «разрушаетъ религію путемъ безбожной школьной системы»; правительство помогаетъ паріямъ и стремится «разрушить кастовую систему» и т. д. **)

Естественныя богатства Индіи безграничны; но они начали разрабатываться кое-гдѣ только въ самое послѣднее время. «Въ Индіи есть угольныя копи, содержащія по расчетамъ около 20 милліоновъ тоннъ угля, съ пластами толщиною отъ 70 до 100 футовъ. Бенгальскій и ассамскій антрацитъ по достоинству своему равны уэльскому. Желѣзная руда — въ изобиліи и образуетъ цѣлыя ряды холмовъ. Кромѣ желѣза, въ Индіи есть нефть, золото, серебро, алюминій, свинець, олово, мѣдь, асбестъ». Но все это еще ждетъ разработки. Фабричныя и заводскіе центры только-что возникаютъ, главнымъ образомъ, въ Нагпурѣ. Рабочими являются, большей частью, магары (паріи), народъ смиренный и послушный. Такимъ образомъ, фабричный пролетаріатъ, собственно говоря, покуда не является факторомъ броженія въ Индіи. Въ городахъ мы имѣемъ кустарей, которыхъ легко подбиваютъ на «свадеші», т. е. на бойкотъ всѣхъ англійскихъ товаровъ. Эти кустари являются главными участниками безпорядковъ въ индійскихъ городахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ индусская интеллигенція впервые сформулировала свои политическія требованія въ восмидесятихъ годахъ, — въ разныхъ провинціяхъ Индіи произошли большія перемѣны. Правительство осуществило реформы, въ возможность которыхъ двадцать лѣтъ назадъ не повѣрили-бы наиболѣе оптимистическіе «бабу». Въ 1919 году Британскій парламентъ принялъ законъ о введеніи законодательныхъ палатъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ Индіи и центральной законодательной палатѣ для всего полуострова. Часть депутатовъ и министровъ — по назначенію, не туземное населеніе получило возможность избрать остальныхъ представителей въ законодательныя палаты и въ совѣтъ министровъ. Въ 1914 году, въ самомъ началѣ войны, Индійскій Національный Конгрессъ выработалъ петицію о правахъ и формулиро-

*) «L'Inde Britannique», p. 167.

**) V. Chisol, «Indian Unrest», p. 335.

валь свои требованія. Законъ 1919 года, вошедшій теперь въ силу, даетъ населенію разныхъ провинцій *больше*, чѣмъ формулировано въ петиціи 1914 года. И вотъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Индіи сдѣланы были энергичныя попытки бойкотировать выборы въ Законодательныя палаты.

Это явленіе объясняется тѣмъ, что высшая каста придала политическому движенію *бабу* религиозный характеръ. Впослѣдствіи вожди религиознаго движенія довольно ловко использовали лозунгъ о національномъ самоопредѣленіи, которымъ Англія думала наградить только Центральную Европу, и, въ особенности, окраины Россіи.

Религиозно-политическій идеалъ, или «Swāraj», выдвинулъ впервые въ Индіи въ 1913 году талантливый и ученый браминъ Чандра-Палъ. Мы видимъ ученіе, стремящееся усилить власть высшей касты, чтобы скрѣпить старую социальную систему, которой европейское образованіе начало было угрожать, хотя бы даже въ не близкомъ будущемъ.

«Национальные конгрессы не привлекли массъ, потому что идеалы движенія не имѣли отношенія къ завѣтнымъ мыслямъ народа и не были выражены въ терминахъ, заимствованныхъ изъ національной исторіи и литературы, а, главнымъ образомъ потому, что не носили религиознаго характера, — говоритъ Чандра-Палъ въ своей книгѣ: «Духъ Индійскаго Национализма». — И вотъ явилось новое національное движеніе, выставившее лозунгомъ «Банде Матарамъ»^{*)}. Народъ обрѣлъ новыя таинства: патріотизмъ и націонализмъ. «Банде Матарамъ» — собственно означаетъ: «Привѣтъ тебѣ, наша мать!» Въ данномъ случаѣ слово *Мать*, относящееся къ высшему существу, заключаетъ въ себѣ древнее индусское понятіе, въ силу котораго Богъ признается не только отцомъ, но и матерью. Слово *мать* символизируетъ созидательную энергію божества и примѣняется ко всѣмъ богинямъ: къ Кали, Дургѣ, Лакшми, Сарасвати. Въ лозунгѣ «Банде Матарамъ» старый и дорогой всѣмъ кличъ пріобрѣтаетъ новое значеніе въ примѣненіи къ родинѣ... Въ Индіи явился новый культъ: религія патріотизма. Она связана съ «Питрисъ», или съ цѣпью безсмертныхъ предковъ; съ «Дева», или съ божествами, повелѣвающими силами природы; съ «Риши», или со святыми и мудрецами, давшими обществу (т. е. высшей кастѣ) его специальную культуру и особенный характеръ... И послѣ того, какъ народъ уразумѣлъ, что «родина» это божество, вѣчно пребывающее на рукахъ Вишну, патріотизмъ сталъ новой религіей массъ», — говоритъ

^{*)} Первыя слова національнаго индусскаго гимна.

Чандра-Паль*). Приведу еще характерную выдержку из книги, представляющей своего рода катехизисъ націонализма. «Массы всегда вѣрили въ Кришну, — пишетъ Чандра-Паль — и не требовалось новой эгзегетики, новыхъ толкованій, чтобы оживить утерянную или завядшую вѣру. Массамъ необходимо было лишь *практическое* примѣненіе этой вѣры въ социальной или въ политической жизни. Кришна былъ, въ концѣ концовъ, слишкомъ далекъ отъ дѣйствительной жизни. Какъ божество, онъ, конечно, всегда пребывалъ всюду, но только *духовно*. Массамъ-же надобно было проявленіе божества *во плоти*. Кришна изъ вѣка въ вѣкъ воплощался для защиты праведныхъ, для наказанія грѣшниковъ и для возстановленія разрушающагося Дхарма (храма). И изъ груди избраннаго народа вырвался вопль: «Явись еще разъ, Спаситель!». Чѣмъ же существенно отличается прежнее политическое движеніе въ Индіи отъ новаго? На этотъ вопросъ Чандра-Паль даетъ такой отвѣтъ: «Прежнее движеніе было *святское* по преимуществу, тогда какъ теперь носить *религіозный* характеръ. Прежде вожди, выставляя политическія и социальныя программы; подражали Западной Европѣ, тогда какъ теперь прониклись актуальностью. Націонализмъ реаленъ по существу, такъ какъ учитываетъ глубокую религіозность массъ, тогда какъ прежніе реформаторы жили въ области отвлеченныхъ идей. Прежнее поколѣніе вождей вдохновлялось идеалами прогресса и свободы, взятыми въ Европѣ, а, въ частности, въ Англии. Это поколѣніе всегда искало образцы въ англійской исторіи и литературѣ. Старый патріотизмъ не считался съ индійскими традиціями и съ индійскими укладами жизни**), а витальъ всегда въ сферѣ европейскихъ и американскихъ идеаловъ».

Другими словами это означаетъ вотъ что. Брамины видѣли въ прежнихъ вождяхъ-скептикахъ своихъ враговъ. Торжество «европейскихъ и американскихъ идеаловъ» означало бы полное паденіе власти высшей касты. И нынѣшніе вожди не щадятъ прежнихъ, выставляя ихъ только какъ искателей теплыхъ мѣстъ. «Проникшись идеалами свободы, равенства и братства, первые реформаторы мечтали объ избавленіи отъ стѣсненій, налагаемыхъ кастой и обычаемъ, — пишетъ Чандра-Паль. — Первые реформаторы не шли дальше стремленія попасть на казенный мѣста съ хорошимъ окладомъ и дальшее желанія принять нѣкоторое участіе въ законодательной работѣ». Теперь «нація обратилась за вдохновеніемъ къ божеству. Народъ не молить больше англичанъ о правосудіи

*) «The Spirit of Indian Nationalism», стр. 9-14.

**) т. е. съ кастовой системой.

и справедливости, но обратился къ богу за силой». Новое требованіе формулируется словомъ «Свараджъ», т. е. національная независимость. «Мы желаемъ не того самоуправления, которое видимъ въ колоніяхъ, не самоуправления, выраженнаго въ идеяхъ политической свободы, а *свараджа*, — говоритъ Чандра-Паль. — Терминъ этотъ полонъ глубокаго и мистическаго смысла... Онъ обнимаетъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ англійское слово *freedom* (свобода). Терминъ этотъ встрѣчается въ *Венданта* *) и обозначаетъ высшее духовное бытіе, въ которомъ индивидуумъ, постигшій свою тождественность съ вселенной, не только освобожденъ отъ всѣхъ оковъ, но находится въ гармоніи со всѣмъ остальнымъ въ мірѣ. *Свараджа* означаетъ прекращеніе всякой борьбы».

Кто-же эти «мы», отъ имени которыхъ говоритъ Чандра-Паль? Это не многочисленные народы Индіи, п. ч. у нихъ не было никакой возможности столкнуться и обрѣсти общее слово. Мы читаемъ часто въ туземныхъ газетахъ, помѣщающихъ отолбецъ или два на англійскомъ языкѣ, о соединеніи индуистовъ съ магометанами. «Вожди мусульманъ братья Али бесѣдовали съ вождями Ганди», — читаемъ мы. И изъ той-же газеты мы узнаемъ, что проповѣдь братьевъ Али имѣетъ цѣлью, собственно говоря, объединеніе мусульманъ Индіи, дабы потребовать возстановленія турецкаго султана, какъ калифа. Мусульманамъ нѣтъ никакого дѣла ни до Кришну, ни до Кали, ни до того времени, когда десять милліоновъ небожителей ходили по землѣ и бесѣдовали съ браминами. Мусульмане и индуисты раздѣлены теперь, какъ и прежде. Приведу выдержку изъ корреспонденціи изъ Неллора (въ Мадраасскомъ президентствѣ), помѣщенной въ *Таймсъ* отъ 28 марта 1921 года. Пишетъ большой знатокъ Индіи и очень внимательный наблюдатель. «Индусы-агитаторы встрѣчаются иногда съ вождями мусульманъ. Въ какой степени это овидѣтельство о сближеніи мусульманскаго и индусскаго населенія? Смягчается-ли старая вражда? Даже въ этомъ мирномъ провинціальномъ городѣ, изъ котораго я пишу это письмо, — полиція должна охранять индусскихъ торговцевъ, если они заглядываютъ въ мусульманскій кварталъ. Въ самомъ Неллорѣ, съ населеніемъ въ 30 тысячъ, мусульманъ — 6 тысячъ. И, тѣмъ не менѣе здѣсь, какъ и во всей южной Индіи, все усиліе администраціи направлено на то, чтобы удержать меньшинство отъ нападенія на большинство**). Таковую-же

*) Одна изъ шести философскихъ системъ, или *дарсана*, признаваемыхъ ортодоксальными индусами.

***) «Hindu-Moslem Alliance», «Times», March 28, 1921.

картину рисуетъ специальный корреспондентъ «Daily Telegraph». Персеваля Лэндонъ, объѣзжающій теперь Индію. И такъ, «мы» Чандра-Пала это не всѣ разноразличные народы Индіи, не индуисты и мусульмане вмѣстѣ и даже не одни индуисты въ полномъ объемѣ. «Мы» это только высшая каста. Мистическія слова Чандра-Пала, если отвѣять таинственную шелуху, могутъ быть сжаты въ такую мысль. «Мы, представители высшей касты, мы, дважды рожденные, мы, вышедшіе изъ головы Браммы, разрѣшаемъ вамъ, райотамъ, помочь намъ въ достиженіи полной политической независимости. Хотя ваше занятіе презрѣнно, хотя прикосновеніе къ плугу оскверняетъ брамина, но мы разрѣшаемъ вамъ погибать, завоевывая намъ свободу. А затѣмъ, когда англичане будутъ изгнаны, когда Индія очутится въ рукахъ дважды рожденныхъ, вышедшихъ изъ головы Браммы, мы установимъ такой-же порядокъ, какой указанъ въ нашихъ древнихъ книгахъ. Вы, райоты, будете по прежнему голодать, но за то вы будете платить земельный налогъ уже не чужеземцамъ, а кастѣ, вышедшей изъ головы Браммы. Вы будете знать что «Барата» (символическое названіе страны) свободна. А такъ какъ «есть только одинъ разумъ, одна воля, одно бытіе», то сознаніе, что Барата свободна, будетъ равносильно сознанію, что *вы сами* свободны. Какое вамъ еще равенство, если каждому индусу, къ какой-бы кастѣ онъ ни принадлежалъ, предоставлено право произносить одну и ту-же священную формулу при обрядѣ возліянія: «Пусть Гангъ, Джамна, Сарасвати, Нарбада, Индъ и Кавери войдутъ въ эту воду?» Что-же касается миллионныхъ отверженныхъ, то они по прежнему должны работать и пребывать на положеніи прокаженныхъ».

V.

«Свараджъ», выставленный Чандра-Паломъ, означаетъ возвращеніе Индіи къ мифологическому прошлому, когда божества ходили еще по землѣ и когда каждый сверчокъ помнилъ свой шестокъ. Проповѣдь идеала стала особенно интенсивна послѣ войны, когда туземныя газеты возвѣстили, что Англія приняла «вильсоновскія формулы». Теперь англійскія газеты, говоря о броженіи въ Индіи, очень кисло отзываются объ идеалахъ національнаго самоопредѣленія. «Призрачный, но захватывающій утопизмъ президента Вильсона нашель въ Индіи какъ разъ подобающую ему почву, — читаемъ мы въ статьѣ спеціального корреспондента «Daily Telegraph». — Практическая

цѣнность туманныхъ проектовъ Вильсона въ настоящее время понята не только его соотечественниками. Теперь не подлежить сомнѣнью, что эти туманныя теоріи были основаны на плохомъ знаніи Европы и на глубокомъ невѣжествѣ всего, касающагося Азіи; но онѣ были поднесены въ такой заманчивой формѣ, что подѣйствовали на пылкое воображеніе индусовъ, которымъ импонируютъ только двѣ вещи: наличныя деньги въ карманѣ и пышныя слова о неосуществимомъ.*) Теоріи Вильсона не казались англичанамъ «туманными» и «призрачными», когда онѣ примѣнялись для расчлененія Россіи.

Чандра-Палъ къ тому времени умеръ, но въ Индіи выдвинулся новый вождь — Ганди, или «магатма» Ганди, какъ его называютъ. Mahatma, означающее, если не ошибаюсь, «великодушный», — почетный титулъ, даваемый очень рѣдко самымъ чтимымъ браминамъ наиболѣе чистой крови. Прежде самымъ политическаго движенія бывалъ «бабу», почему-то непремѣнно въ черномъ сюртукѣ и въ золотыхъ очкахъ, нервный, очень волнующійся, цитирующій на память цѣлыя страницы изъ Спенсера, Бакунина, Маркса и Милля. Ганди — вождь типично восточный, индусскій. Онъ очень хорошо говоритъ по-англійски и даже одно время готовился быть адвокатомъ. Теперь онъ давно отрекся не только отъ европейскихъ идей, но и отъ европейскаго платья. Передъ нами аскетъ. Онъ ходитъ въ платьѣ туземнаго нищаго, босой, съ поясомъ, вмѣсто рубахи и штановъ, съ изодраннымъ плащомъ на голыхъ плечахъ. Онъ питается только растительной пищей и то лишь въ очень умѣренномъ количествѣ. Ганди заходитъ отдыхать въ мурѣи наиболѣе бѣдныхъ райотовъ. Онъ пользуется авторитетомъ не просто вождя, а пророка и святого. Когда онъ проходитъ, крестьяне собираютъ и хранятъ, какъ реликвию, прахъ, который попирала его босая нога. «Его личность окружена сіяніемъ святости. Съ именемъ Ганди крестьяне связываютъ теперь безчисленныя чудеса. Воображеніе населенія глубоко потрясено. Вліяніе Ганди на умы почти месмерическое. Этотъ фактъ признаютъ самые ожесточенные враги пророка... Онъ живетъ аскетомъ. одѣтъ въ рубище и рѣдко когда имѣетъ болѣе десяти анновъ (копѣекъ)**). Ганди всегда мягокъ, вѣжливъ, кротокъ. «Голтва его, какъ точеная, — описываетъ корреспондентъ,

*) Изъ статьи: «Modern India» въ «Daily Telegraph» за 8 марта 1921. Авторъ, Персеваль Лондонъ, пишетъ изъ Калькутты.

**) Корреспонденція изъ Калькутты въ «Daily Telegraph», March 5, 1921.

имѣвшій свиданіе съ пророкомъ. — Глаза его глубоки, кротки и совершенно не выражаютъ безумія. Въ частной бесѣдѣ трудно даже представить его себѣ рѣзкимъ и грубымъ».

«Положеніе дѣлъ въ Индіи совершенно непонятно, если мы постоянно не будемъ имѣть въ виду личность Ганди, — пишетъ изъ Аллагабада другой корреспондентъ. — Въ немъ индусы нашли вождя, почитаемаго послѣдователями за божество. И изучавшіе Востокъ вѣдаютъ, что означаетъ подобный вождь. Ганди — аскетъ, котораго совершенно невозможно заподозрить въ неискренности или-же въ честолюбіи. И хотя въ рѣчахъ и поступкахъ его нѣтъ ни логики, ни политическаго здраваго смысла, всѣ остальные вожди уступили ему мѣсто». Почти то-же самое говоритъ специальный корреспондентъ *Таймса* сэръ В. Чироль, бесѣдовавшій съ пророкомъ. «Ганди — малъ ростомъ и хрупокъ тѣлосложеніемъ, — пишетъ Чироль*). — Еъ чертахъ лица его нѣтъ ничего необыкновеннаго. Онъ ведетъ жизнь, какъ самый простой туземецъ... Частная жизнь его безупречна. Когда онъ говоритъ, то постоянно ссылается на индійскую мифологію и на индійскія священныя книги. Приватно онъ говоритъ кротко даже съ англійскими чиновниками. Когда-же Ганди говоритъ публично то слова его жгутъ. Онъ мало считается тогда съ предразсудками какъ своихъ враговъ, такъ и послѣдователей... За аскетизмъ и за то, что Ганди весь не отъ міра сего, его называютъ «магатма». Такъ величали въ Индіи тѣхъ пророковъ-браминовъ, на которыхъ падалъ плащъ древнихъ мудрецовъ — «риши», дѣйствовавшихъ въ эпоху ведъ. Какъ *магатма*, Ганди стоитъ выше всѣхъ кастъ». Чироль прибавляетъ, что когда-то Ганди готовился быть адвокатомъ и учился въ Англии, откуда вывезъ ту пылающую ненависть ко всей западной цивилизаціи, которую проповѣдуетъ теперь.

Таковъ вождь-пророкъ, увлекшій теперь за собою значительную часть индуистовъ (браминистовъ) въ трехъ провинціяхъ Индіи. Не смотря на проповѣдь, что «свараджъ» мыслимъ только, когда отъ англичанъ не останется и слѣда, — администрація не смѣетъ тронуть «магатму».

Въ чемъ-же состоитъ ученіе Ганди? «Ненавистная западная цивилизація и все англійское да сгинетъ. Индія должна возвратиться къ тѣмъ далекимъ временамъ, о которыхъ говорятъ веды и Магабарата. Тогда въ Индіи наступитъ миръ и царство любви. Народы Индіи должны объединиться, чтобы изгнать англичанъ». — Такъ излагаетъ Персиваль Лэндонъ ученіе Ганди. «Магатма» объясняетъ мрачность современнаго намъ

*) «Times», February 5, 1921.

времени тѣмъ, что Индія отвернулась отъ своей цивилизаціи и пытается усвоить проклятую богами цивилизацію Западной Европы. Проповѣдь эта въ особенности воспринимается въ деревняхъ, всегда враждебно относившихся къ городамъ». Повидимому, пророкъ имѣеть такое представленіе, что Ленинъ — своего рода русскій Ганди. На вопросъ корреспондента, какъ магатма относится къ большевикамъ, Ганди отвѣтилъ: «Не имѣю достаточныхъ знаній о Ленинѣ, но, повидимому, онъ проповѣдуетъ то-же, что и я. Во всякомъ случаѣ, я предпочту большевизмъ англійскому владычеству». «Надо очистить Индію отъ глетворнаго вліянія западной цивилизаціи, — сказала Ганди корреспонденту *Таймса*. Индія обязана вернуться къ своему прошлому, къ временамъ священныхъ книгъ и великихъ царей, когда мудрость и миръ правили. Англичане должны совершенно покинуть Индію. Иначе *свараджъ* невозможенъ. Индія избавится отъ англичанъ не силой оружія, а «силой души». Когда сэръ Валентинъ Чироль поставилъ вопросъ о кастахъ, Ганди сказала, что четыре основныя касты, упомянутыя въ ведахъ, должны быть сохранены. На нихъ держатся національная цивилизація. «Западная цивилизація сатанинскаго происхожденія, тогда какъ цивилизація древней Индіи божественна и не имѣеть себѣ равной. Именно то обстоятельство, что она не прогрессировала, свидѣтельствуешь о ея совершенствѣ». Ганди — противъ попытки изгнать англичанъ силой оружія. Во всякомъ случаѣ съ вооруженнымъ возстаніемъ надо погодить, до тѣхъ поръ, покуда возникнетъ *лашкаръ*, т. е. покуда явятся десять милліоновъ индусовъ, умѣющихъ владѣть мечомъ. Къ оружію, впрочемъ, не придется обратиться. Для изгнанія англичанъ, по ученію Ганди, вполне достаточно *свадеши*, т. е. полный бойкотъ всего, что носитъ слѣдъ западной цивилизаціи. Пусть всѣ чиновники-индусы оставляютъ службу; пусть всѣ, имѣющіе англійскіе титулы или почетныя званія, отрекутся отъ нихъ. Адвокаты должны прекратить защиту, а судьи-индусы пусть не судятъ. «И если занятіе юристовъ станетъ въ глазахъ населенія столь-же презрѣннымъ, какъ профессія публичной женщины, — англійское владычество въ Индіи разсыпится въ прахъ», — предсказываетъ Ганди. Не только адвокаты и судьи должны объявить бойкотъ. Сатанинская западная цивилизація преподается въ школахъ и въ университетахъ. Вотъ почему учителя и профессора туземцы обязаны отказаться отъ преподаванія, а ученики и студенты — воздержаться отъ посѣщенія учебныхъ заведеній. И если бойкотъ продержится девять мѣсяцевъ, то, — предсказываетъ Ганди, — расадники сатанинской цивилизаціи въ Индіи погибнутъ, а вмѣсто нихъ

возникнуть національныя школы, о которыхъ говорится въ ведахъ. Индусы не должны носить платья изъ матерій, изготовленныхъ въ Англіи. Пусть люди откажутся даже отъ сахара и чая, ибо чайныя плантаціи въ Индіи находятся въ рукахъ европейскихъ капиталистовъ. Въ особенности-же пусть индусы бойкотируютъ выборы въ новыя законодательныя учрежденія. Зачѣмъ очи Индіи? Парламентъ — бесплодная женщина, никогда не могущая имѣть ребенка». «Сама «мать парламентовъ»*) — это непотребница, живущая на содержаніи у перваго министра». Если индусы проведутъ полностью бойкотъ, то черезъ годъ они будутъ имѣть *свараджъ*, т. е. полную независимость, — предсказываетъ Ганди. Покуда-же пусть всѣ жены объявятъ «свадеші» (бойкотъ) мужьямъ: ибо не надо рожать Англіи новыхъ рабовъ».

Проповѣдь Ганди имѣла успѣхъ не всюду, — ибо Индія представляетъ собою аггломератъ разныхъ народовъ. Выборы въ Законодательныя собранія все-таки состоялись; хотя въ нѣкоторыхъ округахъ не явился ни одинъ избиратель.

Надобны-ли выводы? «Броженіе не носитъ болѣе спорадическій характеръ, — говоритъ въ «Nineteenth Century» авторъ статьи: «Опасность въ Индіи». — Недовольство населенія не уменьшается и не можетъ уменьшиться». Это — совершенно вѣрно. Вѣрно также, что у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для утвержденія, что предсказанный Дилкомъ моментъ возникновенія въ Индіи одной *націи* наступилъ. Когда мы читаемъ статьи о *національной* борьбѣ Индіи за *національную* свободу, то намъ вспоминается истина, формулированная очень хорошо Козьмой Прутковымъ: «Если на клѣткѣ слона прочтешь надпись *буйволъ*, — не вѣрь глазамъ своимъ». Національное движеніе въ Индіи ограничивается стремленіемъ нѣкоторыхъ кастъ возвратиться къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда вся власть находилась въ ихъ рукахъ. Этотъ идеалъ выставленъ сознательно или безсознательно (Ганди).

Англія, выдвинувъ принципъ державнаго самоопредѣленія и осуществивъ его въ другихъ странахъ, гдѣ ей это было выгодно, въ значительной степени сама содѣйствовала, помимо воли, тому, что «*свараджъ*» принялъ характеръ, приданный ему теперь Ганди.

Діонео.

---

*) Mother of Parliaments, такъ англичане называютъ Палату Общинъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

О НОВОМЪ РОМАНѢ МЕРЕЖКОВСКАГО. *)

I.

Послѣдніе сто лѣтъ были временемъ небывалаго расцвѣта романа и зарожденія романа историческаго. Историческій романъ сталъ сразу любимымъ чтеніемъ публики, цѣлый рядъ талантливыхъ писателей отдалъ ему свои силы. Но все-же не исключена возможность сомнѣнія въ самой оправданности этого рода литературы. Во всякомъ случаѣ историческій романъ — совершенно особый видъ художественнаго творчества. Та потребность по-своему видѣть, изображать и пересоздавать жизнь, которая создала реалистическую беллетристику, не находитъ себѣ удовлетворенія въ историческомъ романѣ. Художникамъ жаднымъ къ живому не боязно-ли уходить отъ жизни въ прошлое? Но и

творческая фантазія не пригнетается-ли грузомъ архивныхъ документовъ, не связывается-ли путами фактовъ? Историческій романистъ работаетъ по матеріаламъ, по документамъ, какъ историкъ. Увы, самый цѣнный первоисточникъ историка для художника является только вторичникомъ, въ которомъ блѣдно и слабо отпечатлѣлась прошлая жизнь! Такимъ образомъ творчество историческаго романиста есть отчасти творчество вторичное, отраженное, какъ трудъ историка или критика, въ который тоже вѣдь часто входитъ художественный элементъ. Не эта-ли вторичность, нечистота, смѣшанность позволяютъ подвизаться именно въ области историческаго романа такому количеству болѣе или менѣе добросовѣстныхъ ремесленниковъ? Задача историческаго романа — воскресить по отрывочнымъ знакамъ прошлое, дать цѣльную картину,

*) Д. С. Мережковскій; «14 Декабря». Книгоиздательство «Русская Земля». Цѣна 15 фр.

чтобы сраслись мертвыя кости и облеклись живою плотью. Эта задача также и историка-художника, но съ тѣхъ поръ какъ исторія становится все болѣе «научной» и даже по преимуществу экономической, живая вода воскресенія прошлаго остается въ нераздѣльномъ обладаніи романистовъ. «Мертвые правятся мнѣ больше, чѣмъ живые. Я до безумія люблю исторію. Эта любовь — нѣчто новое въ человѣчествѣ. Историческое чувство существуетъ со вчерашняго дня, и, можетъ быть, это лучшее, что принесли XIX вѣкъ». (Слова Флобера). Оно, это «историческое чувство», заставляющее насъ жадно вглядываться въ прошлое и благоговѣнно хранить малѣйшій остатокъ его — есть движущее чувство и оправданіе историческаго романа. Если исторію можно назвать коллективную памятью человѣчества — то историческій романъ это «память сердца», о которой говорилъ поэтъ:

«О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти унылой!»

II.

Мережковскій цитируетъ въ своей книгѣ о «Толстомъ и Достоевскомъ» слова Тургенева, что «Война и Миръ» не даетъ характерныхъ чертъ эпохи, «исторической окраски». Мережковскій раздѣляетъ мнѣніе Тургенева: «Мы знаемъ, что у каждаго вѣка есть особенный воздухъ, единственный, нигдѣ

и никогда не повторяемый запахъ, какъ у каждаго цвѣтка и каждаго человѣка... Эта окраска, особенный отблескъ историческаго часа отражается не только въ великомъ, но и въ маломъ, какъ отблескъ утра или вечера отражается не только на вершинахъ, но и на каждой былинкѣ освѣщеннаго зарею горнаго хребта: не только въ изреченіяхъ мудрецовъ, въ подвигахъ героевъ, но и въ модномъ покроѣ платья, въ устройствѣ женскаго головного убора, въ каждой мелочи домашней утвари». «При чтеніи «Войны и Мира» трудно отдѣлаться отъ... впечатлѣнія, будто бы всѣ событія происходятъ въ наши дни».

Въ этихъ словахъ есть, по нашему мнѣнію, и великая похвала «Войнѣ и Миру», и вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ одному изъ почти неизбежныхъ недостатковъ историческаго романа. Да, каждая эпоха имѣетъ свой запахъ. Но этотъ запахъ еле замѣтенъ для современниковъ, какъ незамѣтно движеніе поѣзда для сидящихъ въ вагонѣ и не смотрящихъ въ окна. Запахъ времени похожъ на запахъ живыхъ цвѣтовъ въ саду. Но, когда цвѣты сорваны мы, чтобы передать запахъ ихъ, должны сдѣлать крѣпкій настой — духи. Историческій романъ и даетъ гадкой настой, духи, непохожие на запахъ живыхъ цвѣтовъ. Люди живутъ и не думаютъ о своей эпохѣ, ощущаютъ ее только подсознательно. А романисты, описывая

людей какой-либо эпохи, невольно изображаетъ ихъ такъ, какъ будто они всегда *помнятъ* о своемъ времени и всѣхъ его особенностяхъ. Есть такимъ образомъ въ историческомъ романѣ роковое извращеніе перспективъ, сгущеніе красокъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ художникамъ удавалось избѣгнуть этого. Къ такимъ исключеніямъ принадлежатъ «Война и Миръ», «Пармская Чертоза» Стендаля, флюберовская «Education Sentimentale». Все это, разумѣется, не чисто историческіе романы, историческое въ нихъ на второмъ и на третьемъ планѣ. «Запахъ эпохи» въ «Войнѣ и Мирѣ» есть, но не сгущенный, незамѣтно проникающій все собою, какимъ онъ и былъ для современниковъ Отечественной Войны. Можетъ быть это удалось Толстому потому, что онъ, какъ и Флоберъ и Стендаль, писалъ не только по матеріаламъ, а по воспоминаніямъ, личнымъ и семейнымъ. Точно такъ же неизвращенную перспективу находимъ мы въ произведеніяхъ не историческихъ, но отъ времени приобрѣтшихъ для насъ нѣкоторую историческую окраску: такъ въ романахъ Бальзака ощущаемъ мы этотъ проникающій все запахъ ушедшей эпохи, не какъ духи, а какъ неуловимый ароматъ забытаго между страницъ книги цвѣтка.

III.

Мы видѣли какіе неизбежныя, внутренне присущіе не-

достатки есть у историческаго романа. Этотъ особый видъ художественной прозы искупается вложенными въ него субъективными элементами, болѣе или менѣе цѣнною и богатою индивидуальностью писателей. Такъ создатель историческаго романа Вальтеръ Скоттъ видѣлъ въ прошломъ главнымъ образомъ внѣшнюю красочность — костюмы, охоты, пиры. Онъ и въ жизни былъ страстный антикварій. Его романы казались-бы совсѣмъ бездушными, если-бы онъ не вносилъ въ нихъ и элемента поэзіи. Не даромъ онъ былъ авторомъ и собирателемъ шотландскихъ балладъ, его романы — прекрасныя баллады въ лицахъ и костюмахъ. Страстность и искренность этихъ увлеченій — романтическая лирика «балладника» и знанія антиквара-декоратора искупаютъ слабость и фальшь беллетриста.

Мережковскій упрекаетъ Толстого не только въ неисторичности, но и съ гораздо большимъ основаніемъ въ нелюбви къ культурѣ, къ «тому культурно-историческому воздуху, который образуется не только истиннымъ и вѣчнымъ, но и предвзудочнымъ, условнымъ, искусственнымъ, что свойственно каждому времени». И если дѣйствительно, «душа современнаго человѣка не только въ отвлеченныхъ мысляхъ, но и въ самыхъ жизненныхъ чувствованіяхъ состоитъ изъ безчисленныхъ вліяній, наслоеній, *навожденій* прошлыхъ

вѣковъ и культуръ» — то никто не чувствовалъ и не далъ намъ почувствовать эти наслаенія и *навозденія* съ такой силой какъ Мережковскій. Отъ Вальтеръ Скотта къ Мережковскому историческій романъ прошелъ длинный путь углубленія и утонченія. Для нашего проникнутаго своеобразнымъ культурнымъ синкретизмомъ времени — Мережковскій крупное и характерное явленіе. Въ любви къ культурѣ онъ доходитъ до чрезмѣрности, до неправдоподобія. У него все перенасыщено культурой. И не одно это дѣлаетъ его обновителемъ историческаго романа въ европейской литературѣ. Онъ, одинъ изъ лучшихъ стилистовъ нашего времени, внесъ и въ свои романы ту *écriture artiste*, о которой говорили Гонкуры. Но, главное, онъ углубилъ и обогатилъ историческій романъ религіозно-философскими концепціями. Какъ романы Вальтеръ Скотта — романтическія баллады, а «Князь Серебряный» — развернутое въ романъ эффектное лирическое стихотвореніе вродѣ «Василія Шибанова», такъ трилогія Мережковскаго — одна большая религіозно-философская поэма, а «14 Декабря» и «Александръ І», какъ изъ зерна выросли изъ его блестящихъ философски-публицистическихъ статей.

Можно построить такую схему, понятно, очень условную и приближительную: уходя въ прошлое, одни писатели хотягъ

уйти отъ себя, потерять себя, другіе, наоборотъ, въ прошломъ ищутъ себя. Мережковскій относится къ послѣднимъ. «Наше время такъ жалко, что я съ наслажденіемъ погружаюсь въ древность, — писалъ авторъ «Саламбо». — Это смываетъ съ меня грязь настоящаго. *Cela me decrassé des temps modernes*». Наоборотъ Мережковскій уходитъ въ прошлое со взоромъ прикованнымъ къ современности, не къ грязи ея, а къ ея высшимъ проблемамъ. Поэтому не безъ основанія можно иногда сдѣлать ему упрекъ въ духовныхъ анахронизмахъ. Прошлое даетъ ему арену и одѣяніе для его современныхъ сомнѣній и идей, и онъ склоненъ вкладывать эти идеи въ уста своихъ героевъ. Такъ съ не вполне правдоподобной законченностью и отточенностью говорятъ декабристы о неоправданности политическаго убійства, о геррорѣ, о самодержавіи или о соединеніи религіи и революціи. Особенно Голицынъ кажется порой только выразителемъ взглядовъ автора. И развѣ не послѣ большевизма написаны слова «дневника» Сергѣя Муравьева: «пусть другіе расскажутъ какъ шесть лучшихъ ротъ моего батальона, *краса и гордость* полка, превратились въ разбойничью шайку, въ пугачевскую пьяную сволочь».

IV.

Въ «14 Декабря» собственно нѣтъ ни одного центрального

лица и вполне оправдано его названіе по дню, по событію. Это трагедія почти осуществляющая единство мѣста и времени, трагедія одного туманнаго утромъ, а потомъ холоднаго и вѣтренаго петербургскаго дня. Нѣсколько лихорадочныхъ, растерянныхъ дней подготовки, а затѣмъ развязка — тюрьма, допросы, казнь. Въ эту трагедію вплетены эпизоды очаровательной идилліи любви князя Голицына къ дѣвушкѣ, немного похожей на Пушкинскую Капитанскую Дочку.

Первое и самое сильно впечатлѣніе отъ событій этого дня — *растерянность* обѣихъ сторонъ, и Николая и заговорщиковъ. Они были, какъ говорили о себѣ самый дѣйственный изъ декабристовъ, Рылѣевъ, «умозрителями свободы, а не дѣлателями, были только «планщиками». Междуцарствіе и неизбежность ареста подвинули ихъ на открытое выступленіе. Вождя-же ихъ, Пестеля, не вывелъ изъ состоянія пассивности даже и неминуемый арестъ. Начали они возстаніе безъ вѣры въ него. «Лучше быть взятыми на площадь, чѣмъ въ постели», «Самая гибель паца пробудитъ чувства уснувшихъ сыновъ отечества» — вотъ что двигало заговорщиками. «Диктаторъ» Трубецкой не явился на площадь и оставилъ движеніе безъ руководителя. Необыкновенно тонкими и убѣдительными штрихами, не углубляя, не останавливаясь долго на этомъ эпизодѣ рисуетъ Мережковскій стран-

ную измѣну благороднаго и храбраго Трубецкаго. Но «храбрость солдата не то-же, что храбрость заговорщика». «Нерѣшителенъ и вѣжливъ, вѣжливъ до сумасшествія»; и къ тому-же «слишкомъ благополученъ: молодъ, богатъ, знатенъ, женатъ на прелестной женщинѣ». И тутъ-же Мережковскій даетъ очаровательный абрисъ нягини Трубецкой, не героини, какъ у Некрасова, а милой «Катанши», «маленькой, кругленькой, крѣпенькой, съ быстрыми движеніями, катающейся, какъ точный изъ слоновой кости шарикъ». Трубецкой, какъ «евангелискій юноша, который отошелъ съ печалью отъ Господа потому что у него было большое имѣніе».

Но не отсутствіе «диктатора» сыграло главную роль въ неудачѣ возстанія. Въ «пасмурное утро, туманное, тихое», когда «Адмиралтейская игла воткнулась въ небо, какъ въ бѣлую вату», и «Мѣдный всадникъ скакалъ въ бѣлую тьму кромѣшную» Голицынь услышала издали, какъ на Сенатскую площадь съ «барабанною дробью и глухимъ гуломъ головокъ, подобнымъ гулу бури налетающей», съ развѣвающимися знаменами пробѣжалъ батальонъ лейб-гвардіи Московскаго полка. Москвиты да двѣ съ половиною роты Флотскаго Экипажа, всего около трехъ тысячъ солдатъ, построились въ каре впереди памятника Петра и простояли такъ до вечера. «Стоячая революція» — находитъ

Мережковскій формулу для этого дня. Съ горестнымъ недоумѣніемъ констатируетъ онъ роковыя ошибки декабристовъ:

«Когда Флотскій Экипажъ выступилъ, онъ могъ взять съ собой артиллерію: пушки противъ пушекъ рѣшили-бы участь возстанія; могъ взять, и не взять».

«Лейбъ-гренадеры могли занять крѣпость, которая господствовала надъ дворцомъ и надъ городомъ; могли захватить дворецъ, гдѣ находились тогда Сенатъ, Совѣтъ, обѣ императрицы съ наследникомъ — могли это сдѣлать — и не сдѣлали».

По мнѣнію Мережковскаго, и «послѣ всѣхъ этихъ промаховъ силы мятежниковъ были огромныя: три тысячи войскъ и вдвое больше народа, готовыхъ на все по мановенію начальника».

Намъ кажется это неправильнымъ. Дѣло было не въ отсутствіи начальника и не въ случайностяхъ. Случайности были скорѣе за декабристовъ. То что, благодаря попустительству Александра I, легкомыслію Милорадовича, опибѣтъ Николая, они не были арестованы раньше — величайшая случайность. Случайностью было и недѣльное междоцарствіе, «игра въ волянь» трономъ, растерянность власти. Растерянность-же и роковыя ошибки заговорщиковъ случайностью не были.

— Въ поддавки играть умѣете? — спросилъ Каховскаго Голицынъ.

— Какіе поддавки, — удивился тотъ.

— А такая игра въ шашки: кто больше поддастъ, тотъ и выигралъ.

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что въ поддавки играемъ. Поддаемъ другъ другу, мы имъ, а они намъ. Глупимъ взапуски, кто кого переглупитъ.

— Нѣтъ, тутъ не глупость.

— А что-же?

— Не знаю. Можетъ быть мы не только съ ними боремся; можетъ быть и въ насъ самихъ...

Мережковскій думаетъ, что «нѣчто» бывшее *въ самихъ* заговорщикахъ и мѣшавшее имъ это «христіанская добродѣтель, филантропія, боязнь крови». «Рѣшимость дѣйствовать была у народа, у войска, у младшихъ членовъ общества, но не у старшихъ: у нихъ было одно желаніе — страдать, умереть, но не дѣйствовать». Только-ли филантропія и только-ли у вождей? Нѣтъ! И народъ и войско и вождей парализовало другое: цѣлостная, еще неизжитая, ледяная, гранитная сила самодержавія. Солдаты-бунтовщики шли за *самодержца* Константина. Но и въ душахъ многихъ членовъ общества подосознательно еще жила эта такъ недавно, хотя и страстно, но очень книжно, абстрактно отрицаемая идеологія самодержавія. Вѣрибе не идеологія, а сила вѣковыхъ навыковъ, чувствъ и традицій. Это она парализовала волю заговорщиковъ, мѣшала

имъ дѣйствовать, морозила ихъ изнутри не меньше поднявшагося къ вечеру того дня сырою, ледяного вѣтра. Мережковскій можетъ быть для цѣлей своей композиціи, для того, чтобы продлить картину колебаній и сомнѣній Николая, ослабляетъ въ своей передачѣ сцену встрѣчи царя съ первыми вѣрными войсками, съ первымъ батальономъ Преображенскаго полка, этимъ, какъ писалъ впоследствии самъ Николай, «поистинѣ первымъ батальономъ въ мірѣ». Николай почувствовалъ его гранитную твердость, какъ утопающій подъ ногами твердую почву. Онъ пересталъ играть въ поддавки и быстро выигралъ партію. «Вѣчный полюсъ» самодержавія дышалъ еще въ душахъ людей и оказался сильнѣе абстрактнаго пламени свободы. Онъ былъ растопленъ только черезъ столѣтіе.

Эта внутренняя сила самодержавія можетъ объяснить многое и въ поведеніи декабристовъ на слѣдствіи. Едва-ли не самая сильная сцена въ романѣ это допросы декабристовъ Николаемъ. Бунтъ кончился, мятежники арестованы, началась крестная мука слѣдствія и суда. Допросы эти явили въ юномъ царѣ талантливаго слѣдователя и тюремщика, а героев и идеалистовъ, первоучениковъ русской свободы, показали въ тягостномъ ликѣ слабодушныхъ предателей, оговаривающихъ и себя и другъ друга. Можно найти много обстоятельствъ, объясняющихъ откоро-

венность декабристовъ. Мережковскій описываетъ тяжелыя условія ихъ заключенія, инквизиторскіе допросы, сѣтъ лжи, опутывавшую узниковъ. Описываетъ моральныя пытки и даже даетъ намеки на пытки физическія. Для послѣдняго предположенія нѣтъ основаній, и мы думаемъ, что пытокъ не было. Вообще на фонѣ современности обращеніе съ декабристами царя можетъ показаться пожалуй гуманнѣмъ. Мережковскій совершенно не считается съ возможностью искреннихъ сомнѣній декабристовъ въ своей правотѣ и ихъ раскаяніи. О раскаяніи говорить многое въ ихъ показаніяхъ, которыя, разумѣется, можно отнести, какъ вынужденныя и неискреннія. Но вспомнимъ, что декабристы первые подняли возстаніе противъ многовѣкового и еще могучаго института, и что можетъ быть Николай былъ для декабристовъ не только тюремщикомъ, но несмотря на «умыселъ на истребленіе царской фамиліи», о которомъ говорила слѣдственная комиссія, — все еще помазаникомъ Божиимъ, законнымъ царемъ и самодержцемъ.

Не удалось возстаніе на сѣверѣ въ Петербургѣ. Быстро было оно ликвидировано и на югѣ. Для описанія возстанія Черниговскаго полка Мережковскій прибѣгаетъ къ введенному имъ въ историческій романъ особому приему — формѣ дневника. Эта трудная форма придаетъ разсказу особенно ин-

тимную прелесть. Дневникъ Сергѣя Муравьева, какъ и дневникъ Большаго въ «Леонардо да Винчи», Елизаветы Алексѣевны или Голицына въ «Александрѣ I», принадлежать къ лучшимъ страницамъ Мережковскаго.

V.

Люди всегда особенно внимательны къ истокамъ, къ началу. «Какъ первую любовь», не забудетъ сердце Россіи и первую открытую борьбу за свободу. Но декабристовъ въ Россіи больше чтили, чѣмъ знали. Изъ художниковъ, кромѣ Некрасова, подошелъ было къ этой темѣ Левъ Толстой, но разочаровался въ декабристахъ, почувствовавъ въ нихъ наносныя по его мнѣнію и несимпатичныя ему вліянія.

При чтеніи «Александра I» казалось, что и Мережковский безъ симпатіи относится къ декабристамъ. А не онъ-ли самъ говорилъ, что безъ любви, безъ симпатіи не можетъ быть и знанія о людяхъ. Разумѣется негодование многихъ читателей и крики о клеветѣ вызывались главнымъ образомъ невѣжествомъ. Всякая правда, непохожая на условныя лица интеллигентскихъ святцевъ, воспринималась какъ клевета. Но все-же несомнѣнно что отношеніе Мережковскаго къ декабристамъ иное въ новомъ романѣ. Чѣмъ объяснить это? Не тѣмъ-ли, что въ «Александрѣ I» вся почти симпатія автора поглощена этимъ таинственнымъ человѣкомъ,

такъ что по законамъ художественнаго равновѣсія, равномернаго распредѣленія свѣта и тѣни, декабристы оставались въ планѣ, въ которомъ возможны были для художника сравнительное равнодушіе и нерасположеніе. И въ то время какъ сама таинственность, сложность и художественность натуры Александра не могла не привлечь симпатіи художника вопреки вѣдшимъ видимости историческихъ фактовъ и утвержденіямъ новѣйшихъ историковъ, — отъ декабристовъ, по крайней мѣрѣ отъ многихъ изъ нихъ, отталкивали, можетъ быть, Мережковскаго ихъ рационализмъ, атеизмъ, нѣкоторая абстрактность и сухость ихъ мысли и натуры. Къ тому же въ александровскую эпоху они еще не были мучениками. Напротивъ они были полны надеждъ и плановъ и вели захватывающую духъ работу заговорщиковъ.

Въ «14 Декабря» иное: декабристы освѣщены сіяніемъ мученичества и всей полнотой авгурской симпатіи, а черная тѣнь ироніи и негодования падаетъ на Николая I. Отношеніе Мережковскаго къ Николаю не совсѣмъ справедливо, но нарисованъ онъ мастерски. Взять онъ не такимъ чеканнымъ, бронзовымъ, какимъ сталъ впоследствии и остался въ людской памяти. Онъ у Мережковскаго еще неоперившійся, неопредѣлившійся, и тѣмъ труднѣе дать его портретъ. Переданъ въ немъ моментъ динамическій, моментъ

перелома послѣ подавленія мятежа: молодой пѣтушокъ сталъ кричать увѣренный, пересталъ срываться съ голоса. Передана какая-то атмосфера прозаической скуки и бездарности, присутствующая ему. Наоборотъ, даже тѣ изъ декабристовъ, которые знакомы намъ по «Александрѣ I», теперь кажутся иными, лучшими. Мережковский рисуетъ своихъ героев импрессионистически, быстрыми бликами, иногда повтореніемъ одной черты, давая какъ-бы лейтмотивъ человѣка. Въ «Александрѣ I» такой «лейтмотивъ» для Рылѣва это его непокорный хохолокъ на затылкѣ. Рылѣвъ задорный шалунишка, для котораго заговоръ — веселая и опасная игра. Въ «14 Декабря» только на одно мгновение появляется, и то почти незамѣтно, этотъ хохолокъ. Лейтмотивомъ Рылѣва становится какая-то огненность: онъ весь «летающій, стремительный, подобно развѣваемому вѣтромъ пламени». Иногда благодаря еле замѣт-

нымъ измѣненіямъ достигается измѣненіе всего впечатлѣнія. Почти исчезло въ рѣчахъ декабристовъ «невольное актерство, въ которое они впадали, какъ-бы ни были искренни». И смѣявшійся въ «Александрѣ I» надъ риторикой Бестужева и Якубовича Одоевскій — говорить въ «14 Декабря»: «Бестужевъ молодецъ, полкъ взбунтовалъ. А что поактерствовать любить, такъ и мы не безъ этого, а вотъ всѣ молодцы!» Отшли на второй планъ эти менѣе симпатичные изъ декабристовъ. — На авансценѣ очаровательные Оболенскій, Муравьевъ. Въ Трубечкомъ подчеркивается его мягкость и благородство. Каховскій съ жалобными глазами, какъ у ребенка или собаки, потерявшей хозяина», начинаетъ назваться менѣе озлобленнымъ... Какъ на фотографической пластинкѣ подъ дѣйствіемъ проявителя, поблѣднѣли въ декабристахъ однѣ стороны и выступили другія. Проявитель этотъ — страданіе.

Мик. Цетлинъ.

БЕССАРАБІЯ И РОССІЯ.

(Письмо изъ Бессарабіи).

Вопросъ о возсозданіи Россіи въ тѣхъ территоріальныхъ границахъ, которыя соотвѣтствовали-бы ея нормальному экономическому развитію и нормальному-же международному положенію, больше, можетъ

быть, чѣмъ любой вопросъ нашего будущаго, находится въ зависимости отъ фактора, обычно мало учитываемаго въ разсужденіяхъ объ освобожденной отъ большевизма Россіи.

Факторъ этотъ — время. Спо-

способность смотреть «поверх текущего момента», годами ждать въ непреклонной вѣрности своимъ идеаламъ, возможности ихъ осуществленія, не смущаться временными, хотя-бы и очень тяжелыми неудачами—эта способность не часто встрѣчается и среди людей, призванныхъ руководить движеніями массъ. Тѣмъ слабѣе эта способность присуща массамъ. Попавъ въ совершенно новую международно-политическую обстановку, массы начинаютъ къ ней, или вѣрнѣе въ ней, немедленно приспособляться, какъ-бы повинуюсь слѣпому біологическому инстинкту жизни. «На другой день послѣ»... крестьянинъ начинаетъ пахать землю, торговецъ продавать и покупать, рабочий вертѣть станокъ и только интеллигентъ, болѣе всѣхъ другихъ вооруженный знаніями, интернаціональный по близости своей къ общеміровымъ культурнымъ достиженіямъ, оказывается болѣе всѣхъ другихъ профессиональныхъ группъ неприспособленнымъ къ новой обстановкѣ. Независимо отъ своего принципиальнаго отношенія къ совершившейся перемѣнѣ національно-политической обстановки, онъ ее не пріемлетъ по самому существу своей профессионально-культурной особенности. Онъ будетъ въ оппозиціи къ новымъ формамъ и новымъ господамъ, хотя-бы уже только потому, что эти формы и эти господа являются отрицаніемъ его главнаго орудія въ борьбѣ за жизнь: той націо-

нальной культуры, на почвѣ которой и изъ источниковъ которой онъ до сихъ поръ черпалъ силы для утвержденія своего матеріальнаго и интеллектуальнаго бытія.

Поэтому можно смѣло сказать, что въ борьбѣ за политическое и національное единство страны самой активной центростремительной силой будетъ интеллигенція, понимая подъ этимъ всѣхъ представителей умственнаго, организаторскаго труда, и что шансы на возсоединеніе съ Россіей отторгнутыхъ отъ нея частей будутъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе количественно и качественно представлены въ ней русскіе работники этихъ отраслей труда.

Однако, рѣшающее слово принадлежитъ не интеллигенціи. Ея политическая оппозиція новому владыкѣ не можетъ висѣть въ воздухѣ. Она должна опираться на массовое народное стремленіе къ возсоединенію съ прежней родиной. Если этого народнаго движенія нѣтъ, — окраинная интеллигенція обречена на общественно-политическую гибель.

И здѣсь сказывается роковое вліяніе времени. Чѣмъ больше времени та или иная область находится во власти новой, чужой государственности, тѣмъ больше въ массахъ вырабатываются новые навыки и новыя формы общежитія.

Пряно говорить о непреклонности и негибкости экономическихъ связей и путей, стихійно толкающихъ отторг-

нутую область назадъ къ своему прежнему цѣлому. Однако, въ дѣйствительности процессъ тутъ развивается далеко не такъ прямолинейно. Если политическія условія закрыли старые пути, то постепенно, незамѣтно пробиваются новые. Жизнь беретъ свое. И время ей это даетъ. Пути торговой и промышленной циркуляціи мѣняются, и въ этой области нѣтъ законовъ, а есть только факты.

Рѣка, которая не въ состояніи разрушить воздвигнутую посреди ея теченія плотину, огибаеъ ее и принимаетъ новое направленіе. Таковъ-же и потокъ жизни вообще и въ частности потокъ экономической дѣятельности.

Всѣ эти общія соображенія приходится предпослать освѣщенію вопроса о русскомъ дѣлѣ въ Бессарабіи. Будетъ-ли Бессарабія русской или она «навсегда», какъ любятъ говорить румыны, отошла къ Румыніи, — зависитъ, конечно, въ значительной, если не главной мѣрѣ отъ того, какой будетъ новая Россія, и каково будетъ ея вліяніе въ международныхъ дѣлахъ. Можно себѣ представить, что возвращеніе Бессарабіи Россіи произойдетъ въ порядкѣ дипломатическомъ. Мощная международная сила прикажетъ Румыніи отдать Бессарабію Россіи и эта-же сила принудитъ Румынію это сдѣлать. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе вопроса будетъ происходить внѣ зависимости отъ широкихъ массъ. Дезаннексія съ точки зрѣнія непо-

средственного участія въ ней массъ бессарабскаго населенія будетъ формально равна аннексіи. Дипломаты отдали Бессарабію Румыніи — дипломаты-же вернули Бессарабію Россіи. Въ этомъ случаѣ степень румынизациі бессарабскаго населенія, какъ-бы ни сильны были успѣхи румынъ, какъ владыкъ въ дѣлѣ уничтоженія всего русскаго и насильственного насажденія всего румынскаго, ровно никакого значенія имѣть не будетъ.

Но можно, и всего правильнѣе, представить себѣ иной путь возсозданія Россіи: путь ясно и властно выраженной воли населенія отторгнутыхъ частей Россіи къ возврату въ лоно прежняго отечества. Нечего говорить, что, какъ съ точки зрѣнія принциповъ демократіи, такъ и для прочности дѣла возсозданія Россіи, именно второй путь — путь народной воли, является наиболѣе желательнымъ.

Какъ-же обстоитъ дѣло въ Бессарабіи съ этой волей къ Россіи? Если намъ предстоитъ путь единенія черезъ народную волю, то какова обстановка для ея проявленія?

Нужно тутъ-же сразу отвѣтить на этотъ вопросъ: обстановка эта стала неблагопріятной. Въ своей политикѣ румынизациі края румынское правительство нашло удобную почву въ чрезвычайно низкомъ культурномъ уровнѣ бессарабскаго населенія. Находящійся до революціи въ рукахъ черносотен-

ныхъ помѣщиковъ, край этотъ съ весьма пестрымъ національнымъ составомъ стоялъ на очень низкой ступени культурнаго развитія. Тупое руссификаторство и антисемитизмъ самодержавной власти привели къ тому, что широкія массы молдаванскаго и еврейскаго населенія были отброшены отъ русской школы, отъ русской книги и вообще отъ всѣхъ элементовъ русской культуры. Между бессарабской интеллигенціей демократическаго направленія и массами не только молдаванскаго и еврейскаго населенія, но и чисто русскаго существовала пропасть. Земство находилось въ рукахъ воспитанниковъ Крушевана и его единомышленниковъ, и въ Государственную Думу Бессарабія посылала отъявленныхъ черносотенцевъ.

Молдаванское населеніе было совершенно чуждо не только духовной культурѣ Россіи, но и ея гражданско-административному быту. Горе-руссификаторы привели къ тому, что пріѣхавшій въ городъ крестьянинъ чувствовалъ себя здѣсь какъ въ темномъ невѣдомомъ лѣсу. Его имѣли право не повиноваться въ любой канцеляріи. Судъ, школа, церковь, администрація — все это были для него иноязычными институтами. И т. к. поверхъ этого царствовалъ еще дикій произволъ, то легко себѣ представить до чего чуждыми Россіи оставались массы молдаванскаго населенія, чуждыми ея внутренней

культурно-исторической и политической цѣнности.

Нѣсколько ближе стояло къ русской культурѣ еврейское населеніе. Отчасти потому, что это населеніе вообще болѣе культурно и болѣе воспріимчиво къ культурнымъ вліяніямъ, отчасти потому, что оно было сосредоточено въ городахъ. Но уже въ мѣстечкахъ, на ярмаркахъ и базарахъ вы могли видѣть, какъ масса еврейскаго мѣщанства, мелкіе торговцы и ремесленники, еле изъясняясь по-русски или совершенно не понимая русскаго языка, великолѣпно объяснялись по-молдавански.

Румынскіе узурпаторы съ этой стороны нашли для себя вполне подготовленную почву. Они пришли въ среду, которая ихъ понимала и которую они понимали. Пришло новое начальство, которое заговорило или закричало на языкѣ, доступномъ народу.

Здѣсь, въ народныхъ низахъ, истребленіе элементовъ русской культуры оказалось дѣломъ сравнительно легкимъ. Во всѣхъ учрежденіяхъ сразу заговорили на румынскомъ языкѣ, и теперь еще ни одинъ чиновникъ изъ числа бессарабцевъ не заговорить съ вами по-русски, развѣ только украдкой съ глазу на глазъ, когда онъ вполне убѣжденъ, что его собесѣдникъ не питаетъ никакихъ новарныхъ провокаціонныхъ замысловъ, заговаривая съ нимъ на преслѣдуемомъ русскомъ языкѣ.

Само собою разумѣется, на-

чалась вывѣсочная вакханалія, малярная румынизация, глухая низкая и метельная, какъ всѣ малярно-вывѣсочныя революціи послѣднихъ лѣтъ. Сразу въ одинъ отвратительный день вся интеллигенція оказалась безграмотной, и эта безграмотность русской интеллигенціи еще больше отбросила ее отъ народныхъ низовъ, которые такъ же оказались безграмотными, но только въ области письменности, между тѣмъ какъ устная ихъ рѣчь получила не только свободу и признаніе, но стала пользоваться особымъ покровительствомъ.

Румынскіе правители пошли даже въ цѣляхъ румынизации края на нѣкоторыя уступки. Нѣкоторые приказы, иныя рѣшительныя или просто казенныя газетки печатались на румынскомъ языкѣ, но русскимъ шрифтомъ, т. е. латинскій шрифтъ былъ совершенно недоступенъ массамъ, умѣвшимъ читать по-русски.

Это, впрочемъ, было политической мелкой и въ иныхъ случаяхъ просто глупой, хотя и эти глупости имѣли свои положительные для румынъ результаты. Гораздо серьезнѣй въ дѣлѣ румынизации края была общая національная политика румынъ. Основной ея принципъ таковъ: покровительство всѣмъ національнымъ культурамъ, кромѣ русской, которая безпоощадно преслѣдуется.

Вы хотите школу на жаргонѣ, на древне-еврейскомъ языкѣ, на украинскомъ, польскомъ, гре-

ческомъ — пожалуйста, сколько угодно! Вышло такъ, что разнаго рода національныя стіхіи, зажатая въ кулакъ самодержавнаго насилія, вырвались на свободу съ приходомъ румынской заурапаціи.

Населеніе охотно воспользовалось этими дарами данайцевъ, и такимъ образомъ выпаденіе изъ духовной жизни края русской культуры становилось не особенно замѣтнымъ для широкихъ массъ, и прежде слишкомъ чуждыхъ русской культурѣ и во всякомъ случаѣ не заинтересованныхъ активно въ ея сохраненіи и развитіи.

Къ сожалѣнію, самый русскій языкъ сталъ орудіемъ румынизации края. Румынская правящая партія стала издавать нѣкоторыя газеты на русскомъ языкѣ. Нашлось въ Бессарабіи достаточно много людей, которые стали за деньги, а иногда и по убѣжденію восхвалять румынскую политику и писать славословія дѣлу отторженія Бессарабіи отъ Россіи. Увы, надо признаться, что въ этомъ предательствѣ принимаютъ участіе русскіе литераторы, бѣженцы изъ Совдеціи, иногда съ громкими или скандальными именами. Для характеристики этой прессы достаточно указать, что подписка на одну изъ этихъ газетъ обязательна для всѣхъ, получающихъ въ префектурѣ заграничный паспортъ. 150 лей взимается съ лицъ, уѣзжающихъ въ Америку, въ Палестину, съ древнихъ евреевъ и евреекъ, никогда по-русски не чи-

тавшихъ. Для дополненія характеристики румынскихъ нравовъ, слѣдуетъ указать, что собранная въ префектурѣ огромная сумма, въ нѣсколько сотъ тысячъ лей, безслѣдно пропала, равно какъ и документы на эту сумму. Въ этой газетѣ пишутъ русскіе литераторы.

Нужно нѣсколько ближе подойти къ этой вольной и не вольной услугѣ, которая называется русскими бѣженцами-интеллигентами изъ Совдепіи вѣду румынской узурпаціи.

Когда несчастный бѣженецъ, прорвавшись черезъ строй смерти и нравственныхъ пытокъ, вырвавшись изъ объятій голода и холода, прибываетъ въ этотъ обильный, сытый и спокойный край и часто встрѣчаетъ даже весьма галантное отношеніе къ себѣ румынскихъ властей, то онъ впадаетъ невольно въ состояніе умиленной общественно-политической простраціи. Онъ готовъ лобызать руку своихъ спасителей. Онъ ѣсть, пьетъ, ходитъ въ кафе, не боится Ч. К. и думаетъ: какая это замѣчательная страна — Великая Румыніа! Какое это убѣжище права, порядка и главное — вѣдь хлѣба, хлѣба сколько и опять-же вина, и вообще радостно жить на свѣтѣ... И этотъ несчастный заяцъ, перебѣжавшій границу, пишетъ письма благодарности Румыніи, сочиняетъ статьи, ставитъ румынско-патріотическія пьески, произноситъ тосты въ честь Румыніи и счастливъ, безконечно счастливъ...

Румынскіе администраторы уже избалованы этой лестью и кадилнымъ духомъ. Они его требуютъ. И надо правду сказать: въ общемъ и цѣломъ бѣженцамъ здѣсь оказывается широкое гостепрѣимство. Никто такъ не относится къ нимъ терпимо, какъ румынское правительство. И бѣженцы, въ особенности интеллигенты, платятъ данью весьма выгодной. Нужно прямо сказать: въ Бессарабіи наиболѣе прочной опорой въ дѣлѣ моральной поддержки румынской узурпаціи являются русскіе бѣженцы. Они своими разсказами, глубокой, запечатлѣнной въ ихъ глазахъ мукой совѣтскаго бытія создаютъ атмосферу, враждебную Россіи... совѣтской. Да, совѣтской; но не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы понять, что постепенно субъективная формула: «большевики и румыны» объективируется незамѣтными наслоеніями въ другую: «Россія и Румыніа». Многие покидаютъ Россію навсегда — это главнымъ образомъ масса еврейскихъ бѣженцевъ, безконечно истерзанная погромами большевистскими и антибольшевистскими. Для нихъ субъективно и, увы, объективно оно почти тоже самое вся русская эпопея послѣднихъ лѣтъ — одинъ сплошной погромъ. Отъ нихъ ли требовать живого чувства матери-родины, когда ее продаютъ и предаютъ русскіе журналисты, литераторы, актеры, художники, служившіе по ту сторону Днѣстра больше-

викамъ, а по эту лакействующіе передъ румынскими насильниками?

И тѣ, и эти, и многіе другіе выщелачиваютъ русское дѣло въ Бессарабіи и создаютъ атмосферу, гибельную для русскаго патриотизма.

Этотъ процессъ идетъ медленно, но неуклонно впередъ, не встрѣчая почти серьезныхъ препятствій. Ему способствуетъ позиція бойкота всѣхъ румынскихъ учреждений, принятая мѣстной интеллигенціей со времени прихода румынъ. Тогда эта позиція бойкота была не снажу правильной, но единственно возможной. Террористическій режимъ новыхъ пришельцевъ, прибѣгнувшихъ къ неслыханнымъ мѣрамъ насилія, къ убійствамъ, перепоровшихъ почти все крестьянское населеніе, внесшихъ въ жизнь Бессарабіи элементы коварно-дееспотической, чисто восточной политики — все это вмѣстѣ съ бѣшеннымъ походомъ на все русское не давало никакой возможности мѣстной интеллигенціи принять хоть какое-нибудь участіе въ новой системѣ политическихъ, общественныхъ и административныхъ учреждений. Бойкотъ этотъ былъ героической полосой въ жизни мѣстной интеллигенціи и примыкавшихъ къ ней широкихъ круговъ служилаго элемента. Тогда была сильна вѣра въ скорое возрожденіе Россіи. Казалось, что вотъ-вотъ румынское лихолѣтіе кончится. Была сильна вѣра въ то, что великія державы

ни за что не признаютъ права Румыніи на Бессарабію.

Всѣ эти надежды однако рушились. А бойкотъ остался... Изъ фактора борьбы, активнаго протеста, требовавшаго жертвъ, онъ превратился постепенно, и иначе и быть не могло, въ разлагающую пассивность...

Бойкотъ по самому своему существу — форма борьбы не длительная. Онъ при длительномъ примѣненіи неизбежно вырождается въ полную оторванность отъ жизни и въ постепенное угасаніе общественной энергіи. Такъ оно и случилось въ Бессарабіи. Отстранившись отъ вмѣшательства въ новыя формы жизни, интеллигенція тѣмъ самымъ очистила поле для всякаго рода мерзавцевъ, карьеристовъ, взяточниковъ, лакеевъ и перевертней. Теперь у многихъ назрѣваетъ мысль о томъ, что надо начать новую тактику, постараться служить народу, связаться съ нимъ въ новой обстановкѣ. Но это теперь безконечно трудно и психологически и физически. Все захвачено грязными руками, и интеллигенція, лишенная живого дѣла, вянетъ общественно, мельчаетъ, погружается въ мѣшчанскую тину...

Какъ реальной общественно-политической силы, русской интеллигенціи сейчасъ въ Бессарабіи нѣтъ. У русскаго дѣла сейчасъ нѣтъ этой самой главной опоры. Интеллигенція не у дѣла. Субъективно она въ рѣшительной оппозиціи къ румынскому владычеству. Но эта

ея оппозиція остается при ней, никого не грѣя и не пробуждая кругомъ засыпающаго русскаго чувства. Бойкотъ изъ благословенія превратился въ проклятіе.

Въ румынской прессѣ серьезно ставится вопросъ: можно-ли бить бессарабца по мордѣ? И дается отвѣтъ: да, бессарабца по мордѣ бить можно. И радикальная румынская газета тутъ-же прибавляетъ: а вотъ трансильванца или буковинца по мордѣ бить нельзя. Въ этихъ присоединенныхъ областяхъ румынизация сдѣлала ничтожные успѣхи. Тутъ не было бойкота, потому что тутъ не было оглядки на прежнюю родину. Никто не вѣрилъ и не вѣрить больше въ восстановление Австро-Венгріи, и поэтому скоро интеллигенція, преимущественно нѣмецкая, стала на почву новыхъ отношеній и завоевала рядъ новыхъ позицій. Проѣзжая по Бессарабіи, вы не услышите по пути со стороны поѣздной прислуги и жел.дор. администраціи русской рѣчи. Да и на-чисто выметень прежній составъ. Въ Трансильваніи вы чувствуете себя въ нѣмецкой или венгерской стихіи. И въ парламентѣ и въ мѣстномъ самоуправленіи и въ администраціи вы находите представителей мѣстной краевой интеллигенціи. На улицѣ передъ вами вырастаетъ шупманъ. Имѣется независимая отъ румынскихъ властей нѣмецкая пресса. Словомъ, край сохранилъ свою индивидуальность.

Этого, къ несчастью, нельзя сказать по Бессарабію.

Время идетъ и вмѣстѣ съ нимъ уходитъ изъ Бессарабіи Россія. Это надо сказать прямо и не тѣшить себя какими-либо иллюзіями.

Если подлинная, демократическая Россія дѣло не близкое, то шансы на живое тяготѣніе къ ней Бессарабіи становятся все болѣе проблематичными. Населеніе ненавидитъ румынъ, оно не можетъ забыть пока страшной поры ихъ прихода, ихъ гомерическихъ насилій, но оно втягивается въ новую систему жизни. Торгуетъ, работаетъ, ѣздитъ въ Европу, говоритъ все больше и читаетъ все больше на румынскомъ языкѣ. Это все не проходитъ даромъ для русскаго чувства и русскихъ тяготѣній. Время не за Россію.

Русскій патриотизмъ крѣпокъ пока только въ интеллигенціи. Но она не у дѣлъ. И въ средѣ русскихъ бывшихъ помѣщиковъ. Но у нихъ оппозиція Румыніи землевладѣльческой. У нихъ аграрная реформа румынскаго правительства отняла землю, оставивъ не болѣе 100 десятинъ на владѣльца. Здѣсь сильны монархическія тенденціи. Это Россія черная... Не надо обманываться насчетъ характера ея румынофобства и руссофильства, хотя въ Бессарабіи многіе обманываются, принимая все это за чистую монету.

Освобожденіе Бессарабіи и воссоединеніе ея черезъ народную волю съ Россіей все-

цѣло зависитъ отъ того, долго ли еще Россія придется изнывать въ тискахъ коммунизма.

Здѣсь трудно указывать времена и сроки. Но долгъ русскихъ патриотовъ сказать всю правду и возвѣстить тревогу

за судьбу окраины, могущей быть русской, желавшей и желающей еще и нынѣ быть русской, но стихіей времени все болѣе отъ этой, не дающейся намъ въ руки, Россіи отрывающейся...

Л. Сотовъ.

АЗЕРБАЙДЖАНЪ И РОССІЯ.

I.

9 апрѣля 1918 г. Закавказскій сеймъ объявилъ Закавказье независимой республикой, а 26 мая того же года республика эта, созданная искусственно подъ виѣшнимъ давленіемъ для заключенія мира съ Турціей, распалась вслѣдствіе внутреннихъ несогласій по этому самому существенному для Закавказской республики вопросу.

28 мая Азербайджанскій національный совѣтъ объявилъ Азербайджанъ независимой демократической республикой. Первымъ шагомъ правительства вновь созданнаго государства было обращеніе къ туркамъ за помощію для завоеванія Баку, Ленкорани и Шемахи, которыя находились въ это время частью въ рукахъ армянъ, частью въ рукахъ большевиковъ, а частью, какъ само Баку, въ рукахъ мѣстнаго исполнительнаго комитета. Турки охотно пошли навстрѣчу азербайджанскому правительству, пере-

бросили свои войска, и 14 сентября 1918 г. Баку послѣ полутора мѣсячной осады палъ. Ленкорань и Шемаха были очищены еще раньше. Правительство перѣехало изъ Генджи въ Баку и прежде всего постѣшило старшей воздать армянамъ за татарскій погромъ, произведенный въ мартѣ 1918 г., устроивъ жесточайшую армянскую рѣзню. За рѣзней и погромомъ послѣдовали аресты армянъ, высылки, обыски, отправна на принудительныя работы. Этотъ первый актъ правительства предопредѣлилъ всю дальнѣйшую политику его, сдѣлавъ ее центромъ вооруженную и невооруженную борьбу съ армянами и Армеліей.

Въ ноябрѣ турки покинули Азербайджанъ и ихъ мѣсто заняли англичане, вступившіе въ Баку 17 ноября 1919 г. Въ отличіе отъ турокъ, совершенно не вмѣшивавшихся во внутреннюю жизнь государства, англичане вмѣшивались рѣшительно во все, устанавливали налоги и пошліны, контролировали про-

изводство и вывозъ нефти и распорядились въ Азербайджанѣ, какъ въ своей колоніи; и только послѣ эвакуаціи Азербайджана англичанами лѣтомъ 1919 г. началось фактически существованіе послѣдняго, какъ независимаго государства.

Изъ всѣхъ трехъ закавказскихъ республикъ наименѣе подготовленной къ самостоятельной политической жизни была несомнѣнно азербайджанская и наиболѣе безпомощнымъ и слабымъ было правительство азербайджанское. Какъ и правительства обѣихъ другихъ республикъ, оно оказалось совершенно безсильнымъ разрѣшить самый жгучій въ Закавказьѣ вопросъ національный; но столь же безсильнымъ оно оказалось и въ другихъ областяхъ политической и соціальной жизни. Собственныхъ интеллигентныхъ силъ у Азербайджана почти не было; мусульманъ съ высшимъ и даже среднимъ образованіемъ было нѣсколько десятковъ на всю страну. Поэтому правительство, состоявшее къ тому же изъ политическихъ дилетантовъ, въ большинствѣ не занимавшихся даже раньше политической или общественной дѣятельностью, вынуждено было обратиться къ русскимъ чиновникамъ. Послѣдніе же ничего общаго съ правительствомъ не имѣли, искренно презирали его и служили только изъ-за жалованія. Но и помимо того, нельзя же было требовать отъ русскихъ чиновниковъ и отъ русской интеллигенціи, чтобы

они за совѣсть проводили «національную» азербайджанскую политику, которая шла вразрѣзъ со всѣми ихъ взглядами, традиціями и привычками.

Языкъ дѣлопроизводства во всѣхъ министерствахъ и учрежденіяхъ былъ русскій вовсе не потому, что азербайджанское правительство было болѣе руссофильскимъ, чѣмъ грузинское или армянское, а потому, во-первыхъ, что населеніе не умѣло читать по-турецки, а во-вторыхъ, потому, что не было чиновниковъ, умѣющихъ по-турецки писать. Даже министры не знали этого языка, который тѣмъ не менѣе считался національнымъ и въ теоріи государственнымъ.

Преобладающее политическое вліяніе въ государствѣ принадлежало туркамъ, которые остались въ Азербайджанѣ послѣ занятія его англичанами или эмигрировали послѣ разгрома Турціи. Турецкіе эмигранты пользовались въ Азербайджанѣ огромной популярностью, ибо въ нихъ видѣли не только освободителей Баку, но и представителей единовѣрнаго и единокровнаго народа, борцовъ за исламъ и носителей мусульманской культуры. Характерно, что пораженіе не ослабило, а, напротивъ, усилило симпатіи къ туркамъ. Господствовавшія къ тому же въ Азербайджанѣ партіи мусаватъ (націоналъ-демократы) и иттихатъ (націоналисты) носились тогда съ грандіозной идеей о созданіи федераціи мусульманскихъ госу-

дарствъ съ Турціей во главѣ. Такъ какъ кавказскіе татары при старомъ режимѣ воинской повинности не отбывали, то у Азербайджана не оказалось готоваго кадра своихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и поэтому для организаціи арміи пришлось обратиться къ турецкимъ офицерамъ (русскимъ офицерамъ ген. Деникинъ запретилъ служить въ азербайджанской арміи). Армія, такимъ образомъ, очутилась тоже въ рукахъ турокъ, которые естественно преслѣдовали турецкія національныя цѣли и, не задумываясь, принесли въ жертву большевикамъ Азербайджанъ, когда того потребовали интересы Турціи. Несомнѣнно, что мусульманскія народныя массы сочувствовали туркамъ, и популярность отдѣльныхъ турецкихъ генераловъ, какъ Нури наши (брата знаменитаго Энвера), Халила наши и др., была поистинѣ безпредѣльной. Въ концѣ концовъ и правительство, и парламентъ стали игрушкой въ рукахъ турокъ и националистическихъ элементовъ, построившихъ всю политику Азербайджана на армяно-татарской розни. Провести какія-либо реформы правительство было безсильно, но зато ему легко было выступать въ роли защитника мусульманства въ Закавказьѣ и предъявлять претензіи на включеніе въ составъ Азербайджана чуть ли не всѣхъ областей и районовъ, гдѣ преобладало мусульманское населеніе, ибо при крайней сложности и запутанности

межнациональныхъ отношеній въ Закавказьѣ каждая изъ трехъ республикъ почти съ одинаковымъ основаніемъ и безъ всякаго основанія претендовала на территоріи сосѣдей.

Посмотрите карту, приложенную азербайджанской делегацией къ меморандуму, представленному мирной делегации въ Версалѣ. По этой картѣ въ составъ территоріи Азербайджана должны быть включены: вся Эриванская губ. (кромя 3 уѣздовъ), вся Карская и вся Батумская области и половина Тифлисской губ. Это, конечно, крайній, совершенно неосуществимый предѣлъ азербайджанскихъ домогательствъ, но одно предъявленіе такихъ вызывало ягучее бѣшенство сосѣдей. Съ другой стороны, Грузія претендовала на Закатальскій округъ, а Армения на Нахичеванскій, Зангезурскій и Карабахскій уѣзды, фактически входившіе въ составъ Азербайджанской территоріи. Отсюда безконечные споры и войны, партизанскіе набѣги и вѣчные раздоры съ сосѣдями, не дававшіе возможности сговориться даже передъ лицомъ общаго врага и при ведшіе, въ концѣ концовъ, къ гибели всѣ три закавказскія республики. Пока существовала русская власть и общіе для всего Закавказья законы и порядки, для населенія было совершенно безразлично, управлялъ ли имъ Елисаветпольскій, Эриванскій или Тифлиссскій губернаторъ. Национальная рознь

проявлялась и тогда въ страшныхъ формахъ погромовъ и убійствъ, но лишь спорадически, въ моментъ обостреній, а иногда и по прямому наущенію власти. Въ нормальное же время центральная власть въ лицѣ своихъ представителей на Кавказѣ играла примиряющую роль и сдерживала національный антагонизмъ, устанавливая одинъ режимъ для всѣхъ. Лишь послѣ того какъ Закавказье разбилось на 3 отдѣльныхъ государства, съ необычайной яркостью вскрылось рѣзкое противорѣчіе національныхъ домогательствъ отдѣльныхъ народовъ Закавказья и стало яснымъ, что безъ наличности наднаціональнаго регулятора, которому принадлежало бы право разрѣшать національно-территориальные споры, Закавказье не можетъ жить спокойной, производительной жизнью. Съ того момента, какъ образовались государства: азербайджанское, армянское и грузинское, построенныя на принципѣ національно-территориальномъ, для азербайджанца, армянина и грузина было далеко не безразлично, будетъ-ли онъ гражданиномъ армянской, азербайджанской или грузинской республикъ, ибо въ одной онъ принадлежалъ къ народности господствующей и правящей, а въ другой къ народности терпимой лишь и управляемой. При наличности національной ненависти, при чрезвычайно низкомъ культурномъ и образовательномъ уровнѣ закавказскаго населенія, при

слабости власти, вынужденной для самосохраненія прибѣгать къ націоналистической демагогии, какое могли имѣть серьезное значеніе провозглашеніе правъ національныхъ меньшинствъ и существующія на бумагѣ гарантіи? Нельзя сказать, чтобы правительства закавказскихъ республикъ не сознавали необходимости объединенія, федераціи, хотя бы въ цѣляхъ обороны отъ Россіи, бѣдой или красной; два года шли разговоры о федераціи и дальше разговоры дѣло не пошло, да и пойти не могло, ибо неразрѣшимы были споры и взаимныя претензіи.

Прежде всего нигдѣ въ мірѣ (даже на Балканахъ) нѣтъ такого смѣшаннаго населенія, какъ въ Закавказьѣ. Изъ 9 губерній и округовъ только въ одной губерніи Кутаисской однородное грузинское населеніе (98%) и только въ одномъ уѣздѣ Александропольскомъ однородное армянское населеніе (97,5%). Во всѣхъ другихъ губерніяхъ и округахъ имѣются въ разной пропорціи рѣшительно всѣ народности Закавказья плюсъ русскіе, которые въ Баку и Тифлисѣ составляли 30% всего населенія. Даже въ губерніяхъ съ преобладающимъ населеніемъ одной народности имѣются уѣзды, гдѣ преобладаетъ другая народность. Въ Баку христіанъ 53%, въ Шушинскомъ (Карабахскомъ) уѣздѣ армянъ 54% и т. д. Слѣдовательно, руководиться однимъ этнографическимъ принципомъ при разграниченіи за-

кавказскихъ республикъ нельзя было; къ этнографическому признаку стали поэтому присоединять историческія права, каковыя оказывались у всѣхъ претендентовъ. За отсутствіемъ авторитетнаго суперъ-арбитра закавказскія республики пытались разрѣшать территориальныя споры упрощеннымъ способомъ: взаимной рѣзней. То армяне рѣзали татаръ, то татары армянъ; цѣлые уѣзды превращались въ пустыни. Въ результатъ — отсутствие самаго примитивнаго порядка и безопасности, захватъ огромныхъ районовъ шайками разбойниковъ, полное разстройство и безъ того плохо налаженнаго и сквернаго административнаго аппарата и глубокое недовольство мирнаго населенія, которое не видѣло конца этому взаимоистребленію.

Къ этому надо добавить, что по причинамъ, которыя будутъ изложены ниже, правительству не удалось, да и не могло удасться, наладить промышленную и торговую жизнь страны. Дороговизна все росла, деньги обезцѣнивались, и рабочее населеніе, въ большинствѣ русское, открыто выражало свое недовольство и было насквозь пропитано большевизмомъ; недовольно было и крестьянство, не только русскіе переселенцы, но и мусульманское, ибо аграрную реформу изъ за сопротивленія бековъ и духовенства правительство не осмѣливалось осуществить. Такимъ образомъ, правительство могло держаться и держалось только:

боязнь населенія большевистскаго нашествія и борьбой съ армянами. Но уже въ 1919 г. началось сближеніе турокъ съ большевиками; это сближеніе и выступленіе московскаго правительства въ роли освободителя мусульманъ Азіи отъ европейскихъ империалистовъ и работодателей выбило изъ рукъ азербайджанскаго правительства крупнѣйшій козырь: страхъ передъ большевистскою опасностью. Турки, пользовавшіеся, какъ я уже указалъ, огромнымъ вліяніемъ, стали доказывать, что мусульманамъ нечего бояться большевиковъ, ибо это единственныя ихъ союзники и друзья. Тѣмъ не менѣе, когда, послѣ паденія Деникина и занятія большевиками Сѣвернаго Кавказа, стало ясно, что красная армія не остановится у границы Азербайджана, а попытается занять Баку, безъ котораго Союзѣтской Россіи, лишенной совершенно топлива, грозила гибель, правительство Уссубекова попыталось, съ одной стороны, организовать сопротивленіе возможному нападенію, а съ другой — начало переговоры съ большевиками о представленіи имъ на очень льготныхъ условіяхъ нефти. Но сопротивленіе организовывалось слабо и нехотя, ибо у большевиковъ въ самомъ Азербайджанѣ были могущественныя союзники въ лицѣ чурецкаго командованія и иттихатистовъ. Большевики не располагали тогда на побережьи Каспійскаго моря большими силами, и потому за-

хватъ Баку былъ бы, вѣроятно, отсроченъ еще на нѣкоторое время, если бы большевикамъ не помогли армяне, устроившіе въ мартѣ возстаніе въ Карабахѣ и Зангезурѣ. Для подавленія этого возстанія азербайджанское правительство перебросило всѣ войска въ эти районы, совершенно обнаживъ сѣверныя границы государства, хотя азербайджанскому командованію было извѣстно о концентраціи советскихъ войскъ на линіи Дербентъ-Хичмасъ. Армянское возстаніе было подавлено, но войска не были переброшены обратно, и въ концѣ апрѣля большевики предъявили требованіе о пропускѣ ихъ въ Арменію и одновременно стали двигаться на Баладжары. Сторонники соглашенія съ большевиками въ составѣ правительства, въ виду несогласія послѣдняго выполнить требованіе большевиковъ, подали въ отставку, вызвавъ этимъ путемъ затяжной правительственный кризисъ. И въ парламентѣ, и въ обществѣ царила полная растерянность. Сопротивленіе было невозможно, да и военныя власти съ помощникомъ военнаго министра ген. Шихлинскимъ во главѣ приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы сопротивленіе не могло быть оказано.

27 апрѣля 1920 г. на квартирѣ у одного изъ лидеров иттихатистовъ Бебушъ хана Дджеваншира состоялось послѣднее совѣщаніе, на которомъ было рѣшено согласиться на занятіе Баку красноармейскимъ гарнизономъ и пропустить большеви-

ковъ черезъ Евлахъ на Арменію; при этомъ большевики обѣзались дать возможность всѣмъ желающимъ выѣхать изъ Баку и никого не арестовывать. 28 апрѣля большевики безъ единого выстрѣла заняли Баку и линію желѣзной дороги, и фактически Азербайджанская республика перестала существовать.

Такова въ самыхъ краткихъ и общихъ, конечно, чертахъ политическая обстановка гибели Азербайджанской независимости. Уже изъ этого изложенія читатель могъ видѣть, на какомъ непрочномъ фундаментѣ была построена Азербайджанская государственность. Столь же непрочнымъ былъ и экономическій базисъ; да и культурно бытовыя условія не очень благоприятствовали развитію національнаго государства въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали национализмъ правящія партіи Азербайджана -- муссаватъ и иттихатъ. На одно изъ этихъ условій, отсутствіе собственной интеллигенціи, я уже указалъ; да и та небольшая группа мусульманской интеллигенціи, въ руки которой попала власть, была воспитана на русской культурѣ, училась въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и была по всѣмъ своимъ привычкамъ скорѣе русской, чѣмъ національно-азербайджанской. Это были русскіе адвокаты (Джафаровъ, Векиловъ, Ханъ-Хойскій), русскіе инженеры (Меликъ-Аслановъ, Гаджинскій), русскіе учителя (Усубековъ) и т. д. Национально-

настроенной эта интеллигенція стала только во время революціи. Отношенія между мусульманами и русскими въ Закавказьѣ всегда были превосходныя, и мусульманское населеніе (и во время войны) держало себя очень лояльно по отношенію къ Россіи. Объясняется это тѣмъ, что особаго специфическаго гнета мусульмане въ Закавказьѣ не испытывали. Правда, въ меморандумѣ, адресованномъ Версальской делегаціи, азербайджанская делегація, придерживаясь царившей тогда моды, жаловалась на особыя преслѣдованія мусульманъ русской властью, которая будто-бы третиговала даже мусульманское духовенство. Люди, хоть немного изучившіе Закавказье, знаютъ, что эти обвиненія совершенно ложны. Старое русское правительство имѣетъ на своей памяти достаточное количество преступленій, и незачѣмъ приписывать ему тѣ акты, которыхъ оно не совершало. Напротивъ, русская власть на Кавказѣ относилась очень бережно къ религіознымъ вѣрованіямъ мусульманъ, признавала официально шариатъ, какъ руководящія юридическія нормы для мусульманскаго населенія, и совершенно почти не вмѣшивалась въ его внутреннюю жизнь. Ни о какомъ отдѣленіи отъ Россіи мусульмане до большевистскаго переворота не думали и ни одного столкновенія между ними и русскими до 1918 г. не было. Сама же азербайджанская делегація въ своемъ меморандумѣ

должна была признать, что русскія войска не только не принимали никакого участія въ рѣзнѣ татаръ въ мартѣ 1918 г., но остановили рѣзню, угрожая выступить противъ армянъ, если избіеніе татаръ не прекратится. Мусульманское крестьянство терпѣло гораздо больше отъ единовѣрныхъ ему бековъ и хановъ, чѣмъ отъ русскихъ чиновниковъ. И тѣмъ не менѣе, въ самомъ началѣ самостоятельной политической жизни Азербайджана, мусульманскія національныя партіи, очевидно съ цѣлью возбужденія національнаго чувства, подняли травлю противъ русскихъ и, главнымъ образомъ, противъ русскихъ переселенцевъ на Мугани и въ Елисаветпольской губ. Нужно сказать, что на Мугани русскіе переселенцы были поселены на земляхъ, никому ранѣе не принадлежавшихъ, ибо до ирригаціи Муганской степи русскимъ правительствомъ степь эта была пустыней, по которой бродили разбойничьи племена персидскихъ шахсеваховъ. Если избіеніе (а не только обезоруженіе) русскихъ эшелоновъ въ Шимхарѣ можно было объяснить боязнью разграбленія Баку и Генджи солдатами, то ничѣмъ не объяснить, ни оправдать раззоренія русскихъ крестьянъ нельзя было. А между тѣмъ татары подъ вліяніемъ агитаціи стали въ 1918 и 1919 г.г. планомерно уничтожать русскія поселенія. Цвѣтущіе русскіе поселки предавались огню и мечу. На Мугани не осталось ни одного русскаго, и

степь снова стала пустыней; въ районѣ Каража были раззорены русскія селенія: Михайловка, Боейково, Татьяновка и др.; наконецъ, изъ всѣхъ поселеній Елисаветпольской губ. русскіе насильственно выдворялись татарами. Это былъ, конечно, болѣе легкій способъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, чѣмъ отнятіе земель у бековъ, но нельзя сказать, чтобы очень совершенный и справедливый.

Къ счастью, эти эксцессы прекратились въ 1919 г. и болѣе не возобновлялись. Русское-же населеніе городовъ вообще никакимъ преслѣдованіямъ не подвергалось, ибо, если-бы азербайджанское правительство захотѣло приступить къ націонализации учреждений въ грузинскомъ масштабѣ, то вся государственная, общественная, культурная и промышленная жизнь страны остановилась-бы. Учебныя заведенія были русскія и другіихъ не было; университетъ былъ русскій, чиновники русскіе, инженеры, адвокаты и врачи русскіе и 90% всѣхъ квалифицированныхъ рабочихъ были тоже русскіе. Баку, какъ былъ, такъ и остался русскимъ (по культурѣ) городомъ. Симпатіи къ Россіи были неискоренимы и населеніе боялось не русской власти (напротивъ, демократическая русская власть привѣтствовалась-бы огромной частью населенія), а большевиковъ, да и въ тѣхъ многіе были склонны видѣть русскую власть, тираническую и ужасную, но временную, которая смѣнится на-

стоящей властью. Этимъ отчасти и объясняется отсутствіе сопротивленія со стороны мусульманской части бакинскаго населенія; и огромная ошибка большевиковъ, которой мусульмане никогда не забудутъ, было назначеніе въ Баку комиссарами армянъ. Власть армянъ мусульмане переварить не могутъ, ибо здѣсь имѣется на-лицо старинная, разбуженная и татарскими, и армянскими націоналистами ненависть.

Если отдѣленіе Азербайджана отъ Россіи ярко вскрыло культурную зависимость перваго отъ второй, то съ еще болѣе яркостью это отдѣленіе обнаружило экономическую его зависимость отъ Россіи. Въ Россіи и русскаго рынка Азербайджанъ при всѣхъ своихъ огромныхъ естественныхъ богатствахъ существовать не могъ и обреченъ былъ на экономическое и финансовое банкротство. Самымъ главнымъ богатствомъ Азербайджана была нефть. Но изъ 500-600 мил. пудовъ, добывавшихся въ Бакинскомъ районѣ до войны, 90% потреблялось Россіей, куда нефть вывозилась по морю черезъ Астрахань. Замѣнить Россію европейскими рынками нельзя было, ибо батумскій керосинопроводъ былъ рассчитанъ только на перекачку нефти сравнительно слабой пропускной способности (не болѣе 5 мил. пуд. въ мѣсяць); а одноколѣйная Закавказская дорога съ ея крутыми подъемами на участкѣ Сурамъ-Квирилы

совершенно не была приспособлена для перевозки массовых грузов нефти. Помимо того, въ Баку и въ мирное время всегда ощущался недостатокъ свободныхъ денегъ, и русскій государственный банкъ въ нормальное время вынужденъ былъ всегда выдавать промышленникамъ ссуды. Теперь этотъ источникъ исчезъ, а азербайджанскій государственный банкъ не въ состояннн былъ, по отсутствію какого бы то ни было покрытія для выпускаемыхъ имъ банкнотъ, его замѣнить. Въ результатѣ даже пониженная добыча нефти (10 мил. пуд. въ мѣсяцъ) не находила сбыта и заполняла всѣ резервуары и нефтехранилища. Промышленность поддерживать надо было все-таки и государство вынуждено было поэтому выдавать нефтепромышленникамъ громадныя ссуды и субсидіи, покрывать убытки и т. д. Выпуски банкнотъ слѣдовали за выпусками: бумажки обезцѣнивались, и дороговизна жизни все росла.

Во времени захвата Баку большевиками тамъ было свыше 300 мил. пуд. нефти, которая не находила сбыта.

Россія была потребительницей и всего остального азербайджанскаго сырья: хлопокъ, котораго собиралось до 5 мил. пуд. въ годъ, кожъ, шелка, вина, мѣди и т. д. Культура хлопка уже въ 1920 г. почти прекратилась; сильно сократилось винодѣліе, стали мѣдные заводы.

Россія была главной потребительницей азербайджанскаго

сырья, но она же была и главной поставщицей фабрикатовъ для Азербайджана, и всѣ попытки итальянцевъ и англичанъ замѣнить русскіе фабрикаты иностранными кончились крахомъ.

Эту огромную экономическую зависимость Азербайджана отъ Россіи сознавали и азербайджанская делегачія и азербайджанское правительство. Правда, оно пыталось возобновить экономическую связь съ Россіей мирнымъ путемъ, хотя отлично сознавало, что никакое русское правительство не захочетъ, да и не сможетъ, поставить все волжское судоходство и значительную часть своей промышленности въ отношеніи топлива въ зависимость отъ воли или каприза азербайджанскаго правительства, тѣмъ болѣе, что 84% капиталовъ, вложенныхъ въ нефтяную промышленность, русскіе.

Большевики окончательно и надолго раззорили Азербайджанъ и разрушили все производство страны, но раззореніе началось до нихъ и минуемо произошло-бы и помимо нихъ.

Но несомнѣнно одно: если бы большевистская власть была свергнута и замѣнена не старымъ порядкомъ, а демократической властью, то Азербайджанская республика одна изъ первыхъ пожертвовала бы своими суверенными правами въ пользу Россіи и на тѣхъ или иныхъ началахъ вновь соединилась-бы съ ней, ибо двухлѣтнее самостоятельное существованіе Азер-

байджанской республики определенно выяснило, что, если Россия не может существовать без бакинской нефти, то и Азербайджанъ не может жить ни безъ русскихъ фабрикатовъ и русскаго рынка, ни безъ русской культуры и русской интеллигенціи.

Въ этой вѣковой и неразру-

шимой связи, а не въ насильственномъ подавленіи мѣстныхъ особенностей, мѣстной культуры и національныхъ стремленій, залогъ примиренія и соединенія Россіи съ ея бывшими окраинами на новыхъ, справедливыхъ и демократическихъ основаніяхъ.

Д. Номановъ.

КРИЗИСЪ ФРАНЦУЗСКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ.

1-го мая этого года язва, разъѣдающая французское рабочее движеніе, воочию обнаружилась и для непосвященнаго взора. Парижскіе старожилы не запомнятъ такого мизернаго «праздника Труда». Бывали годы, когда 1-ое мая обходилось безъ крупныхъ демонстрацій, но и тогда чувствовалось то, что моряки называютъ «мертвой зыбью», которая указывала на существованіе недалекихъ отъ поверхности теченій, на то, что рабочія организаціи дѣйствуютъ и живутъ своей особой жизнью. На этотъ разъ повсюду—полная апатія. Залы, отведенныя подъ митинги, казались слишкомъ просторными для затерявшихся среди пустыющихъ скамеекъ слушателей профессиональныхъ ораторовъ, и въ рѣчахъ послѣднихъ не было энтузіазма; но зато сколько ушатовъ грязи выливалось на голову старыхъ, испытанныхъ

вождей профессиональнаго движенія; въ этотъ своеобразный праздникъ труда на собраніяхъ слышны были лишь призывы противъ Конфедерации труда, объединяющей рабочіе синдикаты Франціи: «да здравствуютъ совѣты», кричали новоиспеченные адепты Ленина, «долой Конфедерацию Труда».

Поистинѣ есть что-то трагическое въ упадкѣ всеобщей Конфедерации Труда, совершившемся съ изумительной быстротой. Кто непомнить, какой популярностью пользовалась эта организація въ моментъ прекращенія войны? Общественное мнѣніе относилось къ ней съ какимъ-то небывалымъ для Франціи уваженіемъ. Не только потому, что рабочія массы вливались въ нее непрерывнымъ потокомъ, какъ никогда до того, не только потому, что она казалась огромной матеріальной силой, съ которой приходилось

считаться поневоле, но и потому, что усталый от тяжелой войны народъ, жаждавший нового порядка, народъ, которому въ теченіе всей военной эпопеи говорили, что вскорѣ наступитъ миръ соціальной справедливости, хотѣлъ вѣрить, что люди, стоящіе во главѣ всеобщей Конфедерации Труда и окутанные какой-то дымкой таинственности, являются новыми людьми, необходимыми для возрожденія націи и для быстрого излеченія нанесенныхъ Франціи ранъ. Это была эпоха, когда маститый историкъ и патріотъ Эрнестъ Лависъ утверждалъ пишущему эти строки, что новые люди эти необходимы, что миръ не успокоится, пока не найдетъ новыя формы вмѣсто изжившей себя системы наемнаго труда. Это было время, когда Клемансо говорилъ посѣтившимъ его представителямъ Конфедерации Труда, что буржуазія вскорѣ должна уступить имъ свое мѣсто и отечески предостерегалъ ихъ отъ возможныхъ эксцессовъ массъ, въ хвостѣ которыхъ они могутъ очутиться.

Но 1919 годъ прошелъ быстро, а Конфедерация Труда себя не выявила. Тотъ же самый Клемансо, которому секретарь Конфедерации предложилъ организовать съ его помощью Высшій Экономическій Совѣтъ, отклонилъ его предложеніе. Конфедерация начала странную и непонятную для постороннихъ политику; ничтожное меньшинство большевистствующихъ элементовъ, подъ влияніемъ нѣко-

торыхъ лидеровъ социалистической партіи, толкало ее на путь безпорядочныхъ экспериментовъ. Первое пораженіе Конфедерация испытала, когда она присоединилась къ идеѣ забастовки въ пользу русской революціи. Рядъ стачекъ, не имѣвшихъ подъ собой никакой почвы и не обоснованныхъ экономически, но зато носившихъ едва затушеванный политическій характеръ, ослабилъ вліяніе ея уже въ началѣ 1920 г. И къ первому мая 1920 г. Конфедерация насчитывала уже не до двухъ милліоновъ членовъ, какъ это было немедленно послѣ перемирія, а около 1.700.000.

Вожди ея, однако, стремились отдаться воплію «строительной» работъ. Они создали Экономическій Совѣтъ, правда, безъ правительства, но привлеки въ него представителей техники, кооперации и государственныхъ чиновниковъ. Въ этомъ органѣ они собирались разработать планъ экономической реорганизации страны. Но не успѣлъ еще Экономическій Совѣтъ развить свою дѣятельность, какъ по случаю перваго мая Федерация рабочихъ желѣзнодорожниковъ, движимая нѣсколькими фанатиками большевиками, провозгласила всеобщую забастовку во имя мало понятнаго массамъ лозунга націонализации желѣзныхъ дорогъ. И вотъ тогда Всеобщая Конфедерация Труда совершила ту непоправимую ошибку, за которую она платится сейчасъ такъ

жестоко. Въмѣсто того, чтобы понять, что вызванное движеніе, какъ мы увидимъ это ниже, совершенно несомнѣннѣмъ съ тѣми задачами, которыя стоятъ передъ профессиональными союзами Франціи, и сразу же вырвать съ корнемъ проявившуюся большевистскую демагогію, вожди Конфедерации Труда, съ отчаяніемъ въ душѣ провозгла-

95	170.000	15.000	155.000	35.000	120.000
85	436.000	303.000	133.000	129.000	4.000
227	53.000	53.000	—	—	—
73	не отвѣти-	всѣ работа-	—	—	—
	ли	ли			
И того: 480	659.000	371.000	288.000	164.000	124.000

Эта таблица чрезвычайно характерна для всѣхъ организацій, принявшихъ участіе въ пресловутой первомайской забастовкѣ 1920 г. Изъ нея вытекаетъ, прежде всего, что больше половины рабочихъ металлистовъ, находившихся въ мѣстностяхъ, гдѣ существовали синдикаты, не отвѣтили на призывъ этихъ послѣднихъ нъ забастовкѣ; что изъ 288.000 забастовщиковъ болѣе половины, а именно 164.000 рабочихъ стали на работу, не дожидаясь указаній изъ центра и, наконецъ, что только 124.000 членовъ организаціи подчинились профессиональной дисциплинѣ до конца. Необходимо, однако, отмѣтить, что въ другихъ организаціяхъ результаты были еще болѣе плачевны, такъ какъ федерація металлистовъ является одной изъ самыхъ мощныхъ и стойкихъ рабочихъ организацій Франціи.

силы всеобщую стачку всѣхъ рабочихъ организацій.

Стачка не удалась. И съ тѣхъ поръ явно обозначился процессъ разложенія въ средѣ французскаго рабочаго движенія.

О томъ, какъ протекала эта стачка, свидѣлствуютъ данныя анкеты, произведенной конфедерацией рабочихъ металлистовъ.

Немедленно же послѣ прекращенія забастовки назначенъ всѣхъ синдикатовъ констатировали катастрофическое пониженіе поступленій членскихъ взносовъ. Рабочіе стали покидать свои организаціи; одни не хотѣли оставаться въ синдикатахъ, которые такъ легкомысленно идутъ на поводу безответственныхъ демагоговъ; другіе рѣшили, что неуспѣхъ забастовки указываетъ на невозможность посредствомъ профессиональной организаціи добиться улучшенія условій труда; остальные, продолжая платить членскіе взносы, перестали посѣщать общія собранія своихъ союзовъ.

Число рабочихъ, составляющихъ Всеобщую Конфедерацию Труда, стало понижаться съ головокружительной быстротой. Съ 1-го мая 1920 г. по 1-ое мая 1921 г. Конфедерация, по имѣю-

щимся въ нашемъ распоряженіи точнымъ даннымъ, потеряла болѣе 650.000 членовъ.

Наконецъ, убыль членовъ за послѣдній годъ по главнѣйшимъ

рабочимъ организаціямъ, входящимъ въ Конфедерацію, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Организаціи.	Членскіе взносы за 4 мѣсяца.		Число членовъ	
	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.
Строительные рабочіе	597.000	225.000	149.250	56.250
Желѣзнодорожники	953.000	600.000	238.250	150.000
Кожевники . . .	150.000	50.000	37.500	12.500
Рабочіе иглы . . .	50.000	40.000	12.000	10.000
Торговые служащіе	175.000	80.000	43.750	20.000
Металлисты . . .	500.000	350.000	125.000	87.500
Рудокопы . . .	615.000	450.000	153.700	112.500
Ткачи	750.000	325.000	187.500	81.250
Трамвайные рабочіе	275.000	151.000	68.750	37.750
Рабочіе химич. завод.	90.000	22.100	22.500	5.525
Почта, телегр. и телеф.	494.500	350.000	123.000	87.500

Но кризисъ рабочаго движенія выражается не только въ этихъ цифрахъ, какъ ни характерны онѣ сами по себѣ, а и въ томъ, что продолжающіе платить членскіе взносы рабочіе числятся въ большинствѣ своей лишь номинально въ своихъ организаціяхъ.

Достаточно бросить взглядъ на залы Парижской Биржи Труда, еще недавно переполненныя, чтобы понять, насколько велика стала апатія рабочихъ; на одномъ изъ послѣднихъ общихъ собраній крупнаго большевистскаго синдиката, насчитывающаго номинально нѣсколько десятковъ тысячъ членовъ, присутствовало ихъ какія-нибудь 2-3 сотни. Хозяевами на этихъ обезлюдѣвшихъ собраніяхъ являются демагоги изъ новосозданной коммунистиче-

ской партіи, а посѣщающіе ихъ рабочіе изступленно выкрикиваютъ подъ пригвѣтъ старинной пѣсенки: «с'est Lénine qu'il nous faut»; «А Moscou, à Moscou». О лидерахъ Всеобщей Конфедерации Труда распускаютъ самыя нелѣпыя, самыя фантастическія слухи; отборная ругань, которая является связующимъ звеномъ коммунистовъ всего міра, виситъ въ воздухѣ. Въ каждомъ синдикатѣ образованы, по наущенію Зиновьева, коммунистическія ячейки, и всѣ тѣ методы абстракціи и развращенія, которые такъ знакомы русскимъ, примѣняются нынѣ съ большимъ успѣхомъ въ средѣ ошеломленныхъ рабочихъ организацій Франціи.

* *

Каковъ же смыслъ происшед-

шаго развала. Почему онъ сталъ психологически возмуженъ? Несомнѣнно, что матеріальныя обективныя причины развала существуютъ, но онѣ насъ здѣсь не интересуютъ, ибо произошелъ-то онъ, главнымъ образомъ, именно подъ вліяніемъ опредѣленнаго психологическаго фактора; факторъ этотъ — русскій большевизмъ.

Что русская революція должна была отразиться на восприимчивомъ, подвижномъ и горячемъ латинскомъ темпераментѣ французскаго рабочаго, который продѣлалъ въ своемъ вѣку не мало революцій, въ этомъ, конечно, не могло быть сомнѣній. На его воображеніе долженъ былъ подѣйствовать тотъ фактъ, что гдѣ-то далеко, надъ Кремлемъ, развѣвается красный флагъ, на которомъ начертаны слова: «Рабоче - крестьянское правительство». Для того, чтобы объяснить ему, что эти слова скрываютъ за собой неслышанную въ исторіи мистификацію, нужно было много времени и, несомнѣнно, большую долю умнѣнія. Но бѣда та, что слишкомъ много людей были заинтересованы въ томъ, чтобы поддерживать въ немъ легенды о рабоче-крестьянскомъ правительствѣ; я подразумеваю всѣхъ тѣхъ тщеславныхъ, жаждущихъ власти интеллигентовъ изъ социалистической партіи, которымъ не дають спать лавры Лениныхъ, Троцкихъ и Зиновьевыхъ. Они то знаютъ, что скрывается за большевистской дѣйствительностью, но успѣхъ ихъ

собратьевъ въ Россіи вскружилъ имъ головы. Помнится мнѣ, какъ одинъ блестящій офицеръ французской миссии въ Петроградѣ, совершенно незнакомый съ социальными вопросами, задумчиво говорилъ мнѣ на Финляндскомъ вокзалѣ, въ отвѣтъ на мои антибольшевистскія разсужденія: «Да, они демагоги, но я только теперь понималъ, какое могучее оружіе демагогія». Этотъ офицеръ, возвратившись во Францію, сталъ коммунистомъ.

До послѣдняго времени рабочіе синдикаты не находились подъ вліяніемъ лидеров социалистической партіи. Они выдвинули изъ своей среды своихъ собственныхъ дѣятелей, и, какъ во главѣ Всеобщей Конфедераціи Труда, такъ и во всѣхъ рабочихъ фелераціяхъ, вы не найдете бывшихъ адвокатовъ или медиковъ. И нужно признать, что среди этихъ вышедшихъ изъ рабочей гущи вождей имѣются чрезвычайно интересные и выдающіеся люди. Эти самоучки, путемъ длительной работы, достигаютъ зачастую изумительной культуры, причемъ психологія ихъ остается психологіей производителей, а не потребителей, какъ большинства социалистическихъ вождей изъ интеллигентовъ; эти-то рабочіе дѣятели и вырабатали тѣ идеи, которыя составляютъ моральный багажъ такъ называемаго французскаго синдикализма.

Русскіе социалисты въ огромномъ большинствѣ своемъ отно-

сились съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ французскому профессиональному движенію, величая его не иначе, какъ «анархосиндикализмомъ». Они полагали, что произведенія какого-нибудь Жоржа Сореля, которыхъ, не стати сказать, ни одинъ изъ лидеров французскаго рабочаго движенія не читалъ, выражаютъ сущность синдикализма. Они полагали, что всеобщая стачка, саботажъ и пережитки анархизма воплощали синдикализмъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Но дѣйствительность была совершенно иная.

Цѣнность французскаго синдикализма заключалась и заключается въ его моральномъ обликѣ, и этимъ, французское профессиональное движеніе въ корнѣ отличалось отъ соответствующихъ движеній во всѣхъ другихъ странахъ. Спору нѣтъ: саботажъ, революціонная гимнастика, классовая злоба существовали на поверхности французскаго профессиональнаго движенія, поскольку рабочая масса Франціи была предоставлена самой себѣ. Но именно съ этими тенденціями внутри самой рабочей массы и боролся подлинный синдикализмъ. Вожди его стремились всячески перевоспитать рабочія массы, поднять ихъ моральный уровень, и въ этой неблагодарной, тяжелой борьбѣ, которая ускользала отъ зрителей, они зачастую теряли свои силы и надрывали свое здоровье. Ихъ вѣрованіе было и есть — культъ Труда. Задолго до большевистскаго

опыта эти вожди, вышедшіе изъ рабочей массы и поднявшіеся надъ ней, но не перестававшіе ее любить, хотя и лучше другихъ понимавшіе ея недостатки, интуитивно чувствовали, что вся проблема рабочаго движенія — проблема въ значительной степени моральная, и что если поставить его на грубой материалистической базѣ, если славословить силу такъ, какъ это въ концѣ концовъ дѣлали социаль-демократы, то наступитъ гибель промышленной цивилизаціи, ибо рабочіе перестанутъ быть производителями, а станутъ потребителями, и никакой возможности не будетъ предотвратить пониженіе до катастрофическихъ размѣровъ производительности труда.

Въ то время какъ во всѣхъ другихъ странахъ вожди рабочаго движенія заботились исключительно о матеріальной мощи профессиональных союзовъ и гордились своими кассами, мало интересуясь психологіей рабочихъ, французскій синдикализмъ поставилъ во главу угла своей политики именно моральную проблему. Нужно было имѣть много терпѣнія, иной скажетъ и много иллюзій, чтобы идти въ синдикатъ землекоповъ, какъ это дѣлали нѣкоторые вожди союза строительныхъ рабочихъ, съ проповѣдью культа труда, его облагораживающей роли, необходимости познать производственный процессъ, объективную и индивидуальную красоту котораго они

выявляли передъ своими слушателями.

Въ то время какъ идея классовой борьбы составляла альфу и омегу социаль-демократической теоріи, синдикализмъ стремился привить рабочимъ массамъ Франціи уваженіе къ общимъ интересамъ націи. Этой своей сущностью синдикализмъ былъ несомнѣннымъ продолжателемъ старинныхъ корпорацій, тѣхъ корпорацій, которыя съ такой вѣрой строили величественный Нотр-Дамъ. Это былъ, если хотите, нео-корпоратизмъ, который еще себя выявлялъ и не нашелъ окончательной формы, но который жадно, инстинктивно ея искалъ. Правда, онъ пользовался очень часто революціонной классической фразеологіей, распространенной марксизмомъ по всему міру. За неимѣніемъ другихъ формулъ, онъ приспособлялъ, часто недостаточно видоизмѣняя ихъ, тѣ формулы, которыя находились подъ рукой, но ортодоксальные социалисты превосходно чувствовали, что влагалъ онъ въ нихъ другое содержаніе и что синдикализмъ не провозгласилъ банкротство классической социалистической доктрины только потому, что еще не нашелъ своего идеолога. Въ частности онъ понималъ, что идея классовой борьбы слишкомъ упрощенная идея, не отвѣтствующая всей сложности современныхъ экономическихъ отношеній.

И вотъ въ этотъ синдикализмъ, въ корнѣ враждебный всякой

демагогіи, въ этотъ синдикализмъ, который боролся всѣми силами съ низкими инстинктами массъ, вторгся русскій большевизмъ, провозгласившій торжество грубой силы и всеспасительность немедленной революціи. И произошло это въ послѣвоенную эпоху — эпоху упадка нравовъ и всеобщей деморализаціи. Сѣмя было брошено на благодарную почву. Синдикалистамъ, которые требуютъ отъ массъ самоотреченія, эти послѣдніе предпочли большевиковъ, которые потакаютъ имъ, дабы легче надъ ними властвовать. Гордившіеся своей независимостью отъ всякихъ политическихъ партій, синдикаты попали подъ обстрѣлъ коммунистическаго интернаціонала.

Подъ неожиданнымъ натискомъ врага, вожди конфедераціи, нужно признаться, дрогнули, и не проявили достаточной силы характера. Имъ казалось, что путемъ уступокъ они будутъ въ состояніи направить рабочее движеніе по старому, испытанному руслу; тѣхъ, кто, какъ, напр., секретари федераціи рабочихъ металлистовъ, съ необычайной смѣлостью противостояли притязаніямъ коммунистическихъ агитаторовъ, они недостаточно слушали. Они не сообразили, что всякая уступка будетъ использована стремящимися къ власти коммунистами, какъ проявленіе слабой воли. Многіе изъ нихъ имѣютъ революціонное прошлое и они чувствовали себя плѣнниками своихъ старыхъ обѣщаній; имъ не

хотѣлось заслужить названіе измѣнниковъ революціи, контр-революціонеровъ, бѣлогвардейцевъ, которыми въ изобиліи награждаютъ ихъ французскіе послѣдователи Зиновьева. И они потеряли почву подъ ногами. Большинство изъ нихъ испытываетъ чувство глубокаго отвращенія передъ разнузданными приверженцами коммунистическихъ ячеекъ, и усталость ихъ способствуетъ дальнѣйшему развалу недавно еще столь стройной Конфедерации Труда.

Вотъ на этотъ психологическій факторъ я и хотѣлъ указать въ этой слишкомъ сжатой статьѣ. Русскій большевизмъ проявилъ всю свою дезорганизирующую роль здѣсь, во Франціи.

Но профессиональное движеніе не можетъ умереть. Развалъ долженъ остановиться на какой-то точкѣ. Всеобщая Конфедерация Труда возродится, она, несомнѣнно, отброситъ окончательно всю обветшалую марксистскую фразеологию, выявитъ подлинный ликъ синдикализма, слишкомъ часто затеряннаго въ прошломъ, и провозгласитъ съ большей силой, съ большей убѣдительностью, чѣмъ раньше, тотъ культъ труда, то уваженіе къ личности, которое составляетъ одно изъ цѣннѣйшихъ приобрѣтеній человѣчества и которыми, пожалуй, только и можетъ измѣряться прогрессъ.

М. Л. Гошиллеръ.

ТРИ ДЕКРЕТА.

Десятый Коммунистическій съѣздъ, происходившій въ началѣ марта, имѣетъ рѣшающее значеніе для направленія политики Совѣтскаго правительства. Результатомъ этого съѣзда явились новые декреты, которые рѣзко измѣняютъ экономическую политику, проводимую три съ половиной года правящей партіей. Все, что считалось ранѣе необходимымъ и неизблемымъ, теперь новыми декретами признается устарѣвшимъ, ненужнымъ.

Нѣтъ необходимости разсматривать рѣчи, произнесенныя на съѣздѣ по поводу

измѣненія политики коммунистической партіи. Эти рѣчи такъ напоминаютъ обычные разсужденія правящихъ лицъ въ подобныхъ условіяхъ, что самостоятельнаго интереса не представляютъ; тѣмъ болѣе, что факты, послѣдовавшіе вслѣдъ за этими рѣчами, достаточно сами по себѣ краснорѣчивы.

Весь ходъ событій въ Россіи сильнѣе влиялъ на принятіе новаго курса, нежели размысленія правителей въ ихъ кабинетахъ. Катастрофическое положеніе народнаго хозяйства, и въ частности сельскаго хозяйства, таково, что грозитъ

самой возможности хозяйствования. Массовые народные выступления угрожают существованию власти.

Отсюда тѣ «уступки», о которыхъ такъ спѣшно и такъ широко оповѣщенъ Западъ.

Изъ всѣхъ декретовъ, изданныхъ послѣ съѣзда коммунистической партіи, особый, и пожалуй, наибольшій интересъ представляютъ три декрета, внутренне между собою связанные и вносящіе наибольшую ломку въ существовавшую до сего времени хозяйственную схему. Эти три декрета слѣдующіе: «О замѣнѣ разверстки натуральнымъ налогомъ», «о свободѣ мѣстнаго товарообмѣна» и «о потребительской Кооперации».

Насколько эти декреты являются «уступками», какое ихъ содержаніе и значеніе и, наконецъ, каковъ ихъ реальный результатъ — этимъ вопросамъ и будутъ посвящены дальнѣйшія строки.

Въ «Правдѣ» отъ 23-го марта опубликовано «Постановленіе Всероссийскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета о замѣнѣ продовольственной и сырьевой разверстки натуральнымъ налогомъ». Въ дополненіе къ нему въ «Извѣстіяхъ В. Ц. И. К.» отъ 22-го апрѣля напечатанъ «Декретъ о натуральномъ налогѣ на хлѣбъ, картофель и масличныя сѣмена». «Положеніе» состоитъ изъ 11 статей и устанавливаетъ общіе и основныя принципы

замѣны разверстки налогомъ. Декретъ говоритъ о практическихъ условіяхъ выполненія налога. Обѣ законодательныя мѣры совершенно ясно указываютъ на новый характеръ экономической политики правящей партіи. Достаточно прочесть статьи 1, 3, 7 и 8 «Постановленія», чтобы установить это новое направленіе.

Какъ извѣстно, экономическая схема Совѣтскаго правительства ранѣе базировалась на отрицаніи частной собственности на землю и на продукты производства. Методъ разверстки устанавливалъ норму, потребную для удовлетворенія личныхъ нуждъ производителя, а все остальное отбиралось въ распоряженіе государства. Именно въ этомъ выражался «распределительный» характеръ совѣтскаго коммунизма. «Постановленіе» рѣшительно отказывается отъ прежняго взгляда и метода. Статья 1-ая «Постановленія» гласитъ:

«Для обезпеченія правильнаго и спокойнаго веденія хозяйства на основѣ болѣе свободнаго распоряженія земледѣльца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрѣпленія крестьянскаго хозяйства и поднятія его производительности...*) разверстка замѣняется натуральнымъ налогомъ, который: «... взимается

*) Курсивъ здѣсь и дальше автора статьи.

въ видѣ *процентнаго и долевого* отчисленія отъ произведенныхъ въ хозяйствѣ продуктовъ, исходя изъ учета *урожая*, числа *ѣдаковъ* въ хозяйствѣ и наличія *скота* въ немъ». (ст.3).

Итакъ, въ отличіе отъ прошлой системы, новая стремится ввести объективные признаки для опредѣленія процента налога къ общему производству хозяйства.

Если раньше государство, теоретически, стремилось оставить крестьянину норму потребности хозяйства, то теперь оно отказывается отъ этого, взимая лишь налогъ въ видѣ долевого отчисленія. Статья 8-ая декрета гласить:

«Всѣ запасы продовольствія, сырья и фуража, остающіеся у земледѣльцевъ послѣ выполнения ими налога, *находятся въ полномъ ихъ распоряженіи* и могутъ быть используемы ими для *улучшенія и укрѣпленія* своего хозяйства, для *повышенія* личнаго потребленія и для *обмѣна* на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственнаго производства».

Этой статьей предоставлено право не только по личному усмотрѣнію развивать хозяйство, но въ принципѣ разрешается и производить обмѣнъ. Ясно, отсюда, что за этимъ декретомъ долженъ былъ слѣдовать декретъ, нормирующий (въ правовомъ смыслѣ) содержаніе и характеръ обмѣна. Но объ этомъ ниже.

Въ «Положеніи» слѣдуетъ еще отмѣтить статью седьмую, которая устанавливаетъ индивидуализацію налога въ отличіе отъ прошлой коллективной или круговой поруки при выполненіи разверстки:

«Отвѣтственность за выполнение налога возлагается на *каждаго отдѣльнаго* хозяина и органамъ Советской Власти поручается налагать *взысканіе* на *каждаго*, кто не выполнилъ налогъ. *Круговая отвѣтственность отмѣняется*».

Итакъ, новое положеніе о продовольственномъ налогѣ характеризуется признаніемъ частной собственности на продукты производства крестьянскаго хозяйства, признаніемъ за хозяиномъ права *свободнаго* распоряженія его продуктомъ (обмѣнъ) и провозглашеніе индивидуализаціи вмѣсто коллективизма.

Основной смыслъ «Декрета о свободномъ обмѣнѣ хлѣба, зерна-фуража, картофеля и сѣна въ губерніяхъ, закончившихъ разверстку», опубликованный въ «Извѣстіяхъ В.Ц.И.К.» 29-го марта, сводится къ ст. 1, которая гласить: «Немедленно разрешить свободный обмѣнъ, *продажу и покупку*». *Добрая* половина декрета состоитъ изъ перечисленія губерній, гдѣ можно производить обмѣнъ съ *указаніемъ* отдѣльно для хлѣба (44 губ.), для картофеля (16 губ.) и сѣна (16 губ.). Четыре статьи изъ пяти говорятъ о гужевомъ передвиженіи, о заградительныхъ *отрядахъ*, о *сѣменахъ*,

о посяхахъ и лишь косвенно относятся къ свободѣ торговли.

Изъ декрета вытекаютъ слѣдующія общія положенія: 1) допускается свобода торговли въ тѣхъ губерніяхъ и тѣми продуктами, въ предѣлахъ которыхъ старая разверстка выполнена; 2) предоставляется право Наркомпроду расширять дѣйствіе декрета на другія губерніи по мѣрѣ выполненія разверстки*); 3) снимаются заградительные отряды на *всѣхъ путяхъ* передвиженія (жел. дор., водный, гужевоѣ); 4) предоставляется право *гужевого* передвиженія въ цѣляхъ обмѣна.

Этотъ декретъ самимъ своимъ содержаніемъ внесъ путаницу въ понятіе о границахъ и предѣлахъ торговли. Съ одной стороны — право свободного передвиженія грузовъ въ цѣляхъ обмѣна предусматривается только гужевоѣмъ путемъ, а съ другой стороны заградительные отряды снимаются повсюду. Невольно изголодавшееся населеніе и «спекулянты» должны толковать этотъ декретъ въ расширенномъ смыслѣ. По свидѣтельству И. Михайлова въ № 85 «Экон. Жизни» въ средѣ самихъ руководителей не было одинаковаго взгляда на предѣлы свободной торговли. Въ то время, какъ Ленинъ говорить «о мѣстномъ товарооборотѣ», а вслѣдъ за нимъ и въ

*) Это право Наркомпродъ уже использовалъ, разрѣшивъ дополнительно въ 25 губ. торговлю картофелемъ.

статьѣ 8-ой «Положенія» указывается, что «*обмѣнъ допускается въ предѣлахъ мѣстнаго хозяйственнаго оборота*»; — въ декретѣ о свободѣ торговли этихъ указаній и ограниченій нѣтъ. Къ какимъ результатамъ привела эта неясность будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Слѣдуетъ, далѣе, отмѣтить своеобразную «черезполосицу» свободной торговли и поощрительный характеръ ея. Трудно прослѣдить насколько обѣ эти черты будутъ въ дѣйствительности осуществлены. Но вѣроятно все же ограниченіе свободной торговли, хотя и временное, не будетъ принято во вниманіе населеніемъ и фактически она разовьется повсемѣстно. Вѣроятно, также, что мѣстности, гдѣ разверстка не выполнена, предпочтутъ торговать своими продуктами на вольномъ рынкѣ, а не отдавать ихъ по прежнимъ твердымъ цѣнамъ.

Такимъ образомъ, декретъ о свободѣ торговли сведется, по видимому, къ возстановленію дѣйствительной и неограниченной торговли.

Но, если правительство разрѣшаетъ торговать отдѣльнымъ лицамъ, то, казалось-бы, что и объединенія лицъ должны были бы получить это право. Однако, на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Кооперативное движеніе новымъ декретомъ поставлено въ такія рамки, что говорить о возстановленіи независимой кооперации врядъ-ли приходится.

Напомнимъ, что декретами 20 марта 1919 года и 27 января 1920 года для коопераціи въ Совѣтской Россіи были установлены слѣдующія положенія:

1. Всѣ виды коопераціи слиты.
2. Все населеніе обязано войти въ кооперативы по мѣсту жительства.

3. На кооперацію возлагаются обязательныя для выполненія государственныя задания.

4. Кооперація подчинена контролю Наркомпрода, а также и Раб.-Крест. Инспекціи.

5. Члены Правленія могутъ быть назначены властью.

Этими основными положеніями особенно на фонѣ «коммунистическаго быта» кооперація фактически была превращена въ продвольственный бюрократическій органъ.

Новый декретъ изданъ 7-го апрѣля 1921 г. Въ этомъ декретѣ рѣчь идетъ *только* о потребительской коопераціи. Что касается другихъ видовъ коопераціи, то въ отношеніи ихъ особая комиссія Совнаркома (въ составѣ: Цюрупы, Осинскаго, Лежавы и Милютина, подъ предсѣдательствомъ Каменева), признавала только необходимымъ:

1. Отдѣлить кустарную и сельскохозяйственную кооперацію отъ потребительской.
2. Всероссийское объединеніе промышленной коопераціи связать съ Центросоюзомъ.
3. Кооперацію кустарную и сельскохозяйственную построить на началахъ добровольной приписки.

Вотъ и все.

Никакихъ другихъ декре-

товъ по вопросамъ коопераціи кромѣ потребительской, пока нѣтъ.

По декрету о потребительской коопераціи можно составить ясное представленіе о искренности «уступокъ», сдѣланныхъ Совѣтской властью.

Уже изъ первой статьи видно, что уступки сдѣланы для видимости, — въ первомъ же параграфѣ декрета трижды подтверждается принципъ: — *принудительности* кооперированія населенія. Вотъ, что гласитъ первая статья:

«Всѣ граждане Р. С. Ф. С. Р. объединяются въ потребительскія общества. Всѣ граждане данной мѣстности включаются въ единое потребительское общество. Каждый гражданинъ приписывается къ одному изъ распределительныхъ пунктовъ потребительскаго общества».

Совершенно ясно, что эта тройная формулировка ничѣмъ по существу не отличается отъ подобной же декрета 20-го марта 1919 г. Та же обязательность и то же «единое, потребительское общество». И вѣроятно, чтобы не было сомнѣнья, во второй статьѣ декрета категорически устанавливается:

«Въ городахъ, фабрично-заводскихъ и сельско-населенныхъ пунктахъ, независимо отъ ихъ размѣровъ, не можетъ быть болѣе одного потребительскаго общества». То же самое существовало и до сихъ поръ по декрету 20. 3. 1919 г.

Лишь въ статьѣ третьей мы

находимъ первые слѣды «уступокъ», но въ такой неясной формулировкѣ, что реальныхъ результатовъ эти «уступки» имѣть не могутъ. Начало третьей статьи гласить:

«Въ предѣлахъ одного потребительскаго общества допускается объединеніе гражданъ по болѣе мелкимъ территориальнымъ единицамъ или группамъ лицъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же ремесломъ или профессіей».

Этотъ пунктъ, несомнѣнно, находится въ принципиальномъ противорѣчій съ первыми двумя. Казалось бы, проще, вмѣсто трехъ этихъ статей, дать одну третью и тѣмъ самымъ установить добровольность кооперирования. Но коммунисты крѣпко еще держатся за централизацию.

Нетрудно себѣ представить, что изъ этого получится: либо потребительское общество, находящееся въ рукахъ продкомпезъ, задавить самостоятельность этихъ добровольныхъ объединеній, которыя по статьѣ третьей должны быть приписаны къ единому обществу; либо эти объединенія вынуждены будутъ бороться съ единымъ обществомъ; и то и другое врядъ-ли принесетъ существенную пользу.

Слѣдующая статья (4-ая) составлена такъ, что либо она сводитъ на-нѣтъ третью статью съ ея «уступками», либо даетъ полный произволъ къ толкованію ея впривъ и въось. Въ ней говорится, что участники объе-

диненій (по ст. 3-ей) могутъ: «вырабатывать всякаго рода продукты и предметы при помощи дополнительныхъ взносовъ» и «полученные такимъ порядкомъ продукты и предметы распределяются между участниками даннаго объединенія».

Не закупать, а вырабатывать!

Далѣе 5-ая статья. Она даетъ нѣчто новое. По этой статьѣ:

«Потребительскимъ обществамъ предоставляется право обмѣна и скупки излишковъ сельско-хозяйственнаго производства, а равно кустарно-ремесленныхъ издѣлій и сбыта ихъ».

Повидимому, разъ разрѣшивъ торговать мѣшечникамъ, невозможно оказалось запретить это коопертивамъ.

Дальнѣйшія статьи новаго ничего не прибавляютъ, восстанавливая права собственныхъ производствъ. Но необходимо отмѣтить статью седьмую, по которой на кооперацию потребительскую возлагаются обязанности загоговокъ, обмѣна и распределенія продуктовъ по заданіямъ продоргановъ, какъ промышленнаго, такъ и сельско-хозяйственнаго характера. Вѣроятно, въ числѣ «обязанностей» кооперации будетъ и сборъ натурального налога. Во всякомъ случаѣ ей безъ ся согласія навязываютъ государственныя функции.

Но и тѣ немногія «уступки», которыя сдѣланы кооперации, совершенно сводятся на-нѣтъ въ заключительной 13-й статьѣ:

«Президіумъ В. Ц. И. К. имѣетъ право ввода въ составъ правленія потребительныхъ обществъ и ихъ объединеній своихъ представителей на равныхъ правахъ съ выборными членами правленія».

Въ итогѣ, приходится признать, что всѣ положенія декретовъ 20-го марта 1919 г. и 27-го января 1920 года въ новой формулировкѣ въ декретѣ 7-го апрѣля 1921 года остались почти неизмѣненными. Очевидно, что о самостоятельности и независимости кооперации, построенной на добровольности коллективнаго хозяйства, не можетъ быть и рѣчи. Все, что говорится въ совѣтской прессѣ по поводу раскрыпощенія кооперации, лишь слова. Результаты были весьма незначительны раньше, при запретѣ свободной торговли, а теперь будутъ еще меньше, т. к. кооперация выступаетъ въ борьбу связанной по рукамъ и ногамъ, а частная торговля съ полной свободой дѣйствій.

Еще рано говорить о практическихъ результатахъ новыхъ декретовъ. Они скажутся въ полномъ объемѣ въ дѣйствительной жизни не скоро. Можно намѣтить лишь нѣкоторыя вѣхи дальнѣйшаго пути и первые признаки новыхъ явленій.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что всѣми тремя декретами въ разной мѣрѣ расчищается путь для частнаго капитала въ сферѣ обмѣна и даются нѣкоторыя преимущества «крѣпкимъ и старатель-

нымъ» крестьянамъ. Последнее означаетъ ставку не на «средняка», не говоря уже о забытой бѣднотѣ, а на «крѣпкаго, хозяйственнаго мужичка». Во всякомъ случаѣ эти декреты — несомнѣнная побѣда крестьянства, добившагося признанія частной собственности на продукты своего труда, о чемъ уже на 8 съѣздѣ Совѣтовъ говорили безпартийные крестьяне, получившіе тогда отвѣтъ отъ Осинскаго, что Совѣтская власть на это никогда не пойдетъ.

Далѣе, крестьяне добились признанія первенства производственнаго начала надъ уравнительно-распределительнымъ и сломали фактически опеку надъ своимъ хозяйствомъ. Наркомпродъ побѣжденъ крестьяниномъ. И вмѣсто безпорядочной и произвольной реквизиціи крестьянинъ добился болѣе объективно-опредѣляемаго налога. Въ этомъ отношеніи «мелко-буржуазная стихія» оказалась болѣе государственной, нежели коммунистическое централизованное государство.

Но этого мало; крестьянинъ отвоевалъ себѣ право на торговлю. Правда, коммунисты держатъ еще въ рукахъ кооперацию и промышленность, также держатъ они и внѣшнюю торговлю, но первая брешь въ неприступной крѣпости коммунизма пробита.

Такъ приблизительно представляются намъ возможные результаты трехъ декретовъ въ будущемъ, при условіи, если они уже не запоздали, и если

коммунисты искренно будут их проводить.

На путях проведения в жизнь этих декретов много препятствий. Изъ нихъ главное — неискренность самих коммунистовъ, непониманіе насущныхъ интересовъ населенія и нежеланіе считаться съ ними. Для примѣра можно привести кооперацію. Казалось бы, что при современномъ положеніи транспорта, свободная торговля должна осуществляться только организованно — черезъ кооперацію или добросовѣстныхъ крупныхъ посредниковъ. На самомъ дѣлѣ, она была предоставлена стихійному движенію голодныхъ горожанъ. Вотъ иллюстрація:

«Въ Царицынской губерніи расцвѣла спекуляція всѣхъ видовъ. Въ Харьковской губ. мѣшечничество на дорогахъ приняло колоссальные размѣры. Крыши вагоновъ подъ тяжестью людей проламываются. На ст. Гостицево, Курской губ., скопилось 5000 мѣшечниковъ. Въ Кіевской губ. станція загромождена мѣшечниками». («Изв.» ВЦИК. 21 апр.). Въ Екатеринославской губ., въ Лозовскомъ участкѣ, скопилось до 80.000 мѣшечниковъ, уничтожающихъ больные вагоны». («Изв.» ВЦИК. 23 апр.).

Долго ли выдержать транспортъ? А дальше? И вотъ опять поднимается вопросъ объ ограниченіи проѣзда, о постановкѣ «охранныхъ отрядовъ» и т. д., то-есть, иначе говоря, объ аннулированіи в жизни декрета

о свободной торговлѣ. Гдѣ же кооперація? Гдѣ же ея организованная самостоятельность? Очевидно, что пока надъ коопераціей мудрятъ Хинчукъ и Лежава, до тѣхъ поръ она будетъ весьма ручной для правительства и не будетъ «по химическому закону», открытому Ленинымъ, «выдѣлять наиболѣе хозяйственные элементы, т. е. меньшевиковъ и эсеровъ». Но, очевидно, это не только законъ коопераціи, но и законъ жизни.

Боязнъ населенія, боязнъ организованнаго народа, боязнъ призвать трудовые элементы къ дѣйствительной работѣ и участію въ строительствѣ жизни толкаетъ коммунистовъ на путь экспериментовъ со стихіей. Эта стихія, искусственно созданная коммунистической властью, теперь выпущена. Удастся ли коммунистамъ вновь ея овладѣть...

Опасность для совѣтскаго правительства отъ новыхъ декретовъ заключается не только въ этой стихіи мѣшечничества, она на каждомъ шагу, ибо эти декреты подрываютъ и систему пайковъ, и націонализацию, и регулированіе — словомъ, всю систему экономической политики совѣтской власти. Если внѣшній режимъ не будетъ смеленъ стихіей, то внутреннее содержаніе его должно будетъ измѣниться въ сторону, далекую отъ коммунизма.

Вас. Брейтштейнъ.

Демократизація промисленности.

(Фабричные Совѣты и рабочій контроль въ Западной Европѣ и С. А. Соединенныхъ Штатахъ.)

Мы не знаемъ, когда и въ какой конкретной обстановкѣ придется Россіи приступить къ возстановленію своего хозяйства и, въ частности, своей индустріи. Но что хозяйственная анархія въ Совѣтской Россіи, происходящая за декораціями «коммунистическаго» строя, доходитъ въ своемъ развитіи до логическаго предѣла, — въ этомъ сомнѣній быть не можетъ, этого уже не скрываетъ и совѣтская власть. Для «галерки» говорятъ еще что-то о государственномъ капитализмѣ, какъ неизбѣжномъ этапѣ къ социализму; доказываютъ выгодность возвращенія къ худшимъ формамъ капиталистической эксплуатаціи на томъ основаніи, что она — «иноземная», и пр. Но это уже — чистая политика власти, не смѣющей признать свое банкротство. Сущность же положенія остается въ томъ, что даже въ Россіи, съ наиболѣе благопріятными для «коммунистическаго» опыта условіями въ смыслѣ ея культурной и экономической отсталости, — пренебрегать элементарными законами общественнаго развитія возможно лишь до поры до времени.

Возвращеніе къ капиталистическому способу производства, возстановленіе характерныхъ для капиталистическаго строя общественныхъ отношеній даны нашему сознанію, какъ историческая необходимость, не требующая съ чьей-бы то ни было стороны морально-политической санкціи или признанія. Вопросъ о томъ, насколько совмѣстимо возвращеніе къ капитализму съ дальнѣйшимъ существованіемъ большевистской диктатуры, мы оставляемъ въ сторонѣ.

Врядъ-ли серьезно можно думать о шансахъ сколько-нибудь широко произведенной націонализаціи или социализаціи русской промисленности. Передъ экономической и технической сложностью подобныхъ реформъ въ нерѣшительности

останавливаются даже страны съ высокой степенью промышленнаго и культурнаго развитія, даже тѣ изъ нихъ, какъ Германия и Австрія, въ государственной жизни которыхъ играетъ рѣшающую роль социалистически настроенный пролетаріатъ. Если въ 1917 г. переходъ къ высшимъ формамъ обобществленнаго народнаго хозяйства въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, справедливо почитался утопіей, то въ результатъ четырехлѣтняго непримѣрнаго разрушенія производительныхъ силъ, государственнаго и общественнаго распада, Россія въ своемъ развитіи отброшена на нѣсколько десятилѣтій назадъ.

Въ ожиданіи результатовъ опыта социализацій въ передовыхъ странахъ Западной Европы, русскія социалистическія партіи не должны закрывать глазъ на то, что въ *Россіи* ихъ очередной задачей ближайшаго будущаго явится вновь сплоченіе и объединеніе рабочаго класса въ борьбѣ за болѣе достойное положеніе его въ рамкахъ буржуазно-капиталистическаго строя, а не за радикальное переустройство послѣдняго.

Разумѣется, возстановленіе основъ буржуазно-капиталистическаго строя, всяческое поощреніе духа частной промышленной инициативы со стороны государства, не равнозначны совершенному отказу послѣдняго отъ разумнаго регулированія процесса народно-хозяйственнаго возрожденія, — какъ то, повидимому, склонны думать недавно собиравшіеся въ Парижѣ русскіе промышленники. Въ русскомъ торгово-промышленномъ классѣ, наряду съ здоровыми элементами, умѣющими свою личную выгоду сочетать съ интересами общенародными, не было и не будетъ недостатка въ хищникахъ, оградить отъ которыхъ какъ общество въ цѣломъ, такъ и рабочій классъ въ частности явится обязанностью государственной власти.

Проблема наемнаго труда въ Россіи, характеръ будущихъ взаимоотношеній рабочихъ съ предпринимателями приобретаютъ исключительное значеніе не только для партій рабочаго класса, но и съ точки зрѣнія всякой здоровой національной промышленной политики. Поскольку дѣло идетъ о хозяйственномъ возрожденіи Россіи, это прежде всего проблема доведеннаго до высшаго напряженія производства. Опытъ же всего міра за послѣдніе годы выдвинулъ на первое мѣсто, среди факторовъ успѣшности производства, значеніе момента психологическаго, воли рабочаго къ труду. Происходящее во всѣхъ странахъ паденіе производительности труда въ значительной степени объясняется тѣмъ колоссальнымъ и неизгладимымъ сдвигомъ, который въ психологій рабочихъ массъ произвела война. Война и послѣ-

довавший за нею миръ съ большей, чѣмъ когда-либо, яркостью вскрыли противорѣчіе между значеніемъ труда, какъ движущаго начала, дающаго жизнь всему обществу, — и социальнымъ положеніемъ трудящихся; вскрыли всю бездну лицемерія и предательства подготовившаго войну капитала.

Для *такого* порядка вещей пролетаріатъ не имѣетъ болѣе желанія работать. *) По единодушному признанію всѣхъ выдающихся европейскихъ экономистовъ, необходимы и неизбѣжны серьезныя измѣненія въ существующемъ промышленномъ строѣ и прежде всего признаніе въ лицѣ рабочаго у ч а с т н и к а производства, имѣющаго право на опредѣленіе судьбы производства наряду съ предпринимателемъ.

Въ Россіи естественный антагонизмъ труда и капитала въ теченіе долгаго времени будетъ еще осложненъ съ обѣихъ сторонъ и психологическимъ наслѣдіемъ пережитой гражданской войны.

Какъ ни призрачна «диктатура» пролетаріата въ современной Россіи, какъ ни тяжелы правовое и экономическое положеніе рабочихъ, несомнѣнно, что рабочей классъ въ его наиболѣе активной, пошедшей за большевиками части, пережилъ большевизмъ, какъ *свое*, рабочее дѣло, какъ попытку социальнаго освобожденія. И кто знаетъ, не будетъ-ли *легенда* о былой диктатурѣ дѣйствовать съ возрастающимъ обаяніемъ на умы рабочихъ, по мѣрѣ того, какъ станутъ изглаживаться въ памяти подлинныя черты реального большевизма? Не безслѣдно пройдетъ для рабочихъ и четырехлѣтняя неукротимая пропаганда классовой ненависти, какъ высшей гражданской доблести и революціонной добродѣтели, а также систематическое моральное развращеніе всей атмосферой гражданской войны и примѣромъ власть имущихъ.

Не меньшая трезвость необходима въ оцѣнкѣ состоянія и другой стороны. Торгово-промышленный классъ жестоко пострадалъ отъ большевиковъ. Его ожесточеніе, обычно распространяемое вообще на революцію, если и не законно, то естественно, понятно. Въ какой мѣрѣ русскіе торгово-промышленники, какъ классъ, сумѣютъ воздержаться отъ сведенія съ рабочими счетовъ за прошлое?

Нѣтъ основаній во что-бы то ни стало заподозривать искренность заявленія П. Рябушинскаго на недавнемъ съѣздѣ въ Парижѣ, что торгово-промышленники готовы «итти въ Россію съ миромъ, убивъ въ себѣ жажду мщенія: всѣ мы виноваты оди-

---

*) Последній международный синдикальный конгрессъ (22-27. XI.1920) единодушно (25.606.000 голосовъ) заявилъ, что «у рабочихъ нѣтъ мотивовъ производить для увеличенія богатства и могущества ограниченнаго числа капиталистовъ».

наково...» Но одно — шумнымъ одобреніемъ демонстрировать свою солидарность съ либеральной деклараціей на с'яздѣ въ изганіи, въ Парижѣ, — и другое — преодолѣть искушеніе страстей и узкаго эгоизма въ реальной жизни.

Можно бы было привести изъ жизни освобождавшихся отъ большевиковъ мѣстностей не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о внутреннемъ разложеніи въ торгово-промышленной средѣ. Не слѣдуетъ торопиться съ обобщеніями, но, напр., картина реставраціи буржуазнаго строя на Украинѣ во время германской оккупаціи и гетманщины была удручающая. Оставила-ли какая-либо другая организація столь печальную память по себѣ, какъ пресловутый «П р о т о ф и с» (Промышленность, Торговля, Финансы и Сельское Хозяйство), съ именемъ котораго связано было на Украинѣ представленіе о самой беззастѣнливой спекуляціи и дѣлечествѣ? Разверните поучительную книгу R. L a b r y о русской промышленности во время революціи.*) Въ главѣ о положеніи промышленности на Украинѣ вы прочтете, какъ первымъ дѣломъ с'язда восстановленныхъ въ своихъ правахъ промышленниковъ въ Кіевѣ было: рѣзкое пониженіе заработной платы и полная реставрація старыхъ порядковъ на заводахъ; вы узнаете, что возражали противъ дѣлесообразности такой политики только два промышленника: *бельгіецъ П.* и *французъ Ф.*...

Между тѣмъ, совершенно очевидно, что въ обстановкѣ продолжающейся, хотя бы и въ скрытой формѣ, гражданской войны, — восстановленіе производственнаго процесса не возможно. Необходима демобилизація борющихся сторонъ, — демобилизація не только матеріальная, но и психическая. Этого требуютъ въ равной мѣрѣ какъ интересы общенароднаго дѣлага, такъ въ концѣ концовъ и правильно понятыя интересы обоихъ классовъ.

Дѣло идетъ вовсе не о проповѣди «гармоніи интересовъ труда и капитала» или закрываніи глазъ на то, что классовая борьба есть и остается жестокимъ закономъ капиталистическаго общества. Но лишь съ легкой руки русскихъ большевиковъ классовая б о р ь б а стала отождествляться съ перманентной гражданской в о й н о й. Организація и объединеніе рабочаго класса на почвѣ осознанія особенности его интересовъ въ современномъ обществѣ является однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ прогресса всего человѣчества. Условіемъ свободы его борьбы за любой общественный идеалъ, въ томъ числѣ и коммунистическій, должно быть лишь ограниченіе ея метода-

---

*) Raoul Labry. *J. Industrie Russe et la Révolution*. 1919. Paris.

ми, не нарушающими правъ и не ограничивающими свободы большинства народа.

Необходимость крупныхъ перемѣнъ во взаимоотношеніяхъ труда и капитала для нормальной жизнедѣятельности современной промышленной системы широко осознана въ Западной Европѣ. Практика рабочаго движенія и рабочее законодательство послѣднихъ лѣтъ упорно ищутъ новыхъ методовъ, способныхъ удовлетворить выросшему правосознанію рабочихъ и придать болѣе мирный, эволюціонный характеръ ихъ социальной борьбѣ. Какъ одинъ изъ способовъ уменьшить пропасть, отдѣляющую рабочихъ отъ предпринимателей, выдвигается болѣе близкое привлеченіе самихъ рабочихъ въ сферу хозяйственныхъ интересовъ предпріятія, обезпеченіе за ними извѣстной доли въ контролѣ и даже въ управленіи промышленными предпріятіями.

Новыя теченія не вышли еще изъ стадіи опытовъ. Ученье ихъ результаты въ примѣненіи къ Россіи представляется еще преждевременнымъ, и въ послѣдующихъ строкахъ, отнюдь не претендующихъ на исчерпывающую полноту, мы ограничимся по преимуществу лишь описаніемъ различныхъ формъ, въ которыя выливается интересующее насъ движеніе въ различныхъ странахъ.

* * *

Эволюцію капиталистическаго промышленнаго строя принято сравнивать съ фазами послѣдовательнаго развитія формъ государственнаго устройства *). Подобно тому, какъ современное государство въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ продѣлываетъ путь отъ абсолютизма, черезъ конституціонную монархію къ полному народо-властію, — аналогичный процессъ, въ болѣе медленномъ, правда, темпѣ, можно прослѣдить въ промышленности, во взаимоотношеніи между предпринимателемъ и рабочими.

Неограниченная монархія съ самодержавнымъ носителемъ власти во главѣ совокупности безправныхъ подданныхъ — имѣетъ аналогію въ томъ отходящемъ уже въ исторію строѣ промышленнаго предпріятія, когда всеопредѣляющей волѣ предпринимателя противостоитъ масса отдѣльныхъ безправныхъ рабочихъ.

Далѣе, подобно тому, какъ на смѣну абсолютной приходитъ ограниченная народнымъ представительствомъ наслѣдственная конституціонная монархія, — такъ ростъ сознательности

*) Otto Bauer. Der Weg zum Socialismus.

и организованности рабочего класса кладетъ предѣлъ самовластью предпринимателя на фабрикахъ. Въ конституціи оной фабрикахъ рабочіе уже имѣютъ свое представительство, сначала, правда, и звѣнъ предпріятія, въ лицѣ синдиката, трэджюна. Коллективнымъ договоромъ синдиката съ предпринимателемъ ограничивается власть послѣдняго, устанавливается конституція, съ теченіемъ времени все расширяющая права рабочихъ. Въ этой стадіи, связанной съ мощнымъ развитіемъ профессиональнаго движенія во всемъ мірѣ, находится европейская и американская промышленность уже много десятковъ лѣтъ.

Новымъ въ ходѣ этой постепенной демократизации промышленности является стремленіе, во-первыхъ, къ расширенію контроля не только на условія труда, но и на общую хозяйственную дѣятельность самого предпріятія; во-вторыхъ, къ осуществленію этого контроля какъ и звѣнъ, черезъ соотвѣтствующій синдикатъ, такъ и на мѣстѣ, и знутри черезъ мѣстный фабрично-заводской рабочей комитетъ или совѣтъ, — этотъ промышленный «органъ мѣстнаго самоуправления», по мѣткому сравненію О. Бауэра.

Наконецъ, полное осуществленіе демократіи, «республики» въ промышленности теоретики и вожди рабочего движенія (О. Бауэръ, К. Каутскій, С. Веббъ и др.) видятъ въ социализации предпріятія: монархъ-предприниматель устраняется совершенно, управление предпріятіемъ переходитъ цѣликомъ къ народу (въ данномъ случаѣ, впрочемъ, не къ однимъ рабочимъ даннаго предпріятія, а къ особому органу изъ представителей рабочихъ, государства и потребителей).

Въ дальнѣйшемъ, мы ограничимся обзоромъ новыхъ мѣропріятій лишь, такъ сказать, конституціонно-демократическаго, а не республиканскаго періода, выражающихся въ расширеніи компетенціи ви́шняго, синдикальнаго контроля и въ созданіи органовъ внутренняго контроля — фабричныхъ совѣтовъ.

Англія. — Потребности военнаго времени вынудили Англію отказаться отъ традиціонной свободы промышленности и перейти къ суровому регулированію государствомъ всего процесса производства и распределенія. Управление важнѣйшими отраслями промышленности (угольной, металлургической, текстильной, жел. дор. и пр.), принудительно синдицированными на время войны, было передано особымъ комитетамъ изъ представителей промышленниковъ и правительства. Необходимость обезпечить максимальное и добровольное напря-

женіе труда побудило государственную власть привлечь къ участию въ этихъ комитетахъ на равныхъ правахъ также и представителей рабочихъ. Эта система смѣшаннаго контроля надъ промышленностью оказала неизмѣримыя услуги Англии во время войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются попытки вовлеченія рабочихъ въ сферу хозяйственныхъ интересовъ производства и другимъ путемъ — созданіемъ смѣшанныхъ комитетовъ внутри каждаго отдѣльнаго предпріятія. Въ результатѣ работъ особой парламентской комиссіи подъ предсѣдательствомъ Уитлея, спикера палаты, было выработано въ мартѣ 1917 г. положеніе объ особыхъ фабричныхъ комитетахъ, въ послѣдствіи получившихъ распространеніе подъ именемъ «комитетовъ Уитлея».

Вотъ какъ опредѣляетъ назначеніе комитетовъ докладъ комиссіи *): «Въ интересахъ государства является необходимымъ, чтобы сотрудничество классовъ, установившееся во время войны, продолжалось и послѣ нея... Для улучшенія взаимоотношеній между предпринимателями и рабочими необходимо обезпечить рабочимъ возможность достиженія лучшихъ условий найма и высшаго уровня комфорта, а также привлечь ихъ постоянное и активное содѣйствіе развитію промышленности».

Созданіе фабричныхъ комитетовъ (Works Committees) не является принудительнымъ, а предоставляется доброй волей рабочихъ даннаго предпріятія. Составленный поровну изъ представителей рабочихъ и предпринимателей, фабричный комитетъ избираетъ свой президіумъ изъ лицъ причастныхъ къ предпріятію или постороннихъ.

Фабричные комитеты одной и той-же отрасли промышленности въ данномъ кругѣ объединяются въ «окружные совѣты» (District Councils); надъ окружными Совѣтами всей отрасли промышленности стоитъ «національный Совѣтъ» (National Council).

Комитеты и совѣты всѣхъ трехъ инстанцій имѣютъ цѣлью «регулярное разсмотрѣніе всего того, что касается прогресса и благосостоянія промышленности, съ точки зрѣнія всѣхъ ея участниковъ». Черезъ посредство этихъ смѣшанныхъ организаций рабочіе даннаго предпріятія и всей отрасли промышленности получаютъ возможность участвовать въ опредѣленіи условий труда и въ контролѣ надъ соблюденіемъ ихъ; въ установленіи общихъ основаній заработной платы; въ улучшеніи организации производства съ точки зрѣнія интересовъ рабо-

---

*) Industrial Councils. Report of the Reconstruction Committee on Relations between Employers and Employed.

чихъ; въ обсужденіи промышленныхъ законопроектовъ; въ мирномъ улаживаніи возникающихъ между рабочими и предпринимателями конфликтовъ,

Въ рабочей средѣ комитеты Уитлея вызвали къ себѣ различное, но скорѣе сдержанное отношеніе. Хотя конгрессъ трэджюніоновъ въ Дерби (1918 г.) высказался въ пользу комитетовъ Уитлея, — не было недостатка и въ критическихъ отзывахъ. Резолюціонные трэджюнионисты изъ «Национальной Лиги Гильдій»*) стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что смѣшанный контроль вообще немислимъ, поскольку органъ контроля составленъ изъ представителей двухъ сторонъ, съ противоположными интересами и цѣлями. «Представители труда должны сохранить свою полную независимость; они должны и спользовать свое положеніе въ совѣтахъ вовсе не для улучшенія отношеній между предпринимателями и рабочими, или для увеличенія производительности труда, — но исключительно для усиленія движенія въ пользу полного контроля рабочихъ надъ производствомъ и промышленностью».

Повидимому, комитеты Уитлея и не могли имѣть значеніе органа контроля рабочихъ надъ промышленностью; ихъ положительная роль сводилась къ организованному представительству интересовъ рабочихъ и къ мирному улаживанію мелкихъ недоразумѣній съ предпринимателемъ.

На практикѣ, отъ участія въ образованіи комитетовъ Уитлея уклонились какъ разъ наиболѣе важные и крупные трэджюнионы. Въ отрасляхъ промышленности, гдѣ существуютъ мощныя профессиональныя организаціи, комитеты Уитлея не способны были усилить ихъ вліяніе въ переговорахъ съ предпринимателемъ. Наоборотъ, въ отсталыхъ и слабо организованныхъ отрасляхъ всегда можно опасаться, что смѣшанные комитеты Уитлея могутъ стать орудіемъ въ рукахъ предпринимателей для борьбы съ трэджюнионами.

Наконецъ, нельзя отрицать опасности и того, что «сотрудничество» труда и капитала въ смѣшанныхъ комиссіяхъ можетъ быть использовано въ ущербъ интересамъ потребителя, — общества. **)

Комитеты Уитлея получили распространеніе въ кораблестроительной промышленности, у матросовъ, пекарей, золо-

*) «Observations on the interim Report on the Reconstruction Committee», и «Notes for Trade Unionists on the Whitley Report», изд. Nat. Guilds League.

**) Двусмысленно звучитъ, напр., пунктъ устава Уитлеевскаго комитета въ керамической промышленности, который предусматриваетъ «содѣйствіе въ установленіи и поддержаніи (fixing and maintaining) продажныхъ цѣнъ на фабрикатъ».

тыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и особенно въ керамической промышленности. По утверждению Л. Джорджа въ палатѣ общинъ, число рабочихъ, объединенныхъ въ комитеты Уитлея, достигало лѣтомъ 1919 г. двухъ милліоновъ человекъ.

Въ настоящее время, съ отмѣной связанныхъ съ военнымъ временемъ ограниченій въ дѣятельности и правахъ трэджюновъ, и дальнѣйшимъ ростомъ вліянія послѣднихъ (англійскіе трэджюны насчитываютъ до 7.500.000 членовъ), — комитеты Уитлея отходятъ, повидимому, окончательно на задній планъ.

Укажемъ еще лишь, что законъ 16 авг. 1920 г. предусматриваетъ добровольное образование смѣшанныхъ комитетовъ, подобныхъ уитлеевскимъ, также и въ угольной промышленности. Законъ этотъ имѣетъ временный характеръ, продолжая дѣйствовавшее до войны государственное регулированіе до 31 авг. 1921 г.

Профессиональныя организаціи даже въ странахъ наиболѣе передовыхъ объединяютъ лишь меньшинство рабочаго класса. Тѣмъ не менѣе онѣ упорно борются за признаніе ихъ права представлять и заключать договоры отъ имени всей массы рабочихъ. Трэджюны не можетъ поэтому смотрѣть безразлично на то, что установленіе соглашеній съ предпринимателями отчасти переходитъ въ руки менѣе квалифицированныхъ и болѣе пестрыхъ по своему составу рабочихъ делегацій въ смѣшанныхъ уитлеевскихъ комитетахъ. Заключеніе коллективныхъ договоровъ, и з в н ѣ регулирующихъ условія труда во всѣхъ предприятияхъ данной отрасли промышленности, должно быть исключительнымъ правомъ трэджюна, — такова по-прежнему традиція англійскаго рабочаго движенія; духъ современности сказывается лишь въ стремленіи включить въ эти договоры право на участіе трэджюновъ въ контролѣ надъ промышленностью.

Крупнымъ — и пока единственнымъ — достиженіемъ въ этой области является новое положеніе объ управленіи желѣзными дорогами, введенное въ Англии въ концѣ 1919 г. Подъ впечатлѣніемъ грандіозной стачки въ октябрѣ-ноябрѣ 1919 г., правительство рѣшило продлить государственный контроль надъ жел. дор. и, желая привлечь на свою сторону жел. дор. рабочихъ, предоставило ихъ трэджюну (Nat. Union of Railwaymen) активное участіе въ центральномъ регулирующемъ органѣ (Railway Executive Committee), на равныхъ основаніяхъ (with coequal power) съ прочими его участниками.*)

*) За неимѣніемъ подъ руками текста закона, приводимъ содержаніе новой схемы управленія ж. д. въ изложеніи ея Д. Тома-

* * *

С. А. Соединенные Штаты.— Движеніе въ пользу демократизаціи фабричнаго строя въ Америкѣ — совсѣмъ недавняго происхожденія. Какъ и въ Европѣ, вызванная войной необходимость непрерывнаго напряженія всѣхъ національныхъ производительныхъ силъ заставила предпринимателей искать путей къ установленію мирнаго сотрудничества съ рабочими.

Но въ Европѣ признаніе особой суммы правъ за рабочими, какъ участниками производства, было дѣломъ государственной власти подъ давленіемъ организованнаго рабочаго движенія или революціи. Въ Америкѣ-же установленіе конституціоннаго режима на фабрикѣ происходило по частной инициативѣ отдѣльныхъ наиболее либерально настроенныхъ — или предусмотрительныхъ — предпринимателей.

Это обстоятельство обусловливаетъ характерный обликъ американскихъ фабричныхъ комитетовъ. Они разнообразны по своей структурѣ, завися отъ личныхъ вкусовъ предпринимателя; компетенція ихъ, «октроированная» предпринимателемъ, весьма ограничена, и они въ значительной степени используются предпринимателемъ въ цѣляхъ, чуждыхъ основному ихъ назначенію.

Инициатива въ созданіи первыхъ фабричныхъ комитетовъ (Shop Committees) въ Америкѣ принадлежитъ извѣстному миллиардеру Джону Рокфеллеру Младшему.*) Послѣ стачки въ 1914 г. на его копяхъ въ Колорадо (Colorado Fuel and Iron

---

сомъ, вождемъ ж. д. рабочихъ, на Собраніи желѣзнодорожниковъ въ Бристолѣ (16.XI.1919).

«Объединенный ж. д. комитетъ» (Railway Joint Board), состоящій поровну (по 5 человекъ) изъ представителей администраціи и трэдюніона, устанавливаетъ условія труда для всей сѣти ж. д. Въ случаѣ разногласій въ Joint Board, спорный вопросъ переносится, по желанію сторонъ, въ такъ называемый «Tribunal of Refearence», состоящій изъ двѣнадцати членовъ, — по четыре отъ рабочихъ, администраціи и «публики». Предсѣдательствуетъ триннадцатое, независимое лицо. На мѣстахъ роль Tribunal of Refearence играютъ Local Courts аналогичнаго состава.

Но самой важной чертой новаго положенія является участіе съ рѣшающимъ голосомъ трехъ представителей ж. д. трэдюніона въ составѣ Railway Executive Committee.

*) Приводимыя ниже данныя мы заимствуемъ изъ книги Ch. Cestre «Production industrielle et justice sociale, en' Amerique». 1921. Paris. Матеріалъ, къ сожалѣнію, освѣщенъ односторонне, съ предпринимательской точки зрѣнія.

Со.), завершившейся жестокимъ кровавымъ столкновениемъ стачечниковъ съ войсками и массой жертвъ, Рокфеллеръ рѣшилъ ввести на своихъ кояхъ и на сталелитейномъ заводѣ въ Миннеа «демократическій режимъ», основы котораго были выработаны имъ совмѣстно съ американскимъ социологомъ Макензи Кингомъ.

«П л а нъ Р о к ф е л л е р а», осуществляемый на его предпріятіяхъ съ 1915 г., послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ попытокъ подобнаго же рода въ другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Оставляя въ сторонѣ индивидуальныя отклоненія, зависящія отъ мѣстныхъ условій, въ основныхъ чертахъ американскіе фабричныя комитеты носятъ слѣдующій характеръ.

Въ отдѣльныхъ мастерскихъ всеобщимъ голосованиемъ избираются чисто рабочіе комитеты (Shop Committees), объединяющіеся, если болѣе значительные размѣры предпріятія этого требуютъ, въ рабочей «С о в ѣ т ѣ» (Work Council). Рабочіе комитеты и совѣты рѣшаютъ самостоятельно всѣ вопросы, касающіеся исключительно рабочихъ (напр., въ отношеніи переплаченныхъ въ ихъ управленіе учрежденій благоустройства или социальнаго обезпеченія), — и предварительно обсуждаютъ съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ вопросы, общіе у нихъ съ предпринимателемъ.

Кромѣ того, періодически, обычно два раза въ мѣсяцъ, устраиваются совмѣстныя засѣданія рабочихъ совѣтовъ съ представителями предпринимателя въ равномъ числѣ. Въ компетенцію образуемыхъ такимъ образомъ смѣшанныхъ комитетовъ входитъ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся внутренней жизни предпріятія: часовъ труда, заработной платы, распорядка работы, дисциплины и пр. Комитеты привлекаются къ обсужденію мѣръ, необходимыхъ для процвѣтанія предпріятій, а также для примѣненія принципа участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій. Одной изъ главныхъ задачъ смѣшанныхъ комитетовъ является предотвращеніе готовящихся конфликтовъ между рабочими и администраціей и мирное улаживаніе возникающихъ. Техническая, коммерческая и финансовая сторона управленія остается исключительной прерогативой предпринимателя. Въ случаѣ разногласія въ смѣшанномъ комитетѣ, предметъ спора передается т р е т ь е й с к о м у с у д у, конструкція котораго опредѣляется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Другой примѣръ демократической организаціи фабрики представляетъ собою т. н. «т и п ъ Л е й г а», — по имени инженера, впервые примѣнившего его на фабрикѣ Demuth въ Нью-Йоркѣ. Эта схема въ общихъ чертахъ воспроизводитъ на

фабрикѣ конституцію сучаснаго государства. Фабрика Demuth имѣетъ свою «Палату депутатовъ», изъ выборныхъ представителей рабочихъ, свой «Сенатъ», состоящій изъ контролеровъ, контролеровъ, начальниковъ мастерскихъ, — и «Кабинетъ» въ лицѣ дирекціи компании. Одинъ разъ въ недѣлю палата депутатовъ и сенатъ имѣютъ свои обособленныя засѣданія, а также созываются на общее соединенное засѣданіе обѣихъ палатъ. По своей компетенціи эти органы аналогичны Shop Committees и смѣшаннымъ комитетамъ плана Рокфеллера.

По конституціи фабрики Goodyear Tir and Rubber Co «сенатъ» избирается также рабочими, но изъ числа имѣющихъ болѣе высокой цензъ, возрастной и по сроку службы въ предпріятіи. Общие или спорные вопросы разрѣшаются въ смѣшанномъ комитетѣ изъ представителей администраціи, «сената» и «палаты депутатовъ».

Необходима осторожность въ подведеніи итоговъ дѣятельности фабричныхъ совѣтовъ въ Америкѣ и въ выводахъ о значеніи ихъ въ будущемъ; все движеніе не вышло еще изъ стадіи первоначальнаго опыта. Къ концу 1919 г. совѣты существовали только на 250 предпріятіяхъ, занимающихъ въ совокупности *одинъ милліонъ* рабочихъ.

Если отнестись съ довѣріемъ къ даннымъ, приводимымъ въ книгѣ Ch. Cestre, фабричные совѣты, повидимому, успѣшно отвѣчали главному своему назначенію, — способствовать мирному разрѣшенію внутреннихъ конфликтовъ и тѣмъ содѣйствовать повышенію производительности. Въ предпріятіяхъ, примѣнявшихъ систему фабричныхъ совѣтовъ, въ теченіе одного года 61 % всѣхъ спорныхъ вопросовъ получили свое разрѣшеніе еще въ первоначальной инстанціи, въ фабричныхъ смѣшанныхъ комитетахъ, изъ нихъ 36% въ пользу администраціи и 27% въ пользу рабочихъ. По отдѣльнымъ предпріятіямъ процентъ рѣшеній, благопріятныхъ для рабочихъ, колеблется. Такъ, изъ 250 конфликтовъ, возникшихъ за шесть мѣсяцевъ на заводахъ Bethlehem Steel Co, 85% были разрѣшены въ пользу рабочихъ.

Спеціальная комиссія трэджюна углекоповъ, изучавшая результаты реформы на мѣстѣ въ предпріятіяхъ Рокфеллера, пришла къ заключенію, что фабричные совѣты привели къ уменьшенію злоупотребленій со стороны низшей администраціи, способствовали смягченію антагонизма между рабочими и предпринимателемъ. Въ пользу фабричныхъ совѣтовъ высказалась и американская «Конференція Труда», созванная въ декабрѣ 1919 г. Вильсономъ изъ представителей трэджюновъ, ассоціацій предпринимателей и «публики».

Слабымъ мѣстомъ американской системы фабричныхъ совѣтовъ является то, что самое созданіе ихъ и опредѣленіе ихъ компетенціи не установлены закономъ, а всецѣло зависятъ отъ усмотрѣнія отдѣльнаго предпринимателя. И если нельзя отрицать наличие среди американскихъ промышленниковъ извѣстнаго числа искреннихъ филантроповъ, то врядь-ли слѣдуетъ надѣяться на то, что вся классовая политика американскаго капитала можетъ быть проникнута духомъ социальной справедливости. Несомнѣнно, есть либеральные промышленники, которые, повидимому, искренне готовы пойти на встрѣчу рабочимъ. У Рокфеллера*) введенію системы совѣтовъ предшествовало проведеніе широкихъ мѣропріятій по улучшенію условій труда и быта на его предпріятіяхъ, и, несомнѣнно, этотъ духъ доброжелательства и заботливости по отношенію къ рабочимъ явился однимъ изъ главныхъ факторовъ успѣха его «плана». Есть промышленники, какъ Р. Калдуэлль, которые поняли, что время «монархической тиранніи» въ организаціи производства прошло безвозвратно, и что «лучше промышленная демократія, чѣмъ революція». Но нѣтъ сомнѣнія, что терпимое и подчасъ благожелательное отношеніе американскаго промышленнаго міра къ идеѣ фабричныхъ совѣтовъ обусловливается соображеніями и ожиданіями совсѣмъ иного порядка.

Показателемъ въ этомъ отношеніи отзывъ о фабричныхъ совѣтахъ крупнѣйшей промышленной организаціи — The National Industrial Conference Board. Констатируя со своей стороны, что «результаты дѣятельности фабричныхъ совѣтовъ совершенно удовлетворительны», докладъ этой организаціи (1919 г.) говорить: Shop Committees являются однимъ изъ лучшихъ нашихъ нововведеній. Мы убѣждены, что, при благоразуміи съ нашей стороны, мы будемъ въ состояніи ликвидировать всѣ конфликты съ нашимъ персоналомъ у себя дома, безъ вмѣшательства людей со стороны (outsiders).

Кто эти outsiders, «посторонніе люди», вмѣшательства которыхъ во «внутреннія дѣла предпріятія» такъ не любятъ предприниматели? Это — представители рабочаго трэджюна.

*) «Я вѣрю», говорилъ Рокфеллеръ на конгрессѣ С. А. Торговой палаты въ 1919 г., — «что капиталъ и трудъ не враги, а союзники, что ихъ интересы тождественны... что наиболѣе вѣрнымъ средствомъ къ достиженію гармоніи является равное представительство обѣихъ сторонъ». Рокфеллеръ мечтаетъ о проведеніи принципа смѣшаннаго представительства во всей хозяйственной жизни, начиная съ отдѣльной мастерской и кончая всемірнымъ конгрессомъ промышленности.

Тамъ, гдѣ сильнымъ трэджюніонамъ удается добиться права контроля надъ соблюденіемъ въ предпріятіи установленныхъ коллективнымъ договоромъ условій, со стороны промышленниковъ неизмѣнно поднимается крикъ о невыносимой «тиранніи» трэджюніона, «инквизиторскомъ сыскѣ» его агентовъ и пр.

Въ борьбѣ противъ рабочихъ организацій предприниматель обращается къ содѣйствію «свободныхъ» отъ дисциплины трэджюніона неорганизованныхъ рабочихъ, или «независимыхъ» желтыхъ синдикатовъ. Повидимому, въ симпатіи американскихъ промышленниковъ къ фабричнымъ совѣтамъ немалую роль играетъ надежда противопоставить ихъ, какъ своего рода «внутренніе» синдикаты (company unions), внѣ предпріятія стоящимъ трэджюніонамъ. Характерно, что предприниматели не проявляютъ инициативы къ созданію фабричныхъ совѣтовъ въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя, въ силу коллективного договора, уже являются закрытыми для приема неорганизованныхъ рабочихъ (closed shop).

Хроника стачечнаго движенія послѣднихъ лѣтъ также свидѣтельствуетъ, что предпринимателямъ нерѣдко удавалось использовать мѣстные фабричные совѣты (Bethlehem Steel Co, Colorado Fuel and Iron Co и др.) для того, чтобы сломить единоедушіе стачки, объявленной трэджюніономъ. Стачечный комитетъ сталелитейщиковъ (зимой 1919-1920 гг.) высказывается рѣшительно противъ фабричныхъ совѣтовъ и обвиняетъ хозяевъ, что они пользуются company unions для того, чтобы связать по рукамъ и по ногамъ рабочихъ. Комитетъ утверждаетъ, что хозяева пускаютъ въ ходъ застрачиваніе рабочихъ во время выборовъ, что негодные хозяевамъ делегаты увольняются, что рабочимъ запрещается поддерживать сношенія съ трэджюніономъ и пр.

Критически относится къ фабричнымъ совѣтамъ въ ихъ современномъ видѣ и Американская Федерация трэджюніоновъ (American Federation of Labour), имѣющая до 4.000.000 членовъ. Скрытый смыслъ всей реформы заключается, по мнѣнію руководителей Федерациі Труда, въ томъ, чтобы отвлечь рабочихъ отъ трэджюніоновъ, ослабить послѣдніе и тѣмъ самымъ лишить рабочихъ возможности прибѣгнуть въ нужномъ случаѣ къ стачкѣ, которая одна лишь можетъ сломить сопротивление предпринимателя.

*
* *

Переходя къ обзору движенія за рабочіе совѣты въ государствахъ континентальной Европы, мы сразу переносимся въ совершенно иную соціально-политическую

обстановку. Революція до основанія потрясла общественный строй въ Германіи и Австріи. Капиталистическая система, казалось, доживала послѣдніе дни. Массовое увлеченіе лозунгами далекой и загадочной русской революціи вызвало къ жизни повсюду Совѣты раб. и солд. депутатовъ, какъ органы политической власти. Естественнымъ для многихъ казалось сдѣлать, подобно русскимъ большевикамъ, и слѣдующій шагъ — передать всю экономическую власть въ промышленности мѣстнымъ фабричнымъ совѣтамъ. Къ этому звали въ Германіи спартаковцы и независимые с-д., стремясь сдѣлать фабричные совѣты орудіемъ немедленнаго осуществленія диктатуры пролетаріата. Рабочій классъ въ его большинствѣ не пошелъ за большевиками, и въ революціонномъ законодательствѣ Австріи и Германіи фабричные совѣты закрѣплены лишь какъ одинъ изъ факторовъ демократизированной, конституціонной фабрики.

Идея фабричныхъ совѣтовъ (Betriebsraetesystem) первоначально была выдвинута въ Австріи, получивъ тамъ какъ теоретическое свое обоснованіе (О. Бауеръ, Ф. Адлеръ), такъ и практическое свое осуществленіе въ рабочемъ законодательствѣ (15 мая 1919 г.). Австрійскій законъ послужилъ, повидимому, образцомъ для болѣе поздняго германскаго (4 февр. 1920 г.). По своему содержанію оба закона почти тождественны, и поэтому въ дальнѣйшемъ мы ограничимся разборомъ лишь германскаго законодательства, какъ типическаго, болѣе разработаннаго и имѣющаго большее значенія для европейскаго рабочаго движенія.

Германія. — До настоящей революціи мысль о возможности ограниченія суверенной власти предпринимателя въ пользу рабочихъ оставалась почти совершенно чуждой германскому законодательству.*) Разразившаяся въ результатѣ несчастной войны революція рѣзко измѣнила существовавшее до того въ Германіи соотношеніе общественныхъ силъ. Политическая власть перешла въ руки пролетаріата, выступавшаго въ авангардѣ народныхъ массъ. Правда, болѣе высокій уровень сознанія помогъ большинству германскаго рабочаго класса

---

*) Слабые зачатки конституціонныхъ правъ содержатся въ законѣ 1891 г. (Gewerbeordnungs-novelle), предусматривающемъ возможность созданія въ предприятияхъ рабочихъ комитетовъ; привлеченіе ихъ къ обсужденію правилъ внутренняго распорядка зависѣло отъ усмотрѣнія предпринимателя. Можно упомянуть еще только прусскій законъ, 1905 г. о рабочихъ комитетахъ въ угольной промышленности, съ весьма ограниченной компетенціей по надзору за шахтами, по урегулированію отношеній съ предпринимателемъ и управленію рабочими страховыми кассами.

устоять передъ искушеніемъ использовать эту власть для попытки осуществленія социализма, попытки, при данныхъ условіяхъ явно безнадежной. Но радикальнѣя перемѣны въ традиціонныхъ формахъ взаимоотношеній труда и капитала сдѣлались неизбѣжными. Буржуазія, подавленная падающей на нее отвѣтственностью за роковую для Германіи войну, разумѣется, не могла сопротивляться новымъ запросамъ со стороны рабочихъ.

Первый декретъ революціоннаго правительства — въ то время состоявшаго изъ социалистовъ большинства и независимыхъ — объ учрежденіи рабочихъ комитетовъ (23.XII.1918 г.) поражаетъ своею умѣренностью*). Комитеты должны въ согласіи съ предпринимателями наблюдать за исполненіемъ существующихъ соглашеній относительно заработной платы; содѣйствовать установленію добрыхъ отношеній какъ въ средѣ самихъ рабочихъ и служащихъ, такъ и между послѣдними и предпринимателемъ; наблюдать за примѣненіемъ предохранительныхъ мѣръ противъ несчастныхъ случаевъ.

Декабрьскій декретъ не удовлетворилъ даже умѣренную часть рабочихъ. Нюрнбергскій конгрессъ профессиональныхъ союзовъ (1919 г.), отвергая диктатуру пролетаріата во имя демократіи, требовалъ однако примѣненія принципа демократіи и къ промышленному строю; отрицая систему совѣтовъ въ *политической* области, конгрессъ противопоставилъ ей необходимость созданія *экономическихъ* совѣтовъ въ промышленности, для обезпеченія рабочимъ участія въ контролѣ надъ производствомъ въ его цѣломъ, начиная съ отдѣльнаго предпріятія и кончая высшими общеимперскими органами хозяйственнаго регулированія.

Необходимость опереться на большинство рабочихъ въ борьбѣ съ новымъ и грознымъ возстаніемъ спартаковцевъ весною 1919 г. заставила правительство согласиться на эти требованія проф. союзовъ. 4-го марта правительство издало декретъ, узаконяющій существованіе фабричныхъ совѣтовъ (Betriebsraete) въ качествѣ органа рабочаго представительства и контроля надъ промышленностью. Въ силу обязательства, даннаго правительствомъ профессиональнымъ союзамъ, положенія декрета 4-го марта были затѣмъ почти безъ измѣненія включены въ основные законы имперской конституціи (11 авг. 1919 г.). Вотъ главныя черты этого закона (ст. 165 конституціи), открывающаго новую эру въ исторіи германскаго рабочаго движенія.

---

*) «Les conseils d'entreprises en Allemagne», изд. Bureau International du Travail.

«Рабочіе и служащіе призываются на основѣ равноправія съ предпринимателями участвовать въ урегулированіи заработной платы и условий труда, а также содѣйствовать хозяйственному развитію предпріятія.

«Для защиты своихъ экономическихъ и социальныхъ интересовъ рабочіе и служащіе получаютъ право по закону быть представленными въ рабочихъ совѣтахъ отдѣльныхъ предпріятій, въ окружныхъ рабочихъ совѣтахъ, объединенныхъ по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, и въ Федеральномъ Рабочемъ Совѣтѣ.

Окружные и Федеральныя рабочіе совѣты, совместно съ представителями предпринимателей и другихъ заинтересованныхъ классовъ, будутъ участвовать въ созданіи окружныхъ хозяйственныхъ совѣтовъ и Федерального Хозяйственного Совѣта, несущихъ экономическія функціи общественнаго характера и примѣняющихъ законы о социализаціи».

Всѣ наиболѣе значительные законопроекты социально-экономическаго характера будутъ поступать предварительно на заключеніе Федерального Хозяйственного Совѣта, который будетъ имѣть право и самостоятельной законодательной инициативы, а также возможность черезъ особую представителей защищать свои проекты передъ рейхстагомъ.

Такимъ образомъ, предполагается по германской конституціи созданіе двухъ обособленныхъ, параллельно существующихъ системъ: чисто рабочей (мѣстные, окружные и Федеральныя совѣты), и смѣшанной хозяйственной (только окружные и Федеральныя совѣты). Читатель припомнитъ, что съ этимъ сочетаніемъ рабочихъ и смѣшанныхъ органовъ мы уже встрѣчались при описаніи фабричныхъ комитетовъ въ Америкѣ.

Детальная организація и опредѣленіе сферы компетенціи всѣхъ вышеупомянутыхъ органовъ должны быть предметомъ особаго законодательства. 4-го февр. 1920 г. былъ опубликованъ принятый Національнымъ Собраніемъ законъ о мѣстныхъ фабричныхъ совѣтахъ. Отмѣтимъ здѣсь лишь наиболѣе существенныя и характерныя черты его.

Прежде всего, законъ опредѣленно оговариваетъ, что совѣтамъ отнюдь не принадлежитъ право непосредственнаго вмѣшательства въ техническія и хозяйственныя распоряженія администраціи. Тѣмъ не менѣе участіе въ контролѣ надъ предпріятіемъ достигается делегированіемъ одного или двухъ членовъ совѣта въ составъ заводскаго управленія (Aufsichtsrat) съ рѣшающимъ голосомъ. Предприниматель обязанъ три раза въ годъ давать

представителямъ совѣта отчетъ объ общемъ положеніи дѣлъ и о своихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ, а также представлять годичный балансъ прибылей и убытковъ предпріятія.

Чрезвычайно важнымъ представляется право участія совѣта въ вопросѣ о пріемѣ и увольненіи рабочихъ, — въ той области, въ которой предприниматель наиболѣе ревниво обычно охраняетъ свою дискреціонную власть. Теперь предприниматель долженъ договориться съ совѣтомъ относительно основныхъ принциповъ (Rechtlinien) устанавливаемой системы найма и увольнения. Если совѣтъ находитъ, что предприниматель увольняетъ рабочаго въ нарушение соглашенія, дѣло переносится въ окружную согласительную камеру,*) рѣшеніе которой является окончательнымъ.

Въ остальномъ функціи совѣтовъ — по преимуществу представительнаго характера. Спеціальная статья закона охраняетъ неприкосновенность членовъ совѣта.**)

Со времени изданія закона прошло еще слишкомъ мало времени, чтобы возможно было подводить итоги опыту его примѣненія. Здѣсь мы можемъ лишь отмѣтить, какъ встрѣченъ былъ законъ заинтересованными въ немъ сторонами.

Со стороны предпринимателей было-бы трудно ожидать сочувствія къ закону, ограничивающему ихъ власть

*) Эти камеры, т. н. Schlichtungsausschlüsse, установленные декретомъ 23. XII. 1918 г., состоятъ изъ равнаго числа (по 4) представителей рабочихъ и предпринимателей, избирающихъ по соглашенію предсѣдателя.

**) Приведемъ еще нѣсколько подробностей, относящихся къ структурѣ германскихъ фабричныхъ совѣтовъ.

Совѣты учреждаются въ предпріятіяхъ съ числомъ занятыхъ рабочихъ не менѣе 20. (Такихъ предпріятій въ Германіи по переписи 1907 г. числилось 81.549 съ 6.915.565 занятыхъ въ нихъ рабочихъ). Членами совѣта не могутъ быть лица администраціи. Подъ дѣйствіе закона о совѣтахъ не подходятъ учрежденія политическія, военныя, научныя, художественныя. Активнымъ правомъ избирательнымъ пользуются всѣ рабочіе и служащіе обоюго пола, начиная съ 18 лѣтъ; пассивнымъ — достигшіе 24 лѣтъ, нѣмецкаго происхожденія, прослужившіе не менѣе 6-ти мѣсяцевъ въ данномъ предпріятіи, и не менѣе 3-хъ лѣтъ состоящіе въ данной профессіи. Срокъ избранія — 1 годъ.

Рабочимъ и служащимъ предоставляется образовывать совѣты или отдѣльно для каждой категоріи, или для всего предпріятія цѣликомъ. Число членовъ совѣта колеблется отъ 3 до 30. Въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ представляется слишкомъ громоздкимъ, наиболѣе ответственныя функціи контроля довѣряются особому «заводскому комитету» (Betriebsausschluss), избираемому изъ состава совѣта въ числѣ 5 человекъ.

Необходимые расходы совѣта возмѣщаются предпринимателемъ. Члены совѣта, выполняя свои обязанности въ рабочіе часы, сохраняютъ причитающуюся имъ заработную плату.

въ промышленности. Но поскольку можно говорить объ объективной критикѣ со стороны предпринимателей, ихъ оппозиція сосредоточивается главнымъ образомъ на двухъ важнѣйшихъ пунктахъ закона 4-го февраля: на правѣ представителей совѣтовъ контролировать коммерческую сторону предприятия, и на стѣсненіи свободы предпринимателя въ наймѣ и увольненіи рабочихъ. Предприниматели не безъ основанія указываютъ, что коммерческія тайны и техническіе секреты предприятия подвергаются риску быть разглашенными, и что ограниченіе въ свободѣ подбора рабочаго аппарата предприятия можетъ сказаться на техническомъ уровнѣ его. Предприниматели настаиваютъ поэтому на созданіи необходимыхъ гарантій путемъ соответствующаго развитія законодательства.

Въ рабочихъ кругахъ законъ 4-го февраля былъ встрѣченъ разными группами неодинаково. Коммунисты, стоящіе за немедленное уничтоженіе капитализма, видятъ въ фабричныхъ совѣтахъ по закону 4 февр. лишь «соглашательство» съ буржуазіей; считая, впрочемъ, необходимымъ использовать совѣты для организациі своихъ силъ, коммунисты не уклонились отъ участія въ выборѣ делегатовъ на первый съѣздъ фабричныхъ совѣтовъ въ Берлинѣ (5.X.1920 г.), проведя, впрочемъ, всего менѣе ста делегатовъ на тысячу съ лишнимъ членовъ конгресса.

Тактически лишь отличающіеся отъ большевиковъ независимые соц.-дем. видятъ недостатокъ закона о фабричныхъ совѣтахъ въ недостаточной его революціонности. Ихъ наказъ своимъ делегатамъ на съѣздъ совѣтовъ высказывается «противъ всякаго сотрудничества между проф. союзами и предпринимателями, за абсолютный контроль совѣтовъ надъ производствомъ, за революціонныя фабричныя совѣты, органы революціонной борьбы, имѣющей цѣлью замѣнить капиталистическую систему производства социалистической». Обѣ фракціи несомнѣнно стремились перенести на германскую почву методъ русскаго большевистскаго «рабочаго контроля» черезъ фабрично-заводскіе комитеты для полнаго захвата средствъ производства въ руки рабочихъ.

Стоящіе на другомъ крайнемъ флангѣ германскаго рабочаго движенія и находящіеся подъ вліяніемъ буржуазіи христіанскіе социалисты видятъ положительное значеніе закона 4 февр., наоборотъ, въ томъ, что онъ, по ихъ мнѣнію, создаетъ органы мирнаго сотрудничества классовъ. Допуская участіе рабочихъ въ контролѣ надъ промышленностью, христ. социалисты считаютъ необходимымъ для усиленія чувства от-

вѣтственности рабочихъ, заинтересовать ихъ участіемъ въ правѣ собственности и въ прибыляхъ предприятия*).

Но, конечно, судьбу фабричныхъ совѣтовъ рѣшаетъ отношеніе къ нимъ не коммунистовъ или христіанскихъ социалистовъ, а главной массы организованныхъ рабочихъ Германіи, объединенныхъ въ «Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund**»), и руководимыхъ правымъ крыломъ германской соціалдемократіи.

Дѣятели Gewerkschaftsbund'a оцѣнили огромное значеніе, которое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ выпасть на долю фабричныхъ совѣтовъ. Профессиональные союзы въ нихъ имѣютъ мощное орудіе для организационнаго охвата *всей* массы занятыхъ въ промышленности рабочихъ, и, наоборотъ, обособленіе фабричныхъ совѣтовъ или даже противоположеніе ихъ профессиональнымъ союзамъ раздваивало-бы единый потокъ синдикальнаго движенія***).

Къ подобному расколу рабочаго движенія и стремились коммунисты и независимые с.-д. Обвиняя въ умѣренности и оппортюнизмѣ вождей проф. движенія и противопоставляя имъ «революціонную» стихію неорганизованныхъ массъ, они провозглашали лозунгъ «независимыхъ» (отъ проф. союзовъ!) революціонныхъ фабричныхъ совѣтахъ.

Дѣло шло о замаскированной диктатурѣ пролетаріата. Къ счастью, сѣзнательность германскаго рабочаго класса и на этотъ разъ оказалась выше демагогіи коммунистовъ. Конференція проф. союзовъ 5 іюля 1920 г. вынесла резолюцію, въ которой признается, что «всякое независимое дѣйствіе какъ фабричныхъ совѣтовъ, такъ и проф. союзовъ можетъ быть только вредно. Только тѣсное сотрудничество этихъ двухъ

*) «Le programme et l'organisation des syndicats ouvriers chretiens de l'Allemagne», изд. Bur. Int. du Trav. — Не допущенные на Берлинскій Сѣздъ делегаты хрис. соц. совѣтовъ созвали свою конференцію въ Дессенѣ. Резолюція ея требуетъ отъ рабочихъ и предпринимателей лояльнаго выполненія закона 4 февраля.

***) Относительный удѣльный вѣсъ различныхъ группъ проф. союзовъ показываютъ слѣдующія данныя о числѣ ихъ членовъ:

	1912	1919	Въ началѣ 1921 г.
Соціалистич. проф. союзы	2.530.390	7.338.123	до 8.500.000
Христіанскіе	344.687	1.000.770	членовъ.
Гиршъ-Дункеровскіе	109.225	189.831	
	<u>2.984.302</u>	<u>8.528.724</u>	

***)) Законъ 4 февраля специально оговариваетъ, что «настоящимъ закономъ не нарушается право профессиональныхъ союзовъ рабочихъ и служащихъ представлять интересы своихъ членовъ».

крыльевъ рабочаго движенія можетъ привести къ конечному успѣху». Задачи фабричныхъ совѣтовъ, по мнѣнію конференціи, заключаются въ томъ, чтобы (1) въ совершенствѣ изучить весь процессъ производства и распредѣленія продуктовъ; 2) организовать по единообразному плану управление предприятий; 3) разрѣшать всѣ проблемы социальнаго и коммерческаго характера и 4) развивать экономическое образование членовъ фабричныхъ совѣтовъ». «Мощь рабочаго класса», заканчивается резолюція, «будетъ тѣмъ непреодолимѣе, чѣмъ больше будетъ число пролетаріевъ, способныхъ понимать механизмъ капиталистической системы хозяйства».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ подмѣчена одна изъ самыхъ важныхъ для рабочаго класса чертъ германской системы фабричныхъ совѣтовъ. Они не только являются дополнительнымъ органомъ представительства повседневныхъ интересовъ рабочихъ; не только вносятъ элементъ общественнаго контроля въ процессъ производства и распредѣленія, но, кромѣ того, служатъ школой, опытной мастерской, гдѣ, наконецъ, рабочіе могутъ начать практически изучать искусство организаціи и управленія производствомъ. Такимъ образомъ, устанавливается переходное звено между буржуазно-капиталистическимъ и социалистическимъ строемъ, раздѣленными до сего времени непреходимой пропастью.

Конечно, использование этой социальной школы требуетъ со стороны рабочаго класса большой энергіи, выдержки и значительнаго времени.

Профессиональные союзы дѣятельно приступили къ проведенію въ жизнь закона 4 февр. Съ этой цѣлью установлено соглашеніе между Gewerkschaftsbund и мощной организаціей промышленныхъ служащихъ, насчитывающей до 400.000 членовъ; создано объединенное Центральное Бюро. Въ рядѣ городовъ открыты подготовительные курсы для будущихъ членовъ совѣтовъ, съ весьма обширной экономической и технической программой. Эти курсы превращаются въ постоянныя учрежденія. Особый курсъ открытъ при Мюнстерскомъ университетѣ. Издается до десятка специальныхъ газетъ и журналовъ, посвященныхъ дѣятельности фабричныхъ совѣтовъ.*)

Остановившись болѣе подробно на структурѣ и компетенціи германскихъ фабричныхъ совѣтовъ, ограничимся въ отношеніи большинства другихъ государствъ (за исключеніемъ Италіи)

---

*) Изъ нихъ главнѣйшіе: «Betriebsraetezeitung», издающаяся Gewerkschaftsbund'омъ и «Der Betriebsrat» — изданіе Федерациі промышленныхъ служащихъ.

лишь перечисленіемъ странъ, гдѣ существуетъ аналогичное законодательство *).

Австрійскій законъ о фабричныхъ совѣтахъ (15. V. 1919), какъ мы указывали выше, отличается отъ германскаго лишь въ маловажныхъ деталяхъ.

Сфера дѣйствія *чехословацкаго* закона о рабочихъ совѣтахъ (февр. 1920) распространяется лишь на угольную и ей подобныя отрасли промышленности. По характеру своему онъ менѣе радикаленъ, чѣмъ германскій законъ.

Въ *Норвегіи* законъ (23. VI. 1920) предусматриваетъ лишь факультативную организацію рабочихъ комитетовъ, въ случаѣ желанія $1/4$ занятыхъ въ предпріятіи рабочихъ. По отношенію къ предпринимателю рабочей комитетъ имѣетъ лишь совѣщательный голосъ.

Совѣщательную роль играютъ фабричныя совѣты и по *люксембургскому* закону (8. X. 1920).

*) Отсутствіе упоминанія о *Франціи* — не случайно. Въ области рабочаго законодательства Франція въ настоящее время одна изъ самыхъ отсталыхъ странъ Западной Европы. Распадъ и разложеніе, внесенные въ среду рабочихъ организацій агентами Московскаго «Интернаціонала», учтены полностью перешедшими въ наступленіе реакціонными предпринимателями; сведенъ на-нѣтъ восьмичасовой рабочей день, отрицается право коалиціи, игнорируются заключенные раньше коллективные договоры, возстаиваются черныя списки рабочихъ и пр.

Программа минимумъ французской Конфедерации Труда, (принятая 10 февр. 1921 г.) заключаетъ въ себѣ требованіе рабочаго контроля. Осуществляемый представителями *синдикатовъ*, онъ долженъ распространяться на условія труда, коллективные договоры, условія приѣма и увольненія рабочихъ; делегаты синдикатовъ должны имѣть право получать свѣдѣнія касающіяся веденія предпріятія, — полученія сырья, техническаго оборудованія, методовъ эксплуатаціи и пр.

Въ декабрѣ 1920 г. крупнѣйшій рабочей синдикатъ металлистовъ обратился къ федераціи желѣзнозаводчиковъ съ указаніемъ на многочисленныя нарушенія предпринимателями существующаго рабочаго законодательства и коллективныхъ договоровъ. Чтобы устранить эти явленія, нарушающія добрыя отношенія съ предпринимателями, секретарь синдиката Мерргеймъ указалъ на желательность созданія *фабричныхъ комитетовъ* («commissions d' usines»), которые должны были бы представлять рабочихъ въ сношеніяхъ съ предпринимателемъ, и слѣдить за исполненіемъ всѣхъ законовъ объ охранѣ труда. Мерргеймъ особенно подчеркивалъ, что эти комиссіи «отнюдь не должны касаться управленія фабрикой и вмѣшиваться въ ихъ финансовую и коммерческую дѣятельность». — Федерация желѣзнозаводчиковъ отвѣтила высокомѣрнымъ и нравоучительнымъ отказомъ «допустить въ нашихъ предпріятіяхъ совѣтскій строй»...

* * *

Италія. — Италія избѣжала революціи и гражданской войны, выпавшихъ на долю побѣжденныхъ въ мировой войнѣ народовъ. Тѣмъ не менѣе, ея экономическое положеніе до такой степени тяжело, социальныя противорѣчія до того обострены, что не безъ основанія можно говорить о переживаемой Италіей въ скрытой формѣ революціи, затяжной и изнурительной. Не даромъ до сего времени Италія является первой и наиболѣе надежной опорой Московскаго Интернаціонала въ его расчетахъ на социальное крушеніе Европы.

Гармоническое развитіе всякаго общества предполагаетъ, что темпъ его социальнаго и политическаго прогресса происходитъ въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ростомъ хозяйственныхъ производительныхъ силъ страны. Трагедія современной Италіи и заключается въ томъ, что соотвѣтствіе это въ создавшихся послѣ войны условіяхъ рѣзко нарушено: лихорадочное стремленіе къ социальному переустройству происходитъ одновременно съ глубокимъ распадомъ народно-хозяйственной базы.

За послѣдніе полтора десятка лѣтъ передъ войною социальное движеніе и социальное законодательство Италіи, происходившіе одновременно съ интенсивнымъ ростомъ ея промышленности, могли считаться одними изъ самыхъ передовыхъ въ Европѣ. Достаточно указать на развитіе социальнаго страхованія всѣхъ видовъ; законы объ охранѣ дѣтскаго и женскаго труда; развитіе коопераціи и въ частности исключительный ростъ коопераціи рабочей, не только въ промышленности, но и въ сельскомъ хозяйствѣ (коллективныя аренды); созданіе единственнаго до войны въ Европѣ Національнаго Бюро Труда; частныя общества, вродѣ миланскаго «Societa Umanitaria» и пр.

Конецъ войны явился для Италіи началомъ жесточайшаго экономическаго кризиса. Государственный долгъ ея возросъ на 90 миллиардовъ лиръ. Въ связи съ паденіемъ курса бумажныхъ денегъ дороговизна жизни растетъ непрерывно. Отсутствіе собственныхъ источниковъ важнѣйшихъ для индустріи видовъ сырья (железа и угля), при неблагоприятныхъ валютныхъ курсахъ само по себѣ грозило парализовать промышленность. Внезапное прекращеніе правительственныхъ военныхъ заказовъ, отсутствіе, при разстройствѣ мірового товарообмѣна, другихъ рынковъ для сбыта поставили ее въ положеніе катастрофическое. Сотни тысячъ рабочихъ и демобилизованныхъ солдатъ оказались на улицѣ. Америка, принимавшая до войны излишки прироста населенія, не находившаго и въ обычное время примѣненія своему труду на родинѣ, — закрыла теперь

двери для імміграції. Къ этому присоединились второстепенные моменты, какъ прекращеніе туризма въ Італію, за-работковъ сезонныхъ итальянскихъ рабочихъ въ Америкѣ и Франціи, и пр.

Послѣдствія войны наибольшей своею тяжестью обрушились, конечно, на низшіе классы населенія. Возбужденіе рабочихъ массъ и негодование противъ командующихъ классовъ росло; относительно низкій культурный уровень (37% безграмотныхъ!), огрубѣніе нравовъ во время войны способствовали росту вліянія большевизма и анархизма. Производительность труда пала, иногда (какъ во время движенія металлистовъ) она намѣренно понижалась самими рабочими. Выросшее у массъ сознаніе права на высшій уровень жизни вело къ дальнѣйшему прогрессу соціального законодательства (8-ми час. раб. день, минимумъ заработной платы и пр.). Но, не разрѣшая проблемы производства, оно не способно было улучшить фактическое положеніе рабочаго класса. И въ это время коммунисты указываютъ выходъ изъ заколдованнаго круга: уничтоженіе капиталистической системы.

Такова обстановка, въ которой Італіи приходится разрѣшать наиболѣе сложныя проблемы современнаго рабочаго движенія.

Естественно, что общая экономическая депрессія тяжелѣе всего должна была отразиться на той отрасли промышленности, которая во время войны наиболѣе была искусственно гипертрофирована, — а теперь наиболѣе терпѣла отъ кризиса сырья и отсутствія сбыта, — на металлурги. Она и послужила ареной для самаго остраго соціального конфликта, когда-либо переживавшагося Італіей, въ результатъ котораго итальянскій рабочій получилъ право контроля надъ промышленностью.

Здѣсь не мѣсто излагать подробности полной драматизма исторіи прошлогодней стачки металлистовъ, едва не увлекшей Італію въ бездну соціальной анархіи. Напомнимъ лишь основныя даты ея.*)

Еще осенью 1919 г. металлисты выдержали тяжелую, но окончившуюся для нихъ успѣшно, двухмѣсячную стачку ради повышенія заработной платы. Но вскорѣ дальнѣйшій ростъ дороговизны перегналъ установившіяся ставки, и къ концу лѣта 1920 итальянская федерація рабочихъ металлистовъ (Federazione italiana operai metallurgici, или сокращенно F. I. O. M.) вновь предъявила синдикату желѣзнозаводчиковъ рядъ требованій, сначала чисто экономического характера.

*) «Le conflit de la Metallurgie en Italie», изд. Bur. Int. du Trav.

Въ процессѣ борьбы страсти постепенно разгорались. На заводахъ, по распоряженію Ф. І. О. М. началась обструкция, «итальянская забастовка». Рабочіе, не покидая своихъ мѣсть, сократили производство до 1/3 обычнаго. 1-го сентября федерация желѣзнодорожниковъ объявила, ввиду обструкции, массовый расчетъ рабочихъ, на что Ф. І. О. М. въ свою очередь отвѣтила призывомъ къ рабочимъ захватить фабрики, съ тѣмъ, чтобы продолжать производство самостоятельно. Въ теченіе ближайшихъ дней захватное движеніе распространилось на металлургическіе заводы Милана, Рима, Неаполя, Генуи и др. промышленныхъ центровъ. Начиная съ 4-го сентября движеніе перекинулось и на другія отрасли промышленности, — химическіе заводы, текстильныя фабрики, верфи, торговый флотъ и пр. Мѣстами надъ администраціей совершались насилія, на заводахъ провозглашались «совѣты» охраняемые вооруженными красноармейцами.

Правительство Джіолитти, глухое къ призывамъ промышленниковъ объ охранѣ права собственности и неприкосновенности личности, объявило себя нейтральнымъ въ данномъ конфликтѣ. Этотъ вынужденный нейтралитетъ, объяснявшійся полнымъ безсиліемъ власти, лишенной авторитета въ странѣ, сдѣлалъ положеніе еще болѣе критическимъ.

Возбужденіе въ странѣ росло. Теряла голову даже болѣе умѣренная Конфедерация Труда. 5-го сентября она издала, совместно съ правленіемъ соц. партіи, воззваніе, въ которомъ она заявляла, что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства предпринимателей или нарушенія нейтралитета правительствомъ, въ борьбу будетъ вовлеченъ весь итальянскій пролетаріатъ противъ всѣхъ предпринимателей, съ цѣлью установленія коллективнаго управленія и социализаціи всѣхъ отраслей производства».

Кризисъ наступилъ 10-го сентября. Движеніе захвата фабрикъ, разраставшееся количественно и внѣшне побѣдоносное, попадало тѣмъ не менѣе въ тупикъ, поскольку оно было лишено осознанной конкретной цѣли впереди. Производство въ захваченныхъ фабрикахъ также не налаживалось. Союзъ инженеровъ, въ отвѣтъ на насилія надъ отдѣльными его членами, отозвалъ всѣхъ своихъ членовъ съ фабрикъ. Необходимо было или, пользуясь растерянностью буржуазіи и очевиднымъ безсиліемъ власти, идти напроломъ дальше къ полной экспроприаціи всѣхъ средствъ производства, предварительно провозгласивъ политическую диктатуру пролетаріата, — и на этотъ путь звала социалистическая партія, вдохновляемая изъ Москвы; — или же, сознавая безуміе этого плана,

указати стихійному движению болѣе частную и осуществимую цѣль, могущую стати позже исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія. Къ этому второму исходу звала Конфедерація Труда, опредѣляя цѣлью дальнѣйшаго движениа установленіе рабочаго контроля надъ промышленностью. Историческое рѣшеніе было вынесено 11 сентября, на засѣданіи Нац. Совѣта Конфедераціи. За порядокъ дня Конфедераціи Труда было подано 591.245 голосовъ, — резолюція соц. партіи собрала 409.569 голосовъ. Италия была спасена... на ближайшее время, по крайней мѣрѣ.

Промышленники не могли не отдавать себѣ отчета въ грозности положенія, и 15-го сентября на созванномъ Джіолитти совмѣстномъ съ представителями Конфедераціи Труда совѣщаніи, представители промышленниковъ согласились въ принципѣ на введеніе рабочаго контроля. Рѣшеніе делегатовъ было подтверждено на слѣдующій день конференціей промышленниковъ въ Миланѣ*).

20 сентября агентство Stefani опубликовало текстъ декрета Джіолитти, въ которомъ премьеръ-министръ, констатируя достигнутое между промышленниками и рабочими соглашеніе по вопросу о рабочемъ контролѣ, возлагаетъ на особую комиссію изъ представителей обѣихъ сторонъ разработку соответствующаго проекта**), «на основѣ участія рабочихъ въ техническомъ, финансовомъ и административномъ контролѣ».

Стачка металлистовъ была въ ближайшіе за тѣмъ дни лик-

---

*) Резолюція Конференціи заканчивается такъ: «Промышленная федерація соглашается... принять принципъ контроля надъ промышленностью, примѣняемый въ установленномъ законѣмъ порядкѣ, съ тѣмъ, чтобы этотъ контроль не создавалъ монополіи или привиллегіи для профессиональныхъ организацій, чтобы онъ означалъ сотрудничество различныхъ элементовъ производства и раздѣленіе ими отвѣтственности, чтобы онъ примѣнялся во имя интересовъ общества и не нарушалъ необходимую свободу дѣйствій промышленности».

**) Вотъ мотивировочная часть декрета:

«Принимая во вниманіе заявленіе Конфедераціи Труда о ея стремленіи измѣнить существующія нынѣ отношенія между предпринимателями и рабочими такимъ образомъ, чтобы послѣдніе черезъ посредство ихъ синдикатовъ получили возможность контролировать промышленность, съ цѣлью достиженія путемъ контроля улучшенія этихъ отношеній и увеличенія производительности, отъ которой зависитъ экономическое возрожденіе страны; принимая во вниманіе, что федерація промышленниковъ не возражаетъ противъ опыта введенія съ указанной цѣлью контроля надъ отдѣльными отраслями промышленности, Предсѣдатель Совѣта Министровъ констатируетъ фактъ соглашенія» и т. д.

видирована усилями Конфедерации Труда, несмотря на противодѣйствіе социалистической партіи.

Въ палатѣ депутатовъ Джіолитти подвергся жестокимъ нападкамъ со стороны представителей крупнаго капитала. Въ своей отвѣтной рѣчи буржуазный министр-президентъ сѣумѣлъ взглянуть прямо въ лицо дѣйствительному смыслу совершающихся въ Италіи событій. «Мы находимся», говорилъ онъ на засѣданіи 26 сент. — «лицомъ къ лицу съ подлинной соціальной трансформацией. Безполезно это скрывать, и необходимо, чтобы всѣ политическіе дѣятели, и тѣ, кто находится у власти, не забывали объ этомъ. Появленіе на сцену четвертаго сословія намѣтилось уже въ послѣдніи десятилѣтія прошлаго столѣтія... Война принесла съ собою величайшей важности послѣдствія, экономическія, соціальныя, финансовыя». Промышленность должна быть реорганизована такимъ образомъ, чтобы рабочій точно зналъ свое положеніе на фабрикѣ. «Рабочій будетъ поставленъ въ положеніе сотрудника, а не врага предпринимателя... Мы всѣ должны отдать себѣ отчетъ, что будущее нашей страны зависитъ главнымъ образомъ отъ того, какимъ образомъ будетъ разрѣшенъ великій соціальный вопросъ».

Въ смѣшанной комиссіи, созданной въ силу декрета Джіолитти для выработки законопроекта, стороны не могли придти къ соглашенію въ виду кореннаго расхожденія сторонъ въ самомъ пониманіи принципа рабочаго контроля. Послѣ двухъ недѣль существованія комиссія прекратила 5 окт. свои засѣданія, предоставивъ сторонамъ выступить самостоятельно съ ихъ проектами.

Проектъ итальянской Конфедерации Труда *) удѣляетъ весьма мало вниманія фабричнымъ комитетамъ, — т. н. «нутрейнимъ комиссіямъ». Ихъ функціи весьма ограничены, онѣ сводятся къ представительству рабочихъ и служащихъ въ переговорахъ съ предпринимателемъ по вопросамъ внутренняго распорядка; никакой роли въ контролѣ надъ предпріятіемъ внутренняя комиссія, въ противоположность нѣмецкому Betriebsrat, не несетъ. Функціи контроля долженъ выполнять стоящій извнѣ предпріятія синдикатъ, этотъ «наиболѣе авторитетный, отвѣтственный, компетентный выразитель воли рабочаго класса». Контрольныя функціи должны принадлежать исключительно синдикату; безъ какого бы то ни было участія представителей промышлен-

---

*) «Le projet du loi sur contro. ouvrier en Italie», изд. Bur. Int. du Trav.

ности, через т. н. «синдикальних контролерів», вводимих в состав административного совѣта підприємтя. Путемъ выборовъ изъ среды синдикальних контролеровъ должна быть создана в каждой отрасли промышленности высшая контрольная комісія, одной изъ задачъ которой является изученіе «возможности перехода отъ капиталистической системы производства къ кооперативной, включающей всѣхъ промышленныхъ рабочихъ».

Въ противовѣсъ этой законченной революціонно-синдикалистской идеологіи чисто рабочаго контроля промышленники выдвинули въ своемъ проектѣ идею смѣшанныхъ національныхъ комісій (изъ представителей рабочихъ, предпринимателей и государства). Близкія по структурѣ и компетенціи высшимъ инстанціямъ Уитлеевскихъ комитетовъ въ Англіи, эти національныя комісії должны сосредоточивать контроль въ предѣлахъ отдѣльныхъ отраслей промышленности въ цѣломъ.

Въ виду выяснившейся невозможности согласованія двухъ точекъ зрѣнія, правительству не оставалось ничего иного, какъ выработать законопроектъ самостоятельно, въ извѣстной мѣрѣ утягивая требованія обѣихъ сторонъ. 24-го января текущаго года законопроектъ о рабочемъ контролѣ, выработанный самимъ Джіолитти лично, былъ утвержденъ совѣтомъ министровъ, а 9 февраля внесенъ въ палату депутатовъ.

По проекту Джіолитти, рабочей контролѣ имѣеть цѣлю: а) предоставить рабочимъ возможность знать условія дѣятельности підприємтя; б) способствовать улучшенію положенія рабочихъ, въ отношеніи пріобрѣтенія техническихъ знаній, повышенія моральнаго и экономического уровня, с) обезпечить соблюденіе законовъ объ охранѣ труда; d) содѣйствовать улучшенію методовъ производства; е) способствовать установленію болѣе нормальныхъ и мирныхъ отношеній между предпринимателями и рабочими.

Въ каждой изъ 11 главнѣйшихъ отраслей промышленности*) создаются центральныя органы трехъ родовъ: рабочіе, которые и являются собственно контролируемыми, предпринимательскіе и образующіеся изъ соединенія предыдущихъ — смѣшанные.

Центральныя рабочія контрольныя комісії состоятъ изъ шести представителей рабочихъ и трехъ представителей слу-

---

*) Не подпадаютъ подъ дѣйствіе закона о рабочемъ контролѣ підприємтя съ числомъ рабочихъ менѣе 60, казенныя и муниципальныя підприємтя, а также вновь образовавшіяся промышленныя въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ ихъ существованія.

жащихъ, инженеровъ и техниковъ, — избираемыхъ срокомъ на три года. Для осуществленія контроля на мѣстѣ, въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ центральная контрольная коммиссія делегируетъ свои права двумъ или болѣе рабочимъ даннаго предпріятія, преимущественно изъ прослужившихъ въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ.

Коммиссія имѣетъ право требовать свѣдѣній, касающихся: а) стоимости сырья; б) стоимости производства; с) методовъ управленія; d) методовъ производства, за исключеніемъ техническихъ секретовъ; е) заработной платы; f) способовъ образованія капитала; g) прибылей предпріятія; h) соблюденія законовъ объ охранѣ труда и регламентовъ о наймѣ и увольненіи рабочихъ. Свѣдѣнія финансоваго и коммерческаго характера могутъ быть сообщаемы лишь относительно уже законченныхъ операций.

Для контакта съ рабочей контрольной коммиссіей промышленности данной отрасли также избираютъ девятичленную коммиссію. Обѣ коммиссіи взаимно делегируютъ по два представителя съ совѣщательнымъ голосомъ.

Не менѣе одного раза въ годъ обѣ коммиссіи, рабочая и предпринимательская, устраиваютъ совмѣстное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ представителя Высшаго Совѣта Труда, *) для обсужденія улучшеній въ промышленности и увеличенія

*) Высшій Совѣтъ Труда существуетъ въ Италіи съ 1902 г. Весьма сложный по своему составу и включающей небольшую группу представителей рабочихъ, В. С. Т. имѣлъ цѣлью изученіе вопросовъ, касающихся отношеній между предпринимателями и рабочими, а также улучшенія условій труда.

Въ настоящее время В. С. Т. кореннымъ образомъ реформируется. По проекту министра труда, извѣстнаго теоретика синдикалиста А. Лабріолы, внесенному 10. XI. 1920 въ палату депутатовъ, В. С. Т. превращается въ крупное государственное учрежденіе, своего рода «промышленный парламентъ» В. С. Т. составляетъ по принципу паритета двухъ классовъ и состоитъ изъ 126 членовъ, избираемыхъ на 4 года. Избираютъ представителей въ В. С. Т. только *организованные* рабочіе и организации предпринимателей всѣхъ отраслей промышленности (въ томъ числѣ и сельскаго хозяйства). Помимо прежнихъ функцій изученія всѣхъ проблемъ, касающихся труда, В. С. Т. получаетъ право производить разслѣдованіе относительной стоимости производства въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ и правъ контроля надъ соблюденіемъ законовъ объ охранѣ труда; онъ, кроме того, даетъ заключенія по законопроектамъ социальнаго характера и выступаетъ въ качествѣ арбитра во всѣхъ наиболѣе важныхъ промышленныхъ конфликтахъ.

Итальянская Конфедерация Труда идетъ въ своихъ требованіяхъ еще дальше. Она настаиваетъ, чтобы В. С. Т., построенный на представительствѣ классовъ, получилъ характеръ высшаго законодательнаго учрежденія; такимъ образомъ, В. С. Т., замѣнивъ собою Сенатъ, долженъ былъ бы играть роль второй палаты по отношенію къ палатѣ депутатовъ.

производительности труда, а также для разрешенія конфликтовъ, связанныхъ съ примѣненіемъ рабочаго контроля. По соглашенію же обѣихъ комиссій и Высшаго Совѣта Труда устанавливаются правила найма и увольненія рабочихъ и служащихъ. Конфликты въ связи съ увольненіемъ рабочихъ разбираются особой согласительной комиссіей.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе итальянскаго законопроекта о рабочемъ контролѣ. Бросаются въ глаза черты сходства его съ германской системой контроля, какъ она намѣчается ст. 165-ой имперской конституціи. Центральной рабочей контрольной комиссіи и комиссіи смѣшанной соотвѣствуетъ въ германской схемѣ Федеральный Рабочій Совѣтъ и Федеральный Хозяйственный Совѣтъ. Существеннымъ отличіемъ обоеихъ законодательствъ является разница компетенціи мѣстныхъ фабричныхъ совѣтовъ: въ то время какъ Betriebsrat осуществляетъ также функціи контроля, итальянскія «внутреннія комиссіи» законопроектомъ Джіолитти оставляются въ тѣни, являясь лишь органомъ представительства рабочихъ въ ихъ отношеніяхъ съ предпринимателемъ.

Какъ всякій компромиссъ, законопроектъ Джіолитти не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны.

Федерация промышленниковъ отнеслась къ нему рѣзко отрицательно. Проведеніе законопроекта въ жизнь грозитъ, по ея мнѣнію, полнымъ крушеніемъ современной экономической системы. Федерация заявляетъ, что, вмѣсто сближенія и сотрудничества рабочихъ съ предпринимателемъ, рабочій контроль въ томъ видѣ, какъ его вводитъ Джіолитти, особенно при «революціонныхъ, разрушительныхъ и грабительскихъ тенденціяхъ Конфедерации Труда и социалистической партіи», приведетъ къ еще болѣе жестокимъ столкновеніямъ и внесетъ еще большую анархію въ производство.

Разочарована и Конфедерация Труда въ своихъ ожиданіяхъ, что законодательство санкціонируетъ чистый синдикальный контроль, который «рѣшительно и окончательно перемѣститъ социально-экономическую ось современной системы производства» и сдѣлаетъ неизбежной въ ближайшемъ будущемъ социализацію ея. «Поэтому», заявляетъ Бальдези, генеральный секретарь Конфедерации Труда, — «правительственный законопроектъ способенъ скорѣе повредить производству, чѣмъ улучшить его условія».

Надо полагать, что сужденія обѣихъ группъ не свободны отъ преувеличеній, вызванныхъ возбужденіемъ борьбой, и что жизнь покажетъ то положительное значеніе для производства, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ имѣть итальянскій законъ о рабочемъ контролѣ.

Приведенныя выше данныя рисуютъ крайне пеструю картину тѣхъ новыхъ учреждений, которыя за послѣдніе годы возникли въ промышленности Западной Европы и Америки и являются въ той или иной мѣрѣ осуществленіемъ конституціоннаго начала въ сферѣ отношеній между трудомъ и капиталомъ. Но, при всемъ внѣшнемъ ихъ разнообразіи въ отдѣльныхъ странахъ, эти учреждения, служащія выраженіемъ одной и той же исторической тенденціи къ демократизаціи промышленности, имѣютъ много общихъ чертъ какъ по своей структурѣ, такъ и по внутреннему содержанию.

Если свести въ одну общую схему осуществляемые въ разныхъ странахъ фрагменты ея, то получится слѣдующее.

Въ отдѣльныхъ предприятияхъ существуютъ или чисто рабочіе комитеты (Германія, Италія), или смѣшанные съ участіемъ представителей предпринимателя (Англія), или и тѣ и другіе одновременно (Америка). Чисто рабочіе комитеты или совѣты обладаютъ различной компетенціей; то они являются чисто представительнымъ органомъ рабочихъ даннаго предприятия для сношеній съ администраціей, то совѣты, какъ въ германской системѣ, получаютъ рядъ контрольных правъ не только въ отношеніи условій труда, но и надъ хозяйственной дѣятельностью предприятий. Но *нигдѣ мѣстные совѣты или комитеты не обладаютъ правомъ непосредственнаго вмѣшательства въ административныя, техническія, финансовыя или коммерческія распоряженія предпринимателя.* Смѣшанные комитеты служатъ какъ для ознакомленія рабочихъ съ производственными и коммерческими условіями предприятий, такъ, главнымъ образомъ, для устраненія конфликтовъ между рабочими и предпринимателемъ. Лишь черезъ смѣшанные комитеты могутъ рабочіе проводить желательныя для нихъ измѣненія условій труда.

Функции контроля въ болѣе точномъ смыслѣ слова обычно входятъ въ компетенцію не мѣстныхъ комитетовъ, а только высшихъ (окружныхъ, національныхъ). Участвовать въ той или иной мѣрѣ въ регулированіи промышленности рабочіе могутъ лишь черезъ своихъ представителей въ высшихъ смѣшанныхъ органахъ (Италія, Германія, Англія).

Выше мы неоднократно указывали, что дѣлать выводы о цѣнности новыхъ методовъ рабочаго движенія на основаніи ихъ примѣненія на практикѣ — преждевременно. Въ настоящее

время предварительное отношеніе къ нимъ можно установить исходя лишь изъ общихъ принциповъ.

Капиталистическая система, такъ, какъ она существовала до войны, покоящаяся на томъ, что человѣчскій трудъ и естественныя богатства служатъ не благу всего общества, а для обогащенія ничтожнаго меньшинства народа, — становится все въ болѣе рѣзкое противорѣчіе и съ интересами, и съ моральнымъ сознаніемъ человѣчества. На очередь дня въ рядѣ странъ поставлено послѣдовательное, въ теченіе длительного срока и съ величайшей осторожностью и постепенностью проводимое обобществленіе производства. Предпосылкой для успѣха этого экономически здороваго движенія является не только техническая «зрѣлость» той или иной отрасли промышленности, но въ еще большей степени всесторонняя подготовленность рабочаго класса для отвѣтственной роли сознательнаго участника въ организаціи производства. Великое социальное воспитательное значеніе «демократизаціи» промышленности заключается въ томъ, что активнымъ и одареннымъ представителямъ трудящихся дается возможность на опытѣ изучить сложный механизмъ современнаго хозяйственнаго строя. При этомъ демократизація промышленности не противопоставляется какимъ-либо идеаламъ обобществленнаго производства, а является необходимой подготовительной стадіей, предпосылкой дальнѣйшаго развитія.

Какая же роль при этомъ выпадаетъ на долю фабричныхъ совѣтовъ? Каково ихъ взаимоотношеніе съ существовавшей до сихъ поръ традиціонной формой рабочаго движенія, — съ профессиональными союзами?

Не слѣдуетъ думать, будто съ появленіемъ фабричныхъ совѣтовъ въ рабочее движеніе вносится какой то новый принципъ, новое чудодѣйственное начало. Главнымъ и основнымъ словомъ классової борьбы остается профессиональный союзъ. Значеніе фабричныхъ совѣтовъ лишь временно и преходяще. Они восполняютъ лишь недостаточную профессиональную организованность массъ. Тамъ, гдѣ въ предѣлѣ мыслится полное поглощеніе синдикатомъ всей массы рабочихъ данной профессіи, — не будетъ мѣста фабричнымъ совѣтамъ, они, какъ всякій параллелизмъ, излишни и вредны. Задачи, выдвинутыя современной эпохой передъ рабочимъ движеніемъ, требуютъ вовлеченія *всей* массы рабочихъ; фабричные совѣты, въ рукахъ профессиональныхъ союзовъ, являются орудіемъ охвата этой массы.

Въ органической связи съ проф. союзами и лежитъ залогъ успѣха системы фабричныхъ совѣтовъ. Ихъ подчиненіе цѣлямъ,

чуждымъ профессиональному движенію, — будь то со стороны американскихъ предпринимателей или нѣмецкихъ коммунистовъ, искажаетъ положительное значеніе фабричныхъ совѣтовъ.

Болѣе сложенъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ рабочихъ совѣтовъ съ предпринимателями во всевозможныхъ смѣшанныхъ органахъ. Мы уже отмѣчали возможные на практикѣ злоупотребленія; они двоякаго рода: или предприниматель, при малой сознательности рабочихъ, используетъ совѣты и смѣшанные комитеты для борьбы противъ проф. союза, — или же соглашеніе предпринимателя съ рабочими будетъ направлено противъ потребителя, общества. Контроль синдиката въ первомъ случаѣ и государства во второмъ необходимы для того, чтобы парализовать эти тенденціи.

Но противъ смѣшанныхъ органовъ выдвигаются возраженія и принципиальнаго характера; крайніе сторонники принципа классовой борьбы видятъ въ нихъ недопустимое «сотрудничество классовъ», «соглашательство» и пр. Такого рода предостереженія раздаются со стороны радикально настроенныхъ тредюнионистовъ въ Англии, вліятельнаго союза металлистовъ въ Германіи и пр.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе основательности критики подобнаго рода. Поскольку рѣчь идетъ о классовой борьбѣ въ рамкахъ существующаго строя, — наличіе несомнѣннаго классоваго антагонизма между рабочими классомъ и предпринимателями не можетъ устранить относительной солидарности ихъ интересовъ, когда рѣчь идетъ о сохраненіи и дальнѣйшемъ развитіи самой базы существованія обоихъ классовъ, — *производства*. Сейчасъ, когда Европа стоитъ передъ необходимостью залечивать ужасныя раны, нанесенныя ея хозяйству войной, благотѣльны всякія средства, могущія придать классовой борьбѣ менѣе разрушительный для производительныхъ силъ характеръ. Если съ обѣихъ сторонъ найдется достаточно сознательности, чтобы добросовѣстно и безъ заднихъ мыслей использовать всѣ намѣчающіеся пути мирной соціальной реформы, человечество будетъ избавлено отъ неизбежныхъ потрясеній насильственной соціальной революціи, этой «*forme barbare du progrès*», говоря словами Жореса.

* * *

Возвращеніе Россіи на путь нормальнаго общественнаго развитія неизбежно. «Капитализмъ есть *зло* по сравненію съ социализмомъ, но онъ — *добро* въ сравненіи съ средневѣковъ-

емъ», *) — эту банальную истину глубокомысленно провозглашаютъ теперь сами виновники возвращенія Россіи къ мраку средневѣковья. Дорого обошлось русскому народу обученіе большевиковъ азбучнымъ истинамъ политической экономіи.

Долго-ли еще возможно уродливое сочетаніе партійной диктатуры своеобразныхъ русскихъ «коммунистовъ» съ возстановленіемъ буржуазно-капиталистическаго строя, — мы не знаемъ. Но въ характерѣ конечнаго результата неизбѣжнаго историческаго процесса сомнѣній быть не можетъ.

Опытъ Зап. Европы въ примѣненіи новыхъ методовъ организаціи промышленности долженъ быть учтенъ и для Россіи. Конечно рѣчь можетъ идти лишь о вдумчивомъ и осторожномъ приложеніи началъ «демократизма» въ промышленности, примѣняясь къ хозяйственнымъ и культурнымъ условіямъ возрождающейся Россіи, а не о догматическомъ воспроизведеніи послѣднихъ словъ рабочаго законодательства передовыхъ странъ. И а priori должны быть признаны негодными всѣ схемы, прямо или косвенно являющіяся выраженіемъ *диктатуры* пролетаріата.

Не слѣдуетъ забывать о зловѣщей роли, которую сыграла въ 1917 г. въ разрушеніи русской промышленности специфически-большевистская идея рабочаго контроля, осуществляемаго фабрично-заводскими комитетами. Излишне говорить, что немедленное уничтоженіе его явилось бы необходимымъ условіемъ возрожденія промышленности, — если бы его уже давно не уничтожили сами большевики.**)

*) Изъ статьи Ленина въ журналѣ «Красная Новь».

**) Вотъ три характерныя выдержки изъ официальныхъ документовъ Совѣтской власти. Декретъ въ октябрѣ 1917 г., немедленно послѣ переворота: «Органы рабочаго контроля (въ томъ числѣ и ф.-з. комитеты. В. Р.) имѣютъ право надзора за производствомъ, установленія производственнаго минимума, опредѣленія себѣ стоимости продукта... Коммерческая тайна отменяется. Постановленія органовъ рабочаго контроля для предпринимателя о б я з а т е л ь н ы...» Общеизвѣстно, какъ далеко за предѣлы даже этой широкой формулы вышла практика присвоенія предпріятій рабочими. — Но уже въ началѣ 1918 г. Всер. Конф. Проф. Союзовъ постановляетъ: «Рабочій контроль ни въ коемъ случаѣ не означаетъ перехода предпріятій въ руки рабочихъ... Предприниматель несетъ отвѣтственность за управленіе, коммерческую и дѣловую сторону предпріятія. Контрольная коммиссія н е п р и н и м а е т ь никакого участія въ управленіи предпріятіемъ...» (L o s o w s k y. Aufgaben und Entwicklung der Betriebsraete in Russland). Наконецъ, вотъ какъ ограничиваетъ задачи фабрично-заводскихъ комитетовъ постановленіе Всер. Центр. Бюро Проф. Союзовъ въ концѣ 1920 г. Въ ихъ функціи входитъ: «работа по сплоченію въ единую производственную организацію всѣхъ рабо-

ошибкой изъ понятнаго отвращенія къ большевистскимъ методамъ и изъ-за совпаденія въ терминологіи, не оцѣнить положительнаго значенія демократизаціи промышленности, какъ фактора социальнаго прогресса.

В. Рудневъ.

чихъ и служащихъ даннаго предпріятія; проведеніе установленной Союзомъ трудовой дисциплины., представительство въ различныхъ учрежденіяхъ отъ имени рабочихъ и служащихъ. Въ области организаціи производства ф.-з. комитетъ, не вмѣшиваясь въ распоряженіе заводоуправленія, наблюдаетъ за выполненіемъ производственныхъ плановъ, участвуетъ съ совѣщательнымъ голосомъ въ обсужденіи заводоуправленіемъ всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ производственной жизни предпріятія, наблюдаетъ за приѣмомъ и увольненіемъ рабочихъ... представляетъ трудовыя сводки, привлекаетъ рабочихъ и служащихъ къ трудовой повинности по указаніямъ мѣстнаго комтруда и т. д.» Выборы въ ф.-з. комитетъ могутъ быть кассированы союзомъ, избранные подлежатъ утвержденію союзомъ. («Эк. Жизнь» 18.XI.1920).

На Родинѣ.

(Судьбы революціи).

I. Эпоха великихъ реформъ рабоче-крестьянскаго правительства. — Уступки «крестьянскому сословію». — Милости рабочимъ. — Итоги реформъ. — Экономика и политика. — Назадъ, къ Дюрингу. — II. Историческое пріятіе по-октябрьскаго періода революціи. — Панлогизмъ меньшевиковъ и алогизмъ большевиковъ. — Генеалогическое родство и политическое сходство. — Иллюзія, парализующая волю. — III. «Историческая цѣльность русской смуты». — Отпавшіе и ушедшіе отъ революціи. — Плоды октября и корни марта. — «Умѣренные социалисты», какъ источникъ зла. — IV. Проеція будущаго. — Мирная эволюція. — Нео-реставрація. — Термидоръ. — Бонапартизмъ. — Условное рѣшеніе. — «Война роялистамъ и террористамъ», какъ условіе возстановленія Россіи.

Въ дни возстанія въ Кронштадтѣ въ Москвѣ происходили засѣданія съѣзда коммунистической партіи. На этомъ, десяткомъ по счету, съѣздѣ коммунизмъ въ томъ обличьи, которое ему придали большевистская власть и російскій бытъ, капитулировалъ открыто, официально и *принципально*.

Случайно-ли совпали во времени или причинной зависимостью связаны кронштадтское возстаніе и капитуляція російскаго коммунизма, какъ хозяйственной системы, это представляеть второстепенный интересъ. Капитуляція вызывалась, вѣроятно, и объективнымъ положеніемъ и, одновременно съ тѣмъ, субъективнымъ расчетомъ. Объективно существованіе Совѣтской Россіи съ часу на часъ становилось настолько тяжелымъ и беспросвѣтнымъ, что официальное признаніе того, что есть и что давно уже перестало быть секретомъ для кого-бы то ни было, — не могло ухудшить положенія. Всякая перемѣна, казалось, имѣла преимущество передъ тѣмъ, что есть .. Съ

другой стороны, въ свѣтъ, особенно, кронштадтскихъ событій не могъ не сказаться излюбленный расчётъ власти, попавшей въ затруднительное положеніе, — попытаться, хотя-бы и запоздалой, реформой сверху предотвратить, ослабить или отсрочить движеніе снизу, по своимъ цѣлямъ бьющее гораздо дальше того, что, въ качествѣ предѣловъ своихъ уступокъ, намѣчаетъ капитулирующая власть.

Капитуляція касалась лишь экономической стороны коммунизма, преимущественно той ея области, которая непосредственно соприкасается съ продовольствованіемъ населенія и арміи.

На X съѣздѣ коммунистовъ было постановлено замѣнить систему разверстки, т. е. обязательной поставки коллективомъ и мѣстностью устанавливаемаго произвольно властью количества продуктовъ, продовольственнымъ налогомъ, взимаемымъ въ натурѣ въ опредѣленной заранѣ долѣ къ собранному производителемъ количеству злаковъ и т. п. Власть оставила за собой право собирать зерно для питанія лишь арміи и городского, «служилага» населенія. По отношенію-же къ прочему населенію — за исключеніемъ столичнаго и такихъ промышленныхъ центровъ, какъ Иваново-Вознесенскъ — власть освобождала себя отъ доставленія хотя-бы и минимальныхъ пайковъ, «сняла съ государственнаго снабженія». Населенію предоставлялось самому обезпечивать себѣ продовольствіе, приобретая его самостоятельно и непосредственно у производителя. Право «купли» для собственныхъ нуждъ, такимъ образомъ, возвращалось большинству населенія. «Продажа»-же разрѣшалась лишь извѣстной части мелкихъ землевладѣльцевъ, да и то — «въ предѣлахъ мѣстнаго хозяйственнаго оборота». Тѣмъ самымъ, хотя и въ спутанной, ограниченной и условной формѣ, возстановлялась и легализовалась *свободная торговля*.

Эта легализація знаменуетъ собою капитуляцію коммунизма не только потому, что именно на борьбѣ противъ свободной торговли совершенствовалась въ теченіе грехъ съ половиной лѣтъ вся энергія, все творчество и выдумка террористическаго коммунизма, но и потому, что легализація свободной торговли объективно означаетъ легализацію основнаго стержня буржуазно-капиталистическаго строя. И раньше не разъ приходилось большевизму капитулировать. Достаточно напомнить хотя-бы недавній декретъ 23 ноября 1920 г., которымъ предоставлялось, въ качествѣ «продовольственныхъ концессій», иностраннымъ капиталистамъ — «помѣщикамъ изъ иностранцевъ» свыше 3 милліоновъ десятинъ бывшей частновладѣльческой и государственной земли въ Самарской и Ставропольской губерніяхъ, Уральской, Донской и Кубанской областяхъ. Но прежнія ка-

питуляціи сопровождалась всегда указаніемъ на кратковременность очередной «передышки». Прежде въ такихъ случаяхъ зывали къ «героическимъ средствамъ» и къ примѣненію «жельзнныхъ рукавицъ» къ врагамъ и къ друзьямъ. «За три года непрерывной борьбы мы такъ опустились, — писала «Правда» наканунѣ кронштадтскаго возстанія, — что для того, чтобы намъ подняться, намъ нужна палка и принужденіе. Надо впустить сильный токъ возбужденной энергіи въ наши уставшія головы, въ наши ослабѣвшіе мускулы, въ наши согбенныя спины. Мы находимся въ состояніи паралича». Тутъ еще виденъ просвѣтъ—«единый планъ электрофикаціи», прилагаемый, очевидно, въ первую очередь къ уставшимъ головамъ, ослабѣвшимъ мускуламъ и согбеннымъ спинамъ «отвѣтственныхъ работниковъ» большевизма... Существенно новое въ позиціи, занятой большевистскою властью послѣ Кронштадта, состоитъ въ принципиальномъ обоснованіи цѣлесообразности отхода отъ коммунизма, зачастую принимающемъ формы обвинительнаго акта протівъ коммунистовъ и защиты навывокъ «буржуазной стихіи».

Какъ обыкновенно бывало, и это новое слово впервые формулировалъ Ленинъ. По камертону учителя и вождя выравнивались солисты, настроились вторые голоса и хористы большевистской труппы.

На X съѣздѣ Ленинъ говорилъ :

«Кто мечталъ, что въ три года можно перестѣлать экономическую базу, экономическіе корни мелкаго земледѣлія, — тотъ былъ фантазеръ; и нечего грѣха таить, такихъ фантазеровъ въ нашей средѣ было не мало.

...Свобода оборота это есть свобода торговли, а свобода торговли значитъ *назадъ къ капитализму* (курсивъ мой, а не № 60-68 «Красной Газеты». — М. В.)

...Лозунги свободы торговли и Учредилки означаютъ, что еуть движенія въ бунтѣ анархо-мѣщанской стихіи. И этой стихіи придется сдѣлать уступки, какъ придется сдѣлать ихъ капиталистической стихіи вышшняго міра.

...Не того надо бояться, что мелкая буржуазія и мелкій капиталъ вырастаютъ. Надо бояться того, что слишкомъ долго продолжается состояніе нужды, недостатка продуктовъ, изъ котораго вытекаетъ уже обезсиленіе пролетаріата, невозможность для него противостоять стихіи мелко-буржуазныхъ колебаній... Мы должны признать, что той формы отношеній, которой крестьянство не хочетъ, — не будетъ».

Свою новую позицію Ленинъ имѣлъ возможность развить и дополнить въ рядѣ послѣдующихъ выступленій. На съѣздѣ союза рабочихъ желѣзнодорожнаго и воднаго транспорта, собравшемся въ Москвѣ въ послѣднихъ числахъ марта, Ленинъ аргументировалъ необходимость уступокъ «мелко-буржуазной

анархической стихіи» крестьянства въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Русская деревня выравнялась, въ ней убавилась доля крупныхъ посѣвщиковъ и безпосѣвщиковъ и увеличилось хозяйство средняковъ. Наша деревня стала за это время болѣе мелко-буржуазной.

Эта сила сама собою руководить не можетъ: она идетъ либо подъ руководствомъ пролетаріата, либо подъ руководствомъ капитализма, — середины нѣтъ. Кронштадтскія событія освѣтили настроеніе этой силы. Она колеблется. Она особенно устала за годы революціи.

Экономическія условія этой массы таковы, что объединиться и сплотиться сама она не можетъ. Это ясно для всякаго, кто не отдаетъ себя во власть пустыхъ словъ о всенародномъ голосованіи, объ учредилковкѣ и тому подобной демократіи, которой народъ одурачивали сотни лѣтъ во всѣхъ странахъ, а у насъ сотни недѣль продѣлываютъ это эсэры и меньшевики и каждыйный разъ на эфтомъ самомъ мѣстѣ терпятъ провалъ (Апшлудисменты).

Мелко-буржуазная анархическая стихія сильнѣе насъ, это и является опасностью пролетарской диктатуры... Если мы не побѣдимъ, мы скатимся назадъ, какъ французская революція. Это неизбежно и надо смотрѣть, глазъ себѣ не засоряя и фразами не отговариваясь. Теперь нужно сдѣлать все, что можно, для облегченія положенія этой массы и сохранить пролетарское руководство». («Новый Міръ» отъ 13.ІV.21).

Наконецъ, на собраніи «секретарей и отвѣтственныхъ представителей коммунистическихъ ячеекъ г. Москвы и Московской губерніи» 14 апрѣля Ленинъ опредѣленно характеризуетъ новыя мѣропріятія совѣтской власти, какъ «возрожденіе капитализма», а существующій въ «соціалистической республикѣ» хозяйственный строй, какъ состоящій «по меньшей мѣрѣ изъ пяти различныхъ системъ или укладовъ, или экономическихъ порядковъ».

«Считая снизу до верху, они оазываются слѣдующими: первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работаетъ только на себя или если находится въ состояніи кочевомъ или полукочевомъ, а такихъ у насъ сколько угодно. Второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбываетъ продукты на рынокъ. Третье — капиталистическое; это появленіе капиталистовъ, небольшого частного-хозяйственнаго капитала. Четвертое — государственный капитализмъ. И пятое — социализмъ». («Новый Міръ» № 73 отъ 28-ІV-21).

Нужды нѣтъ, что «пятое» не многимъ отличается отъ... «перваго», т. е. отъ «патриархальщины». Ибо социализмъ, оказывается, это такой порядокъ. при которомъ «рабочіе на принадлежащихъ государству фабрикахъ сами собираютъ (?..М.В.) топливо, сырье и продукты или стараются распредѣ-

лять правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозять ихъ средствами транспорта».

Это маловразумительное, не только стилистически, утверждение сопровождается аналогичнымъ другимъ, по которому капитализмъ въ Совѣтской Россіи, хотя онъ покоится и на концессіяхъ иностранцамъ и на объединеніи не крупнаго, а мелкаго производства, тѣмъ не менѣе есть капитализмъ государственный.

«Конечно, свобода торговли означаетъ ростъ капитализма: изъ этого никакъ вывернуться нельзя. И кто вадумаетъ вывертываться и отмахиваться, тотъ только тѣшитъ себя словами. Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена, — появляется капитализмъ». — (Тамъ же.)

Но «страшенъ-ли намъ государственный капитализмъ?» «Страшна»-ли свободная торговля? «Страшны»-ли концессіи иностранному капиталу? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, — отвѣчаетъ самъ себѣ Ленинъ, потому что «мы имѣемъ въ рукахъ фабрики, заводы, транспортъ и заграничную торговлю», потому что «государственная власть остается въ рукахъ рабочаго класса».

Новые взгляды пастыря послушно, почти безъ всякаго сопротивленія были усвоены паствой. И не только вся коммунистическая партія стала сразу-же думать по-новому, — въ томъ-же направленіи стали дѣйствовать и верховные органы совѣтской республики. В. Ц. И. К. (Всеросс. Центр. Исполнит. Комитетъ) за подписью всего своего президіума и членовъ Совнаркома издалъ торжественное обращеніе къ крестьянству, въ духъ былыхъ высочайшихъ манифестовъ. «Реформы» мотивируются въ этомъ обращеніи слѣдующими соображеніями:

«Теперь,...когда Россія съ могущественными государствами міра разговариваетъ какъ равный съ равнымъ, когда могущественная Англія подписала съ нами торговое соглашеніе,... когда посредствомъ иностранной торговли мы можемъ получить для крестьянскаго сословія (?.. М. В.) продукты въ обмѣнъ на часть излишковъ его хозяйства, теперь наступилъ моментъ облегчить бремя крестьянскаго сословія (?...), несмотря на то, что мы могли бы столкнуться съ опасностью потерь драгоценныхъ завоеваній рабоче-крестьянской революціи».

Этотъ мотивъ тотчасъ-же подхватываютъ всѣ казенные публицисты, и всевозможныя «Извѣстія», «Правды» и прочія «Газеты» доказываютъ, что именно «теперь, когда врагъ отбитъ, когда мирные и торговые договоры обезпечиваютъ насъ отъ неожиданныхъ нападений», именно теперь — почему именно теперь? — «политика коммунистической власти» должна была «перемѣниться» (См., напр., «Деревенскую Правду» отъ 6. IV).

Болѣе сообразительные находятъ оправданіе новой поли-

тики въ томъ, чтобы въ мѣру силъ очернить свою прежнюю. «Разверстка не наше изобрѣтеніе, она была введена еще при царизмѣ», — доказывалъ Зиновьевъ совѣщанію крестьянскихъ представителей уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ совѣтовъ Петроградской губерніи, защищая «продналогъ».

Съ крестьянскаго сословія одно бремя снимается за другимъ. 423 милл. пудовъ хлѣба по разверсткѣ понижаются до 240 миллионѣвъ пудовъ по налогу. Круговая порука отмѣняется. Излишки предоставляется продавать не только «государственнымъ учрежденіямъ», но и «кооперативнымъ объединеніямъ», а въ извѣстныхъ случаяхъ, — въ условіяхъ «мѣстнаго хозяйственнаго оборота» — даже отдѣльнымъ гражданамъ. Возвѣщается возстановленіе независимости кооперативовъ. Издается декретъ объ обезпеченіи «за хозяевами» «постояннаго пользованія опредѣленнымъ участкомъ земли». Декретъ воспрещаетъ полные передѣлы раньше истеченія девятилѣтняго срока съ момента послѣдняго передѣла и безъ разрѣшенія «уѣзднаго земскаго отдѣла», а также и частные передѣлы. Виѣстѣ съ тѣмъ ставится на видъ «нѣкоторымъ земельнымъ органамъ» (?..), что «въ цѣляхъ использованія земли для устройства совѣтскихъ и коллективныхъ хозяйствъ они медлятъ изданіемъ постановленій, оформляющихъ пользованіе крестьянскимъ населеніемъ землями, которыя поступили имъ при распредѣленіи помѣщичьихъ земель».

Назначеніе всѣхъ этихъ актовъ не оставляетъ сомнѣній. Къ «скидкѣ» продовольственнаго крестьянскаго тягла присоединяется попытка умиротворить крестьянство, закрѣпивъ въ частное владѣніе фактическое пользованіе помѣщичьей землей. Это не только отказъ отъ «коммуни» въ сельскомъ хозяйствѣ, — внѣшнимъ выраженіемъ чего служитъ замѣна (съ 1 апрѣля) «Деревенской Коммуны» «Деревенской Правдой», удержавшей на виньеткѣ колоса и серпъ, но освободившейся отъ традиціоннаго молота. Это возвращеніе *назадъ къ капитализму*, въ формѣ мелкаго частнаго землевладѣнія.

Благодѣтельствуя не только крестьянъ. Благодѣтельствуютъ и рабочихъ. Декреты 9 апрѣля предусматриваютъ оплату рабочаго труда предметами, изготовляемыми или на фабрикѣ или заводѣ (такъ назыв. «нагурпремированіе»); потребителскимъ обществамъ предоставляется право свободной закупки и обмѣна чрезъ посредство Центросоюза; рабочимъ разрѣшается выдѣлка на заводѣ, въ сверхурочное время, «предметовъ широкаго потребленія»; устанавливается право свободного передвиженія. И т. п.

Словомъ, отказъ отъ прежней экономической политики по

всей линіи. Отказъ, конечно, не безъ лицемѣрія и двусмысленности. Капитулируютъ передъ капитализмомъ, но, по преимуществу, — передъ иностраннымъ. Признаютъ правомѣрность существованія мелкой буржуазіи, но только крестьянской. Допускаютъ торговыя отношенія, но въ формѣ обмѣна. Изъ двухъ лозунговъ, выставленныхъ «анархо-мѣщанской стихіей», о которыхъ напомнилъ Ленинъ на коммунистическомъ съѣздѣ, большевистская власть капитулировала передъ первымъ, экономическимъ—передъ «свободой торговли» для того, чтобы предотвратить, хотя-бы такой цѣной, невозможную для нея капитуляцію передъ вторымъ, политическимъ лозунгомъ— «Учредилкой». Тѣмъ самымъ въ значительной мѣрѣ заранѣе обрекались на неуспѣхъ всѣ реформы хозяйственныхъ отношеній даже въ томъ, нереальномъ для большевистской власти случаѣ, если бы она пыталась добросовѣстно слѣдовать новому курсу.

Та недолгая практика, которая успѣла обнаружиться со времени объявленія новаго курса, успѣла уже подтвердить правильность апріорныхъ предположеній. Даже большевистскіе офиціозы уже не рѣшаются скрывать ставшую очевидной неудачу своихъ реформъ.

Не приходится подчеркивать своеобразіе примѣненія новыхъ декретовъ въ зависимости отъ усмотрѣнія примѣняющихъ декреты властей. Губерніи производящія сопротивляются натиску двинувшагося на нихъ населенія губерній потребляющихъ, угрожающему собственному ихъ существованію. Украина не проводитъ вовсе новыхъ декретовъ или такъ ихъ видоизмѣняетъ, что основная ихъ суть утрачивается. Донская область и Сѣверный Кавказъ «признали необходимымъ сохранить дѣйствіе заградительныхъ отрядовъ на прежнихъ основаніяхъ» («Красная Газета» отъ 17. IV.). Краевой экономической совѣтъ въ Ростовѣ н/Д. для увеличенія числа строительныхъ рабочихъ постановилъ вербовать нужные кадры изъ числа прибывающихъ съ сѣвера одиночекъ мѣщечниковъ. Народный комиссариатъ продовольствія уже успѣшилъ разъяснить, что декретъ о свободномъ обмѣнѣ не распространяется на Сибирь, Кавказъ, Туркестанъ и Украину.

Нѣкоторое представленіе о формахъ, которыя принимаетъ этотъ до-капиталистическій способъ продовольствованія собственными средствами, даютъ описанія совѣтскихъ офиціозовъ.

«На желѣзныхъ дорогахъ образовалось огромное скопленіе мѣщечниковъ. Принимаются самыя рѣшительныя мѣры для недопущенія этихъ скопленій, угрожающихъ срывомъ перевозки наиболѣе важныхъ грузовъ. Высшій совѣтъ по перевозкамъ разрѣшилъ произвести перевозку

скопившихся на украинскихъ ж.-д. путяхъ мѣшечниковѣ, съ предоставленіемъ имъ для этой цѣли одного поѣзда на сутки съ указаніемъ маршрута по усмотрѣнію округа путей сообщенія.

Нынѣ добиваются послѣдніе остатки того исправнаго паровознаго парка, какимъ обладала республика». («Экономическая Жизнь» № 85).

Предѣлъ безпомощности совѣтской политики сказывается въ томъ, что, не успѣла она издать новые декреты, какъ уже понадобились новѣйшіе, для борьбы съ бѣдствіемъ, созданнымъ только что изданными декретами. Понадобился декретъ, устанавливающій «нормы» желѣзнодорожнаго багажа для совершеннолѣтнихъ (10 пудовъ) и несовершеннолѣтнихъ (5 п.), ручнаго багажа (не болѣе 2 п.) и продовольственнаго (не болѣе 1 п.). Вслѣдъ затѣмъ понадобился особый карательный декретъ, изданный, неизвѣстно по какому праву, на основаніи «заключенія» Совѣта труда и обороны «о необходимости привлеченія къ отвѣтственности лицъ, которыя нарушаютъ правила ѣзды на желѣзныхъ дорогахъ». «Лица, ѣдущія на паровозахъ или платформахъ вагоновъ, а также желѣзнодорожники, которые это допускаютъ, будутъ наказываться пятью годами заключенія въ концентраціонномъ лагерѣ».

Самоочевидно, что и этимъ декретамъ предопредѣлена судьба предыдущихъ. Съ ними никто, и прежде всего, конечно, сама власть, не станетъ считаться, ибо въ противномъ случаѣ — желѣзнодорожное движеніе остановилось-бы автоматически, за перемѣщеніемъ всего желѣзнодорожнаго персонала въ концентраціонные лагери на 5 лѣтъ... Такъ фатально срывается всякая мѣра, которую пытается осуществить большевистская власть. Къ чему-бы ни прикоснулась ея мертвящая рука, лучшее намѣреніе, цѣлесообразнѣйшее начинаніе, — все обречено на тлѣнъ и разсыпается въ прахъ въ бездушной атмосферѣ произвола и насилія. Утрачивается значеніе того, что осуществляется, *содержаніе* реформъ. Сохраняется значеніе за тѣмъ, *кто* и *какъ* производитъ реформу. Въ этомъ опредѣленную роль играетъ, конечно, психологія подвластныхъ. Но не въ меньшей мѣрѣ — и сопротивленіе окружающей среды, объективно препятствующей прежнимъ людямъ прежними методами осуществлять то, уничтоженіе чего утверждалось ранѣе, какъ историческое назначеніе и этихъ людей, и присущихъ имъ методовъ.

Большевистскія реформы не создали, онѣ и не могли создать, необходимаго для успѣха всякой реформы воодушевленія и вѣры въ ея цѣлесообразность. Онѣ ухудшили прежнее положеніе. И не только въ отношеніи къ транспорту, но и къ росту спекуляціи и общему подъему цѣнъ.

«Нѣкоторое, правда, очень слабое паденіе цѣнъ послѣ снятія по Московской губерніи продовольственныхъ отрядовъ, теперь, послѣ изданія декрета о свободномъ обмѣнѣ, — пишетъ «Продовольственная Газета» № 61, — вмѣсто дальнѣйшаго паденія, какъ можно было ожидать, смѣняется замѣтнымъ вздорожаніемъ. Объясняется это тѣмъ, что мелко-буржуазный обыватель, больше всего ожидавшій свободы торговли, кинулся на рынокъ съ остатками своихъ домашнихъ ненужностей, надѣясь обмѣнять ихъ на хлѣбъ, и закупилъ рыцки и плошадя».

«Самъ» Стекловъ вынужденъ констатировать:

«Въ конечномъ итогѣ получается не пониженіе цѣнъ, а лишь наполненіе кармановъ нѣкоторыхъ особенно ловкихъ спекулянтовъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются нареканія по поводу результатовъ свободной торговли. Жалуются не только рабочіе, но также бѣднѣйшіе крестьяне». («Извѣстія», В. Ц. И. К. отъ 6.v.921).

То же явленіе отмѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ.

«Большинство продуктовъ питанія повысилось въ цѣнѣ на много разъ, — замѣчаетъ Петроградская «Красная Газета». Особой радости отъ вольной продажи на лицахъ рабочихъ и работницъ увидѣть нельзя. Скорѣе можно подмѣтить обратное — разочарованіе».

Множественность и спутанность декретнаго творчества вызвали не только обычные разномыслія и тренія между отдѣльными вѣдомствами, но и въ предѣлахъ cadaго изъ нихъ свое истолкованіе и свою практику примѣненія. Неудивительно, что и двухъ мѣсяцевъ не насчитываетъ еще эпоха реформъ, какъ плачевные ея итоги внесли еще большую смуту умовъ въ населеніе и въ правящую среду. Одни настаиваютъ на признаніи ошибочности послѣднихъ декретовъ, на скорѣйшей ихъ отмѣнѣ и возвращеніи къ прежней политикѣ «немедленнаго социализма». Другіе требуютъ послѣдовательности въ проведеніи новаго курса и возбуждаютъ вопросъ о распространеніи свободы торговли съ продовольствія на топливо и прочіе предметы первой необходимости, — на денационализацию не только торговли, но и промышленности и банковъ.

Большевистская власть топчется на мѣстѣ, мнется и колеблется, стремится удержаться на «средней» линіи, запутывая положеніе еще безнадежнѣе отдѣльными рѣшеніями отъ случая къ случаю. То снабженіе топливомъ сдается съ подряда частной инициативѣ; то продовольствованіе красныхъ столицъ — Москвы и Петрограда — возлагается на извѣстнаго мукомола Башкирова и въ свое время «высочайшаго поставщика» лекаря Филиппова; то возвращаются прежнимъ домовладѣльцамъ дома до 75 тыс. р. до-военной стоимости; то либеральный московскій совѣтъ легализуетъ открытіе колониальныхъ, мясныхъ

и зеленныхъ лавокъ, — продолжающихъ, конечно, пустовать, — и торговлю съ лотковъ и телѣжекъ.

Врядъ-ли кто искренне вѣрить, что на этой межеумочной позиціи можно будетъ задержаться хотя бы въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ. Сдѣланныя уступки не способны дать удовлетвореніе не потому, что слишкомъ требовательно и притязательно стало населеніе, а потому, что онѣ объективно не въ состояніи нисколько улучшить положеніе. Ну, въ чемъ, напримѣръ, измѣнится положеніе домовладѣльца отъ того, что ему вернуть въ совершенно негодномъ видѣ принадлежавшей ему когда то домъ? Очистка и ремонтъ, не говоря уже о включеніи въ разрушенную водопроводную и канализационную сѣть, не по силамъ самому предприимчивому и добросовѣстному домовладѣльцу. Возстановленіе разрушенныхъ жилищъ невозможно безъ общаго возстановленія промышленности, требующаго кредита, въ свою очередь требующаго хотя бы нѣкоторой устойчивости правопорядка, а не капризныхъ исканій власти, гарантирующей всѣмъ аппаратомъ Че-Ка авторитетную непререкаемость своихъ экономическихъ изысканій.

Чтобы измѣнить положеніе, мало сдѣлать болѣе рѣшительными и послѣдовательными уже сдѣланныя уступки; мало вообще однихъ экономическихъ уступокъ. Необходимы уступки и капитуляція *политическія*. Могутъ-ли на это пойти большевики, не идя сознательно на рискъ полного своего уничтоженія, не принявъ рѣшенія покончить самоубійствомъ? Здѣсь смыкаются всѣ начала и концы. Здѣсь корень вещей. Стоитъ только вынуть террористическій мундштукъ, стоитъ ослабить узду, — и всѣ большевистскія учрежденія расплзутся по швамъ, власть исчезнетъ, какъ дымъ. Только иностранцамъ можно внушать мысль о томъ, что Россія это — совѣтская Россія и, кромѣ большевистскихъ, никакихъ организованныхъ силъ въ Россіи нѣтъ и, помимо откровенно-монархическихъ, и быть не можетъ. Большевики обманываютъ другихъ, но не себя. И они придутъ на *все*, на какую угодно капитуляцію въ экономической области, но не на смягченіе политическаго режима...

Конечно, такіе, какъ Зиновьевъ, никогда не перестанутъ завѣрять, что «мы боремся не за власть, а за революцію» (см. отчетъ въ «Правдѣ» объ «общегородскомъ совѣщаніи представителей фабрикъ и заводовъ въ Петроградѣ»). Но вѣдь на то председатель въ Сѣверной Коммуны и бурбонъ, чтобы утверждать: «революція — это я!» На то онъ и извѣстенъ лицемѣриемъ, чтобы затушевывать то, что болѣе простоватый его коллега — председатель московскаго «совдепа» Каменевъ проговариваетъ почти совершенно отчетливо: «мы дѣлаемъ экономическую уступку для того, чтобы удержать

совѣтскую власть» («Правда» отъ 18. III. 921). Вмѣсто «совѣтскую», конечно, точнѣе было бы сказать, — свою, большевистскую власть, — но практика давно уже отождествила оба эти слова.

* * *

Когда большевики пришли къ власти, они видѣли смыслъ и оправданіе своихъ методовъ дѣйствія въ исторической необходимости привести въ соотвѣтствіе политическую форму съ будто бы назрѣвшей для немедленнаго социализма послѣ-военной социальнo-экономической обстановкой. Возраженія социалистовъ, негодовавшихъ противъ попытки «маленькой, но хорошо организованной всоруженной и централизованной силой» установить рабоче-крестьянскую власть и декретнымъ порядкомъ осуществить социалистическій переворотъ, эти возраженія шли по линіи доказательствъ отсутствія необходимыхъ для того субъективныхъ и объективныхъ предпосылокъ даже на Западѣ, не то что въ Россіи. Послѣ 3½ лѣтъ неудачнаго экспериментированія большевики, наконецъ, признали устами Ленина на X съѣздѣ коммунистовъ, что немедленное осуществленіе социализма въ Россіи является утопіей.

Если-бы политикой большевиковъ руководили исключительно идеологическіе мотивы, такое признаніе должно было заставить ихъ отойти на свои предъ-октябрьскія позиціи и занять исходное положеніе оппозиціи «единственной до конца революціонной партіи», защищающей и въ недозрѣвшемъ до социализма буржуазно-демократическомъ строѣ интересы «единственнаго до конца социалистическаго класса» — пролетаріата. Было бы непростительной наивностью думать, что большевики въ дѣйствительности могутъ пойти этимъ путемъ. Но это ни въ какой мѣрѣ не опровергаетъ факта безысходнаго противорѣчія съ самими собой, съ основнымъ завѣтомъ своего ученія, въ которое впали большевики, капитулировавъ передъ враждебной имъ экономикой — «мелко-буржуазной стихіи» и сляясь во что бы то ни стало сохранить свою политическую власть. Весь марксизмъ здѣсь ставится на голову. Политика оказывается «первѣе» экономики, «надстройка» — независимой отъ «базиса». Это явное возвращеніе отъ марксва «Анти-Дюринга» къ антимарксистскому Дюрингу. Это едва-ли не худшаго вида ревизионизмъ, для котораго политическое «движеніе — все», а «цѣль» — социальнo-экономическое освобожденіе — «ничто», приносимое въ жертву сохраненію руководства движеніемъ?!

Если бы Ленинъ съ товарищами, «признавъ свою некуль-

турность», пошли бы «на выучку» къ той стихіи, передъ которой они экономически уже капитулировали и, насколько могли бы, честно стали служить ей политически, — ихъ пребываніе въ Кремль было бы досадной, весьма неприятной, но, въ концѣ концовъ, лишь частной подробностью. Отдѣльные большевики, можетъ быть, и мечтаютъ о такомъ выходѣ. Возможно, что не только справа, но и слѣва. и даже въ большевистскомъ лагерѣ, тѣшатъ себя мыслью о томъ, что «Ленинъ согласенъ передать власть коалиціонному правительству, но Троцкій категорически противится этому» («Общее Дѣло» отъ 7. V.) или что «Ленинъ предложилъ находящемуся въ Ревелѣ В. М. Чернову постъ народнаго комиссара сельскаго хозяйства» («Руль» № 121 со словъ корреспондента «Times»а). Но, какъ партіи, большевикамъ такой выходъ не данъ. Не тѣмъ, кто форсировалъ русскую революцію, уничтожить противорѣчіе между историческими ея задачами и насильственно навязанными ей утопическими цѣлями.

Не надо быть непремѣнно марксистомъ, чтобы до очевидности ясно сознавать неминуемость заполнения того hiatus'a, который образовался сейчасъ въ Совѣтской Россіи между ея экономикой и политикой. Но кто рѣшился бы аподиктически утверждать неминуемость немедленнаго заполнения образовавшагося пробѣла? Примать экономикки можно считать безспорнымъ, если разсматривать историческій процессъ не то, что съ точки зрѣнія вѣчнаго, а съ сравнительно болѣе длительной точки зрѣнія. Если же брать болѣе краткіе «отрѣзки времени», съ точки зрѣнія «текущаго момента»,—довлѣетъ дневи политика его. Затянувшееся пребываніе у власти большевиковъ — лучшая иллюстрація къ этому положенію. Но минетъ рядъ дней, отложится неподвижнымъ прошлымъ рядъ «текущихъ моментовъ», и историческая необходимость, не терпящая ни чрезмерно большихъ скачковъ, ни черезчуръ длительныхъ пробѣловъ, возстановитъ, конечно, нарушенное равновѣсіе между экономикой и политикой и въ Россіи.

Какъ произойдетъ это? Кто придетъ на смѣну большевикамъ? Кому принадлежитъ ближайшее будущее?

Все снова и все настойчивѣе задаетъ себѣ этотъ вопросъ російская общественность. Сызнова возвращаются къ нему мыслью російскіе граждане и на родинѣ, и на чужбинѣ, и наединѣ съ собой, въ ночной тиши, и въ публичномъ страстномъ спорѣ. Ибо вопросъ этотъ, воистину, гамлетовскій... Отъ того, какъ его рѣшить жизнь, зависитъ «быть или не быть» не отдѣльному лишь индивиду, а цѣлымъ коллективамъ — группамъ, партіямъ, классамъ, національностямъ, въ извѣстномъ смыслѣ, — самой Россіи.

II.

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Современныхъ Записокъ» при описаніи Дальневосточной эпопеи ея общій, а не только мѣстный интересъ усматривался въ томъ, что ея даются конкретныя очертанія тѣхъ предѣловъ гибкости, до которыхъ способна дойти большевистская власть при извѣстныхъ, неблагоприятныхъ для нея условіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что не исключена возможность того, что большевизмъ можетъ испробовать и во всероссійскомъ масштабѣ повторить дальневосточный опытъ и пойти тѣмъ же путемъ мнимыхъ уступокъ, которымъ онъ уже побѣдоносно прошелъ всю Сибирь и вышелъ къ океану.

Эта возможность осуществилась скорѣе, чѣмъ можно было предполагать до кронштадтскихъ событій, когда составлялось внутреннее обзорѣніе для III-й книжки «Современныхъ Записокъ». Отклоненіе выразилось лишь въ *содержаніи* уступокъ, которое «во всероссійскомъ масштабѣ» оказалось инымъ, чѣмъ на Дальнемъ Востока. Тамъ большевизмъ надѣлъ личину демократизма. Теперъ онъ поступаетъ своей «экономикой», чтобы спасти «политику». Можетъ быть, очереднымъ шагомъ будетъ сложеніе воедино обѣихъ мнимыхъ величинъ: видимость политической эволюціи съ видимостью экономической.

Нѣкоторые склонны надѣяться, что отъ такого сложенія двухъ отрицательныхъ величинъ можетъ получиться въ итогѣ величина положительная.

Сами большевики не торопятся идти на такое сложеніе. Но ихъ ближайшіе сосѣди, — «оппозиція его величества большевизма», — не перестаютъ всячески ихъ къ тому подстрекать.

«Система большевистской террористической диктатуры изжила себя, — писалъ недавно одинъ изъ нынѣшнихъ лидеровъ меньшевизма Р. Абрамовичъ. Она вступила въ противорѣчіе съ интересами хозяйственного оздоровленія и развитія Россіи. Если бы коммунистическое правительство Россіи это признало, то, можетъ быть, было бы не поздно путемъ радикальнаго измѣненія политики и сговора съ другими социалистическими партіями спасти русскую революцію отъ угрожающей ей гибели». («Freiheit» № 111).

Мы не знаемъ, какія социалистическія партіи имѣетъ въ виду Р. Абрамовичъ, разсчитывая на ихъ сговоръ (*Verstaendigung*) съ большевиками. Кромѣ россійской социаль-демократіи, — мы такихъ партій не видимъ. Вѣдь не лѣвые же эсъ-эры, почти безъ остатка перешедшіе къ большевикамъ?! Не энъ-эсы же или группа «Единство»? И не партія с.-р. пойдетъ на шагъ,

не только отрицающій все ея прошлое, но и убійственный для ея будущаго, какъ партіи!.. Тѣмъ не менѣ мечта объ «однородномъ» социальстическомъ фронтѣ — стѣ большевиковъ до знь-эсовъ, — взлелѣянная тѣми же меньшевиками еще 3½ года тому назадъ, еще до большевистскаго переворота, не есть индивидуальная выдумка Абрамовича. Она волнуетъ политическую совѣсть, повидимому, всей Заграничной Делегации російской социаль-демократической партіи. Она, во всякомъ случаѣ, находится въ полной гармоніи съ общей идеологіей редактируемаго Делегацией «Соціалистическаго Вѣстника», съ его взглядами, въ частности, на судьбы русской революціи.

Органъ Заграничной Делегации — по существу единственный официальный органъ партіи с.-д. полагаетъ, что «рядомъ съ утопической задачей полной коммунизации страны» большевистская диктатура «творила дѣло нужное громаднымъ народнымъ массамъ, далекимъ отъ ея коммунизма». Это положительное «дѣло» сводится фактически къ двумъ дѣламъ. Большевистская диктатура «радикальнымъ разрушеніемъ стараго строя и войной противъ капиталистическаго міра, стремившагося его навязать Россіи», во-первыхъ, «охраняла пріобрѣтенную крестьяниномъ землю и свободу отъ помѣщика»; и, во-вторыхъ, «выкидывала изъ всѣхъ сферъ управленія государственнаго и общественнаго не только царскую бюрократію, но и дипломированную, вышедшую изъ буржуазныхъ круговъ, интеллигенцію, и тѣмъ открывала «дорогу наверхъ» тѣмъ безчисленнымъ выходцамъ изъ мѣщанства, изъ рабочихъ и крестьянскихъ круговъ, изъ арміи и т. д., которые привилегіями имущественнаго и образовательнаго ценза прикрѣплялись къ общественнымъ низамъ».

Этимъ, по мнѣнію «Соціалист. Вѣстника» (№ 2), только и объяснимо, почему большевистская диктатура держится три года, «не разбивъ себѣ лба» о свою утопическую задачу.

Не будемъ подробно доказывать неосновательность и, во всякомъ случаѣ, недостаточность такого объясненія. Укажемъ лишь на то, *мимо* чего проходитъ эта точка зрѣнія. Она не даетъ никакого объясненія, почему для того якобы положительнаго дѣла, которое осуществила большевистская диктатура, — необходима была именно она, а никто другой не могъ этого осуществить. Она скидываетъ вовсе со счетовъ тѣ «исторически» никакъ не оправдываемыя дѣянія большевистской диктатуры, которыя по своему вѣсу и числу превосходятъ во много разъ то «нужное громаднымъ народнымъ массамъ дѣло», которое она якобы «сотворила». Главное же — эта точка зрѣнія признаетъ доказаннымъ какъ разъ то, что требуется дока-

зять, — что исторически нужное дѣло сдѣлано и сдѣлано именно большевистской диктатурой.

Развѣ большевистской диктатурѣ, дѣйствительно, удалось «охранить» или закрѣпить за крестьянствомъ ту землю, которая въ фактическое пользованіе перешла къ крестьянству еще до октябрьскаго переворота большевиковъ? Не случилось ли обратное? Не усугубила ли большевистская диктатура своимъ хаотическимъ произволомъ, разложеніемъ и анархіей общую трудность правового закрѣпленія земельного передѣла? Также сомнительна цѣнность для «громадныхъ народныхъ массъ, далекихъ отъ коммунизма» того «совѣтскаго чиновничества», которое двинулось по открытой большевиками «дорогѣ вверхъ» и, по авторитетному свидѣтельству самихъ новаторовъ, состоитъ наполовину изъ «цапуновъ, хищниковъ, протекціонистовъ и взяточниковъ», а наполовину изъ «заторщиковъ», «примазавшихся къ совѣтской власти» и «спецовъ», рекрутируемыхъ какъ разъ изъ «дипломированной, вышедшей изъ буржуазныхъ круговъ, интеллигенціи», и больше того — изъ рядовъ доподлинной «царской бюрократіи»!

Къ условному, правда, но все же оправданію большевистской диктатуры привелъ меньшевистскихъ публицистовъ методологическій порокъ ихъ идеологій, *феноменологическій* ихъ подходъ къ историческимъ явленіямъ. Желая исторически «осмыслить» большевистскую диктатуру, «Соціалистическій Вѣстникъ» привнесъ въ нее политическій смыслъ отъ себя. При «раціонализациі» явленій субъективный элементъ, конечно, никогда не устранимъ. Но субъективный элементъ вытѣсняетъ всѣ другіе, — когда начинаютъ искать смысла во всѣхъ «отрѣзкахъ времени», въ каждой «исторической секундѣ». Если исторія разумна, то, конечно, лишь въ цѣломъ, въ общихъ своихъ тенденціяхъ отъ «бестіальности» къ «гуманности» или отъ простаго къ сложному, а не въ каждой отдѣльной своей конкретности, — иногда нелѣпицѣ, случайности, пустотѣ, не подлежащей никакому дальнѣйшему осмысливанію или разложенію на раціональные элементы. Нѣкоторые же, иногда весьма длительные, «отрѣзки времени» являются безспорнымъ возвращеніемъ исторіи вспять, регрессомъ. паденіемъ нравовъ, сумерками культуры, политической реакціей и т. д.

Интересно отмѣтить, что сами большевики, казалось бы, достаточно ревнивые — и какъ марксисты, и какъ демагоги — къ осмысливанію и оправданію своей диктатуры, не всегда находятъ особый разумъ исторіи въ томъ, что она привела ихъ къ власти. Они зачастую склонны видѣть въ этомъ одну изъ нелѣпыхъ случайностей, которыми такъ богата великая фантазерка — исторія, и которая явилась механическимъ

разрѣшеніемъ кризиса, не разрѣшавшагося никакимъ инымъ органическимъ путемъ. Большевики расцѣпляютъ свою диктатуру, какъ счастливый случай — счастливый, конечно, для нихъ, а не для революціи или «громадныхъ народныхъ массъ», — какъ своего рода историческое *чудо*.

«Самое удивительное — говорилъ Ленинъ послѣ неожиданной удачи октября — это то, что такъ-таки и не нашлось никого, кто немедленно выкатилъ бы нась на тачкѣ». То же настроеніе не покидаетъ его и на закатѣ историческаго триумфа. На послѣднемъ съѣздѣ коммунистовъ онъ напомнилъ: «Совѣтской власти помогало чудо... Чудо — октябрьскій переворотъ. Чудо — польская война. Чудо — трехлѣтняя выносливость русскаго мужика и рабочаго».

Такая же оцѣнка и у другого практика и идеолога исторической необходимости большевистской диктатуры — Троцкаго. «То, что Совѣтская Россія въ состояніи бороться на всѣхъ фронтахъ и даже просто жить, этотъ фактъ есть величайшее историческое чудо», — констатировалъ на заключительномъ засѣданіи III Интернаціонала въ августѣ прошлаго года «красный генералъ мировой революціи».

Пусть преувеличены слова о «чудесахъ» совѣтской республики («les miracles de la république») — и польская война не «чудо», и Совѣтская Россія вовсе не живетъ, а хронически умираетъ и замираетъ, пусть уже видны предѣлы «выносливости русскаго мужика и рабочаго», — не важны эти фактическія неточности. Существенно иное — основное воспріятіе. И тутъ надо сказать, что алогизмъ большевистскихъ идеологовъ обнаруживаетъ гораздо большее историческое чутье и чувство дѣйствительности, нежели панлогизмъ идеологовъ меньшевизма.

Несмотря, однако, на такое расхожденіе въ области «философій исторіи», — въ оцѣнкѣ современной международной обстановки и въ прогнозѣ ближайшаго будущаго принципиальнаго различія между обѣими вѣтвями русскаго марксизма нѣтъ.

Правда, марксисты-большевики продолжаютъ третировать марксистовъ-меньшевиковъ не иначе, какъ «соціалъ-предателей», «прихвостней буржуазіи» и «наемниковъ Антанты». Это обычная для большевиковъ демагогія. Но не только она одна. Здѣсь и вѣрность старымъ завѣтамъ «Искры», — строившей свои отношенія къ немарксистскимъ группировкамъ русскихъ социалистовъ на началѣ — «товарищъ министра министру товарищу, но министръ товарищу товарища не товарищ!» Въ 1902-1904 гг. на положеніе «товарищъ министра» низводились социалисты-революціонеры. Теперь въ этомъ положе-

ниі очутились меньшевики. Большевики считаютъ, что какъ «министры» они «товарищамъ министровъ» не товарищи. Меньшевики-же доказываютъ обратное и устанавливаютъ общность своей классовой генеалогіи съ «министрами». «Соціалист. Вѣстникъ» подчеркиваетъ «соціальное родство тѣхъ слоевъ населенія, на которые опираются большевики и меньшевики». И, въ полномъ согласіи съ этимъ, Заграничная Делегация с.-д., даже «клеямя негодованіемъ нападеніе совѣтской арміи на грузинскую республику», все-же удерживаетъ наименованіе соціалистовъ за тѣми, кто стоитъ во главѣ совѣтской Россіи и ея арміи («Соц. В.» № 4, стр. 8 и 3).

Совпаденіе взглядовъ обнаруживается и въ плоскости текущей политики.

Меньшевики ставятъ своей насущной задачей «прежде всего отвоевать формальное признаніе совѣтскаго правительства» («Соц. В.» № 2, стр. 11). Они «открыто и честно заявляютъ, что международное признаніе Совѣтской Россіи, первымъ актомъ котораго является лондонскій договоръ, представляетъ собою огромное благо съ точки зрѣнія правильно понятыхъ интересовъ русскихъ народныхъ массъ» («Соц. В.» № 5, стр. 1). Они предлагаютъ «революціонной демократіи Россіи» не только «признать заключенные нынѣ договоры» (съ Англіей и Польшей), но и «привѣтствовать ихъ, какъ положительныя завоеванія русской революціи». (Тамъ же).

Все это пишется на столбцахъ «Соціалистическаго Вѣстника», вынужденнаго издаваться въ эмиграціи, въ Берлинѣ. Но то же, правда, въ болѣе вульгарномъ и побѣдоносномъ стилѣ, можно найти и въ коммунистическихъ «Газетахъ» и «Извѣстіяхъ» красной Москвы и Петрограда...

Когда представитель и ораторъ меньшевизма на VIII Съѣздѣ Совѣтовъ Ф. Данъ заявляетъ: «наша революція совершается въ атмосферѣ міроваго соціалистическаго перелома» («Соц. В.» № 2, стр. 8), — объясненіе можно искать въ оторванности оратора отъ «міра», въ потерѣ международной перспективы, которая не могла не явиться въ результатѣ изоляціи Совѣтской Россіи отъ Европы и методической обработки общественнаго мнѣнія монополистами тамошней информации и прессы. Большевикамъ удалось привить свои, завѣдомо ложные, взгляды противникамъ. Но какъ объяснить то, что и послѣ свободнаго соприкосновенія съ міромъ, послѣ конгресса въ Галле и прочихъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ, официальное представительство російской соц.-демократіи въ Европѣ повторяетъ тотъ же фальшивый напѣвъ о томъ, что «трагическія фазы» російской революціи развертываются «на фонѣ сумерекъ муждународнаго капитализма и быстрого наростанія соціально-экономи-

ческихъ и психологическихъ условій для побѣды социализма въ передовыхъ странахъ? И что именно это обстоятельство открываетъ объективную возможность» къ тому, что въ «Россіи, преодолившей большевистскую диктатуру», «сохранится власть трудящихся»? («Соц. В.», № 2.)

Такъ именно думали большевики, когда они производили свой переворотъ. Троцкій писалъ, что «война минировала почву всего капиталистическаго строя» («Октябрьская революція», стр. 125). А Ленинъ, еще въ началѣ 1919 г., сколачивая свой III Интернаціональ, говорилъ, что «война создала революціонную ситуацію, благопріятную и необходимую для диктатуры пролетаріата». Но теперь... теперь даже большевики перестаютъ такъ думать и говорить. Неужели историческій разумъ пережитаго за три года въ томъ только и состоитъ, чтобы мѣсто «благопріятной ситуаціи» большевиковъ заняло «быстрое наростаніе» меньшевиковъ?!

«Возобновленіе дѣйствія совѣтской конституціи» и «подлинная власть трудящихся» давно уже фигурируетъ въ качествѣ дѣйствительныхъ лозунговъ меньшевиковъ въ ихъ борьбѣ противъ нарушителей совѣтской конституціи и началъ «трудовластія». Можно считать, что въ прошломъ меньшевики слишкомъ поспѣшно приняли «совѣтскій строй» за «фактъ дѣйствительности», способствуя своимъ преждевременнымъ пріятіемъ утвержденію этого «факта» въ дѣйствительности. Слишкомъ торопливо — уже въ декабрь 1918 г. на «Всероссійскомъ Совѣщаніи Р. С. Д. Р. П.» — сдали они *тактически* Учредительное Собраніе, возложивъ, по своему обыкновенію, отвѣтственность за свою сдачу на внѣ ихъ стоящіе факторы: на «связанную съ разгромомъ Учредительнаго Собранія политику большевистской диктатуры, неизбѣжно (?.. М. В.) оттолкнувшей значительную часть крестьянства, какъ и широкіе слои городской демократіи, въ сторону контръ-революціи», и на «часть демократіи, связавшей судьбу Учредит. Собранія съ союзнымъ имперіализмомъ и отечественной реакціей» и потому «содѣйствовавшей подрыву довѣрія къ Учредительному Собранію со стороны широкихъ народныхъ массъ». Можно думать, что съ такой-же торопливостью и не совсѣмъ послѣдовательно пришли меньшевики отъ отрицанія гражданской войны къ активному участію въ ней на сторонѣ тѣхъ, кто ее поднялъ, и отъ физической защиты большевистскихъ позицій въ Россіи къ идейной солидарности съ нѣкоторыми изъ этихъ позицій въ эмиграціи. Словомъ, съ варіаціями тактическаго свойства можно не соглашаться, ихъ можно осуждать за несвоевременность, за нецѣлесообразность излишне-чуткой оріентаціи на проходящіе факты, — но всѣ эти из-

мѣненія понятны; многія изъ нихъ для меньшевиковъ-марксистовъ и естественны.

Но какъ понять, чѣмъ объяснить ту умильную картину «быстраго нарастанія социальна-экономическихъ и психологическихъ условий для побѣды социализма», которую теперь рисуютъ на столбцахъ официального органа россійской социаль-демократіи ея авторитетнѣйшіе Панглоссы?.. Экспортированное изъ Берлина за-границу, въ Россію, гдѣ даже искушенные люди успѣли отвыкнуть отъ свѣта, потеряли чувство исторической реальности и способность аккомодации, меньшевистское творчество только освятить своимъ авторитетомъ, авторитетомъ оппозиціонной большевикамъ партіи то заблужденіе, въ которомъ намѣренно оставляетъ россійскихъ гражданъ большевистская власть.

Возможность побѣды социалистическаго движенія на Западѣ, которая оправдываетъ и переродитъ доморощенный русскій коммунизмъ, — продолжаетъ еще искушать сознание многихъ въ Россіи. Поддерживать этотъ соблазнъ значитъ поддерживать вреднѣйшую и гибельнѣйшую изъ иллюзій, созданныхъ угнетателями и парализующихъ волю угнетаемыхъ.

III.

Панлогизмъ россійскихъ социаль-демократовъ заставилъ ихъ внести отъ себя разумъ во всѣ провалы россійской революціи. Цѣлостному пріятію революціи съ ея по-октябрьскимъ финаломъ включительно противопоставляется столь-же цѣлостное отрицаніе революціи, какъ явленія, лишеннаго всякаго историческаго смысла.

Такой нигилизмъ вышелъ за предѣлы искони реакціонныхъ круговъ. Онъ захватилъ частично и тѣхъ, кто въ прошломъ сами были дѣятелями и даже заслуженными дѣятелями революціи на различныхъ ея этапахъ. Только въ послѣднее время стали безцеремонно и презрительно третировать революцію дѣятели типа Бубликова, въ свое время, на подъемѣ февральской революціи съ восторгомъ возвѣщавшаго отреченіе династіи, на ея закатѣ обмѣнивавшася символическимъ рукопожатіемъ съ однимъ изъ вождей революціи, а нынѣ отрицающаго самый фактъ февральской революціи, славословящаго «хищнической капитализмъ» и устанавливающаго, какъ «основную вѣху» жизни — «возвратъ къ старому, органически «несправедливому» строю жизни». («Общ. Дѣло» отъ 15. V. 921).

Не всѣ имѣютъ мужество такъ-же рѣшительно «не признавать въ «завоеваніяхъ революціи» ничего, кромѣ ужасовъ

и несчастій для Россіи», какъ бывший дѣятель перваго періода русской революціи трудовикъ Первой Думы проф. Локоть, еще задолго до 1917 г. перекочевавшій въ нововременскій станъ. Большинство, хотя и съ оговорками, все-же стараются удержать различіе между «первымъ, блестящимъ и побѣднымъ фазисомъ революціи» и «путемъ, поведшимъ Россію къ паденію и позору». Они только произвольно сокращаютъ первый «фазисъ» срокомъ, когда близкое имъ политическое теченіе играло главенствующую роль въ революціи. Такъ именно поступаетъ, напримѣръ, В. Д. Набоковъ въ своей статьѣ о «Временномъ Правительствѣ», напечатанной въ «Архивѣ Русской Революціи», гдѣ конецъ «торжества революціи» датируетъ 20-22 апрѣля 1917 г., «когда вновь поднятъ былъ Ахеронтъ», и «открылось» «уродливо-свирѣпое лицо анархіи».

Послѣ 22 апрѣля—анархія. До этого—«блестящій и побѣдный фазисъ». Правда, и то не совсѣмъ. «Внимательный и объективный взглядъ могъ-бы въ первые-же дни «безкровной революціи» найти симптомы грядущаго разложенія, которые теперь, *post factum*, кажутся такими несомнѣнными, такими очевидными!» «Я не отдавалъ себѣ тогда отчета въ томъ, что основа происшедшаго былъ военный бунтъ». (Стр. 9 и 14 «Архива», т. 1). Такъ записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. Набоковъ уже въ апрѣлѣ 18 года. Теперь, по истеченіи новыхъ трехъ лѣтъ, онъ еще ближе подошелъ къ пониманію мартовской революціи по проф. Локотю... В. Набоковъ рекомендуетъ говорить не о «завѣтахъ» мартовской революціи, а о «завѣтахъ» Первой Думы. Но предпочтительнѣе было-бы вообще не говорить о «завѣтахъ» революціи, а объ ея *урокахъ*. Такъ пишетъ политическій редакторъ «Руля» (№ 143 отъ 10. V.). Ближайшіе его сотрудники выражаются еще рѣзче.

Передовикъ № 98 характеризуетъ предоктябрьскій періодъ революціи, какъ «однѣ лишь безобразныя и позорныя картины распада во всѣхъ областяхъ государственнаго и общественнаго быта», какъ «восемь мѣсяцевъ топтанія на мѣстѣ, повальнаго дезертирства, стихійнаго осуществленія большевистскаго лозунга «грабь награбленное». А Григорій Ландау идетъ еще дальше вправо, оставляя за собою въ своемъ понятномъ движеніи не только Набокова съ «завѣтами» Первой Думы, но и Родзянко и даже Шульгина съ «завѣтами» Четвертой.

Григ. Ландау заднимъ числомъ «ужасается», какъ это «умѣренные элементы — Милюковъ и даже Родзянко съ Шульгинымъ, понимавшіе значеніе усиленія для власти благопріятнаго исхода войны, пошли на революціонный переворотъ». Онъ, какъ и Бубликовъ, беретъ подъ сомнѣніе самый фактъ революціи. «Революція, если такъ называть наступившее па-

деніе государства, было дѣйствительно дѣломъ національнымъ — именно національнымъ самоубійствомъ». На самомъ же дѣлѣ никакой революціи не было, а «случился столичный бунтъ». («Руль» отъ 8. V.)

Эти разсужденія весьма характерны для тѣхъ, кто былъ на сторонѣ революціи до того, какъ она произошла, и которые отошли и возстали противъ нея послѣ того. Они не замѣчаютъ, однако, насколько глубоко и теперь проникаетъ ихъ сознание бывшая традиція русской интеллигенціи — положительное отношеніе къ революціи. Они не замѣчаютъ, что ихъ выводъ покоится на предположеніи, что блага я революція не могла привести къ тому, къ чему пришла Россія послѣ 17 года. Поэтому то, что случилось, есть не революція, а «бунтъ», «смута», «самовольно-погромная демобилизація». Революція, вопреки намѣренію отпавшихъ отъ нея, продолжаетъ владѣть умами и предносится сознанію въ ореолѣ славы и добра.

Наиболѣе страстное и принципиальное обоснованіе анти-революціонной сущности мартовской революціи принадлежить П. Б. Струве. Когда-то, въ фазисъ «торжества революціи», даже чуть-ли не послѣ 20-22 апрѣля, П. Струве писалъ въ «Русской Свободѣ» № 1: «Быстрота событій ошеломляетъ умъ... Мы всѣ испытали громадный и спасительный нравственный толчекъ... Мы пережили историческое чудо... Оно прожгло, очистило и просвѣтило насъ самихъ». Теперь онъ пишетъ иное. «Французская революція не только провозглашала идеи, но, несмотря на реакцію, къ которой она привела, въ этой реакціи осуществила свои идеи. Не то въ русской революціи. Все, что отъ нея остается, противорѣчить идеямъ, ея провозглашеннымъ, и потому ее «слѣдуетъ сближать» не съ французской революціей, а «съ русской смутой XVI-XVII вв.». Отъ смуты-же XVII в. Россію спасъ не народническій идеализмъ, не «народная громада», какъ думалъ Костомаровъ, не «народъ-сирота», по выраженію Забѣлина, — Россію спасло «національное движеніе, исходившее отъ среднихъ классовъ, средняго дворянства и посадскихъ людей и вдохновляемое духовенствомъ, единственной въ ту пору интеллигенціей страны». («Русская Мысль». — Софія 1921. — Январь-февраль, стр. 36 и 26). Можетъ-ли быть иначе теперь?

Когда П. Струве впервые излагалъ свои «Размышленія о русской революціи» на публичной лекціи въ Ростовѣ н/Д. въ ноябрь 1919 г., онъ вдохновлялся историческими фигурами Прокопія Ляпунова и кн. Дмитрія Пожарскаго и проводилъ аналогію между Нижегородскимъ Ополченіемъ и Добровольческой Арміей, между королевичемъ Владиславомъ и... гетманомъ Скоропадскимъ. (Тамъ-же). Когда-же этимъ мыслямъ

П. Струве удалось получить печатное отображеніе, вдохновлявшая его аналогію «историческія фигуры» уже отошли въ историческое небытіе. Для размышленій о русской революціи теперь Струве ищетъ вдохновенія въ воспоминаніяхъ о другихъ историческихъ фигурахъ. Его взору предносится образъ Козьмы Минина, потомки коего нынѣ перемѣстились изъ Нижняго Новгорода въ Парижъ...

Такая смѣна источниковъ вдохновенія и объектовъ историческихъ аналогій П. Струве вполне гармонируетъ съ общимъ духомъ его публицистической дѣятельности. Намъ уже приходилось давно отмѣчать, что Струве пересталъ бы быть Струве, если бы пересталъ мѣняться со временемъ... Струве всегда былъ *im Werden*: и тогда, когда онъ писалъ манифестъ россійской социаль-демократической партіи; и тогда, когда былъ идеологомъ русскаго марксизма и когда издавалъ либеральное «Освобожденіе»; когда сталъ матеріалистомъ и когда, переставъ имъ быть, сдѣлался идеалистомъ; когда вдохновлялъ «Вѣхи» и когда обнаруживалъ свое подлинное «національное лицо», подсказывая Столыпину идею «Великой Россіи», а интеллигенцію приглашая, во имя «личной годности», сажать капусту. Прѣшлое Струве всегда было интереснѣе настоящаго. И то, что пишетъ Струве сегодня, интересно, главнымъ образомъ, тѣмъ, что это усердно будетъ развивать его школа завтра...

Такъ было раньше. Такъ происходитъ и сейчасъ.

Чтобы развѣнчать русскую революцію, Струве пользуется приѣмомъ, излюбленнымъ якобинцами французской революціи: онъ производитъ а м а л ь г а м у изъ дѣятелей революціи всѣхъ оттѣнковъ, покрывая ихъ всѣхъ общей отвѣтственностью. Соціалисты отвѣчаютъ за коммунистовъ. «Либеральные элементы, скажемъ прямо, партія народной свободы или кадетская» и даже шире — «образованный классъ» и «русская интеллигенція» — всѣ отвѣтственны за то, что «революція была антипатріотична, противонаціональна и противогосударственна» (стр. 23-34). За Ленина отвѣчаетъ Керенскій. За Керенскаго — Милюковъ. За Милюкова ... можетъ быть самъ Струве?! Ставя знакъ равенства между большевизмомъ и социализмомъ, Струве видитъ «всемирно-историческое значеніе русской революціи въ томъ, что «она есть практическое опроверженіе социализма, въ его подлинномъ смыслѣ ученія объ организациіи производства на основѣ равенства людей, есть опроверженіе эгалитарнаго социализма» (стр. 19).

Такъ говоритъ Струве, идущій «напроломъ, напроломъ, напроломъ» и рекомендующей себя — Торгово-Промышленному Съѣзду въ Парижѣ — «человѣкомъ, не только читавшимъ

о социализмѣ, но и пережившимъ его». Естественно, что его школа—въ которой далеко не всѣ «пережили» социализмъ, а нѣкоторые и не очень много читали о немъ, — воспринявъ предложенное толкованіе социализма и революціи, пошли «напроломъ» еще дальше учителя. Такъ Гр. Ландау не останавливается на «монистическомъ пониманіи» революціи: на отрицаніи правомѣрности различія дантоновскаго и робеспьеровскаго фазисовъ во французской революціи и на защитѣ «исторической цѣльности русской смуты». («Руль» № 119). Онъ идетъ дальше. Если необходимо выбирать, такъ большевизмъ, или крайній социализмъ, какъ его называетъ Григ. Ландау, пожалуй, даже предпочтительнѣе «умѣреннаго», ибо «большевики въ общемъ выгодно отличаются отъ умѣренныхъ социалистовъ своей рѣшительностью и дѣловитостью». («Руль» № 126 изъ серіи статей «Крушеніе умѣреннаго социализма»).

И не только съ точки зрѣнія «личной годности», какъ психологической типъ, большевики оказываются выше умѣренныхъ социалистовъ, — они предпочтительнѣе и *политически*, съ точки зрѣнія сравнительныхъ итоговъ политики тѣхъ и другихъ. Такого мнѣнія держатся не только движимые національнымъ эросомъ Устряловы и Ключниковы, отъ апологіи адмиральской диктатуры пришедшею прямокомъ къ восхваленію патріотическаго разума рабоче-крестьянской власти. Такъ думаетъ и пишетъ въ крикливо-антибольшевистскомъ органѣ и близкій Струве по духу Леонидъ Галичъ.

«Поломавъ оглобли и оборвавъ упряжь старой власти (разумѣется при благосклонномъ содѣйствіи гг. Керенскихъ), большевики въ теченіе четырехъ лѣтъ усердно прилаживали къ тѣлу русскаго народа новыя оглобли и новый недоуздокъ, во много разъ болѣе стѣснительные, чѣмъ прежніе. Въ этомъ смыслѣ ихъ можно даже похвалить, какъ все-же своего рода собирателей и возроителей такъ глупо и нелѣпо разсыпанной Временнымъ Правительствомъ государственной власти... Большевики дѣйствительно повернули Россію отъ анархизма къ реализму и умѣренности. Здѣсь проявилась нѣкоторая положительная черта русскихъ большевиковъ, — черта, которую, по моему мнѣнію, совершенно неразумно замалчивать: ихъ несомнѣнный, хотя и разбойничій инстинктъ властвованія, составляющій необходимую основу и необходимую составную часть государственнаго инстинкта... Они сдѣланы изъ того матеріала, изъ котораго при извѣстныхъ условіяхъ создаются не только крупные кондотьеры и не только Фуше и Талейраны, но порою и Бисмарки». — («Общ. Дѣло» №256).

Изъ пѣсни слова не выкинешь, — приходится отмѣтить, что по существу то же пониманіе «Русскаго Опыта» раздѣляетъ, повидимому, и П. Я. Рыссъ, когда, подводя итоги своего

«историко-психологическаго» воспріятія революціи, онъ пишетъ въ своей книгѣ:

«Если-бы, резюмируя все сказанное, задаться вопросомъ, что-же произошло въ Россіи въ концѣ февраля — въ началѣ марта, мы обязаны чистосердечно сказать, что революціи не было, она явилась позже, когда стали перестраиваться политическія и социальныя отношенія, когда, на смѣну разрушенному, начали производить попытки созданія новаго порядка вещей. Въ концѣ февраля была не революція, а произошла грандіозная, исключительная по числу своихъ участниковъ, солдатскій бунтъ». (Петръ Рысь: «Русскій Опытъ». — Парижъ 1921. — Стр. 55).

О томъ, какой періодъ имѣетъ въ виду авторъ, говоря о болѣе позднемъ превращеніи солдатскаго бунта въ революцію, — можно судить по слѣдующему отрывку:

«... Большевики, по волѣ народной стихіи дезорганизуя страну, по волѣ этой-же стихіи принуждены были приступить къ организаціи государства, творить историческое дѣло русскаго народа.

...Коммунисты — по существу, вопреки себѣ — творили русское дѣло и, того не желая, возстановливали разрушенное ими государство, дѣлая его *унитарнымъ и централизованнымъ*» (Тамъ-же. — Стр. 263 и 266).

Послѣдовательное отрицаніе мартовской революціи, признаніе внутренняго единства за всей «русской смутой» и «бунтомъ» оказывается такимъ-же роковымъ, какъ и противоположныя попытки исторически осмыслить и пріять в е с ь ходъ русской революціи цѣликомъ, съ ея послѣ-октябрьскимъ «срывомъ» и вырожденіемъ въ анархію включительно. Тѣ, которые нынѣ встаютъ противъ мартовскихъ «завѣтовъ» революціи потому, что въ нихъ, въ сущности, уже были заложены «принципы» октября, — практически кончаютъ тѣмъ, что проклятыя марту завершаютъ благословеніями, пусть условными и съ оговорками, но благословеніями октябрю. Если между большевизмомъ и правымъ абольшевизмомъ и существуетъ пропасть, то только по вертикали она безмѣрна и, можетъ быть, бездонна. По горизонтали-же разстояніе между обоими краями бездно, можно сказать, ничтожно. Достаточно иногда всего одного шага, чтобы очутиться на противоположной сторонѣ... Эта близость — несмотря на всю глубину расхожденія — называется, въ частности, и въ параллелизмѣ тѣхъ усилий, съ которыми оба антагониста стремятся низвергнуть въ раздѣляющую ихъ бездну третьяго противника, — ту изъ слагающихъ русскую революцію силъ, чье торжество исключило-бы побѣду крайнихъ фланговъ и предотвратило-бы вѣчное круговращеніе отъ красной диктатуры къ бѣлому самовластью и обратно.

IV.

Воспріятіе безъ отгѣнковъ и степеней, безъ тѣней и красокъ, безъ различенія рисунка и линій, «въ общемъ видѣ», — характерно для элементарнаго познанія. Мышленіе можетъ восходить до вершинъ діалектическаго панлогизма или опускаться до низинъ плоскаго и поверхностнаго метода аналогій, — оно одинаково малоцѣнно, ибо одинаково не покрываетъ всего явленія: либо за чашей лѣса не различаетъ различныхъ просякъ и отдѣльныхъ деревъ, либо за деревьями не видитъ самаго лѣса.

Для такого мышленія типично разсужденіе: кто не съ нами, тотъ мало что противъ насъ, онъ за нашихъ враговъ. Кто не съ рабоче-крестьянской властью, тотъ за царя. А скрытые монархисты, естественно, опаснѣе и потому «хуже» монархистовъ явныхъ. Кто съ завѣтами мартовской революціи, а не съ военной диктатурой, тотъ работаетъ на Ленина, тотъ «ленинецъ» или полуленинецъ, — вторятъ большевикамъ стоящіе неподалеку отъ нихъ, на другомъ краю бездны. А «полуленинецъ — хуже ленинца»!..

Это сакраментальное положеніе оказало роковое вліяніе на оцѣнки и даже на самый ходъ русской революціи. Оно совершенно соответствовало духу той діалектики, по которой «хуже» не всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ «хуже», а иногда становится и «лучше»: «чѣмъ хуже» бываетъ «тѣмъ лучше». Но тезисъ о томъ, что «полуленинцы хуже ленинцевъ» сдѣлали своимъ и группы весьма далекія отъ марксизма, самый марксизмъ считающія «полуленинствомъ». Борьба противъ «полуленинства» сдѣлалась осью всей политики этихъ группъ. Вокругъ нея стала вращаться вся ихъ активность, всѣ оцѣнки прошлаго и прогнозы будущаго. Амальгамируя «ленинцевъ» съ «полуленинцами», достигаютъ ближайшей цѣли — скомпрометировать «умѣренныхъ социалистовъ» и, общѣе, завѣты мартовской революціи. Но попутно реабилитируютъ «ленинцевъ». А послѣ того какъ самимъ Ленинымъ признано осуществленіе коммунизма въ Россіи утопій, послѣ тройнаго провала большевизма: моральнаго — такъ какъ онъ оказался безчеловѣчнѣй самодержавіа; экономическаго — такъ какъ онъ взрастил анархію и нищету хуже капиталистическаго; и политическаго — такъ какъ онъ кончаетъ капитуляціей того, чѣмъ началъ, и что составляло его славу и гордость; — всякая реабилитація, а исходящая отъ противниковъ большевизма, въ особенности, удлиняетъ срокъ

ликвидации большевизма, закладывает основы для воскрешения его в будущемъ.

И тѣ, кто придерживаются тезиса «полупенинцы хуже ленинцевъ», равно какъ и тѣ, кто высчитываютъ степени своего «соціально-экономическаго родства» съ растлителями русской революціи и социализма, — оказываютъ одинаково безцѣнную услугу не своей идеологіи или классу, а своимъ противникамъ: большевикамъ, которыхъ это реабилитируетъ, и реакціонерамъ, которые, отрицая плоды октября, спятъ и видятъ «дофиновъ русской смуты», по выраженію Григ. Ландау, способныхъ уничтожить корни зла, заложеннаго еще въ мартѣ...

Утративъ послѣдніе остатки морально-политическаго авторитета, большевики могутъ еще держаться у власти, пока они продолжаютъ внушать страхъ. Но такое внушеніе не можетъ быть чрезмѣрно длительнымъ. Привыкнувъ къ своему состоянію, устрашаемые перестаютъ на него реагировать. Безчисленныя подтвержденія этому психо-физиологическому закону далъ «опытъ» войны. Но страхъ можетъ не только перестать вызывать привычный эффектъ. Онъ можетъ вызвать эффектъ противоположный. Страхъ способенъ внушить величайшую смѣлость и дерзновеніе. Паденіе Робеспьера, по описанію историковъ, представляетъ именно такой случай необычайной смѣлости, обрѣтенной ненавистниками тирана. Изъ страха передъ нимъ.

Въ предвидѣннн неизбѣжнаго проецируютъ будущее. Кому бы оно ни принадлежало, — очевидно это будетъ отрицаніемъ прежде всего террористическаго метода управленія. «Соціалист. Вѣстникъ» вѣритъ въ «наличность объективной возможности мирной эволюціи путемъ перехода на сторону оппозиціи массъ» (№ 5). Стоя «на почвѣ создавашагося въ Россіи порядка», меньшевики страстно рекомендуютъ «образовать политическую коалицію всѣхъ значительныхъ организованныхъ группъ крестьянства, рабочаго класса и интеллигенціи, на основѣ экономическаго компромисса между социалистическимъ городомъ и мелко-капиталистической деревней» («Соц. В.» №№ 7 и 4). Такой выходъ представляется россійскимъ социаль-демократамъ не только реально-возможнымъ, но и наиболѣе благоприятнымъ — и не для однихъ большевиковъ, а будто-бы и для пролетаріата.

Если такая возможность и не исключена въ сознаніи, она была-бы, на нашъ взглядъ, на дѣлѣ едва-ли не наихудшимъ выходомъ, ибо она означала-бы подлинную катастрофу для демократическаго социализма и, тѣмъ самымъ, въ значительной мѣрѣ для судебъ русской революціи. Поддержавъ большевизмъ въ томъ моментъ, когда онъ началъ па-

дать, вмѣсто того, чтобы его подтолкнуть, — демократическій социализм обрекъ-бы самъ себя на длительное политическое небытіе. Въ своемъ послѣдующемъ паденіи, несмотря на поддержку демократическаго социализма, большевизмъ увлекъ-бы неминуемо и его.

Другой прогнозъ устанавливаютъ тѣ, коими руководить регулятивъ Жозефа де-Мэстра: «Nous ne voulons pas la contre-révolution, mais nous voulons le contraire de la révolution». Они не желаютъ полной реставраціи прошлаго путемъ контр-революціи, но они желаютъ противоположнаго тому, чего хотѣла мартовская революція, того, «что противорѣчитъ идеямъ, ею провозглашеннымъ», по выраженію П. Струве. Почему непременно «альтернатива» или «реставраторы» (типа Маркова 2-го) или «умѣренные социалисты» безъ социализма, въ качествѣ пионеровъ новой Россіи?» — возмущается передовикъ «Руля» (отъ 8. V). Почему-бы не стать пионерами Россіи не о - р е с т а в р а т о р а м ѣ съ конституціонными монархистами во главѣ?..

Отвѣтъ ясенъ. Только потому, что такая альтернатива — историческій анахронизмъ. Она стояла передъ Россіей до революціи. Ея не существуетъ послѣ революціи. В. Д. Набоковъ самъ пишетъ, что послѣ того, какъ «первая русская революція оказалось передъ разбитымъ корытомъ», «стала неизбежностью» вторая, мартовская («Руль» отъ 10.V). Какъ-же послѣ того, какъ передъ «разбитымъ корытомъ» оказалась вторая революція, можно считать «неизбежностью» возвращеніе къ предреволюціонному «первобытному состоянію»?.. Конечно, если взять подъ подозрѣніе и отказать въ довѣрїи максималистски настроенному народу и безгосударственной интеллигенціи, — реставрировать (безъ кавычекъ) Россію будетъ трудно. Ибо не на кого будетъ опереться. Не на монархію-же, которая лишилась даже легитимнаго своего воплощенія? Не на «среднее дворянство и посадскихъ людей», которые были въ XVII вѣкѣ, но которыхъ сейчасъ уже, къ счастью, нѣтъ? Наконецъ, не на тѣ «малыя ячейки», о которыхъ «Руль» мечтаетъ какъ о «кристаллизаціонномъ ядрѣ для распыленныхъ въ Россіи силъ и стремленій».

Между этими двумя прогнозами располагаются два другихъ, промежуточныхъ: преодоленіе большевизма путемъ термидора, т. е. большевистскими-же силами, возставшими противъ большевизма; и путемъ бонапартизма, психологически вскормленнаго «махновщиной», а организаціонно подготовленнаго военными «спецами» въ Россіи или въ эмиграціи.

Но если Россіи и суждено имѣть свой термидоръ, — его свершатъ, очевидно, не тѣ, кто недоволенъ неистовствомъ

большевистскаго террора, а тѣ, кто находятъ недостаточнымъ практикуемый терроръ. Если власть Ленина и свергнуть. — то это сдѣлаютъ не «правые термидоріанцы» — мадамъ Коллонтай или Шляпниковъ. Это будутъ «лѣвые термидоріанцы» — Дзержинскій, Троцкій и Бухаринъ. И русское подобіе французскаго термидора, ничего по существу не разрѣшивъ, лишь обостритъ и отсрочитъ кризисъ.

Остается бонапартизмъ.

Чтобы ему восторжествовать, мало сочувственной атмосферы общественнаго мнѣнія. Мало того, чтобы и республиканцы. и роялисты съ одинаковой вѣрой взирали на одно и то-же лицо въ надеждѣ, что именно оно осуществитъ идеаль республики, по Бертолле, Монжу или Лапласу, и военный идеаль, по плану генераловъ Журдана, Моро и Бернадота. Недостаётъ еще немногаго: долженъ быть Бонапартъ.

Русскій-же вариантъ бонапартизма проектируютъ *начать* восемнадцатымъ брюмера. А въ послужномъ спискѣ кандидатовъ въ русскіе Бонапарты, въ прошломъ, «чтобы карьеру начать» не только нѣтъ «ни Тулона, ни Египта, ни перехода черезъ Монбланъ», а «просто напросто одна какая-нибудь старушка», какъ пророчествовалъ Достоевскій въ исповѣди Раскольниковова. Едва-ли не лучшаго изъ всѣхъ б. кандидатовъ въ Наполеоны — «царя Антона», какъ, по свидѣтельству К. Н. Соколова, въ шутку между собою называли ген. Деникина члены Особаго Совѣщанія, — такъ характеризуетъ нашъ кандидатъ въ Сійесы: «Въ генер. Деникинъ я увидѣлъ не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честнаго, стойкаго и доблестнаго человѣка... Это, какъ мнѣ всегда казалось, типичный русскій интеллигентъ». (См. «Правленіе Генерала Деникина». — Софія 1921 г., стр. 40, 81 и 163.)

Отъ русскаго интеллигента до Бонапарта дистанція, непреодолима никакимъ воображеніемъ ума...

Нужна была атмосфера послѣ-военныхъ нравовъ и обстановка незакончившейся гражданской борьбы, нуженъ столѣтній интервалъ, — чтобы воздыхать о Наполеонѣ, погубившемъ больше людей, чѣмъ азіатскіе «бичи человѣчества»; оставившемъ Францію, несмотря на свой военный геній, умаленной территоріально и ослабленной политически, по сравненію съ тѣмъ, какой она была до прихода спасителя Франціи, овладѣвшаго революціей, чтобы ее задушить, хваставшаго тѣмъ, что его власть «не продержалась-бы и трехъ дней», если-бы онъ далъ свободу печати, что «съ помощью моихъ префектовъ, моихъ жандармовъ и моего духовенства я могу сдѣлать все» и т. д.

Въ чемъ же выходъ?

Если стоять на почвѣ «исторически-обусловленныхъ рѣшеній», — можно лишь условно говорить объ историческомъ прогнозѣ. Темно и безрадостно ближайшее будущее Россіи. Придется еще долго расплачиваться за исторически напрасно «разбитые горшки»; за срывъ революціи; за «похабный» миръ; за недопустимую роскошь, которую себѣ позволилъ русскій народъ, пребывая 3 1/2 года подъ властью «рабоче-крестьянскаго правительства». За все это придется платить и платиться. Но худшее, надо думать, все-же позади. Будущее Россіи неотдѣлимо отъ будущности ея народа и его революціи. Ни одинъ народъ не можетъ творить исторію внѣ и вопреки своей національной революціи. Съ точки зрѣнія реальной политики остается неизблемымъ завѣтъ Барера: «Не будемъ никогда судить революцій, а будемъ пользоваться ея плодами». Если-же все-таки судить русскую революцію, то въ историческомъ прошломъ русскаго народа приходится искать причины того печальнаго положенія, въ которомъ очутилась его великая національная мартовская революція. Конечно, не все и въ до-октябрьскомъ ея фазисѣ было лучезарно. Были темныя пятна и на мартовскомъ солнцѣ. Но только съ октября, послѣ удачи заговорщиковъ и бунтовщиковъ противъ народа, эти ползучія пятна застили собой почти весь свѣтъ, излучавшійся въ мартѣ народной стихіей. Въ октябрѣ дѣйствовала кучка заговорщиковъ, и потому въ октябрѣ былъ бунтъ. Въ мартѣ дѣйствовалъ народъ, и потому въ мартѣ была революція.

Война «минировала» не только капиталистическій міръ. Она минировала и международную солидарность трудящихся классовъ. Она взорвала не только Интернаціональ, но и социалистическое и рабочее движеніе внутри каждой страны. Она взорвала и національную революцію русскаго народа.

Было-бы преступнымъ лицемѣриемъ послѣ взрыва революціи сулить трудящимся Россіи блага, которыя до взрыва демокгически имъ обѣщали большевики и которыя обращались въ свою прямую противоположность въ мѣру укрѣпленія «рабоче-крестьянской власти». Нельзя говорить о сохраненіи власти за трудящимися, потому что сохранить можно лишь то, чѣмъ обладаешь: трудящіеся-же въ Совѣтской Россіи давно уже утратили и тѣнь власти, которой когда-то обладали.

Если Россіи дано будетъ осуществить послѣдовательное народовластіе и, утвердивъ республику, обезпечить достойный человѣка жизненный уровень для трудящихся, — она разрѣшитъ исторически обусловленную, ограниченную, но зато реальную, элементарную, но вмѣстѣ съ тѣмъ непреложную

задачу революціи и оправится отъ нанесенныхъ ей ранъ и увѣчій. Чтобы выйти на широкую историческую дорогу, для Россіи закрыть лишь одинъ путь — путь, хотя-бы и кратковременной, бѣлой диктатуры. Ибо Россія—не Финляндія, не простое и малое государство, а государство сложное,—своеобразная Лига Народовъ.

Еще на зарѣ русской революціи покойный Э.Э. Кокошкинъ со свѣйственной ему отчетливостью формулировалъ необходимость республиканской формы правленія для Россіи словами: нельзя одновременно быть съ царемъ и быть съ Россіей; быть съ царемъ значитъ быть противъ Россіи.—Послѣ опыта четырехъ лѣтъ и того состоянія, въ которомъ сейчасъ находится Россія, — болѣе чѣмъ очевидно, что кто хочетъ видѣть Россію собранной воедино и подлинно великой,—тотъ не можетъ ей желать ни царя, ни диктатуры. Быть съ царемъ сейчасъ, быть можетъ, болѣе чѣмъ когда-либо въ исторіи Россіи значитъ быть противъ Россіи.

И чѣмъ скорѣе будутъ изжиты красные миражи, бѣлыя мечты и черные призраки, чѣмъ тверже усвоитъ русскій народъ официальный пароль Конвента (послѣ термидора) — «война роялистамъ и террористамъ!» — тѣмъ больше будетъ у Россіи шансовъ наверстать потерянное за послѣдніе годы.

Fata volentem ducunt — nolentem trahunt. Также и судьбы революціи — повинующихся онѣ ведутъ, а упирающихся влекутъ насильно.

Маркъ Вишнякъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. Н. Соколовъ. — ПРАВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА. (Изъ воспоминаній). Софія 1921 г.

Не безъ интереса берешься за эту книжку въ триста почти страницъ. Авторъ не случайный наблюдатель. К. Н. Соколовъ былъ не только весьма приближеннымъ совѣтчикомъ ген. Деникина, царедворцемъ, но и носителемъ отвѣтственной власти; мало того, онъ авторъ многихъ проектовъ государственнаго устройства территоріи блаженной памяти «вооруженныхъ силъ Юга Россіи». И, наконецъ, всякій, кому пришлось быть въ 1919-20 гг. на югѣ Россіи, помнить К. Н. Соколова, — какъ имя весьма популярное въ разныхъ слояхъ населенія и вездѣ ненавистное. Особо ненавистное тамъ, гдѣ царилъ знаменитый «Освагъ» (Освѣдомительное агентство), душой котораго былъ К. Соколовъ.

Какъ видите, К. Н. Соколову есть о чемъ вспомнить. Увы, читатель начинаетъ разочаровываться съ первой же страницы. Авторъ опустил многое и заявляетъ, что въ его книжкѣ «нѣтъ всей правды», ибо преждевременно еще о многомъ говорить. Пропущеннымъ оказывается не только многое, но и наиболѣе интересное, какъ напримѣръ, глава о тайнахъ «Освага», обошедшагося казнѣ за годъ болѣе 200 милл. руб.; остается хронологическое изложеніе общеизвѣстныхъ событій, да длинный, пересыпанный мелочами разсказъ изъ личной жизни автора, исторіи его проектовъ и т. п.

И если книжка Соколова заслуживаетъ вниманія, то это только благодаря индивидуальности автора. Его бойкій языкъ, откровенныя до цинизма признанія и выводы невольно приковываютъ вниманіе, оживляютъ хронику малыхъ и большихъ событій. Изъ отдѣльныхъ частей, изъ отдѣльныхъ фразъ и характеристикъ встаетъ понемногу вся, печальной памяти, картина «творческой» работы, которую продѣлали надъ частью Россіи г.г. устроители — Соколовы.

Прежде всего о личности самого главы правленія. Портретъ

ген. Деникина вышелъ у К. Н. Соколова очень неудачнымъ; во всякомъ случаѣ получилось нѣчто обратное тому, чего добивался, повидимому, авторъ. Его окруженный ореоломъ таинственности герой, «благородный рыцарь Прекрасной Дамы — Великой, Единой Россіи», «Царь Антонъ» съ «плѣнительно застѣнчивой суровостью манеръ» и «неотразимымъ обаяніемъ» оказывается черезъ нѣсколько страницъ «простымъ русскимъ армейскимъ генераломъ, съ склонностью къ полнотѣ, съ большой голѳой головой», вообще «заурядная наружность, ничего величественнаго, ничего демоническаго». А политическія изреченія генерала, столь умилившія Соколова, Н. И. Астрова и другихъ государственныхъ дѣятелей, были вродѣ слѣдующихъ: «обращаясь къ Н. И. Астрову, генералъ сказалъ: «уполномочиваю васъ быть лидеромъ оппозиціи въ моемъ правительствѣ» или «не бойтесь, Николай Ивановичъ (Астровъ), все будетъ въ порядкѣ, и я буду у васъ въ Москвѣ чай пить» (эти прозорливыя слова относились къ эпохѣ, когда все уже начинало трещать).

Обратимся къ характеристикѣ государственнаго строя, какимъ онъ представляется Соколову. Но сначала два слова о методахъ его творчества въ качествѣ автора различныхъ проектовъ, соглашеній съ другими организаціями и пр.

Вотъ какъ онъ разрѣшалъ, напримѣръ, серьезнѣйшую изъ проблемъ того времени — государственное объединеніе территорій Добровольческой арміи съ казацкими землями: «я постарался найти схему, въ которой сочеталось бы съ диктатурой *ничто это «федерации» и «соглашенія» и «и смастерилъ* еще положеніе о сѣверо-кавказскомъ Союзѣ», *«пристроилъ»* къ моему положенію» и т. д. Таковъ языкъ эгого государствовѣда и степень пониманія своихъ задачъ. Отсюда уже ясными становятся и результаты работы его и прочихъ дѣятелей такъ называемаго національнаго центра. Соколовъ съ обычною игривостью и беззастѣнчивостью выносить убійственный приговоръ ихнему «правленію» и разрушаетъ рядъ легендъ о «здоровомъ демократизмѣ» и о прочихъ здоровыхъ началахъ делинквнскаго строя.

«Наше управленіе было, по преимуществу, управленіемъ черезъ генераловъ». «Въ складкахъ положенія объ Особомъ Совѣщаніи стыдливо прятался принципъ военной диктатуры». «Мы все время пытались немногими общими идеями лучшихъ рѣчей ген. Деникина». «Для васъ существовали два неписанныхъ ограниченія: мы должны были работать безъ социалистовъ и евреевъ». «Такъ называемая декларация о цѣляхъ, какія преслѣдуетъ командованіе вооруженными силами на югѣ Россіи въ вооруженной борьбѣ съ совѣтской властью и въ государственномъ устроительствѣ» была «безобиднымъ памятникомъ нашего либерализма, предназначен-

нымъ «для экспорта». «Особо туманно звучало общанное въ п. III «Народное Собрание».

«Общую внутреннюю политику дѣлалъ на свой страхъ и рискъ каждый главноначальствующій или губернаторъ и своя земельная политика была едва-ли не у каждого командира отдѣльной воинской части и у каждого начальника уѣзда». «Правиломъ было безпрепятственное и систематическое ограбленіе жителей, въ которомъ принимали участіе лица разныхъ ранговъ и положеній. Грабежи озлобляли населеніе, приходившее къ выводу, что при добровольцахъ такъ же плохо, какъ и при большевикахъ». «Сюда надо прибавить свирѣпствовавшую повсемѣстно въ области политическаго сыска контръ-развѣдку и разныхъ комендантовъ, которые такъ же путали общее управленіе, какъ чины военныхъ сообщеній — желѣзнодорожное движеніе». «Были люди съ пониженнымъ чувствомъ отвѣтственности и склонностью къ злоупотребленіямъ. Едва-ли ихъ было у насъ (въ Освагѣ) больше, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ».

Эгими цитатами можно и ограничиться.

Намъ нѣтъ мѣста на подробныя опроверженія фактической неправды, которую пестритъ книжка Соколова относительно многихъ событій, особенно на Кубани. Приходится, между прочимъ, пожалѣть, что авторъ отказался отъ разсказа о томъ, что онъ называетъ «кубанскимъ дѣйствомъ», т. е. о разгонѣ краевой рады, разстрѣлахъ и о повѣшеніи на крѣпостной площади г. Екагеринодара депутата Калабухова. Жаль потому, что во всей этой исторіи, вплоть до преступной и варварски жестокой расправы съ Калабуховымъ, народная молва Екагеринодара приписывала г. Соколову почетную роль отвѣтственнаго лица и участника.

К. Н. Соколовъ своей книжкой, несмотря на умолчанія и неправду, является еще однимъ свидѣтелемъ въ пользу того, что давно и не разъ писалось о деникинской и колчаковской эпохахъ. Новизною до нѣкоторой степени является лишь то, что на этотъ разъ передъ нами свидѣтельство одного изъ тѣхъ, чья работа привела къ провалу дѣла и къ жестокимъ испытаніямъ для несчастнаго населенія. Въ книжкѣ Соколова, въ его лично нарисованномъ портретѣ, въ его характеристикахъ и разсужденіяхъ — отраженъ весь духъ и государственный разумъ этихъ строителей. Воистину это строители новой смуты.

А. Аргуновъ.

Сергѣй Булгаковъ. — НА ПИРУ БОГОВЪ. Современные діалоги. (Россійско-Болгарское Книгоиздательство, Софія).

Изданные недавно въ Софіи діалоги С. Булгакова написаны были авторомъ еще въ 1918 г. Не много времени прошло, какъ будто, но очень многое уже въ нихъ успѣло поблекнуть и устарѣть. Читаешь сейчасъ эти страницы, написанныя, повидимому, съ большимъ подъемомъ, съ горячимъ, искреннимъ чувствомъ, и кажется, будто просматриваешь «хорошія» статьи старыхъ газетъ и журналовъ.

Вопросы, волнующіе Булгакова, проблемы, которыя онъ пытается освѣтить, не потеряли, однако, своей остроты. Напротивъ, они еще болѣе, быть можетъ, обострились и поражаютъ насъ еще злѣе, ядовитѣе, сильнѣе раздражаютъ, настойчивѣе къ намъ подступаютъ и грозно требуютъ разрѣшенія. Темы автора остались современными и разсужденія его, какъ будто, своевременны. И все-же, воспринимаешь ихъ какъ-то извнѣ, со стороны, какъ нѣчто чуждое, какъ пройденный уже этапъ мысли, на который съ недоумѣніемъ оглядываешься. Перемѣнились, очевидно, мы сами за эти послѣдніе годы, и одинъ и тотъ-же фактъ воспринимается и разсматривается нами уже совершенно иначе, чѣмъ два, три года назадъ.

Эпиграфомъ къ своимъ діалогамъ С. Булгаковъ взялъ извѣстные стихи Тютчева:

Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
 Въ его минуты роковыя:
 Его призвали всеблагіе,
 Какъ собесѣдника на пиръ.
 Онъ ихъ высокихъ зрѣлицъ зритель,
 Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ быть,
 И заживо, какъ небожитель,
 Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

Этимъ опредѣляется то, чѣмъ должны были быть діалоги С. Булгакова, то, что хотѣлъ въ нихъ онъ дать намъ, но чего тамъ вовсе и нѣтъ. Нѣтъ именно настроенія высокой созерцательности, мудрой прозорливости, отрѣшенной ясности. Авторъ, въ дѣйствительности — не зритель вовсе «высокихъ зрѣлицъ»; на пиръ онъ не пошелъ, какъ «собесѣдникъ» всеблагихъ, и къ ихъ «совѣту» онъ не былъ допущенъ, и изъ чаши ихъ безсмертья не пилъ. Персонажи его, подобно всѣмъ намъ — лишь дѣйствующія лица, актеры сами въ той сложной трагикомедіи, которой, быть можетъ, и развлекаются «небожители», но которая больно поражаетъ того, кто принимаетъ въ ней то или другое участіе. Надъ своей частной

ролю авторъ, несмотря на усилія свои — не поднялся и цѣлаго, конечно, не съумѣлъ разглядѣть и охватить. Безсильны и всё мы это сдѣлать по отношенію къ свосму настоящему; но, обращенный въ прошлое, нашъ взглядъ уже проясняется. Въ этомъ — преимущество читателя надъ авторомъ, губительное для послѣдняго.

Понимаемъ мы, быть можетъ, столь-же мало, какъ и прежде, но свое непониманіе, мы, по крайней мѣрѣ, сознаемъ и пытаемся воздержаться отъ тѣхъ стремительныхъ сужденій, отъ тѣхъ поверхностныхъ обобщеній, къ которымъ вынуждала насъ необходимость принять рѣшеніе, судить и дѣйствовать. Лишь разсматривая событія издалека, мы можемъ надѣяться обратиться изъ мимовъ и актеровъ, развлекающихъ боговъ, въ дѣйствительныхъ участниковъ божественнаго пира, мы можемъ любоваться и наслаждаться красотою и разнообразіемъ зрѣлища и постепенно, смутно начать догадываться объ общемъ планѣ и смыслѣ его.

Sub specie aeternitatis видѣтъ данное, настоящее — не дано почти никому. Не удивительно нисколько, поэтому, что въ рѣчахъ персонажей діалоговъ Булгакова, въ мысляхъ Дипломата, Генерала, Общественнаго Дѣятеля, Бѣженца, Писателя, Свѣтскаго Богослова мы не находимъ, на нашъ сейчасъ взглядъ, ничего особенно значительнаго, особенно глубокаго и остраго, чего, казалось, мы были вправѣ ожидать отъ такого бесспорно своеобразнаго мыслителя, какъ С. Булгаковъ. Но это все именно сужденія, теории человѣка, пораженнаго страшными, неожиданными событіями, принужденнаго, не откладывая, дѣйствовать. опредѣлить свое отношеніе къ разражающейся катастрофѣ. По всей вѣроятности, съ высоты «небожительскихъ троновъ» драма эта чрезвычайно занимательна, красива, но тому кто внизу и подхваченъ ураганомъ, приходится, чтобы не погибнуть, хвататься за наиболѣе привычныя, «домашнія», такъ сказать, но по существу наиболѣе ложныя, наименѣе подходящія мысли. Отсюда впечатлѣніе уже знакомаго, уже слышаннаго, которое вызываютъ въ насъ эти пять діалоговъ. Такъ именно мы говорили, такъ всё говорили вокругъ насъ. Этими-же разсужденіями о народѣ, звѣрѣ и богоносцѣ, объ арміи, объ интеллигенціи, о винѣ той или иной партіи, того или иного политическаго дѣятеля мы всё пытались спастись отъ своей растерянности, отъ полнаго непониманія.

Такихъ или въ этомъ родѣ дипломатовъ и генераловъ — мы слышали; хотя нужно сознаться, что реальные военные объ «Энтелехіи» Аристотеля не вспоминали и вообще не обнаруживали такого знанія священныхъ текстовъ, какое показываетъ генераль Булгакова. Оказывается хорошо знакомымъ со Священнымъ Писаніемъ и булгаковскій дипломатъ, позитивистъ, скептикъ, западникъ и даже чуть-ли не кадетъ. Слышали мы и такихъ богослововъ, и такихъ писателей мистиковъ. Но рѣчи ихъ уже не

дѣйствуютъ; мы не хотимъ болѣе звонкими словами и удобными, готовыми формулами укрыться отъ дѣйствительности. Да и надобности такой острой въ этомъ уже болѣе нѣтъ. Хотя это и стоитъ еще большого усилія, но мы можемъ уже позволить себѣ роскошь тщательнаго обдумыванія, взвѣшиванія, сомнѣнія и созерпанія.

Что и слѣга — далъ С. Булгаковъ подзаголовокъ своимъ діалогамъ. Настоящей борьбы противоположныхъ мнѣній здѣсь нѣтъ, однако, ибо слишкомъ неравны сопоставленные авторомъ силы. Представитель общественности, нѣчто вроде земскаго или городского дѣятеля, настолько растерялся, что его лепетъ можно просто скинуть со счета. Остается Дипломатъ — олицетвореніе реалистической политики, и группа религиозно-мистически настроенныхъ персонажей, на сторонѣ которыхъ, повидимому, всѣ симпатіи автора и разногласія которыхъ въ сущности касаются лишь второстепенныхъ вопросовъ. Нѣтъ носителей социалистической мысли, о которой много очень и отрицательно высказываются участники бесѣды, нѣтъ представителей и той интеллигенціи, которую они осуждаютъ, чтобы загѣмъ найти смягчающія ея вину обстоятельства и утвердить возможность ея возрожденія или точнѣе преображенія и спасенія въ спасенномъ народѣ. Ибо хочеть вѣрить С. Булгаковъ, что Россія жива, и кончаегъ онъ свою книгу торжественнымъ, свѣтлымъ аккордомъ:

«Писатель... — Загѣмъ маловѣрствуете? Жива наша Россія, и ходитъ по ней, какъ и древле, русскій Христось въ рабьемъ, поруганномъ видѣ, не имѣя зрака и доброты. Не тотъ, котораго Блокъ показалъ, не «снѣжный и надвѣющнй», но свѣтлый вертоградарь въ завѣтномъ питомникѣ своемъ, зоветъ Онъ тихимъ голосомъ: Марія! — и вотъ-вотъ услышитъ завѣтный зовъ русской души и съ воплемъ безумной радости падеть къ ногамъ своего Раввунн... Кромѣ этой вѣры, кромѣ этой надежды, ничего у насъ болѣе нѣтъ. Но русская земля это знаетъ, и она спасетъ русскій народъ: по ней стопочки Богородицыны ступали»...

«Блѣженецъ — ...Бояться за Россію, въ послѣднемъ и единственно важномъ, окончательномъ смыслѣ намъ не слѣдуетъ, ибо Россія спасена — Богородинною силою. И объ этомъ, повѣрьте, твердо знаетъ вся православная Россія».

Одинъ лишь дипломатъ остается чуждъ этой религиозной вѣрѣ.

Одна черта поражаетъ во всѣхъ размышленіяхъ Булгакова и не только одного его, ибо въ извѣстномъ отношеніи онѣ, эти размышленія, чрезвычайно типичны и показательны: совершенное въ нихъ отсутствіе чувства личности, живой конкретной индивидуальности, отсутствіе заботы, мысли объ отдѣльномъ человѣкѣ, полное непониманіе цѣнности вотъ этого Ивана, Петра. Собесѣдники имѣютъ въ виду лишь Россію, народъ, интеллигенцію. Нація, страна — для нихъ есть все. Мысль, что личность чело-

вѣческая есть нѣчто болѣе, чѣмъ матеріаль, и даже больше, чѣмъ клѣточка въ организмѣ — имѣ вовсе даже не приходитъ въ голову. Личность для нихъ — объектъ воздѣйствія, средство; сама по себѣ она ихъ вовсе не интересуеть. Оперируя въ мышленіи своемъ лишь большими людскими массами, С. Булгаковъ не думаетъ о томъ, что, быть можетъ, онъ просмотрѣлъ и растерялъ самое цѣнное — индивидуальность, ея достоинство, ея права, ея свободу. Онъ не видитъ, что однимъ изъ главныхъ результатовъ европейской войны и ея русскаго плода — большевиизма — было поражение индивидуалистическихъ тенденцій, отбросившее насъ на нѣскольکو вѣковъ назадъ: съ такимъ трудомъ завоеванныя и утвержденныя права личности — вновь теперь отняты. Вновь личность, закрѣпощенная, растворяется въ классѣ, въ городѣ, въ націи, въ государствѣ, въ церкви, и обращается этими «Левіаѳанами» въ простое орудіе достиженія собственныхъ какихъ-то цѣлей. Собесѣдники въ діалогахъ Булгакова не чувствуютъ, не видятъ проблемы личности, не понимаютъ трагической антиномичности ея въ современной культурѣ. Но, повторяю, взгляды, настроенія С. Булгакова въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны и типичны: нашу военную и послѣ-военную эпоху можно было-бы опредѣлить, какъ сумерки индивидуальности, и, быть можетъ, здѣсь именно и кроется наибольшая опасность для европейской культуры.

Рабиндранатъ Тагоръ. — ДОМЪ И МІРЪ (La Maison et le Monde. — Rabindranath Tagore. Traduction française par E. Roger-Cornaz. Payot, Paris).

Появившійся только-что во французскомъ переводѣ послѣдній, большой романъ Рабиндранатъ Тагора — произведеніе совершенно исключительное по значительности и силѣ мысли, по яркости и законченности художественныхъ образовъ. Передъ нами, безъ сомнѣнія, одно изъ наиболѣе крупныхъ и совершенныхъ созданій міровой литературы за два первыхъ десятилѣтія текущаго столѣтія.

До сихъ поръ мы знали, главнымъ образомъ, Рабиндранатъ Тагора, какъ религіознаго лирика. Но въ послѣднемъ своемъ романѣ онъ является передъ читателями, какъ эпикъ, какъ реалистъ и точный наблюдатель, оставаясь, однако, самимъ собою, тѣмъ-же поэтомъ мистикомъ, котораго мы знали и любили. Въ этомъ гармоничномъ сочетаніи тонкаго психологическаго анализа, глубокой созерцательности, спокойной, объективной повѣствован-

тельности и лирическаго одушевленія — своеобразная прелесть, волнующее очарованіе романа или, точнѣе — поэмы Рабиндранатъ Тагора, въ личности котораго сплелись, объединенные до полнаго отождествленія, художникъ, моралистъ, мыслитель и мистикъ.

Совершенно особое впечатлѣніе, производимое этимъ романомъ, то необычайное ощущеніе свѣжести и новизны, которое онъ возбуждаетъ, вызваны отчасти, конечно, и той удивительной, парадоксальной для насъ, полной противорѣчій средой, въ которую вводитъ читателей авторъ, среду культурныхъ индусовъ, аристократовъ и революціонеровъ, пылкихъ патріотовъ, влюбленныхъ въ свою страну, въ ея вѣрованія и традиции, мечтающихъ объ освобожденіи ея, но впитавшихъ въ себя вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе утонченную европейскую цивилизацію, читающихъ дневникъ Амеля, переводящихъ Броунинга, цитирующихъ Ницше. Они работали въ университетахъ, путешествовали по Европѣ и въ мышленіи своемъ объединяють ученія Бхагаватъ Гиты съ теоріями европейскихъ философовъ. Этотъ міръ, намъ совершенно незнакомый, намъ чуждый, художникъ дѣлаетъ близкимъ, понятнымъ, не уничтожая въ то-же время его своеобразія, его исключительности; онъ заставляетъ насъ полюбить его, признать его значительность.

Для насъ, русскихъ, романъ Рабиндранатъ Тагора представляетъ особое значеніе и долженъ вызвать въ насъ, мнѣ кажется, повышенный къ себѣ интересъ.

Дѣйствительно, и мы также для Европы — чужаки; мы пришли къ ней какъ-бы извнѣ, со стороны; мы вовсе не принимали участія въ выработкѣ ея культуры или, во всякомъ случаѣ, очень мало и получили отъ нея культуру эту въ готовомъ, такъ сказать, видѣ, приспособляя ее затѣмъ болѣе или менѣе удачно къ своимъ потребностямъ, къ своимъ особенностямъ. Но все-же, частью своего существа, а также и исторически (черезъ Византію) мы — европейцы, западные люди. Съ европейской семьей народовъ сближаетъ насъ и религія, несмотря на внутреннія отличія православія отъ католичества, и протестантизма. Къ тому-же, Западу мы можемъ противопоставить слыхомъ мало въ смыслѣ культурныхъ, объективныхъ цѣнностей, ибо все, что мы создали въ этой области — иконопись, напр., церковная архитектура — идетъ отчасти отъ того-же Запада и восходитъ почти всегда въ конечномъ итогѣ къ эллинизму. Но Индія имѣетъ свою собственную культуру, древнюю, своеобразную, богатую; во многихъ отношеніяхъ полярную европейской, равную ей въ своемъ родѣ, кое въ чемъ превосходящую ее. Здѣсь нынѣ Востокъ дѣйствительно сталкивается съ Западомъ, и борьба ихъ, и взаимное проникновеніе протекають въ современной Индіи съ исключительной силой и напряженностью. Здѣсь мы, русскіе, находимъ поэтому по-

ставленными въ наиболѣе рѣзкой, до предѣла обостренной формѣ нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ, которыми болѣемъ и мы. Здѣсь, быть можетъ, и вырабатывается сейчасъ та новая культура, которая должна явиться синтезомъ Востока и Запада. Въ этомъ отношеніи мѣръ, раскрываемый передъ нами Рабиндранатъ Тагоромъ, представляется гораздо болѣе значительнымъ и цѣннымъ, сложнымъ и богатымъ, чѣмъ тотъ, который являетъ намъ Китай и, въ особенности, Японія: Въ Японіи происходитъ своеобразная европеизація, при которой отъ Европы берется ея техника, ея вооруженіе, ея научные методы; они просто присоединяются къ старой восточной культурѣ; духъ послѣдней пребываетъ почти неизмѣннымъ и пропасть между нимъ и Западомъ остается незаполненной. Иное, повидимому, происходитъ въ Индіи: тутъ мы имѣемъ дѣйствительное сближеніе между обѣими цивилизаціями, своеобразный процессъ осмоза, при которомъ индусская интеллигенція пріобщается къ самому духу европейской культуры, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ своего національнаго чувства.

Романъ написанъ во формѣ чередующихся отрывковъ изъ дневниковъ трехъ героев: владѣтельнаго князя, Никхиль, его жены — Бимала и индусскаго патріота, революціонера и демагога — Сандипъ. Вокругъ нихъ — нѣсколько эпизодическихъ персонажей: учитель раджи-Шандранатъ Бабу; юноша, послѣдователь Сандипа — Амудія; сестра раджи... Въ жизни княжескаго дома съ новизною смѣшались старинные обычаи. Никхиль окончилъ университетъ въ Калькуттѣ; у него обширная бібліотека. Бимала беретъ уроки англійскаго языка, прячется и одѣвается по-европейски. Но, признается она, когда по просьбѣ мужа ей пришлось впервые одѣть башмачки, она заплакала отъ стыда. Въ домѣ женщины отдѣлены отъ мужчинъ, и Бимала и Никхиль видятся лишь въ опредѣленные часы. Одѣтая въ европейскій, декольтированный корсажъ Бимала, однако, по древнему обычаю раскрашиваетъ киноварью проборъ въ своихъ волосахъ; эта красная черта — знакъ высокаго достоинства супруги. И совершенно такъ же, какъ въ прежнія времена, Бимала, желая оказать почтеніе мужу или учителю его, «стираетъ пыль съ ихъ ногъ». Вполнѣ счастливая, она живетъ, не зная міра, ограниченная предѣлами своего дома, своего хозяйства, которые представляются ей вселенной. Нѣжно любящій ее Никхиль хочетъ ввести ее въ мѣръ, но она отказывается. Въ странѣ, однако, растетъ націоналистическое движеніе; оно принимаетъ сначала лишь экономическія формы: это «Свадеши», систематическій бойкотъ иностранныхъ товаровъ». Во главѣ патріотической партіи стоитъ Сандипъ Бабу. Появленіе его въ домѣ раджи нарушаетъ тихую жизнь этого мірка. Бимала увлечена бурной проповѣдью патріота-революціонера, за которымъ бѣгутъ толпы учениковъ. Она под-

чняется его вліянію и очень быстро, конечно, охвачена любовью къ нему. Изумительное мастерство проявляетъ авторъ въ описаніи этого сложнаго чувства, въ которомъ патриотическій и религіозный восторгъ сочетается съ исключительно чувственнымъ влеченіемъ къ человѣку, эгоизмъ котораго и грубость Бимала видить ясно, котораго она даже презираетъ, но которому противостоять она не въ силахъ.

Никхиль и Сандипъ — два противоположныхъ представителя современной индусской интеллигенціи. Въ первомъ—европейская образованность сочетается съ тишично индусскимъ, подернутымъ аскетизмомъ и морализирующимъ міровозрѣніемъ. Онъ — ученикъ браминской философіи. Понимая и любя Европу, онъ любитъ и свою страну; но въ патриотизмѣ его нѣтъ ничего исключительнаго, наступательнаго; онъ хочетъ свободы и расцвѣта родины, не для того чтобы она была могущественнѣе всѣхъ, но для того чтобы могла она осуществить свои задачи, для того чтобы черезъ нее восторжествовала нравственная правда, которую онъ прозрѣваетъ. Истина — вогь единственная цѣнность. Но само по себѣ торжество той или другой націи не имѣетъ никакого значенія. На этой почвѣ и происходитъ расхожденіе между нимъ и революціонерами, Сандипомъ и собственной женой:

«Я готовъ, говорить онъ, служить моей странѣ; но обожаніе свое я храню для Истины, которая гораздо выше моей страны. Обожать страну свою, какъ бога, значить обречь ее на несчастье и горе».

— Исторія всѣхъ странъ, воскликнула я (Бимала), исторія Франціи, точно также какъ и исторія Англіи, исторія Германіи и Россіи не является-ли исторіей грабежей, совершенныхъ ради отечества?

— Они должны будутъ отвѣтить за эти грабежи. Ихъ исторія еще не закончена.

— Какъ-бы то ни было, возразилъ Сандипъ, почему не послѣдуемъ мы ихъ примѣру? Начнемъ съ залопненія сундуковъ нашего отечества награбленными богатствами; а затѣмъ, въ теченіе вѣновъ, если это будетъ необходимо, понесемъ какъ дѣлають эти страны, отвѣтственность за совершенные грабежи. Но, я васъ спрашиваю, гдѣ усматриваете вы эту «отвѣтственность» въ исторіи?

— Когда Римъ оплачивалъ свои грѣхи никто этого не зналъ. Его благоденствіе назалось безпредѣльнымъ. Но развѣ вы не видите, что эти политическіе мѣлки, которые народы носятъ за своими спинами, трещать отъ обмановъ и предательствъ и тяжестью своей ломають ихъ хребты?

Никхиль заноситъ въ свой дневникъ: «я считаю слабостью всякую силу, дѣйствующую насиліемъ. Лишь слабые не имѣють мужества быть справедливыми; они хотятъ избѣжать обязанности

быть справедливымъ и пытаются добиться быстрыхъ результатовъ сокращенной дорогой несправедливости... Желаніе дать страстямъ нашимъ мѣсто самой Истиной — вѣрный знакъ рабства... Умъ Сандипа изощренъ, но природа его вульгарна; вотъ почему онъ украшаетъ благозвучными именами свои желанія, самыя эгоистичныя... Но Бимала боготворитъ Сандипа, какъ героя, и я колеблюсь говорить съ ней объ этомъ, изъ боязни чтобы ревность не толкнула меня неволью на какое-нибудь преувеличеніе».

Мы сказали-бы, что Никхиль, къ которому авторъ чувствуетъ, повидимому, особенную нѣжность, что Никхиль—толстолицъ, если-бы мы не знали какъ многимъ обязано толстовское ученіе индуизму и, въ частности, буддизму.

Сандипа можно было-бы назвать ницшеанцемъ, въ самомъ популярномъ смыслѣ этого слова. Онъ, во всякомъ случаѣ — типичный аморалистъ. Отъ Европы онъ воспринялъ иное тѣмъ, Никхиль: не утонченность ея культуры, не поэзію ея, искусство, мышленіе; но культъ силы, преклоненіе передъ успѣхомъ. Идеаломъ его патріотическаго воодушевленія являются великія державы Запада; имъ уподобить онъ хотѣлъ-бы Индію, съ тѣмъ, конечно, чтобы самому управлять этой новой Индіей. Онъ признается въ своемъ дневникѣ: «значительный человѣкъ говоритъ: что мнѣ предназначено, то мнѣ принадлежитъ; и слабый человѣкъ соглашается. Но великій урокъ всей исторіи сводится къ стѣдующему: то, что я могу силой вырвать у другихъ, мнѣ принадлежитъ по праву. Каждый человѣкъ по природѣ своей имѣетъ право владѣть, и поэтому жадность вполнѣ естественна. Мудрость природы запрещаетъ намъ примиряться съ нуждою... Моральные идеалы нужны лишь печальнымъ, анемичнымъ созданіямъ, объятія которыхъ слабы, голодны желанія. Тѣ, которые хотятъ всею душою своею и наслаждаются всѣмъ своимъ сердцемъ, тѣ, которые не испытываютъ ни сомнѣній, ни укоровъ совѣсти, тѣ именно избранники Промысла... Природа отдается; но отдается лишь грабителю. Ибо любить она яростное желаніе, похищеніе, ограбленіе. Гирляндою своего согласія она не оплетаетъ костлявой шеи аскета... Я стыжусь? Нѣтъ, мнѣ никогда не бываетъ стыдно. Я прошу того, чего желаю, а иногда — сначала беру, а потомъ лишь—прошу... Міръ, гдѣ мы находимся, есть міръ реальный. Когда человѣкъ покидаетъ реальный міръ съ пустыми руками или съ пустымъ желудкомъ, наполнивъ свой мѣшокъ лишь высокими, звонкими словами, я спрашиваю себя: зачѣмъ онъ приходилъ въ этотъ жестокой міръ?»

Иногда кажется, что Сандипъ прочелъ нашего Санина. На самомъ дѣлѣ индусская мысль давно уже знала аморалистовъ и крайнихъ эпикурейцевъ.

Бимала, однако, сопротивляется, и когда однажды Сандипъ

пытается обнять ее, она его отталкивает. Но, не колеблясь, она для него, для патриотического дѣла обкрадывает кассу мужа. Никхиль понимает, что онъ потерялъ жену, но онъ не хочетъ насильно удержать ее; онъ предоставляетъ ей свободу, которой, однако, она отказывается воспользоваться, ибо Сандипъ все-же пугаетъ ее, и жадность, съ которой онъ взялъ деньги, внушила ей отвращеніе. Но пропаганда Сандипа и его учениковъ возымѣла свое дѣйствіе; Никхиль, который отказывается содѣйствовать силою движенію «Свадеши», обвиняютъ въ предательствѣ англичанамъ. Пытаясь скрыть свой проступокъ, Бимала запутывается еще болѣе, прикрываетъ одно воровство другимъ. Въ концѣ концовъ Сандипъ принужденъ уѣхать; но Никхиль раненъ смертельно во время возстанія. Бимала одна.

Противоположность двухъ пониманій задачъ и судьбы націй, индусскаго и европейскаго, выражена очень ясно въ слѣдующей записи изъ дневника Сандипа:

«— Успѣхъ, котораго вы ищете, сказалъ мнѣ однажды Никхиль, искупается лишь цѣною души. Но душа драгоценнѣе успѣха.

Я отвѣтилъ просто:

— Ваши слова слишкомъ туманны.

— Это не моя вина, отвѣтилъ Никхиль. Жизнь нельзя опредѣлить, точно машину... Душа не столь проста, какъ успѣхъ, и вы потеряете ее, если вы будете искать осуществленія ея лишь въ успѣхѣ.

— Гдѣ-же это чудесная душа?

— Тамъ, гдѣ она знаетъ себя, въ безконечности, надъ всякимъ успѣхомъ.

— Но какъ примѣнить эту теорію къ той работѣ, которую мы совершаемъ ради нашей родины?

— Наилучшимъ образомъ: тамъ, гдѣ отечество хочетъ быть нашей цѣлью, единственной и послѣдней, оно пріобрѣтаетъ успѣхъ своей цѣною души. Тамъ-же, гдѣ оно признаетъ, что Величайшее все же больше его, успѣха быть можетъ оно не достигнетъ, но пріобрѣтетъ за то душу...

Я понимаю въ сущности точку зрѣнія Никхиль. Я слишкомъ хорошо ее понимаю. Я родился въ Индіи; ядъ спиритуализма течетъ и въ моихъ жилахъ... Подобныя аномаліи часты сегодня въ нашей странѣ. Мы жаждемъ одновременно и религіи, и патриотизма, и «Бхагаватъ Гиты» и «Банда Матарамъ» (начало патриотической пѣсни: «привѣтъ! родина мать!»). Но отъ этого страдаетъ и то и другое. Получается нѣчто вродѣ концерта, въ которомъ англійскіе духовые инструменты слились-бы съ нашими національными флейтами... Я хочу, чтобы побѣдилъ военный стиль Запада, но не восточный стиль Индіи!!»

Не болѣемъ-ли мы тѣмъ-же раздвоеніемъ? Не слышны-ли его отголоски и въ Діалогахъ С. Булгакова?

Но для Рабиндранатъ Тагора отвѣтъ повидимому ясенъ; идеаль его — нравственный, религіозный; мощь великихъ западныхъ державъ его не прельщаетъ. Никхиль для поэта—прообразъ новаго человѣка, представитель той новой культуры, которую породить оплодотворенный Западомъ Востокъ.

Б. Шлецеръ.

Ж. Рони (Старшій). ФАКЕЛЫ И ПЛОШКИ. Литературныя воспоминанія. (Torches et Lumignons). Изд. La Force française.

Ж. Рони — единственный почти нынѣ представитель одной изъ наиболѣ шумныхъ и блестящихъ, если не значительныхъ, эпохъ французской литературы XIX в. То было время — три послѣднія десятилѣтія — пышнаго развитія и побѣднаго шествія реализма и претендовавшаго быть его завершеніемъ — натурализма, въ лицѣ братьевъ Гонкуръ, Альфонса Додэ, Мопассана, Золя, Гюисманса, позднѣе отъ нихъ отколовшагося. Далеко уступая этимъ писателямъ по силѣ дарованія, Рони все-же принадлежалъ къ ихъ группѣ, и въ исторію литературы онъ войдетъ несомнѣнно, если и не вмѣстѣ съ ними, то сейчасъ-же вслѣдъ за ними; хотя онъ-же, одинъ изъ первыхъ, рѣшился протестовать противъ крайностей натурализма послѣ выхода въ свѣтъ «Земли» Золя.

Воспоминанія Ж. Рони, близко знавшаго всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ художниковъ слова конца прошлаго вѣка, вращавшагося въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ кругахъ, принимавшаго участіе во многихъ журналахъ и газетахъ, интимнаго друга братьевъ Гонкуръ, членомъ академіи которыхъ онъ состоитъ, эти воспоминанія могли-бы быть чрезвычайно интересными; въ нихъ ожидаешь найти цѣнный матеріалъ для характеристики людей, настроеній и мыслей этой богатой эпохи; въѣдъ умственная исторія этихъ послѣднихъ десятилѣтій представляется намъ еще чрезвычайно смутной. Но ожиданія читателей обманываются, и книга Рони въ этомъ отношеніи разочаровываетъ. Въ гораздо еще большей степени, чѣмъ извѣстный «Журналъ» братьевъ Гонкуръ, она обнаруживаетъ какъ трудно бываетъ даже крупной сравнительно личности подняться хотя-бы на краткое мгновеніе надъ собою, надъ своими привычками, интересами,

симпатіями и антипатіями, какъ неспособенъ человѣкъ взглянуть со стороны на себя, на среду свою, какъ не въ силахъ онъ объективно, незаинтересованно созерцать окружающее и освободиться отъ профессиональныхъ навыковъ. Отсюда большею частью — полное неумѣніе понять происходящее вокругъ, въ немъ разобраться. Таковы, впрочемъ, за очень рѣдкими исключеніями, всѣ почти «воспоминанія современниковъ», которыми мы такъ дорожимъ. Какъ фактической матеріаль — они могутъ представить большой интересъ, но безпристрастныя сужденія, правильныя оцѣнки, вѣрная перспектива — все это встрѣчается здѣсь чрезвычайно рѣдко; для этого необходимо время.

Въ книгѣ ямбуются, однако, мѣткія характеристики и портреты отдѣльныхъ писателей, но сдѣланные писателемъ, т. е. со спеціальной, профессиональной точки зрѣнія. Мы узнаемъ очень мало о человѣческой, о художественной личности Золя, Гонкуръ, объ ихъ характерѣ, о взглядахъ на искусство, о способѣ ихъ работы, о литературныхъ бесѣдахъ и спорахъ; по передъ нами проходитъ рядъ настоящихъ «работниковъ пера», мастеровыхъ «литературнаго цеха», обладающихъ, несмотря на всѣ различія, существующія между ними, одной общей, профессиональной психологіей, основныя черты которой — самолюбіе, тщеславіе, зависть, подозрительность, жажда успѣха. Въ этомъ мірѣ, въ обществѣ такихъ тонкихъ людей, какъ братья Гонкуръ, такихъ пылкихъ и чувствительныхъ, какъ Альфонсъ Додэ, господствуетъ, судя по книгѣ Рони, совершенно тотъ-же духъ, что въ какой-нибудь захолустной компаніи актеровъ: обвиненія въ недобросовѣстности, въ плагиатѣ, интриги, беспощадная борьба въ редакціяхъ и въ кабинетахъ издателей и погоня за аплодисментами. Эту сторону хорошо ему знакомой французской литературной среды Рони вовсе не подчеркиваетъ сознательно; онъ не преслѣдуетъ никакихъ моральныхъ, обличительныхъ цѣлей; онъ хочетъ быть только живымъ, занимательнымъ, точнымъ, но само собою дѣлается такъ, что въ дѣятельности талантливыхъ, выдающихся людей, среди которыхъ онъ жилъ, онъ выдѣляетъ эти именно, «профессиональныя», т. е. деформированныя черты, потому-что онъ самъ профессиональ, «работникъ» пера и зараженъ этой специфической психологіей.

Чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно дѣлается произвольно, достаточно вспомнить «Дневникъ» Эдмона и Жюль де Гонкуръ, художниковъ значительно превосходящихъ Рони, острыхъ и тонкихъ наблюдателей, но оказавшихся не менѣе, чѣмъ онъ, зараженными «цеховыми» взглядами и предразсудками и потому неспособными видѣть и понять происходящее. Насколько далеко стоялъ напротивъ отъ этой среды и отъ этой профессиональной, однобокой психологіи гениальный Флоберъ!

Тутъ и тамъ въ книгѣ Рони разсѣяны, однако, интересныя замѣчанія, приводятся характерныя признанія и разговоры.

«Я рѣдко видѣлъ людей, говоритъ Рони объ Эдмонѣ де Гонкурѣ, которые до такой степени преувеличивали бы значеніе постоянныхъ непріятностей литературной жизни... Къ этому присоединялась еще чрезмѣрная чувствительность къ славѣ. Этотъ человѣкъ, вовсе лишенный религіозной вѣры, съ какимъ-то отчаяніемъ вѣрилъ въ безсмертіе книгъ. Однажды, когда мы говорили о концѣ міра и я высказывалъ различныя гипотезы, онъ гнѣвно прервалъ меня: «Значитъ, я работалъ въ теченіе сорока лѣтъ, я отказывалъ себѣ въ тысячи вещей, которыя были-бы мнѣ такъ пріятны... и все это для того, чтобы земля умерла»!.. Это чувство способствовало выработкѣ въ немъ чрезвычайно высокаго представленія объ искусствѣ. Никто не придавалъ такого значенія этимъ хрупкимъ произведеніямъ, которыя человѣкъ создаетъ съ помощью пера, кисти или рѣзца. Это была настоящая страсть. Ничто для него не могло сравниться съ прекрасной книгой, съ красивымъ полотномъ, съ красивой статуей, съ прекрасной бездѣлушкой. Этотъ культъ, страстный, постоянный, проявлялся во всѣхъ его поступкахъ, во всѣхъ его рѣчахъ... Гонкуръ не имѣлъ общихъ идей. Онъ смущали его, сердили. Онъ склоненъ былъ считать ихъ ненужными, почти вредными... Онъ охотно олицетворялъ философію въ Ренанѣ, у котораго онъ отрицалъ наличіе всякаго чувства дѣйствительности: «Онъ даже не знаетъ какова цвѣта обои его спальни; она все видитъ въ туманѣ, людей, любовь, природу; его мысль плаваетъ въ пустотѣ». Рони отмѣчаетъ «честность» Гонкура, его «чрезвычайную лояльность, доразительную, въ этомъ литературномъ мірѣ, гдѣ господствуетъ вѣроломство».

Съ особой нѣжностью Рони относится къ Додэ, которому онъ посвящаетъ двѣ главы своей книги; лишь къ Додэ онъ подходит не какъ къ литератору только, но также и какъ къ человѣку: «чтобы удержаться на своей высотѣ, Гонкуръ, Лоти, Золя, Мопассанъ, Гюисмансъ нуждались въ своихъ книгахъ. Додэ, равный своимъ произведеніямъ, сохранялъ еще запасы жизни, которые онъ не пытался выразить въ печатномъ словѣ... Во всѣ событія своей жизни онъ вносилъ свою душу, одновременно страстную и внимательную, пылкую и настороженную, чрезвычайно сильный инстинктъ и... способность вибрировать въ полномъ соотвѣтствіи съ природой, съ живыми существами. Страданіе завершило его характеръ; это былъ конкретный философъ, замѣнявшій общія идеи множествомъ фактовъ».

Послѣднія главы посвящены журналистикѣ: тутъ фигурируютъ всѣ болѣе или менѣе извѣстные критики, хроникеры, фельетонисты; любопытны описанія редакцій «Figaro», «Echo de Paris» и др. Здѣсь нѣтъ уже болѣе рѣчи о литературѣ, объ искусствѣ.

вѣ; одна неприкрашенная обнаженная борьба за власть, за деньги и вліяніе, борьба, въ которой деформируется, искривляется характеръ и гибнетъ талантъ.

«Факелы и плошки», въ сущности — памфлетъ противъ французскаго писательскаго міра, тѣмъ болѣе убѣдительный, что авторъ міръ этотъ, повидимому, любитъ и пишетъ вполне bona fide.

Б. Ш.

Архивъ Русской Революціи, издаваемый І. В. Гессеномъ. Томъ І.

Объемистый, прекрасно изданный томъ открывается вступленіемъ, въ которомъ намѣчаются «Задачи Архива». Въ немъ опредѣляется «исчерпывающая цѣль изданія — дать правдивую картину, содѣйствовать исторической истинѣ». По столь-же правильному замѣчанію составителя предисловія, «эта задача, очевидно, совершенно исключаетъ всякую предвзятость и партійность». «Нѣтъ, пожалуй, болѣе вреднаго» и празднаго занятія, чѣмъ искать теперь правыхъ и виноватыхъ. Никакой натяжки нѣтъ въ томъ, если сказать, что виноватыхъ нѣтъ или, еще вѣрнѣе, что мы всѣ виноваты и вина еще больше увеличится, если мы станемъ искать, на кого намъ овою вину переложить» (стр. 8).

Если судить по содержанію выпедшаго пока перваго тома «Архива», приходится съ сожалѣніемъ констатировать, что правильно поставленная задача не только не осуществлена, но, если и въ дальнѣйшемъ изданіе пойдетъ тѣмъ-же путемъ, — явно и не будетъ, не можетъ быть осуществлена.

Интересъ «Архива» составляютъ, конечно, не «Документы и Письма», опубликованные въ немъ и имѣющіе весьма второстепенную и условную цѣнность. Врядъ-ли, въ частности, оправдано помѣщеніе въ «Архивѣ» проекта «Основъ Конституціи Россійскаго Государства», принадлежащаго чешскому дѣятелю д-ру К. Крамаржу. То обстоятельство, что проектъ «былъ разсмотрѣн группой лицъ различныхъ политическихъ направленій» въ Парижѣ и даже «подвергся обсужденію» нѣкоторыхъ близкихъ къ правившимъ сферамъ въ Крыму и Ростовѣ, — врядъ-ли можетъ почитаться достаточнымъ для включенія его въ «фактописъ» русской революціи. Столь широкое толкованіе предмета своего вѣдѣнія вывело-бы «Архивъ» далеко за предѣлы поставленной себѣ и безъ того громадной задачи.

Интересъ «Архива» составляютъ его статьи, — точнѣе, — его первая три статьи: Влад. Набокова, П. Краснова и Р. Донского, изъ которыхъ первая двѣ представляютъ значеніе не только тѣмъ, что онѣ трактуютъ, но и тѣмъ, кто ихъ авторъ.

Всѣ три статьи проникнуты однимъ настроеніемъ, — страстью и гнѣвомъ противъ русской революціи, какъ таковой. Не паталогическія только формы русской революціи вызываютъ въ авторахъ чувства негодованія и презрѣнія, насмѣшки и огорченія, а весь революціонный процессъ въ цѣломъ, до самыхъ ея истоковъ. Эти статьи, дисквалифицируя революцію до уровня простого бунта, сдаютъ всю революцію въ архивъ.

При общности настроенія и одинаковой остротѣ своихъ чувствъ авторы разнятся лишь въ точкѣ приложенія своихъ оцѣнокъ. Р. Донской говоритъ объ «окаянныхъ товарищахъ», имѣя въ виду, по преимуществу, «товарищей большевиковъ». В. Набокова вдохновляютъ, главнымъ образомъ, его чувства къ «соціалистическому болоту». Наконецъ, передъ генер. Красновымъ еще болѣе обширная мишень — «безвольная демократія».

Ст. Р. Донского (псевдонимъ) принадлежитъ перу московскаго профессора-естествоиспытателя, бѣжавшаго полулегальнымъ путемъ изъ Москвы въ Берлинъ. Въ формѣ повѣствованія малолюдному внуку авторъ записываетъ обстоятельства, побудившія его со всей семьей покинуть Россію, — «чтобы, когда ты вырастешь и научишься читать и понимать прочитанное, ты могъ самъ рѣшить, правъ-ли былъ твой дѣдъ, увозя тебя или нѣтъ» (стр. 191). Эти очерки быта совѣтской Россіи 1920 г. производятъ сильное, мѣстами захватывающее впечатлѣніе своею эпичностью. Впечатлѣніе слабѣетъ въ тѣхъ немногихъ, правда, мѣстахъ, гдѣ проступаетъ наружу «прослойка» — политическая тенденція автора. По прочтеніи всей статьи, вліяніе этихъ отдѣльныхъ частныхъ сказывается еще сильнѣе: оно можетъ заставить усомниться даже въ несомнѣнномъ...

Наиболѣе к р а с о ч н о й безспорно является статья П. Н. Краснова, генерала и атамана войска Донского въ періодъ оккупациі германцами юга Россіи. Автобіографическіе мотивы побудили П. Краснова начать свое описаніе съ апрѣля 1917 г., когда онъ рѣшилъ подать рапортъ объ увольненіи его отъ командованія 2-ой Сводной казачьей дивизіи въ отставку, — и закончить описаніе 1 февраля 1918 г., когда «на тряской телѣгѣ, запряженной парой худыхъ лошадей», авторъ въѣзжалъ въ будущую столицу Всевеликаго Дона — Новочеркасскъ. Заглавіе статьи — «На внутреннемъ фронтѣ» правильно передаетъ умонастроеніе и волеустремленіе автора. Внутренній фронтъ для него созданъ еще задолго до того, какъ большевики возвели свои позиціи близъ Гатчины и Царскаго Села въ октябрѣ 17 года.

Описанія П. Н. Краснова чрезвычайно ярки. Можно сказать, — черезчуръ ярки. Его воспоминанія читаются, дѣйствительно, какъ романъ. И въ этомъ — наряду съ комплиментомъ его литературному дарованію, какъ романиста, — рѣзкое осужденіе его воспоминаній, какъ матеріала, пригоднаго «свидѣтельствовать въ часъ великихъ испытаній одну только правду и всю правду», какъ того хотѣлъ-бы авторъ предисловія къ «Архиву». У П. Н. Краснова не замѣтно даже намѣренія приблизиться къ элементарной объективности. Онъ почти рисуется, нарочито подчеркиваетъ свои симпатіи и антипатіи, и даетъ яркій образецъ того о т р и ц а т е л ь н а г о типа составителей мемуаровъ, отъ котораго предостерегаеть,—но, очевидно, самъ себя не предостерегъ — издатель «Архива», когда говоритъ, что каждый изъ такого типа авторовъ «склоненъ ставить себя въ центрѣ событій, вести разсказъ, исходя изъ того, что онъ все предвидѣлъ и что, если-бы осуществился его планъ дѣйствій, то все пошло-бы иначе. Центръ тяжести его воспоминаній перемѣщается: они утрачиваютъ интересъ съ точки зрѣнія той характеристики эпохи, которую силятся дать, но пріобрѣтаютъ цѣнность для характеристики самого пишущаго, какъ одного изъ представителей даннаго момента» (стр. 7).

Для характеристики «самого пишущаго» о томъ, что онъ видѣлъ и какъ дѣйствовалъ «на внутреннемъ фронтѣ», можетъ быть, наиболѣе убѣдительнымъ было-бы сопоставленіе двухъ эпизодовъ, описываемыхъ П. Н. Красновымъ.

«Въ ночь на 26 августа, повѣствуетъ Красновъ, пришла изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго телеграмма, подписанная Корниловымъ. Я былъ назначенъ командиромъ III коннаго корпуса, и Корниловъ требовалъ моего немедленнаго прибытія въ ставку» (стр. 112). «Н и ч е г о н е з н а я» (разрядка П. Краснова), онъ является утромъ 28 августа въ Ставку и представляется Верховному Главнокомандующему.

— Съ нами вы, генераль, или противъ насъ? — быстро и твердо спросилъ меня Корниловъ.

— Я старый солдатъ, ваше высокопревосходительство, — отвѣчалъ я, и всякое ваше приказаніе исполню въ точности и непрекословно.

— Ну, вотъ и отлично. Поѣзжайте сейчасъ-же въ Псковъ. Постарайтесь отыскать тамъ Крымова. Если его тамъ нѣтъ, оставайтесь пока въ Псковѣ; нужно, чтобы побольше было генераловъ въ Псковѣ. Я не знаю, какъ Клембовскій? Во всякомъ случаѣ явитесь къ нему. Отъ него получите указанія. Да поможетъ вамъ Господь! — Корниловъ протянулъ мнѣ руку, давая понять, что аудіенція кончена». (Стр. 113).

И ген. Красновъ отправился въ походъ противъ Временнаго

Правительства. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, и ген. Красновъ уже въ другомъ походѣ съ цѣлью возстановленія того самаго Правительства, которое двумя мѣсяцами раньше онъ шель ниспровергать. Больше того. Возмущенный подозрительной бездѣятельностью Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ ген. Красновъ, если вѣрить его мемуарамъ, предстательствуетъ передъ ген. Черемисовымъ: «Временное Правительство въ опасности, — говорилъ я, — а мы присягали Временному Правительству» (Стр. 148).

Все «начальство», по словамъ Краснова, отнеслось къ выступленію большевиковъ одинаково: «Черемисовъ въ Псковѣ, начальникъ гарнизона въ Ревелѣ, Духонинъ въ Ставкѣ, командиръ XVII корпуса и начальники дивизій, 37-й пѣхотной и 1-й кавалерійской», — «никто не пошелъ противъ нихъ» (стр. 158). Краснову не удалось убѣдить Черемисова. Да это и естественно, ибо Красновъ, не остановившійся самъ передъ нарушеніемъ присяги двумя мѣсяцами раньше, не могъ, конечно, никому импонировать своимъ призывомъ. Какъ дѣятель, которому, волею судьбы, пришлось играть не только военную, но и политическую роль, Красновъ въ своемъ романѣ даетъ такую «философію» измѣнчивости своихъ взглядовъ.

«Спаси армію! Спаси какою угодно цѣною. Не только цѣною жизни, но и цѣною своихъ убѣжденій — вотъ что руководило нами тогда и заставляло вѣрить Корнилову и Крымову» (стр. 117). Это для оправданія измѣны своей присягѣ. Оправданіемъ возврата къ прежней вѣрности служить другое: «Не къ Керенскому иду я, а къ Родинѣ, къ великой Россіи, отъ которой отречься я не могу. И если Россія съ Керенскимъ, я пойду съ нимъ. Его буду ненавидѣть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россію. Она его избрала, она пошла за нимъ, она не сумѣла найти вождя способнѣе, пойду помогать ему, если онъ за Россію» (стр. 149).

Это отъ той-же психологіи, которая побудила Клембовскаго, Парскаго, Гутора и проч. пойти съ Троцкимъ, а Скоропадскаго и самого Краснова съ Вильгельмомъ II. То, что Красновъ создалъ на Дону управленіе «со всѣми реальными и символическими атрибутами державности», «окружилъ себя царской пышностью и завязалъ дипломатическія отношенія съ Берлиномъ», — какъ то живописуетъ любитель всѣхъ этихъ «атрибутовъ» проф. К. Н. Соколовъ (см. «Правленіе генерала Деникина», стр. 64), — а Парскій съ Черемисовымъ предпочли двусмысленную службу Временному Правительству промѣнять на честное служеніе правительству Брестъ-Литовскаго мира — это простая игра случая. Очутись генералъ Красновъ въ Москвѣ, а генералъ Гуторъ въ Новочеркасскѣ, каждый изъ нихъ съ тѣмъ же успѣхомъ исполнилъ бы «партію» другого.

Неумалимая цѣнность воспоминаній П. Краснова въ томъ, что они автентично рисуютъ психологию среды, изъ которой вышли Скоропадскіе, Черемисовы, Парскіе и т. д.

Въ смыслѣ политическомъ центральное мѣсто въ «Архивѣ» принадлежитъ статьѣ В. Д. Набокова о «Временномъ Правительствѣ». Содержаніе статьи гораздо шире своего заглавія. Бывшій управляющій дѣлами Временнаго Правительства въ воспоминаніяхъ, датированныхъ апрѣлемъ 18 года, обозрѣваетъ событія, выходящія и хронологически, и по существу далеко за предѣлы дѣятельности Временнаго Правительства, въ частности, того періода, непосредственнымъ свидѣтелемъ котораго пришлось быть автору.

Статья В. Набокова написана à thèse, — для изобличенія дѣятелей революціи, которую авторъ предпочитаетъ называть «бездарной, безсознательной бунтарской стихіей» (стр.37). Вся статья выдержана въ одномъ, мрачномъ, язвительномъ и раздраженномъ тонѣ. Добрыя слова авторъ находитъ лишь при характеристикѣ П. Н. Милюкова и, отчасти, А. И. Коновалова. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда итъ основанія говорить дурно о лицѣ или событіи, авторъ предпочитаетъ ничего не говорить. Портретныя характеристики не щадятъ ни противниковъ, ни единомышленниковъ. Необычное своеобразіе воспоминаній В. Д. Набокова въ томъ, что политически весьма живой и активный авторъ говоритъ о живыхъ, какъ о...мертвыхъ, и съ полной, снажемъ, непринужденностью публикуетъ свои «мнѣнія» о нихъ.

Годневъ — «простодушный обыватель», «воплощенное недо-разумѣніе» (стр. 43).

Терещенко — «хотѣлъ всѣхъ надуть, — и одно время ему это удавалось» (стр. 46).

Мануиловъ — «тусклая фигура» (стр. 49).

Некрасовъ — человекъ «двуличный», у котораго этическія свойства не находились на уровнѣ интеллектуальныхъ качествъ (стр. 50).

Шингаревъ — «провинціальный русскій интеллигентъ» (стр.50)

Церетелли — «самъ совершенно не вѣрить тому, что говоритъ».

Керенскій — «случайный, маленькій человекъ», «сотканный изъ личныхъ импульсовъ» (стр. 35).

Данъ — «вилялъ, мямлялъ, велъ какую-то талмудическую полемику» (стр. 80).

И т. д. въ аналогичномъ духѣ и стилѣ.

Есть и еще одно своеобразіе мемуаровъ В. Д. Набокова. Въ своихъ характеристикахъ онъ часто привлекаетъ матеріалъ, добытый изъ своихъ и чужихъ *частныхъ* разговоровъ, приводитъ отзывы однихъ лицъ о другихъ и т. д. Возникаетъ вопросъ, насколько вообще допустимо опубликованіе частныхъ разговоровъ

живых участников недавних событий без предварительного на то согласия с их стороны? Частный разговор от частных писем как будто отличается только одной невыгодной для него стороной, — что неправильность переданного разговора установить особенно трудно, а неправильно его передать особенно легко...

На фонѣ щедро разсыпанных отрицательных характеристик рельефно проступает дальновидная проницательность самого автора. Особенно выпукло это сказывается в отношении В. Д. Набокова къ вопросу о мирѣ. Авторъ трижды на протяжении своего разсказа упоминаетъ о томъ, что ему съ самаго начала революціи стало ясно, что для Россіи война безнадежно кончена и необходима немедленная ориентация въ сторону мира (стр. 41-42, 47 и 81-82). Уже 7 марта авторъ въ бесѣдѣ съ А. И. Гучковымъ высказалъ мнѣніе; «если его (Гучкова) оцѣнка положенія правильна, то изъ нея нѣтъ другого вывода, кромѣ необходимости сепаратнаго мира съ Германіей» (стр. 42). Возникаетъ естественный вопросъ: если авторъ, дѣйствительно, былъ настолько проницателенъ, какъ онъ заднимъ числомъ описываетъ, — почему онъ ни разу за время революціи публично не выступилъ съ защитой своего взгляда, а, наоборотъ, вмѣнялъ въ вину своимъ «лѣвымъ друзьямъ» тяготѣніе въ эту сторону?.. Если «лѣвые друзья» такъ дѣйствовали по ихъ неразумію, какъ думаетъ авторъ, то какъ назвать бездѣйствіе самого автора?..

Есть и еще одинъ политически необъяснимый пунктъ въ ст. В. Д. Набокова. Та точка зрѣнія, съ которой въ апрѣлѣ 18 года онъ обозрѣвалъ событія русскаго безумнаго года, вполне гармонируютъ съ нынѣшними его взглядами на «уроки русской революціи», на «лѣвыхъ друзей» и т. д., развиваемыми въ газетѣ «Руль». Однако, между 18 годомъ и 21-ымъ были и другіе моменты, когда авторъ дѣйствовалъ въ направленіи діаметрально противоположномъ тому, которое ему предугазывалось опытомъ перваго года революціи. Достаточно упомянуть объ участіи В. Д. Набокова въ Крымскомъ правительствѣ, созданномъ на началахъ коалиціи съ социалистами и на основѣ признанія принциповъ мартовской революціи. Это произошло всего *черезъ полгода* послѣ того, какъ онъ съ такой ненавистью и презрѣніемъ вспоминалъ минувшій опытъ. Если здѣсь было несоотвѣтствіе дѣла со словами, — можно аргюи утверждать, что не мало несоотвѣтствій и между тѣми словами, которыми авторъ изображаетъ прошлое, и тѣмъ, какимъ это прошлое было на самомъ дѣлѣ...

«Архивъ русской революціи» поставилъ правильно свою цѣль — «раскрыть истинный смыслъ переживаемаго нами величайшаго историческаго перелома», понять «исторически величавый процессъ», который «властно свершаетъ свой вѣковѣчный ходъ»

(стр. 6). Эта задача не только почтенная, она — насущна для русскаго политическаго самосознанія. Къ сожалѣнію, конкретное выполненіе этой задачи ни въ малой мѣрѣ не удовлетворяетъ игучей потребности россійской гражданственности. Несмотря на всю занимательность перваго тома «Архива», онъ слѣдуетъ какъ разъ тому, отъ чего предостерегаетъ составитель предисловія: авторы не столько осмысливаютъ событія, сколько ищутъ правыхъ и виноватыхъ.

Поменьше-бы гнѣва и страсти и побольше разума и пониманія!

Маркъ Вишнякъ.

Юрій Никольскій. — ТУРГЕНЕВЪ И ДОСТОЕВСКІЙ.
(Исторія одной вражды). Софія. 1921.

Въ текущемъ году исполняется 100 лѣтъ со дня рожденія и 40 лѣтъ со дня смерти Ф. М. Достоевскаго. Судьба хотѣла, чтобы юбилейный годъ творца *Бьсовъ* совпалъ съ торжествомъ «бьсовъ» въ Россіи. Развалившаяся страна и изгнанная интеллигенція не въ силахъ почтить должнымъ образомъ память пророка русской революціи. Этимъ, конечно, объясняется, что юбилейная литература о Достоевскомъ такъ немногочисленна.

Все, что мы можемъ отмѣтить, это: Dostojewski geshildert bei seiner Tochter, A. Dostojewski, Berlin*), 1920; этюдъ Ю. Н. Никольскаго, о которомъ будетъ рѣчь въ данной замѣткѣ; печатающійся словарь къ твореніямъ Достоевскаго, составленный Митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ) и наконецъ *Quelques lettres de Dostojewski et Turgenev*, par A. Mazon въ выходящемъ на-дняхъ въ свѣтъ первомъ томѣ новаго журнала *Revue des études slaves*. Вотъ и все, если не считать небольшого фельетона Н. Минскаго въ «Послѣднихъ Новостяхъ» въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ, гдѣ авторъ со словъ Тургенева рассказываетъ о томъ, какъ Достоевскій приходилъ къ нему исповѣдываться.

Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ любовно и интересно составленный очеркъ г. Ю. Никольскаго, гдѣ, на ряду съ обзорніемъ всего фактическаго матерьяла объ отношеніяхъ Тургенева и Достоевскаго, дана попытка объясненія вражды этихъ замѣчательныхъ людей.

*) Книга была написана по-французски, но не нашла себѣ издателя во Франціи и была переведена съ рукописи на нѣмецкій языкъ.

Отношенія эти уже многократно изучались. Былъ собранъ обширный фактический матерьялъ, сюда относящійся, и послѣ работъ Н. М. Гутьяра (И. С. Тургеневъ, Юрьевъ, 1907) и Ив. Иванова (И. С. Тургеневъ, Нѣжинъ, 1914), трудно было-бы ожидать обнаруженія новыхъ значительныхъ фактовъ.

Оставались неопубликованными письма Достоевскаго къ Тургеневу отъ 1863-67 гг., относящіяся къ періоду наиболѣе дружественныхъ отношеній между обоими писателями. Ихъ опубликованія добивался въ свое время О. Миллеръ, объ ихъ сокрытіи сожалѣеть г. Ю. Никольскій (стр. 16). Отъ ихъ появленія ожидали многого, и интересъ къ нимъ былъ подогревъ самимъ Тургеневымъ, заявившимъ въ письмѣ къ Милутиной (1872 г.): «я храню эти письма, и было-бы забавно опубликовать ихъ, но онъ (т. е. Достоевскій) хорошо знаетъ, что ничего подобнаго я не сдѣлаю»...

Теперь благодаря г. А. Мазону письма эти вышли изъ-подъ спуда. Въ нихъ есть кое-какія интересныя сужденія объ эпохѣ и о литературѣ; много, какъ и всегда во всѣхъ письмахъ Достоевскаго, жалобъ на безденежье и на неудачи; выпрашиванія у Тургенева какого-нибудь произведенія для журнала Достоевскаго *Эпоха* и въ связи съ тѣмъ завѣренія въ дружбѣ и похвалы «Призракамъ», которыя появились въ 1-2 книжкахъ *Эпохи* за 1864 г. Интересно сопоставить эти похвалы съ иными сужденіями о томъ-же произведеніи въ «Бѣсахъ», гдѣ Кармазиновъ читаетъ свой рассказъ «Мегсі», пародирующій, какъ извѣстно, Тургеневскіе «Довольно» и «Призраковъ». — Но все это ничего не измѣняетъ въ самой сути дѣла.

Ю. Никольскій еще разъ изложилъ все, что намъ извѣстно объ отношеніяхъ Тургенева и Достоевскаго, и констатировалъ, что «смыслъ этихъ отношеній понять не былъ. Къ нимъ подходили очень субъективно. Либо слишкомъ довѣрялись Тургеневу и все сваливали на дурной характеръ Достоевскаго, либо давали одни только матерьялы».

Авторъ подошелъ къ этимъ отношеніямъ по-новому, и какъ намъ кажется, съ единственно правильной стороны. Для него вражда Т. и Д. есть конфликтъ двухъ натуръ, психологически совершенно чуждыхъ другъ другу и во многомъ, если не во всемъ, противоположныхъ.

Подобный конфликтъ былъ неизбеженъ, какъ неизбежно было напр. столкновеніе того-же Тургенева съ Толстымъ. Также столкнулись-бы когда-нибудь Толстой и Достоевскій, если-бы судьбѣ угодно было свести ихъ и тѣмъ самымъ доставить намъ печальнѣйшее зрѣлище вражды двухъ величайшихъ русскихъ людей.

При такой постановкѣ задачи, вопросъ о формахъ конфликта, о мелкихъ выпадахъ и выходкахъ съ той-ли, съ другой-ли стороны принимаетъ сравнительно второстепенное значеніе. Многое могло

зависѣть отъ случайныхъ обстоятельствъ; кое-что отъ общаго тона тогдашнихъ журнальныхъ и литературныхъ нравовъ, что оставляли многого желать; не нужно конечно упускать изъ виду и личныя черты характера, и воспитанія, какъ вялаго, безвольнаго и скептическаго Тургенева, такъ и страстнаго, гнѣвнаго, болѣзаннаго и пламенно вѣрящаго и вѣрующаго Достоевскаго.

Очеркъ Ю. Никольскаго нужно привѣтствовать именно за стремленіе перенести вопросъ изъ круга интригъ, сплетенъ, мелкой вражды и доносовъ, въ иную плоскость, гдѣ нѣтъ по существу ни правыхъ ни виновныхъ, гдѣ, какъ въ настоящей трагедіи, завязка и развязка дѣйствія происходятъ за предѣлами человѣка.

«Онъ (т. е. Тургеневъ) слишкомъ оскорбилъ меня своими убѣжденіями» — заявляетъ Достоевскій послѣ баденскаго свиданія. Тутъ ключъ ко всей драмѣ, начавшейся еще давно, въ годы первыхъ встрѣчъ молодыхъ писателей, когда Тургеневъ явилъ надъ «молодымъ пыщемъ» и послѣдней сценой которой было письмо Тургенева къ Салтыкову (1882 г.), гдѣ онъ писалъ о Достоевскомъ: «и какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже предики читали о вселюбви этого всечеловѣка. — Поистинѣ въ странное живемъ мы время»...

Трагическая сущность Достоевскаго и его твореній была совершенно чужда лирическому Тургеневу, съ его грустной реиньяціей и безволіемъ. Ему эстетически нравятся нѣкоторыя сцены изъ Записокъ изъ Мертваго Дома, нравятся первая часть Преступленія и Наказанія, гдѣ нѣтъ «самоповырянія», какъ во второй. Ю. Никольскій полагаетъ, что первая половина романа потому и пришлась по вкусу Тургеневу, что тамъ рѣчь идетъ о человѣкѣ, потерявшемъ свою волю и захваченномъ неумолимыми чуждыми силами. Вѣдь и сущность Тургеневскихъ героевъ тоже обычно безволіе. Интересно отмѣтить, что выполненіе фигуры Кармазинова его сперва позабавило и эстетически-же понравилось. Но потомъ онъ всполошился, струхнулъ: Достоевскій «представлялъ меня...тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи»... говорилъ онъ.

Тѣ убѣжденія, которыя такъ оскорбили Достоевскаго, во время баденскаго свиданія (1867 г.), а также и въ 6 рѣчахъ Потугина изъ «Дыма», сводятся къ тремъ главнымъ пунктамъ. Это Тургеневскій *атеизмъ*, *руссофобство* и *германофильство*.

Достоевскому, человѣку «одной идеи», человѣку пророческаго пафоса — не только непонятенъ, но и нестерпимъ былъ грустный агностицизмъ Тургенева и его историческое христіанство. Непонятна ему была и та покорная грусть, съ которой Тургеневъ прицѣпился къ чужой странѣ, съ которой связывало его давнее чувство благодарности за науку и за воспитаніе и за молодые

годы. Я «баденскій буржуа», говорилъ самъ о себѣ Тургеневъ и побаивался жить въ Россіи, гдѣ рисковалъ нарваться на какое-нибудь оскорбительное одобреніе со стороны какого-нибудь генерала, гдѣ и общее неустройство, даже грязь разстраивали его натуру, любившую опрятность; да и гдѣ къ тому-же онъ былъ-бы такъ далекъ отъ другого тоже «чужого гнѣзда», семьи М-me Viardot.

Достоевскому, прошедшему сквозъ весь ужасъ николаевской каторги, нечего было бояться, что «Россія расплывется въ грязи», ни ея «газообразности». Его огненная вѣра спасала его отъ подобныхъ опасеній.

Что-же касается обвиненій Тургенева въ руссофобствѣ, то, конечно, они не выдерживаютъ серьезной критики. Въ словахъ Потугина больше горя, чѣмъ злобы. Но такъ любить, съ оглядкой, на половину, Достоевскій не хотѣлъ и не умѣлъ. Онъ принималъ всю Россію такъ, какъ она есть, — и если теперешняя Россія могла-бы показаться Потугину «расплывшейся въ грязи», исчезнувшей изъ міровой семьи безъ всякихъ слѣдовъ, то едва ли бы такъ же взглянулъ на нее и Достоевскій. Его глубочайшая вѣра въ Россію и въ Бога и тутъ спасла-бы его отъ отчаянія.

Но тотъ-же Достоевскій, что былъ столь чуждъ психологически Тургеневу, высоко цѣнилъ его произведенія и еще въ дневникѣ писателя горячо рекомендуетъ его молодежи и ставитъ непосредственно послѣ Пушкина и Гоголя. Рудинъ былъ одинъ изъ любимыхъ типовъ Достоевскаго, когда тотъ говорилъ о русскомъ человѣкѣ, какъ всемірномъ странникѣ.

Въ своей Пушкинской рѣчи Достоевскій называлъ Лизу Калинину высшимъ типомъ русской женщины, и тронутый Тургеневъ послалъ ему со своего мѣста воздушный поцѣлуй.

Интересенъ въ книгѣ анализъ Кармазинова, этого гипертрофизированнаго портрета Тургенева, и «Мерсі», гдѣ авторъ восходитъ къ первоисточникамъ пародіи и даетъ синтетическую картину того, чѣмъ «казался» Достоевскому Тургеневъ.

Пр.-доц. Сергѣй Карцевскій.

Содержаніе предыдущих книжек журнала „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“.

КНИГА I.

Отъ редакціи. — Гр. Алексѣй Н. Толстой. *Хожденіе по мукамъ.* (Романъ). Главы XI—XIII. — К. Бальмонтъ. *Изъ ночи.* (Стихотвореніе). — Софья Федорченко. *Сказки.* — Марина Цвѣтаева. Стихотворенія. — К. Бальмонтъ. *Мысли о творчествѣ.* — Н. Крандиевская. Стихотвореніе. — Амари. Стихотвореніе. — В. Зензиновъ. *Русское Устье.* (Изъ дневника ссыльнаго). — Л. Шестовъ. *Откровенія смерти.* (Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого). — Тихонъ Полнеръ. *О Толстомъ.* (Ключки воспоминаній). — Николай Авксентьевъ. *Patriotica.* — С. Загорскій. *Соціально-экономическая реакція въ Советской Россіи.* — З. Ленскій. *Положеніе русской коопераціи.* — В. Рудневъ. *Лига націй и международное рабочее законодательство.* — С. А. Корфъ. *Федерализмъ и централизація въ современной Америкѣ.* — М. В. Вишнякъ. *На родинѣ.* — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Проф. бар. Б. Э. Нольде. *Лига народовъ и международный судъ.* — С. П. Тюринъ. *Guillevain et socialisme.* — М. Цетлинъ. *Адри Барбюссъ.* — А. Койравскій. *Театръ въ Англіи.* — ПРИЛОЖЕНІЕ. Гр. Алексѣй Н. Толстой. *Хожденіе по мукамъ.* (Романъ). Гл. I—X. — *Объявленія.*

КНИГА II.

Гр. Алексѣй Н. Толстой. *Хожденіе по мукамъ.* (Романъ). Гл. XIV—XVI. — К. Бальмонтъ. *Змѣй.* (Стихотвореніе). — В. Зензиновъ. *Русское Устье.* (Изъ дневника ссыльнаго). (Окончаніе). — Н. Крандиевская. Стихотвореніе. — Л. Шестовъ. *Откровенія смерти.* (Окончаніе). — Г. Ловцкій. *Музыка и диалектика.* (О творчествѣ А. Н. Скрябина). — И. И. Бунakovъ. *Пути Россіи.* — А. М. Михельсонъ. *Америка противъ Англіи.* — А. Сѣверовъ. *Кризисъ международнаго социализма.* — М. В. Вишнякъ. *На родинѣ.* — Н. Авксентьевъ. *Сложненіе силъ.* КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Проф. М. И. Ростовцевъ. *Поминки.* — С. Поляковъ-Литовцевъ. *Объ искусствѣ благословляющемъ.* — А. Н. Мандельштамъ. *Постоянный международный судъ и начало равенства государствъ.* — П. Н. Апостолю. *Вопросы денежнаго обращенія на Брюссельской финансовой конференціи.* — С. Загорскій. *Экономическія проблемы мира.*

КНИГА III.

Гр. Алексѣй Н. Толстой. *Хожденіе по мукамъ.* (Романъ). (Гл. XVII—XXIII). — М. А. Алдановъ. *Святая Елена, маленькій островъ.* (Отрывокъ изъ неизданной книги). — Сергѣй Маковскій. *Скеле.* (Стихотвореніе). — Софья Федорченко. *Сказки и пѣсни буковинскія.* — И. Рѣпинъ. *О графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ.* (Личныя впечатлѣнія и воспоминанія). — С. Карцевскій. *Объ эстетикѣ Достоевскаго.* — Л. Шестовъ. *Тысяча и одна ночь.* —

Проф. М. Ростовцевъ. *Происхождение Киевской Руси*. — А. С. Орловъ. *Измѣненія цѣны и условий жизни трудящихся классовъ съ начала войны*. — С. А. Корфъ. *Возможна-ли въ Россіи федерация*. — В. Гефдингъ. *Трехлѣтніе итоги*. (Очеркъ совѣтскаго хозяйства). — В. М. Замытки о Закавказьи. — М. В. Вишнякъ. *На родинѣ*. — А. Сѣверовъ. *Внутри-классовая борьба*. — Н. Д. Авксентьевъ. *Итоги*. — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. М. Слонимъ: *Поэтъ человечности*. — Б. Шлецеръ: *Музыкальное возрожденіе Франціи и русское вліаніе*. — Проф. С. Метальниковъ: *Проблема туберкулеза*. — М. Цетлицъ: *Истинно народные поэты и ихъ комментаторы*. — А. Койранскій: *По поводу салона независимыхъ*. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Б. Шлецеръ: *Романъ Ролланъ, «Кларамбо»*. — В. Р.: F. Zitelmann, «Russland im Friedensvertrage von Versailles». — В. Р.: Dr. Jean Loris-Melicof, «La Revolution Russe et les nouvelles Republiques transcaucasiennes. (Bolchevisme et anti-bolchevisme)». — М. В. Вишнякъ: *Проф. Н. Устряловъ, «Въ борьбѣ за Россію»*. — П. Н. Апостоль: Francis Delaisi, «Le Pétrole». — С. Загорскій: «The Russian Economist», journal of the Russian Economic Association in London.

КНИГА IV.

Гр. Алексѣй Н. Толстой. *Хожденіе по мукамъ*. (Романъ). (Гл. XXIV-XXVII). — М. А. Алдажовъ. *Святая Елена, маленький островъ*. (Отрывокъ изъ неизданной книги). — Максимилианъ Волошинъ. Стихотворенія. — Катерина Брешковская. *Три анархиста*: П. А. Кропоткинъ, Мостъ и Луиза Мишель. — Проф. М. Ростовцевъ. *Международныя отношенія и международное право въ древнемъ мірѣ*. — С. Загорскій. «Открытие Россіи». — Бар. Б. Э. Нольде. *Германская Имперія*. — А. Михельсонъ. *Міровая борьба за нефть*. И. Бунаковъ. *Пути Россіи*. А. Сѣверовъ. *Вѣнскій интернаціоналъ*. — М. А. Вишнякъ. *На родинѣ*. КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. К. Бальмонтъ: *Мысли о творчествѣ*. — В. Ладженскій: *Церковь и государство въ совѣтской Россіи*. — Б. Шлецеръ: *Жизнь слова (Поль Клодель)*. — Проф. С. Метальниковъ: *Роль и значеніе оплодотворенія въ живой природѣ*. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. М. А.: А. И. Герценъ, «Былое и Думы». — Б. Шлецеръ: *Кн. Н. С. Трубецкой, «Европа и человечество»*. — В. Р.: Roger Francq, «Le Travail au pouvoір». — Маркъ Вишнякъ: *И. Штейнбергъ, «Отъ февраля по октябрь 1917 г.» Б., Камковъ, «Органическій недугъ» и А. И. Шрейдеръ, «Федеративная Совѣтская Республика»*. — А. О.: Simon Zagorskuy, «La république des soviets». — С. П. Тюринъ: *Материалы по статистикѣ труда*. (По да ред. Завѣд. Отд. Стат. С. Г. Струмилина. Изданіе Народн. Комиссаріата Труда, Москва, 1920). — М. Ц.: *Русская Книга* (Ежем. кр.-библ. журн. подъ ред. проф. А. С. Яценко). — Г. Л.: M. Feitelberg «Dan Papiergeldwesen im Raete Russland». — П. Апостоль: «The Russian Economist», journal of the Russian Economic Association in London. № 2, 1921.

СБОРНИКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
Г. В. ПЛЕХАНОВА
«ГОДЪ НА РОДИНѢ»

Со времени его возвращенія въ Россію по день смерти.

Группа друзей и послѣдователей Г. В. Плеханова давно озабочена изданіемъ произведеній послѣднихъ лѣтъ жизни покойнаго учителя.

Вернувшись послѣ долголѣтняго изгнанія въ Россію, въ вихрь событій 1917-1918 г. г., Г. В. Плехановъ не переставалъ пристально слѣдить за всѣми сложными явленіями русской жизни, не переставалъ откликаться всей силой своего таланта на поставленные великой войной и россійской революціей вопросы. Но статьи его появлялись за этотъ періодъ исключительно въ газетахъ «Единство» и «Наше Единство», редакторомъ которыхъ онъ состоялъ. Не до всѣхъ, къ кому обращалъ свое слово Г. В. Плехановъ, доходили въ свое время номера его газетъ. А въ настоящее время эти номера составляютъ библиографическую рѣдкость.

Сборникъ «ГОДЪ НА РОДИНѢ» долженъ дать широкимъ кругамъ читателей возможность ознакомиться со всѣмъ, что вышло изъ подъ пера Г. В. Плеханова за послѣдній періодъ его жизни.

Друзья и послѣдователи Г. В. Плеханова считаютъ, что теперь изданіе такого сборника болѣе необходимо, чѣмъ когда-либо, ибо въ переживаемый періодъ мучительной работы общественной мысли россійской демократіи слова стараго учителя пріобрѣтаютъ особенный интересъ и исключительную цѣнность.

Но изданіе рѣчей и статей Г. В. Плеханова при нынѣшнихъ условіяхъ представляется дѣломъ очень труднымъ. Въ Россіи, подъ властью краснаго террора, такое изданіе невозможно. Книга должна быть издана за-границей. Однако здѣсь читатели, для которыхъ предназначается собраніе сочиненій Г. В. Плеханова, распылены между десяткомъ госу-

дарствъ, разбросаны мелкими колоніями, почти ничѣмъ не связанными другъ съ другомъ.

Это дѣлаетъ необходимымъ ограниченіе изданія сравнительно небольшимъ числомъ экземпляровъ, которыми въ первую очередь будутъ удовлетворены лица, подписавшіяся заблаговременно.

Наслѣдниками Г. В. Плеханова изданіе поручено Книгоиздательству Я. Поволоцкаго и К^о въ Парижѣ.

Изданіе будетъ состоять изъ двухъ томовъ большого формата, каждый объемомъ въ 17-18 печ. листовъ. Въ этихъ 2-хъ томахъ будутъ помѣщены ВСѢ произведенія Г. В. Плеханова за послѣдній годъ его жизни. Сюда войдутъ 130 статей Г. В. Плеханова, 9 писемъ, 1 воззваніе и 6 рѣчей.

Изданіе будетъ отпечатано четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ и снабжено 2 портретами автора, фотографіей Г. В. Плеханова на смертномъ одрѣ и снимкомъ похоронной процессіи. Цѣна по подпискѣ за оба тома: въ Европѣ 30 франковъ, въ Америкѣ 2 доллара. Оба тома выйдутъ въ свѣтъ и будутъ разсланы подписчикамъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ чего цѣна изданія будетъ повышена.

Подписка принимается:

1) Г-жей Р. М. Плехановой (chez M. Maller, 10, rue Chomei, Paris).

2) Въ книжномъ магазинѣ Я. Поволоцкаго и К^о (13, rue Volpate, Paris).

3) Лицами, уполномоченными на приѣмъ подписки и снабженными особыми удостовѣреніями.

За всѣми справками можно обращаться къ г-жѣ Плехановой по вышеуказанному адресу, ежедневно, отъ 12 до 4 часовъ дня.

Группа друзей и послѣдователей

Г. В. ПЛЕХАНОВА.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1921 ГОДЪ
на ежедневную газету

„ВОЛЯ РОССИИ“

выходящую въ ПРАГЪ при ближайшемъ участіи:

В. М. Зензинова, В. И. Лебедева и О. С. Минора.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
Въ Прагѣ и Чехо-Словакии. . .	20 ч. кр.	60 ч. кр.	119 ч. кр.
Во Франціи и Бельгіи	9 фр.	27 фр.	50 фр.
Въ Италіи	12 лиръ	30 лиръ	60 лиръ
Въ Швейцаріи	5 фр.	15 фр.	28 фр.
Въ Германіи	20 мар.	60 мар.	120 мар.
Въ Австріи	125 ав. кр.	375 ав. кр.	725 ав. кр.
Въ Болгаріи	40 лева	120 лева	220 лева
Въ Юго-Славіи	15 дин.	45 дин.	80 дин.
Въ другихъ странахъ	40 ц. кр.	120 ц. кр.	220 ц. кр.

Военнопѣннымъ, легіонерамъ и обществ. организаціямъ скидка 50%.

Подписка принимается только по 1-ое и 15-ое каждого мѣсяца.

За перемѣну адреса уплачивается 1 крона.

Редакція и контора газеты:

Tcheco-Slovaquie, PRAHA I., Uhelny trh. r. tél. 9802.

IV-ый номеръ ежемѣсячнаго библиографическаго журнала

„Русская Книга“

Вѣстникъ русскаго книжнаго рынка подъ редакціей проф. А. С. Яценко

поступилъ въ продажу

въ Русскомъ книжномъ магазинѣ «МОСКВА» въ Берлинѣ
и у всѣхъ его представителей.

Цѣна отд. номера — М. 3; во Франціи и т. д. — М. 6;

подписка на 3 мѣс. — М. 9 и М. 18.

Журналъ «РУССКАЯ КНИГА» будетъ давать полные библиографическіе обзоры всѣхъ новыхъ русскихъ книгъ и журналовъ, какъ появляющихся за-границей, такъ и въ Совѣтской Россіи; онъ будетъ помѣщать статьи по общимъ издательско-библиографическимъ вопросамъ, критическія статьи и краткія рецензіи, удѣлять вниманіе событіямъ въ литературной средѣ и давать обзоры русской прессы.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“

5ter, Rue du Dôme, ВЪ ПАРИЖЪ

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- К. Д. БАЛЬМОНТЪ. — „Даръ Земль“, сборникъ новыхъ стихотвореній . . . . . 7 фр. 50 с.
И. А. БУНИНЪ. — „Господинъ изъ Санъ-Франциско“ и другіе рассказы . . . . . 12 фр.
А. И. КУПРИНЪ. — „Суламиѳъ“ и другіе рассказы . 12 —
Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — „Навожденіе“ и другіе рассказы. 12 —
ИВ. ШМЕЛЕВЪ. — „Неупиваемая Чаша“, повѣсть. 7 фр. 50 с.
И. А. БУНИНЪ. — „Деревня“, „Суходолъ“. . . 12 фр.
Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ. — „14 Декабря“, романъ . . 15 —
БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. — „Путники“ и другіе рассказы. 12 —
З. Н. ГИППУСЪ. — Сборникъ избранныхъ рассказовъ. . . . . 12 —
А. И. КУПРИНЪ. — „Гамбринусъ“ и другіе рассказы. 12 —
Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — „Хромой баринъ“, романъ . . 10 —
Н. А. ТЭФФИ. — „Тихая заводъ“ и другіе рассказы. 12 —
В. А. МАКЛАКОВЪ. — „Толстой и Большевикъ“. 2 фр. 50 с.

Печатаются:

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. — «Письма къ г-жѣ Віардо». Первое полное собраніе. 2 тома. И. А. БУНИНЪ. — «Чаша жизни». И. А. БУНИНЪ. — «Храмъ солнца». А. И. КУПРИНЪ. — «Гранатовый браслетъ». Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — «Земля сокровища». ИВАНЪ НАЖИВИНЪ. — Новые рассказы.

Имѣются на складѣ:

СОЛОМОНЪ РЕЙНАКЪ. — «Орфей». (Всеобщая исторія религій); цѣна: 12 фр. ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВЪ. — «Сонъ»; цѣна: 2 фр. «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ» (ежемѣсячный журналъ), №№ 1, 2, 3, 4 и 5; цѣна по 10 фр. каждый.

Изданія „РУССКОЙ ЗЕМЛИ“ продаются во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ Европы и ВЪ ПАРИЖЪ:

Во книжныхъ магазинахъ:

Я. ПОВОЛОЦКАГО, 13, rue Bonaparte (VIe).
Л. РОДШТЕЙНА, 17, rue Cujas (V^e).
„ЗЕЛЕНОЙ ПАЛОЧКИ“, 31, rue Richelieu.

Во редакціяхъ газетъ:

„ПОСЛѢДНИХЪ НОВОСТЕЙ“,
5, place du Palais-Bourbon.
„ОБЩАГО ДѢЛА“, 142, rue Montmartre.
Въ „THE KITTY“, 390, rue St-Honoré.

По первому письменному требованію („ROUSSKAIA ZEMLIA“, 5ter, rue du Dôme, Paris, XVIe), книги высылаются наложеннымъ платежомъ въ провинцію и доставляются на домъ въ Парижъ.

Русское Издательство и Книжный Магазинъ J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS

13, Rue Bonaparte, PARIS (VIe) — Тел.: Волковъ 53-62

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Е. Соколовъ. — На поворотѣ	Фр.	5.—
Дюнео. — Англія		5.—
Заблудовская. — Франція		5.—
Д-ръ Бортиневскій. — Какъ сохранить свое здоровье		3.75
Ив. Назминовъ. — Осеня поздней дѣвты запоздалые		2.00
К. Д. Бальмонтъ. — Свѣт- лый чаеъ. (Стихи).		2.00
Б. А. Лазаревскій. — Пти- цы ночныя и др. разск.		2.00
Сем. Юшкевичъ. — Выш- ла изъ круга. (Повѣсть) 2 выпуска		5.00
Л. А. Крестовская. — Русск. волонт. во Франціи		7.50
А. Блокъ. — Двѣнадцать. Скѣзы		10, 30 и 40
Дѣти дѣтлямъ. — Сбор- ники разсказовъ, напи- санныхъ и иллюстр. дѣт- ми. Два выпуска.		2.50 и 3.00
Русскія сказки, иллюстри- рован. дѣтми, выпуски по		1.25, 1.75 и 2.50

Иллюстрированная библиотечка французскихъ писателей:

Бурже. — Преступленіе	Фр.	5.—
Жиль. — Романъ котина		5.—
Мериме. — Графиня Діа- на		5.—
Мирбо. — Аббатъ Жюль		5.—
Преве. — Около любви		5.—
Римпэнъ. — Тина		5.—
Родъ. — Мишель Тесье		5.—
Золя. — Избранные разск.		5.—

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Г. В. Плехановъ. — Годъ на родинѣ, 2 т.,
(Сборникъ статей напис. за послѣдній
годъ его жизни). . . . .
- Г. Д. Гребенщиковъ. — Очерки . . . . .
«Родное», сборн. стиховъ для русск. дѣтей,
состав. Л. А. Коварской . . . . .
- V. Lvov. — Mémoires d'un mi-
nistre . . . . .
- V. Tchernov. — Mes avatares
en Russie soviétique. . . . .
- B. Mirsky. — Les juifs en Russie
révolutionnaire . . . . .

Выдаются справки и принимаются заказы на русскія и иностранныя
книги. Принимаются порученія по печатанію книгъ. Книжнымъ магазинамъ,
общественнымъ учрежденіямъ и военнопленнымъ — скидка.

КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

Bibliothèque d'écrivains russes tra-
duits en français.

Художественныя изданія на французскомъ языкѣ

- N. Gontcharova et Lario-
nov. — L'art décoratif
théâtral et moderne (Al-
bum) . . . . . 200 frs. et 75.—
- A. Blok. — Les douze (poème) 25.—
- A. Gleizes. — Du cubisme
et des moyens de le com-
prendre . . . . . 6.—
- I. Roche. — Demi-Cercle
(Album) . . . . . 25.—
- G. Lukomski. — Le Musée
de Kiev . . . . . 200.
- Marie de la Hire. — Égancés
Picabia. . . . . 100.—
- V. Parnak. — Motdynamo 20.—

Русскіе классики

Полныя собранія сочиненій
Боборыкина, Вересаева, Гарши-
на, Гарина, Гоголя, Гончарова,
Данилевскаго, Достоевскаго, Жу-
ковскаго, Загоскина, Кольцова,
Короленко, Куприна, Лермон-
това, Лѣскова, Мамина-Сибиря-
ка, Неклюдина, Мелъ, Писемскаго,
Помяловскаго, Пушкина, Станю-
ковича, А. К. Толстого, Тургене-
ва, Успенскаго, Фета, Чехова и др.

Учебники

по всемъ предметамъ среднихъ
и начальныхъ школъ; по сче-
товодству, механикѣ, воздухоплава-
нію, шоферному дѣлу, сельско-
му хозяйству.

Принимается подписка на всѣ
периодическія изданія. На складѣ
имѣются крымскія и кавкасскія
газеты конца прошлаго года.

Книги по русскимъ вопросамъ на
французскомъ и др. языкахъ. Меди-
цинскія книги. Научно-популярныя.
Энциклопедическіе словари (Па-
веленкова, Граната, Брокгауза).
Календари.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЗРОЖДЕНИЕ

ЗАБОТЫ О НАСЕЛЕНИИ ВЪ АНГЛИИ.

Сборникъ статей по вопросамъ народнаго образования и воспитанія, по охранѣ дѣтскаго труда, общественной медицинѣ, гигиенѣ городовъ и дорожному хозяйству.
Со статьей Проф. П. Г. ВИНОГРАДОВА: ЗАБОТА О НАСЕЛЕНИИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВѢ.

xxxii. + 232 стр. Ц. 5 шиллинговъ.

ДИОНЕО
НОВЫЯ СТАДИИ „ХОРОВОГО НАЧАЛА“ ВЪ
АНГЛИИ.

32 стр. Ц. 1 шиллингъ.

С. П. ТЮРИНЪ.
ПРОБЛЕМЫ ТРУДА ВЪ АНГЛИИ.
xi. + 68 стр. Ц. 2 шиллинга.

ДЖОНЪ ДРИНКУОТЕРЪ.

АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ.

Пьеса въ шести дѣйствіяхъ.
Съ введеніемъ Проф. П. Г. ВИНОГРАДОВА.
Разрѣшен. авторомъ переводъ съ англійскаго
Л. СМОЛЪ.
xviii. + 76 стр. Ц. 2 шиллинга

Книги высылаются по полученіи заказа и ихъ стоимости, со включеніемъ стоимости пересылки и доставки: 2 пенсовъ въ Англии; 4 пенсовъ въ другія страны (для сборника) и 3 пенсовъ (для остальн. изданій).

Книги налоговымъ платежемъ не высылаются.

Общественнымъ организациямъ и книгопродавцамъ обычная скидка.

**СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ: S. P. TURIN, 84—86, Chancery Lane,
London, W. C. 2.**

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ ПАРИЖѢ

—:— „СЪВЕРЬ“ —:—

Metro: Palais-Royal 31, rue de Richelieu, 31 Tél. Louvre 13-36.

КНИЖНАЯ ЛАВКА

КНИЖНЫЯ НОВИНКИ

СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ ДѢТСКИХЪ КНИГЪ

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ НА ВСѢ РУССКІЯ ИЗДАНИЯ

ИСПОЛНЕНІЕ ВСѢХЪ ЗАКАЗОВЪ ПО ПОЧТѢ ::

Съ ноября 1920 г. въ Парижѣ выходитъ
ежемѣсячный большой общественно-политическій
и литературный журналъ

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

при ближайшемъ участіи:

**Н. Д. Алексѣева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
А. И. Гуковского и В. В. Руднева.**

Журналъ служитъ дѣлу сплоченія демократическихъ силъ Россіи
вокругъ лозунговъ: возрожденіе русской культуры; преодоленіе
большинства; воссозданіе свободной Россіи на началахъ, провоз-
глашенныхъ мартовскою революціей 1917 года.

Адресъ Редакція: 9bis, rue Vineuse, PARIS (XVIe)

téléphone: PASSY 89-61

Подписка, продажа и приемъ объявленій въ книжномъ магазинѣ;
J. POVOLOZKY, 13, rue Bonaparte, PARIS (VIe)

téléphone: GOBELINS 53-62

Подписная цена на каждыя 3 книжки:

во Франціи . . . . . 30 фр.

въ другихъ странахъ за границей . . . 33 фр.

Отдѣльныя книжки въ продажѣ во всѣхъ большихъ книжныхъ
магазинахъ Европы и Америки.

Цена отдѣльной книжки журнала . . . . . 10 фр.

Съ пересылкой заказной бандеролью . . 11 фр.

Цена объявленій: страница — 400 фр.; ноль-страницы — 225 фр.

АВТОРОВЪ присылаемыхъ рукописей Редакція проситъ обозначать точный адресъ
и фамилію, съ указаніемъ и иностранной ея транскрипціи для почтовыхъ сношеній.

Рукописи безъ обозначенія фамиліи и адреса автора къ напечатанію не принимаются.
Статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленіямъ и сокращеніямъ по усмо-
трянію Редакціи.

Непринятые рукописи возвращаются авторамъ по востребованію.